

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2015 № 4 (64) Т. 4

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель совета.

Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (Кемерово, Россия).

Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (Кемерово, Россия).

Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (Новосибирск, Россия).

Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (Потсдам, Германия).

Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия).

Милошевич Х. – д-р техн. наук, проф. факультета математических наук и информационных технологий Сербского университета (Косовска Митровица, Сербия).

Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Пихица П. В. – Ph. D., с.н.с. Сеульского национального университета (Сеул, Южная Корея).

Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).

Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).

Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Россия).

Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., гл. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки, отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Гаврилов С. О. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зильбер Б. И. – д-р физ.-мат. наук, проф., Институт Математики Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Клочко В. Е. – д-р психол. наук, проф., НИ ТГУ (Томск, Россия).

Лушикова Г. И. – д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).

Овчинников В. А. – д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).

Проскурин С. Г. – д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серый А. В. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа В. И. – д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2015 № 4 (64) Vol. 4

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.

A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).

R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

H. Milosevic – Dr of Technical Science, Prof. at the Faculty of Mathematical Science and Information Technology, Serbian University (Kosovska Mitrovica, Serbia).

V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).

V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).

Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Prof., Editor-in-Chief – Chair, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library, Executive Editor Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

S. O. Gavrilov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

B. I. Zilber – Dr. of Physics and Mathematics, Prof. of Mathematical Logic, Mathematical Institute, University of Oxford (Oxford, England).

V. E. Klochko – Dr. of Psychology, Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).

V. A. Ovchinnikov – Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).

S. T. Proskurin – Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

V. Seriy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

V. I. Tyupa – Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес учредителя:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Founder Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" <http://elibrary.ru>.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

- 7 *Араева Л. А., Невзоров Б. П., Старикова Л. С.* Теоретические и прикладные аспекты современной лингвистики и литературоведения

ФИЛОЛОГИЯ

- 10 *Айтмагамбетова М. Б.* Культурно-национальные особенности концептуализации цвета
- 14 *Андросова Ф. С.* Пунктуационные знаки в парцелированных конструкциях
- 18 *Антипина А. И., Оленев С. В.* Национальные особенности нейминговых стратегий в двуязычной рекламной коммуникации (на примере наружной рекламы на китайском и русском языках)
- 22 *Антипов А. Г.* Рекламные модели г. Кемерово: этический аспект
- 29 *Араева Л. А., Барбараш О. Л., Образцова М. Н., Семенов С. Е.* Когнитивно-языковые механизмы и способы мониторинга восстановления функций головного мозга при нарушении мозгового кровообращения (на примере транскортикальной моторной / динамической / афазии)
- 34 *Араева Л. А., Ли С. И.* Пропозиционально-фреймовая методика преподавания китайского языка на примере фреймов «ягода», «цвет» и «болезнь»
- 39 *Артемова Т. В.* О роли нарратива в организации бизнес-дискурса (на материале презентаций бизнес-идей Кемеровских предпринимателей на проекте «Стань предпринимателем за 60 дней»)
- 43 *Бадер О. В., Шишигин К. А.* Немецкие глаголы с префиксом *er-*, описывающие ситуацию результата действия или процесса
- 47 *Боровкова А. В.* Роль пищевой метафоры в характеристике топологических свойств объектов
- 52 *Булгакова О. А.* Особенности многозначного слова в телеутском языке
- 56 *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Язык лозунга: социолингвистическая стратификация
- 62 *Голев Н. Д.* Лингвоперсонологическое измерение речи русских переселенцев в зарубежье (методологические заметки)
- 65 *Денисова Э. С., Гультяева А. В.* Соматические фразеологизмы в системе китайского и русского языков: психолингвистический аспект изучения
- 70 *Евсеева И. В., Козырева С. Ю.* Роль невербальных компонентов в сценографии
- 74 *Жаналина Л. К.* Две формы речевой деятельности: соотношение номинации и коммуникации
- 80 *Заика В. И.* Оптимизация подготовки к написанию сочинения ЕГЭ
- 86 *Кадоло Т. А.* Анализ мотивационных признаков наименований магазинов одежды (на материале эмпоронимов города Абакана)

- 7 *L. A. Araeva, B. P. Nevzorov, L. S. Starikova.* Theoretical and applied aspects of modern linguistics and literary studies

PHILOLOGY

- 10 *M. B. Aitmagambetova.* Cultural-national peculiarities of color conceptualization
- 14 *F. S. Androsova.* Punctuation marks in parceled constructions
- 18 *A. I. Antipina, S. V. Olenov.* National features of naming strategies in bilingual marketing communications (in Chinese and Russian outdoor advertising)
- 22 *A. G. Antipov.* Advertising models of Kemerovo: the ethical dimension
- 29 *L. A. Araeva, O. L. Barbarash, M. N. Obratsova, S. E. Semenov.* Cognitive-linguistic mechanisms and methods for monitoring the recovery of brain functions in violation of cerebral circulation (for example transcortical motor / dynamic / aphasia)
- 34 *L. A. Araeva, S. I. Li.* The propositional frame-based methods of Chinese language teaching: frames “berry”, “colors” and “disease”
- 39 *T. V. Artemova.* The role of narrative in business discourse (on the basis of business ideas presentations by Kemerovo entrepreneurs for the "Become an Entrepreneur in 60 Days" project)
- 43 *O. V. Bader, K. A. Shishigin.* German verbs with the prefix *er-* describing the „result of action or process” situation
- 47 *A. V. Borovkova.* The role of food metaphor in the characterization of topological properties of objects
- 52 *O. A. Bulgakova.* The peculiar properties of a polysemantic word in the language teleut
- 56 *H. Walter, V. M. Mokienko.* Language of slogan: its sociolinguistic stratification
- 62 *N. D. Golev.* Linguopersonological measurement of the speech of russian immigrants in the diaspora (methodological notes)
- 65 *E. S. Denisova, A. V. Gultyayeva.* Somatic phraseological units in the Chinese and Russian language systems: psycholinguistic aspect on the study
- 70 *I. V. Evseeva, S. Ju. Kozyreva.* The role of non-verbal components in scenography
- 74 *L. K. Zhanalina.* Two forms of speech activity: connection between nomination and communication
- 80 *V. I. Zaika.* Optimization of preparations for unified national exam essay
- 86 *T. A. Kadolo.* Analysis of motivational signs of clothing store names (based on emporonyms of Abakan)

89 Катышев П. А., Кильдибекова Б. Е. Вовлечение с позиций риторической критики 97 Колмогорова А. В. Перевоплощение в жизни и на сцене: лингвистический аспект 102 Кречетова О. В. Опыт сценарной интерпретации обряда просватания (на материале забайкальской казачьей свадьбы) 106 Крым И. А., Шадеева М. А. К вопросу о кинесической составляющей в речевом этикете телеутов 110 Кубарич А. М. Ударение в китайском языке: экспериментально-фонетическое исследование 115 Кузнецова Т. Ю. Значение слова в аспекте лингвоперсонологической вариативности 119 Лебедева Н. Б. Конфликт и согласие с властью в политическом дискурсе наивного автора 124 Лиханова Н. А. Этнолингвистическая специфика описания диалектной терминологии восточного Забайкалья 128 Малахова О. В. Пропозиционально-фреймовая организация СТ «С+ух/а/» (на материале русских народных говоров) 133 Медведева Е. В. Интертекстуальность как дискурсообразующая категория пространства жанра фэнтези 138 Мельник Н. В., Богачанова Т. Д. Корреляция степеней проявленности метаязыкового сознания в тексте и тенденций к персонализации и деперсонализации 143 Михайлова Ю. Н. Медведь в политическом дискурсе 147 Михин А. Н., Осипова А. А. ВДВ – это мужество, честь, отвага! (лозунги общественного движения «Союз десантников России») 152 Мохирева С. В. Вариативная множественность интерпретации локативно-темпоральных характеристик события в СМИ 155 Напреенко Г. В. От «этнодного» портретирования языковой личности к формально-количественному моделированию языковой личности в идентификационном аспекте 161 Осипова А. А., Шулержкова С. Г. Советские лозунги в художественной литературе и в современной публицистике конца XX – начала XXI вв. 166 Павлов А. М. Кризис сознания и специфика драматической катастрофы в монодраме 171 Паули Ю. С. Роль корпоративных высказываний в формировании сотрудника 176 Пелевина А. А., Трофимова У. М. Восприятие русскоязычными носителями корейских фразеологизмов с соматической составляющей 181 Подковырин Ю. В. О двухмерности смысла литературного произведения (на материале рассказа И. А. Бунина «Камарг») 185 Позднякова Н. В., Михин А. Н. Суггестивная сила лозунга-призыва (по материалам публицистического арсенала современных общественных движений России)	89 P. A. Katyshev, B. E. Kildibekova. Involvement from the standpoint of rhetorical criticism 97 A. V. Kolmogorova. Incarnation in life and on stage: linguistic aspect 102 O. V. Krechetova. Script interpretation of the courtship rite (by the material of the Transbaikalian Cossacks wedding ceremony) 106 I. A. Krim, M. A. Shadeeva. On the question of the kinesic component in teleuts' speech etiquette 110 A. M. Kubarich. The stress in Chinese: experimentally-phonetic research 115 T. U. Kuznetsova. Word meaning in the aspect of linguopersonological variability 119 N. B. Lebedeva. The conflict and consent with the power in the political discourse of the naive author 124 N. A. Likhonova. Ethnolinguistic peculiarity of dialect terminography of eastern transbaikalia 128 O. V. Malakhova. The propositional and frame organization of the word-forming type «noun with dialectal formant + UX/A/» (on the material of Russian folk dialects) 133 E. V. Medvedeva. Intertextuality as a discourse forming category of fantasy genre space 138 N. V. Melnik, T. D. Bogatchanova. Correlation of degrees of emergence of metalinguistic consciousness in the text and tendencies to personalization and depersonalization 143 J. N. Mikhailova. Bear in political discourse 147 A. N. Mikhin, A. A. Osipova. Airborne troops are courage, honour, valour! (slogans of social movement "union of paratroopers of Russia") 152 S. V. Mokhireva. Variability of multiple interpretations of locative-temporal characteristics of a media event 155 G. V. Napreenko. From "sketchy" portrayal of linguistic identity to formal quantitative modeling of linguistic identity in the identification aspect 161 A. A. Osipova, S. G. Shulezhkova. Soviet slogans in fiction and in modern journalism at the end of the 20th – the beginning of the 21st centuries 166 A. M. Pavlov. The crisis of consciousness and the specificity of dramatic catastrophe in the monodrama 171 Y. S. Pauli. The meaning of corporate utterances during the formation of the employee 176 A. A. Pelevina, U. M. Trofimova. Perception of Korean phraseological units with a somatic component by Russian native speakers 181 Y. V. Podkovyrin. About two-dimensionality of meaning in a literary work (based on the short story "Kamarg" by I. A. Bunin) 185 N. V. Pozdnyakova, A. N. Mikhin. The suggestive power of slogans (on materials of publicistic arsenal of modern social movements in Russia)

- 189 **Пономарева Е. А.** Фреймовый анализ лексико-словообразовательного гнезда с вершиной «foot» (на материале английского языка)
- 194 **Попова М. А., Трофимова У. М.** Психолингвистическое исследование узуального ударения в г. Биробиджан
- 198 **Рабенко Т. Г.** Жанр *мольба* и средства его языковой реализации
- 204 **Рабкина Н. В.** Художественный универсум Стивена Кинга: имена собственные как средство создания достоверной реальности
- 209 **Рагимова Ф. С.** Функционирование прецедентного феномена в анонсе новостной программы
- 212 **Рябова М. Ю.** Когнитивная интеграция как метод дискурсивной интерпретации временной метафоры
- 216 **Савельева И. В.** Манипулятивность в обыденном политическом дискурсе
- 221 **Стеванович С. В.** «Национальный» компонент в содержании, ассоциируемом со словом (на примере сопоставительного анализа бионимов в русском и сербском языках)
- 224 **Тагаев М. Дж.** Билингвальное языковое сознание и типы языковых личностей
- 229 **Трофимова Е. Б., Абдуллаева Ф. Э.** Семный анализ бионимов в сравнительно-сопоставительном аспекте (на материале русского и китайского языков)
- 233 **Ундармаа Давая.** Экспериментальное исследование языковой картины мира русских и монголов в сопоставительном аспекте (на основе субъективного дефинирования слов, обозначающих домашних животных)
- 240 **Фаломкина И. П.** История изучения производных с формантом -н/я/
- 245 **Чабаненко М. Г.** Тематическое пространство молодежного дискурса как эксплициатор коллективной языковой личности
- 249 **Шапилова Н. И.** Интегративное концептуальное исследование как основа создания когнитивной карты лексической единицы
- 253 **Шкуропатская М. Г.** Отадъективные наименования лиц в словаре, языковом сознании и в узуе
- 260 **Шулежкова С. Г., Позднякова Н. В.** Публицистический арсенал современных общественных движений (гражданская война на Украине в российских СМИ)
- 265 **Яковлев А. А.** Роль вербального и внутреннего контекста в переводе
- 270 Правила для авторов журнала
- 272 Подписка на «Вестник КемГУ»
- 189 **E. A. Ponomareva.** Frame analysis of lexico-derivational nest with the «foot» apex (based on the English language material)
- 194 **M. A. Popova, U. M. Trofimova.** Psycholinguistic research of usual stress in Birebidszhan
- 198 **T. G. Rabenko.** Supplication genre and the means of its language implementation
- 204 **N. V. Rabkina.** Stephen King's imaginative universe: proper names as a means of creating a true-to-life reality
- 209 **F. S. Ragimova.** Case phenomena in the announcement of the news program
- 212 **M. Ju. Riabova.** Cognitive Integration as a Method of Discourse Interpretation of Tense Metaphor
- 216 **I. V. Saveleva.** Manipulative capability in everyday political discourse
- 221 **S. V. Stevanovich.** The «national» component in the lexical meaning of the word (case study of comparative analysis of Russian and Serbian bionyms)
- 224 **M. Dj. Tagaev.** Bilingual language consciousness and types of language personalities
- 229 **E. B. Trofimova, F. E. Abdullayeva.** Seme analysis of bionyms in comparative aspect (based on Russian and Chinese)
- 233 **Undarmaa Davaa.** Experimental study of the linguistic worldview of Russians and Mongolians in comparative aspect (based on subjective defining of words denoting pets)
- 240 **I. P. Falomkina.** History of the study of derivative nouns with the formant -n/ya/
- 245 **M. G. Chabanenko.** Thematic area of youth discourse as collective linguistic identity explication
- 249 **N. I. Shapilova.** Integrative conceptual analysis as a basis for the formation of cognitive map of a lexical unit
- 253 **M. G. Shkropatskaya.** Adjective-based names of persons in the dictionary, language consciousness and language usage
- 260 **S. G. Shulezhkova, N. V. Pozdnyakova.** Publicistic repertoire of contemporary social movements (civil war in Ukraine in Russian mass media)
- 265 **A. A. Yakovlev.** The role of verbal and interior context in translation
- 270 Information and instructions for authors
- 272 Subscribe to Bulletin of KemSU

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

Л. А. Араева, Б. П. Невзоров, Л. С. Старикова

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF MODERN LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

L. A. Araeva, B. P. Nevzorov, L. S. Starikova

В Кемеровском государственном университете с 26 июня по 7 июля 2015 г. в год Литературы проведена Восьмая летняя лингвистическая школа «Теоретические и прикладные проблемы современной лингвистики и литературоведения». Мероприятия школы включены в Программу года Литературы, утвержденной Департаментом образования и науки Кемеровской области. Школа организована и проведена Кемеровским государственным университетом и Кузбасским центром Международной академии наук высшей школы (МАН ВШ) совместно с Кузбасским региональным институтом повышения квалификации и переподготовки работников образования и Кузбасским региональным институтом развития профессионального образования.

Перед участниками школы с лекциями выступили учёные из Германии (Х. Вальтер), Хорватии (Н. П. Видмарович), Киргизии (М. Дж. Тагаев), Казахстана (Л. К. Жаналина), Белоруссии (Б. Ю. Норман), Москвы (М. А. Кронгауз, Г. Е. Крейдлин, А. Н. Баранов, М. А. Осадчий), Великого Новгорода (В. И. Заика), Новосибирска (Д. В. Березняков), Кемерово (Н. Д. Голев). Дискуссиями на Круглых столах руководили лекторы, а также известные специалисты Сибирского региона: Л. А. Араева, Н. Б. Лебедева, П. А. Катышев, М. Н. Образцова, С. В. Оленев, С. Е. Семенов – Кемерово; И. В. Евсеева (Красноярск), Е. Б. Трофимова, У. М. Трофимова (Бийск). В качестве слушателей были представители из разных городов России: Москвы, Томска, Красноярска, Новосибирска, Кемерово, Белово, Бийска, Барнаула, Абакана, Биробиджана, Екатеринбурга, Магнитогорска, Читы, Якутска, Хабаровска, Южно-Сахалинска; а также из Казахстана, Монголии. Участниками были не только преподаватели вузов (от профессоров до ассистентов и аспирантов), но также студенты. Школы Кузбасса представляли 20 учителей из городов Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Промышленная, Тайга, Междуреченск, Прокопьевск, Полысаево, Белово, Гурьевск.

Лекции и доклады ученых, актуальность рассматриваемых в них проблем обозначили девять основных научных направлений в соответствии с тематикой школы, которые и представлены в виде статей настоящего выпуска журнала. Одно только перечисление их названий указывает на широту и глубину интереса ученых к проблемам современной лингвистики и литературоведения: Проблемы межкультурной коммуникации и преподавания языков, Когнитивная парадигма в науке и образовании, Проблемы изучения речевой коммуникации, Прикладные аспекты лингвистики, Обыденная философия языка, бытовая лингвистика и лингвоперсонология, Эстетическая реализация языка и проблемы теории художественной речи, Проблемы психолингвистики и лингвистической прагматики, Актуальные проблемы современного словообразования, Разноаспектное исследование лексики и фразеологии.

Многие (семнадцать) статьи, представленные в настоящем выпуске журнала, являются результатами исследований, выполненных в рамках грантов, что подтверждает в кругах научной общественности России и интересующего русским языком зарубежья актуальность этих исследований, подходов к описанию рассматриваемого материала и решению поставленных задач.

Большой интерес представляет цикл работ, выполненных в рамках международного гранта «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности». Так, статьи Харри Вальтера, В. М. Мокиенко, А. А. Осиповой, А. Н. Михина, С. Г. Шулежковой, Н. В. Поздняковой содержат аргументированное обоснование значимости лозунгов в современном мире, которые активно используются в предвыборных кампаниях, в рекламе, перевоплотившись в рекламный слоган, способствуют воспитанию патриотизма, интернациональной солидарности и гуманизма в отношениях между народами. Вместе с тем лозунги применяются для манипулирования сознанием людей, в частности – жителей Украины, стран Запада. Как показывают исследования и реалии жизни в обществе, лозунговая политика имеет как негативное, так и позитивное воздействие на адресата. Весьма поучительно, что последнее проявляется в пересечении лозунгов с пословицами и антипословицами. Так или иначе, лозунг в силу своей краткости, экспрессивности, стереотипности оказывает мощное воздействие на поведение человека, его мировоззрение.

Политические метафоры в определенной мере также имеют лозунговый характер, позволяющий манипулировать сознанием граждан (Ю. Н. Михайлова). Автор не говорит о лозунговом характере политической метафоры, но это явственно следует из приводимых примеров. Более того, фразеологические единицы оказывают воздействие на человека и через метафорические ассоциации, например, связанные с именованиями различных блюд (А. В. Боровкова). Пищевые метафоры в разных ситуациях проявляют особенность национального духа народа. Они, как пословицы, поговорки, слоганы, лозунги, характеризуются краткостью, образностью, экспрессией, креативностью.

Разрастающееся поле интернет-пространства (гигантский охват пользователей) и усиление в нём зачастую доли низкокачественной информации всё более понуждает исследователей к познанию этого явления. Статья И. В. Савельевой посвящена манипуляции обыденным сознанием в интернет-пространстве. Анализ примеров

позволяет говорить о лозунговом строении манипулятивных текстов, положения статьи стыкуются с указанными выше статьями. Думается, нахождение таких статей в одном издании позволит исследователям не только увидеть и оценить разносторонние подходы к исследуемому объекту, но и определить пути сотрудничества друг с другом, находить новые перспективы описания данного явления. Краткость, выразительность, экспрессивность с учетом ситуации необходимы также для корпоративной культуры (Ю. С. Паули, Т. В. Артемова).

Оригинально исследуется проблема эффективности прецедентных текстов в рекламе. Так, в работе Ф. С. Рагимовой анализируются широко известные высказывания, характеризующиеся краткостью, экспрессивностью, часто выступающие в роли слогана, в основе которого находится переименованный лозунг. Внесение новых, оригинальных, вызванных современной действительностью компонентов диктует увлечение потребителя языковой игрой, что выполняет порой негативную функцию, провоцируя игнорирование коммерческой цели рекламы. Реклама в жизни современного человека занимает значительное место. Человек окружен различными видами рекламы на улицах, в офисных заведениях, дома (телереклама). От себя (*авторы*) заметим, что нарастающие энтропийные (энтропия является величиной, обратной информации) явления в СМИ, в медийных текстах, приводят к существенному искажению информации. Главным показателем энтропии становится смысловая неопределенность информации. К смысловой же неопределенности ведут так называемые семантические шумы (по терминологии одного из создателей теории информации К. Шеннона), возникающие в процессе информационного взаимодействия. Наиболее явно энтропийный эффект в СМИ проявляется именно в подаче рекламной информации, подготовке рекламных медиатекстов, а характерными становятся лексические нововведения и в телевизионных программах, и в других выразительных средствах.

Не случайно данный языковой феномен исследуется с разных сторон: в этическом плане на материале рекламы г. Кемерово (А. Г. Антипов), с точки зрения выявления детерминативных признаков рекламы одежды в г. Абакане (Т. А. Кадоло), особенностей рекламного текста в туристических городах Китая (А. И. Антипина, С. В. Оленев). Рекламные имена значимы в фантастических художественных произведениях, в частности, в романах С. Кинга проявляют наряду с фантазийным вымыслом национальную картину Америки, что обуславливает восприятие читателем нереального как реально происходящего (Н. В. Рабкина).

Разноаспектные исследования лексики и фразеологии нашли отражение как в рассмотрении проблем межкультурной коммуникации и преподавания (А. А. Яковлев), так и обыденной философии языка, бытовой лингвистики и лингвоперсонологии (Т. Ю. Кузнецова). Своеобразный анализ символики цвета в русском, казахском, английском и японском языках представлен в статье М. Б. Айтмагамбетовой. Автор, проводя сопоставление цветовой гаммы в различных языках, пишет о значимости данного явления для межкультурной коммуникации и для рекламной продукции.

Поскольку китайский язык в настоящее время привлекает все большее внимание, то проводятся психолингвистические ассоциативные эксперименты, ориентированные на то, как воспринимаются китайские фразеологизмы, концепты русскими, а русские – китайцами (Э. С. Денисова, А. В. Гуляева, Е. Б. Трофимова, Ф. Э. Абдуллаева). Такого рода работы позволяют лучше понять национальный дух китайского и русского народов, что, несомненно, способствует эффективности межкультурной коммуникации. В статье Н. Д. Голева рассматриваются особенности изучения русского языка за рубежом, а именно проблемы эволюции речи русских переселенцев в Китай. Автором отмечается, что перспективным в исследовании данной темы является установление решающего фактора развития (энтропийного типа) языка метрополии – влияние нового языкового окружения или сам факт отдаления от родного «материнского» языка. И прежде всего, как отмечает автор, «об отдалении функциональном – утрате непосредственного общения с носителем родного языка в комфортной культурно-духовной атмосфере. Её отсутствие – решающий фактор энтропийных тенденций материнского языка». Предлагается для этой цели использовать естественную письменную речь, позволяющую изучать языковую личность персонифицированно. Наглядно методика описания языковой личности на основе анализа естественной письменной речи представлена в статье Н. Б. Лебедевой, а коллективной языковой личности на основе молодежного дискурса – в статье М. Г. Чабаненко.

На основе направленного ассоциативного эксперимента исследуются обыденные толкования названий животных, позволяющих вскрыть особенности языкового мировидения русских и монголов (Ундармаа Даваа). С. В. Стеванович исследует на основании бионимов особенности обыденного сознания русских и сербов. С использованием направленного ассоциативного эксперимента описываются фразеологизмы корейцев (У. М. Трофимова, А. А. Полевина), при этом обращается внимание на невербальные компоненты.

Т. Г. Рабенко в качестве жанрообразующих признаков выделяет как вербальные, так и невербальные признаки жанра «мольба». Следует отметить, что невербальные компоненты исследуются при анализе игры актеров (И. В. Евсеева, С. Ю. Козырева), более того, в статье О. В. Кречетовой сделан акцент на выделении ключевых семантических групп кодов через построение сценария обряда просватания (на материале забайкальской казачьей свадьбы). Феномену перевоплощения языковой личности в обыденной жизни и на сцене с использованием персонифицированного подхода посвящена статья А. В. Колмогоровой.

В настоящее время уделяется большое внимание изучению языка и культуры коренных малочисленных народов Севера, к которым относятся телеуты. Впервые представлено описание жестов телеутов (И. А. Крым, М. А. Шадеева), пропозициональная организация многозначности лексических единиц в телеутском языке (О. А. Булгакова).

Словообразовательный блок представлен пропозиционально-фреймовым анализом словообразовательных типов (О. В. Малахова), словообразовательных ниш (И. П. Фаломкина), гнезд однокоренных слов (Е. А. Поно-

марева). Следует отметить, что метод пропозиционально-фреймового моделирования оказался значимым в риторике (П. А. Катышев, Б. Е. Кильдибекова), при изучении китайского языка (Л. А. Араева, С. И. Ли). М. Дж. Тагаев описывает языковое сознание монолингвов и билингвов в аспекте когнитивно-дискурсивной парадигмы. С. В. Мохирева использует пропозиционально-фреймовый метод для описания темпоральных характеристик события в СМИ. О. В. Бадер, К. А. Шишигин анализируют немецкие глаголы с префиксом *er-* в пропозиционально-фреймовом аспекте, используя термин «ситуатема», введенный в научный оборот Н. Б. Лебедевой.

Статья Л. К. Жанапиной теоретически обосновывает взаимосвязь в речевой деятельности языковой личности номинативных, коммуникативных и мыслительных процессов. Данные положения интегративной лингвистики влияют на описание пропозиционально обусловленной номинации производных единиц. Интегративный подход при анализе метаязыкового обыденного сознания на основе вторичных текстов используется в статье Н. В. Мельник, Т. Д. Богачановой. Интегративный подход анализа эмотивной лексики представлен в статье Н. И. Шапиловой.

Исследование лакунарности в языке вскрывает потенциальное наряду с существующим, реально представленном в языке, словарях. В русском языке на материале отадъективных существительных со значением лица, построенных по продуктивным словообразовательным моделям, на основе направленного эксперимента данную проблему решает М. Г. Шкуропацкая.

Текст признается основной единицей лингвистического анализа, во всех исследованиях, публикуемых в настоящем выпуске «Вестника КемГУ», в основе находится текст, будь то лозунги, реклама, корпоративные, интернет-тексты и др. В статье Г. В. Напреенко текст анализируется в аспекте идентификации языковой личности. Проблемы эстетической реализации языка и теории художественной речи в настоящее время приобретают всё большую актуальность в образовательном поле, а в связи с этим теоретическое исследование художественных текстов имеет особую актуальность. В этом плане выполнены работы Ю. В. Подковырина, А. М. Павлова. Интертекстуальность текстов художественных произведений рассматривается в статьях М. Ю. Рябовой и Е. В. Медведевой. Ф. С. Андросова на материале художественных произведений современных франкоязычных авторов исследует влияние пунктуационных знаков на компоненты синтаксического целого. Теоретические наработки в области художественного текста необходимы при выполнении части «С» в ЕГЭ, о чем с пониманием глубины проблемы пишет В. И. Заика.

Исследования, выполненные с когнитивных позиций, приводят к повышению интереса в решении проблем на новом уровне познания и расширению областей применения современного словообразования. Более того, теоретические наработки в области словообразования, персонологии, социо- и психолингвистики, в перспективе – естественной письменной речи, рекламы и лозунгов можно использовать для возвращения речи людям, например, перенесшим инсульт, о чем говорится в статье, написанной авторским коллективом, в состав которого входят лингвисты и медицинские работники (Л. А. Араева, О. Л. Барбараш, М. Н. Образцова, С. Е. Семенов).

*Л. А. Араева
доктор филологических наук, профессор, академик МАН ВШ (КемГУ, Кемерово)*

*Б. П. Невзоров
доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ (КемГУ, Кемерово)*

*Л. С. Старикова
соискатель кафедры журналистики и русской литературы XX века (КемГУ, Кемерово)*

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'373

КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЦВЕТА

М. Б. Айтмагамбетова

NATIONAL-CULTURAL PECULIARITIES OF COLOR CONCEPTUALIZATION

M. B. Aitmagambetova

В статье рассмотрена проблема соотносительности номинаций цвета в разных языках. Особое внимание уделено межкультурным различиям в символике цвета, которые, по мнению исследователя, обусловлены социокультурной практикой различных этносов. Автор анализирует фактические сведения, ассоциации, образные представления, ценностные установки, связанные в сознании носителя языка с выделяемыми отрезками цветового континуума. В работе представлены межнациональные, а также культурно значимые и этнически обусловленные наслоения концептов цвета в русской, казахской, английской, японской и некоторых других этнокультурах. По мнению автора, без учета семантики номинаций цвета сложно понять ряд явлений культуры, так как различные условия существования и национальная специфика членения цветового пространства приводят к тому, что условно совпадающие цвета в различных культурах символизируют несовпадающие явления. Важно учитывать, что в основе символического значения основных цветов может лежать архетип, в этом случае национально-специфичным будет являться отношение к сходному содержанию, кодируемому цветом.

In this article the problem of nomination correlation of color in different languages is considered. Particular attention is given to intercultural distinctions in color symbolism, which, according to the researcher, are determined by various socio-cultural practices of various ethnic groups. The author analyzes the actual information, associations, figurative representations, assessments associated in the mind of native speakers with outlined segments of color continuum. The article presents international as well as culturally important and ethnically determined formations of color concepts in the Russian, Kazakh, English, Japanese and other ethnic cultures. According to the author, without taking into account the semantics of color nominations a variety of cultural phenomena appears difficult to understand, as different living conditions and national peculiarities of segmentation of color space result in the fact that conditionally matching colors in different cultures represent diverging phenomena. It is important to bear in mind that symbolism of the primary colors can be based on the archetype, and in this case the relation to a similar content encoded by color will be specific for the nationality in question.

Ключевые слова: концепты цвета, символика цвета, ассоциация, культура, язык.

Keywords: color concepts, color symbolism, association, culture, language.

Цвет у многих народов является одним из средств осмысления мира: передавая характеристики конкретных реалий окружающей действительности, он становится средством эстетической и морально-нравственной оценки, элементом семиотической системы и ценностной национальной картины мира [3]. Языковая система восприятия цвета отличается от научной, «на то, как мы описываем цвет объектов, влияют как физические и психологические законы восприятия, так и знания о мире, о функциональном использовании наблюдаемых объектов» [8, с. 111].

Семантическое поле цвета в любом языке не соответствует непрерывному цветовому континууму в действительности. В процессе вербализации цветовых ощущений взаимодействуют три компонента: действительность, сознание и язык. С одной стороны, носители языка стремятся представить цветовое пространство как дискретное множество: в каждом языке существуют единичные названия для цветов, выделяемых из цветового пространства и представляемых в виде отдельных элементов: белый, желтый, red, black

(англ.: красный, черный), жасыл, көк (каз.: зеленый, синий). С другой стороны, в ряде названий наблюдается тенденция изобразить цветовое множество как непрерывное (в казахском языке: сарғыш – слегка желтоватый, сарғылт – желтоватый, қызғылт – красноватый, көрен кара – коричневатый-черный, ашық көк – светло-синий; в русском языке слова, обозначающие доминирующий цвет с указанием оттенка: серебристо-белый, пепельно-серый, серо-голубой). Таким образом, в языке отражается основной принцип цветового пространства – его непрерывность, и стремление носителя языка разграничить это пространство, разбить его на некоторые элементы, называемые цветом. При неограниченном количестве цвета в спектре количество цветовых обозначений в различных языках не может соответствовать друг другу, как и интервалы между элементами цветовой системы языка.

Вербальное членение цветового пространства опирается на опосредованную, условную связь с объективной действительностью. Эта связь может основываться языковыми, социальными или психиче-

скими факторами. При этом возникают различия в семантических системах цвета различных языков, они отражают сложность объективного цветового пространства, а также значимость отдельных цветовых ощущений для народа – носителя языка.

Проблема соотносительности номинаций цвета в разных языках и разных культурах становится особенно актуальной в рамках межкультурной коммуникации. Так, по мнению А. Вежицкой, соответствия между *синий* и *голубой* (русс.) – *blue* (англ.) или *blau* (нем.) – *blue* (англ.) или *aoi* (японск.) – *синий* (русс.), безусловно, неадекватны. В первую очередь, несоответствие обусловлено разной областью применения этих слов. На основе простого сопоставления такое несоответствие установить довольно сложно. Воспринимая один отрезок спектра, русский увидит два цвета: синий и голубой, а англичанин один – *blue*. Конечно, если целью такого восприятия будет различение оттенка, носитель английского языка при необходимости может обозначить их описательно, при помощи сложных сочетаний: *dark blue* – темно-синий, *navy blue* – темно-синий, *sky blue* – небесно-голубой, лазурный, *pale blue* – светло-голубой [13, с. 48]. При сравнении английского «*blue*» и японского «*aoi*» можно увидеть, что границы «*aoi*» размыты: слово имеет три точки референциальной относительности: небо, море и растительный мир [6, с. 260]. В условиях межкультурной коммуникации при выборе одной из сходных номинаций цвета в иностранном языке также можно допустить ошибку. О. А. Корнилов, рассматривая семантику цвета с точки зрения национального мировосприятия, сравнил использование двух номинаций *aoi* и *midori* для обозначения одного и того же оттенка зеленого цвета в японском языке. Обнаружилось, что в японской культуре важным является признак «постоянство-недолговечность», который нашел отражение в концептах цвета. Слово *aoi* обозначает зеленый в определенный момент или в определенных условиях (трава после дождя, сигнал светофора), а *midori* – постоянство зеленого [10, с. 178]. В большом толковом словаре японского языка слово *aoi* определяется как цвет неба, травы и незрелых овощей, то есть в японском языке изначально не расчлениются синяя и зеленая часть спектра. Сопоставляя соотношение зеленого в русском и жасыл (зеленый) в казахском языках, мы также видим несоответствие референтных областей. Зеленая трава в сознании носителя казахского языка – *көк* (букв. синяя), зеленый чай – *көк шай* (букв.: синий чай), зеленые глаза казах назовут *көк*.

В современном японском значение *aoi* уже сдвинулось в синюю область спектра, сохранив значение «зеленый» лишь в устойчивых сочетаниях (хотя переносное значение «незрелый» закреплено за данной лексемой), тогда как зеленый цвет обозначает отдельное слово – *midori*. При этом *midori* соотносится и частично пересекается с *giriin*, которое образовано от английского *green*. Естественная зелень в японском языке называется *midori*, однако искусственное травяное покрытие для гольфа – *giriin*, как и одежда зеленого цвета. По мнению В. М. Алпатова, в данных

цветообозначениях присутствует разница культурных ассоциаций [2].

Оставив в стороне анализ различий в членении цветового пространства у представителей разных этносов (когда цвет становится идеальным объектом для экспериментов, цель которых – изучение соотношения языка и действительности, а также различия в восприятии и членении цветового пространства у представителей различных этносов) [1], обратимся к культурно-национальным особенностям концептуализации цвета.

Прежде всего, стоит отметить, что цвет, по мнению ряда ученых, является константой культуры, одной из центральных категорий концептуальной и языковой картин мира [14], что позволяет говорить о цвете как реализации универсалий зрительного восприятия. Так, А. Вежицкая считает универсальным или близким к этому «различие между временем, когда человек видит («день»), и временем, когда он не видит («ночь»)» [6, с. 231]. Несмотря на зоны совпадения базовых цветов в цветовых картинах различных народов, отмечаются культурно-национальные особенности концептуализации цвета в различных культурах.

К примеру, на противопоставлении светлого (белого) и темного (черного) строится символическая оппозиция многих национальных культур [9]. Белый выступает как антипод черного, причем с древнейших времен выполняет при этом символическую функцию (например, в русском языке: белая – черная магия, в казахском языке: белая – черная душа). При сравнении обозначений белого и черного цвета в различных, в том числе разнотипных языках (русский, английский, испанский, французский, бурятский, казахский языки) ученые определяют в числе их символических смыслов полярность значений белого – символа светлого, невинного, радостного, и черного – символа темного, мрачного, печального, вестника смерти (см. у В. У. Тэрнера, Д. П. Хинзеевой, Ш. К. Жаркынбековой и др.). Эта символика ярко проявляется в пословицах и поговорках, фразеологических единицах данных языков. Ср. в русском языке: черную душу и мылом не отмоешь; черного кабеля не отмоешь добела. Однако подобная маркированность не является однозначной: так, черный цвет во многих культурах реализует значение строгости, официальности, торжественности, может содержать символическую связь между черными дождевыми тучами и благоденствием, хорошим урожаем и т. п. К примеру, в казахской культуре концепт черного цвета символизирует «важность земли, которая, по представлению казах-кочевника, отражается в наличии положительного значения лексемы кара (кара жер – родная земля)» [7, с. 44].

Подобные различия могут быть связаны в том числе с различной социокультурной практикой народов, концепты цвета обогащаются «разнообразными ассоциациями, закрепленными в языковой и социокультурной практике» [8, с. 110].

В силу того, что ощущение цвета может быть свойственно каждому, обладающему нормальным

цветовым зрением индивиду, цвет используется не только как символ, но и как знак, за которым закрепляется определенное содержание, он становится удобной формой передачи информации, коммуникативным средством. В таком качестве цвет выступает в геральдике, в эмблемах различного рода, в условных обозначениях карт, схем (красный сигнал светофора, бело-желтые полосы пешеходного перехода, цвета различных веток метро, цвета спортивных команд и т. д.).

Особыми формами культурных значений цвета выступает не только семиотическое и символическое значение цвета, но и эстетическое его восприятие.

Различия в символическом осмыслении цвета в национальных картинах мира определяются несколькими факторами. Это могут быть различия национальных культур, преобладание цвета в географическом ландшафте, гендерные отличия в восприятии цветов, их предпочтении, чувствительность к цветовому символизму. Исследователь В. Г. Кульпина отмечает важность учета условий, при которых анализируется семантика цвета. Так, семантика цвета при описании внешности человека, согласно выводам В. Г. Кульпиной, – это гендерно обусловленное явление: «целый ряд цветовых характеристик касается только женщин или только мужчин в зависимости от условий наблюдения» [12].

По мнению исследователя, можно предположить непосредственную связь цвета с архетипом. Для понимания символики цвета необходимо учитывать пол, гендер, возраст и условия (нормальные или экстремальные) жизни человека, этноса. При характеристике культурных стереотипов этнологи считают, что внутри этнической группы различия в восприятии цвета существуют между различными социальными группами. К примеру, у казахов ак/кара сүйек (букв.: белая и черная кость) при разграничении сословных групп, отражение в цвете возрастных особенностей, о котором свидетельствовал обычай: «Если на юрте развешается какой бы то ни было флаг, вы должны понять, что юрта эта лишилась одного из своих членов. Если флаг этот красный – умерший был молод, черный – средних лет, белый – старик» [5, с. 333]. Не случайно в казахском языке употребляются выражения ак сакал (букв.: белая борода, о старом седом человеке), көк сакал (букв.: синяя борода, о зрелом мужчине, только начинающем сесть), кара сакал (букв.: черная борода, о мужчине средних лет), сары катын (букв. желтая женщина, о женщине средних лет).

В. Г. Кульпина также вводит понятие этнически предпочтительных цветов [11]. Данные предпочтения проявляются в религии, политике, общественной жизни и других сферах человеческой деятельности. Этнически предпочтительные цвета, как правило, находят отражение в государственной символике, к примеру – значение голубого, белого и золотого цветов во флагово-гербовой символике Казахстана. Голубой является не только символом небесного простора, но и отражает глубинные символы казахского сознания – место обитания божества Тенгри в казах-

ской культуре. Белый в казахской культуре – символ чистоты помыслов и светлого, открытого пути. Золотой – знак высокого статуса, красоты и избранности, как и металл, от которого образовано данное цветообозначение.

Обычно выделяют три основных типа цветовой символики. Цвет изолированно от других цветов и форм представляет собой первый тип цветового символа, отличающийся многозначностью и противоречивостью. Например, красный цвет, с одной стороны, символизирует жизнь, тепло, страсть, свет, с другой – грех, насилие, убийство; green (зеленый) в США ассоциируется с понятием безопасности, во Франции – преступления, во многих германских языках данный цвет имеет значение «веселье»; blue (синий, голубой) в английском языке и голубой в русском языке, используемые для обозначения нетрадиционной сексуальной ориентации, и көк (голубой) – символ неба и божества.

В качестве второго типа цветового символа выступает цветовое сочетание, содержащее два и большее число цветов, составляющих символическое целое. Например, белый – черный, розовый – голубой. Третий тип цветового символа представляет собой соединение цвета и формы. В качестве вариантов символики цветных форм можно рассматривать символы как абстрактных геометрических фигур, так и конкретных физических предметов, например, символу драгоценных камней, цветов. Следует также учитывать отдельные символические значения производных цветообозначений, которые связаны с конкретными предметами действительности: в английском языке gold (золотой), silver (серебряный), ash-blond (пепельный блондин); в немецком altrose (цвет лепестков увядшей розы), brombeer (ежевичный), camel (светло-коричневый, верблюжий), creme (кремовый), olive (оливковый), gehbraun (цвет коричневой косули); во французском rose (роза), violette (фиалка), marron (каштан); в испанском naranjado (цвета апельсина), azul marino (цвета моря); в языке варлпири yalui-yalui (кровь-кровь) – красный, walia-walia (земля-земля) – коричневый; в польском языке: niebieski (небесный) и т. д. Зачастую можно проследить влияние словообразовательных прототипов на дополнительные значения данных слов. В таких случаях эстетическое осмысление цвета как бы надстраивается над его чисто конвенциональным использованием в культуре в качестве символа или знака, трансформируясь в его эмоциональное восприятие. Бессознательно-ассоциативное восприятие, сопряжение цвета с определенными человеческими ценностями и визуальными формами рождает эмоциональные реакции [4].

Таким образом, без учета семантики цветообозначений порой сложно понять ряд явлений культуры. Различные условия существования (географические особенности проживания: флора, фауна, ландшафт, исторические события, национальная специфика членения цветового пространства и закреплённость этих отрезков в языке) приводят к тому, что одинаковые (условно) цвета в различных культурах символизируют

ют несовпадающие явления. Ввиду этого невозможно свести воедино исторически сложившиеся национальные системы цветовой символики. Однако следует учитывать тот факт, что в основе символического значения основных цветов может лежать архетип, в этом случае национально-специфичным будет являть-

ся отношение к сходному содержанию, кодируемому цветом. Данные особенности необходимо учитывать в ситуации межкультурной коммуникации, в том числе при разработке международного рекламного продукта.

Литература

1. Айтмагамбетова М. Б. Геополитическая ситуация Казахстана как фактор трансформации русской цветовой картины мира // Вестник КемГУ. 2012. № 4. Т. 3. С. 12 – 15.
2. Алпатов В. М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с. Режим доступа: http://bookz.ru/authors/vladimir-alpatov/aponia-_099/page-7-aponia-_099.html 7 (дата обращения: 27.04.2015).
3. Араева Л. А., Ли С. И. Пропозициональный анализ категории цвета в китайском, русском, английском, телеутском языках // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания. Бийск, 2014. С. 83 – 88.
4. Базыма Б. А. Цвет и психика: монография. Харьков: изд-во ХГАК, 2001. 172 с.
5. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 1. 357 с.
6. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
7. Жаркынбекова Ш. К. Концепты цвета в казахской и русской лингвокультурах. Алматы, 2004. 227 с.
8. Жаркынбекова Ш. К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. 1999. С. 107 – 112.
9. Колмогорова А. В. Языковое значение и речевой смысл: опыт функционально-семиологического исследования прилагательных обозначений светлого и темного в современных русском и французском языках. Новокузнецк, 2006. 381 с.
10. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
11. Кульпина В. Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 13 с.
12. Серов Н. В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб: Речь, 2003. 672 с. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001028/st006.shtml> (дата обращения: 26.03.2015).
13. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
14. Шашева С. А. Национальные и социокультурные особенности наименований цвета в разнотипных языках: русском, английском, французском и адыгейском (на примерах фразеологических единиц, содержащих в своей семантике элемент цветообозначения) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2009. № 1. С. 145 – 149.

Информация об авторе:

Айтмагамбетова Марал Бейсетаевна – магистр филологии, старший преподаватель Департамента журналистики и филологии организации высшего и послевузовского образования Инновационного Евразийского университета, Павлодар, Казахстан, dogma19@mail.ru.

Maral B. Aitmagambetova – Master of Philosophy, assistant lecturer at Department of Journalism and Philology of Organization for Higher and Postgraduate Education, Innovative University of Eurasia.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

ПУНКТУАЦИОННЫЕ ЗНАКИ В ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Ф. С. Андросова

PUNCTUATION MARKS IN PARCELED CONSTRUCTIONS

F. S. Androsova

В статье анализируется использование приема парцелляции в художественных произведениях современных франкоязычных авторов. Преднамеренная пунктуационная синонимия лежит в основе механизма создания приема экспрессивного синтаксиса – «парцелляция». Знак «точка» употребляется вместо двоеточия при парцеллировании частей сложных предложений, запятой – при однородных членах предложения. Данный знак отделяет, выделяет компоненты одного синтаксического целого, придавая им большую самостоятельность и привлекательность. Короткие по структуре предложения создают быстрый ритм и напряжение при чтении, а также способствуют появлению дополнительной информации о чувствах, эмоциях повествователей и персонажей произведений, помогают в создании цельных образов героев.

In this article the use of parceled constructions in fictions of modern French-speaking writers is analyzed. The intentional punctuation synonymy is the foundation for the “parcellation” device of expressive syntax. The sign “full stop” is used instead of a colon in the parcellation of compound sentence parts, or instead of a comma in the parcellation of homogeneous parts of the sentence. This sign separates, allocates the components of one syntactic whole giving them big independence and appeal. Short structured sentences create a fast rhythm and tension when being read, and also promote the emergence of additional information about feelings, emotions of narrators and characters, help to create integral images of characters.

Ключевые слова: парцелляция, пунктуационный знак, пунктуационная синонимия.

Keywords: parcellation, punctuation sign, punctuation synonymy.

Данная статья посвящена анализу использования знаков препинания в парцеллированных конструкциях в художественных произведениях современных франкоязычных авторов.

Парцелляция является одним из приемов экспрессивного синтаксиса и представляет собой разбиение синтаксических единиц на отдельные, пунктуационно обособленные друг от друга части, но в то же время являющиеся фрагментами одного предложения [3]. Данный прием является сравнительно молодым синтаксическим приемом, которым пользуются авторы произведений для привлечения внимания, воздействия на читателя, актуализации информации и т. д. [4; 5; 7].

В качестве материала исследования были отобраны произведения двух франкоговорящих авторов – обладателей престижных литературных премий – Кристиана Остера и Атик Рахими. Роман К. Остера «Mon grand appartement» (1999) был удостоен премии Медичи в 1999 г. «Une femme de ménage» (2001) – это второе произведение К. Остера, которое мы проанализируем в рамках данной статьи. Роман «Syngué sabour. Pierre de patience» (2008) Атик Рахими удостоен премии Гонкур в 2008 г.

Интерес вызывает использование пунктуационного знака «точка». В анализируемых произведениях выявлены случаи, когда знак «точка» употребляется в конце незавершенных в смысловом отношении предложений. В таких случаях автор ставит точку вместо знака «многоточие» или вместо других знаков препинания, например, запятой, двоеточия. Известно, что пунктуационный знак «точка» является показателем законченности предложения и, как правило, указывает на его «нулевую» эмоциональность [2].

Часто авторы художественных произведений прибегают к парцелляции при описании внешности своих персонажей:

Il porte une barbe. Poivre et sel. Il a maigri. Trop. Il ne lui reste que la peau. Pâle. Pleine de rides [10, с. 16].

Он носит бороду. Седую и грубую. Он похудел. Слишком. На нем осталась лишь кожа. Бледная. Вся в морщинках.

В приведенном контексте идет сравнение больного мужчины с его фотографией. При его описании парцеллированные конструкции используются с целью дополнения базового компонента, его конкретизации. Автор заостряет внимание читателей на тех чертах, деталях портрета, которые изменили облик этого мужчины. При депарцелляции мы имеем высказывания следующего вида:

Il porte une barbe poivre et sel. Il a trop maigri. Il ne lui reste que la peau pâle, pleine de rides.

Определения, которые выступали парцеллятами, не выделены в базовой структуре. Вследствие чего, важные детали, указывающие на перемены во внешности, не выражены явно, теряются.

Рассмотрим еще один пример, когда парцеллят поясняет или дополняет базовую структуру:

Tout redevient sombre. Longtemps [10, с. 31].

Снова становится темно. Надолго.

В качестве парцеллята выступает обстоятельство, значимость которого усиливается за счет оформления в отдельное самостоятельное предложение. Надолго – это на целую ночь. Для больного человека и одна ночь в ожидании становится вечностью.

Или:

Constance, je ne voulais plus la voir. Jamais. Elle continuait à me tuer. A distance, déjà [9, с. 110].

Констанс, я не хотел ее больше видеть. Никогда. Она продолжала меня убивать. Уже на расстоянии.

Констанс ассоциируется с прошлой жизнью главного персонажа романа К. Остера «Une femme de ménage», с которой покончено (и с прошлой жизнью, и с Констансом). Но, даже будучи далеко, Констанс искала встречи с Жаком, давала о себе знать.

Как и в предыдущем примере, парцеллируются обстоятельства. Основной информационный центр при использовании такого приема перемещается в парцелляты.

При депарцелляции мы получаем следующее синтаксическое целое:

Constance, je ne voulais plus jamais la voir. Elle continuait à me tuer déjà à distance.

С потерей автономности теряется значение категоричности наречия «никогда». Во втором предложении обстоятельство места, не выделенное в самостоятельное предложение, не несет дополнительной нагрузки, а лишь констатирует факт.

В приведенных примерах автор намеренно оформляет части высказываний в самостоятельные структуры, вследствие чего увеличивается их значимость. При парцеллировании частей одного целого высказывания авторы используют пунктуационные знаки «точка», реже «многоточие», «восклицательный знак» и «вопросительный знак» [1; 7].

Однако нередко авторы художественных произведений парцеллируют (выделяют в самостоятельные предложения) обособленные в рамках одного синтаксического целого части высказываний. При этом мы говорим об использовании синонимического знака «точка» вместо других знаков препинания.

Рассмотрим примеры употребления точки вместо знака «двоеточие». Например, в романе К. Остера «Mon grand appartement»:

Pas de message sur mon répondeur. Ni d'Anne, ni de Marge [8, с. 119].

На автоответчике не было сообщений. Ни от Анн, ни от Марж.

Формально мы видим два предложения, однако они имеют общее значение и являются фрагментами одного высказывания. Приведенный пример можно оформить двумя способами. Мы получаем следующие нейтральные предложения:

1. *Pas de message sur mon répondeur: ni d'Anne, ni de Marge.*

2. *Pas de message sur mon répondeur... Ni d'Anne, ni de Marge...*

В первом варианте знак «двоеточие» стоит перед перечислением. В этом случае мы читаем информацию о том, что нет сообщения конкретно от этих двух женщин, причем, возможно, есть сообщения от других людей. Во втором варианте замедляется темп повествования, при этом знак «многоточие» указывает на то, что список тех, от кого повествователь ждал телефонные звонки, не окончен; что сообщения могли бы оставить еще кое-кто. В приведенном примере автор вместо знака «двоеточие» употребляет знак «точка», который обычно является показателем законченности высказывания. С помощью такого при-

ема подчеркивается вторая часть высказывания: главному герою Люку больше не от кого было ждать сообщений, он был никому не нужен.

Следующий пример взят из романа «Une femme de ménage». Знак «точка» стоит вместо двоеточия и запятой:

Ce que je préférais, à part me baigner avec Laura, c'était toujours l'attendre. Rester seul sur ma serviette. Fermer les yeux, la casquette sur le nez. Écouter la rumeur [9, с. 160 – 161].

То, что нравилось мне, за исключением купания с Лорой, это ждать ее. Остаться одному на берегу. Закрыть глаза, кепку на нос. Слушать шум моря.

В отличие от предыдущего примера, каждый однородный член предложения выделен в отдельный парцеллят, а обобщающее их слово – по-прежнему в базовой структуре. Трансформируем данное предложение в синтаксически нейтральное:

Ce que je préférais, à part me baigner avec Laura, c'était toujours l'attendre: rester seul sur ma serviette, fermer les yeux, la casquette sur le nez, écouter la rumeur.

В этом случае предложение лишается экспрессии, поскольку идет простое перечисление действий. С помощью приема «парцелляция» привлекается внимание к каждому действию персонажа: Жаку не просто нравилось ждать Лору, НО он предпочитал, оставшись один, закрыть глаза и слушать шум моря. При этом используется прием градации однородных глаголов, который подчеркивает одиночество главного героя; возможно, такое состояние одиночества он выбирает сам. С точки зрения актуализации можно говорить о перемещении информационного центра в парцеллированные части.

Рассмотрим следующую группу примеров, где точка употребляется вместо запятой. Например:

Elle ne luttait pas. Souffrait. Était. Et n'était qu'elle. Je la connaissais mal [8, с. 213].

Она не боролась. Страдала. Была. И была только собой. Я ее плохо знал.

В приведенном контексте парцеллированы глаголы, которые в базовом компоненте могли бы быть в одном ряду однородных членов предложения, выражающих одновременные действия. Следовательно, знак «точка» употребляется вместо запятой. При этом глаголы-парцелляты получают большую самостоятельность, более того, короткие предложения придают убыстренный темп повествованию. Выделив каждый глагол в отдельный парцеллят, автор ставит их в сильную позицию: каждое действие (глагол) больше привлекает к себе внимание, как «крупный кадр» в фильме. Вместе с персонажем мы наблюдаем за Флор, которая была лишь собой в такой момент. Такую Флор главный герой плохо знал.

Или:

J'ai échangé un regard très bref avec Julien et j'ai eu de la chance, il n'a rien dit. N'a pas soutenu mon regard. N'a pas souri [9, с. 207].

Я обменялся очень коротким взглядом с Жюльеном, и у меня появился шанс, но он ничего не сказал. Не взглянул в ответ. Не улыбнулся.

Глаголы в прошедшем времени, которые могли бы быть в одном ряду однородных членов предложения, выделены в парцелляты, отделены точкой вместо запятой. В отличие от предыдущего примера, глаголы в сильной позиции позволяют наблюдать за эмоциональным состоянием, переживаниями главного персонажа: будучи не уверенным в себе человеком, он расстраивался, когда собеседник (иногда потенциальный) не обращал на него внимания.

Следующий пример – из романа А. Рахими «*Syngué sabour. Pierre de patience*»:

Un silence épais s'abat alors sur la rue enfumée, sur la cour qui n'est plus qu'un jardin mort, sur la chambre où l'homme, couvert de suie, est allongé comme toujours. Immobile. Insensible [10, с. 44].

Плотная тишина опускается на задымленную улицу, на двор с мертвым садом, в комнату, где мужчина весь в копоти все еще лежит. Неподвижный. Бесчувственный.

Два однородных прилагательных, описывающих физическое состояние мужчины, являются парцеллятами. Можно говорить о перемещении смыслового центра в парцелляты. При депарцелляции мы получаем нейтральное предложение:

Un silence épais s'abat alors sur la rue enfumée, sur la cour qui n'est plus qu'un jardin mort, sur la chambre où l'homme immobile et insensible, couvert de suie, est allongé comme toujours.

Представляет интерес использование парцелляции, когда последний элемент базовой структуры повторяется в начале парцеллята. Например, в романе Атик Рахими «*Syngué sabour. Pierre de patience*»:

La femme est écarlate. Écarlate de son propre sang [10, с. 138].

Женщина становится ярко-красной. Ярко-красной от собственной крови.

Парцеллят поясняет содержание базовой структуры: от своей собственной крови женщина стала ярко-красного цвета. При депарцелляции мы получаем структуру, согласованную семантически и синтаксически: *La femme est écarlate de son propre sang*. При этом теряется экспрессивная информация. Повтор прилагательного «*écarlate*» привлекает внимание и выделяет информацию о смерти женщины, которая погибает от рук собственного мужа.

Вызывает интерес употребление еще одного приема с использованием парцелляции, где первый парцеллят повторяется во втором парцелляте, который к тому же выносится в отдельный абзац. Например, в романе К. Остера «*La femme de ménage*»:

J'avais rayé le bureau, dans ma tête. Alors même que.

Alors même que j'avais plus ou moins décidé de m'installer, avec Laura [9, с. 183].

Я вычеркнул работу, про себя. В то время как.

В то время как более или менее было решено остаться, с Лорой.

Жак окончательно решает уйти с работы, но есть некоторые сомнения относительно совместного проживания с Лорой.

Одно синтаксически и семантически целое высказывание разбито на три части: базовую структуру, первый парцеллят, второй парцеллят. Более того, первый парцеллят, состоящий из союза, повторяется во втором парцелляте, который выделен отдельным абзацем. Использован прием, который О. А. Мельничук определяет как прием «дистантной парцелляции» [6, с. 171 – 174], когда определенным способом увеличивается пауза между базовой структурой и парцеллятом. В нашем случае пауза увеличена вследствие того, что второй парцеллят вынесен в новый абзац. При этом эта часть высказывания получает большую автономность (самостоятельность), что помогает автору донести важную мысль до читателей.

В данном примере автор использует синонимический знак «точка» после союза-парцеллята (*Alors même que*) вместо многоточия, несмотря на то, что он не завершен ни в смысловом отношении, ни структурно. Более того, с точки зрения актуализации мы имеем несколько рематических центров. Точка после союза (в сравнении со знаком «многоточие») не позволяет читателям самим мысленно заполнить пропуски. Мы наблюдаем некое колебание персонажа: если с работой он определился, то с Лорой не все так ясно.

При депарцелляции этих высказываний мы получаем предложение, которое не содержит экспрессию, т. е. никак не выделяется, теряется важная информация, которая характеризует состояние Жака:

J'avais rayé le bureau, dans ma tête alors même que j'avais plus ou moins décidé de m'installer, avec Laura.

Приведем несколько примеров с использованием дистантной парцелляции.

Elle sort.

Sans rien dire.

Sans rien regarder.

Sans rien toucher.

Elle ne revient que le lendemain [10, с. 122 – 123].

Она уходит.

Ничего не сказав.

Не посмотрев.

Не дотронувшись.

В данном примере парцеллируются инфинитивные обороты, которые могли бы быть в ряду однородных членов предложения в базовой структуре. Более того, каждый из парцеллятов вынесен в отдельный абзац. Применен прием градации с нарастанием значения: *не сказав, не посмотрев, не дотронувшись*. При депарцелляции мы имеем следующее предложение: *Elle sort sans rien dire, sans rien regarder, sans rien toucher. Elle ne revient que le lendemain*. Получаем перечисление действий героини, но при этом теряется второй эмоциональный план, который чувствуется в авторском варианте. С помощью парцелляции автор заостряет внимание читателя на каждом действии, которое не сделала женщина (*не сказала, не посмотрела, не прикоснулась*), мы наблюдаем смещение акцента с однотипных действий героини на каждое отдельное действие. Возникает некая двуплановость в повествовании, которая указывает на то, что два человека, муж и жена, являются чужими друг для друга;

прожив вместе определенное время, они не знают друг друга, не испытывают чувств друг к другу, а лишь исполняют каждый свою роль (жена ухаживает за раненым мужем).

Или:

D'autant que l'un, en amour, aime toujours plus que l'autre. Et c'était elle.

Ou moi. [9, с. 181].

Тем более, что в любви один всегда любит сильнее, чем другой. И это была она.

Или я.

Жак чувствовал себя какое-то время спокойно: он подарил Лоре кольцо, у них все вроде бы складывалось хорошо. Однако, выделив местоимения в самостоятельные высказывания-парцелляты, автор указывает на волнующий героя вопрос: кто из них двоих любит сильнее (она или он).

В анализируемых романах авторы используют синонимические пунктуационные знаки (точку вместо

запятой, двоеточия или многоточия), т. е. прибегают к экспрессивному приему парцелляции. Следовательно, мы можем говорить о возникновении особой экспрессии при использовании точки как синонимического пунктуационного знака. Явление пунктуационной синонимии заключается в выборе автором более экспрессивного знака вместо нейтрального в зависимости от его целей и намерений. Представляется, что в основе механизма создания приема «парцелляция» лежит преднамеренная (интенциональная) пунктуационная синонимия.

Знак «точка» отделяет, выделяет компоненты одного синтаксического целого, придавая им большую самостоятельность и привлекательность. Более того, короткие по структуре предложения создают быстрый ритм и напряжение при чтении, а также способствуют появлению дополнительной информации о чувствах, эмоциях повествователей и персонажей произведений, помогают в создании цельных образов героев.

Литература

1. Богоявленская Ю. В. Парцелляция как средство повышения привлекательности газетного заголовка // Известия Саратовского университета. (Серия: Филология. Журналистика). 2014. Вып. 3. Т. 14. С. 35 – 39.
2. Веденина Л. Г. Пунктуация французского языка. М.: Высшая школа, 1975. 168 с.
3. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004. 862 с.
4. Краснова Е. А. Приемы экспрессивной пунктуации в сочинительных конструкциях // Вестник НГПУ. 2008. № 49. С. 66 – 70.
5. Марьина О. В. Расчлененные парцеллированные конструкции и их функции в современных художественных текстах рубежа XX – XXI вв. // Филология и человек. 2009. № 3. С. 55 – 62.
6. Мельничук О. А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста. М.: МГУ, 2002. 208 с.
7. Юнгера О. В. Парцеллированная конструкция как микротекст // Вестник ЧГПУ. (Серия: Филология и искусствоведение). 2010. № 7. С. 330 – 336.
8. Oster Ch. Mon grand appartement. Paris: Minuit, 2007. 254 p. (Prix Médicis, 1999).
9. Oster Ch. Une femme de ménage. Paris: Minuit, 2008. 217 p.
10. Rahimi A. Syngué sabour. Pierre de patience. Paris: P.O.L. éditeur, 2010. 138 p. (Prix Goncourt, 2008).

Информация об авторе:

Андросова Фекла Семеновна – старший преподаватель кафедры иностранных языков по гуманитарным специальностям института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, afs.77@mail.ru.

Fekla S. Androsova – assistant lecturer at the Department of Foreign Languages for Humanities, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, Ammosov North-Eastern Federal University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕЙМИНГОВЫХ СТРАТЕГИЙ В ДВУЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

(на примере наружной рекламы на китайском и русском языках)

А. И. Антипина, С. В. Оленев

NATIONAL FEATURES OF NAMING STRATEGIES IN BILINGUAL MARKETING COMMUNICATIONS (in Chinese and Russian outdoor advertising)

A. I. Antipina, S. V. Olenev

Статья посвящена исследованию особенностей нейминга двуязычных рекламных коммуникаций как отдельного вида коммуникаций на примере сопоставления китайского текста и его русского эквивалента. Изученные примеры наглядно отражают картину мира китайцев и то, как различие в типах языков влияет на выбор стратегий нейминга коммерческих организаций как разновидности двуязычных коммуникаций. В статье рассматривается реклама как одна из форм коммуникации, ее формы и особенности, выбор бренда и его названия, зависящий от многих факторов, а также способы эффективной коммуникации в рекламной сфере. Сопоставление текстов на двух языках различных типов наиболее ярко демонстрирует различия между китайским и русским языком.

The article is devoted to the study of naming features of bilingual marketing communications as a separate type of communication exemplified by comparing the Chinese text and its Russian equivalent. The studied examples clearly reflect the worldview of the Chinese people and the differences in the types of language influence the choice of naming strategies in bilingual communication. The article deals with advertising as a form of communication, its patterns and features, the choice of the brand and its name, which depends on many factors, and ways of effective communication in the field of advertising. The comparison of texts in two languages of different types most clearly reflects the differences between the Chinese and Russian language.

Ключевые слова: нейминг, реклама, двуязычная рекламная коммуникация, китайский язык, стратегия.

Keywords: naming, advertising, bilingual advertising communication, Chinese, strategy.

Реклама на данный момент является одной из ведущих форм коммуникации в обществе. Рекламный коммуникативный акт, как и речевые акты других разновидностей и сфер общения, характеризуется условиями успешности, несоблюдение которых ведет к коммуникативным неудачам.

У рекламного текста, как и у любого другого, есть свои характерные особенности. Рекламный текст, в силу его главной цели – пробудить интерес к объекту рекламы и сделать так, чтобы его купили или им пользовались, должен сильно влиять на адресата. Этого рекламный текст достигает с помощью некоторых своих особенностей, которым рекламщики следуют в своих работах.

Рекламный текст должен быть благозвучным и не резать слух. Правильное сочетание слов и звуков помогает быстрее воспринимать и запоминать текст рекламы, вследствие чего человек вспоминает текст рекламы и подсознательно выбирает рекламируемый продукт, так как он уже где-то слышал о нем. Благозвучность текста позволяет заострить внимание адресата только на рекламируемом объекте, максимально погружая в рекламу. В этом заключается фонетическая особенность рекламного текста.

Также рекламный текст должен сочетать в себе рифму и определенный ритм, что тоже помогает читателю или слушателю рекламы сосредоточиться на объекте рекламы. Самой эффективной рифмой в рекламных текстах выступает повторение слов или сочетание звукового созвучия слов.

Лексика, использованная в рекламном тексте, должна строго отбираться составителем рекламы. Чем больший смысл слова будут нести и чем короче будет

рекламный текст, тем качественней реклама. Каждое слово в рекламе отбирается, чтобы соответствовать рекламируемому объекту, аудитории, к которой обращается реклама, и цели, которой желает достигнуть рекламщик.

Что касается синтаксической составляющей рекламного текста, то предложения в нем должны быть наиболее простыми и короткими. Простой синтаксис используется для лучшего восприятия рекламы и ее запоминания. Предложения обычно имеют побудительную или утвердительную форму, это помогает убеждать в необходимости тех или иных действий.

Стиль рекламного текста определяют стилистически окрашенные слова и средства выразительности, которые использует автор-составитель. А выбор тех или иных стилистически окрашенных слов и средств выразительности зависит от аудитории, для которой создается данный рекламный текст. В рекламных текстах можно встретить такие средства выразительности, как неологизмы, часто используемые в названиях фирм и товаров и применяемые в том случае, если они благозвучны. В рекламах средств гигиены можно встретить терминологические слова, они создают впечатление надёжности товара. Также в рекламных текстах часто встречаются сравнения, метафоры, олицетворения, гиперболы, эпитеты, аллегории, антитезы, риторические обращения, градации, анафоры и парцелляции.

Рекламная коммуникация проявляется в рамках как одного, так и двух языков. Во втором случае происходит двуязычная рекламная коммуникация. Её структура более сложна, чем её одноязычное проявление, поскольку дополнительным участником коммуникатив-

ного процесса становится переводчик, выступающий в качестве посредника между адресантом и адресатом.

Рекламная коммуникация – один из видов социальной коммуникации, т. к. реклама – это социально обусловленный процесс, вне рамок человеческого общества реклама существовать не может. В данном процессе у адресанта есть определенная цель – ответная реакция с программируемым отношением адресата к полученному сообщению о продукте, услуге или какой-либо компании. Чтобы добиться желаемого, адресанту необходимо выявить социальную и этническую принадлежность адресата, определить сферу влияния, иметь представление о знаниях, имеющихся у получателя сообщения, его желаниях, потребностях и стереотипном мышлении. Изучив своего адресата, отправитель информации должен точно представлять, кому будет адресована его рекламная коммуникация и какая желаемая ответная реакция должна последовать; после чего и создается рекламный слоган, текст, видео, баннер, рекламная вывеска, название организации и т. п.

Немаловажный фактор в рекламной коммуникации – коммуникативная сфера. Коммуникативная сфера – пространство, обусловленное социумом, в котором происходит коммуникация. От него зависит стилизованность используемых слов, подача и внешний вид рекламной коммуникации. Она изменчива и наделяется тем или иным статусом социума, находящегося в дискурсе [7, с. 169 – 170].

С развитием рекламной индустрии было создано множество видов рекламы. Современный человек уже не может представить свою жизнь без нее. Всевозможные рекламные тексты, ролики, баннеры окружают человека со всех сторон и во всех сферах его жизни.

Рекламные тексты можно разделить по множеству признаков, например:

1. Цель, преследуемая рекламодателем. Цель разделяется на некоммерческую и коммерческую. Коммерческая реклама делится на такие виды:

- убеждающая (помогает формировать и поддерживать потребительский спрос на услуги и товары);
- информирующая (доносит информацию о новинках на рынке, открытии фирм и магазинов);
- напоминающая (напоминает потребителю о товаре, услуге для поддержания спроса).

Некоммерческая реклама делится на:

- социальную (обращает внимание на социально значимые вопросы общества, страны, мира);
- политическую (рекламирует политиков, партии, государственные организации и т. д.).

2. Территория, на которой распространяется данная реклама:

- местная реклама (распространяется в отдельном городе, районе);
- региональная реклама (распространяется в регионах, частях страны);
- национальная реклама (распространяется на территории государства);
- международная реклама (осуществляет свое влияние сразу в нескольких государствах).

3. Средства, с помощью которых реклама распространяется:

- наружная реклама (баннеры, экраны, витрины, вывески, растяжки, реклама на общественном транспорте и т. д.);

– реклама в прессе (объявления, обзоры, развороты, пробники товара в журналах и т. д.);

– печатная реклама (афиши, буклеты, листовки, афиши, блокноты, закладки, календари и т. д.).

Перед тем как создается та или иная реклама сначала рассматривается множество факторов, которые влияют на ее эффективность и прибыльность. Прежде всего реклама зависит от того, какой продукт и для кого он будет предназначен. Поэтому существуют и такие виды, как:

4. Рекламируемый объект:

- товарная реклама (реклама товаров);
- нетоварная реклама (реклама услуг, формирование имиджа, корпоративная реклама).

5. Целевая аудитория, на которую воздействует реклама:

- потребительская (реклама, направленная на увеличение потребительского спроса);
- деловая (реклама, направленная на покупку товара с целью получения дальнейшей прибыли);
- промышленная (специализированная реклама для предприятий и организаций, связанных с промышленностью);
- торговая (направлена на продавцов);
- профессиональная (реклама для специалистов различных сфер);
- сельскохозяйственная (направлена на сельскохозяйственные предприятия и фермеров) [4, с. 4 – 8].

Несмотря на кажущуюся простоту выбора названия бренда, продукта или фирмы, процесс создания подходящего имени является весьма трудоемким, а варианты имен анализируются по многим параметрам. Данный процесс также называют неймингом. Ю. С. Бернадская определяет его как коммерческое название товарной или торговой марки, под которым продукт выводится на рынок и под которым его должен знать потребитель [1, с. 48 – 50].

Наименование бренда должно удовлетворять ряду требований. Так, имя бренда должно: 1) привлекать внимание; 2) запоминаться; 3) вызывать положительную реакцию; 4) быть благозвучным и легко произноситься; 5) однозначно восприниматься.

Двуязычные рекламные коммуникации, которые были проанализированы в рамках нашего исследования, располагаются в двух туристических городах Китая: Пекин и Бэйдайхэ. Их особое расположение и вынуждает владельцев магазинов, салонов и ресторанов использовать двуязычную рекламную коммуникацию.

Тексты на разных языках, преимущественно, отличаются по стилю оформления и выделяются по-разному. Несмотря на то, что вывески находятся в туристических районах, где встречается большое количество русскоговорящих людей, более крупным шрифтом выполнены названия на китайском языке. Можно предположить, что такая закономерность отмечается во всех случаях по причине наличия у китайцев глубокого чувства патриотизма и желания сохранить неизменной культуру своей страны, включая ее уникальный язык.

В ходе исследования было выделено шесть основных стратегий нейминга рассматриваемых двуязычных рекламных коммуникаций.

Первой и наиболее часто используемой стратегией выступает **дословный перевод**. Китайский текст: «萨沙商店» (*sàshā shāngdiàn*). Данное название состо-

ит из двух слов, которые в переводе значат: 萨沙(sàshā) – имя Саша, а 商店(shāngdiàn) – магазин [2]. На фото

видно, что при дословном переводе сохранен порядок слов, как в китайском названии: «Саша магазин».

Вторую стратегию мы определили как **опущение лексических единиц**. В названии магазина «北京汉京隆超市» (běijīng hànjīnglóng chāoshì), использованы слова с такими значениями: 北京(běijīng) – Пекин, 汉京隆(hànjīnglóng) – имя Хан Зин Лон, 超市(chāoshì) – магазин, супермаркет [2]. Вывеска «Уни-

версам Хан Зин Лон». В русскоязычном названии магазина отсутствует название города, в котором находится магазин, но это никак не влияет на привлечение внимания русских туристов, поскольку основную смысловую функцию выполняет слово универсам, указывающее на широкий ассортимент товаров магазина.

Третья стратегия – **включение дополнительных лексических единиц**. Китайское название «布艺洁洗衣» (bù yì jié xǐyī) содержит в себе иероглифы с такими значениями: 布(bù) – ткань, одежда; 艺(yì) – умение, искусство; 洁(jié) – чистый; 洗衣(xǐyī) – стирать, чистить [2]. В тексте перевода: «Чистка и ремонт одежды» присутствует слово *ремонт*, хотя в китайском названии о ремонте одежды ничего не сказано. В этом заведении могут как предоставлять услугу ремонта одежды, так и не предоставлять.

Четвертая стратегия предполагает **полное различие лексических единиц, используемых в названиях**:

Наименование магазина

«加强社会主义民主法制建设» (jiāqiáng shèhuì zhǔyì mínzhǔ fǎzhì jiànshè). В вывеске на китайском языке, при подробном переводе, встречаются такие слова и словосочетания: 加强(jiāqiáng) – усиливать, укреплять, 社会主义民主(shèhuì zhǔyì mínzhǔ) – социалистическая демократия, 法制建设(fǎzhì jiànshè) – построение правовой системы [2]. В русском варианте название звучит так: «Лучшая изысканная смесь в мировом универмаге Танья на нулевом этаже». Сделанные замены и использованная лексика позволили создать необходимый коммуникативный эффект, а под названием универмага Танья, скорее всего, подразумевалось русское имя Таня.

Пятой отмечена такая стратегия, как **описание услуг на китайском языке и краткое название на русском**. Например, китайское название ресторана «海鲜饺子楼» (*hǎixiān jiǎozǐ lóu*) можно дословно перевести как «Ресторан, где подают пельмени с морепродуктами» [2]. Названия такого типа на китайском языке можно довольно часто встретить на улицах Китая, так как для китайцев имеет большое значение в вывеске описание того, что подают в заведении или какие услуги оно предоставляет. Переводчик данного названия учел особенности восприятия рекламной коммуникации русскоязычными людьми. При переводе были использованы приемы обращения к чувствам аудитории, выбрана статусная лексика, но нельзя не отметить перевернутую букву Ы, которая сразу привлекает русскоязычную аудиторию. Ориентируясь на русскоязычную аудиторию было создано название «Ресторан старПё друзья».

Шестой стратегией стало **использование художественных приемов как в китайском, так и в русском названиях**.

Китайское название ресторана сочетает в себе слова: «百利餐厅» (*bǎilì cāntīng*) 百利 (*bǎilì*) – польза, выгода; 100 выгод; 餐厅 (*cāntīng*) – ресторан, столовая [2]. В китайском названии видно подчеркивание пользы данного заведения для аудитории носителя языка – 100 выгод. В создании названия на русском языке сохранилось наименование сферы деятельности, а приукрасил имидж ресторана цветок лилии, который у многих людей ассоциируется с востоком и Азией. В итоге название ресторана на русском выглядит так: «Лилия ресторан».

Проведенный анализ позволяет заключить, что главными отличительными чертами нейминга двуязычных рекламных коммуникаций на примере китайского и русского языков являются:

- 1) использование русских и европейских имен в названиях заведений;
- 2) размер китайского написания вывески обычно крупнее русского;
- 3) большая информативность китайских рекламных коммуникаций;
- 4) наличие в русских вариантах рекламной коммуникации слов, подчеркивающих высокий социальный статус.

На основании проведенного анализа можно заключить, что на создание названий, внешний вид, структуру текста и способ подачи информации влияют как языковая картина мира, так и типы используемых языков. Влияние такого вида рекламной коммуникации обуславливается культурой воспринимающей аудитории, а при нейминге необходимо учитывать каналы восприятия как носителей родного языка, так и иностранцев.

Литература

1. Бернадская Ю. С. Текст в рекламе: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032401 (350700) «Реклама». М.: ЮНИТИ-ДАНА. 288 с.
2. Большой китайско-русский словарь / под ред. Ся Чжунъи, 2000.
3. Виноградов В. В. Интернациональный характер и национальные особенности рекламы // Язык и культура. Научное издание. Киев, 2009. Вып. 12. Т. IX(134).
4. Мезенцев Е. А. Реклама в коммуникационном процессе. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2007. 64 с.
5. Ухова Л. В. Внутренняя структура рекламного текста: к вопросу об эффективности коммуникации // Вестник ЯрГУ. (Серия: Гуманитарные науки). 2011. № 2. С. 159 – 163.
6. Фещенко Л. Г. Структура рекламного текста: учебное пособие. СПб., 2003. 289 с.
7. Шарков Ф. И. Коммуникология: основы теории коммуникации: учебник. М.: Дашков и К, 2010. 592 с.

Информация об авторах:

Антипина Анастасия Игоревна – магистрант факультета филологии и журналистики КемГУ, antipina.nastasiya@mail.ru.

Anastasia I. Antipina – masters degree student at the Department of Philology and Journalism of Kemerovo State University.

(Научный руководитель – **С. В. Оленев**). (Research advisor – **S. V. Olenev**).

Оленев Станислав Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, stanislav.olenov@gmail.com.

Stanislav V. Olenev – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Статья поступила в редакцию 18.09.2015 г.

УДК 82.085.4 (075.8)

РЕКЛАМНЫЕ МОДЕЛИ Г. КЕМЕРОВО: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Г. Антипов

ADVERTISING MODELS OF KEMEROVO: THE ETHICAL DIMENSION

A. G. Antipov

В статье рассматривается один из компонентов рекламного текста как знака региональной лингвокультуры. Нормативно-этический аспект описания рекламных моделей г. Кемерово определяется в соответствии с положениями коммуникативной и когнитивной лингвистики. Предлагается система направлений описания этической структуры рекламного текста, обосновывается методика анализа рекламных моделей. Исследование проведено на региональном языковом материале, который позволил обосновать систему рекламных имен и текстов г. Кемерово как объектов трансформационной лингвокультурологии – особого раздела современной этнолингвистики, занимающейся изучением изменений языковых норм в пространстве городской коммуникации и в языковом сознании кемеровчанина. Вводится понятие этических репрезентаций рекламного сознания.

The article deals with one of the components of the advertising text as a sign of regional linguoculture. Legal and ethical aspects of the description of advertising models typical of Kemerovo environment are based on the main principles of communicative and cognitive linguistics. The article offers a system of directions that can be used to describe the ethical structure of the advertising text and states a method that can be applied to advertising models analysis. The study was conducted on the regional linguistic material that allowed us to structure the system of advertising names and texts of Kemerovo as objects of transformational cultural linguistics, a special branch of contemporary ethno-linguistics engaged in the study of language change in the norms of city-space communication and in the language consciousness of kemerovites. The article introduces the notion of ethical representations of advertising consciousness.

Ключевые слова: трансформационная лингвокультурология, этический аспект, рекламные модели, региональная лингвокультура, этические репрезентации рекламного сознания.

Keywords: transformational cultural linguistics, ethics, advertising models, regional linguoculture, ethical representations of advertising consciousness.

*Примитивный человек не может утверждать,
что он думает, но «в нем думается».*

К. Юнг

Понятие рекламной модели обычно используется для характеристики коммуникативной схемы воздействия на сознание потребителей. В настоящей

статье предлагается номинативно-деривационное понимание этого термина-понятия в связи с обсуждением вопросов этической природы рекламного слова-текста, коррелирующего с коммуникативными стратегиями рекламного дискурса.

Выбор этического компонента рекламного текста не случаен. Представляется, что именно этот параметр коммуникации часто нарушается не только в обыденных жанрах с усиленной нетолерантностью сознания и языка, но и в таких, как реклама, претендующих на элитарность. Характер рекламного текста, конечно, не предполагает иконического отражения высокодуховных норм коммуникации, тем не менее примеры коммуникативной свободы не редки и не всегда объяснимы в ортологическом смысле.

Этический компонент публичных форм коммуникации как традиционный объект ряда дисциплин, занимающихся вопросами свободы слова, имеет, на наш взгляд, серьезное значение для описания проблемы существования языка в обществе, для постижения онтологии языковой (системной, формационной) нормы, процессов ее функционирования, изменений, происходящих в структуре системных средств нормативной фиксации актов коммуникации, системе правил и единиц, отражающих изменения языкового функционирования. Эти сдвиги, функциональные по своей природе, связанные с различными факторами существования языка, можно объяснить по-разному. Мы предполагаем, что, как область функциональной ортологии, они объяснимы в системе трансформационной динамики русской речи, идущей объективно от той культурной среды, в которой она сформировалась.

Для характеристики надсистемы (функционального пространства фиксации нормативного факта) мы избираем среду региональной лингвокультуры. Это понятие кажется нам вполне уместным в этическом аспекте описания структуры и характера нормативных сдвигов (в теоретическом и методологическом плане это понятие определяется нами как когнитивно-лингвогеографическое, близкое к понятию когнитивной зоны функционирования нормы, хотя возможны и варианты истолкования).

Региональная лингвокультура представляет собой коммуникативное пространство, особую среду функционирования языка и сознаний его носителей. Она определяет стереотипы речевого поведения, связана с отражением языковой ситуации, с представлениями коммуникативного и когнитивного сознания, в схемах которого хранятся и этические репрезентации – непосредственный объект нашего исследования.

Этикет и модели функционирования этических норм языка и стиля – объекты, трудно поддающиеся определению. Их практически нельзя измерить или объяснить. Но их можно зафиксировать и попытаться понять. Этичность не всегда воспринимается категорически (как категория рекламного текста она может быть отнесена к отсутствующим структурам когниции). Этичность как бы сдерживает творчество и поэтому не является культурным символом многих речевых практик. Поэтому же она сознательно нарушается, становится антисимволом – нормой игровых стратегий тех дискурсов, в которых не переживаются духовные нормы общения. Например, в рекламе, не ставящей перед собой нравственные задачи

и характеризующейся сниженной этической референцией. (Если такие задачи и ставятся, как в социальной рекламе, то они обычно оцениваются скептически со стороны самой целевой аудитории, поскольку реклама априори манипулирует сознанием и не может быть отнесена к проявлениям духовности). Одновременно этическая структура рекламного текста должна соблюдаться и не вызывать нормативных вопросов.

Проблема отнесения манипулятивных текстов к духовным речевым практикам кажется фиктивной. Можно подумать, что рекламисты настойчиво рекомендуют придерживаться четкого духовного плана в разработке своих продуктов или полагают, что духовность помогает продавать и без духовности невозможно воздействовать. По нашим наблюдениям, это можно допустить, но обычно рекламу считают бездуховной, навязчивой, плохой, вредной и глупой (потребители нередко смеются над легковесностью рекламы, пренебрегают ею, редко кто серьезно читает рекламные тексты). В системе оценок реклама антиэтична: это мир денег, навязывания стереотипов и развлечений, мир искушений.

Отрицание духовности рекламы объясняется игровой стратегией ее создания. Смеховая культура традиционно противопоставляется духовной, поэтому в рекламных моделях преобладают эксперименты с этической нормой, разные приемы эксплуатации моральных концептов. Ср. концепты, манифестируемые рекламными моделями «*Полный Контроль*» (торгово-монтажная компания), «*Атака*» (частное охрannое предприятие), с одной стороны, и «*Гармония*» (библиотека), «*Островок доброты*» (Муниципальная информационно библиотечная система) – с другой.

В своей статье мы попытаемся показать на материале рекламных моделей г. Кемерово, что этический компонент рекламного текста существует как лингвокультурный феномен, объясним в системе представлений человека о коммуникации и измеряется средой формирования рекламного этикона.

Для анализа мы избрали номинативно-деривационный уровень этических репрезентаций языкового сознания. Он удобен для лингвокультурологии и позволяет проследить семантические закономерности функционирования современных этических норм, обусловленных современными представлениями об ортологии и динамике культурных стереотипов.

Материал региональной рекламы позволяет к тому же определить символы региональной лингвокультуры в этом этическом аспекте описания ядерных и периферийных процессов ортологических трансформаций русского языка.

Оставляя в стороне вопросы описания этической рамки коммуникации (обсуждение проблем речевого поведения языковой личности, норм речевого этикета), степени влияния на речевой портрет носителя литературного языка культурных и субкультурных стандартов и прочие моменты традиционной ортоло-

гии, обратимся к характеристике статуса этических репрезентаций и методов их обнаружения.

На наш взгляд, этические репрезентации обусловлены этнически и регионально. Они определяются образом жизни и сознанием, и можно выделить разные причины, обуславливающие роль каждого из них в процессе становления репрезентаций этого типа (например, диахронические), однако в пространстве нашей интерпретации мы вынужденно ограничиваемся типом исследуемой региональной лингвокультуры, определяя вербальный рекламный материал как особый пласт лексики города Кемерово, фрагмент его ноэтического пространства – «номинативной системы, представленной полнозначными знаками» [5, с. 247].

В ходе семантической реконструкции этических репрезентаций мы придерживались феноменологических категорий ноэмических и ноэтических смыслов (о ноэматически-ноэтических структурах и смыслах см. в: [4]). Этот семантический подход показался нам более приемлемым для интерпретации рекламной семиотики в силу его приближенной к исследуемому материалу онтологичности. Категории этики концептуально феноменологичны, а потому в слове-тексте, каковым являются любой рекламный знак, сконструированный для экспликации и/или импликации смысла, ноэмические и ноэтические планы можно поставить в соответствие с типом рекламной модели или сопоставить с когнитивно-коммуникативной стратегией, определяющей ее функциональное значение.

Феноменологический подход к значению рекламных моделей приводит к ценностной картине мира, отраженной в рекламе, и раскрывает область эмотиологии, в которой рекламный знак функционирует. Эмотивность – ядерная прагматическая категория рекламной модели. Именно в конструируемой эмоции раскрывается коммуникативный потенциал когнитивных схем, заложенных в знак. Через экспликацию ноэтических компонентов значения можно охарактеризовать эмотивность как оценочно-когнитивный слой рекламного семиозиса (включая этапы замысла, порождения, внутреннего и внешнего функционирования).

При характеристике когнитивного статуса этических структур рекламного семиозиса мы основывались на положениях психологического подхода, связанного с выходом за пределы языкового знака, с поиском когнитивных параллелей в ценностной картине мира русской лингвокультуры (ее эмотивно-этический план), и в результате определили систему аспектов-компонентов рекламного текста, необходимую для исследования этических норм рекламного языка.

1. Этический аспект встроен в надсистему эмоциональной оценки и по существу является компонентом любого текста, в том числе и рекламного [3].

2. Главным в рекламе является театральный компонент, определяемый нами широко как реализация игровой функции. Этический компонент может нарушаться, что обусловлено концептуально –

игровой стратегией текstopорождения. Эксперименты с этической нормой составляют одну из подсистем ненормативного функционирования языка в рекламе.

3. Номинативно-деривационный аспект рекламных моделей понимается в соответствии со сложившимися в русской лингвистике представлениями о деривации слова и текста (номинативно-когнитивная традиция М. Докулила, Е. С. Кубряковой, школа Л. Н. Мурзина, психолингвистическое направление Л. В. Сахарного, Томская дериватологическая и мотивологическая школа и др.). Этот аспект помещен в гносеологическое ядро, так как создание (образование) рекламного имени стратегически связано с функционированием любого уровня рекламной коммуникации.

4. Коммуникативно-прагматический аспект характеристики рекламных моделей связан с исследованием акцентуаций в области речевого поведения различных психологических типов коммуникантов.

5. Лингвокультурологический аспект рекламных моделей определяется по тем параметрам культуры, которые обычно раскрываются в европейской или американской этнолингвистической традиции. Наряду с социокультурными типажам языкового сознания, определяются поликультурные особенности менталитета, формируемые в именах рекламных концептов, и обозначаются примеры региональной лингвокультуры.

6. Функционально-динамический аспект описания русской языковой нормы связан с представлением формационных норм в коммуникативных подсистемах рекламных дискурсов, стилей и жанров, с фиксацией активных процессов и изменений в составе системы и инвентаре единиц этических репрезентаций.

В результате многоаспектного анализа определяются уровни этических репрезентаций рекламных моделей: 1) концептуальный; 2) внутридискурсивный (внутрижанровый); 3) когнитивный; 4) фреймовый; 5) сценарный; 6) стилистический. Внешние уровни описания соответствуют структуре оформления рекламного знака и относятся к стилистическим приемам, система которых может быть определена в каждом из обозначенных выше аспектов, и в каждом из них она образует свою функциональную подсистему в составе современного русского языка как подсистема рекламного языка, используемого в других дискурсах и жанрах.

Ноэтическая топология г. Кемерово реализуется в системе способов и средств номинации, образующих стилистический фрагмент рекламной символики города. При функционировании рекламных символов определяются как актуальный, так и исторический планы, поскольку процессы порождения и восприятия знаков встроены в систему текстовой интерпретации знаков этого рода. Являясь пространственными знаками, они весьма условно фиксируют измерение реальности, привлекая внимание на тех или иных его качествах. Этическая природа пространства относится к тем его характеристикам, ко-

которые реализуют ценностные установки прежде других, как бы изливая внутреннее представление о высоком и неопределяемом. Ключевые определения этических репрезентаций зависят поэтому от текстового ориентира порождения рекламной модели, от которого зависит и воздействие формы знака на качество эмоциональности.

Измерения этического аспекта рекламной языковой картины мира обусловлены преимущественно лингвокультурной традицией, на которую ориентировано сознание автора моделируемой знаковой реальности. В актах восприятия и понимания возможны разночтения, что объясняется онтологией рекламных символов: они намеренно искажают реальность и через слой неоднозначности (полисемантичности) затемняются референтные зоны. Искажения распространяются на семантику, и символизация приводит к дефункциональному использованию знака-символа.

Этикеточная форма символизации проявляется в отрыве рекламной модели от образа референта и в когнитивных манипуляциях. Символ функционирует вне номинативного пространства модели уже на этапе своего создания, он превращается в своеобразный игровой метаконструкт, намекающий на неопределенное, вымышленное (виртуальное). Заложенный в восприятие эффект отсылает к определенной мотивации, по которой определяется внутренняя форма модели (без этого невозможно было бы внутреннее функционирование рекламного знака), но сам по себе знак не отсылает к действительной реальности, становясь односторонним. Мы полагаем, что в рекламном дискурсе знак лишен сигнификативных компонентов семантики, зато перегружен ассоциативно (ноэтически). Этические компоненты являются частью ассоциативно-прагматической структуры рекламных моделей, и этические репрезентации встроены в лингвокультурную ее часть. Ср.: «Экспресс Деньги» (микрофинансовая организация), «Экспресс-Займ» (ООО ТехФинСтрой), «ФИНКА» (международная микрофинансовая компания), «Финтерра» (центр микрофинансирования), «ПростоДЕНЬГИ» (ООО), «Забота» (система пенсионных касс), «ОБЕРЕГ» (КПК, кредитные потребительские кооперативы), «Экспресс деньги» (кредитный потребительский кооператив), «Быстроденьги» (микрофинансовая организация), «Гудмани» (микрофинансовая компания), «Деньга» (микрофинансовая организация), «ДоброДеньги» (микрофинансовая организация), «Деньги» (ООО), «Касса взаимопомощи Друг» (центр микрофинансирования).

Как символы концептуального искусства, рекламные модели связаны с игровой реальностью, поэтому в ноэтическом ядре семиозиса представлен театральный ассоциативный компонент. Ср., например, прямые ноэмические модели, названные нами «театральными», отражающие в рекламном пространстве г. Кемерово лингвокультуру карнавала (караоке «Truffoldino», кафе-бар «Серпантин»), маскарада (кафе «Wiener Wald», ресторан «Sacramento»), каба (кафе-клуб «Pudra», караоке-клуб «Vanil»),

водевиля (диско-бар «Летучая мышь»), чеховского театра (ресторан-кондитерская «Вишневый сад»), театра абсурда (кафе «Обжорка», ресторан «Trattoria don Michelle»), балагана (кафе-бары «Белочка», «В стельку», «До чертиков»), античного театра (гриль-бар «Бахус»). Этот компонент содержится во всех рекламных моделях в эксплицитной и/или имплицитной форме как игровой ассоциативный компонент. С этической точки зрения театральные рекламные модели отражают элитарный тип дискурса.

Им противопоставлена область маргиналий, включающая жаргонные рекламные модели. Это другое – «антиэтическое» ядро ноэтики города, формируемое продуктивной системой номинативной деривации со своими традициями. Модальность таких моделей реализует театральный компонент в имплицитной форме, в стилистической зоне метаэксперимента (ср., например, каламбуры «Деньга» и «Доброденьги» в названиях микрофинансовых организаций или торгово-монтажной компании «Плестек», магазина антиквариата «Комок» и мини-гостиницы «Крутая»).

Компоненты детского дискурса, напротив, отсылают к этическим репрезентациям, обыгрывая положительные коннотации: «Домофёнок» (торгово-сервисная компания), «Ладушки», «Сибирячок», «Колокольчик» (название информационно-библиотечных систем); «Волшебная мастерская» (багетная студия), «Маленький принц» (студия багета и товаров для рукоделия), «Акварелик» (магазин художественных принадлежностей), «Домовёнок» (магазин хозяйственных товаров), «Тяп-Ляп» (хозяйственная лавка), «ДАНИЛА-Мастер» (мастерская художественнойковки), «Ремонтёнок» (магазин строительных и отделочных материалов), «Печкин дом» (магазин банных и отопительных печей), «Лесовичок» (производственная компания), «Зазеркалье» (производственно-торговая компания) и др.

Народно-разговорные модели связаны с акциональными фреймами, отражая синтаксическую деривацию как источник своего номинативного функционирования: «Наладка» (строительно-монтажная компания), «Электромонтажник» (компания); «Эвона» (магазин картин), «Забей» (магазин крепежной техники), (торговая компания), «Деловой» (торговый дом), «Краснодеревщики» (мебельная компания), «Лесопилка» (производственно-строительная компания), «Лесорубка», «Пилим Лес» (деревообрабатывающие компании), «Раскат» (торговый дом), «Ёлки-Палки» (магазин лесопроductии, инструмента и крепежа), «Табуретка» (столярный цех), «Верстак» (торговая компания), «Железка» (торговая компания) и т. п.

В лингвокультурном плане выделяются модели, обозначенные нами как «старорусские». Они отсылают к истокам и воссоздают некий эталонный образ этических репрезентаций: «Страж-Кузбасс», «Русич», «Купол», «Ратник», «Кречет» (частные охранные организации), «Лада», «Книгочей», «Берегиня» (библиотеки), «Истоки», «Книгоград», «Читай-

город» (информационно-библиотечные системы), «Православное слово» (магазин религиозных товаров), «Домострой» (торгово-монтажная компания), «Зодчий» (фабрика дверей и интерьерных решений), «Исток» (оптово-розничный магазин), «АмбарЬ» (магазин строительных материалов), «БлагоСтрой» (оптовая фирма), «ЗаборОГрад» (компания по изготовлению заборов), «Лесоведово» (столярный цех), «Лад Дерево» (строительная компания), «Дар-Дерево» (производственно-торговая компания), «РУСИЧ» (центр инженерно-экономической безопасности), «Ладья» (торговая компания), «СтройДвор» (торговая компания), «Терем» (торгово-производственная группа) и др.

Им противопоставлены так называемые «гламурные модели», претензионные в зоне концептуальных и стилистических экспериментов, но во многом эталонные в дискурсивно-рекламном плане: «Бархат» (выставочный зал), «Бутик живописи по номерам», «Евростиль», «Нано-проект», «Глянец» (торгово-монтажная компания), «Дверсаль-К» (салон дверей и окон), «Домус» (производственно-торговая компания), «Евролайн», «ЕвроЛюкс» (торгово-монтажная компания), «Олимп» (торговая компания), «Успех» (магазин хозяйственных и отделочных товаров), «ЭРА» (магазин отделочных материалов), «Фламант» (салон интерьерной моды), «Гранд Декор» (салон), «ДекориЯ» (магазин), «Декорум-Элит» (салон декоративных покрытий и красок), «Диона Элит» (салон отделочных материалов), «Концепт-Хаус» (торгово-монтажная компания), «Мода» (пиломатериалы, лесоматериалы), «Новотель» (магазин), «Тишлерай» (столярная мастерская), «Династия» (торгово-строительная компания), «Блеск» (сеть салонов-магазинов) и т. п.

Асимметрия этических репрезентаций используется как прием в интеллектуальных моделях и на уровне структуры и на уровне сознания: «Школа креатива» (центр развития личности), «Лес'Ок» (база стройматериалов), «Знак» (магазин профессиональной косметики). Названия вроде «Компания «Ля Мезон Наполка» (паркетная доска, ламинат, ПВХ-плитка, пробковые покрытия) или «Тротуар Уют» отражают ментальный синкретизм, а «Не сколько. ru», «Доброта. ru» – новые нормы письменной речи.

На материале подобных образований можно обсуждать задачи новой дисциплины – трансформационной лингвокультурологии, в задачи которой входит (1) обоснование ассоциативных и трансформационных норм русского языка основных лингвокультурных сфер его функционирования; (2) проведение лингвокультурологического описания активных трансформационных процессов, отличающих русский язык наших дней; (3) разработка экспериментальной методики анализа норм современной российской лингвокультуры; (4) построение описания активных (ядерных и периферийных) трансформационных процессов русского языка в основных зонах нормативных различий современной российской лингвокультуры.

Предлагаемая модель трансформационной лингвокультурологии фиксирует активные трансформационные процессы русского языка, обусловленные современным состоянием российской лингвокультуры. В аспекте типологических особенностей регионального лингвокультурного пространства динамики русского языка трансформационные процессы рассматриваются впервые, поэтому новизна исследования заключается в предлагаемой теоретико-экспериментальной модели описания языковых и речевых норм, включающей системные, коммуникативные и когнитивные методики анализа процессов их трансформации.

Новым является и материал анализа. Исследование строится на материале моделирования среды региональной лингвокультуры Кузбасса (представленный в этой работе материал – важная ее концептосфера). Этот уникальный материал отражен в ряде работ кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета [1; 6] и имеет свои перспективы исследования.

Региональная концептосфера рекламного дискурса в этическом аспекте – одно из таких направлений. Различные культурные традиции, используемые в рекламе, влияют на конструирование образа города.

Детская литература, фольклор, мультипликация, кинематограф, музыка как источники региональной лингвокультуры связаны с формированием положительных городских концептов. При реализации различных функций внутренней формы в репрезентациях детского дискурса (ср.: «Говоруша» (логопедический кабинет), «Умачка» (центр раннего развития), «Забияка» (магазин детских товаров), «Развивашка» (магазин развивающих игрушек), «Журавлик» (оздоровительный лагерь), «Моторчик» (логопедический кабинет), «Игрушкино» (сеть магазинов детских товаров), «Игромир» (магазин детских товаров), «Карусель» (оптово-розничная компания) и др.) прослеживается прецедентный способ формирования номинативного пространства с опорой на этический компонент рекламных моделей. Ср.: «Сказка рыбака» (магазин рыболовных принадлежностей), «Чудодерево» (магазин детских товаров), «Капитошка» (центр временного пребывания детей), «Леопольд» (магазин детских товаров), «Малыш и Папа» (супермаркет детских товаров), «Антошка» (торговый дом), «Чунга-Чанга» (туристическое агентство), «Жар-птица» (агентство путешествий), «Робинзон» (туристическое агентство), «Емеля» (магазин), «МорозКо» (торгово-монтажная компания). Эгоцентрические высказывания, используемые в моделях «Ясам» (центр раннего развития детей), «Я» (торговый центр) или «Олимпиа» (клуб моделирования фигуры), испытывают влияние со стороны интернет-дискурса в названиях типа «Яинструмент. РФ» (магазин-сервис) и «Якомплект.рф» (сервисный центр).

Клише виртуальной коммуникации используются в интернет-моделях рекламы, отражая лингвокультуру новояза наших дней. Так, за счет параграфических средств этого дискурса может быть марки-

рован региональный компонент: «Печати42.рф» (интернет-магазин), «Ремонт.42» (магазин отделочных материалов и инструмента), «Праздник-42» (праздничное агентство), «Теплоблок42» (производственная компания), «Тур42» (туристическое агентство), «Пруд 42» (торговая компания), «Military-42» (магазин), «Легион 42» (спортивная секция), «Рейс 42» (туристическое агентство), «Тур42» (туристическое агентство), «Best-tur 42» (бюро путешествий), «BestUrist42» (юридическая компания), «БизКон-42» (консалтинговое агентство), «Ипотека42» (агентство недвижимости), «Маг42-Финанс» (компания), «Тур42» (туристическое агентство), «Best-tur 42» (бюро путешествий) и др. Вариативность окказиональных форм подобных образований отражает ментальные сдвиги и свидетельствует о становлении функциональной нормы рекламных интернет-моделей.

Репрезентация концепта «Город» в корневом гнезде «Кемерово» также свидетельствует о поликультурных процессах в области морфемно-словообразовательных норм. Рекламные модели строятся на чистой и смешанной деривационной форме функционирования. Ср.: «Профи-Кемерово» (магазин), «Модуль-Кемерово» (оптово-розничная компания), «Русклимат-Кемерово» (оптовая компания), «Кемерово-машиноторг» (торговая компания), «Кемерово-Тур» (туристическое агентство), «КемПодшипник» (магазин), «Кемтур» (туристическое агентство), «КемРеактив» (торговая фирма), «КемСнаб» (интернет-магазин строительных материалов), «Кем-ГорМаш» (завод), «Кеминс» (интернет-магазин оборудования), «Кемрэби» (сервисный центр), «КЕМ-ТЕНТ» (тентовая компания), «Кем-Ресурс» (инжиниринговая компания), «Кеми» (оптово-розничная компания), «1001 Кемтур» (туристическое агентство), «Nasutikikemerovo.ru» (квартирное бюро), «Кем-Hotel» (квартирное бюро), «КемRent» (квартирное бюро), «КемRoom» (квартирное бюро) и др. Преобладание аналитических моделей деривации в репрезентации концепта свидетельствует о сложившейся номинативной норме функционирования корневой морфемы в полной и усеченной форме, а также о ее использовании в аффиксоидной функции.

Образы референтов могут быть противопоставлены в ноэтическом плане (ср. народно-разговорную и гламурную модели, используемые в названии центра отдыха «Журавель» и загородного дома отдыха «ЖУРБАЛИ»), но ориентацию на создание регионального колорита можно увидеть во многих названиях: «Любимый город» (агентство недвижимости), «Наш город» (агентство недвижимости), «Ермак» (торговая компания), «Сибирский холод» (ООО), «Кедр» (школа рукопашного боя), «Томь» (агентство недвижимости), «Притомье» (центр отдыха), «На Набережной» (агентство недвижимости), «На Весенней» (агентство недвижимости), «Кировец» (спортивный комплекс), «Лазурный» (губернский универсальный спортивный комплекс), «Шахтёр» (стадион), «Горняк» (спортивный комплекс), «Химик» (стадион), «Гормаш» (торговая компания),

«Горная Евразия» (торгово-сервисная компания), «Горный-ЦОТ» (ООО), «Горная техника» (торгово-сервисная компания), «Карьер-Сервис» (торгово-сервисная компания), «УгольМашСнаб» (торговая компания) и др. Словообразовательная вариативность способов узального и окказионального словообразования отражает различные параметры дискурса, и каждый из этих параметров может служить основанием для описания системности средств номинативной деривации. Например, гендерный параметр, встроенный в ноэтическое поле рекламной модели, является критериальным для выделения речевых стереотипов, оформленных единицами словообразования. Рекламные модели противопоставлены в гендерном отношении и оформляются своими номинативными средствами. Ср.: «Постелька» (магазин), «Крепёж» (магазин), «Линии Тока» (ООО), «Агрегат» (компания), «Светлица» (торгово-монтажная компания), «Мастер торговли» (торговая компания), «Белошейка», «Пчелы бетона», «Ричесс» (торговая компания), «Термика» (оптовая компания) и т. п. Это особый параметр рекламных моделей, который можно использовать для построения классификаций разного типа. В ноэтическом аспекте функционирования способов словообразования гендерный параметр рекламного дискурса может быть признан ведущим социально-психологическим фактором, поскольку выбор модели словообразовательной категоризации аксиологически мотивирован образом и стилем мышления. Модели женской и мужской речи могут оправдывать отступления от кодифицированного выражения эмоций и эксплуатацию сознания. Ср., например, словообразовательные репрезентации гендерных компонентов концепта «Кузбасс»: «Кузбасс» (гостиница), «Кузбасс» (квартирное бюро), «Кузбасс» (волейбольный клуб), «Кузбасс» (футбольный клуб), «Кузбасская Консалтинговая Группа», «Недвижимость Кузбасса» (агентство), «Опора Кузбасса» (юридическая компания), «Кузбассгеология» (проектно-экологическая компания), «Лавита Кузбасс» (оптово-розничная компания), «ККЦ» (Кузбасский компьютерный центр), «КВСК» (Кузбасская вагоностроительная компания), «СКС Кузбасс» (компания бухгалтерских и юридических услуг), «Кузбасское Перспективное Партнерство», «ОСЭ-Кузбасс» (бухгалтерская компания), «КузбассГеоСИ» (торгово-геодезическая компания), «Краски-Кузбасс» (оптовая фирма), «Кузбасс-Агро» (торгово-ремонтная компания), «КузбассЭкспрессЛайн» (многопрофильная компания), «Кузбасс-Грэвел Плюс» (туристическое агентство), «Кузбасский технопарк» (бизнес-инкубатор), «КузбассВентЦентр» (торгово-сервисная компания), «КузбассТент» (производственная компания), «Кузбассмотор» (торговый дом), «МК-Кузбасс Климат», «Вистек-Кузбасс» (производственно-торговая компания), «Кузбасскомпрессорсервис» (торгово-сервисная компания), «КузбассЭнергоЭксперт» (компания по обследованию и испытанию электрооборудования предприятий), «Кузбассевотрейд» (магазин-склад автотоваров и автооборудования),

«Взлёт-Кузбасс» (торгово-проектная компания), «Кузбасскурортсервис» (туристическое агентство), «Кузбасс-аудит» (аудиторская фирма), «КузбассКадастр», «Кузбасс Кредит Сервис», «СибКузбассИнвест» (агентство риэлторских и юридических услуг), «Полиграфыч-Кузбасс», «Росавтоэкс-Кузбасс» (экспертно-правовой центр), «Актив-Деньги Кузбасс» (микрофинансовая организация), «Кузбасс Эко-Строй» (проектная компания), «Кузбассгидропроект», «Кузбассгипрошахт» (проектный институт), «КузбассЭкспертНедра» (центр экспертизы и консалтинга недропользователей), «СибКузбассИнвест» (агентство риэлторских и юридических услуг), «Кузбассстрой» (многопрофильная компания), «ЧИФ-КУЗБАСС» (инвестиционная компания), «Жилищный центр-Кировский» (агентство недвижимости), «Потенциал недвижимости Кузбасса» (агентство) и др. Гендерная мотивированность, представленная компонентами внутренней формы рекламных моделей, определяется в системе тех оценочных признаков, с которыми ассоциируется указанный концепт.

Таким образом, процессы этического функционирования рекламных моделей в пространстве региональной лингвокультуры, объем и состав системы форм и значений рекламного ноэтического про-

странства, этические репрезентации рекламного сознания рассматриваются нами в соответствии с методикой лингвокультурологического анализа ассоциативных, коммуникативных, прагматических, стилистических и языковых норм (ср. применение этой методики к описанию трансформации аксиологических доминант российской лингвокультуры в интернет-коммуникации рекламной направленности в [2]). Такой подход к этическим репрезентациям рекламных моделей позволяет решать теоретические и прикладные задачи исследования ядерных и периферийных процессов ортологических трансформаций русского языка.

Проведение разноаспектного описания трансформационных норм основных лингвокультурных подсистем включает обоснование системных и антропоцентрических аспектов трансформационной лингвокультурологии, разработку методики лингвокультурологического моделирования процессов трансформации норм русского языка в дискурсе и языковом сознании. Описание различных функциональных сфер нормативного и ненормативного сознания кемеровчанина может иметь лексикографическое отражение в «Словаре кемеровской лингвокультуры».

Литература

1. Антипов А. Г., Араева Л. А., Астахова О. А., Батурина О. В., Братухина И. А., Булгакова О. А., Василенко Е. А., Вяткина М. В., Гордеева Н. Г., Грекова М. В., Денисова Э. С., Катышев П. А., Крым И. А., Макасова Е. Е., Махракова М. И., Мельник Н. В., Оленев С. В., Петрушина А. В., Проскурина А. В., Рыбникова Е. Е., Рысева И. К., Сермягина С. С., Соколова С. К., Фаломкина И. П. Динамика норм русского языка в дискурсах и текстах: коллективная монография. Lambert Academic Publishing, 2012. 364 с.
2. Антипов А. Г., Денисова Э. С. Трансформация аксиологических доминант в российской лингвокультуре (на материале интернет-коммуникации) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 12 – 16.
3. Антипов А. Г., Краснова И. В. Нормативно-этический аспект чат-коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19-1. С. 10 – 16.
4. Гоготилишвили Л. А. Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 720 с.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Культура речевого общения: учебное пособие / под общ. ред. проф. А. Г. Антипова; отв. ред. доц. Э. С. Денисова. Кемерово, 2014. 382 с.

Информация об авторе:

Антипов Александр Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ, sante3@yandex.ru.

Alexander G. Antipov – Doctor of Philology, Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

**КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И СПОСОБЫ МОНИТОРИНГА ВОССТАНОВЛЕНИЯ
ФУНКЦИЙ ГОЛОВНОГО МОЗГА ПРИ НАРУШЕНИИ МОЗГОВОГО КРОВООБРАЩЕНИЯ
(на примере транскортикальной моторной / динамической / афазии)**

Л. А. Араева, О. Л. Барбараиш, М. Н. Образцова, С. Е. Семенов

**COGNITIVE-LINGUISTIC MECHANISMS AND METHODS FOR MONITORING THE RECOVERY
OF BRAIN FUNCTIONS IN VIOLATION OF CEREBRAL CIRCULATION**

(for example transcortical motor / dynamic / aphasia)

L. A. Araeva, O. L. Barbarash, M. N. Obratsova, S. E. Semenov

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00556.

Статья посвящена описанию и анализу когнитивно-языковых механизмов восстановления функций головного мозга у пациентов с динамической афазией, а также описанию объективных способов мониторинга результатов. Актуализация пропозициональной структуры, имплицитированной в семантике производного слова, способствует восстановлению связного мышления, а также к устранению аграмматизма в речи. Работа с производными словами, производимыми и воспроизводимыми в границах словообразовательного типа и ниши, пропозиционально связанными в рамках гнезда, полисемии и синонимии, представляется действенной при динамической афазии.

Любое производное слово – свернутое суждение, понимая которое, человек может связать воедино разные актанты при помощи предиката. Пациентам с динамической афазией зачастую сложно выстроить связный текст по картинке либо пересказать заданный смысловой отрывок. Анализируя вслед за специалистом состав производных слов, объясняя их значения, развертывая ситуации, имплицитированные в семантике дериватов, пациент усваивает, а точнее «вспоминает» механизм порождения связной речи.

Опора на личностный фактор позволяет в рамках проводимых психолингвистических экспериментов быстрее восстановить речь больных, перенесших инсульт.

Объективно оценить речемыслительную деятельность пациентов и результаты реабилитационных мероприятий возможно по данным проведения магнитно-резонансного сканирования головного мозга в функциональном режиме с измерением уровня оксигенации крови и локального мозгового кровотока при активации определенных зон мозга.

The article describes and analyzes the cognitive-linguistic mechanisms of brain function restoration in patients with dynamic aphasia, as well as the description of an objective way of results monitoring. Actualization of propositional structure, implicitly represented in a derived word, can contribute to the restoration and coherent thinking, as well as the elimination of agrammatism in speech. Work with derivative words, produced and reproduced within the boundaries of word-formation types and niches, propositionally bound within the nest, polysemy and synonymy, seems effective in dynamic aphasia.

Any derivative word is a convolute discourse; while comprehending it, a person can link together different actants using predicate. For patients with dynamic aphasia it is often difficult to build a coherent text according to a given picture or to retell the meaning of a given passage. By analyzing the composition derivative words and explaining their meanings while repeating the speech of a specialist, or by deploying those situations which are implicitly represented in the derivatives, the patient masters, or rather "remembers", the mechanism of coherent speech generation.

Reliance on the personal factor in the ongoing psycholinguistic experiments allows one to restore speech in stroke patients more quickly.

Objective assessment of the speech-mental activity of patients and results of rehabilitation is possible by the magnetic resonance scan of brain function mode with measurement of blood oxygenation level and the local cerebral blood flow in certain areas of brain activation.

Ключевые слова: динамическая афазия, пропозициональная структура, пропозиция, производное слово, словообразовательный тип, словообразовательная ниша, гнездо однокоренных слов, полисемия, синонимия производного слова, полимотивация, фМРТ.

Keywords: dynamic aphasia, a propositional structure, proposition, derivative, a word-formation type, a word-formation niche, a family of words, polysemy, synonymy of derivative, polymotivation, fMRI.

Антропоцентрическая парадигма изучения языка, пришедшая на смену системоцентристской, направлена на исследование языковых явлений с когнитивных позиций, то есть через человека, его мыслительную деятельность, формой которой является язык. По меткому высказыванию А. А. Потебни, язык – это человек.

Лингвистику стала интересовать взаимосвязь языка и человека, языка и мышления, языка и окружающего мира. «Назовем лингвистику, предметом которой служит отношение «язык – человек», – антропологической; лингвистику, предметом которой является отношение «язык – реальное время», – темпоральной; лингвистику, предметом которой служит отношение «язык – действительность /мир, сущее/», –

онтологической. Объединяя эти термины, можно сказать, что задача философии языка состоит в том, чтобы построить основы антропо-темпорально-онтологической лингвистики» [18, с. 5]. Именно таковой явилась когнитивная лингвистика.

Когнитивная лингвистика помогает не только понять и описать механизм речемыслительной и речепорождающей деятельности человека, но и разработать социально значимые речевые методики, в частности лингво-когнитивную методику восстановления речи у больных с афазией, перенесших ишемический инсульт [3].

В медицинской практике в соответствии с Федеральной программой помощи сосудистым больным реабилитация пациентов с афазией, перенесших ишемический инсульт, используются логопедические методики, направленные на восстановление работы артикуляционного аппарата и формирование связной речи с преодолением аграматизма через синтаксическое целое. То есть речевая реабилитация больных афазией основывается на восстановлении работы артикуляционного аппарата (работа логопедов), восстановлении номинативной функции языка (работы Р. М. Власовой) и восстановлении возможности к импрессивной и экспрессивной речи (работы А. В. Белопасовой). Данные методики, несомненно, необходимы. В частности, работа с артикуляцией восстанавливает артикуляционное мышление, которое непосредственно соотносится с мышлением интеллектуальным (о гармонии артикуляционного и интеллектуального мышления писал В. Гумбольдт). Экспрессивность значима при познании мира, поэтому методика, в основе которой находится восстановление речи посредством экспрессивности, актуальна.

Патогенез речевых нарушений при афазии в большинстве случаев значительно сложнее, чем дисфункции артикуляции, и связан с нарушением речемыслительной деятельности в целом (поражением центров речи, а также нарушением ассоциативных связей центров речи и восприятия речи в головном мозге, центров речи в головном мозге со спинным мозгом, и как следствие – нарушением номинативной функции языка). Утрата или поражение коммуникативной функции приводит к дезинтеграции всей психической сферы человека, нарушению его трудоспособности и социальной адаптации.

Предлагаемая методика основана на теоретических положениях в сфере словообразования, разработанных представителями Кемеровской дериватологической школы. Основоположителем школы является Маина Николаевна Яценецкая, профессор Томского государственного университета, под ее руководством была защищена кандидатская диссертация Л. А. Араевой, являющейся руководителем этой школы более двадцати лет. За это время членами школы написано более 1000 научных статей, 20 книг, проведено 13 международных научных конференций с изданием сборников. Представим некоторые публикации членов школы, значимые для предлагаемой методики по возвращению речи больным, перенесшим инсульт. Данные публикации можно найти в eLAIBRARY [1; 2; 5; 7; 8; 10; 11; 13 – 16]. Почему именно словообразовательные процессы оказываются релевантными

при восстановлении речи инсультников? В каждом языке словарный состав представлен прежде всего производными единицами, отражающими пропозициональную работу мозга по аналогии.

Суть разрабатываемой методики заключается в активизации в процессе диалога лингвиста с пациентом утраченных пропозиционально-дискурсивных ассоциативных связей.

Производные слова производятся и воспроизводятся в пределах словообразовательных типов, тематально-языковых категорий, которые хранятся в долговременной памяти. В пределах типов существуют компактные пропозиционально организованные тематические объединения. Усваивая вслед за лингвистом производные слова, объясняя их значения, развертывая ситуации, которые имплицитно представлены в дериватах, пациент усваивает, а точнее «вспоминает» механизм порождения связной речи. В силу того, что предикативные связи между производящим и производным словом строятся по аналогии в границах словообразовательных типов и словообразовательных ниш, пациент начинает их воспроизводить самостоятельно. Например, пропозиция «мясо животного» включает производные, в основе которых находятся именованья животного. Эти дериваты образуются с помощью одного и того же суффикса (-ин/а/) и его алломорфов (-овин/а/, -атин/а/): *свинина, курятина, телятина, индюшатина* и др. Ср. также названия каш: *овсянка, гречка, пшенка*; ягод: *малина, калина; голубика, ежевика, земляника, клубника, черника* и др. Все эти слова в повседневности постоянно употребляются носителями русского языка, поэтому их воспроизведение не составляет особого труда. Такие компактные, пропозиционально организованные тематические объединения существуют во многих языках мира, что позволяет использовать предложенную методику реабилитации речи больных, перенесших инсульт, живущих в разных странах и говорящих на разных языках. Специализированные формальные средства характерны как для письменных, так и бесписьменных языков. Например, телеутский язык, в отличие от других тюркских языков, является бесписьменным языком коренного малочисленного народа Севера. Именования мяса в этом языке образуются с помощью суффиксоида – *эди*, означающего мясо (*йй-эди* – говядина; *қастың-эди* – гусятина; *қуштың-эди* – курятина; *қой-эди* – баранина; *жыбран-эди* – суслятина; *мал-эди* – конина; *чочко-эди* – свинина). Аналогичная ситуация при именовании мяса животного в китайском языке, где к названию животного прикрепляется 肉 *rou*: 牛肉 *niurou* – говядина, 猪肉 *zhurou* – свинина, 鸡肉 *jirou* – курятина. Ср. также в немецком: *pferdefleisch* – конина; *schweinefleisch* – свинина; *rindfleisch* – говядина; *kalbfleisch* – телятина. То есть языки разной структурной организации (флективные, агглютинативные, изолирующие) стремятся компактные тематические объединения, в пределах которых производные и устойчивые словосочетания образуются по аналогии, закрепить за конкретным формальным показателем: в одних языках это суффиксоиды, в других – суффиксы. В этих случаях независимо от конкретного языка когнитивная деятельность языковой личности направляется пропози-

циональной структурой «объект – действие – результат», которая репрезентирована одной и той же пропозицией – «мясо животного». Такая реализация способствует сохранению рассматриваемых единиц в долговременной памяти человека и может быть использована при восстановлении речи инсультников.

Следующей ступенью усвоения пропозициональных связей может быть полисемия производного слова. Например, усвоение названий помещений для животных (*курятник, телятник, птичник, гусятник*) обуславливает появление вопросов, связанных с наименованиями работников, ухаживающих за животными.

Однокоренные слова в пределах словообразовательного гнезда связаны между собой пропозиционально. Больному легче связывать между собой однокоренные слова. Например: *пчела – пчельник – пчеловод*, где представлены объектно-субъектные отношения. Далее ситуацию можно разворачивать с использование разнокоренной лексики: *пасечник – омишник – мед – соты* и т. д.

Пропозиционально-словообразовательная синонимия – следующий этап восстановления ассоциативных механизмов: *омишник – зимник – пчельник*. Названия помещений для пчел, используемых зимой.

Значимо для восстановления ассоциативных связей явление множественной мотивации, мотивирующей в этом случае также связаны пропозиционально. *Осенина, веснина, зимнина, летнина*. Ср.: *осенина* – шерсть овцы, которую состригли осенью; осенняя шерсть.

Основываясь на теоретических достижениях в области словообразования, лингвист в диалоге с больным учитывает личностно обусловленные компоненты (профессию, увлечения, уровень образования, гендерный фактор и др.). Профессиональные компетенции пациентов помогают восстановить ассоциативные связи в сознании. Запуск механизма пропозиционально связанных ассоциаций на уровне личностной и профессиональной деятельности обуславливает запуск механизма речевосприятия и речепорождения.

Особую значимость имеет знание организации психолингвистических экспериментов, хорошо описанных в современной лингвистике.

Проведение представленной методики возвращения речи больным, перенесшим инсульт, возможно под контролем современных методов нейровизуализации. В медицинской литературе [30] считается, что методика функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) наиболее подходит для изучения функциональных возможностей головного мозга. Она основана на измерении уровня оксигенации крови (Blood Oxygenation Level Dependent – BOLD), увеличении локального мозгового кровотока при активации определенных зон мозга. Трудности в функциональном картировании речевых зон связаны с выявлением зоны Брока (моторной зоны). Она обнаруживается только в 77 % случаев, тогда как зона Вернике (сенсорная зона) – в 91 % случаев [22]. Воспроизводимость результатов в области Брока составляет 55 % у здоровых испытуемых [23]. Результаты были получены по данным исследования пациентов нейрохирургического профиля; считается, что методика при этом

недостаточно надежна. Однако указывается, что валидность и надежность результатов можно повысить, используя несколько заданий, направленных на локализацию и латерализацию определенной функции («комбинированный анализ») [25; 28; 29]. Совершены попытки увеличения эффективности активирующих заданий для локализации зоны Брока посредством разработки новых задач, актуализирующих номинативную функцию языка – называние по картинкам [6]. Существует мнение, что и такая активирующая задача недостаточно эффективна для выявления локализации и латерализации речевых функций [19; 27].

В связи с этим появился практический запрос на повышение эффективности определения локализации и латерализации речевых зон в мозге путем модификации задачи на называние при сохранении доступности задач для пациентов и удобства их применения в клинике. В литературе встречаются данные, что одной из наиболее эффективных для обнаружения передней речевой зоны модификаций задачи на номинацию предметов является задача на называние действий [19; 27]. Данные клинической фМРТ согласуются с данными афазиологии. Так, было показано, что «глагольная слабость» наиболее отчетливо наблюдается при поражении левой лобной доли, а называние существительных страдает при поражении левой височной доли [17; 20; 21; 24; 26]. Вопрос о механизмах такой диссоциации употребления глаголов и существительных как по данным афазиологии, так и по данным нейровизуализационных исследований остается дискуссионным.

Эффективность разрабатываемой методики можно оценивать как на основании сравнения результатов фМРТ, так и на основании международных шкал NIHSS и MMSE.

Сравнение будет производиться с группой пациентов, к которым не применяется предлагаемая методика.

Для чистоты эксперимента на первом этапе работы берутся больные только с динамической (транскортикальной моторной) афазией, и только после оформления методики в действующий механизм, в круг исследования будут включаться пациенты с другого рода моторной и сенсорной афазией.

«Динамическая афазия возникает при поражении заднелобных отделов левого доминантного по речи полушария, т. е. отделов третьего функционального блока – блока активации, регуляции и планирования речевой деятельности» [9, с. 409]. При динамической афазии происходит нарушение связности речи, вызванной неспособностью пациентов должным образом формировать суждение (осуществлять категоризацию осмысляемых объектов) в процессе речепорождения и/или выстраивать грамматически правильные высказывания [4]. В данном случае обе проблемы формирования связного высказывания вызваны лакунарностью предиката в пропозициональной структуре.

Основным речевым дефектом при этой форме афазии является трудность, а иногда и полная невозможность активного развертывания высказывания. Центральным звеном при динамической афазии является нарушение спонтанного развернутого высказывания. При пересказе по сюжетной картинке произно-

сятся отдельные, не связанные между собой фрагменты, не выделяются основные смысловые звенья; например: «Вот... у хозяина была курица... и золотые яйца... и он ее убил., вот!» (пример: [12]). При динамической афазии правильно произносятся отдельные звуки, повторяются без артикуляторных трудностей слова и короткие высказывания, однако коммуникативная функция речи оказывается нарушенной. При более грубой выраженности расстройства у пациентов отмечается не только речевая, но и общая безынициативность. Такого рода афатии могут механически за собеседником повторять слова, вопросы, а иногда и небольшие фразы, но не способны самостоятельно выстраивать синтаксически связанные предложения, заменяя их парцелятивными высказываниями.

Нарушается экспрессивность речи и способность к пониманию многозначных слов. «Существует несколько вариантов динамической афазии, характеризующихся разной степенью нарушения коммуникативной функции, от полного отсутствия экспрессивной речи до некоторой степени нарушения речевой коммуникации» [9, с. 409].

При помощи наводящих вопросов лингвиста-когнитолога, выстроенных по наиболее типичным пропозициональным моделям, восстанавливается предикативная связь актантов в субъектных, объектных, локативных и темпоральных структурах.

При работе с пациентами на начальном этапе берутся самые распространенные пропозициональные структуры, и через «разворачивание» производных слов, через формулирование уже лексикализованных пропозиций делается попытка моделирования связанных синтаксических единств, предложений.

Литература

1. Антипов А. Г., Катышев П. А. Полимотивация и частные проблемы интерпретации морфологической структуры слова // Явление вариативности в языке: тезисы докладов / отв. ред. канд. филол. наук. Л. А. Араева. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 150 – 152.
2. Араева Л. А. Словообразовательный тип: традиционное и современное видение // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 4. С. 110-115.
3. Араева Л. А., Булгакова О. А., Образцова М. Н., Семенов С. Е., Коваленко А. В., Барбараш О. Л. Язык через человека и для человека (первый опыт применения методики пропозиционально-фреймового моделирования для возвращения речи больным, перенесшим инсульт) // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-14. С. 3186 – 3191.
4. Ахутина Т. В. Нейролингвистический анализ динамической афазии. О механизмах построения высказывания. М.: Теревинф, 2002. 144 с.
5. Булгакова О. А. Категоризация, номинация и полисемия // Актуальные проблемы современной лингвистики: материалы Международной научной конференции / под общ. ред. Л. А. Араевой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. С. 163 – 168.
6. Власова Р. М. Мозговые механизмы номинативной функции речи: нейропсихологический и нейровизуализационный подход: дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 144 с.
7. Денисова Э. С. Реализация креативного потенциала языковой личности при идентификации словообразовательной формы новообразований // Актуальные процессы в современном русском языке: сб. науч. тр., посвященный 80-летию со дня рождения В. Н. Немченко / отв. ред. Л. И. Ручина. Н. Новгород, 2008. С. 61 – 66.
8. Евсеева И. В. Словообразовательный тип как экспонент когнитивных процессов (на материале отсубстантивов с -ниц/а/: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2001. 20 с.
9. Логопедия: учебник для студентов дефектол. фак. пед. вузов / под ред. Л. С. Волковой, С. Н. Шаховской. М.: ВЛАДОС, 1998. 680 с.
10. Калужная Т. В. Полисемия производного слова как реализация семантической организации словообразовательных типов с -атор-тор // Актуальные проблемы современного словообразования: труды Международной научной конференции / под ред. Л. А. Араевой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 345 – 349.
11. Крым И. А. Жестовые компоненты речевой коммуникации (теоретико-экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 153 с.

Отправной точкой в работе не случайно выбираются производные слова. Больные с динамической афазией способны к воспроизводству отдельных слов, в том числе и производных. Следовательно, возможность наполнять пропозициональные структуры, вызывая значимые актанты, у них не утрачена, но не актуализирована. «Высвечивание» этой способности может привести в дальнейшем и к способности выстраивать уже связанные предложения. То есть мы не отрицаем значимость положений коммуникативного синтаксиса, используемого для восстановления речи инсультников. Но, как представляется, это должен быть заключительный этап.

Таким образом, теоретические положения пропозиционально-фреймовой методики, используемой представителями Кемеровской дериватологической школы при описании словообразовательных типов, ниш, многозначных, синонимичных, антонимичных дериватов, могут быть использованы в процессе реабилитации больных с динамической афазией.

Акцентирование внимание на особенности словообразовательных связей в ряде производных слов, заключающих в себе наиболее типичные пропозициональные структуры, может способствовать восстановлению связного мышления, а также к устранению аграмматизма в речи.

Объективно оценить речемыслительную деятельность пациентов можно по результатам проведения магнитно-резонансного сканирования головного мозга в функциональном режиме с измерением уровня оксигенации крови и локального мозгового кровотока при активации определенных зон мозга.

12. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1975. 253 с.
13. Образцова М. Н. Формирование когнитивно-дискурсивной концепции мотивационных отношений // Лингвистика как форма жизни / под общ. ред. П. А. Катышева. М.: Ленанд, 2009. С. 90 – 112.
14. Оленев С. В. Гуманистические основания психолингвистического эксперимента // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. 2004. С. 295 – 297.
15. Осадчий М. А. Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 27 с.
16. Фаломкина И. П. Пропозиционально-семантическая организация словообразовательной ниши с формантом -ня (на материале русских говоров) // Актуальные проблемы современного словообразования / под общ. ред. Л. А. Араевой. 2008. С. 129 – 140.
17. Цветкова Л. С. Афазия и восстановительное обучение. М.: МПСИ; Воронеж: Модэк, 2001. 256 с.
18. Юрченко В. С. Языковое поле: лингвофилософский очерк. Саратов: Саратовский пед. ин-т, 1996. 53 с.
19. Demonet J-F. Renewal of the Neurophysiology of Language: Functional Neuroimaging / Phusiol Rev. 2006. Vol. 50. P. 49 – 95.
20. Goodglass H., Klein, Carey, Jones. Specific semantic word category in aphasia // Cortex. 1966. 2. P. 74 – 89.
21. Goodglass H. Naming disorders in aphasia and aging // In Language and communication in theelderly / L. K. Obler, M. L. Albert (Eds.) // Toronto: Lexington Books, 1980. P. 37 – 45.
22. Kim P. E., Singh M. Functional magnetic resonance imaging for brain mapping in neurosurgery // Neurosurg. Focus, 2003. № 15(11). P. 1 – 7.
23. Mayer A. R., Xu J., Pare-Blagoev J., Posse S. Reproducibility of activation in Broca's area during covert generation of single words at high field: a single trial fMRI study at 4 T // NeuroImag. 2006. 32. P. 129 – 137.
24. Miceli G., Silveri, Villa, Caramazza. On the basis for the agrammatic's difficulty in producing main verbs // Cortex. 1984. 20. P. 207 – 220.
25. Ramsey N. F., Sommer I. E., Rutten G. J., Kahn R. S. Combined analysis of language tasks in fMRI improves assessment of hemispheric dominance for language functions in individual subjects // Neuroimage. 2001. № 13. P. 719 – 733.
26. Rapp B., Caramazza A. The modality specific organization of grammatical categories: Evidence from impaired spoken and written sentence production // Brain and Language. 1997. № 56. P. 248 – 286.
27. Rau S. Fesl G., Bruhns P., Havel P., Braun B., Tonn J.-C., Ilmberger J. Reproducibility of activations in Broca area with two language tasks: a functional MR imaging study // Am. J. Neuroradiol. 2007. 28. P. 1346 – 1353.
28. Roberts D. R., Wayne Kelley, Jr., BS; J. Scott Carroll, BS; Stephen J. Haines; Mark S. George Reproducibility of functional MRI activation in clinical practice // Supplement to applied radiology. 2003. P. 36 – 37.
29. Roux F.-E., Kader Boulanouar, Jean-Albert Lotterie, Mehdi Mejdoubi, James P. LeSage, Isabelle Berry Language functional magnetic resonance imaging in preoperative assessment of language areas: correlation with direct cortical stimulation // Neurosurgery. 2003. 52. P. 1335 – 1347.
30. Tharin S., Golby A. Functional brain mapping and its application to neurosurgery // Neurosurgery. 2007. 60. P. 185 – 202.

Информация об авторах:

Араева Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой стилистики и риторики КемГУ, araeva@list.ru.

Ludmila A. Araeva – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Барбараш Ольга Леонидовна – доктор медицинских наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний, olb61@mail.ru.

Olga L. Barbarash – Doctor of Medicine, Professor, Director of Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases.

Образцова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры стилистики и риторики КемГУ, maria_obraztsova@mail.ru.

Maria N. Obratsova – Candidate of Philology, assistant lecturer at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Семенов Станислав Евгеньевич – доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории рентгеновской и томографической диагностики Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний, dr_semenov_s@mail.ru.

Stanislav E. Semenov – Doctor of Medicine, Leading Researcher, Laboratory of X-ray and Tomographic Diagnostics, Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

**ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВАЯ МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
НА ПРИМЕРЕ ФРЕЙМОВ «ЯГОДА», «ЦВЕТ» И «БОЛЕЗНЬ»**

Л. А. Араева, С. И. Ли

**THE PROPOSITIONAL FRAME-BASED METHODS OF CHINESE LANGUAGE TEACHING: FRAMES
“BERRY”, “COLORS” AND “DISEASE”**

L. A. Araeva, S. I. Li

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00556.

В статье описывается пропозиционально-фреймовая методика преподавания китайского языка на примере фреймов «ягода», «цвет» и «болезнь». Использование данной методики при обучении китайскому языку помогает точнее и глубже понять структурно-содержательные и функциональные закономерности, доминирующие в нем, и вследствие этого является плодотворным при овладении китайским языком как иностранным. Производные и непроизводные слова строятся по одинаковым глубинным структурам – пропозициональным схемам, а на их основе создаются пропозиции. Отношения пропозиции и производного слова имеют взаимоподчиняемый характер: с одной стороны, производные слова заполняют пропозициональные структуры, реализуя одно из пропозициональных значений, с другой – производное слово семантически выражает пропозицию, но только в «свернутом» виде. Ядерным компонентом пропозициональной структуры чаще всего является предикат, в качестве его распространителей выступают актанты. Пропозициональная структура является пространством для реализации словообразовательного процесса. Каждый участник деривационного акта ассоциирован со своей пропозициональной позицией. Однако пропозициональная структура выполняет функцию не только «рамки» для деривационного акта, но и сама своей структурой, набором конструктивных элементов стимулирует словообразовательные процессы, порождает новые слова.

The article describes the propositional frame-based method of teaching Chinese exemplified by frames “berry”, “color” and “disease”. Using this technique the Chinese language teaching leads to a more precise better understanding of the structural and functional content and patterns dominating the language, and as a result is productive learning Chinese as a foreign language. Derivatives and non-productive words are constructed according to identical remote structures – propositional schemes, and on their basis propositions are created. The relations of a proposition and the derivative word have the mutually subordinated character: on the one hand, derivative words fill propositional structures, realizing one of propositional values; on the other hand, the derivative word semantic expresses a proposition, but “curtailed”. The nuclear component of propositional structure most often is the predicate, actants act as its distributors. The propositional structure is the space where word-formation process is realized. Each participant of the derivational act is associated with its propositional position. However, the propositional structure functions not only as the “framework” for the derivational act, but also stimulates the word-formation processes with its own structure and its set of constructive elements, thus generating new words.

Ключевые слова: методика преподавания китайского языка, когнитивная лингвистика, фрейм, пропозициональная структура, пропозиция.

Keywords: methods of teaching the Chinese language, cognitive linguistics, frame, propositional structure, proposition.

Согласно концепции, получившей плодотворное развитие в рамках когнитивного подхода, в основе семантики производного слова лежит концептуальная структура, имеющая вид пропозиции.

Производное слово отражает пропозициональную структуру, вербально объективирует мыслительную структуру и отражает те связи, которые устанавливает человек между явлениями окружающего мира в процессе его познания.

Изучение пропозициональных структур и словообразовательных моделей представляет научный интерес не только как инструмент интерпретации готовых производных слов, но и как механизм порождения новых замыслов на основе существующих схем. Языковые формы обладают статусом конструкторов, обретающих реальность в силу того, что существуют правила их порождения.

Проблема качества подготовки китаистов в России всегда была в поле зрения всех, кто причастен к этому процессу. В последнее время многие специалисты справедливо отмечают, что, несмотря на многолетний опыт преподавания китайского языка, степень владения китайским языком российских китаистов значительно уступает степени владения русским языком китайских русистов.

Нам представляется, что большим недостатком преподавания китайского языка в России является то, что оно ведется, опираясь только на постулаты структурно-системной лингвистики. Такой подход предполагает то, что в языке изучаются внутрисистемные связи, в отвлечении от человека. В нашей же методике используется пропозиционально-фреймовый подход. Данный подход обуславливает повышенное внимание не только к когнитивным, но и к лингвокультурологическим аспектам. Рассмотрим пропозиционально-

фреймовый подход на примере категорий «ягода», «цвет» и «болезнь». Источником материала послужили словари китайского и русского языков [3 – 6].

Фрейм «ягода»

Наименования ягод в китайском и русском языках построены с использованием одной базовой модели для каждого языка. В китайском языке были исследованы наименования ягод с элементом 莓 [méi], которым обозначаются съедобные дикie ягоды, его можно признать суффиксоидом: с одной стороны, он является основным элементом наименования ягод, а с другой – используется как самостоятельная лексема и обозначает любую дику съедобную ягоду. В русском языке рассматривались производные слова, образованные с помощью специализированного «ягодного» суффикса – ИК.

Элемент 莓 [méi], выделяемый у мотивированных наименований, осмысливается как стандартный показатель класса ягодных. Это, с одной стороны, показывает тенденцию к категоризации предметов природного происхождения на основе фамильного признака, а с другой стороны, демонстрирует желание привести в систему лексику языка.

Ядерными мотивирующими признаками являются:

- 1) цвет, 2) форма, 3) расположение, 4) размер плода, 5) вкусовые качества.

Больше всего наименований было замечено с указанием на внешние признаки плодов. Базовыми внешними признаками являются цвет, форма и место расположения плодов. Например, 黑莓 [hēiméi] – ежевика (黑 [hēi] – черный); 蓝莓 [lánméi] – голубика (蓝 [lán] – синий, голубой, небесный). Следовательно, мы можем раскрыть производное слово в виде пропозиции и выделить пропозициональную структуру, по которой она образована: 黑莓 [hēiméi], черника – «ягода черного цвета»; 蓝莓 [lánméi], голубика – ягода голубого цвета; объект – признак.

Наименование по месту расположения плодов: 树莓 [shùméi] – малина, 树 [shù] – дерево, куст (ягода, растущая на кусте); 草莓 [cǎoméi] – клубника, 草 [cǎo] – трава (ягода, которая растет в траве); объект – предикат – место.

В отдельных случаях подобие устанавливается на основе одновременно нескольких признаков, например, цвета и размера: 小红莓 [xiǎohóngméi] – клюква, 小 [xiǎo] – маленький, 红 [hóng] – красный (маленькая ягода красного цвета); объект – признак 1 (по размеру маленькая) – признак 2 (по цвету красная).

Важными внешним признаком является общее сходство с другими объектами, 乌莓 [wū méi] – черника, 乌 [wū] – ворон (ягода, как ворон), объект 1 – признак (по цвету) – предикат – объект 2; 云莓 [yúnméi] – морошка, 云 [yún] – облака (ягода по форме напоминающая облако), объект 1 – признак (по форме) – предикат – объект 2.

Другим основанием для наименования ягод является указание на вкусовые качества. Например, 醋莓 [cù méi] – крыжовник, 醋 [cù] – уксус (ягода по вкусу

напоминающая уксус, кислая ягода), объект 1 – признак (по вкусу) – объект 2.

В русском языке некоторые ягоды получили свое наименование с указанием на характерные черты их произрастания (такие как, место, расположение, способ роста). Например, земляника – ягода, которая растет на земле, близко к земле; поленика – ягода, которая растет в поле). Пропозициональная структура: объект – предикат – место.

Целая группа ягод в русском языке получили свое название в соответствии с их реальными качествами, как внешними, визуально наблюдаемыми, так и внутренними. Например, ежевика – ягода, такая же колючая, как ёж; объект 1 – признак (по способности) – предикат – объект 2; клубника – ягода, имеющая форму клубня; объект 1 – признак (по форме) – объект 2; костяника – ягода с крупными косточками; объект 1 – предикат – объект 2.

Эффект, который оказывает растение при его употреблении, также является важным элементом опыта для носителей языка и заслуживает стать основой для номинации: например, среди наименований голубики в русском встречаем – дурника, пьяника [1].

Цвет и вкус ягоды так же, как и в китайском языке, повлиял на наименование ягодных культур: голубика (голубая ягода), объект – признак (по цвету); черника (черная ягода), объект – признак (по цвету); кислица (кислая ягода), объект – признак (по вкусу).

Основанием для наименования является или чувственный образ предмета, или внешнее уподобление другому известному предмету. Другими словами, носители языка применяют уже имеющиеся у них в сознании знания о предметах окружающей реальности, связывая их между собой на основе определенных признаков.

Тем не менее, несмотря на субъективно-индивидуальный характер номинации ягод в китайском и русском языках, общность мотивирующих признаков налицо – место, размер, форма, цвет, вкус и др. Также сходными являются и пропозициональные структуры: объект – признак, объект – предикат – место, объект 1 – признак – объект 2, объект 1 – предикат – объект 2.

Фрейм «цвет»

В большинстве языков, в том числе и китайском, существует пять базовых обозначений цветов: красный, чёрный, белый, зелёный, жёлтый (кит. 红色 [hóngsè], 黑色 [hēisè], 白色 [báisè], 绿色 [lǜsè], 黄色 [huángsè]). Но существуют также и небазисные (составные) цвета.

В китайском и русском языках мы взяли для анализа 14 основных цветов из небазисных (смешанных). Все они построены по одинаковой словообразовательной модели с прибавлением к основному мотивирующему слову элемента 色 [sè]. Данный элемент можно признать суффиксоидом, т. к., во-первых, он является элементом наименования цветов; во-вторых, используется как самостоятельное слово и обозначает любой цвет.

В таблице указаны обозначения небазисных цветов в китайском и русском языках. Также представлены эталоны, с которыми эти цветообозначения соотносятся.

Обозначения небазисных цветов в китайском и русском языках

Цвета	Эталон	
	русский язык	китайский язык
Фиолетовый 紫罗兰色 [zǐluōlǎnsè]	от лат. <i>viola</i> «фиалка»	紫罗兰 – фиалка
Коричневый 棕色 [zōngsè]	от сущ. корица	棕 – пальма, пальмовое волокно
Оранжевый 橙色 [chéngsè]	от франц. <i>orange</i> «апельсин»	橙 [chéng] – апельсин
Серый 灰色 [huīsè]	цвет пепла	灰 [huī] – зола, пепел
Золотистый 金色 [jīnsè]	от сущ. Золото	金 [jīn] – золото
Серебряный 银色 [yínsè]	от сущ. серебро	银 [yín] – серебро
Розовый 粉红色 [fěnhóngsè]	от польск. <i>róża</i> «роза»	粉 [fěn] – мука, порошок; 红 [hóng] – красный
Коралловый 珊瑚色 [shānhúsè]	от сущ. коралл	珊瑚 [shānhú] – коралл
Сиреневый	от сущ. сирень	淡 [dàn] – светлый, 紫 [zǐ] – фиолетовый
Медовый 蜜色 [mìsè]	от сущ. Мёд	蜜 [mì] – мед
Бордовый 枣红色 [zǎohóngsè]	цвета вина «Бордо»	枣红 [zǎohóng] – китайский финик
Каштановый 栗色 [lìsè]	от сущ. каштан	栗 [lì] – каштан
Голубой 天蓝色 [tiānlánsè]	от голубь – по синему отливу шейных перьев голубя	天蓝 [tiānlán] – небесный
Бежевый 米黄 [mǐhuáng]	от лат. <i>beaticus</i> – цвета шерсти	米 [mǐ] – рис, 黄 [huáng] – жёлтый

В русском языке предметы, по цвету которых происходит процесс номинации, во многих случаях совпадают с предметами в китайском, английском и телеутском языках. Это свидетельствует об общности способов и механизмов категоризации цвета русских, китайцев, англичан, телеутов. В данных языках основой для наименования цвета служит внешнее цветовое уподобление известному предмету. Цветообозначения усваиваются остенсивно, то есть их значение основано на наглядности. Это связано с тем, что легкость кодирования цвета в языке облегчает его запоминание и различение в жизнедеятельности людей.

Фрейм «болезнь»

В китайском языке в наименованиях болезней реализуются следующие лексико-словообразовательные значения (ЛСЗ) и пропозициональные структуры:

1. ЛСЗ «болезнь, сопровождающаяся сыпью определенного цвета»: 红疹 [hóngzhěn] (红 [hóng] – красный, 疹 [zhěn] – сыпь);

2. ЛСЗ «болезнь по способу заражения»: ветрянка – 风疹 [fēngzhěn] (风 [fēng] – ветер, 疹 [zhěn] – сыпь); скарлатина – 风疮 [fēngchuāng] (风 [fēng] – ветер, 疮 [chuāng] – сыпь);

3. ЛСЗ «заболевание по проявлению»: столбняк – 强直症 [qiángzhízhèng] (强直 [qiángzhí] – окостене-

ние, 症 [zhèng] – заболевание; корь – 麻疹 [mázhěn] (麻 [má] – оспина, 疹 [zhěn] – сыпь); скарлатина – 猩红热 [xīnghóngrè] (猩红 [xīnghóng] – багряно-красный; 热 [rè] – горячка); горячка – 热病 [rèbìng] (热 [rè] – горячий; 病 [bìng] – болезнь); лихорадка – 寒热 [hánrè] (寒 [hán] – холодный; 热 [rè] – горячий (ср. бросает то в жар, то в холод); коклюш – 百日咳 [bǎiríké] (百日 [bǎirì] – сто дней, 咳 [ké] – кашель = сто дней кашля);

4. ЛСЗ «место, пораженное болезнью»: мигрень – 头痛 [tóutòng] (头 [tóu] – голова; 痛 [tòng] – боль); зубная боль – 牙痛 [yátòng] (牙 [yá] – зуб; 痛 [tòng] – боль);

5. ЛСЗ «по переносчикам болезни»: чума – 鼠疫 [shǔyì] (鼠 [shǔ] – мышь, крыса; 疫 [yì] – заразная болезнь).

В русском языке задействованы следующие ЛСЗ:

1. ЛСЗ «болезнь, сопровождающаяся сыпью определенного цвета»: краснуха (болезнь, сопровождающаяся сыпью красного цвета), желтуха (болезнь, сопровождающаяся сыпью желтого цвета), чернуха (болезнь, сопровождающаяся сыпью черного цвета).

Пропозициональная структура: объект – предикат – результат – признак.

2. ЛСЗ «болезнь по способу заражения»: ветрянка = по ветру (воздушно-капельным путем).

Пропозициональная структура: объект – предикат – средство.

3. ЛСЗ «сходство с другим объектом»: *свинка* (так названа из-за опухоли, значительно утолщающей шею); *молочница* – появление на языке, деснах, нёбе беловатых налетов, язвочек (по цвету напоминающих молоко).

Пропозициональная структура: объект 1 – предикат – объект 2.

4. ЛСЗ «заболевание по проявлению»: *столбняк* (проявляется судорожными сокращениями мышц); *корь* (такое название из-за того, что тело больного покрывается коркой); *оспа* – производное от *осыпать* (ср. сыпь – от сыпать); *горячка* – болезненное состояние, сопровождающееся высокой температурой, лихорадкой, ознобом;

Коклюш характеризуется своеобразными приступами кашля, напоминающего крик петуха. По-французски "кок" – петух, отсюда и происходит название. Ударение на последнем слоге.

Пропозициональная структура: объект – предикат – результат.

5. ЛСЗ «место, пораженное болезнью»: *грудница* – воспаление грудной (молочной) железы; *заушница* – острое вирусное заболевание, при котором поражаются слюнные (обычно околоушные) железы;

Пропозициональная структура: объект – предикат – место.

6. ЛСЗ «по названиям духов, приносящих болезни»: *ворогуша* (по народному поверью, это одна из сорока Иродовых сестер, посланных на муку человеку. В виде белого мотылька она садится сонному на губы и приносит лихорадку); *кумоха* – лихорадка, которая, по суеверным представлениям, принимает образ женщины – кумы.

Проанализировав материал, можно сделать вывод, что самой многочисленной как в китайском языке, так и в русском является группа с ЛСЗ «заболевание по своему проявлению». В исследуемых языках сходный набор пропозициональных структур.

Но на уровне пропозиций данные структуры имеют разное, в зависимости от национальных особенностей, наполнение. На основе комплексного подхода к исследованию фреймовой структуры можно сделать вывод о том, что *болезнь*, являющаяся универсальным концептом, имеет национально-специфическое наполнение.

Явление словообразовательно-пропозициональной синонимии

В ходе анализа фреймов «болезнь», «цвет», «ягода» было обнаружено, что в изучаемых языках функционирует явление, называемое словообразовательно-пропозициональной синонимией.

Словообразовательно-пропозициональные синонимы объединены единым мотивационным пространством, мотивирующие которого показывают разные стороны именуемого предмета [2]. Человек в зависимости от ситуации, целей общения активизирует нужный ему в данный момент мотивирующий признак, чаще всего этот процесс происходит на бессознательном уровне.

Фрейм «болезнь»

В русском языке эпидемический паротит говорящий, в зависимости от ситуации использования, может назвать *свинкой* или *заушницей*. *Свинкой*, если нужно подчеркнуть сходство с шеей свиньи, а *заушницей*, если хочет обратить внимание на место заболевания.

Такое явление можно обнаружить и в китайском языке:

Скарлатина:

1. 猩红热 [xīnghóngrè] (猩红 [xīnghóng] – багряно-красный; 热 [rè] – горячка).

2. 风疮 [fēngchuāng] (风 [fēng] – ветер; 疮 [chuāng] – сыпь).

В первом случае акцент делается на то, каким образом проявляется болезнь (ярко-красная, пурпурная сыпь, высокая температура), во втором – на способ заражения и на характер проявления (заражение происходит воздушно-капельным путем, проявляется сыпью).

Фрейм «ягода»

Земляника:

1. 洋莓 [yángméi] (洋 [yáng] – океан) – «Океан» в данном случае означает огромное количество, неизмеримое множество ягоды (ср. в рус. яз.: Он увидел океан цветов. Мы тонем в океане информации. Океан страстей и т. д.).

2. 草莓 [cǎoméi] (草 [cǎo] – трава) – акцент делается на месте, где растет ягода: в траве, под травой.

Черника:

1. 蓝莓 [lán méi] (蓝 [lán] – голубой, синий) – ягода по цвету: голубая ягода.

2. 乌莓 [wū méi] (乌 [wū] – ворон) – ягода по сходству с другим объектом: ягода, по цвету напоминающая ворона.

Малина:

1. 红莓 [hóng méi] (红 [hóng] – красный) – ягода по цвету: красная ягода.

2. 树莓 [shùméi] (树 [shù] – дерево, куст) – по месту расположения ягоды: ягода, растущая на кусте.

Ежевика:

1. 黑莓 [hēiméi] (黑 [hēi] – черный) – ягода по цвету: черная ягода.

2. 刺莓 [cì méi] (刺 [cì] – колоть) – ягода по внешним признакам: колючая ягода.

Клюква:

1. 蔓越莓 [mànyuèméi] (蔓越 [mànyuè] – ползти, лоза) – ягода по характеру произрастания: ползучая ягода.

2. 小红莓 [xiǎohóngméi] (小 [xiǎo] – маленький, 红 [hóng] – красный) – ягода по внешним признакам: маленькая красная ягода.

Крыжовник:

1. 醋莓 [cù méi] (醋 [cù] – уксус) – ягода по вкусу: ягода, напоминающая уксус, кислая ягода.

2. 鹅莓 [éméi] (鹅 [é] – гусь) – ср. в англ. яз. *gooseberry*: *goose* – гусь, гусиная ягода. Англичане из крыжовника готовили соус к жареному гусю.

В русском языке среди наименований голубики встречаются – дурника / дурница, пьяника / пьяница.

В этих производных актуальным становится полученный эффект. Голубика растет в соседстве с багульниковым болотным, а он выделяет большое количество эфирных масел, которые и дают эффект опьянения.

Фрейм «цвет»

Оранжевый:

1. 橙色 [chéngsè] (橙 [chéng] – апельсин) – цвет, напоминающий объект действительности: апельсиновый цвет.

2. 温色 [wēnsè] (温 [wēn] – теплый, согревающий) – акцент делается на эмоциональном воздействии цвета: цвет, который согревает.

Каштановый:

1. 栗色 [lìsè] (栗 [lì] – каштан) – цвет, напоминающий предмет действительности: когда человек видит предмет, подобный каштану, он говорит о нем: это – каштановое.

2. 栗色 [sù sè] (粟 [sù] – хлеб, зерно) – цвет, напоминающий предмет действительности: цвет хлеба.

Голубой:

1. 天蓝色 [tiānlánsè] (天蓝 [tiānlán] – небо) – цвет, напоминающий предмет действительности: цвет неба.

Литература

1. Актуальные проблемы современного словообразования: сб. науч. ст.; под общ. ред. профессора Л. А. Араевой. Кемерово, 2011. Вып. 4.
2. Араева Л. А., Катышев П. А. Полисемия и синонимия производного слова как отражение динамики языкового знака // С любовью к языку. Посвящается Елене Самойловне Кубряковой. Ответственный редактор: В. А. Виноградов. Москва, 2002. С. 227-236
3. Большой китайско-русский словарь / под ред. Ся Чжунъи, 2000.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
5. Ошанин И. М. Большой китайско-русский словарь (БКРС). 1983.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 – 4. М., 1986.

Информация об авторах:

Араева Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ, araeva@list.ru.

Lyudmila A. Araeva – Doctor of Philology, Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Ли Станислав Игоревич – студент факультета филологии и журналистики КемГУ, li.stanislav999@yandex.ru.

Stanislaw I. Li – student at the Department of Philology and Journalism, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – Л. А. Араева). (Research advisor – L. A. Araeva).

2. 卵色 [luǎnsè] (卵 [luǎn] – яйцо) – цвет, напоминающий предмет действительности: цвет птичьего яйца.

Таким образом, словообразовательно-пропозициональная синонимия распределяется по разным типам, проявляя их пересечение в границах фрейма. В сознании говорящих срабатывает один концепт, но в зависимости от ситуации, в которой используется слово либо в зависимости от ценностной ориентации говорящего, функционировать будут разные производные единицы. Синонимия – это взгляд на реалию с разных сторон, выявление тех оттенков смысла, которые в каком-либо объекте видит говорящий. Эти оттенки смысла выявляются в разных ситуациях. Выбор того или иного мотивировочного признака диктует именно ситуация.

Когнитивный подход к словообразованию китайского языка помогает точнее и глубже понять структурно-содержательные и функциональные закономерности, доминирующие в нем, и вследствие этого является плодотворным при овладении китайским языком как иностранным.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

О РОЛИ НАРРАТИВА В ОРГАНИЗАЦИИ БИЗНЕС-ДИСКУРСА
(на материале презентаций бизнес-идей Кемеровских предпринимателей
на проекте «Стань предпринимателем за 60 дней»)
Т. В. Артемова

THE ROLE OF NARRATIVE IN BUSINESS DISCOURSE
(on the basis of business ideas presentations by Kemerovo entrepreneurs
for the "Become an Entrepreneur in 60 Days" project)
T. V. Artemova

В данной статье рассматривается реализация нарратива в одном из популярных жанров фандрайзинга – презентации бизнес-идеи. Автор исследует особенности риторических стратегий, применяемых участниками конкурса «Стань предпринимателем за 60 дней». В результате исследования установлено, что для усиления воздействующего эффекта высказывания целесообразно использование нарратива. Нарратив способен преобразовывать факт в событие, а событие обладает рядом характеристик, обеспечивающих влияние нарратива.

This article describes the implementation of a narrative in one of the most popular genres of fundraising – presentation of a business idea. The author explores the features of the rhetorical strategies used by the tender participants of the "Become an Entrepreneur in 60 days" project. The study found that to increase the impact of an utterance it is advisable to use a narrative. Narrative is able to transform a fact in an event, and the event has a number of features that provide a powerful narrative.

Ключевые слова: нарратив, риторическая стратегия, событие, бизнес-идея.

Keywords: narrative, rhetorical strategy, event, business idea.

В последние годы разнообразие форм коммуникации в сфере предпринимательской деятельности все больше привлекает интерес как зарубежных, так и отечественных лингвистов. В связи с этим получила развитие новая область научно-лингвистического знания, которая на сегодня еще не имеет общепринятого обозначения. Так, исследования в этой сфере определяются как исследования бизнес-лингвистики [5], исследования речевой коммуникации в сфере бизнеса [2], в англоязычной научной традиции близкое направление, которое связано с описанием взаимодействия между индивидами, преследующими внеязыковые цели получения финансовой выгоды, имеет наименование «business discourse research» букв. «исследования бизнес-дискурса» [3]. Язык сферы бизнеса малоизучен в современных отечественных исследованиях, но уже наблюдается широкий спектр проблематики в этой области, привлекающих интерес ученых: язык разных социальных групп частных предпринимателей, например, жаргона уличных торговцев (П. В. Лихолитов и др.); жанров и конвенций письменной деловой и электронной коммуникации (З. И. Гурьева, Ю. В. Данюшина, М. В. Колтунова и др.); речевого портрета предпринимателя (Т. А. Милёхина, И. Н. Тупицына и др.) и др. [3]. Одним из актуальных направлений отечественной бизнес-лингвистики, как отмечает Ю. В. Данюшина, является изучение дискурса презентаций, совещаний, переговоров, собеседований и иных управленческих задач. Так, в последние годы активное развитие получило такое направление бизнеса, как фандрайзинг – процесс привлечения денежных средств и иных ресурсов (человеческих, материальных, информационных и т. д.), которые организация не может обеспечить самостоятельно и которые являются необходимыми для реализации определенного проекта или своей дея-

тельности в целом. Одной из форм фандрайзинга является участие в популярных в последнее время проектах разных уровней, ориентированных на развитие и поддержание предпринимательской деятельности: «Моя страна – моя Россия» (2014 г.), «Молодой предприниматель России» (2013 г.), «Ты – предприниматель» (2012 г.), «Стань предпринимателем за 60 дней» (2012 г.).

В большинстве случаев такие проекты реализуются в три этапа:

- 1) отбор участников из числа подавших заявление на конкурс;
- 2) прохождение конкурсантами ряда обучающих мероприятий, в т. ч. тренингов, мастер-классов и семинаров;
- 3) участие в итоговом конкурсе на определение победителей.

Для исследования выбраны видеозаписи презентаций бизнес-идей участников отборочного тура проекта «Стань предпринимателем за 60 дней» (г. Кемерово, 2012 г.).

К участию в конкурсе приглашались молодые люди до 35 лет, имеющие бизнес-идею или начинающие развитие своего проекта. Задача перед конкурсантами была поставлена следующим образом: «доказать, что ваш проект самый лучший». Жюри, сформированное из профессионалов в сфере бизнеса, маркетинга и коммуникации, оценивало оригинальность проекта, актуальность, экономическое обоснование, имеющиеся ресурсы, убедительность и эмоциональность рассказчика. За три минуты будущие предприниматели должны были представить свои проекты, затем ответить на вопросы жюри, после чего эксперты выставляли баллы по презентации по шкале от 1 до 6.

В связи с особенностями организации проектов, на каждом из трех этапов перед участниками ставятся

разные коммуникативные задачи. Так, если на первом этапе задача участника – войти в проект, то на третьем этапе – обосновать целесообразность вложения средств в развитие его идеи. Иными словами, степень прагматичности коммуникативной цели участников меняется по возрастающей по мере движения проекта к этапу определения победителя проекта. В первом случае задача участника – максимально выразительно представить себя и свой проект («доказать, что ваш проект самый лучший») Во втором случае – максимально раскрыть механизм продвижения бизнес-идеи, обосновать ее готовность к воплощению.

Кроме определения регламента и темы, конкурсанты ничем не были ограничены, что обусловило широкий спектр риторических стратегий, применяемых ими в ходе презентации. Прежде чем перейти к описанию особенностей примененных риторических стратегий, сформулируем определение риторической стратегии. Под риторической стратегией понимается механизм кодирования установки на адресата, регулирующий как структурное, так и содержательное воплощение замысла [1, с. 86].

Анализ избранного материала (всего 53 презентации) показал, что конкурсанты оценивали своего адресата как разбирающегося в сфере бизнеса, способного оценить предлагаемые ими бизнес-идеи. Однако сформированный образ не для всех презентаций стал продуктивным, и выбранные стратегии можно разделить на два типа:

1) аргументативная, в процессе которой оратор называет свою идею и обосновывает ее состоятельность;

2) нарративная, в ходе которой бизнес-идея представляется как событие.

Отметим, что первый тип оказался более популярным, второй встречается значительно реже, при этом следует отметить, что презентации, использующие нарратив как элемент риторической стратегии, получали высокие оценки (4 – 6).

На первый взгляд видится парадоксальным, что в рамках конкурса бизнес-проектов более выразительной оказалась стратегия, состоящая в повествовании о рождении идеи, о связанных с ней событиях, а не в аргументации состоятельности своей идеи посредством фактов.

Рассмотрим скрипты двух презентаций: первая состоит в обосновании целесообразности производства строительных материалов по новой технологии, вторая – в рассказе о рождении идеи производства дизайнерских футболок.

Добрый день, меня зовут Владислав, я студент политехнического университета, мне 19 лет. Я хочу представить вашему вниманию свою бизнес-идею, основанную на инновационном подходе в сфере малоэтажного быстровозводимого строительства по канадским технологиям. Суть идеи заключается в разветвлении производства теплокаркасных СИП-панелей [неразб.], разработанных в соответствии с с техническим заданием заказчика. Теплокаркасные панели представляют собой трехслойный материал на основе вспененного полистирола самозатухающих марок, на 90 % состоящего из хвойных пород деревьев, для изготовления которого [неразб.] подвергаются

распиловке и лущению на мелкую щепу. Панели выдерживают 18,5 т. Немного хочу рассказать о характеристиках этих панелей и их преимуществах. Монтаж осуществляется без применения дорогостоящей грузоподъемной техники и высококвалифицированных рабочих. Использование теплокаркасных панелей позволяет существенно удешевить как вкладываемые средства в материалы, так и за счет экономии времени при строительстве, стоимость монтажных работ. Данные технологии позволяют возводить здания со скоростью от 100 кв. м в неделю. Высокие теплоизоляционные характеристики позволяют минимизировать потери сооружения, теплопотери сооружения по сравнению с другим видом строительства, максимизировать энергосбережение при отоплении в условиях сибирского климата при диапазоне температур от -600 до +700. Экономичность такого рода строительства позволит обеспечить доступным и качественным жильем население, т. к. средняя цена за 1 кв. м составляет 7000 руб. Преимущества теплокаркасного строительства – высокие теплоизоляционные и антикоррозийные характеристики, отличные прочностные свойства, высокая скорость и простота монтажа здания, небольшой вес, длительный срок эксплуатации, экологичность. Область применения: быстровозводимые социально-бытовые объекты инфраструктуры, малоэтажное строительство, гаражи, ангары, цеха, магазины, торговые центры, морозильные камеры или сушильные камеры. Однозначная успешность данной отрасли обеспечивается полным отсутствием конкуренции в России за Уралом, огромным, стремительно растущим спросом доступного жилья и наблюдающегося на сегодня бумом частного строительства в Кузбассе. Имея собственное производство, компания способна занять весь рынок быстровозводимого строительства в Сибири, т. к. производственная выработка завода в год составит 50 тыс. кв. м жилья. Работы по организации и производству, поиск и обучение персонала, наладка линии производства в нашем городе и отгрузка первой партии составит 90 календарных дней с момента финансирования проекта. И для этого необходимо производственное помещение общей площадью 1500 кв. м с наличием водоснабжения и подъездных путей.

Презентация идеи была живой, эмоциональной, несмотря на волнение выступающего. Конкурсант привел максимальное количество аргументов в поддержку своего начинания в соответствии с предъявляемыми комиссией требованиями. Вместе с тем оценки были неоднозначные, 4 из них “2”, 3 – “3”, 2 – “4”, 1 – “6” баллов. Показательно, что вопросы, заданные конкурсному, касались информации, которая была им представлена в выступлении: «рынок сбыта», «конкуренция», «сроки становления производства». Таким образом, становится понятным, что, несмотря на подробное представление конкурсником своей бизнес-идеи, подбор достаточного количества аргументов, ряд ключевых составляющих бизнес-идеи ускользнули от внимания аудитории, в результате чего Владиславу не удалось произвести нужного впечатления на аудиторию.

Добрый день, меня зовут Ксения. Хочу сразу поблагодарить организаторов за предоставленную воз-

возможность рассказать свою идею. Я представляю проект «Эксклюзивные футболки ручной работы». По образованию я дизайнер, закончила Кемеровский университет культуры и искусства, уже на пятом курсе начала свою работу дизайнера одежды в фирме «Крокид», это крупная производственная компания по выпуску детской одежды. На сегодня я индивидуальный предприниматель, руковожу ателье, где мы занимаемся дизайном, пошивом и ремонтом одежды. Однажды со мной произошла история. Меня пригласили подруги отдохнуть. Как перед любой девушкой, передо мной встал вопрос, в чем же пойти. Продумав варианты, что сочетания джинсов и нарядного топа было бы идеальным. Шить у меня времени не оставалось, поэтому и решила пройтись по магазинам. Первым магазином на моем пути с красивой кричащей вывеской «Итальянская одежда». Там я нашла множество шелковых шифоновых платьев, ярких аксессуаров, но всего три топа, стоимость которых была от 3,5 до 6 тыс. рублей. Я, честно сказать, не была готова потратить такую сумму на майку. Поэтому решила не пытаться счастья в более дешевых брендовых масс-маркетах, но там, копаясь в кипах одежды с множеством девочек, девушек и женщин, я поняла, что мои претензии на индивидуальность могут потерпеть фиаско. Ну потому что никто не хочет прийти куда-то и встретить еще десяток таких же. Тогда мне посоветовали сходить в третий Променад, там висит эксклюзивная одежда. Я туда отправилась. Да, там есть хорошие вещи, действительно. Я даже нашла то, в чем бы я пошла. Но стоимость этой футболки была 8 тысяч рублей, чего я уж точно не могла себе позволить, потому что такую сумму зарабатывают многие за месяц. Пришла домой расстроенная и зайдя в интернет, я решила посмотреть, что же там продают. По запросу «футболка» получила множество ссылок с надписями и термопечатью типа «я принцесса» и все те же дорогие топы в условных единицах. Разглядев их повнимательнее, я задумалась: я же могу сделать такую сама. Тем более что мой опыт на производстве трикотажной одежды и мое образование дизайнера дает мне все шансы на успех. Так родилась моя идея производства футболок, декорированных вручную. Футболки могут быть декорированы вышивкой, аппликациями, стразами, пайетками. Роспись краской на ткани дает вообще огромный простор фантазии. Пример в данном случае на мне. Я решила, что можно выпускать целые коллекции по направлениям. Это могут быть клубный вариант, повседневный, неформальный, можно затронуть социальную сферу. Спасибо.

Жюри в ответ на данную презентацию ограничились комментарием: «Спасибо, Вы ответили на все наши вопросы». Баллы конкурсантка получила следующие: 2 – «3», 2 – «4», 2 – «5», 4 – «6». Таким образом, можно полагать, что у жюри сформировалось достаточно полное понимание предложенной бизнес-идеи.

Если в первом тексте идея представлена как закономерное действие, по мнению автора обреченное на успех, то во втором – идея рассказана как событие. Именно это обстоятельство позволяет определить избранную конкурсанткой риторическую стратегию как нарративную. Под нарративом понимается дис-

курсивный способ конструирования события с помощью рассказывания и/или обоснования отдельных событийных компонентов [1, с. 101].

Поскольку нарратив ориентирован на создание события, стоит охарактеризовать эту категорию более подробно. В. Тюпа называет три характеристики события: «1. Событие гетерогенно. В противовес гомогенной непрерывности процесса (или состояния) событийная цепь дисконтинуальна, фрагментарна, эпизодична. Это вызвано тем, что первоначальной и порождающей инстанцией событийности является актантный фактор вторжения, целенаправленно или случайно прерывающий, искажающий, трансформирующий естественную или нормативную последовательность состояний, ситуаций, действий» [4, с. 55].

Признаком гетерогенности со всей очевидностью обладает вторая презентация, именно в ней описан фактор вторжения, нарушающий привычный ход жизни (в тексте выделено полужирным). Ситуация изложена как реальная проблема, актуальная для рассказчицы и других девушек, идея подается как способ решения проблемы. В первом тексте нет изменений, показывающих некоторую дестабилизацию обстановки. Предлагается новая технология, которая гарантированно, по мнению оратора, будет очень востребована. Но она подана так, что оценивается как одна из существующих технологий, со своими достоинствами и недостатками, и ее значимость оказывается под сомнением.

Вторая характеристика события состоит в его хромотопичности: «то, что фиксируется как событие, есть прежде всего со-бытие каких-то факторов во времени и пространстве» [4, с. 55]. Вторая презентация привязана к конкретному времени (предположительно 1 день, в тексте выделено подчеркиванием: вышла, зашла в такие-то магазины и вернулась) и месту (конкретно указаны магазины, в основном известные присутствующим). Таким образом, повествование становится зримым, осязаемым, поскольку идея уже имеет свое место и время рождения.

Первый текст не связывает идею со временем и местом, и то и другое имеет очень размытые границы. Указание на время – идея будет реализована после получения денежных средств, в течение 90 дней, в течение года. Но отправная точка – получение денежных средств – она гипотетическая, она может появиться, а может не появиться. Место реализации идеи указано хоть и обширное (Сибирь), но весьма абстрактное, т. к. до конца не понятно, насколько эта идея законно претендует на развитие в этом месте. Отсюда возникает ощущение неосновательности, призрачности бизнес-идеи.

Третья характеристика, приписываемая В. Тюпой событию, состоит в интеллигибельности события: «Третьей и решающей инстанцией событийности выступает актуализатор события, обнаруживающий себя в тексте как бахтинский «третий», как обладатель точки зрения («свидетель») и ценностной позиции, собственного голоса... относительно которых и актуализируется смысловая природа данного события, без чего никакая фактичность не событийна» [4, с. 56]. Для автора первой презентации сама бизнес-идея не является событием, она только путь к главной

цели – к получению гранта. Технология не им создана и не им внедрена, автор только хочет реализовать эту готовую технологию на новой торговой площадке, каковой ему видится Зауралье. Такая непричастность автора, вероятно, и становится одной из причин неоднозначного отношения аудитории к его идее. Во второй презентации со всей очевидностью рождение идеи – это событие для конкурсантки, и в ее исполнении становится событием и для аудитории. Ксения сопричастна своей идее независимо ни от каких внешних факторов. Понимание своей идеи как события становится причиной ее активного развития (способы изготовления, тематика, функционал). Подобное отношение заставляет слушателей поверить конкурсантке.

На основе выявленных характеристик В. Тюпа формулирует наиболее значимое свойство события: «...событие фрактально. В принципе любое событие посредством нарративного акта может быть развернуто в цепь микрособытий или, напротив, свёрнуто в эпизод макрособытия... Такого рода преобразования несут в себе эффект понимания без объяснения» [4, с. 57]. В первой презентации отсутствует это свойство фрактальности, каждый из элементов описания легко забывается и не восстанавливается из соседствующих элементов, возможно, поэтому члены жюри задавали вопросы о данных, озвученных в ходе презентации. Обратную картину мы наблюдаем во второй презентации: каждый элемент события (приглашение, посещение магазинов) планомерно подводит слушателя к идее, и в нужный момент она формулируется. Ни для кого, я полагаю, не стало открытием, что же предложит конкурсантка, но подобного рода способ преподавания стал очевидным, в том числе благодаря именно этой предсказуемости.

Эта особенность, продолжает В. Тюпа, «позволяет нам – вслед за П. Рикером – утверждать, что нарратив... представляет собой специфический способ по-

нимания жизни: креативный в противовес логическому. Ибо логичность в силу закономерной однозначности своих выводов и следствий всегда “в какой-то мере неадекватна креативности, присущей рассказу”» [4, с. 57]. Можно предположить, что противопоставляется логическое как совокупность данных, связанных определенным образом, имеющее с необходимостью некий вывод. Именно на логичность сделана ставка в первой презентации (“так должно быть, потому что есть подтверждающие факты”). Во второй презентации не предусмотрено, что “так должно быть, к тому есть основания”, в ней говорится о том, что так случилось и так есть. Событие не подвержено логике, но оно жизненно, его нужно уметь усмотреть в череде сменяющихся изменений. Именно поэтому бизнес-идея Ксении, представленная как событие, воспринимается как более жизнеспособная.

В подведение итогов рассмотрим связь понятий риторическая стратегия – нарратив – событие. Ранее определения были сформулированы, теперь задача состоит в установлении взаимосвязи и ответе на вопрос, в чем секрет удачности применения нарратива в качестве составляющей риторической стратегии.

Событие, наделяясь такими чертами, как гетерогенность, хронотопичность, интеллигибельность и фрактальность, обладает способностью быть привлекательным, понятным, актуальным для его свидетеля. Событие не произойдет для аудитории без нарратива, т. е. должно быть определенным образом организовано и рассказано. Благодаря нарративу слушатели становятся сопричастными событию. Поскольку риторическая стратегия есть механизм кодирования установки на адресата, регулирующий как структурное, так и содержательное воплощение замысла, то использование нарратива как составляющей этого механизма закономерно и способно усиливать речевое воздействие.

Литература

1. Артемова Т. В. Нарратив как компонент риторической стратегии обвинительных речей А. Ф. Кони: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 232 с.
2. Гурьева З. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: лингвопрагматический аспект. Краснодар, 2003. 250 с.
3. Катышев П. А. Бизнес-дискурс как объект теоретической лингвистики // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания. Бийск: АГАО, 2014. Вып. 3. С. 15 – 19.
4. Тюпа В. И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. 2002. Вып. 5. С. 5 – 31.
5. Daniushina Yu. V. Business linguistics and business discourse // Calidoscópico. Vol. 8. N. 3. Set/dez, 2010. P. 241 – 247.

Информация об авторе:

Артемова Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, artemova-tv@mail.ru.

Tatiana V. Artemova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

**НЕМЕЦКИЕ ГЛАГОЛЫ С ПРЕФИКСОМ ER-,
ОПИСЫВАЮЩИЕ СИТУАЦИЮ РЕЗУЛЬТАТА ДЕЙСТВИЯ ИЛИ ПРОЦЕССА**
О. В. Бадер, К. А. Шишигин

**GERMAN VERBS WITH THE PREFIX ER- DESCRIBING THE
„RESULT OF ACTION OR PROCESS” SITUATION**
O. V. Bader, K. A. Shishigin

В настоящей статье показаны возможности анализа префиксальных глаголов на материале немецких глаголов с префиксом *er-*, описывающих ситуацию результата действия или процесса, с учетом трех уровней: объективно-денотативного уровня ситуации, когнитивно-семантического макроуровня концепта ситуации и когнитивно-семантического микроуровня ситуатемы, показывающей, что при взаимодействии производящей основы и префикса, возникает глубинный смысл, включающий несколько микроситуаций, связанных различными таксисными отношениями. Также рассмотрены их словообразовательные и морфосинтаксические характеристики.

The article presents options for analysis of the prefixal verbs on example of German verbs with prefix *er-*, describing the situation for 'result of action or process' taking into account three levels of situation: objective denotative, cognitive-semantic macro- and cognitive-semantic micro-level of the situatheme, the latter showing that the interaction of the verb stem and the prefix results in a deep sense which includes several micro-situations connected by various taxis relations. The article also feachures the word-forming and morphosyntactic characteristics of the verbs in question.

Ключевые слова: немецкий язык, префикс, префиксальный глагол, когнитивная семантика, ситуация, концепт ситуации, ситуатема.

Keywords: the German language, prefix, prefixal verb, cognitive semantics, situation, concept of a situation, situateme.

Цель статьи – показать возможность анализа префиксальных глаголов на материале немецких глаголов с префиксом *er-*, описывающих ситуацию результата действия или процесса, с учетом трех уровней: объективно-денотативного уровня ситуации, когнитивно-семантического макроуровня концепта ситуации и когнитивно-семантического микроуровня ситуатемы, а также рассмотреть их словообразовательные и морфосинтаксические характеристики.

В настоящей статье рассматриваются немецкие результативные глаголы с префиксом *er-*, описывающие ситуацию овладения референтом. Эти глаголы представляют собой не только самый многочисленный класс (91 из 350, то есть 26 %), но и класс, в котором анализируемый префикс комбинируется с производящими основами всех знаменательных частей речи. Описывая результативные ситуации, они получают дифференциальную сему <овладение референтом>.

При анализе ситуации на когнитивно-семантическом макроуровне мы исходим из первичной конкретно-пространственной семантики префикса, которая представляет собой определяющий компонент обобщенного значения глагола. Данные обобщенные значения мы называем архисемами, под которыми понимаем «интегральные семы высокого уровня абстракции» [3], общие для всех глаголов с данным префиксом. Архисема представляет собой этимологический семантический инвариант, обу-

словливающий типовой концепт ситуации (ср. [4, с. 102]).

Этимологический словарь немецкого языка [6] дает описание происхождения префикса *er-* и указывает на его первоначальное значение «наружу». Однако результативные глаголы с данным префиксом лишь в достаточно абстрактной мере сохранили этимологически пространственную и вторичную непространственную семантику и обозначают достижение результата или стремление к достижению результата.

Результативные глаголы с префиксом *er-*, в своём большинстве, концептуализуют ситуации асимметрично, поскольку «результативные объективно-денотативные ситуации не связаны с выходом из контейнера, но на уровне глубинной абстракции к таковому сведены быть могут» [4, с. 148]. Под асимметричными концептами ситуаций мы понимаем ситуации, «когда в объективно-денотативной ситуации и в ситуатеме одноименный с архисемой обстоятельственный параметр отсутствует» [4, с. 83]. Также в настоящей статье мы рассматриваем изоморфно-симметричные концепты ситуаций, «когда в объективно-денотативной ситуации и в ситуатеме одноименный с архисемой обстоятельственный параметр отсутствует, но с определенной, иногда значительной долей глубинной абстракции действие, процесс или состояние концептуально может быть соотнесено с данным параметром» [4, с. 83].

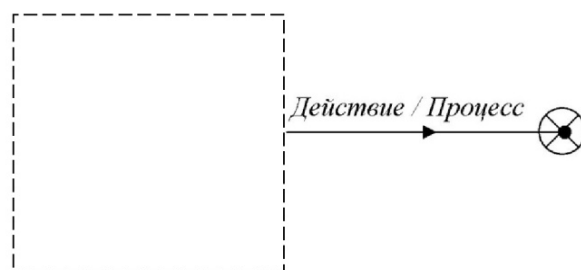

Схема 1. Концепт ситуации «Результат действия или процесса»

Примечание: а) пунктирный прямоугольник – концептуальный контейнер; б) стрелка обозначает ось протяженности действия или процесса; в) треугольный «наконечник» посередине стрелки – стремление действия или процесса к результату; г) круглый конец стрелки – результативное завершение действия или процесса; д) окружность с перекрещенными линиями внутри – результат или цель, которую достигает или к которой стремится действие или процесс.

По способу воздействия на референта префиксальные глаголы распределяются на следующие тематические классы (некоторые глаголы встречаются в нескольких тематических группах):

а) с трудом достигнутая материальная добыча/победа: *erbeuten, erborgern, ererben, erfahren II, erfechten, erfliegen, erfordern, erfüllen II, ergattern, erhalten II, erhandeln, erhausen, erheiraten, erjagen, erkämpfen, erkaufen, erlaufen, erledigen, erlösen I, erlosen, ermäkeln, ermitteln, erpaddeln, errackern, erramschen, erringen, errudern, erschwingen, ersegen, ersiegen, ersingen, ersitzen, ersparen I, erspielen, erspringen, erspurten, erstehen II, ersteigern, erstreiten, erstürmen, ertanzen, erübrigen, erwandern, erwerben, erwirtschaften, erzielen, erzwingen*;

– в том числе обманным/незаконным путем: *ergaunern, erheucheln, erkaufen, erlisten, erpressen, erschachern, erschieben, erschleichen, erschmeicheln, erschmieren, erschnorren, erschwindeln, ersitzen, ertrügen*;

б) охват одушевленного или неодушевленного референта: *erfassen, ergreifen, erhaschen, erloten, erproben, erraffen, erschnappen, er testen*;

в) получение абстрактного референта: *ererben, erhalten II, erheiraten, erheischen, erlangen, ertrotzen, ertrutzen, erübrigen, erwirken*;

г) абстрактный охват референта: *erfassen, ergreifen, erhaschen, erledigen, ermessen, ermitteln, erproben, erraffen, errechnen, er testen*;

д) получение информации: *erfahren I, erfahren II, erfragen, erholen, sich erkundigen, erlernen, erlesen II, ersehen I*;

– в том числе обманным/незаконным путем: *erhorchen, erlauschen*;

е) настоятельная просьба:

– направленная к одушевленному референту: *erbeten II*;

– о помощи: *erbeten I, erbetteln, erbitten, erflehen, ersuchen*.

Ситуация, обозначаемая префиксальными глаголами с *er-*, состоит в том, что одушевленный референт овладевает или стремится овладеть другим референтом посредством продолжительного или трудного действия, которое называется производящей основой, например:

(1) *erstürmen* 'захватить штурмом': Das Volk (одуш. референт/субъект) von Paris hat das Staatsgefängnis der Bastille (неодуш. референт/объект)... **erstürmt** [7]. 'Народ штурмом взял государственную тюрьму Бастилия...!'

(2) *ergaunern* 'наворовать': Dieses Geld (неодуш. референт/объект) hast du (одуш. референт/субъект) dir doch **ergaunert**! [6, с. 449]. 'Эти деньги ты ведь себе наворовал!'

Пример (1) описывает ситуацию, когда одушевленный референт (существительное *Volk*/субъект) физически становится владельцем неодушевленного референта (имя собственное *Bastille*/объект) за счет действия, которое называется производящим глаголом. В данном случае концепт ситуации можно рассматривать как ассиметричный, так как ситуация не связана с выходом из контейнера.

Пример (2) описывает ситуацию, когда одушевленный референт (личное местоимение *du*/субъект) овладевает деньгами (неодушевленный референт/существительное *Geld*/объект) посредством воровства или мошенничества (производящий глагол). Здесь высказывание с префиксальным глаголом *ergaunern* концептуализует ситуацию изоморфно-симметрично, так как начало концептуально уподобляется изъятию из контейнера наружу.

Рассмотрим далее результативные глаголы с префиксом *er-*, концептуализующие ситуацию как «овладение референтом» на микросемантическом уровне ситуатемы, под которой понимается «единица лексикализованного плана содержания, отражающая динамическую полиситуативную денотативную структуру открытого, нелимитируемого типа» [1, с. 30]. Все глаголы данного класса содержат причинный и целевой компоненты, которые выявляются на уровне микросемантического анализа. Целевой микроситуацией ситуатемы является овладение определённым объектом. Данная микроситуация является периферийной, так как она актуализуется лишь производящей основой.

Ситуации, которые описываются префиксальными глаголами анализируемого класса, можно представить в виде следующей ситуатемы (схема 2).

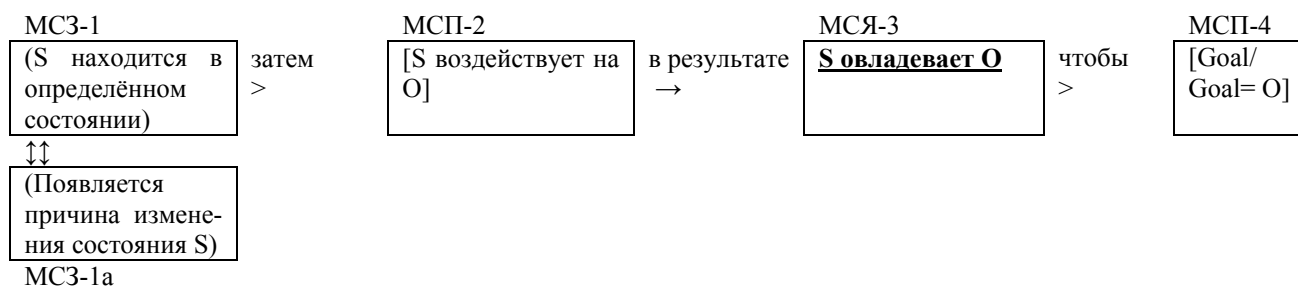

Схема 2. Ситуатема глаголов с префиксом *er-*, описывающих ситуацию «Овладение референтом»

Примечание: в данной схеме: прямоугольник обозначает микроситуацию: S – «субъект»; O – «объект», МСЯ – «ядерная микроситуация»; МСП – «периферийная микроситуация»; МСЗ – «закадровая микроситуация»; цифровой индекс и > – «порядок следования микроситуаций»; → – «результат»; ⇕⇕ – «синхронная микроситуация».

Ситуатема схематично отображает полиситуативную структуру префиксальных глаголов, которую поясним на примере глагола *erstürmen* из высказывания (1):

– (У народа появляется состояние недовольства) МСЗ-1а или (народ пребывает в состоянии недовольства) МСЗ-1 – это хронологически первая, закадровая микроситуация, то есть синтаксически не выразимая при данном глаголе, но воспроизводимая при глубинном анализе (в схеме ситуатемы изображена в круглых скобках);

– (Народ штурмует Бастилию) МСП-2 – это хронологически вторая, периферийная микроситуация (в схеме ситуатемы изображена в квадратных скобках);

– **Народ штурмом берёт Бастилию** МСЯ-3 – это ядерная микроситуация, выраженная самой глагольной лексемой, которая является следствием предыдущих – закадровой и периферийной микроситуаций;

– (Народ владеет Бастилией) МСП-4 – это хронологически четвёртая, периферийная ситуация, которая содержит целевой компонент (в схеме ситуатемы изображена в квадратных скобках).

Результативная ядерная микроситуация овладения объектом в схеме ситуатемы занимает промежуточное «положение». Это состояние является началом новой ситуации и в этом прослеживается связь концепта ситуации с ситуатемой, так как выход наружу связан с проявлением начала чего-то нового.

С точки зрения морфосинтаксиса все префиксальные глаголы (кроме рефлексивного *sich erkundigen*) данного класса являются транзитивными, из них:

а) 51 являются транзитивированными, то есть:

– 45 образованы от интранзитивных: *erbeten I, erbeten II; erbetteln, erfahren I, erfahren II, erfechten, erflehen, erfliegen, ergaunern, erhandeln, erhausen, erheucheln, erhorchen, erkämpfen, erlangen, erlaufen, erlosen, erlösen I, ermäkeln, erpaddeln, errackern, erringen, errudern, erschachern, erschleichen, erschmeicheln, erschwindeln, erschwingen, ersegeln, ersiegen, ersingen, ersitzen, erspielen, erspringen, erspurten, erstehen II, erstreiten, ertanzen, ertrotzen, ertrügen, ertrutzen, erwandern, erwirken, erwirtschaften, erzielen*;

– 4 образованы от существительных: *erbeuten, ergattern, erlisten, ermitteln*;

– 2 образованы от прилагательных: *erledigen, erübrigen*;

б) 37 транзитивных, образованных от транзитивных производящих глаголов: *erbitten, erborgen, ererben, erfassen, erfordern, erfragen, erfüllen II, ergreifen, erhalten II, erhaschen, erheiraten, erheischen, erholen, erjagen, erkaufen, erlauschen, erlernen, erlesen II, erloten, ermessen, erpressen, erproben, erraffen, erramschen, errechnen, erschieben, erschmieren, erschnappen, erschnorren, ersehen I, ersparen I, ersteigern, erstürmen, ersuchen, er testen, erwerben, erzwingen*;

в) всего один глагол – *sich erkundigen* – рефлексивированный и образован от наречия.

Префиксальные глаголы данного класса за счет префиксации претерпевают следующие изменения когнитивно-семантического характера:

а) у 3 глаголов с глагольной производящей основой (*erfahren I, erschwingen, erschleichen*), у 2 глаголов с субстантивной производящей основой (*ergattern, ermitteln*) и у глагола *erledigen (sich)* с адъективной производящей основой происходит изменение семантики производящей основы:

– *erfahren I* 'исследовать, познакомиться, испытать' первоначально означал «ездить; объездить, изъездить (свн. *ervarn*, двн. *irfaran*; добаться)», но достаточно рано стал использоваться в нынешнем смысле. В частности, причастие II *erfahren* с XV в. используется как прилагательное в значении «умный, сведущий» [6, с. 185]. Поэтому префиксальный глагол *erfahren* можно интерпретировать как «овладеть знаниями, опытом».

– *erschwingen* 'раздобыть', производящий глагол которого *schwingen* «махать» в XVI в. (свн. *erswingen*) испытал переосмысление «достать взмахом», а затем 'раздобыть, добиваться с трудом' [6, с. 749];

– *erschleichen* 'добиваться обманом': производящий глагол движения *schleichen* 'красться, подкрадываться' при прибавлении префикса *er-* переосмысливается и описывает не движение, а целенаправленное действие, которое осуществляется «как бы» крадучись;

– *ergattern* 'раздобыть': производящая основа – существительное *Gatter* 'решетчатые ворота'; как предполагается, префиксальный глагол в XVI в. озна-

чал «достать что-либо через забор/решетку» [6, с. 250];

– *ermitteln* 'выяснять': производящая основа – существительное *Mittel* 'средство' или глагол *mitteln*, который употребляется не самостоятельно, а только в префиксальных глагольных образованиях [6, с. 533];

– *erledigen* 'улаживать': производящая основа – прилагательное *ledig* 'свободный', которое в префиксальном глаголе переосмысливается;

б) все транзитивированные префиксальные глаголы описывают ситуации, в которых (по сравнению с ситуациями, описываемыми производящими глаголами) появляется еще один референт: овладеваемый референт;

в) у глаголов *erheiraten* и *erzwingen* на уровне концепта ситуации происходит понижение статуса овладеваемого референта с одушевленного до неодушевленного.

В настоящей статье на примере результативных префиксальных глаголов немецкого языка была показана полиситуативность глагольной семантики: на объективно-денотативном уровне ситуации, когнитивно-семантическом макроуровне концепта ситуации и когнитивно-семантическом микроуровне ситуации.

Литература

1. Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск: Изд. Томского университета, 1999. 262 с.
2. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
3. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. 137 с. Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Leksicheskoe_znachenie_v_rechi_1985.pdf (дата обращения: 07.07.2015).
4. Шишигин К. А. Словообразовательная система гибридного языка: факторы формирования, развития и функционирования (на материале префиксальных глаголов идиша): дис. д-ра филол. наук. Кемерово: КемГУ, 2015. 414 с.
5. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim – Wien – Zürich: Dudenverlag, 1989. 1816 s.
6. Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2001. 960 s.
7. Limas-Korpus. Режим доступа: <http://korpora.zim.uni-due.de/cgi-bin/Limas/chkinput.pl?kontextbreite=3&menge=20&seite=einfach%2Ehtm&startpos=1&suchtext=erst%FCrmt+> (дата обращения: 07.07.2015).

Информация об авторах:

Бадер Оксана Викторовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачёва, bader_oksana@rambler.ru.

Oksana V. Bader – assistant lecturer at the Department of Foreign Languages, Kuzbass State Technical University n. a. T. F. Gorbachev.

Шишигин Кирилл Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии КемГУ, schischigin-ka@rambler.ru.

Kirill A. Shishigin – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of German Philology Department, Kemerovo State University.

Таким образом, концепт ситуации и ситуатема, коррелируя друг с другом, являются глубинными уточнителями семантики префиксального глагола, который описывает ситуацию, напрямую соотносящуюся только с ядерной микроситуацией:

а) ситуация и ситуатема характеризуются общим компонентом «овладение референтом» или «стремление овладеть референтом»;

б) на когнитивно-семантическом макроуровне ситуация «овладение референтом» концептуализуется асимметрично и изоморфно-симметрично;

в) на уровне ситуатемы: контекстная ситуатема глаголов, описывающих ситуацию «овладение референтом», содержит причинный и целевой компоненты и является ретроспективно-перспективной с четырьмя микроситуациями.

С точки зрения морфосинтаксиса все префиксальные глаголы (кроме рефлексивного *sich erkundigen*) данного класса являются транзитивными и за счет префиксации претерпевают следующие изменения когнитивно-семантического характера: изменение семантики производящей основы/появление овладеваемого референта или понижение статуса овладеваемого референта с одушевленного до неодушевленного.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

**РОЛЬ ПИЩЕВОЙ МЕТАФОРЫ
В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТОПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ОБЪЕКТОВ**
А. В. Боровкова

**THE ROLE OF FOOD METAPHOR
IN THE CHARACTERIZATION OF TOPOLOGICAL PROPERTIES OF OBJECTS**
A. V. Borovkova

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 14-04-00207 а – «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание», 2014 – 2016 гг.

В статье анализируется роль образных средств языка, транслирующих пищевую метафору, в характеристике топологических свойств объектов. Описывается методика анализа концептуализации формы, размера и положения в пространстве предметов посредством пищевой метафоры на материале образных слов и выражений, мотивированных наименованиями блюд и продуктов питания. Предлагается классификация топологических типов объектов. Данная классификация выстроена на основании того, какие формы и размеры объектов поименованы в русском языке посредством пищевой метафоры, а также с учетом сочетаемости описываемых образных средств с другими словами. Выявляется оценочная семантика изученных образных единиц.

The article analyzes the role of figurative means of language reflecting the food metaphor, in the characterization properties of topological objects. It describes the analysis technique of conceptualization of the shape, size and position of objects in space through food metaphors on the material of figurative words and expressions motivated by names of dishes and food. The article proposes a classification of topological types of objects. The classification reflects the form and size of the objects called by food metaphors in the Russian language, and compatibility of the figurative lexis with other words. The article determines the evaluative semantic of the figurative words in question.

Ключевые слова: метафора, пищевой код культуры, образная лексика и фразеология, картина мира, топологическая функция метафоры.

Keywords: metaphor, food code of the culture, figurative lexis and phraseology, picture of the world, topological function of metaphor.

В современной лингвистике актуальным является изучение когнитивной метафоры, под которой понимается познавательный и мыслительный процесс, заключающийся в осмыслении одних явлений окружающей действительности в терминах других категориальных сфер (М. Джонсон [6], Дж. Лакофф [6], Р. Гиббс, Э. Маккормак, В. Эванс, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов [13] и др.). Связь между двумя различными понятийными сферами, складывающаяся в сознании человека, образует метафорическую модель, которая может быть схематично представлена в соотношении «X – это Y» (Дж. Лакофф и М. Джонсон [6]). Современными исследователями выделяются и описываются различные метафорические модели, демонстрирующие универсальные и национально специфичные направления метафорических переносов: зооморфные «Нечто – это Животное», фитоморфные «Нечто – это растение», антропоморфные «Нечто – это Человек» и т. п. Наше исследование посвящено изучению и описанию пищевой метафоры, представленной в виде модели «Нечто – это Еда».

Актуальность изучения пищевой метафоры обусловлена тем, что гастрономическая деятельность является необходимой составляющей жизнедеятельности человека, различные кулинарные образы отражают специфику национальной культуры и наполнены символическим содержанием. Образы еды «ощутимы, зримы, понятны и узнаваемы» [15, с. 12], поэтому участвуют в концептуализации представлений человека о мире. Пищевая метафора исследовалась в разных ас-

пектах: анализировалась роль пищевой метафоры в различных типах дискурса (А. С. Бойчук [1], Т. В. Максимова [7]; Е. Е. Меньшикова [8]; А. Р. Шхумишхова [14] и др.); осуществлялся сопоставительный анализ пищевой метафоры в русском, английском, французском, итальянском и других языках (Е. М. Кирсанова [5], О. А. Дормидонтова [3], Е. А. Юрина [16] и др.). В настоящее время группой томских исследователей под руководством доктора филологических наук Е. А. Юриной осуществляется проект комплексного описания пищевой метафоры, подразумевающий исследование реализации кулинарного кода культуры в образной лексике и фразеологии русского языка (Е. В. Капелюшник [4]); анализ миромоделирующего и аксиологического потенциала пищевой метафоры (А. В. Боровкова [2], Е. А. Юрина [17]), ее лексикографическую репрезентацию (М. В. Грекова и Е. А. Юрина [18], «Словарь русской пищевой метафоры» под редакцией Е. А. Юриной [11]).

Объектом нашего исследования выступают образные слова и выражения различной структуры (языковые метафоры, сравнительные обороты, образные слова с метафорической внутренней формой, двухкомпонентные номинации, идиомы), реализующие пищевую метафору. Цель статьи заключается в выявлении роли пищевой метафоры в характеристике топологических свойств объектов. Топологическими свойствами называют параметры формы, соотношение формы и размера, расположение предмета в пространстве. По словам Е. В. Рахилиной, топологический тип объекта – это «совокупность функционально

значимых характеристик его формы и размера, взятых в единстве, другими словами, пространственный образ объекта, подчиненный особенностям его функционирования» [10, с. 154]. В качестве материала исследования были использованы лексические и фразеологические единицы, образно мотивированные наименованиями блюд и продуктов питания и вошедшие в первый том «Словаря русской пищевой метафоры» [11], в семантике которых отражены характеристики формы, размера и положения предметов в пространстве; а также контексты, демонстрирующие их речевое употребление, извлеченные из контекстной базы Национального корпуса русского языка [9].

Топологические свойства объекта являются неотъемлемой частью его визуального облика: невозможно представить себе какой-либо предмет, не зная его форму и размер. Е. В. Рахилина указывает на то, что наглядный способ презентации объекта лучше объяснительного: «Картинка проще слов. Рисунок является пространственной моделью, отображающей то, как человек воспринимает окружающее его пространство» [10, с. 235]. Чтобы подтвердить данный тезис, сравним два выражения с одним и тем же значением, характеризующие размер и форму объекта: «с горошину» и «мелкий шарообразный предмет». Первое выражение, построенное на сравнении, вызывает в сознании адресата образ горошины, форма и размер которой являются эталонными и легко воспроизводятся в виде картинки в сознании носителя языка. Второе выражение требует выполнения когнитивной операции, состоящей из соотнесения объекта с шаром (концептуализация формы), а затем представления его небольшого размера, который носителями языка может осознаваться по-разному (концептуализация размера).

Исследование роли пищевой метафоры в характеристике топологических свойств объектов предусматривает описание фрагмента русской языковой картины мира, связанного с образной интерпретацией таких категорий, как размер, форма, положение в пространстве. Описание топологических свойств объекта посредством пищевой метафоры и их концептуализации в сознании носителей языка потребовало выполнение пошаговой методики анализа:

1. Выявление лексических и фразеологических единиц, образно характеризующих форму, размер и положение в пространстве (*как яблоко* – ‘о чем-л., имеющем шарообразную форму’, *крошка* – ‘предмет нестандартно маленького размера и др.').

2. Анализ их семантики и контекстного употребления, позволяющий выявить типы объектов, топологические свойства которых характеризует пищевая метафора. Например, сравнение *как яблоко* согласно проанализированным контекстам характеризует фигуру человека, округлую форму частей тела (лицо, грудь, щеки), округлые предметы / артефакты (каблуки, огни светофоров), натурфакты (звезды, луна); языковая метафора *крошка* называет мельчайший частицы каких-л. застывших веществ, материалов, небольшие предметы.

3. Классификация образной лексики и фразеологии с точки зрения выражения топологических характеристик различных объектов.

4. Описание системы образной концептуализации топологических свойств объектов посредством пищевой метафоры.

5. Анализ оценочной семантики отобранных единиц и выявление критериев ценностного отношения к параметрическим свойствам объектов.

Форма может иметь различные виды схематической репрезентации в сознании человека, которые находят свое отражение в языке. В. М. Топорова в статье «Типология языковых концептов пространственной формы» [12] выделяет следующие типы репрезентации формы: на уровне восприятия видимой границы предмета (очертание, контур), на уровне плоскостного восприятия (силуэт, профиль), на уровне выделения структурной схемы [12, с. 216]. В своей статье В. М. Топорова замечает, что восприятие пространства и формы основывается на представлениях о геометрии Евклида, что закреплено в значениях языковых единиц. Однако в сознании человека существуют не только **геометрические эталоны формы** (круг, квадрат, треугольник, шар, конус, цилиндр и т. д.), но и **предметно маркированные эталоны**, входящие в систему бытовой пространственной ориентации людей и подразделяющиеся на три подтипа: предметно маркированные абстрагированные конфигурации и топологические схемы предметов, соотносящиеся с определенным геометрическим образом (чаша – полушарие, кольцо – круг и т. д.); усложненные конфигурации и топологические схемы, абстрагированные от конкретных предметов и ставшие эталонами в сознании носителей языка (гриб, воронка, груша и др.); структурные схемы предметов (дерево, елочка и др.) [12, с. 216]. Таким образом, автор разграничивает геометрические и предметно маркированные концепты формы.

Другую классификацию предлагает Е. В. Рахилина в своей монографии «Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость» [10]. Анализируя основания сочетаемости прилагательных, называющих размер и форму, с предметными именами, она, вслед за Л. Талми, выделяет различные топологические типы: круглые объекты, плоские объекты, вытянутые объекты, бесформенные объекты, емкости (контейнеры, вместилища), стержни, плоскости и др. Эти топологические типы «как бы вбирают в себя сложные наборы признаков, которые пытались отразить структурные описания, и являются для антропологического подхода к языку альтернативой евклидовой геометрии: они объясняют, в частности, почему в языке, в отличие от геометрии не у всякого объекта есть измерения» [10, с. 120]. Разница топологических типов объектов в классификациях В. М. Топоровой и Е. В. Рахилиной объясняется задачами, стоящими перед исследователями. Классификация В. М. Топоровой составлена таким образом, чтобы объяснить процесс концептуализации формы в сознании человека, в то время как типы в классификации Е. В. Рахилиной, характеризующиеся свойственным лишь им набором измерений, позволяют объяснить с когнитивной точки зрения процесс сочетаемости одних слов с другими.

В нашем исследовании классификация топологических типов выстроена на основании того, какие

формы и размеры объектов поименованы в русском языке посредством пищевой метафоры, а также с учетом того, топологические свойства каких явлений действительности характеризуются носителями русского языка посредством пищевой метафоры. Так, опираясь на классификацию В. М. Топоровой, мы выделяем три основных типа формы:

1) предметно маркированные конфигурации и схемы, соотносящиеся с геометрическим образом (*баранка, калач, лепешка* и др.);

2) усложненные конфигурации (*груша, гриб, крендель* и др.);

3) структурные схемы предметов (*творожистый, блинчатый* и др.).

Первый тип представлен языковыми единицами, мотивированными наименованиями блюд и продуктов питания, соотносимыми с такими геометрическими образами, как круг, квадрат, линия, шар, цилиндр, эллипсоид, которые различаются между собой не только формой, но и наличием/отсутствием объема.

При характеристике контуров объектов или плоских предметов задействованы геометрические образы круга, квадрата, линии.

Круг. Форма круга отражена в семантике таких единиц, как *в горох* 'узор в виде кружков', *в яблоках* 'окрас лошади в виде круглых пятен', *баранка, баранкой, бублик, как бублик, форма бублика, калач, калачом, каралька* – 'о предметах, имеющих форму кольца', *блин, как блин, блином, блинный, сплющиться в блин, блинообразный, лепешка, как лепешка* – 'о плоских круглых предметах', *яблочко* 'мишень', *как ягодка, ягодкой* – 'о небольших округлых предметах', *пельмени, как пельмень, пельмешком, (как) вареники* – 'об ушах'. Несмотря на то, что семантика данных образных единиц связана с характеристикой одного типа формы, они употребляются в сочетании с разными объектами. Так двухкомпонентные образные номинации *в горох* и *в яблоках* называют узор на ткани и окрас лошади (соответственно) в виде кругов, метафора *яблочко* обозначает нарисованную круглую центральную часть мишени. Блин и лепешка выступают образными эталонами для характеристики круглых и плоских предметов, а также предметов, расплюснутых в результате деформации. Например, метафора *блин* называет крышки люка, металлические диски, небесные светила, круглое лицо, а также сплюснутые под внешним воздействием головные уборы, подушки: «Она вспоминала, как в больнице мать, свернувшись в комок, держалась костяной ручкой за прут кроватной спинки, а грязный блин подушки лежал у нее на плече» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки). Блин и лепешка как пищевые продукты характеризуются постоянным признаком – круглой формой, но при метафорической номинации на первое место выходит другое их свойство – плоский: «Он дотил банку, нажал сверху подошвой, сплющил, продавливая мох. Сложилась железная лепешка» (С. Шаргунов. Вась-вась). Баранка, бублик, каралька, калач чаще выступают эталонами для объектов, которые обладают временным свойством закругленности, получив такую форму в результате внешнего воздействия (заплетенные в кольцо косы, закрученные волосы) или самостоятельно стре-

мясь приобрести ее (поднятый вверх закругленный хвост животных; сложенные друг на друга руки, образующие круг; согнутое положение тела): «Пшеничным калачом заплетена коса вокруг милой головы моей уездной музы, в ком сочетается неяркая краса крестьянской девушки с холодностью медузы» (В. Катаев. Трава забвенья). Образные единицы *как ягодка, ягодкой, пельмени, как пельмень, пельмешком, (как) вареники* употребляются по отношению к округлым частям лица: оттопыренные уши сравниваются с варениками, пельменями; глаза и рот уподобляются ягодкам.

Квадрат / прямоугольник. Мы объединяем эти две геометрические фигуры в связи со слабой их противопоставленностью в бытовой характеристике формы. На подобный факт также указывает в своей статье В. М. Топорова, замечая, что квадрат и прямоугольник часто отождествляются по признаку наличия прямого угла, и фраза «квадрат окна» вовсе не обязательно обозначает окно правильной квадратной формы [12, с. 217]. Форма квадрата посредством пищевой метафоры представлена в образных единицах *вафля, как вафля, вафельный*, характеризующих клетчатый отпечаток на ткани или другой поверхности: «Он нацепил темные очки и поплелся умываться, перекинув через плечо не очень чистое вафельное полотенце, которое ему вручил его хозяин» (Д. Глуховский. Метро). К этой же группе отнесем образные единицы *кочерыжка, словно вобла, как килька, (как) селедка*, употребляющиеся по отношению к очень худому человеку. В семантике данных единиц не прослеживается характеристика формы, указываются только объемы, но так как все единицы характеризуют фигуру человека, можно говорить о том, что они отсылают к образу плоского прямоугольника: «Я девушка довольно выскокая, 179 см. И при этом худая как селедка» (Коллективный).

Линия / полоска. Образным эталоном для характеристики линии выступает лапша (*лапша, как лапша* 'о предметах, имеющих форму тонких длинных полосок' – чаще о проводах, шнурах): «Шнурки, завязанные как лапшу, выдергивает» (А. Иличевский. Перс).

Отдельную группу в классификации формы составляют объемные предметно маркированные образы, которые соотносятся с такими геометрическими фигурами, как шар, цилиндр, эллипсоид.

Шар. Форма шара отражена в семантике образных единиц *горох, горошина, как горох, как яблоко*, называющих различные артефакты и натурфакты шарообразной формы (капли воды, град, плоды растений, бусины, небольшая опухоль, небольшие глаза и т. п.). К этой же группе отнесем образные слова *пампушка, (как) пончик, пышка, (как) булочка, как тыква, как репа, кочан*. Пышные, объемные, мягкие хлебобулочные изделия округлой формы характеризуют шарообразную фигуру и округлые части тела: «Он почти всю дорогу нес девочку на руках, целовал ей ручки и щечки-пампушки и разговаривал с ней, сам такой же белокурый и голубоглазый, как она» (А. Фадеев. Молодая гвардия). Сравнения *как тыква, как репа* и метафора *кочан* называют голову человека, уподобляя форму и размер этих овощей парамет-

рам головы: «Он крутит **круглой, как репа**, головой, восковая спелость которой выдает ее возраст» (В. Скрипкин. Тинга). В этих образных единицах характеристика топологических свойств головы чаще имеет фоновое звучание, основное значение заключено в передаче отрицательной оценки умственным качествам человека: «Чтобы слопать еще такое, чтобы моя **бестолковая тыква** или перестала ныть или совсем отсохла что ли, как ненужный и чужеродный придаток организма «приличной» женичины» (Л. Кузнецова. Метрономом по тыкве).

Цилиндры / стержни. Форма цилиндра посредством пищевой метафоры может быть охарактеризована лексемами **колбаса, колбаска, колбаской, как огурец** – ‘о предметах в форме длинного узкого цилиндра, **как сосиска, (как) сардельки** – ‘о толстых пальцах. Образные единицы (**как) сардельки, как сосиска** содержат в себе отрицательную эстетическую оценку и характеризуют толстые пальцы человека, напоминающие цилиндры: «Вчера ушиб руку на волейболе, и к утру пальцы распухли, **как сосиски в кипятке**» (Ю. Даниэль. Письма из заключения). Оставшиеся единицы не характеризуют человека, а используются для номинации формы различных вытянутых предметов (шланг, ветроуказатель, шнур), твердых веществ, сформированных в виде цилиндров (тесто, пластилин и т. п.), животных с вытянутым длинным телом (ящерица, змея): «Откуда-то сбоку появилось приземистое, почти не выделяющееся среди травы тёмно-бурое тело. Оно замерло поблизости от нашей приманки, а затем начало **вытягиваться в длинную колбасу**» («Наука и жизнь»).

Эллипсоид. Форма эллипсоида концептуализируется путем пищевой метафоры в словах **лимонка** – ‘ручная граната, по форме и размеру напоминающая лимон, **яйцевидный, яйцеобразный, яйцеголовый, форма яйца** – ‘о предметах овальной формы с одним суженным и другим расширенным концами. Образное слово **яйцеголовый** может в зависимости от контекста выражать амбивалентные оценки: отрицательную эстетическую оценку, характеризуя форму суженной кверху головы, и положительную интеллектуальную, связывая такую форму головы с наличием у человека эрудиции. Оставшиеся единицы характеризуют форму различных частей растений (листья, плоды или семена, форма кустарников, крона деревьев) или человеческого тела (живот, голова, макушка, череп).

Вторая группа классификации по форме включает образные слова, называющие усложненные конфигурации, не соотносимые с определенной геометрической формой, при этом сама форма пищевого продукта становится эталонной, абстрагируется от конкретного предмета и используется для характеристики других предметов подобной формы. К этой группе относятся образные языковые единицы **крендель, кренделем** – ‘о предмете в виде восьмерки или буквы «В», **груша, грушей, грушевидный** – ‘о предмете, имеющем форму суженного посередине округлого конуса, **луковица, луковицей** – ‘о чем-л., округлом внизу и резко суженном и заостренном кверху, **словно гриб, грибовидный** – ‘о предметах с расширенной округлой верхней частью и удлиненным суженным основанием, напоминающих по форме **гриб, миндалевид-**

ный, миндальный – ‘о чем-л., имеющем форму вытянутого овала с одним округлым и другим заостренным концом. Крендель выступает образным эталоном для характеристики любых замысловатых предметов, имеющих сложную конструкцию («**круглые примерочные похожи на какие-то футуристические кренделя**»), о ручном замысловатом зеркале в виде знака бесконечности), закрученных частей тела человека и животных (о хоботе, хвосте, о положении рук или ног, о теле человека, выполняющего гимнастическое упражнение), женской прическе со скрепленными на затылке двумя косами, напоминающей по виду букву «В»: «Известный эстрадный артист Иван Байда **скрючивался кренделем**, и его голова оказывалась **сзади между ног**» (В. Давыдов. Театр моей мечты). Груша чаще выступает образным эталоном для наименования различных предметов, напоминающих ее по форме (боксерская груша, микрофон, резиновая клизма, клаксон, лампочка), плодов других растений, но также используется при обозначении женской фигуры с узкой талией и выраженными бедрами: «Станция была беспорядочно освещена **болтающимися то тут, то там несильными грушевидными лампочками**, костров на ней не было совсем – очевидно, здесь это не разрешалось» (Д. Глуховский. Метро). Метафора **гриб** обычно называет предметы на тонкой ножке (светильник), облако, возникающее после ядерного или термоядерного взрыва, скрюченного человека или человека в широкополой шляпе: «Румяная, толстенная, в большой круглой шляпе, она в самом деле была **похожа на гриб**» (Л. Сапожников. Митя Метелкин в Стране Синих роз). Круг предметов, именуемых образным словом **грибовидный**, шире. **Грибовидный** называет различные объекты, расширенные кверху (кресло с широкой спинкой, кораллы, ядерное облако, шляпа, тела мельчайших организмов, лампа, якорь). Образные единицы **миндалевидный, миндальный** называют глаза, имеющие форму миндального ореха, и обычно в контекстах выражают положительную эстетическую оценку: «У нее мелкие черты лица, но **миндалевидные, пушистые от ресниц, глаза**, выразительная мимика **слишком подвижных губ и трогательная угловатая грация в движениях**» (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Третья группа представлена лексемами, которые называют объекты, обычно не идентифицирующиеся по форме, но имеющие определенную структуру или особое положение в пространстве. В эту группу вошли образные единицы **блинчатый** ‘многослойный, состоящий из складок, **зерненный, зернистый, творожистый, крупитчатый, сахаристый** – ‘о предметах, состоящих из мелких частиц или деталей, **мучнистый** ‘порошкообразный, **как баранки** ‘о предметах, нанизанных на веревку. Образные слова **зерненный, зернистый, творожистый, сахаристый, мучнистый, крупитчатый** характеризуют вещества, продукты, натурфакты, которые структурированы из более мелких частиц (песок, творог, икра, снег, град, пыль, порошок): «Камни ушли в **творожистую массу**, и автомобиль увяз по двери» (В. Соловьев. Транс-сахара). Образная единица **блинчатый** отражает слоистую структуру объекта, характеризуя мятую, будто состоящую из нескольких слоев одежду, а так-

же нависшие складки кожи человека, и выражает отрицательную эстетическую оценку: *«Там стояла невысокая тяжеловесная женщина с тройным блинчатым подбородком, как бы в тройном ожерелье, да еще с двумя нитками красных крупных бус»* (В. Дунинцев. Белые одежды). Сравнение *как баранки* употребляется по отношению к различным предметам, которые связаны между собой веревкой или нанизаны на проволоку: *«Парень беспрерывно таскал вверх-вниз то мешки с картошкой или сетки с луком, то гантели, то связки разнокалиберных подшипников, нанизанных на проволоку, как баранки»* (А. Иличевский. Матисс).

В сознании человека форма зачастую оказывается связанной с размером, структурой и консистенцией объекта. Так текучие, вязкие или состоящие из мелких частей блюда образно характеризуют бесформенные объекты, обычно называя фигуру человека. Например, тесто, квашня, под влиянием температуры становящиеся более объемными, или полужидкий кисель, меняющий свою форму в зависимости от посуды, в которой находится, образно ассоциируются с бесформенной толстой фигурой человека, выражая отрицательную эстетическую оценку: *«Сытый запах каравая, только что вытасченного из печи, окружал эту пухлую женщину, а грудь ее, начинавшаяся под шеей, напоминала тесто, переполнявшее квашню»* (А. Азольский. Диверсанти); *«Он рыхлой квашней лежал в черном офисном кресле, утопив плоскую голову в квадратные плечи, посверкивал маленькими злыми глазками, как из норки»* (В. Левашов. Заговор патриота).

Репрезентируя форму предмета с помощью языковых средств, отражающих пищевую метафору, адресант нередко уточняет и размер этого предмета. Это

возможно потому, что продукт, лежащий в основе метафорической проекции, часто может являться эталоном не только определенной формы, но и размера. Сравнения *с горошину, с грецкий орех, с апельсин, с кочан* отсылают к образу денотата, который позволят идентифицировать не только размер предмета, но и его форму – шар: *«Справа на стене, над головой майора, висели огромные часы в деревянном футляре с маятником, размером с апельсин»* (В. Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике). Напротив, форму слишком маленьких предметов сложно определить невооруженным глазом, и в сознании человека они воспринимаются как круглые или овальные, поэтому соотносятся с зернами (*зерно, с рисовое зернышко*): *«По всем расчетам, в начале июня, то есть в тот день, когда мама, неся меня под сердцем, отправилась в путь, я был величиной с рисовое зернышко»* (Р. Нахапетов. Влюбленный).

Образная лексика и фразеология, мотивированная наименованиями блюд и продуктов питания, участвует в топологической характеристике объектов, называя их форму, размер или положение в пространстве. При анализе пищевой метафоры были выделены три группы образных единиц, характеризующих объекты, форма которых соотносится с геометрическими фигурами; имеет сложную конфигурацию, не соотносимую с геометрической формой; характеризуется определенной структурой или положением в пространстве. Анализ оценочной семантики образных средств, транслирующих пищевую метафору, показал, что языковые единицы называющие параметры фигуры человека и его частей тела всегда выражают эстетическую (чаще отрицательную) оценку.

Литература

1. Бойчук А. С. Гастрономическая метафора: структурный, семантический и стилистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 25 с.
2. Боровкова А. В. Метафоризация наименований растительной пищи в русском языке: семасиологический и когнитивный аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 21 – 27.
3. Дормидонтова О. А. Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 23 с.
4. Капелюшник Е. В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 199 с.
5. Кирсанова Е. М. Прагматика единиц семантического поля «Пища»: системный и функциональный аспекты: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 294 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387 – 415.
7. Максимова Т. В. Гастрономическая метафора в разных типах дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. СПб., 2013. № 4. Т. 1. С. 176 – 180.
8. Меньшикова Е. Е. Гастрономическая метафора в рекламном туристическом нарративе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11-1(29). С. 117 – 120.
9. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.05.2015).
10. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.
11. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 428 с.
12. Топорова В. М. Типология языковых концептов пространственной формы // Семантика языковых единиц. Доклады VI-й Международной конференции. М., 1996. Т. 1. С. 215 – 218.
13. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Пермь, 2001. 208 с.

14. Шхумишхова А. Р. Стилистические функции кулинарных метафор в спортивном дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. (Серия 2: Филология и искусствоведение). 2011. № 1. С. 165 – 169.
15. Юрина Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013. 238 с.
16. Юрина Е. А. Миромоделирующий потенциал образных средств языка (на материале лексико-фразеологического поля кулинарных образов в русском и итальянском языках) // Образы Италии в русской словесности XVIII – XX вв.: сб. ст. / под ред. О. Б. Лебедевой, Н. Е. Меднис. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 271 – 282.
17. Юрина Е. А. Кулинарные образы как средство выражения оценки в русской идиоматике и метафорике // Slovo. Text. Czas XI. Frazeologia slowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym. Greifswald, 2012. S. 222 – 228.
18. Юрина Е. А., Грекова М. В. Культурологический комментарий в «Словаре русской кулинарной метафоры» (на материале тематической группы «Молочные продукты») // Язык и культура. 2014. № 4(28). С. 126 – 143.

Информация об авторе:

Боровкова Анастасия Вячеславовна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета, nastya-borovkova@mail.ru.

Anastasiya V. Borovkova – post-graduate student at the Department of Russian Language, Tomsk State University.

(Научный руководитель: Юрина Елена Андреевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета, yourina2007@yandex.ru.

Research advisor: Elena A. Yurina – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Russian Language, Tomsk State University).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 81-25

ОСОБЕННОСТИ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА В ТЕЛЕУТСКОМ ЯЗЫКЕ

О. А. Булгакова

THE PECULIAR PROPERTIES OF A POLYSEMANTIC WORD IN THE TELEUT LANGUAGE

O. A. Bulgakova

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00556.

Статья посвящена изучению многозначности в бесписьменном языке малочисленного коренного народа Севера телеутов, проживающих на территории Кемеровской области. Цель работы – описать специфику способов развития многозначности в телеутском языке через особенности мировидения и мировосприятия данного народа, отражающиеся в категоризирующей деятельности сознания. Полисемантическое слово рассматривается как комплексная когнитивная структура, возникшая в результате классифицирующей, или категоризирующей, деятельности сознания. Прототипический характер концептуальной категории обуславливает семантическую вариативность слова, его способность быть примененным к широкому кругу референтов. Такое свойство прототипической категории, как открытость, готовность к включению новых членов, достаточно отдаленных по характеру и свойствам от прототипического, позволяет понять причину семантической варьированности слова, а также способности к высокой степени полисемии, и выявить особенности номинации в телеутском языке, определяющие развитие многозначности через реализацию пропозициональных структур, характерных для языковой картины мира телеутов.

The article is devoted to the study of ambiguity in the non-literate language of the minority indigenous people of the North Teleuts living on the territory of Kemerovo region. The aim is to describe the specifics of the ways of polysemy development in the Teleut language through the specifics of the worldview and world perception of the ethnic group, which is reflected in categorizational activity of the mind. Polysemantic word is considered as a complex cognitive structure resulting from the classifying, or categorizational, activity of the mind. The prototypical nature of the conceptual category determines the semantic variability of a word, its ability to be applied to a wide range of referents. Such property of the prototypical category as openness, willingness to accept new members, quite remote in character and properties from the prototype, allows to understand the reason for the semantic variability of words, as well as their ability to a high degree of polysemy, and to identify the peculiarities of nomination in the Teleut language which determines the development of polysemy through the implementation of propositional structures, characteristic of the linguistic worldview of the Teleuts.

Ключевые слова: полисемия, категоризация, пропозициональная структура, фрейм, прототипическая категория.

Keywords: polysemy, categorization, propositional structure, frame, prototypical category.

Изучение развития многозначности в языке малочисленного коренного бесписьменного народа Севера телеутов, компактно проживающих на территории Кемеровской области, позволяет проследить эволюцию взглядов человека на окружающий мир и реализацию этих знаний в речевой деятельности человека. В основе речевой деятельности человека находятся такие когнитивные процессы, как концептуализация и категоризация, наиболее ярко реализующиеся в создании полисемантических структур. Изучение общих и специфических процессов концептуализации, категоризации и номинации в разных языках является актуальным для современной науки, а полисемия на сегодняшний день анализируется в ряде монографических и диссертационных работ на материале литературного языка и диалектов (см. работы Л. А. Араевой [2], О. А. Булгаковой [4 – 7], М. В. Вяткиной [8], Т. В. Жуковой [9], Л. М. Лещёвой [12], И. Г. Олшанского [14], С. А. Пёсиной [16] и др.), а на материале телеутского языка она только начинает изучаться [1; 3].

Полисемия, или многозначность, осознавалась и описывалась учеными с древнейших времен, к настоящему времени накоплена достаточно большая теоретическая база её изучения.

Плодотворному изучению проблем многозначности в XX в. способствовали разработки новых подходов к определению лексического значения и активный поиск новых методов его изучения в рамках функционального, дескриптивного, структурного, когнитивного и других направлений, пришедших на смену сравнительно-историческому, господствовавшему в XIX в.

Изучение полисемии во второй половине XX – начале XXI вв. сосредоточилось в нескольких направлениях: семантическая структура слова и многозначность; типология лексических значений и полисемия; полисемия и контекст; типы и признаки, причины, источники и факторы полисемии; регулярный характер многозначности; разграничение полисемии и омонимии; сопоставительный анализ и степень многозначности слов в различных языках; полисемия – метафора – текст; многозначность различных частей речи; полисемия за пределами слова (грамматическая многозначность, полисемия в фразеологии), полисемия и словообразование, когнитивные основы полисемии и др.

Данная статья посвящена рассмотрению полисемии в телеутском языке с позиций когнитивной лингвистики, изучающей проблемы знания и сознания через рассмотрение процессов концептуализации и категоризации, их роли в развитии и функционировании языкового сознания, определяющего деятельность мыслительных структур в организации языковой картины мира народа.

Когнитивный подход предполагает исследование с опорой на единство образов формы и содержания языковой единицы, учет человеческого фактора, т. е. того, как в реальности осуществляется актуализация того или иного лексико-семантического варианта (ЛСВ) полисеманта на уровне сознания носителя языка и определение функционирования отдельных ЛСВ на фоне содержательного ядра полисеманта, заданно-

го фреймом, реализующим пропозициональные структуры, характерные для того или иного языка. Например, фрейм «арбыш» в телеутском языке представлен двумя пропозициональными структурами (ПС) и двумя пропозициями (П):

1. ПС: «действие – субъект-экспериментир – средство – субъект-пациент – результат».

1.1. П: колдовство.

2. ПС: «действие – субъект – средство – субъект».

2.1. П: брань.

Объединяет данные ЛСВ то, что и в том, и в другом случае осуществляется негативное воздействие на человека, которое может вызвать разрушение его ауры.

Фреймы не существуют изолированно друг от друга, что позволяет выявить системные связи лексических единиц с использованием концептуальных связей, а сами ЛСВ многозначного слова в языковом сознании говорящего «выстроены в такую концептуальную сферу, которая дает целостное, объемное видение номинируемого предмета» [2, с. 232].

В последнее время теория фреймов активно разрабатывается в рамках Кемеровской дериватологической школы (см. работы Л. А. Араевой, Е. Е. Макасовой [1], И. А. Крым [10], М. Н. Образцовой [13], М. А. Осадчего [15] и др.), а к изучению телеутского языка пропозиционально-фреймовая методика применяется при изучении языковой картины мира телеутов [3], языка и культуры телеутского народа в доминирующем пространстве русского языка [10], отдельных элементов телеутской культуры, например, гендерной специфики обрядовых символов в телеутской культуре [13], русскому языку в ментальном пространстве телеутов [1].

Анализ многозначных слов телеутского языка показывает, что ЛСВ, актуализирующие разные типы пропозиций как универсальных когнитивных единиц, отражают глубинные связи прямого и переносного ЛСВ в семантической структуре слова и строятся на основе ассоциаций по сходству и смежности (метафорический и метонимический переносы), которые, будучи детерминированными устройством человеческого мозга, осуществляющего познание мира через сопоставление известного с неизвестным, отражают логику языковых механизмов.

В основе семантических моделей, по которым строятся регулярные типы полисемии, лежат универсальные законы семантического развития: метафора и метонимия. Данные законы отражают разные стороны мышления человека: от общего к частному (дедукция), когда отождествляется всё, что связано с одной ситуацией, срабатывают пропозиции событийного типа, находящиеся в основе метонимии; и от частного к общему (индукция), когда сходство одного или нескольких признаков на основе работы пропозиций логического типа приводит к переносу наименования с одного предмета на другой на основе метафорического переноса (термины «событийные» и «логические пропозиции» введены в научный обиход М. Н. Янценецкой).

Полисемия метонимического типа реализуется через представление одной и той же ситуации разными событийными пропозициями. Например, *айыл* –

1) жилище: «место – действие – субъект», 2) селение, деревня: «место – действие – субъект», перенос осуществляется с части на целое, потому что для языкового сознания телеутов было важно, прежде всего, тождество функционального предназначения предметов и отождествление их с одной ситуацией.

Семантические отношения, возникающие между ЛСВ, связанными метафорическими отношениями, также могут быть регулярными. «Количественный набор параметров (размер, форма, цвет, запах и т. д.), по которым осуществляется сравнение, значительно превышает число актантов в пропозициях метонимического типа, что способствует большему разнообразию семантических отношений между ЛСВ. Поскольку метафора является отражением стремления носителей языка к образности, выразительности номинаций, полисемантам метафорического типа в меньшей степени присущи штампы в построении семантических структур. Вследствие этого полисеманты, основанные на метафорических отношениях между ЛСВ, реже обладают регулярными семантическими структурами» [4, с. 55].

Для полисемии метафорического типа в телеутском языке характерно образование разных ЛСВ на основе сходства лишь одного признака, например, *айдык* – 1) дыра, 2) яма, 3) котлован, 4) прорубь – общая сема 'отверстие'; *курек* – 1) весло, 2) лопата – общий признак 'сходство формы'; *каалга* – 1) дверь, 2) ворота – сходство предназначения и одна и та же функция – прикрывать что-либо или открывать; *таман* – 1) ступня, стопа, 2) подошва; *эдек* – 1) пола одежды, подол, 2) подножие; *жер алды* – 1) ад, 2) подземелье – общий признак 'место расположения', *сын I* – 1) хребет, стан, 2) ствол (растения) – то, что является основой, на которой всё держится, *ч'о'п* – 1) сор, мусор, 2) сорняк – всё, что засоряет, *ташта//* – 1) бросать, кидать, 2) оставлять – сходство действия. Данный тип полисемии развивается по радиальному типу.

Часто одним и тем же словом называются разные предметы с одинаковым функциональным предназначением (например: *тере* – 1) шкура, овчина, 2) кожа; *тук* – 1) шерсть, 2) перья птиц; *уу* – 1) рот, 2) пасть зверя; *чел* – 1) бельмо, 2) плёнка; *сий* – 1) угощение, 2) подарок), или ЛСВ обозначают разные действия, операции одного процесса, например, *пыжыр* – 1) варить, 2) печь; или метафорический перенос осуществляется на основе сходства разных действий или тождества их результата, например, *когыл* – 1) осыпаться, 2) потухать, *орол* – 1) кружиться, 2) запутываться, *ажыр* – 1) переводить через что-нибудь, 2) глотать; *токло//* – 1) жужжать, 2) надоедать; *эскир* – 1) стареть, 2) изнашиваться, ветшать; *ташта//* – 1) бросать, кидать, 2) оставлять. Анализ данных примеров показывает, что в телеутском языке преобладают семантические структуры, ЛСВ которых отражают работу человеческого сознания, прежде всего, по обобщению знаний об окружающем мире и выявлению общих черт в номинируемых предметах, признаках, действиях, а дифференциация этих знаний и дискретные признаки объектов номинации менее важны носителям языка.

Полисемантическая структура слова представляет собой прототипическую категорию, являясь наиболее ярким и в то же время самым распространенным ее видом, в котором значения слова входят в категорию на правах ее членов [11]. Прототипический характер полисемии как концептуальной категории обуславливает семантическую вариативность слова, способность его звуковой формы быть отнесенной к широкому кругу референтов.

«Такое свойство прототипической категории, как открытость, готовность к включению новых членов, достаточно отдаленных по характеру и свойствам от прототипического, по нашему мнению, объясняет причину семантической варьированности слова, а также способности к высокой степени полисемии и возможности присутствия в ней самых разнообразных, в том числе нетипичных, индивидуальных для каждого слова, или сингулярных, значений» [7, с. 83].

Само наличие полисемии объясняется существованием в сознании категорий прототипического характера, позволяющих отдельным членам находиться в отдаленной и не обязательно непосредственной связи один с другим, связи, которая напоминает семейное сходство.

В телеутском языке распространён такой тип полисемии, когда разные ЛСВ многозначного слова относятся к разным частям речи, например, 1) **существительное** – 2) **прилагательное**: *най* – 1) богач, 2) богатый; *алтын* – 1) золото, 2) золотой; *алу* – 1) дурак, 2) глупый; *кыйга* – 1) скряга, 2) скупой; *кыйалду* – 1) грешник, 2) грешный; *жалку* – 1) лень, лентяй, 2) ленивый; *жайым* – 1) свобода, 2) свободный; 1) **существительное** – 2) **прилагательное** – 3) **наречие**: *карачкы* – 1) темнота, мрак, 2) тёмный, 3) темно; *жарык* – 1) свет, 2) светлый, 3) светло; *из'у'* – 1) жара, зной, 2) жаркий, знойный, 3) жарко; 1) **прилагательное**, 2) **наречие**: *кыйыр* – 1) кривой, 2) криво; *айас* – 1) ясный, прозрачный, 2) ясно, прозрачно.

Отмечаются полисеманты, ЛСВ которых находятся друг с другом в гипо-гиперонимических отношениях (например, *мал* – 1) скот, 2) лошадь, *агаиш* – 1) дерево, 2) лес) или обозначают разновидности предметов, названных существительными одной тематической группы: *каан* – 1) царь, 2) хан – ТГ «главы государств»; *аракы* – 1) водка, 2) вино – ТГ «алкогольные напитки».

Время года и время суток у телеутов отождествлялось с луной и солнцем: *к'у'п* – 1) день, 2) солнце; *ай* – 1) луна, 2) месяц.

Одной лексемой могут обозначаться разные стороны одного процесса, например, *к'ут'* – 1) пасти, 2) разводить скот; *ж'уу',,,* – 1) собирать, 2) копить; *ж'уу'де* – 1) испытывать нужду, 2) худеть; *к'о'к* – 1) шитьё, 2) строчка; *палу* – 1) рана, 2) болячка; *тил* – 1) язык, 2) речь.

У существительных ТГ «термины родства» отмечается развитие полисемии за счёт выявления синкретических признаков номинируемых объектов действительности, отражающих разные ипостаси либо разные функции одного и того же лица: *кыс* – 1) дочь, 2) девушка; *колту* – 1) жених, муж, 2) невеста, жена; *'о'б'о'з'о'к* – 1) старик, 2) муж; *зиш* – 1) жена, 2) друг, 3) спутник.

Как видим, абсолютно преобладающим способом развития многозначности в телеутском языке является метафорический перенос, что подтверждает вывод исследователей о более древнем характере данного способа концептуализации мира [14], а реализация типов метафорических переносов свидетельствует о

том, что в языковой картине мира телеутов отражаются лишь самые очевидные, непосредственные связи предметов и явлений, связанные с одной ситуацией, одним сценарием, реализующимся через тождественные пропозиции.

Литература

1. Араева Л. А., Максакова Е. Е. Пропозиционально-фреймовое моделирование многозначного слова (на материале фрейма «душа» в телеутском языке) // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сборник научных статей. Вып. 3. Бийск: АГАО, 2014. С. 88 – 96.
2. Араева Л. А., Катышев П. А. Полисемия и синонимия производного слова как отражение динамики языкового знака // С любовью к языку: сб. науч. тр. Посвящается Е. С. Кубряковой. Отв. ред. В. А. Виноградов. М.; Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. С. 227 – 236.
3. Араева Л. А., Фаломкина И. П., Андропова К. Д. Языковая картина мира телеутов (на материале фрейма «телеутская свадьба» // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 238 – 245.
4. Булгакова О. А. Полисемия производных субстантивов (на материале кемеровских говоров): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1994.
5. Булгакова О. А. Семантическая многомерность производного слова как результат категоризации антропоцентрического пространства языка (на примере русских народных говоров) // Актуальные проблемы современного словообразования. Томск: Изд-во Томск. университета, 2006. С. 247 – 249.
6. Булгакова О. А. Семантическая многомерность производных полисемантов, мотивированных глаголами фрейма «перемещение в пространстве» (на материале русских народных говоров) // Наука и образование: материалы VI Международной конференции (2 – 3 марта 2006 г.). Белово, 2006. С. 74 – 78.
7. Булгакова О. А. Полисемия производного слова как результат категоризации действительности в номинативной деятельности человека // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4(52). Т. 3. С. 82 – 86.
8. Вяткина М. В. Полисемия словообразовательной формы (на материале русских говоров): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004.
9. Жукова Т. В. Словообразовательный тип и многозначное слово как системные взаимодействия (на материале существительных с суффиксом -ник): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002.
10. Крым И. А. Язык и культура телеутского народа в доминирующем пространстве русского языка // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики. Кемерово: Практика, 2014. С. 440 – 443.
11. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. М., 1995.
12. Лещева Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. Минск, 1996.
13. Образцова М. Н. Гендерная специфика обрядовых символов в телеутской культуре // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики. Кемерово: Практика, 2014. С. 443 – 446.
14. Ольшанский И. Г. Полисемия существительных в языке и тексте. М., 1982.
15. Осадчий М. А. Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007.
16. Песина С. А. Полисемия в когнитивном аспекте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005.
17. Рюмина-Сыркашева Л. Т., Кучигашева Н. А. Телеут-орусс'о'злик // Телеутско-русский словарь. Кемерово: АО Кемеровское книжное издательство, 1995.
18. Яценецкая М. Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских диалектологов) // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Кемерово, 1992. С. 4 – 33.

Информация об авторе:

Булгакова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, bulgakova.o.a@yandex.ru.

Olga A. Bulgakova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

ЯЗЫК ЛОЗУНГА: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Х. Вальтер, В. М. Мокиенко

LANGUAGE OF SLOGAN: ITS SOCIOLINGUISTIC STRATIFICATION

H. Walter, V. M. Mokienko

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Немецкого Научного Общества (DFG). Проект «Das publizistische Arsenal gesellschaftlicher Bewegungen in Russland und Deutschland. Verbale Mittel zur Konfliktlösung und zur Erreichung von Toleranz» (DFG: WA 1689/5-1).

В статье рассматриваются разные дефиниции термина «лозунг», который в русском языке заимствован из нем. *die Losung*. Подчеркивается, что термин сохранил семантическую стабильность с 30-х годов прошлого века, хотя экстралингвистические изменения в жизни России последнего времени внесли в его значение некоторые коррективы. Отмечается перерастание лозунга в слоган, а слогана – в рекламный ролик. Особо подчеркивается, что социолингвистическая специфика лозунга достаточно объективно высвечивается при учете адресата, на которого лозунг направлен.

Авторы анализируют 133 крылатых выражений лозунгового типа, описанных в «Большом словаре крылатых слов русского языка» (Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008 – 2009). Предлагается детализированная классификация этих лозунгов по их ориентации на адресата. Она представляет конкретных адресатов соответствующих призывов. Авторы доказывают необходимость лингвистического исследования современного лозунга как особой языковой единицы.

This article discusses the different definitions of the term «lozung» that in the Russian language is borrowed from the German word «die Losung». It is emphasized that the term has maintained its stable semantics since the 30-ies of the XXth century, but extra-linguistic recent change in the life of Russia has added some adjustments to its value. The losung turned into the slogan and the slogan – into commercials. It is emphasized that the sociolinguistic peculiarities of the slogan become quite objectively displayed if its social recipient, who the losung is directed at, is taken into consideration.

The authors analyzed 133 aphorisms of slogan-type described in the «Big Dictionary of Proverbial Expressions of the Russian Language» (Berkov, Mokienko, Shulezhkova 2008 – 2009). They propose a detailed classification of these slogans based on their orientation at particular recipient. It represents the specific recipients of respective appeals. The authors argue the need for special linguistic research of modern slogan as a special language unit.

Ключевые слова: крылатые слова, лозунг, слоган, рекламный ролик, адресат лозунга, лингвистическая классификация лозунгов.

Keywords: proverbial expressions, slogan, promotional reclam, the recipient of the slogan, the lingvistical classification of slogans.

Слово *лозунг* стало столь концентрированным символом политической пропаганды, что многими лингвистами не воспринимается как лингвистическое явление, достойное специального анализа. Не случайно в большинстве словарей лингвистических терминов оно отсутствует. В толковых словарях русского языка также подчеркивается прежде всего его политико-пропагандистская доминанта. Типична дефиниция этого слова в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова: «**ЛОЗУНГ**, -а, м. [нем. *Losung*]. 1. Призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачу или политические требования // Кратко выраженная идея, ведущий принцип, которым руководствуется в жизни человек, индивидуум. 2. Плакат с таким призывом» [4, с. 504].

Легко заметить, что с 30-х гг. прошлого века это слово практически не претерпело смысловых изменений, о чем свидетельствует его толкование в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова: «**ЛОЗУНГ**, -а, м. [нем. *Losung*]. 1. Призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачи или требования партии в определенный исторический момент. *Лозунги к го-*

довщине Октябрьской социалистической революции. Факты показывают, что лозунг "овладеть техникой" возымел свое действие и дал свои благие результаты. Стлн. Выдвинуть, выкинуть, провозгласить лозунг. 2. То же, что отзыв в 4 знач. (воен. устар.)» [13, с. 85].

Вместе с тем определенная семантическая подвижка у этого слова все-таки происходит на наших глазах, ибо на его идеологическую подоплеку не могли не оказать влияния экстралингвистические изменения в жизни России последнего времени. Так, новая избирательная система привела к тому, что *лозунг* стал обозначать и «краткую фразу из 2 – 5 слов, адресованную избирателям и образно выражающую основную идею имиджа кандидата (избирательного объединения, блока) и идею избирательной кампании» [11]. Широко используются лозунги не только властными структурами, но и оппозицией, благотворительными и религиозными организациями и т. п., что ведет к расширению функционального диапазона этого пропагандистского жанра. Более того – современные русские лозунги, как это ни парадоксально, по форме и содержанию начинают тесно смыкаться с

рекламными роликами, иногда представляя собой, как увидим ниже, языковой симбиоз с последними.

Сама этимология и терминологический «разброс» слова *лозунг* и его европейских эквивалентов демонстрирует его функционально-семантическое отличие от других разрядов крылатых слов. Известно, что оно заимствовано в русский язык из немецкого *die Losung*, которое первоначально значило ‘пароль или опознавательный знак’, а еще более конкретно – ‘опознавательный крик’. Именно в этом военном значении его впервые употребил Петр Первый в 1704 году, а на год раньше – в форме *лозонг* [14, с. 513]. Немецкое же слово известно уже с XV в. и образовано от глагола *losen* – ‘бросать жребий, решать что-либо с помощью жеребьевки’ (ср. нем. *das Los* – ‘жребий’ [16, s. 426; 17, s. 812]). Такой путь заимствования подтверждает и словарь В. И. Даля, дающий этому слову такую характеристику: «ЛОЗУНГ *м. воен. с немецк. слово, для опознания часовыми своих, при входе и выходе ночью из места расположения войска. Пароль, отзыв в лозунг отдаются на одну начальную букву, для облегчения памяти*» [6; 2, с. 264].

Немецкий язык, собственно говоря, сохранил оба значения слова *Losung* – политическое ‘призыв, лозунг’ и военное ‘пароль, пропуск’, причем второе сейчас употребительнее первого. Более того – в семантическую его структуру вклиниваются и такие далекие по значению омонимы, как ‘жеребьевка’ (спортивное), ‘тираж, лотерея [займа]’, ‘помет’ (охотничье), что также является косвенным доказательством его исконности в немецком языке.

Один момент в истории этого заимствования кажется особо важным: с Петровского времени и до начала XX в. германизм *лозунг* употребляется в русском языке лишь как военный термин, синонимичный слову *пароль*, заимствованному из французского. Характерно, что в переиздании словаря В. И. Даля 1903 – 1909 гг. под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ точно воспроизведена словарная статья первого издания [7; 2, с. 682]. Известно, что у И. А. Бодуэна де Куртенэ было обостренное внимание ко всем семантическим приращениям русской лексики, особенно, если они относились к социально-политической области. Это свидетельствует о том, что в начале прошлого века «лозунговое» (в современном смысле) значение слова *лозунг* еще не прорвалось в активное употребление. Оно – прямое немецкое наследие социал-демократической и коммунистической идеологии, которая обогатила политический дискурс России благодаря В. И. Ленину и его окружению. Не случайно в других европейских языках понятие «лозунг» обозначается иными словами – англ. *slogan*, фр. *mot d'ordre*, чеш. *heslo* и т. п. Кстати, лексемное расхождение сейчас востребовано при попытках разграничить *лозунг* от *рекламного ролика: политический лозунг versus рекламный слоган*.

Как видим, даже краткий экскурс в историю термина *лозунг* обнаруживает его семантическую и функциональную специфику в русском языке. Изначально он был идеологемой ленинизма, что, между прочим, подчеркивается Э. Луниным в специальной словарной статье «Литературной энциклопедии»:

«ЛОЗУНГ – краткая формула, содержащая в себе одну-две фразы и выражающая содержание тех или иных задач и целей различных борющихся между собой классов в политике, экономике, философии, литературе и т. д. В Лозунге отражается мирозерцание, политика класса. Это особо подчеркивает Ленин, когда говорит: “Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм – вот два непримиримо враждебные Л., соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики, более того, два мирозерцания в национальном вопросе” (Ленин. Собрание сочинений. Т. XIX). Классовая политика определяет сущность Лозунга...» [8, с. 546].

Здесь же сформулированы и некоторые языковые требования к лозунгу как пропагандистскому инструментарию: лапидарность лозунга и его понятность, обеспечивающая быстрое усвоение адресатом; минимизация использования тропов, фигур, эпитетов, «восприятие которых субъективно», стремление обходиться «без глагольных признаков, поскольку они создаются гл. обр. в эпохи революционных взрывов, когда каждое существительное в Лозунге само по себе динамично, действенно», т. е. к редукции глагольных компонентов; рекомендация употреблять клишированные структуры типа «Да здравствует...», «Долой...», «За...» и конденсированные цитаты классиков марксизма-ленинизма и деятелей Коммунистической партии, напр., *Религия – опиум для народа; Из всех искусств для нас важнейшим является кино*.

Смена политической структуры российского общества и ориентация на западные ценности не могли, как уже говорилось, оставить идеологическую семантику этого термина неизменной. Но поскольку потребность в емких и однонаправленных призывах к нашему народу не уменьшилась, а даже, скорее, возросла, то расширился и его диапазон. Не случайно современный русский язык и здесь обогатился новым синонимом этого понятия – англицизмом *слоган*. И в тандеме с привычным *лозунгом* оно уже дает семантическую подвижку в сторону рекламного ролика.

Вот что об этом пишет Н. Невская в заметке «Лозунг – это зеркало общества» [10]:

Исторические примеры использования слоганов. Каждая эпоха или какое-то яркое событие в истории страны рождает свои лозунги. Какие времена, такие и призывы. Обратимся к истории России. «Стихия лозунгов» буквально захватила общество в послереволюционное время. Основной клич 1917 г. – «Вся власть – советам». Во время застоя и правления Брежнева появляется новый лозунг. Это фраза про партию, которая «ум, честь и совесть нашей эпохи». «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «Учиться, учиться и еще раз учиться», «За Родину, за Сталина», «Храните деньги в сберегательной кассе», «Летайте самолетами Аэрофлота» – широко известные фразы.

Корпоративные слоганы. Сейчас лозунги в основном используют в бизнесе, в рекламе товаров или услуг, на выборах. Каждая компания, особенно крупная и многочисленная, имеет свою миссию. Яркий лозунг – это выразитель желаемой картины будуще-

го, стратегии компании, которой придерживаются ее владельцы. Бизнес – коллективный труд, игра всей команды. Поэтому донести до сотрудников нужную информацию, создать боевой настрой помогут лозунги.

Время от времени, в связи с переменами на фирме или предприятии, меняется и миссия, а значит и основной слоган. Помимо основного, в компании может быть один или несколько дополнительных девизов. Корпоративные лозунги призваны стимулировать труд каждого в коллективе, повышать их лояльность к руководству и его решениям. Корпоративные фразы тоже могут меняться. Возможно проведение различных акций, например, лозунг года.

Рекламные слоганы. Любой бизнес требует роста и продвижения товаров, услуг. Помогает в этом реклама с использованием емких фраз. Например, у компании КАМАЗ лозунг «Танки грязи не боятся», у Авторадио – «Для тех, кто в пути», у одного из сотовых операторов – «Билайн» – его узнаваемая фраза «Живи на яркой стороне!» Такие слоганы способны зацепить потенциального потребителя и побудить его обратиться в компанию. Первостепенная их цель – продажа. Можно сказать, что покупателя мягко атакуют. Удачные рекламные лозунги несут безумную энергетику и формируют первое впечатление.

Современные «выборные» политические лозунги. В наше время симпатии избирателей во многом стараются привлечь с помощью кратких фраз, которыми выражаются основные ценности общества: мир, счастье, стабильность, богатство, развитие, прогресс, гражданские права и так далее. Перечень достаточно широк. Это все связывают с кандидатом, вернее, с тем, что именно он сможет дать людям необходимые им блага. Вот примеры некоторых предвыборных лозунгов разных кандидатов и блоков: «Заботимся о семье – думаем о России», «Работающий человек не должен быть бедным», «Партия реальных дел», «Сначала зарплата, а потом квартплата», «Пенсии к мировым стандартам!».

Перерастание лозунга в слоган, а слогана – в рекламный ролик можно оценивать по-разному. Задача же лингвистов – избегать и здесь субъективности суждений, а пытаться выявить собственно языковую специфику этого типа языковых единиц, неустанно пополняющих и прагматические ресурсы русского Слова, и сокровищницу наших крылатых выражений. Как кажется, социолингвистическая специфика лозунга достаточно объективно высвечивается при учете адресата, на которого направлен лозунговый призыв.

Собственно говоря, языковые параметры лозунга как особого «плавленного котла» устойчивых словосочетаний и фраз давно уже имплицитно обратили на себя внимание составителей словарей крылатых слов. В наш большой словарь такого жанра [2; 3], например, вошло 133 крылатых выражений лозунгового типа. Структура этих единиц, способы «крылатизации» и другие собственно лингвистические параметры в принципе не отличаются от соответствующих характеристик эпонимов других типов. Заостренно идеологическая направленность, тем не менее позво-

ляет выделить их из общего состава крылатых выражений и предложить их специализированную лингвистическую интерпретацию.

Представим в общем виде социолингвистическую типологию лозунгов, лексикографически описанных в «Большом словаре крылатых слов русского языка».

1. Пролетарские и революционные лозунги. Экскурс в историю термина лозунг в России хорошо объясняет количественный перевес лозунгов, адресатами которых являются рабочие и революционеры. Из 133 лозунгов, отраженных в «Большом словаре крылатых слов русского языка», 22 относятся именно к этой лозунговой категории. Они имеют разные источники и разную частотность употребления в современном русском языке, но объединяются своим патетическим звучанием и призывами к кардинальным действиям против эксплуататоров.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!; Лишь мы, работники всемирной великой армии труда, / Владеть землей имеем право; Нам ненавистны тиранов короны...; А <но> паразиты – никогда!; Весь мир насилья мы разрушим; Падет произвол, и восстанет народ, великий, могучий, свободный; Владеть землей имеем право; Мы наш, мы новый мир построим; Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем; Никто не даст нам избавленья [/ Ни Бог, ни царь и не герой]; Владыкой мира будет труд; Воспрянет род людской; Мы не рабы! Рабы – не мы <немы>!; Вставай, подымайся, рабочий народ!; Вставай, проклятьем заклеименный [/Весь мир голодных и рабов]; В царство свободы дорогу [грудью проложим себе]; За землю, за волю [за лучшую долю]; И вся-то наша жизнь есть борьба; И, как один, умрем [в борьбе за это]; Мир хижинам, война дворцам!; Мы – молодая гвардия / Рабочих и крестьян; Мы – молодые хозяева земли <страны>. Ср. также лозунги не вошедшие в «Большой словарь крылатых слов русского языка»: За Октябрьскую свободу мы в огонь и в воду; Была Россия царская, стала пролетарская; Золото моем, а сами голосом воем; Раньше жили, слезы лили, теперь живем, счастье куем.

2. Советские патетизмы. Еще больше лозунгов по той же причине породили годы победившей советской власти, настроенность которой на программный патетизм во многом инструментализировалась именно этим жанром языкового «творчества», адресатом которого должен был быть народ, устремленный в «светлое будущее». Не случайно в его орбиту попадали лозунги, созданные как сиюминутными потребностями пропаганды, так и классическими образцами. В «Большом словаре крылатых слов русского языка» зафиксировано и описано 27 таких лозунгов.

Ленин – / жил, Ленин – / жив, / Ленин – / будет жить; Наше знание – сила / и оружие; Мы говорим Ленин, подразумеваем – партия, мы говорим партия, подразумеваем – Ленин; Мы делу Ленина и партии верны; Нет в мире таких крепостей, которых большевики не могли бы взять; Партия велела <сказала> – комсомол ответил: есть!; Партия Ленина – сила народная / Нас к торжеству коммунизма ведет!; Партия – наш рулевой; Партия – ум, честь и совесть [нашей эпохи]; А слава тебя найдет; Го-

товься к великой цели, / А слава тебя найдет; Отечество славлю, которое есть, но трижды – которое будет; Все дороги ведут к коммунизму; Наши паровоз, вперед лети!; Все выше, и выше, и выше; Мы покоряем пространство и время; Едем мы, друзья [/ В дальние края]; Дело чье живет [и побеждает]; Жить стало лучше, жить стало веселей; За детство счастливое наше / спасибо, родная страна!; [И] все вокруг колхозное, / и все вокруг мое; И никто на свете не умеет лучше нас смеяться и любить; Нас утро встречает прохладой; Молодым везде у нас дорога, / Старикам везде у нас почет; Ненавижу всяческую мертвечину! Обожаю всяческую жизнь!; Под солнцем Родины [мы крепнем год от года]; Пускай нам / общим памятником будет [/ построенный / в боях / социализм!]. Ср. также лозунги, не вошедшие в «Большой словарь крылатых слов русского языка»: Слово Ленина – родное слово для народа; Ленин умер, но дело его живет; Ленин с нами вечно будет, мир его не позабудет; Что сделал советский человек, не забудется вовек; Была жизнь темная да слезная, а стала светлая, колхозная.

3. Лозунги антифашистов и борцов за мир. К этой категории относится 17 лозунгов, обращенных не только к советскому адресату, но и широкой мировой общественности, объединяемых идеей мирного существования и непримиримостью отношения к нацизму.

Смерть фашистским наймитам!; Отечество в опасности!; Перекуем мечи на орала; Дадим шар земной детям; Дайте миру шанс! Дать миру шанс; Если бы парни всей земли; Землю от пожара уберечь; Живи и жить давай другим; Звездный мир; Летите, голуби, летите!; Мир дому твоему!; Мир победит войну; Мы мирные люди, / Но наш бронепоезд стоит на запасном пути; Нас не трогай – / Мы не тронем; Не бывать войне-пожару! / [Не пылать земному шару!]; Песню дружбы запекает молодежь; Пусть всегда будет солнце! [/ Пусть всегда будет небо! / Пусть всегда будет мама! / Пусть всегда буду я!]; Куба – Свободная территория Америки! Ср. также лозунги, не вошедшие в «Большой словарь крылатых слов русского языка»: Фашист на Сталинград пошел – смерть свою нашел; Фашист нам яму рыл, а сам в нее угодил; Дружно за мир стоять – войне не бывать; Кто посеет мир, пожнет счастье.

4. Лозунги военных и патриотов. Число таких лозунгов в «Большом словаре крылатых слов русского языка» 17, т. е. тождественно количеству лозунгов антифашистов и борцов за мир. Их семантика также подобна, ибо подчеркивает необходимость активной борьбы – вплоть до полного уничтожения – с врагом, превосходство над ним, непримиримость и бескомпромиссность такой борьбы и готовность к защите своего отечества.

Если враг не сдается, его уничтожают!; Пушки вместо масла; Все для фронта [все для победы!]; Ни шагу назад!; Но пасаран!; Родина или смерть!; Родина-мать зовет; Родина слышит [родина знает]; Руки прочь от кого, чего!; Вставай, страна огромная, [/ вставай на смертный бой...]; Встанем как один; Если завтра война; И вновь продолжается бой;

Красная армия всех сильнее; Лучшие умереть стоя, чем жить на коленях; Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами; Условно к этой группе можно отнести и польский лозунг *Еще Польша не сгинела!* (ср. [18, s. 113 – 114]), еще Польша не погибла!, источником которого стали слова государственного гимна Польши. Ср. также лозунги, не вошедшие в «Большой словарь крылатых слов русского языка»: Лучшие смерть в поле, чем позор в неволе; Советскому патриоту любой подвиг в охоту; Лодырь в колхозе – что волку на морозе; Нет плохой земли, есть плохие пахари; Земля дармоедов не кормит; Белые ручки чужие труды любят.

5. Лозунги интернационалистов. Их число в «Большом словаре крылатых слов русского языка» невелико (всего 4), а тональность близка к лозунгам борцов за мир и антифашистов. Они призывают к солидарности, расовой терпимости и дружбе народов.

Вместе – дружная семья; Один за всех, все за одного!; Возьмемся за руки, друзья [чтоб не пропасть поодиночке]; Нет для нас ни черных, ни цветных. Ср.: Надейся на мир, да гляди в оба.

6. Лозунги националистов. Они шовинистичны и агрессивны, отражая идеологию абсолютного превосходства одной нации над другими, призывая к террору и национальным чисткам.

Америка для американцев; Германия превыше всего; Православие, самодержавие, народность; Бей жинов, спасай Россию!

7. Лозунги других социальных групп. Они несколько диффузно представляют конкретных адресатов соответствующих призывов и потому семантически и функционально не образуют единого целого.

Так, **лозунги политиков** в принципе могут быть отнесены к выше уже описанным группам (напр., военных, патриотов или борцов за мир).

Тот, кто не с нами, тот против нас; Кто не с нами <не со мною>, тот против нас <против меня>; Кадры решают все; Неважно, как проголосовали, – важно, как подсчитали. Ср.: Красна песня складом, а Советский союз ладом; Россия да Украина – с одного корня калина; Китай и Советский союз – нет на свете крепче уз; Наши народы одного кремня искры; Врагом бояться – пограничником не быть.

Столь же диффузны и лозунги оппозиции, в которых ощущается эклектичность и производность от доминантных лозунгов того или иного периода и социальной группы.

Обогащайтесь!; Грабь награбленное! Спасайтесь кто как может!; Партия, дай порулить!; Убей в себе раба застоя! и т. п. Ср.: Да исчезнут с лица русской Земли так называемые демократы!; ОМОН – вон!

Еще более деконцентрирован, размыт смысл призывов, которые условно можно назвать **лозунгами интеллигенции**. Сюда можно отнести как политические лозунги типа Демократия, труд, порядочность, выдвинутый после раскола среди членов Демократической партии труда Литвы (ДПТЛ) или Да здравствует Культурная Революция!, проникший в язык советской публицистики после публикации статьи В. И. Ленина «О кооперации» (1923), так и призывы советских ученых, быстро ставших ходовыми идеоло-

гическими штампами – типа цитаты И. В. Мичурина *Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача*, призывавшего изменять наследственные формы организмов, приспособлявая их к нуждам человека; ср. и *Про Мичуринский гибрид вся Европа говорит*. Близки к такого рода «интеллигентским» лозунгам и древние крылатые слова, претерпевшие в устах позднейших политиков идеологическую перелицовку. Ср. девиз императора Священной Римской империи Фердинанда I (1503 – 1564) *Пусть гибнет мир – да здравствует юстиция!* (лат. *Fiat justitia – pereat mundus*) ‘Во имя торжества правосудия не следует ни перед чем останавливаться’, который был трансформирован «рenegатом Каутским» (по словам В. И. Ленина) в лозунг *Пусть гибнет революция, пусть демократия торжествует над пролетариатом, лишь бы процветала «чистая демократия»!* Ср. также: *Кто сеет мир, пожнет счастье; Надейся на мир, но гляди оба; Учитель в школе, что посеет в поле; В суд ногой – а карман рукой; Не боюсь суда, боюсь стыда*.

Иную тональность имеют такие лозунги этой группы, как *Света, больше света!; Ни дня без строчки; Искусство для искусства*; или фраза, выражающая аполитичность советской интеллигенции времен брежневского застоя – *А нам все равно*.

Войцех Хлебда в своей проникновенной статье «Пословицы советского народа» тонко показал, как «универсальная пословичная мудрость» адаптируется для пропаганды советского образа жизни и социалистической морали [15, с. 74 – 84]. Закljučая свой анализ, польский исследователь замечает: «Если происхождение и природу советских пословиц нельзя понять без знания истории “советского народа”, то и, наоборот, наши знания о феномене этой “новой исторической общности людей” будут далеко неполными без проникновения в самую глубь и суть сборников советских пословиц» [15, с. 81]. Хотя сказанное профессором В. Хлебдой относится к советским пословицам, сам его подход к природе пословицы в ее идеологическом преломлении, как нам кажется, имеет более общую дальнoбойность. Он относится и к возможности интерпретации пословицы как семантически амбивалентной структуры.

Конечно, классификация русских лозунгов по социолингвистическим характеристикам не исчерпывается перечислением приведенных групп. Ее можно было бы расширить и за счет более детализированного анализа дискурса спортсменов, эмигрантов, продавцов и покупателей и т. д. Одно лишь взаимодействие лозунга в его классическом понимании и рекламного слогана могло бы стать предметом развернутого исследования, ибо лозунг-реклама, как уже отмечалось выше, стал знаменем нынешней российской капиталистической действительности. А. Н. Баранов справедливо отмечает: «Разрушение ритуального дискурса... привело к чрезвычайно интересным языковым процессам, которые заслуживают самого пристального внимания лингвистов. Один из этих феноменов – языковая игра, выполняющая целый комплекс функций: от разрушения старой политической

реальности до “карнавального” осмысления и переживания нового состояния общества» [1, с. 63].

Не случайно, например, крылатое шутливо-ироническое выражение *Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения*, известное всем с 30-х гг. прошлого века как один из лозунгов, которым восторженные зеваки приветствовали машину «Антилопагну» с Остапом Бендером и его компаньонами-жуликами, случайно оказавшимися на трассе автопробега «Москва – Харьков – Москва» (И. Ильф, Е. Петров. «Золотой теленок», гл. VI, 1931), сейчас стал не только сентенцией, подчеркивающей необходимость владения легковым автомобилем [2, с. 21], но и популярным рекламным роликом. И это не случайно, ибо «автомобиль рассматривается в рекламе в большей степени как имиджевый аксессуар, подчеркивающий стиль и позиционирование личности в социуме, поскольку он является продолжением индивидуальности и образа жизни человека» [12, с. 185 – 186]. Ср. также многочисленные рекламные трансформации этого лозунга, призывающие к покупке различных предметов с аллюзией на известное крылатое выражение: *Лифт в доме – это не роскошь, а средство передвижения; Вертолет – не роскошь; ТУ61 – не роскошь, а средство передвижения; Обувные аксессуары – не роскошь, а средства для поддержания адекватного внешнего вида; Бассейн – не роскошь, а средство для поддержания здоровья, хорошей формы и доброго микроклимата; Салфетки «Активтекс» в домашней аптечке – не роскошь, а прямая необходимость; Одноразовые шприцы – это не роскошь, а средство личной гигиены; Радиоаппарат – не роскошь, а необходимость* [9].

Характерные также шутливые трансформации («приколы») этого лозунга в современных антипословицах: *Автомат не роскошь, а средство общения; Деньги не роскошь, а средство для пропитания; Длинные ноги – это не роскошь, а средство продвижения по служебной лестнице; Машина не роскошь, [а] роскошь – средства на ее передвижение; Народ не роскошь, а средство обогащения; Партия не роскошь, а средство попасть в Думу; Танки не роскошь, а средство для установления социалистической демократии; Унитаз не роскошь, а средство для похудения* и мн. др. [5]. Они, с одной стороны, сохраняют заданную этой фразе И. Ильфом и Е. Петровым «лозунговость», а с другой – отражают одну из доминантных тенденций современной русской речи – стремление к обостренной «смеховой культуре». Некоторые же из них, – такие, например, как *Еврейская жена не роскошь, а средство передвижения*, являют собою даже некое «единство противоположностей», амальгируя в себе как функционально-семантические свойства лозунга, так и «прикольность» современных крылатых выражений. Таково логическое движение от исходной пропагандистской патетики, заложенной в природе лозунга, до ее низвержения, депатетизации. Уже поэтому лингвистическое исследование современного лозунга как особой языковой единицы и оправдано, и необходимо.

Литература

1. Баранов А. Н. Языковые игры времени перестройки (Феномен политического лозунга) // Russistik 2, 1993. Berlin: Dieter Lenz, 1993. С. 63 – 74.
2. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Русские словари; Астрель, АСТ, 2000. 624 с.
3. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2-х т. (Т. I. А – М. 658 с.; Т. II. Н – Я. 656 с.) / под ред. С. Г. Шулежковой. 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008 – 2009; 2014.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
5. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 578 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка. 3-е изд. Т. 1 – 4. М., 1955.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е, исправленное и значительное дополненное / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1 – 4. М., 1903 – 1909; 4-е исправленное и значительно дополненное издание под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 1 – 4. СПб.; М., 1912 – 1914. Перепечатка: Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 672 с.
8. Литературная энциклопедия / ред. коллегия: П. И. Лебедев-Полянский, И. М. Нусинов, Н. И. Скрыпник, В. М. Фриче; гл. ред. А. В. Луначарски. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1932. 920 с.
9. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: www.ruscorpora.ru. (дата обращения: 22.07.2015).
10. Невская Н. Лозунг – это зеркало общества. 17.02.2015. Режим доступа: <http://fb.ru/article/169794/lozung-eto-zerkalo-obschestva> (дата обращения: 23.07.2015).
11. Словарь политических терминов. Режим доступа: <http://www.polit-slovar.ru/> (дата обращения: 22.07.2015).
12. Скарнев Д. С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантический, прагматический, маркетинговый аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2015. 391 с.
13. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1 – 4. Л., 1934 – 1940.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / под ред. Б. А. Ларина; пер. с нем. и предисл. О. Н. Трубачева. Т. 1 – 4. М.: Прогресс, 1964 – 1973; 2-е изд. 1986 – 1987.
15. Хлебда В. Пословицы советского народа // Russistik 1-2, 1994. Berlin: Dieter Lenz. С. 74 – 85.
16. DUDEN. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. 2., völlig neu bearb. und erw. Aufl. v. Günther Drosdowski. Duden. Bd. 7. Mannheim-Wien-Zürich: Dudenverlag, 1989. 848 s.
17. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Erarbeitet unter Leitung von Wolfgang Pfeifer. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2005. 1665 s.
18. Walter, Komorowska, Krzanowska 2013: Walter H., Komorowska E., Krzanowska A. Deutsch-polnisches Wörterbuch der geflügelten Worte. In 80 geflügelten Worten um die Welt. Greifswald-Szczecin: RAPOL, 2013. 192 s.

Информация об авторах:

Вальтер Харри – профессор, доктор философских наук, старший научный сотрудник Института филологии современных иностранных языков, славистика, университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальд, Германия; почетный доктор Санкт-Петербургского государственного университета, почетный профессор ун-та им. Некрасова, walter@uni-greifswald.de.

Walter Harry – Prof. Dr. Dr. h.c., Senior researcher at the Institute of Philology of Modern Foreign Languages, Slavistics. Ernst-Moritz-Arndt-University of Greifswald, Germany. Doctor Honoris Causa of Saint Petersburg State University. Professor Honoris Causa of Nekrasov University.

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского университета; главный научный сотрудник Института филологических исследований СПбГУ; профессор Института славистики Эрнст-Моритц-Ардт Университет, г. Санкт-Петербург, Россия, mokienko40@mail.ru.

Valery M. Mokienko – Doctor of Philology, Professor at the Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University; Chief Research Associate at the Institute of Philological Research, St. Petersburg State University; Professor at the Institute of Slavic Studies, Ernst-Moritz-Arndt University, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

**ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕЧИ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
В ЗАРУБЕЖЬЕ (методологические заметки)**

Н. Д. Голев

**LINGUOPERSONOLOGICAL MEASUREMENT
OF THE SPEECH OF RUSSIAN IMMIGRANTS IN THE DIASPORA (methodological notes)**

N. D. Golev

Статья представляет собой опыт методологической рефлексии по поводу диссертационного исследования С. В. Гордеевой «Русский язык в приграничном Китае (на материале речи русских переселенцев в Китай 20 – 40-х гг. XX в. и их потомков)» (Томск, 2015). Автор отмечает черты данной работы, представляющие интерес для будущих исследователей аналогичного материала. В первую очередь - реализацию в ней лингвоперсоналогического подхода. В статье исследуется не только среднестатистическая речь языкового коллектива, но также речевая деятельность конкретных людей с их личной биографией. Очень ярко это иллюстрируют Приложения к диссертации – анкеты и родословные, представляющие собой человеческие документы, на атомарном уровне отражающие общесоциальные и, как следствие, – языковые процессы. Отбор параметров описания языковой личности в диссертации не дедуктивный, а индуктивный – автор исходит из непосредственных наблюдений диссертанта; вследствие этого в число параметров портретирования языковой личности переселенца входят только признаки, актуализирующие особенности русско-китайских симбиотических языковых образований. Среди перспектив исследования языковых анклавов в иноязычной среде в статье отмечается важность подключения к объективным характеристикам языковой ситуации ее отражения в языковом и метаязыковом сознании носителей контактируемых языков – их оценки изменений языковой ситуации и особенностей контактирования в анклавах. Важным автору статьи представляется и учет особенностей речевых актов контактирования, и оценка их с точки зрения коммуникативного успеха и коммуникативной неудачи.

Автор статьи считает, что эту задачу описания эволюции речи переселенцев было бы эффективнее решать на материале естественной письменной речи – письма, открытки, записки, дневника, подписи, объявления, обращения.

The article presents methodological reflections about the dissertation of S. V. Gordeeva “Russian in Border China” (on the materials of the speech of Russian immigrants to China in 20 – 40-ies of the twentieth century and their descendants) (Tomsk, 2015). The author points out the peculiarities of this work which will interest future researchers of similar material. First of all, it is the realization of linguopersonological approach. The dissertation deals not only with the average speech of the language group, but it also studies the speech activity of individuals with their personal biographies. Good illustrations are the dissertation supplements which include questionnaires and family trees reflecting general social and, as a consequence, language processes. The selection of parameters for the language personality description in the dissertation is not deductive, it is inductive: the parameters of immigrant language personality description include only those features which actualize the peculiarities of Russian-Chinese symbiotic language formations.

One of the prospects of studying language groups in the foreign-language environment is the importance of considering both objective characteristics of the language situation and its subjective reflection in language and meta-language consciousness of the Diaspora residents – their appreciation of the language situation changes and peculiarities of contacting. It is important to take into consideration the features of contacting speech acts and appreciate them from the point of view of communicative success and communicative failure. The researcher puts the problem of studying the evolution of immigrants' speech. The author of this article believes that this problem could be solved more effectively on the materials of natural written speech including letters, cards, notes, diaries, signatures, announcements, applications.

Ключевые слова: лингвоперсоналогия, лингвистическая эмигрантология, русско-китайские языковые контакты, языковая ситуация.

Keywords: linguopersonology, linguistic emigrantology, Russian-Chinese language contacts, language situations.

Поводом для написания статьи послужила диссертация С. В. Гордеевой [5], посвященная актуальной лингвистической проблеме – представлению одного из многочисленных вариантов русского языка, возникшего в речи русских переселенцев в Китай. Автор статьи был ее официальным оппонентом, в ходе написания рецензии возникли различные методические соображения, которые касались не столько рецензируемого исследования, сколько многих исследований такого типа, направленных на лингвистическое изучение русскоязычных анклавов в иноязычном окружении.

Эта проблема достаточно традиционна для общего языкознания и русистики, в то же время она бесконеч-

но широка (в плане многочисленности таких вариантов) и глубока и уходит своими корнями в процессы глоттогенеза.

В чем актуальность такого рода исследований? Русский язык многолик и многовариативен, его вариантыобразование продолжается и осуществляется на наших глазах. Можно говорить о **внутреннем** вариантыобразовании, связанном с его изменчивостью во времени и в пространстве, с разнообразием его функций, сфер бытования, обуславливающих формирование социолектов, региолектов, нациолектов (если регионы обладают национальной спецификой), наконец – идиолектов. Особый интерес вызывают эти процессы в си-

туации выхода русского языка за пределы российских границ, возникающей в случае эмиграции наших соотечественников за рубеж. Если речь русских эмигрантов в странах Запада (Франции, Финляндии, США, Канады) довольно регулярно становилась предметом исследования лингвистов (преимущественно российских), то движение русского языка на восток в этом плане изучено в значительной мере меньше, ему посвящены лишь отдельные разрозненные исследования (исключение – названные ниже работы Е. А. Оглезневой).

Диссертант хорошо усвоил традиции изучения проблем лингвистической иммигрантологии, и в его исследовании эти традиции эффективно используются, одновременно в этой работе много новаторских элементов. Коснувшись аспекта соотношения традиции и новаторства и говоря о традициях, считаю важным подчеркнуть, что исследование С. В. Гордеевой принадлежит научному направлению, основанному и развиваемому Е. А. Оглезневой – научному руководителю диссертанта, впервые обратившей внимание на русско-китайские анклавы, выделившей и описавшей некоторые из них в своих работах [4; 13; 14]. С. В. Гордеева следует принципам данного направления, но, отнюдь не механически, повторяет их на новом материале.

Остановимся на методологии и методике рецензируемого диссертационного исследования. В своих базовых основаниях они достаточно традиционные – работа выполнена в русле классической социолингвистики (ср. [14]), в основе исследования лежит базовое понятие – языковая ситуация, понимаемая как соотношение в регионе ее чисто внешних проявлений (количества носителей того или иного языка, политическая, экономическая и культурная ситуация, определяющая условия использования разных языков на территории анклава, их официального статуса и т. п.). Обычно исследователь стремится обнаружить проявления внешнего контактирования такого рода во внутренних особенностях языка (в данном случае русского) – произношения, склонения, лексической варьирования и т. п. Все это хорошо представлено и в исследовании С. В. Гордеевой, тщательно описавшей эти проявления.

Специфическая черта данной работы – стремление проникнуть на атомарный уровень взаимодействия языков, в результате чего происходит обогащение традиционной методологии персонологическим подходом, при котором деперсонифицированное понятие языкового коллектива предстает как речевая деятельность конкретного человека с его личной биографией. Очень ярко это иллюстрируют Приложения к диссертации – анкеты и родословные, представляющие собой человеческие документы, на атомарном уровне отражающие общие социальные и, как следствие, – языковые процессы. В этом плане нужно отметить яркий междисциплинарный характер рецензируемой работы – сочетание в ней аспектов истории, этнографии, регионоведения и персонологии, проецируемых в лингвистическую плоскость.

Говоря о вкладе диссертанта в лингвоперсонологию, отмечу следующее обстоятельство, связанное с особенностями портретирования языковой личности: С. В. Гордеева, во-первых, в речевой портрет вводит новые параметры, увязанные с предметом исследования, – особенности межъязыкового контактирования.

Во-вторых, в результате такой увязки портретирование получается не по принципу креативно свободных этюдов, а как вполне параметризованное описание, а сама **параметризация** представляет собой значимый научный результат с элементами новизны. При этом сам отбор параметров в диссертационном исследовании не дедуктивный, а индуктивный – автор исходит из тех наблюдений, в число параметров портретирования языковой личности переселенца которых входят только признаки, конституирующие особенности русско-китайских симбиотических языковых образований.

Считаю важным поддержать интересную и перспективную линию изучения языковых контактов, заявленную в диссертации. Полагаю, что было бы продуктивным в научном плане подключить к традиционному представлению языковой ситуации ментальный компонент (имею в виду понятие ментально-языковой ситуации), включающий в себя не только внешние объективные характеристики ситуации, но и ее отражение в языковом и метаязыковом сознании носителей контактируемых языков – их оценки языков и ситуаций контактирования. Опыты такого рода исследований ментально-языковой ситуации в языковом коллективе-анклаве уже имеются в отечественной лингвистике (см., например: [2]).

Еще одно направление (тоже в сторону атомизма), которое может способствовать углублению такого рода исследований ситуации двуязычия в анклавах, – это теория речевых актов. И прежде всего такой ее аспект, как рассмотрение актов (в том числе контактных) в плане коммуникативного успеха и коммуникативной неудачи, и оценка носителями языка речевых актов с этой точки зрения. Нетрудно предположить, что увеличение удельного веса «неудачных» актов усиливает одни тенденции во взаимодействии языков (скорее всего, энтропийные – по отношению к родному языку), а «успешных актов» – другие (скорее всего, к усилению влияния языка нового окружения). Думается, что теория речевых актов способна обогатить (точнее – углубить) традиционные представления теории контактирования носителей разных языков, а также теории билингвизма и концепции интерференции. Должен отметить, что в диссертационном исследовании есть немало моментов, так или иначе представляющих эти механизмы, а также элементов ментально-языковой ситуации. Но это пока лишь только эпизодические наблюдения, а не системный принцип описания коммуникативной ситуации в анклав.

Говоря об индивидуальном портретировании, считаю важным отметить также, что его явно усилил бы переход к типологии языковых личностей – а именно, к выделению их типов по характеру социального и культурного взаимодействия. Пять личностей, описанных в диссертации, – это одновременно пять разных типов личности вообще, и языковой личности в частности. В диссертации представлены типы языкового существования, которые можно трактовать как пролегомены такой типологии. Но ими разнообразие типов языковой личности в языковом коллективе не исчерпывается. Размышления в данном аспекте приводят, например, к необходимости учета в языковом коллективе момента соотношения в русско-китайском взаимодействии (как и в любой другой подобной разновидности коммуникативного общения) двух типов языковой личности –

пассионариев и консерваторов. Это традиционная позиция, возникающая при описании речевых особенностей в замкнутых коллективах традиционного типа, обычно пассионарное начало связывается с мужским населением, консервативное – с женским (см., например: [3]). Возможно, что это подтверждается и в изучаемых в диссертации языковых коллективах.

Остался нераскрытым и непоставленным вопрос о факторе Приграничья в целом как специфического явления контактирования и двуязычия. В разделе 1.1. диссертант основательно рассматривает особенности изучения русского языка за рубежом. Показано, что в основном исследователи обращаются к ситуации существенного временного и территориального дистанцирования русских эмигрантов от исходного родного коллектива.

Важным является вопрос о том, что является решающим фактором развития (энтропического типа) языка метрополии – влияние нового языкового окружения или сам факт отдаления от родного исторического языкового коллектива. По духу исследования можно сделать вывод о том, что С. В. Гордеева, как и большинство исследователей иноязычных анклавов, основное внимание уделяет первому фактору. Хотя в положении 2, выносимом на защиту, допускается и второй фактор, но, на наш взгляд, он не получил достаточного раскрытия в диссертации. Здесь мы бы хотели подчеркнуть значимость второго фактора – отдаления от «материнского» языка. Разумеется речь не только и не столько о пространственном и временном отдалении, сколько об отдалении функциональном – утрате непосредственного общения с носителями родного языка в комфортной культурно-духовной атмосфере. Ее отсутствие – решающий фактор энтропийных тенденций материнского языка.

Весьма важным для исследования процессов преобразования родного языка в речи переселенцев является момент соотношения устных и письменных источников. В рецензируемой диссертации предметом исследования была только устная речь, письменные тексты в сферу внимания исследователя не попали. Полагаем, что задачу описания эволюции речи переселенцев было бы эффективнее решать на материале естественной письменной речи – писем, открыток, запи-

сок, дневников, подписей, объявлений, обращений и т. п. – всего того, что объединяется понятием «естественная письменная русская речь» [6 – 11].

Полагаем, что проследить эволюцию русской речи по устной речи в полной мере вряд ли возможно, так как моделирование эволюционных изменений предполагает ее поэтапную фиксацию (хронометрию), которую позволяют осуществить письменные источники (косвенным образом они могли отразить и изменения в устной речи). Наличие пакетов переписки, относящейся к одному переселенцу, позволяло включить в портретирование языковой личности и параметр языковой динамики: скорость, степень и качество изменений родного языка, которые наверняка существенно отличаются у разных его носителей. Актуализация в исследованиях изменений в языковых анклавах хронометрического аспекта предполагает разработку соответствующей методики. Во-первых, выбор временных параметров изменений, которые в идеале должны коррелировать с этапами эволюции родного языка. Наиболее крупной единицей является поколение мигрантов (хотя, на наш взгляд, учет речи второго, третьего и т. д. поколения – это уже другая проблема). Во-вторых, письменные показания изменений слишком привязаны к речи индивидуума, переход ко всему изучаемому языковому коллективу предполагает разработку соответствующей теории и интегральной методики.

Наши наметки на перспективу исследований речи эмигрантов стали возможными не вопреки, а благодаря тем результатам, которые получены в диссертации. Один из таких результатов – диссертация дает повод для размышлений об исследовании зарубежных вариантов русского языка. В целом несомненно, что диссертационное исследование С. В. Гордеевой вносит вклад в русскую лингвистическую эмигрантологию, персонологию, теорию языкового контактирования. Говоря о персонологии, избранной в качестве основы для сюжета настоящей статьи, отмечу, что исследование С. В. Гордеевой органично включается в ее сибирскую парадигму (см. ее представление в [1; 11; 15]), занимая в ней особое место, связанное со спецификой персонного пространства русского зарубежья, определяемой его своеобразным отношением к материнскому языку.

Литература

1. Авакумова Е. А., Артемова Т. В., Голев Н. Д., Денисова Э. С., Иванцова Е. В., Киркинская Т. И., Лопатина И. А., Максимова С. А., Мамаева С. В., Мельник Н. В., Оленев С. В., Паули Ю. С., Попова О. А., Прокудина И. С., Соловьева Н. В., Татаринцева Е. Н., Шпильная Н. Н., Янченко В. Д. Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учебное пособие / под ред. Н. В. Мельник. Кемерово, 2009. 384 с.
2. Александров О. А., Андреева О. А. Моделирование социолингвистической ситуации «малого» языка по данным обыденного метаязыкового сознания // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово. 2012. Ч. IV. 482 с.
3. Арутюнов С. А. Народные механизмы языковой традиции // Язык. Культура. Этнос. М., 1994.
4. Блохинская А. В., Гордеева С. В., Касимова Е. В., Оглезнева Е. А., Цзян Ин. Языковая ситуация на Дальнем Востоке России приграничной территории (на материале российского Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) / под ред. Е. А. Оглезневой. Благовещенск, Изд-во АмГУ, 2014. 156 с.
5. Гордеева С. В. Русский язык в приграничном Китае (на материале речи русских переселенцев в Китай 20 – 40-х гг. XX в. и их потомков): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015.
6. Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. 1: Проблемы письменной речи и развития языкового чувства: материалы конференции / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 347 с.

7. Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. 2: Теория и практика современной письменной речи: материалы конференции / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 280 с.
8. Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. 3: Письменная речь в психолингвистическом, лингводидактическом и орфографическом аспектах: материалы конференции / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 280 с.
9. Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. 4: Дискурсы и жанры письменной речи: сб. научных статей / под ред. Н. Б. Лебедевой. Кемерово, 2011. 648 с.
10. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета (БГПУ). 2001. № 1. С. 4 – 10.
11. Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю., Тюкаева Н. И. Жанры естественной письменной речи: студенческие граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М.: КРАСАНД, 2011.
12. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Н. Б. Лебедевой, Э. П. Хомич. Барнаул; Кемерово, 2006. 435 с.
13. Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск, 2009.
14. Оглезнева Е. А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск, 2007.
15. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпилюной. М.: ЛЕНАНД, 2014. 640 с.

Информация об авторе:

Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка КемГУ, ngolev@mail.ru.

Nikolay D. Golev – Doctor of Philology, Professor at the Russian Language Department, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 81'373

**СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СИСТЕМЕ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ**

Э. С. Денисова, А. В. Гультияева

**SOMATIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGE SYSTEMS:
PSYCHOLINGUISTIC ASPECT OF THE STUDY**

E. S. Denisova, A. V. Gulytyaeva

Статья посвящена изучению китайских фразеологизмов и их русских аналогов, содержащих в своём составе соматизмы – имена существительные с исходным значением частей тела человека. Лингвокультурное значение данной тематической группы неоспоримо. Соматические фразеологизмы представляют собой древнейший пласт национальной культуры и отражают историю познания человеком себя и окружающего мира. Объектом описания в данной статье является установление особенностей восприятия соматической фразеологии носителями русского и китайского языков, а предметом – выявление структурных и семантических характеристик фразеологических единиц группы «Части тела». Цель исследования состоит в нахождении универсального (общего) и уникального (различного) в китайской и русской языковых картинах мира. Используемая в работе методика психолингвистического эксперимента позволяет выявить и классифицировать стратегии, используемые информантами при идентификации иноязычных фразеологизмов, буквально переведенных на русский язык. Полученные результаты могут быть использованы в межкультурном общении русских и китайских носителей языка для предотвращения коммуникативных неудач.

The article features the study of Chinese phraseological units and their Russian equivalents that contain a somatism in their structure. Somatism is a noun meaning human body parts. The cultural significance of this thematic group is undeniable. The somatic idioms are the most ancient stratum of national culture. They reflect the history of human perception of themselves and the world around. The object of the description in this article is establishing the peculiarities of perception of somatic phraseological units by native Russian and Chinese speakers. The subject is defining structural and semantic specification of phraseological units “Body parts”. The aim of this research is to find the universal (general) and the unique (different) in the Chinese and Russian languages. The result can be used in cross-cultural communication between Russian and Chinese native speakers for communicative failure prevention.

Ключевые слова: лингвокультура, соматическая лексика, фразеологическая единица, психолингвистический эксперимент.

Keywords: linguaculture, somatic dictionary, phraseological locution, psycholinguistic research.

Соматическая лексика (от греч. *soma*, 'тело') – одна из универсальных лексических групп в любом языке. Как отмечает Г. Е. Крейдлин, представление людей о теле и телесных объектах, об их формировании, строении и функционировании, о способах взаимодействия тела с внешним миром и внутренними системами человека, такими как психика и разум, сложились очень давно. Эти представления, образующие в совокупности фрагмент наивной картины мира, нашли отражение как в текстах разных жанров и стилей, так и в телесном знаковом невербальном коде [9, с. 51 – 56].

В лингвистический обиход термин «соматический» впервые введён Ф. О. Вакком. Именно этот учёный сделал вывод о том, что соматизмы относятся к одному из древнейших пластов фразеологии [13, с. 80 – 85]. Под фразеологической единицей с компонентом-соматизмом или соматической фразеологической единицей (далее СФЕ) в научной литературе обычно понимается фразеологизм, ведущим или зависимым компонентом которого является слово, обозначающее не только внешние физические формы организма человека (*голова, рука, нос* и т. п.), но и элементы сердечно-сосудистой, нервной и других его систем (*кровь, селезенка, мозг, печень* и т. п.) [14, с. 119 – 120].

Выбор данной группы фразеологизмов в качестве материала для лингвистических исследований обусловлен многими факторами. Во-первых, по словам Н. М. Шанского, СФЕ является «коммуникативно наиболее значимой и высокопродуктивной частью фразеологического состава» [17, с. 205]. По подсчетам учёных, устойчивые единицы с компонентом-соматизмом составляют около 25 % всего фразеологического фонда языка и в силу своей культурной специфики являются важным объектом лингвокультурного анализа. Неудивительно, что эта группа продолжает пополняться в современных языках.

Во-вторых, во фразеологических единицах наиболее ярко проявляется антропоцентризм языковой картины мира: «Они (фразеологизмы) возникают не столько для того, чтобы описать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъектное отношение» [6, с. 49]. Порождение и использование соматических фразеологизмов помогает человеку познавать мир и свои собственные качества через себя самого, части своего тела, общие физические и психические признаки [14, с. 119 – 126].

В-третьих, общепринятым в науке является тезис о том, что идиомы представляют собой национально специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа [11]. Исследование роли языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта [2] позволяет лингвистам доказать, что «язык напрямую влияет на когнитивные процессы в сознании человека, равно как и когнитивные процессы, а также ценностные для той или иной культуры факторы обуславливают особенности формально-семантической организации языков» [1, с. 87]. Во фразеологии ключом к открытию кода культуры служит телесный код, который показывает своеобразие языка, впитавшего национальные традиции понимания и осмысления явлений действительности [5, с. 187].

Соматическая фразеология активно изучается как в синхронном, так и в сопоставительном плане, однако, как отмечают лингвисты, её сравнение в неродственных, далеких друг от друга языках представлено еще недостаточно [5]. На наш взгляд, интересным представляется использование когнитивного и психолингвистического подходов к сравнительному анализу лексических единиц китайского и русского языков (см. об этом более подробно [15]).

Объектом описания в нашей работе является установление особенностей восприятия соматической фразеологии носителями русского и китайского языков, а предметом – выявление структурных и семантических характеристик фразеологических единиц тематической группы «Части тела».

Рабочая гипотеза исследования состоит в следующем: фразеологическая картина мира с точки зрения реализации в ней соматической лексики русского и китайского языков помогает выявить как общие (универсальные), так и самобытные (уникальные) черты в определенной национальной культуре. Под фразеологической картиной мира мы вслед за исследователями понимаем «представления человека о себе и окружающем его мире, фиксируемые фразеологическими средствами языка и рассматриваемые как явление национально-культурного наследия» [3, с. 51].

При анализе научных работ по поставленной проблематике и обращению к лексикографическим источникам нами были обнаружены следующие отличительные характеристики в китайской и русской языковой картинах мира применительно к тематической группе «Части тела».

1. С опорой на китайский иллюстрированный словарь [10] можно отметить, что в китайском языке есть специфические номинации частей тела для женщин, мужчин и детей. Например, при обозначении частей тела женщины используются такие слова, как 四肢 (Sìzhī) – *конечности, члены*; 脸 (Liǎn) – *лицо*; 喉结 (Hóujié) – *кадык, адамово яблоко*; 关节 (Guānjié) – *локтевой сустав* и др. При обозначении частей тела мужчины употребляют 腰部 (Yāobù) – *поясница, талия*; 肩膀 (Jiānbǎng) – *плечо*; 脚趾甲 (Jiǎozhǐ jiǎ) – *ноготь пальца ноги*; 手指甲 (Shǒu zhǐjiǎ) – *ноготь* и др. При обозначении частей тела у детей используют такие лексические единицы, как 胳肢窝 (Gā zhī wō) – *подмышка*; 胳膊 (Gēbó) – *рука* (от плеча до запястья); 胳膊肘儿 (Gēbó zhǒu er) – *локоть*; 屁股 (Pìgu) – *зад, ягодицы*. При анализе словарных статей мы обратили внимание на то, что в китайском языке слово *кадык* (喉结) употребляется по отношению к женщине, а *талия* (腰部) – по отношению к мужчине, в отличие от русского языка.

При обозначении частей тела ребенка в китайском языке используются лексемы, которые носят разговорный характер, например, 脑袋 (Nǎodai) – *голова*; 脖子 (Bózi) – *шея*; 胳肢窝 (Gā zhī wō) – *подмышка*; 胳膊 (Gēbó) – *рука* (от плеча до запястья); 肚子 (Dùzi) – *живот*. В русском языке данные лексемы соответствуют уменьшительно-ласкательным номинациям, ср.: *головка, животик, шейка*.

2. Спецификой русской фразеологической картины мира является то, что для неё не характерно использование СФЕ с компонентом, содержащим название внутренних органов (кишка, печень, желчный пузырь, желудок, легкие, селезенка), в отличие от китайского языка, где такая модель фразеологизма является достаточно распространенной [16]. Например, в представлении носителя китайского языка большинство соматических фразеологизмов со словом 肝 Gān (печень) обозначают состояние гнева, со словом 肠 Cháng (кишка) используются для описания характера человека (直肠子 Zhíchángzi букв. «прямая кишка» – ‘прямой, открытый, искренний человек’), 胆 Dǎn (желчный пузырь) имеет символическое значение ‘храбрость’, 胃 Wèi (желудок) – ‘аппетит’, 肺 Fèi (легкие) – ‘совесть’, 脾 Pí (селезенка) – ‘черта характера’. В русском языке модель фразеологизмов с компонентами желудок и селезенка является малораспространенной (ср. желудок на двух ногах, печень селезенке не товарищ, поздно пить боржоми, когда почки отвалились), а с компонентами желчный пузырь, лёгкие – вообще не зафиксирована в словарях.

3. В особую группу, представляющую интерес для анализа, можно выделить китайские фразеологизмы, структура которых не содержит компонента – соматизма, однако при переводе в русский язык им соответствует фразеологизм с опорным компонентом наименования части тела, ср.: 窍不通 Qiào bùtōng – кит. *самая малость не дойти до чего-то* (рус. *ни в зуб ногой*); 看风使舵 Kàn fēng shǐ duò – кит. *держат руль по ветру* (рус. *держат нос по ветру*); 打瞌睡 Dǎ kēshuì – кит. *удариться сонным* (рус. *клевать носом*); 单独地 Dāndú de – кит. *наедине, в одиночестве* (рус. *с глаза на глаз*) и др. (примеры взяты из [12]).

Для доказательства рабочей гипотезы нами было разработано и проведено экспериментальное исследование, цель которого – установить общее и различное в русской и китайской фразеологических картинах мира, и, шире, – в лингвокультурах. Эксперимент проходил следующим образом: студентам предъявлялся список переведенных на русский язык китайских фразеологизмов и предлагалось найти для них соответствия среди русских фразеологизмов или дать собственное значение предложенному фразеологизму, если аналога этой устойчивой единицы в русском языке нет.

Опрашиваемую аудиторию составили носители русского языка (студенты 1 – 4 курсов направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика» и студенты 2 курса направления «Отечественная филология» КемГУ), в количестве 66 человек. Для студентов, изучающих китайский язык, мы предлагали анкеты, где были даны как китайские фразеологизмы, так и соответствующие им иероглифы, а для студентов-филологов был представлен только буквальный перевод СФЕ.

Мы выбрали данные группы реципиентов, поскольку они включают в себя: 1) студентов, углубленно изучающих китайский язык, следовательно, знающих обычаи и культуру китайского народа; 2) студентов, углубленно изучающих русский язык,

следовательно, хорошо знакомых с фразеологическим фондом русского языка.

Отдельно были опрошены китайские студенты, изучающие русский язык (20 человек, Чаньчуньский университет, Китай). Для них эксперимент проходил иначе: студентам предъявлялся список китайских фразеологизмов, написанных при помощи иероглифов, и предлагалось объяснить их значение на русском языке. Целью проводимого эксперимента было уточнение не семантической организации СФЕ, а выявление оценки обозначаемого фразеологизмом лица, его характеристики или ситуации носителями китайской культуры.

В качестве материала, предложенного информантам для анализа, были использованы 20 китайских фразеологизмов, полученных методом сплошной выборки из русско-китайского фразеологического словаря [12]. При отборе материала мы учитывали следующие критерии: 1) наличие в структуре фразеологизма компонентов (слов), номинирующих части тела человека; 2) наличие или отсутствие у китайского фразеологизма полных/частичных эквивалентов в русском языке.

Выбранные китайские фразеологизмы мы перевели на русский язык и разделили на группы по степени сложности их восприятия для студентов.

1. Китайские фразеологизмы, которые не обладают национально-культурной спецификой, имеют соответствия среди фразеологизмов русского языка и должны быть поняты студентами: «Мозолистые руки, мозолистые ноги», «Большой мастер своего дела, рисующий красной и синей краской», «Руки пляшут, ноги приотпывают», «Не выпускать из рук свитка», «Союз, скрепленный кровью из разрезанной руки» и др.

2. Китайские фразеологизмы, в которых значение отдельных компонентов в структуре понятно студентам, однако семантика СФЕ в целом может не совпадать с её русским эквивалентом: «Доброе сердце и мягкие руки», «Низко кланяться со сложенными руками», «Сложить руки и упустить», «Оберегая палец, потерять ладонь», «Глаза не видят, сердце без печали», «Голова много мыслит, не прося у ног ее учить» и др.

3. Китайские фразеологизмы, не имеющие соответствий в русском языке из-за национально-специфического характера обозначаемой ситуации: «Брови дракона, глаза феникса», «Семь рук, восемь ног», «Пририсовать змее ноги», «Лежать на хворосте и пробовать на вкус желчь» и др.

В ходе анализа полученного материала нами было выделено шесть основных стратегий идентификации рассматриваемых иноязычных фразеологизмов (ср. похожую методику выделения стратегий восприятия незнакомого производного слова в работе [7, с. 136 – 137]).

1. К формально-мотивирующей стратегии относятся ответы, когда испытуемый обращается к одному из компонентов в структуре китайского фразеологизма и, опираясь на него, дублирует его в предлагаемом русском эквиваленте, ср.: «Большой мастер своего дела, рисующий красной и синей краской» – дело мастера боится; «Большая рука, большая нога» – жить на широкую ногу; «(всё равно, что) левая или правая рука» – не золотые руки.

В русских фразеологизмах могут повторяться не только компоненты исходной фразеологической еди-

ницы, но и их родовидовые синонимы: *«Брови дракона, глаза феникса» – глаза сокола; глаз орла.*

Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что преобладание данной стратегии характерно для анкет студентов-филологов, поскольку они меньше владеют информацией о культуре и традициях китайского народа.

2. К мотивационной стратегии мы относим случаи, когда носители языка анализируют структуру фразеологизма, опираясь на смысл составляющих его компонентов. Стратегия представлена небольшим количеством ответов, в которых совпадает не только значение, но и оценка ситуации: *«Брови дракона, глаза феникса» – красивый человек; красавчик; о красоте человека; «Большая рука, большая нога» – жить на широкую ногу; бросаться деньгами; «Низко кланяться со сложенными руками» – оказывать честь кому-то; быть благодарным за что-то; уважение и покорность; уважать; относиться с уважением; огромное уважение; быть покорным; «Смотреть пристально округленными глазами» – у страха глаза велики.* Данная стратегия реагирования характерна для ответов студентов направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика».

3. При обращении к оценочной стратегии испытуемый актуализирует характеристику номинируемого во фразеологизме лица, его действий. Особый интерес для анализа представляют реакции студентов, которые описывают ситуацию, близкую по значению к исходной фразеологической единице, но отличающуюся «плюсом» оценки, ср.:

1) во фразеологизме *«Большая рука, большая нога»* описывается ситуация траты денег, которая оценивается носителями китайского языка отрицательно: *транжирить деньги, попусту тратить; жить на широкую ногу; бросаться деньгами.* Носители русского языка, наоборот, дают положительную оценку ситуации: *Россия – щедрая душа; не жалеть средств; очень хороший, добрый, щедрый человек;*

2) ситуацию, описываемую во фразеологизме *«Потирать руки от нетерпения»*, китайские студенты характеризуют положительно, ср.: *означает гореть желанием приступить к какому-то делу.* Ответы же русскоязычных студентов показывают отрицательное отношение к обозначаемому: *вперед батьки в пекло (о ненужной поспешности);*

3) не всегда носители русского языка правильно интерпретируют исходный смысл фразеологической единицы, ср.: *«Большой мастер своего дела, рисующий красной и синей краской» – актер погорелого театра; «Брови дракона, глаза феникса» – злой как собака; ни рыба, ни мясо.* В ответах на эти СФЕ информанты наделяют человека отрицательными характеристиками, что не совпадает с оценкой китайских студентов.

Оценочная стратегия в большей степени выявляет различия в русской и китайской лингвокультурах.

4. При обращении к иллюстрирующей стратегии испытуемый реализует соотносительность слова фразеологизма-стимула с какой-либо типовой ситуацией: *«Доброе сердце и мягкие руки» – человек с добрым сердцем всегда совершает хорошие поступки; «Лежать на хворосте и пробовать на вкус желчь» – постоянно напоминая себе об испытанном унижении,*

черпать тем самым силы; «Семь рук, восемь ног» – многие люди помогают, но ситуация не становится лучше; «Стоит лишь поплевать на руки и готово» – не прикладывать особых усилий, сделать что-либо и др.

Как отмечает А. А. Залевская, отнесение к классу (категории) и иллюстрирование общих понятий конкретными примерами, – все это отражает основные принципы упорядочения разносторонней информации об объективном мире в памяти человека [8, с. 60].

5. При обращении к стратегии буквального перевода внутренняя форма слова воспринимается как достаточная для понимания. Данная стратегия характерна для китайских студентов, обращение к ней показывает знание носителями языка иероглифики, культуры и традиций своего народа, ср.: *手不释卷 (Shǒubùshìjuǎn) – «не выпускать из рук свитка»; 惜指失掌 (Xī zhǐ shī zhǎng) – «пожалеть палец и потерять ладонь»; 画蛇添足 (Huàshétiānzú) – «рисовать змею, а добавить ей ноги»; «нарисовать змею, пририсовать ей ноги» и др.*

6. Отказ от реагирования. На наш взгляд, стратегия отказа от интерпретации фразеологизма является важной, поскольку отражает степень известности / неизвестности, понятности / непонятности стимула для носителей языка. В нашей работе к данной стратегии в формальном плане мы относим случаи, когда на месте ответа стоит прочерк, а в содержательном плане – когда при объяснении отказа от реагирования испытуемые ссылаются на то, что не знают или не понимают значение китайского фразеологизма.

Данная стратегия в большей степени характерна для таких фразеологизмов, как: *«Семь рук, восемь ног» (14 прочерков); «Большая рука, большая нога» (11 прочерков); «Руки пляшут, ноги притоптывают» (9 прочерков); «Одной ладонью заслонить небо» (8 прочерков); «Союз, скрепленный кровью из разрезанной руки» (8 прочерков); «Лежать на хворосте и пробовать на вкус желчь» (7 прочерков); «Голова много мыслит, не прося у ног её учить» (6 прочерков); «Брови дракона, глаза феникса» (5 прочерков); «(всё равно, что) левая и правая рука» (5 прочерков); «Потирать руки от нетерпения» (5 прочерков).*

Таким образом, анализ результатов эксперимента подтвердил выдвинутую в нашей работе гипотезу. Меньшую трудность в ответах всех студентов вызвали те фразеологические единицы, которые мы отнесли к группе понятных (универсальных) СФЕ: *«Большой мастер своего дела, рисующий красной и синей краской» (13), «Стоит лишь поплевать на руки и готово» (13), «Доброе сердце и мягкие руки» (12), «Смотреть пристально округленными глазами» (12), «Потирать руки от нетерпения» (9), «Союз, скрепленный кровью из разрезанной руки» (9) и др.* Цифрами обозначено количество полученных правильных ответов.

Большую трудность, как мы и предполагали, вызвали национально-специфические китайские СФЕ, например: *«Глаза не видят, сердце без печали» (23), «(всё равно, что) левая или правая рука» (13), «Большая рука, большая нога» (8) и др.* Цифрами обозначено количество полученных неверных ответов.

Проанализированные нами примеры доказывают, что тематическая группа «Части тела», действительно,

широко представлена в системе любого языка путем включения её наименований в компонентный состав фразеологизмов. Соматизмы, содержащиеся во фразеологизмах, выполняют разнообразные функции, основной из которых является воплощение определенных культурных смыслов.

Сходство в функционировании соматизмов в русской и китайской фразеологии обуславливается куль-

турными факторами, в частности наличием базисных архетипов, которые лежат в основе толкования человека мира. Однако при абсолютной тождественности тела человека его концептуализация и вербализация в русской и китайской языковых картинах мира обнаруживают национальную специфику, что определяется существенным различием культур (европейской и восточной).

Литература

1. Араева Л. А., Ли С. И. Пропозициональный анализ категории цвета в китайском, русском, английской и тибетском языках // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сб. научных статей; Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина. Бийск, 2014. С. 83 – 88.
2. Араева Л. А. Словообразовательный тип: традиционное и современное видение // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2004. № 4. С. 110 – 115.
3. Веренич Т. М. Черты национального характера во фразеологической картине мира (на материале французского и русского языков) // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы Междунар. науч. конф. М., 2012. С. 51 – 53.
4. Волкова Н. Н., Хуэйчжи Ч. Фразеологизмы со словом "рука" в русском и китайском языках. Режим доступа: http://www.rki-phil-vsu.ru/sborniki/soderzhaniye_2012.rtf (дата обращения: 22. 03. 2015).
5. Го Синь-И. Телесный код в китайской фразеологии и его русское соответствие: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
6. Головня А. И. Концептуальное поле лексемы рука в русской и китайской картинах мира (на материале фразеологизмов) // Карповские научные чтения: сборник научных статей; Белорусский государственный университет. 2012. Вып. 6. Ч. 2. С. 49 – 52.
7. Денисова Э. С., Василенко Е. А. Воздействующий потенциал способов и приемов графодеривационной игры (на материале наружной рекламы г. Кемерово) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 2(50). С. 133 – 138.
8. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999.
9. Крейдлин Г. Е. Тело и телесность в русском языке и русской культуре // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. Красноярск, 2013. Т. 4. № 4. С. 51 – 56.
10. Мой словарь китайского языка с иллюстрациями / ред. Н. Чжу, Х. Фэн. Мир китайского языка, 2009.
11. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. М., 2005.
12. Русско-китайский фразеологический словарь / ред. Ч. Цишэн, Ч. Лупэй. Ч. 4. Хубэй жэньминь чубаньшэ, 1984.
13. Старых О. В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. (Сер. 3: Филология). 2011. Вып. 2(24). С. 80 – 85.
14. Сюеин Ч. Исследования семантических особенностей фразеологизмов с компонентами-соматизмами // Филология и человек. 2013. № 4. С. 119 – 126.
15. Трофимова У. М. Опыт когнитивного экспериментально-теоретического анализа тематической группы «Части тела»: автореф. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999.
16. Хао Х. Национально-культурная специфика и источники фразеологизмов китайского языка // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 2(49). С. 103 – 104.
17. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1999.

Информация об авторах:

Денисова Эльвира Степановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, elvdenisova@yandex.ru.

Elvira S. Denisova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Гультяева Анжелика Витальевна – магистрант факультета филологии и журналистики КемГУ, anzhelika.gulytaeva.91@mail.ru.

Anzhelika V. Gulytaeva – masters degree student at the Department of Philology and Journalism, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – Э. С. Денисова). (Research advisor – E. S. Denisova).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

РОЛЬ НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В СЦЕНОГРАФИИ

И. В. Евсеева, С. Ю. Козырева

THE ROLE OF NON-VERBAL COMPONENTS IN SCENOGRAPHY

I. V. Evseeva, S. Ju. Kozyreva

Система невербальных знаков и знаковых конструкций играет важную роль в сценографии. И режиссёр, ставящий пьесу, и актёры, воплощающие на сцене замыслы режиссёра, должны овладеть всей палитрой знаков и умело пользоваться ею для успешного, прежде всего правдоподобного создания образа персонажа. Освоению системы знаков изображаемого героя актёру в первую очередь помогает текст пьесы (особенно метатекст), через который идет знакомство с персонажем, чертами его характера, культурой и степенью воспитанности, а также поведенческими особенностями. Метатекст выступает как подсказка автора, способствующая постановке и сценическому оформлению пьесы, подсказка, в большей степени нацеленная на невербальную сторону действия актёров, на их игру.

В данной статье описываются отдельные невербальные компоненты, играющие важную роль в трансформации пьесы на сцену. Системный подход изучения невербальных компонентов в театральной, прежде всего, сценической, среде позволит точнее передать образы персонажей и тем самым по-новому прочесть произведение.

The system of non-verbal signs and sign structures plays an important role in scenography. Both the director staging the play and the actors embodying the ideas of the director on stage must master the entire palette of signs and skillfully use it for a successful and plausible creation of the character. To master the sign system of the character, an actor should use the text of the play (especially metatext). This text helps the actor get acquainted with the character traits, culture, level of education and behavioral characteristics of the role. Metatext acts as a hint of the author, contributing to the directing and stage design, a hint aimed at the non-verbal side of actors' actions.

This paper describes some non-verbal components that play an important role in the preparation of a play performance on stage. A systematic approach to the non-verbal components studying in theater sphere will allow to present the characters more accurately and thus to have a new vision of a story.

Ключевые слова: метатекст, невербальные средства, образ персонажа, сценография.

Keywords: metatext, non-verbal means, an image of a character, scenography.

Благодаря бурному развитию телевидения, кино и Интернета, целое поколение приобрело привычку воспринимать информацию в визуализированном, мобильном и легкодоступном виде. Театр всегда относился к зрелищному виду искусства, но сегодня время и темп жизни заставляют театр XXI века искать новый язык изложения событий, действий и чувств на сцене.

Театральная постановка представляет собой особую организацию сложной системы знаков, причём как вербальных, так и невербальных («вербальный» от лат. *verbalis* – словесный; следовательно, «невербальный» – бессловесный, то есть не использующий слово) [4]. Один из создателей знаковой теории Чарльз У. Моррис утверждал, что «человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотъемлем от функционирования знаков – а возможно, и вообще интеллект следует отождествлять именно с функционированием знаков» [11, с. 37]. Человек является тем самым создателем знаков.

Каждому живущему на земле присущи свои система изъяснения и индивидуальные особенности использования знаков в коммуникации. Впрочем, эта система и знаковые конструкции в значительной степени должны быть приняты данным сообществом людей и доступны восприятию и пониманию людьми не только данной, но и других культур, если оставить в стороне существующие национально-культурные

различия. Режиссёр, ставящий на сцене пьесы не только отечественных, но и зарубежных авторов, и актёры, воплощающие на сцене замыслы режиссёра, должны овладеть всей палитрой знаков и умело пользоваться ею для успешного, прежде всего правдоподобного создания образа персонажа.

Помимо того что актер обладает собственной, присущей только ему, системой знаков, которая проявляется неосознанно – мы имеем в виду особенности речи, голоса, тона, телодвижения, манеры и др., – ему необходимо освоить систему знаков изображаемого героя, «чужую» способность выражаться вербально и невербально. Сделать это ему в первую очередь помогает сам текст пьесы, через который идет знакомство с персонажем, чертами его характера, культурой и степенью воспитанности. Например, в пьесе А. Н. Островского «Не всё коту масленица» в первой сцене четвертом явлении появляется некто Ипполит, о котором известно только, что он «приказчик, лет 27-ми»: *Агния (взглянув в окно): Опять мимо ходит. Что это у них за манера. (Открывает окно и кланяется.) Что, вы потеряли что-нибудь? / Ипполит за окном: Окромя сердца ничего-с. / Агния: Что же вы ходите взад и вперед? Отчего вы прямо не войдете? Ипполит за окном: Не смею-с. / Агния: Кого же вы боитесь? / Ипполит за окном: Маменьки вашей. / Агния: Чего же ее бояться? Она спит. / Ипполит за окном: В таком случае, сейчас-с. (Островский А. Н. «Не всё коту масленица») [13, с. 3].*

Использование здесь обращения на «вы», уменьшительно-ласкательные формы говорят о том, что перед нами человек образованный, скромный, знающий и соблюдающий нормы и правила поведения. Неоднократное присоединение частицы -с – яркое тому подтверждение. В начале XIX в. «слововерсы» добавляли в знак почтения к собеседнику, а в конце XIX в. уже к этому значению прибавилось демонстративное самоунижение [14].

Вербальные единицы и средства, репрезентирующие невербальное поведение человека, позволяют автору выделить на их основе, с одной стороны, типическое в личности, с другой – индивидуальное [7, с. 111].

Часто тексты пьес схожи с письменными нарративными текстами тем, что в них имеется большое количество сложных предложений с подчинительной или сочинительной связью. Так, если в словах персонажа мысленно опустить все средства устной речи, то легко можно увидеть письменное повествование, ср.: *Добчинский. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рожден мною еще до брака. / Хлестаков. Да? / Добчинский. То есть оно только так говорится, а он рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и все это, как следует, я завершил потом законными-с узамы супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтоб он теперь уже был совсем, то есть, законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с. / Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно.* (Гоголь Н. В. «Ревизор») [2]. Вместе с тем изобилие дискурсивных маркеров, частиц, обращений позволяет относить написанный текст пьесы к устному жанру; именно по этой причине режиссер и актеры, занятые в спектакле, естественно и легко перелагают письменный текст пьесы в устную сценическую форму.

Удачно перенести реплики героев пьесы на сцену невозможно, если не обращать внимания на метатекст. Понятие метатекста возникло во второй половине XX в., когда тексты стали интерпретироваться как пространство взаимодействия различных знаковых систем. По определению А. Вежбицкой, с которой соглашается большинство лингвистов, метатекст – это «высказывание о текущей речи в этой же речевой ситуации» [1, с. 408]. В литературоведении под метатекстом принято понимать «текст, обращенный не только к предмету, но и к авторскому слову о нем». Так, по мнению Ю. М. Лотмана, в качестве элементов метатекста можно рассматривать название произведения, структурное членение (действие, акт, явление, сцена), комментарии, ремарки, эпиграфы, авторские примечания [8, с. 395 – 411].

Метатекст приближает режиссера к более полному пониманию общего колорита произведения и способствует обучению актеров новой знаковой системе. В отличие от реплик, метатекст пьесы тяготеет к устному тексту за счет использования простых предложений, однако отсутствие сложных предложений, обращений, дискурсивных маркеров и форм первого лица говорит всё же, что это письменная форма текста. Метатекст не предназначен для озвучивания на сцене, а скорее, выступает как подсказка автора и как компонент, способствующий постановке и сцениче-

скому оформлению пьесы. При этом подсказка в большей степени нацелена на невербальную сторону действия актёров, на их игру, ср.: *Настя упорно смотрит в лицо Сатина. Клепц перестает работать над гармоникой и тоже слушает. Барон, низко наклонив голову, тихо бьёт пальцами по столу. Актер, высунувшись с печи, хочет осторожно слезть на нары.* (Горький М. «На дне») [3].

Авторские ремарки в пьесе М. Горького «На дне», насыщенные наречиями, указывают не только на сценическое (проксемное) размещение действующих лиц, но и подчёркивают характер протекания неречевого действия. Таким образом, метатекст здесь выступает своеобразной подстраховкой того, чтобы актер правильно понял и передал смысл реплик.

Теоретическая «платформа» в виде отдельных актов прочтения пьесы, изучения изображаемой эпохи, творчества автора и др. подготавливает труппу к практической части – сценической трансформации пьесы, то есть переноса её на сцену. Перед актерами стоит сложная задача выдачи «чужого» авторского слова за своё, но одной работы над речью для успеха спектакля явно недостаточно. Сценическому перевоплощению активно помогают невербальные компоненты.

Если под невербальными компонентами понимать всё то, что не имеет слов, то логичным будет предположить, что сценическая, световые эффекты и звуковое сопровождение спектакля тоже относятся к невербальным знаковым системам.

Первую информацию зрителю дает обстановка на сцене, т. е. некая бессловесная картинка. Яркий свет, отдаленный крик петухов, тени низких домов на заднем плане, старый накренившийся забор – всё это позволяет «читать» следующую информацию: время и место предстоящего действия – «утро в деревне». К невербальным компонентам также относятся костюмы актеров, которые сообщают о звании персонажа, положении его в обществе, а где-то – о его характере и душевном состоянии. Таким образом, вся «одежда» театральной постановки являет собой бессловесные статичные знаковые коды, несущие информацию. В динамике же развивается игра актера.

Как теоретики, так и практики сцены отмечают целый ряд невербальных компонентов, наиболее устойчивыми из которых являются жест, мимика, поза и движение [5]. Именно жесты, по мнению Г. Е. Крейдлина, можно считать основными знаками, дополнительными по отношению к языку и речи. Под жестом ученый понимает «осознанно исполняемое, видимое телесное действие, которое воспринимается адресатом и/или наблюдателем как знаковое, т. е. несущее определенный смысл» [5, с. 59]. Интуитивно человек привык доверять жестам в большей степени, чем словам. Например, если при произнесении фразы «мне не интересно» человек вытягивает подбородок и смотрит в сторону обсуждаемого объекта, то окружающие вправе усомниться в словах и скорее поверят жесту «заинтересованности».

Проблемой при трансформации текста на сцену может стать тот факт, что, «примекая» на себя слова персонажа, телесно актер остается собой, со своей собственной системой невербального поведения, зна-

ки которой могут не полностью соответствовать предлагаемой роли. Рассуждая о роли эстетической функции искусства, Я. Мукаржовский точно подметил, что важно «приглушать первоначальную спонтанную экспрессивность жеста и превращать жест-реакцию в жест-знак» [12, с. 71].

Жесты как определенные невербальные знаки Г. Е. Крейдлин разделил на три класса. Это эмблемы – жесты, способные заменять вербальные элементы, сохраняя содержание текста; иллюстраторы – жесты, сопровождающие или иллюстрирующие речевой фрагмент, и регуляторы – жесты, управляющие ходом коммуникативного взаимодействия, предназначенные для установления, поддержания и завершения коммуникации. Актер, трансформируя текст, способен варьировать его, заменяя слова или жесты одного класса жестами другого. Так, для разнообразия гаммы чувств в эмоциональных сценах «признания в любви» или «гибели героя» возможно «дописывать» текст или вовсе заменять его жестом во избежание ненужного дублирования: *Ахов. Неужели? А что же ты сделаешь? / Ипполит (вынимает из кармана нож). А вот сейчас – раз! (Показывает на свою шею.) Чик – и земля. / Ахов (в испуге). Что ты делаешь, мошенник! Что ты, что ты! (Топает на одном месте ногами.)* (Островский А. Н. «Не всё коту масленица») [13, с. 22].

Характерный жест, а именно **проведение пальцем от уха до уха по горлу**, даже без вербального сопровождения считывается как возможность обезглавливания, а резкий отрывистый звук «чик», имитирующий разрезание чего-либо, усиливает эмоциональную составляющую жеста.

Мимика тоже имеет большое значение в сценической деятельности актера. Тенденция, характерная для древнего времени, уподоблять человеческое лицо статичной маске в современном театре сошла на «нет». По словам Г. Е. Крейдлина, лицо – это «место симптоматического выражения чувств, внутреннего состояния человека и межличностных отношений, то есть одной из главных функций лица является эмоциональная» [5, с. 165]. Мимика – очень тонкий инструмент выражения душевного состояния. К. С. Станиславский подчеркивал, что мимика неотделима от строя мыслей, чувств, действий и является зримым отражением внутренней жизни персонажа. В то же время он утверждал, что научиться мимике нельзя, но «можно ей помочь упражнением и развитием подвижности лицевых мускулов и мышц» [15, с. 201]. Для демонстрации одного только удивления можно использовать все лицевые мышцы. Так, сильное удивление характеризуется «выпучиванием» глаз, появлением морщинок на лбу, вздергиванием бровей, опусканием подбородка и раскрытием рта.

Значимым невербальным компонентом при создании роли является поза. В отличие от жеста и телодвижения, позы статичны и отличаются, по мнению Г. Е. Крейдлина, инструментом исполнения. Ср. «первые исполняются руками, режее, ногами, а в исполнении вторых главная роль отводится корпусу» [5, с. 188]. Статичное замирание тела выступает в роли некоего фиксатора движения, и в зависимости от того, каким он будет, осуществляется и рефлексия произошедшего, и посыл на предстоящее действие. При ще-

петильной встрече Хлестакова и городничего в комедии «Ревизор» возникает длительная пауза, и все замирают в определенных позах. С одной стороны, такое поведение придает комичность ситуации, с другой – заставляет зрителя угадать, что произойдет дальше. Ср.: *Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза. Городничий (немного оправившись и протянув руки по швам). Желая здравствовать! / Хлестаков (кланяется). Мое почтение...* (Гоголь Н. В. «Ревизор») [2, с. 44]. Позы играют особую роль в выражении разнообразных оценок, в том числе этических, поскольку они всегда наличествуют в любой ситуации и создают яркий визуальный образ социальной личности [5].

Движению, в отличие от перечисленных выше невербальных знаковых компонентов, в теоретическом и практическом планах уделяется гораздо меньше внимания. Вероятно, это вызвано тем, что движение несет в себе меньшую знаковость, хотя нередко его отождествляют с жестом по причине плотного их взаимодействия. Логично будет, если к насупленному выражению лица, сжатым кулакам присоединится резкая, стремительная походка.

Если говорить о движении на сцене, то стоит уделить особое внимание походке героя. «Шаркая ногами», «широкая», «семенящая», «летающая» и другие походки способны придать целостный колорит персонажу. По походке героя зритель узнает о его положении в обществе, душевном состоянии, здоровье, темпераменте или о намерении. Ср.: *Актер (тише). Помолись... за меня! / Татарин (помолчав). Сам молись... / Актер (быстро слезает с печи, подходит к столу, дрожащей рукой наливает водки, пьет и – почти бежит – в сени). Ушел! / Сатин. Эй, ты, сикамбр! Куда? (Свистит.)* (Горький М. «На дне») [3, с. 178].

Из невербальных элементов телодвижения особое внимание было уделено поклонам. Г. Е. Крейдлин и Е. Б. Морозова выделяют три класса поклонов: «церемониальные, или ритуальные, религиозные поклоны и бытовые, или светские, поклоны, типовой ситуацией употребления которых является обычная, повседневная коммуникация людей» [6, с. 34].

При работе над невербальной стороной сценической роли важно понимать историческую составляющую поклона. Так, в работе Ю. М. Лотмана приводится пример обращения с разными людьми костюмированного помещика. «У него было три формулы обращения с разными лицами. Дворянам, владеющим не менее двухсот душ и более, он протягивал свою руку и говорил сладчайшим голосом: "Как вы поживаете, почтеннейший Мартыян Прокофьевич?" Дворянам с восьмьюдесятью и до двухсот душ он делал только легкий поклон и говорил голосом сладким, но не сладчайшим: "Здоровы ли вы, мой почтеннейший Иван Иванович?" Всем остальным, имевшим менее восьмидесяти душ, он только кивал головою и говорил просто голосом приятным: "Здравствуйте, мой любезнейший..."» [8, с. 38].

Поклоном можно высказать «благодарность», «уважение», «смирение», «преклонение», «просьбу» – выражение этих смыслов зависит от положения тела и степени, или глубины, наклона. Г. Е. Крейдлин в од-

ной из работ выделил три поклона, характерных для русской культуры. Это глубокий (земной) поклон, поясной (низкий) поклон, «вежливый поклон» и кивок [6, с. 38]. Выбор невербального компонента в виде поклона будет обусловлен общей интерпретацией изображаемого на сцене образа.

Невербальные компоненты в сценографии пьесы играют важную роль. Они позволяют дополнить текст пьесы новыми смыслами и тем самым «оживить» текст, сделать его интересным для массового зрителя. Умелое сочетание актером вербальных и невербальных компонентов, с одной стороны, искажает написанный авторский текст, привнося и добавляя что-то индивидуальное, а с другой – создаёт совершенно

новую реалию и новое произведение. Именно благодаря умению учитывать «чужие» невербальные компоненты и овладевать ими, актер способен перевоплощаться, используя собственное тело.

Изучение невербальной коммуникации подразумевает описание её взаимосвязи с составляющими целого ряда других наук: таких как психология, лингвистика и анатомия. Системный подход изучения поведения невербальных компонентов в театральной, прежде всего сценической среде, а именно в процессе трансформации пьесы на сцену, позволит по-новому прочесть произведение и, следовательно, по-новому передать новое прочтение в ходе сценической репрезентации.

Литература

1. Вежицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8.
2. Гоголь Н. В. Ревизор. Женитьба. Петербургские повести. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2010.
3. Горький М. Рассказы. Пьесы. 2-е изд. стереотипное. М.: Дрофа, 2003.
4. Краткий психологический словарь. Ред.-сост. Л. А. Карпенко / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
5. Крейдлин Г. Е. Невербальный театр: мода или реальность? // Мода в языке и коммуникации. М.: Российский государственный гуманитарный университет, Институт лингвистики, 2014. С. 270 – 280.
6. Крейдлин Г. Е., Морозова Е. Б. Внутриязыковая типология невербальных единиц: бытовые поклоны // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 34 – 47.
7. Крым И. А., Ханнанова Г. В. Словесное отображение кинесических единиц в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: Материалы XIV Всероссийских филологических чтений имени проф. Р. Т. Гриб (1928 – 1995) / отв. и научный ред. проф. Б. Я. Шарифуллин; Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2009. С. 111 – 116.
8. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. М.: Азбука, 2014.
9. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство СПб, 2010.
10. Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседы: в 2 ч. Ч. 1. М.: Искусство, 1968.
11. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика / сб. переводов; под ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1982. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/186326> (дата обращения: 15.06.2015).
12. Мукаржовский Я. К современному состоянию теории театра // Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994.
13. Островский А. Н. Не всё коту масленица. М.: Эксмо, 2014.
14. Толковый словарь русского языка. Т. I / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Астрель, АСТ, 2000.
15. Станиславский К. С. Работа актера над ролью. М., 2010. (Серия: Актерский тренинг). Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/stan/index.php (дата обращения 20.06.2015).

Информация об авторах:

Евсеева Ирина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, ivevseeva@yandex.ru.

Irina V. Evseeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University Institute of Philology and Language Communication.

Козырева Светлана Юрьевна – актриса городского драматического театра «Поиск» г. Лесосибирска, kozurevasveta@mail.ru.

Svetlana Y. Kozyreva – Actress of the City Drama Theatre «The Search», Lesosibirsk.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

ДВЕ ФОРМЫ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СООТНОШЕНИЕ НОМИНАЦИИ И КОММУНИКАЦИИ

Л. К. Жаналина

TWO FORMS OF SPEECH ACTIVITY: CONNECTION BETWEEN NOMINATION AND COMMUNICATION

L. K. Zhanalina

Статья посвящена проблеме объекта интегративной лингвистики, выводятся его формулы, отражающие разграничение номинативной и коммуникативной деятельности как двух форм речевой деятельности (РД). Определяются основания дифференцированного подхода к РД, в котором лингвистический анализ дополняется психолингвистическим. Функциональное размежевание номинативной деятельности и коммуникативной деятельности осуществляется с учетом наличия у них внутренней (мыслительной) и внешней (языковой) стороны. Выявлены две корреляции функций, распределенные между номинацией и коммуникацией: информативная и коммуникативная, познавательная и номинативная. Характеристика функциональных различий двух форм РД дополняется описанием несходства их продуктов. Номинативные единицы отличаются от коммуникативных единиц по своему составу, по используемым при их образовании языковым средствам и моделям конструирования, по содержанию, связанному с иницирующими их мыслительными процессами. Рассмотрение номинативной и коммуникативной деятельности становится основанием для построения двух формул объекта интегративной лингвистики: 1) «языковая система + коммуникативная деятельность»; 2) «языковая система + номинативная деятельность + номинативные единицы».

The article is dedicated to the subject of study of integrative linguistics, including its formulas that reflect the boundary between nominative and communicative acts as two forms of speech activity (SA). A differential approach to SA is offered which adds psycholinguistic analysis to the linguistic one. Functional differentiation between nominative activity and communicative activity is based on the presence of internal (mental) and external (linguistic) dimensions. Two functional correlations are discovered within nominations and communication: informative and communicative, discovering and nominative. Functional differences of the two SA forms are complemented by the dissimilarity of their products. Nominative units are different from communicative units in their composition, linguistic means used to form them, and construction models, the contents of the originating mental processes. The examination of nominative and communicative acts provides support for developing two formulas of the integrative linguistics subject: 1) “language system + communicative activity”; 2) “language system + nominative activity + nominative units”.

Ключевые слова: речевая деятельность, мыслительная деятельность, номинация, коммуникация, функция.

Keywords: speech activity, mental activity, nominations, communication, function.

Одно из проявлений расширения объекта лингвистики представляет включение в него речевой деятельности. Получение последней нового статуса, сопровождается, с одной стороны, обогащением языкознания знаниями из других наук, в первую очередь из психологии и психолингвистики, с другой – разработкой новых методологических установок в виде лингвистического подхода. Поэтому дискуссии вокруг речевой деятельности активизировались и способствовали развитию взглядов как на нее саму, так и на языковую систему.

В данной статье речевая деятельность обсуждается с позиций интегративной лингвистики [9] и ее понимание уточняется посредством обращения к понятиям *номинация* и *коммуникация*.

Как известно, деятельностный подход определил разработку в психологии теории коммуникации, в которой «продуктивным понятием является понятие социально дифференцированной личности», и основным атрибутом речевой деятельности становится ее социальные аспекты [25, с. 256]. Он постулирует функции языка как функциональные характеристики речевой деятельности (РД), и, так как ведущей функцией в сфере общения является коммуникативная функция [25, с. 243], то речевая деятельность (РД) рассматривается как коммуникативное поведение человека.

Разработка РД обнаружила уязвимость данного подхода. Так, функциональная концепция Л. С. Вы-

готского содержит указания на функциональную неоднородность речевой деятельности, которая, кроме функции общения, реализует функцию обобщения, отражения действительности. Получается, что коммуникация с функцией общения не охватывает всей речевой деятельности (РД), у которой есть и вторая область, направляемая функцией обобщения (познания).

Многие исследователи отмечают наличие у РД двух аспектов – социального, который часто разворачивается в конкретизации, и когнитивного [4, с. 13; 6, с. 66]. Первый связан с тем, что РД пронизывает все сферы жизни и деятельности человека (социума), второй связан с тем, что через него происходит как добытие, получение новых знаний, а также их материализация и передача.

Но замечания о функциональной двойственности РД тонули под давлением авторитета распространенного в лингвистике традиционного коммуникативно-центрического подхода к языку: «Язык есть важнейшее средство передачи и хранения информации: основная часть информации, циркулирующей в обществе, существует именно в языковой форме.

Передача информации – один из существеннейших видов и аспектов общения между людьми. Из этого следует, в свою очередь, что центральная функция языка – это функция общения, или коммуникативная» [3, с. 90]. Отметим в скобках, что дефиниция представляет активный функционирующий язык, т. е. РД.

До сих пор в лингвистике продолжает господствовать взгляд на РД как на коммуникативную деятельность, опирающийся на утверждение главенства коммуникативной функции. Кроме того, он поддерживается неослабевающим интересом современной лингвистики к разным аспектам коммуникации и исследующими эти аспекты дисциплинами – лингвокультурологией, психолингвистикой, социолингвистикой, прагматическим лингвистикой, теориями коммуникации, межкультурной коммуникации, дискурса и т. д. Представление о коммуникации, кроме функциональной характеристики, включает положение о кодировании – синтагматической деятельности, протекающей в виде называния языковых элементов по допускаемым нормой моделям (внешняя, собственно языковая, сторона), которая воплощает исходную, логически выстроенную информацию (внутренняя сторона – мышление), и о декодировании, в котором воспринятый звуковой поток получает интерпретацию.

В интегративной лингвистике понимание коммуникации предельно ориентировано на язык и «лингвистично»: «коммуникация в лингвистическом аспекте – это речевая деятельность, отражающая мыслительную деятельность, имеющая свой мотив в виде коммуникативной функции, состоящая из действий и операций по синтагматическому сцеплению языковых элементов, создающая результат в виде высказываний и текстов» [7, с. 75].

Оставаясь господствующей, идея о речевой деятельности как вербальной коммуникации, не может препятствовать обнаружению в РД функциональной, процедурной, результативной гетерогенности: «Понятие речевой деятельности используется нами в качестве общего родового термина для обозначения всех явлений, фактов, относящихся к порождению речи и ее восприятию, к процессам говорения и слушания, а значит, к созданию и реализации речевых актов и т. п.» [17, с. 9 – 10].

Одним из понятий, которые корректируют рассмотрение речевой деятельности как гиперонима является номинация, отделенная от коммуникации.

Остановимся на двух основных подходах, отличающих номинацию от коммуникации.

Первый подход к соотношению номинации и коммуникации. Номинация – не самостоятельна, подчинена коммуникации.

Первый подход согласуется с доминирующей установкой на речевую деятельность. Он рассматривает номинацию как компонент речевой (коммуникативной) деятельности, т. е. не отделяет номинацию от коммуникации.

Так, Г. В. Колшанский утверждает двуаспектность предложения, имеющего, наряду с коммуникативным аспектом, номинативный аспект. Номинативный аспект – обозначение ситуации, а коммуникативный – это тема-рематическое членение [14, с. 109; 15, с. 89]. Подобное атрибутирование предложения он считает научной абстракцией.

Н. Д. Арутюнова, напротив, убеждена в реальности номинации, которая входит в число «четырех механизмов синтаксиса», т. е. синтагматической коммуникативной деятельности. К ним относятся:

- 1) создание речевой номинации события;
- 2) определение темы сообщения и сообщаемого;

3) актуализация наименования;

4) выявление цели коммуникации» [22, с. 269].

Сходную трактовку динамики именования как компонента речевой деятельности, направляемой коммуникативной функцией, дает Е. С. Кубрякова в монографии «Номинативный аспект речевой деятельности». Ученый разграничивает модели РД по соотношению двух запускающих ее основных процессов – номинации и синтаксирования (предикации). Она выделяет три модели: 1) в первой РД начинается с синтаксирования; 2) во второй с номинации; 3) в третьей одновременно взаимодействуют номинация и предикация [17, с. 128, 129].

О том, что номинация включена в коммуникацию, пишут и другие ученые [10, с. 33; 31, с. 109 – 110; 21, с. 5; 30, с. 23; 31, с. 7; 11, с. 3; 16, с. 4].

Второй подход к соотношению номинации и коммуникации. Номинация – самостоятельная форма РД. РД выступает в двух формах как коммуникативная и как номинативная деятельность. Данное положение является ведущей идеей докторской диссертации автора статьи «Номинация как форма речевой деятельности», которая была защищена в 1994 г. [8]. Такое понимание номинации подготовлено разработкой в науке номинации, с одной стороны, и речевой деятельности и деятельности вообще – с другой.

Выход на номинацию как речевую деятельность восходит к характеристике номинации как несамостоятельного процесса, включенного в коммуникацию и подчиненного ей, а также к пониманию номинации как в той или иной степени самостоятельного процесса. В первом случае номинация – это выбор номинативных единиц для построения высказываний в РД с коммуникативной функцией. Во втором случае номинация отделяется от коммуникации. Их дифференциация осуществляется на разных основаниях.

1. Функциональное разграничение. Отделение номинации от коммуникации было заложено в традиционном разделении номинативной и коммуникативной функций. Нередко в этот ряд включается познавательная или когнитивная функция [23, с. 126]. При этом понимание номинативной функции развивается в сторону расширения области ее действия. Она приписывается не только лексическим, фразеологическим единицам, словосочетаниям, но и предложениям. В число актуализаторов номинативной функции попадают назывные предложения, предложения, демонстрирующие сигнально-коммуникативную технику [1, с. 38, 45], языковые единицы, отражающие полет человеческого духа (познание) и воспроизводящие известные общие знания с последующим признанием, что предложения наряду с коммуникативной функцией выполняют номинативную функцию (номинация события) (ср.: цитаты выше Н. Д. Арутюновой).

Частотны указания на двойную функциональную ориентированность языка, что определяет различия в их динамической стороне. А. Ф. Лосев отмечает: «...тайна слова заключается именно в общении с предметом и в общении с людьми» [20, с. 48]. В первом общении язык реализует номинативную функцию, т. е. своей внутренней и внешней сторонами воплощает результаты познания, фиксирует его в наименовании, а во втором общении реализует коммуникативную функцию.

2. Методологическое разграничение. Значимым этапом в отграничении номинации от коммуникации стала функциональная концепция ПЛК. В. Матезиус развел их по разным теориям, выделив в функциональной теории функциональную оноματοлогию и функциональный синтаксис. Функциональная оноματοлогия призвана изучать систему средств выражения, а функциональный синтаксис – то, как средства выражения соединяются друг с другом [26, с. 226, 228]. И это разделение происходит на фоне общей установки прагматов об РД как коммуникативной деятельности. Дисциплинарное обособление сопровождается разделением номинации и коммуникации по потребностям (целям) – потребность выражения и потребность коммуникации. Таким образом, методологическое противопоставление дополняется функциональным.

2. Функционально-операционное разграничение. Номинация и коммуникация различаются не только по функциям, но и как процессы. В психологической теории Л. С. Выготского разбросаны замечания об РД, выполняющей разные функции. Имплицированное утверждение несходства номинации и коммуникации содержит положение о том, что РД выполняет две функции – функцию общения и функцию обобщения, отражения действительности, т. е. РД может быть обращено к человеку для общения (коммуникативная функция) или к действительности для ее познания (познавательная функция).

Аналогичное разведение номинативной и коммуникативной активности человека содержит данное ученым описание этапов функционирования понятий, которые по характеру операций относятся или к их производству (номинация), или к их воспроизведению (коммуникация) [6, с. 123]. Номинация и коммуникация опосредованно дифференцируются также через разделение в мыслительной деятельности процессов создания понятий («детерминированная тенденция») и репродукции концептов («ассоциативная тенденция»).

3. Разграничение с позиций деятельностного подхода подготовлено рассуждениями, дифференцирующими продукты РД и/или процессы РД.

Поляризуются произведения РД по способности входить в знаковую систему как произведения, входящие в нее, и произведения, не входящие в нее, т. е. хранимые или не хранимые в памяти носителей языка в виде виртуальной языковой системы [29, с. 6].

Деятельностная характеристика предложения как производства, направляемого коммуникативной функцией, дополняется пониманием предложения, воспроизводимого как номинативная единица [2, с. 211].

Представленная кратко история разработки РД была оценена с позиций лингвистики с учетом деятельностного подхода к РД в психологии. Как известно, распространено положение об универсальности модели человеческой деятельности. Именно на него опирается разработанное А. Н. Леонтьевым понимание общей структуры поведения человека. Она включает: 1) мотивировку, 2) действия, 3) операции [19, с. 35]. Мотивировка отражает эгоцентрический (Ж. Пиаже), антропоцентрический (с точки зрения лингвистики) характер деятельности, ее направленность на удовлетворение потребности человека. Действия расчленяют деятельность, направленную на получение «продукта» в соот-

ветствии с мотивировкой, соответствующей потребности.

Продукт-результат РД при ее успешности совпадает с целью (функцией). Расчленение деятельности на действия диктуют частные цели, определяемые общей конечной целью – мотивом. Операции – это способы осуществления действия, которые диктуются условиями. Границы между деятельностью, действиями и операциями подвижны, так как они могут переходить друг в друга. Данная деятельностная модель распространяется и на РД [17].

Это означает, что жизненно важные мотивы языковой активности человека порождаются потребностью жизнеобеспечения. Мотивы А. Н. Леонтьев называет также целью. Можно констатировать, что в самом деле они относятся к одному и тому же психологическому атрибуту деятельности – к целенаправленности и только распределены между метаязыком психологии и метаязыком лингвистики. Если исходить из потребности жизнеобеспечения, то она в качестве основных мотивов-целей выдвигает две – коммуникативную и познавательную функции. Познание мира является одним из условий выживания, наряду с общением, позволяющим согласовывать действия, делать их более успешными.

Не случайно в лингвистике моноцентрический подход, утверждающий главенство коммуникативной функции, не препятствует распространению ее упоминаний в паре с познавательной функцией, которую язык реализует как номинативную функцию, закрепляя результаты познания.

У Е. С. Кубряковой номинативная функция выступает самостоятельно, а также может образовывать единство с коммуникативной функцией: «Номинативная, репрезентативная функция языка может рассматриваться как опережающая его другие функции или, возможно, как выступающая в нерасторжимом единстве с функцией коммуникативной» [18, с. 65].

Таким образом, утверждается позиция, согласно которой речевая деятельность направляется двумя равноправными функциями – номинативной и коммуникативной. Опираясь на точку зрения Л. С. Выготского [5, с. 324 – 345], которая развивается в работах В. З. Панфилова [25, с. 49], Серебренникова [27, с. 192 – 195], Симонова [28, с. 6 – 7] и др. и согласно которой язык и мышление выступают относительно самостоятельно, с опережением познавательного акта [12, с. 183], можно разграничить функции языка и мышления, которые выступают как стороны РД, так как их действия и операции, а также результаты различаются как разные явления одной сущности – РД, что определяет сосуществование, интеграцию номинации и коммуникации в РД.

Номинативная функция ведет РД к выбору-употреблению номинативной единицы или к созданию новой номинативной единицы. В первом случае номинация выступает как действие (этап) коммуникативной деятельности, во втором случае номинация – это деятельность в полном объеме, включающая все ее этапы и приводящая к собственному результату.

Условием, запускающим номинацию как деятельность, является познавательная деятельность, создающая новое знание. Оно требует материализации для сохранения, и облекается в номинативную единицу,

порождаемую номинативной деятельностью. Именно такой сценарий развития знаний об РД, в которой выделяется номинативная деятельность, был заложен в истоках теории номинации, которая начиналась с функционального словообразования, а также с активной грамматики Л. В. Щербы. Известно его высказывание, предвосхитившее ход развития словообразования как первого варианта теории номинации о том, что словообразование должно изучать не то, как сделаны слова, а как они делаются.

Понимание коммуникации как деятельности при этом уточняется, деля с номинацией пространство мышления. Так как в РД мыслительная сторона в основном питается языковой картиной мира, ранее полученными знаниями, то в ней мыслительная сторона протекает чаще как воспроизводство знания (известного одному или обоим участникам общения) – репродуктивное/латеральное мышление и выполняет информативную функцию, когда собственно языковая сторона выполняет коммуникативную функцию.

Двусторонность РД определяет ее функциональную двойственность. РД как говорение демонстрирует две пары коррелирующих функций, которые свидетельствуют о двух формах существования РД – номинативной и коммуникативной деятельности.

Двумя сторонами номинативной деятельности (НД) являются:

1) мыслительная сторона в виде производства мыслей (познавательная деятельность), выполняющая познавательную функцию;

2) языковая сторона в виде производства номинативных единиц (НЕ), выполняющих номинативную функцию.

Двумя сторонами коммуникативной деятельности (КД) являются:

1) мыслительная сторона в виде воспроизводства мыслей (репродуктивное мышление), выполняющая информативную функцию;

2) языковая сторона в виде производства коммуникативных единиц (КЕ), выполняющих коммуникативную функцию.

Таблица 1

Номинация и коммуникация как формы речевой деятельности

РД		Функции	Двусторонняя деятельность	Отношение деятельности
формы	стороны			
НД	внутренняя	познавательная	Познавательная	к действительности
	внешняя	номинативная	производство НЕ	
КД	внутренняя	информативная	Репродуктивная	к человеку
	внешняя	коммуникативная	производство КЕ	

Данное функциональное разделение номинации и коммуникации как форм деятельности, выведенное на деятельностный уровень, опирается на критерий разграничения форм деятельности, сформулированный А. Н. Леонтьевым. Ученый считает, что каждая форма деятельности имеет свой мотив (цель). Таким образом, несовпадение целей, которые в лингвистике квалифицируются как функции, является основанием для выделения у РД двух форм – коммуникативной деятельности и номинативной деятельности.

К этому же мнению приходит в своих последних работах Е. С. Кубрякова: «Современное состояние теоретической лингвистики характеризуется выдвижением в ней главных парадигм научного знания – когнитивной и коммуникативной... В одной основное внимание уделяется самой коммуникативной деятельности и влиянию на эту деятельность контекста ее осуществления, в другой – связи языка с познавательными процессами, со всеми способами получения, обработки, фиксации, хранения и т. п. информации о мире в их корреляции с языковыми формами. В то же время становится все более очевидным, что для решения целого ряда проблем необходим своеобразный синтез указанных парадигм знания. Так, например, без интеграции данных разных парадигм не может быть адекватно решена проблема понимания языка или проблема его порождения» [18, с. 36 – 37]. Дифференциация языка как коммуникативной деятельности и языка как воплощения познания (номинативной деятельности) заключается замечанием о их интеграции как о необходимом условии постижения языка. Мысли о языке как деятельности, сущность которой имеет две формы про-

явления – НД и КД, раскрывают следующие положения, содержащиеся в цитате:

1) разграничение НД и РД дисциплинарно отмечено в виде двух научных парадигм – когнитивной (она, по мнению Е. С. Кубряковой, представляет собой новую версию номинативной теории) и коммуникативной [18, с. 70];

2) парадигмы различаются объектами – изучают разные аспекты языка – когнитивный и коммуникативный;

3) необходима интеграция научных парадигм для достижения адекватного описания языка как целостного объекта.

Функциональная неоднородность РД, эксплицируемая разными мотивами-целями НД и КД, обуславливает расхождения форм РД в других их структурных частях.

НД и РД в связи с разными функциями имеют разные продукты. Результатами НД являются новые значения, которые присоединяются (1) к готовым единицам языка (словам), (2) новые производные слова, (3) новые номинативные сочетания, словосочетания, (4) предложения, тексты и др., обладающие ярким эффектом знаниевой, семантической новизны и/или ценности и менее выраженной формальной новизны.

1. Метафорическое значение слова *поезд* в словосочетаниях: *поезд России; поезд федерации*. Ономастологический контекст: *Поезд федерации уже ушел*.

2. *Подписанты* 'лица, подписавшие какой-либо документ, оцениваемый как антиправительственный'.

3. *Край непуганых браконьеров* 'Корякский заповедник на Камчатке' («Вести» НТВ).

4. *Есть одно добро – знание, есть одно зло – невежество* (Сократ.)

НД своими результатами выступает как движущая сила развития языка, эволюции номинативных ресурсов языка, обогащения его выразительных возможностей (синхронный план НД). Но НД представлено в языке как живыми, так и застывшими («снятыми») процессами (генетический план НД). Таким образом, НД демонстрирует как диахрония переходит в синхронию. Она имеет диахронический аспект и хранится в виде следов производства (НД) в ономаσιологической структуре языковых единиц и синхронический аспект, включаясь в синхронную динамику языка в составе так называемых ономаσιологических контекстов.

Результатами КД являются высказывания и тексты, в которых фиксируется не вневременные или новые знания, а конкретные события:

«На имя Главы государства Нурсултана Назарбаева поступило письмо от известного пианиста, народного артиста Российской Федерации Дениса Мацуева. В своем обращении Д. Мацуев отметил, что первый международный фестиваль классической музыки и конкурс юных пианистов Astana Piano Passion

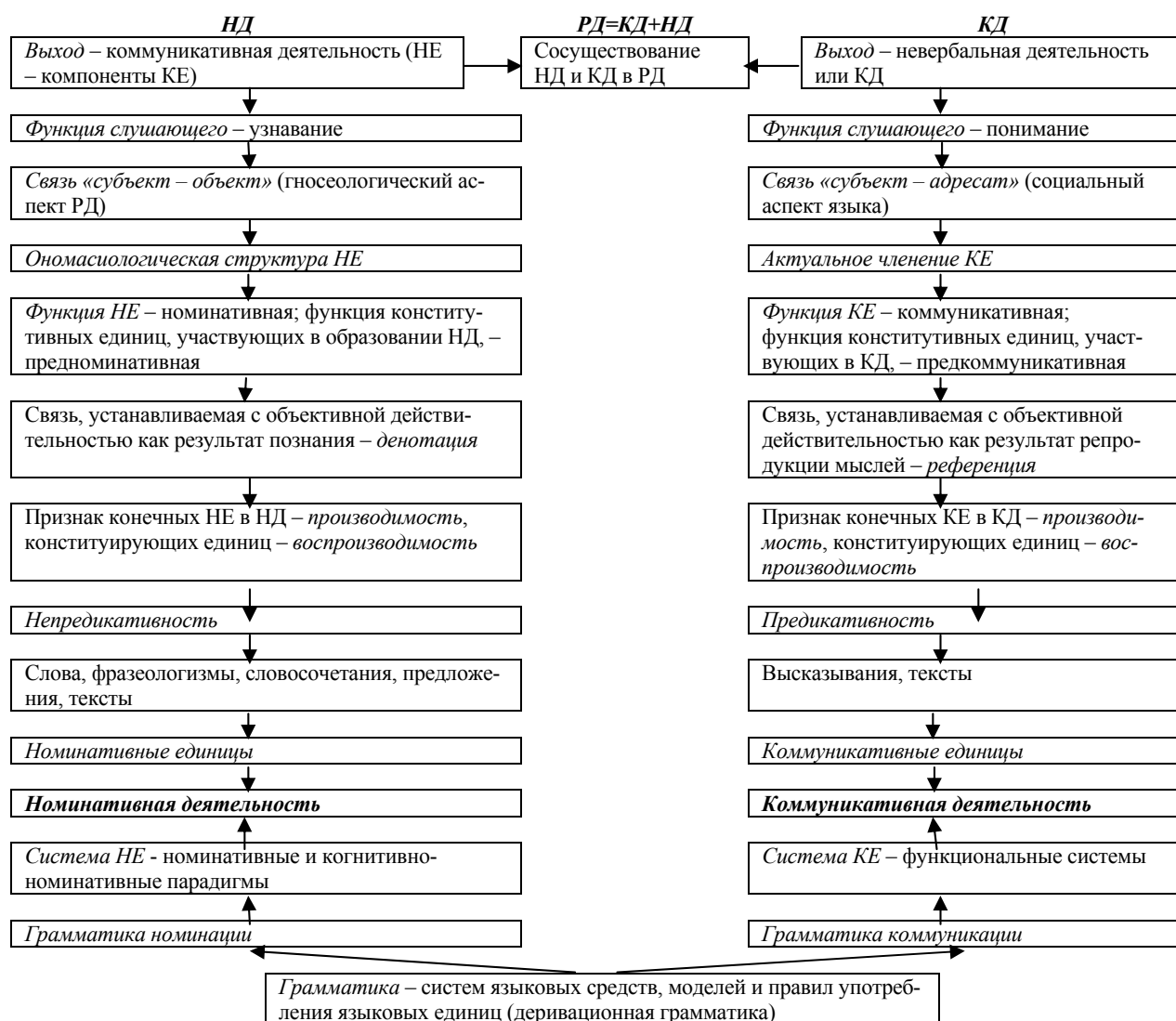
стал уникальным событием для всего музыкального мира, сообщила пресс-служба Президента». (Казахстанская правда, 25 мая 2013 г.)

Различаются НД и КД по действиям и операциям, в метаязыке лингвистики по способам (моделям) рече-продуцирования [8, с. 88 – 90]. Способы НД и КД накладываются при образовании предложений/высказываний и текстов – предикативных единиц. Предикативные по форме номинативные и коммуникативные единицы используют операцию предикации как ядерную операцию синтагмирования, но при этом они различаются по отсутствию/наличию признака предикативности. НЕ (предложения и тексты) несут знания и не приобретают признака предикативности, т. е. являются непредикативными, генерализованными, вневременными и нереперентными [9]. Коммуникативные единицы (высказывания, тексты) обладают признаком предикативности, т. е. являются предикативными, ориентированы на «я – здесь – сейчас», реперентны (соотносятся с реальной действительностью).

Более полно различия НД и КД отражает следующая таблица.

Таблица 2

Формы речевой деятельности

Разработка понятий НД и КД приводит к следующим выводам:

1) в интеграции восстанавливается целостный объект **язык** как единство языковой системы и речевой деятельности [7];

2) второй компонент интеграции РД выступает в двух формах – НД и КД;

3) интегративная формула «языковая система + речевая деятельность» варьируется в соответствии с дифференцированным подходом к РД;

4) главная интегративная формула «языковая система + речевая деятельность» включает вторую интеграцию «КД + НД», так как они образуют единство в целостности РД.

Формула интеграции системы и РД отражает наличие у последней двух форм. Целостность языка как объекта, включающего КД, обеспечивается дихотомической моделью «языковая система + КД», так как коммуникативные произведения совпадают с самой деятельностью по их производству в естественной устной

речи. Они не нуждаются в сохранении, так как воспроизводят известные знания, не входят в виртуальную языковую систему. Это первая интегративная модель.

Целостность языка с динамической стороной в виде НД представляет вторая трихотомическая модель интеграции. В этом случае номинативная единица так же, как коммуникативная, конструируется в процессе деятельности, совпадает с ней, но сохраняется, запоминается, так как несет новое знание, которое дополняет языковую картину мира. Как видим, возникновение двух дискуссионных точек зрения на соотношение языка и речи (дихотомический и трихотомический подходы) имеет онтологический источник, а не гносеологические основания. Разногласия служили сигналом гетерогенности РД и наличия в ней двух форм – НД и КД.

Таким образом, единство языка и речи моделируется двумя интегративными формулами: 1) «языковая система + коммуникативная деятельность»; 2) «языковая система + номинативная деятельность + номинативные произведения (номинативные единицы)».

Литература

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.
2. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988.
3. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание: учебное пособие. М.: Просвещение, 1979.
4. Болдырев Н. Н. Концептуальное взаимодействие как основа речевого общения // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гренада, Испания, 13 – 20 сентября 2015 г.) / ред. кол.: Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова [и др.]: в 15 т. Т. 6. Направление 5. «Язык, сознание, культура». СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 67 – 71.
5. Выготский Л. С. Мышление и язык. М., 1934.
6. Голев Н. Д. Ментально-психологические аспекты типологии языковой личности (к проблеме взаимоотношения языкового и персонного пространства) // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология: коллективная монография. Ч. 1 / под ред. Н. Д. Голева и Н. Н. Шпильной. М.: ЛЕНАРД, 2014. С. 10 – 32.
7. Жаналина Л. К. Номинация и словообразовательные отношения. Алматы, 1993.
8. Жаналина Л. К. Номинация как форма речевой деятельности: дис. ... д-ра филол. наук. Алматы, 1994.
9. Жаналина Л. К. Интегративное словообразование. Алматы: Улагат, 2011.
10. Звездинцев В. А. Семасиология. М., 1957.
11. Исабеков С. Е. Проблема дополнительности в номинативной системе языка. Алма-Ата, 1992.
12. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
13. Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977.
14. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975.
15. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
16. Копыленко М. М. Средства выражения количества в русском языке. Алма-Ата, 1993.
17. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.
18. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в понимании мира / РАН. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.
19. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
20. Лосев А. Ф. Философия имени // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 48.
21. Михайлов М. А. Речевая номинация и выделяемость морфем. Красноярск, 1989.
22. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972.
23. Оленев С. В., Паули Ю. С. Лингвоперсонологическое моделирование словообразовательных единиц в функциональном аспекте // «Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология: коллективная монография. Ч. 1 / под ред. Н. Д. Голева и Н. Н. Шпильной. М.: ЛЕНАРД, 2014. С. 122 – 172.
24. Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974.
25. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания: Гносеологические аспекты. М., 1977.
26. Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
27. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. М.: Наука, 1988.
28. Симонов П. В. Мозг и творчество // Вопросы философии. 1992. № 1.
29. Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика. М., 1983.
30. Сулейменова Э. Д. Понятие смысла в современной лингвистике. Алма-Ата, 1989.
31. Харитончик З. А. О семантической корреляции словообразования с морфологией и синтаксисом // Деривация и семантика: слово – предложение – текст. Пермь, 1986.

Информация об авторе:

Жаналина Лаззат Кабылдашевна – доктор филологических наук, профессор Института филологии Казахского национального университета им. Абая, zhanalina@gmail.com.

Lazzat K. Zhanalina – Doctor of Philology, Professor of the Institute of Philology, Abai Kazakh National Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 808.5

ОПТИМИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ К НАПИСАНИЮ СОЧИНЕНИЯ ЕГЭ

В. И. Заика

OPTIMIZATION OF PREPARATIONS FOR UNIFIED NATIONAL EXAM ESSEY

V. I. Zaika

В статье изложены результаты исследования особенностей реализации задания Части 2 Единого государственного экзамена. Путем подробного анализа текста задания по русскому языку и сравнения задания с текстом критериев оценивания выявлены недостатки как формулировки задания, так и корреляции задания с критериями оценивания ответа. На основе анализа текстов сочинений выпускников предложена и прокомментирована последовательность заданий для оптимизации подготовки к экзамену, позволяющая написать ответ в точном соответствии с заданием: выявить тему текста, сформулировать проблему, прокомментировать проблему с опорой на исходный текст, аргументировать согласие с авторской мыслью. Все положения иллюстрируются примерами из школьных сочинений, написанных по одному исходному тексту. В статье обращено внимание на обеспечение когерентности текста посредством контроля за соотношением основных содержательных элементов сочинения. Результаты исследования могут быть применены при организации обучения написания текста экзаменационного задания.

The article presents the results of empirical studies of the implementation of Part 2 task of the Unified state exam. Through a detailed analysis of the text of the task in the Russian language exam and comparison of the task text with the text of the assessment criteria, flaws were identified both in the wording of the task and in the correlation between the task and the criteria for its assessment. On the basis of the analysis of graduates' essays, we propose and comment on the sequence of tasks aimed at optimization of exam preparation, allowing one to write one's answer in exact accordance with the task: to identify the topic of the text, to define the problem, to comment on the problem with references to the original text, to justify one's acceptance of the author's thought. All concepts are illustrated with examples from school essays, based on the same original text. In the article the attention is paid to ensuring the coherence of the text maintained by controlling the ratio of the major substantive elements of the essay. The results of the study can be applied when organizing test exams.

Ключевые слова: сочинение, задание, текст, тема, проблема, комментарий, аргументация, критерии оценивания.

Keywords: essay, task, text, topic, problem, comment, reasoning, evaluation criteria.

Единый государственный экзамен по русскому языку претерпевает изменения, которые свидетельствуют, что экзамен деградирует. Это отмечалось десятилетиями назад [1], о деградации говорят и изменения нынешнего 2015 г.

Как известно, у школьного проверочного испытания есть две функции. Первая – проверить знания учащегося, вторая – в процессе подготовки к экзамену приобрести необходимые знания, умения и навыки, или, как теперь принято говорить – компетенции. В статье [4] рассмотрены особенности развернутого ответа на задание «С» ЕГЭ, как разновидность вторичного текста, где показано, что деградация обеих указанных функций испытания связана с тем, что существующая система обучения ответу не только не развивает, но подавляет такие детерминанты текстопорождения, как креативность, субъективность, индивидуальность. Также мне приходилось обращать внимание на один из распространенных «риторических» недостатков, связанных с выполнением задания «С», который

определен как синкретизм [5]. В предлагаемой статье проанализированы формулировки задания и корреляция их с критериями оценивания, а также предложена последовательность заданий, реализация которых позволяет оптимизировать подготовку к экзамену и одновременно продуктивно реализовать вторую из указанных функций экзамена.

Исходным положением можно считать следующее: сочинение должно быть не работой, имеющей нечто выдающееся в форме и/или содержании, а работой, в которой полностью отсутствуют недостатки. Чтобы ни один из проверяющих не имел оснований поставить не максимальный балл. Здесь речь пойдет только о содержательной стороне работы, о ее соответствии критериям 1 – 4.

Часть 2 (Задание 25) ЕГЭ по русскому языку (бывшая часть «С») начинается с формулировки задания. Уточню, что задание здесь понимается не как 'то, что назначено для выполнения, поручение', а терминологически: как 'письменная или устная инструкция по

работе с учебными материалами. Является одним из средств обучения. Формулировки задания во многом определяют эффективность упражнений' [2].

Инструкция к выполнению Части 2 сформулирована так:

«Напишите сочинение по прочитанному тексту.

Сформулируйте и прокомментируйте одну из проблем, поставленных автором текста (избегайте чрезмерного цитирования).

Сформулируйте позицию автора (рассказчика). Напишите, согласны или не согласны Вы с точкой зрения автора прочитанного текста. Объясните, почему. Своё мнение аргументируйте, опираясь в первую очередь на читательский опыт, а также на знания и жизненные наблюдения (учитываются первые два аргумента)...» [3, с.12]. (Остальная часть инструкции различий не вызывает, потому в комментариях не нуждается).

Как видим, в приведенном тексте инструкции просматривается замысел не только назначить что-то к исполнению, но и указать на некоторый порядок, последовательность частных заданий, то есть на способ этого самого исполнения. Однако на «средство обучения» такая инструкция явно не тянет. Соответственно, каковы «формулировки задания», такова и эффективность выполнения. (Далее я буду называть общее задание **инструкцией**, а отдельные его частные задания – просто **заданиями**).

То, что инструкция сформулирована из рук вон плохо, видно из соотношения её с критериями, по которым оценивается сочинение (критерии К1, К2, К3, К4 касаются содержательной стороны):

«1. Формулировка проблем исходного текста (1 балл).

2. Комментарий к сформулированной проблеме исходного текста (2 б.).

3. Отражение позиции автора исходного текста (1 б.).

4. Аргументация экзаменуемым собственным мнением по проблеме (3 б.)» [3, с. 106 – 107].

Так, в тесной однородной связи приведены два совершенно разных задания: «сформулируйте и прокомментируйте...», которые проверяются по разным критериям, оцениваются разным количеством баллов. Рекомендация «избегайте чрезмерного цитирования» должна, казалось бы, касаться и следующих заданий, но приведена только для первых двух.

В критерии 2 имеется указание на то, что максимальные 2 балла выставляются, если проблема прокомментирована «с опорой на исходный текст». В самой же инструкции такое уточнение отсутствует, наверное, из соображений экономии места. (Вопрос о том, является знание «Критериев оценивания ответа на задание 25» обязательным для испытуемого или ему достаточно понимать формулировки самой инструкции, наверное, следует адресовать юристам).

Далее в инструкции два предложения: «Сформулируйте позицию...» и «Напишите, согласны или не согласны...» – обозначают два задания, первое из которых оценивается по отдельному критерию. А вот с дальнейшей формулировкой не вполне ясно: фрагмент «Объясните почему. Свой ответ аргументируйте...» следует трактовать как два задания или как одно? Судя

по критериям все три предложения: «Напишите, согласны ли Вы..., Объясните почему. Свой ответ аргументируйте» оцениваются по одному критерию К4 («Аргументация экзаменуемым собственного мнения по проблеме»), хотя требуют выполнения двух заданий: 1) выразить свое согласие/несогласие и 2) аргументировать это своё согласие или несогласие. Анализ исходных текстов показывает: позиции авторов текста практически никогда не предусматривают несогласия, выбора между согласием и несогласием давно уже нет. (И даже не потому, что спорить с публицистами себе дороже, а потому, что тексты, в которых есть с чем поспорить, давно уже на попадают в измерительные материалы, а все работающие тексты «заточены» только под согласие).

Избыточное «Объясните почему», приведенное, вероятно, в расчете на тех, кто сомневается в значении глагола *аргументируйте*, сбивает с толку и учащихся, и учителей, мотивируя совершенно ненужное объяснение, которое предшествует собственно аргументации (см. ниже о Задании 5).

Такая непропорциональность в оформлении инструкции – не самая большая беда. Гораздо больше проблем порождает несоответствие задания критериям оценивания. В инструкции требуется написать о согласии или несогласии с позицией, точкой зрения автора и аргументировать это свое отношение. Слово *позиция* и словосочетание *точка зрения* являются не самыми удачными синонимами более понятного школьнику и учителю слова *мысль* (здесь имеется в виду **основная мысль**, выраженная автором в тексте). Едва ли кто-то станет сомневаться, что именно о выявлении главной мысли, о согласии с этой главной мыслью и об аргументации своего согласия идет речь в инструкции, пусть и косноязычной.

Однако в критерии призывают оценивать нечто иное: не отношение к основной мысли автора, а мнение экзаменуемого по проблеме. Разумеется, экзаменуемый может иметь мнение о проблеме, затронутой автором, эта проблема может показаться экзаменуемому важной, сложной, вечной, мелкой или еще какой-то, но это мнение проходит как «комментарий к сформулированной проблеме». (Согласно критерию К2 требуется не иметь мнение о проблеме, а опираться на текст). Но разве **проблема**, которая затрагивается в тексте, и **позиция** автора (основная мысль) – это одно и то же? Вопрос ставится «нипадежки»: что главнее – сформулированное задание (инструкция для экзаменуемого) или критерии оценки (инструкция для проверяющего)?

Не лучше обстоит дело с конкретизацией критерия К4: максимальные 3 балла ставятся, если «Экзаменуемый выразил свое мнение по сформулированной им проблеме, поставленной автором текста (согласившись или не согласившись с позицией автора), аргументировал его [т. е. мнение] (привел не менее двух аргументов, один из которых взят из художественной, публицистической или научной литературы)» [3, с. 107]. Согласно заданию экзаменуемый аргументирует свое согласие с авторской мыслью, а согласно критериям проверяющий оценивают собственное мнение экзаменуемого по проблеме. Уточнение в скобках тоже порождается неясность: если оба аргумента будут из указанных литератур, есть ли шанс получить эти 3 балла? Не

уточняется, вероятно, тоже из соображений экономии места.

Многолетний опыт проверки работ показывает, что отмеченные неясности и противоречия вызывают дополнительные непродуктивные трудности на пути учителя и ученика к аттестату зрелости.

Дефекты инструкции, которые заметны не только учителям, но и будущим экзаменуемым, требуют в первую очередь уточнения задания. Инструкцию необходимо переформулировать: по возможности устранить противоречия, выделить отдельные пункты задания, ориентируясь на указанные критерии оценивания, «привязывая» их к критериям, и выразить их максимально ясно.

Далее я буду приводить примеры различных сочинений, сделанных из соображений компактности изложения по одному исходному тексту:

(1) Людей всегда мучают разнообразные сожаления – большие и малые, серьезные и смешные.

(2) Самое сильное сожаление вызывает у нас чрезмерная и ничем не оправданная стремительность времени. (3) Действительно, не успеешь оглянуться, как уже вянет лето – то «невозвратное» лето, которое почти у всех людей связано с воспоминаниями детства.

(4) Не успеешь опомниться, как уже блекнет молодость и тускнеют глаза.

(5) А между тем ты еще не увидел и сотой доли того очарования, какое жизнь разбросала вокруг.

(6) Свои сожаления есть у каждого дня, а порой и у каждого часа.

(7) Сожаления просыпаются утром, но не всегда засыпают ночью.

(8) Наоборот, по ночам они разгораются.

(9) И нет такого снотворного, чтобы их усыпить.

(10) Наряду с самым сильным сожалением о быстротечности времени есть еще одно, липкое, как сосновая смола.

(11) Это – сожаление о том, что не удалось – да, пожалуй, и не удастся – увидеть весь мир в его ошеломляющем и таинственном разнообразии.

(12) Да что там – весь мир!

(13) На знакомство даже со своей страной не хватает ни времени, ни здоровья.

(14) Я перебираю в памяти места, какие видел, и убеждаюсь, что видел мало.

(15) Но это не так уж страшно, если вспоминать увиденные места не по их количеству, а по их свойствам, по их качеству.

(16) Можно, даже сидя всю жизнь на одном клочке, увидеть необыкновенно много.

(17) Всё зависит от пытливости и от остроты глаза.

(18) Ведь всем известно, что в самой малой капле отражается калейдоскоп света и красок, – вплоть до множества оттенков совершенно разного зеленого цвета в листьях бузины или в листьях черемухи, липы или ольхи.

(19) Кстати, листья ольхи похожи на детские ладошки – с их нежной припухлостью между тоненьких жилок. (По К. Г. Паустовскому).

Мой опыт подготовки к написанию сочинения показывает, что таких заданий может быть восемь. Причем выполнение первых шести заданий обеспечивает собственно выполнение инструкции, а два завершаю-

щих задания касаются выработки навыков окончательного оформления текста сочинения посредством создания Заключения и Введения.

Приступая к объяснению заданий, нужно быть готовым убедить школьника в том, что сочинение нужно начинать писать не с Введения, которое, будучи важным композиционным элементом текста, требует иногда особого вдохновения, которое может сразу и не прийти (Введение рекомендуют писать самым последним), и что результат выполнения первого задания не оценивается ни по какому из первых четырех критериев и вообще впоследствии может остаться в черновике.

1. Прочитайте текст. Определите, сформулируйте и запишите отдельным предложением тему текста. Выполняя это задание, школьник устанавливает, что именно является предметом авторского рассуждения.

1.1. *В тексте К. Г. Паустовского речь идет о сожалении.*

1.2. *Тема – сожаления о быстротечности времени в нашей жизни.*

1.3. *Константин Георгиевич Паустовский – замечательный русский писатель, создавший в своих произведениях множество необычайно ярких природных образов. В предложенном тексте автор обращается к теме разнообразных сожалений, которые всегда мучают людей.*

В примере 1.3. собственно выполнением задания является второе предложение. На мой вопрос, о том, какое задание выполнено в первом предложении, был ответ: «Надо же как-то начать».

Хотя в задании ЕГЭ вопрос о теме текста отсутствует, формулировка темы становится ориентиром при выполнении последующих заданий и впоследствии может быть использована для создания Введения.

Тему текста, или то, о чем пишет автор, можно рассматривать как «подлежащее» этого текста.

2. Определите, сформулируйте и запишите отдельным предложением затронутую в тексте проблему. Это задание оценивается по критерию K1. **Проблемой** можно считать **вопрос**, который ставит автор данным текстом. Проблема выбирается с установкой на последующую ее обработку применительно к написанию сочинения. Школьник должен определить, понимает ли он вопрос, который задает автор. В большинстве исходных текстов проблема выражена прямо, иногда даже вопросом.

Задание можно усложнить, уточняя, **как** следует формулировать затронутую проблему: использовать цитирование или избегать цитирования.

2.1. *Константин Георгиевич Паустовский размышляет над проблемой сожалений.*

2.2. *В тексте поднимается вопрос о том, что нам, пожалуй, никогда не удастся увидеть весь мир в его разнообразии.*

Приведены два благополучных примера правильно сформулированной проблемы. Однако необходимо напомнить, что при цитировании (а оно есть в 2.2.) необходимы кавычки.

2.3. *В тексте автор указывает на несколько взаимосвязанных проблем. Я рассмотрю одну из них и назову ее «быстротечность времени».*

Указание в 2.3. на то, что проблема, поднятая в тексте, не одна, является удачным приемом, который, впрочем, уже растиражирован и становится клише.

3. Прокомментируйте выделенную проблему (Комментарий сформулируйте в 2-х предложениях). Задание оценивается по критерию К2. Исходя из собственно задания, достаточно было бы прокомментировать проблему посредством установления ее актуальности (того, насколько существенна она в современной жизни), но с учетом требований критерия необходимо обязательно указывать на то, как автор исходного текста относится к проблеме, то есть «опираться» на текст.

3.1. *Нельзя не отметить актуальность этой проблемы, поскольку хоть раз в жизни каждый из нас предавался печальным думам по поводу свершившегося или, наоборот, невыполненного. Таково и настроение, переданное автором в этом тексте: «чрезмерная и ничем не оправданная стремительность времени» порой не дает нам осуществить все задуманное, и вот уже «блекнет молодость и тускнеют глаза», и остались только сожаления, и нет от них избавления.*

В примере удачно сочетается самостоятельность комментария и требуемая опора на текст, закрепленная умелым цитированием.

3.2. *Эта проблема более чем актуальна, так как за огромным количеством дел мы порой не имеем времени даже на полноценный сон. Автор утверждает, что даже за отсутствием времени можно много увидеть, главное – захотеть. А вот то, за что действительно стоит переживать, так это за что-либо неудавшееся в нашей жизни.*

Комментарий 3.2. может быть истолкован двояко и в обоих случаях не в пользу испытуемого: если последнее предложение – это «опора на текст», то это фактическая ошибка (не пишет Паустовский о неудавшемся в жизни), а если это размышления испытуемого, то нет «опоры на текст».

3.3. *Автор справедливо замечает, что даже в течение всей жизни невозможно «увидеть весь мир в его ошеломляющем и таинственном разнообразии». С чувством сожаления он говорит о том, что мы не успеваем познать не только весь мир, но и свою страну.*

Комментарий 3.3. можно считать безукоризненным, он выполнен в полном соответствии критерию К2. Указания на то, как именно излагает мысли автор: с сожалением, радостью, иронией, взволнованно и т. д. определяются как опора на текст.

4. Выявите основную авторскую мысль (в которой обнаруживается и его позиция по отношению к проблеме), сформулируйте и запишите одним предложением.

Трудность выполнения этого задания возникает при работе с исходным текстом, сделанным на основе художественного. В тех случаях, когда в тексте отсутствует буквально или фигуративно выраженная позиция автора, следует воспользоваться вопросом: «Ну, и что хотел сказать автор, изображая вот эти события?». Так или иначе выраженный ответ можно использовать в качестве формулировки авторской позиции.

Главные качества формулировки основной мысли – четкость и лаконичность. Громоздко выраженная

мысль (пусть даже и верная) будет непонятной и проверяющему, и самому испытуемому. А четкая формулировка основной мысли является ориентиром при подборе и формулировке аргументов.

4.1. *К. Г. Паустовский говорит о том, что все зависит от пытливости и остроты глаза смотрящего. Например, наблюдение самого автора о том, что листья ольхи похожи на детские ладони.*

В примере 4.1. есть 2 существенных недочета: во-первых, не указано, какое задание выполняется. Глагол *говорит* здесь слишком общий. Чтобы проверяющий точно распознал здесь выполнение задания, следует более определенно указать, что это **позиция**, или **основная мысль**, или **точка зрения** (автор утверждает, что..., позиция состоит в том, что...) во-вторых, подробности (похожесть ладоней на листья) оказываются явно избыточными, не способствующими точности выражения мысли.

4.2. *Конечно, у каждого человека есть свой ответ на этот вопрос, так называемый «рецепт счастья», но, по мнению автора, ответ зависит от самого человека. «Можно, даже сидя всю жизнь на одном клочке, увидеть необыкновенно много».*

Пример показывает, что цитирование, вполне применимое при определении и комментировании проблемы, не всегда удобно для выполнения задания 4, оцениваемого по критерию К3, в котором говорится о сформулированной позиции. Если мысль выражена фигуративно (здесь – оксюмороном *на клочке/много*), надо ее прояснять, чтобы затем было легче эту основную мысль доказывать.

Необходимая для последующей работы ясность имеется в двух следующих примерах:

4.3. *К. Паустовский убежден, что то, насколько много ты увидишь, разглядишь в окружающем мире, зависит не от количества мест, в которых ты побывал, а "от пытливости и от остроты глаза", то есть от твоей наблюдательности.*

4.4. *По мнению Паустовского, важно видеть не много мест по количеству, а много по качеству, осмысливать и делать выводы даже из самых незначительных на первый взгляд мелочей. И тогда ты поймешь, что видел на самом деле много, стоит лишь научиться видеть необыкновенное рядом с собой.*

Для обеспечения взаимосвязи компонентов сочинения полезно развить метафору, использованную в описании задания 1. Если тема **понимается** как **подлежащее** текста, то основная **мысль** – это **сказуемое**, идея текста. Если **проблема** – это **вопрос**, который ставит автор в тексте, то основная **мысль** – это **ответ** на него. Этими метафорами можно восполнить невнятность задания и подчеркнуть важность выполнения этого задания. Чтобы повысить вероятность правильного выполнения задания, нужно обсудить со школьниками соотнесенность понятий **позиция автора, точка зрения автора, мнение автора**.

Итак, четко сформулированная основная мысль позволяет более точно соотнести этот «ответ» с ранее обозначенным «вопросом» (проблемой). Кроме того, усилия испытуемого при переводе авторской фигуративности на обыденный язык способствуют активизации его читательского и жизненного опыта и повышению «прицельности» в поиске аргументов.

5. Выразите согласие/несогласие с авторской мыслью (авторской позицией). Выполнение задания обычно не вызывает трудностей. Обычно используются немногочисленные варианты вроде таких:

- 5.1. *Я согласна с позицией автора.*
- 5.2. *Я абсолютно согласна с мнением автора.*
- 5.3. *Сложно спорить с позицией автора.*

Как известно, выражение согласия/несогласия не оценивается отдельно, однако все же рекомендуется выразить его отдельным предложением, оформленным в виде абзаца, закрепляя этот абзац после формулировки основной мысли автора и перед собственной аргументацией. Этот фрагмент ограничивает часть сочинения, где говорится преимущественно об **исходном тексте**, от той части, где говорится о текстах художественных и, главное, о себе, о своем знании литературы, о наблюдательности и умении самостоятельно мыслить.

То есть компонент «Согласие» маркирует начало выполнения задания 6, оцениваемого по критерию К4 – активного предъявления опыта испытуемого. Закрепленная позиция предупредит опережающее (до определения проблемы) или запаздывающее (после аргументации, иногда даже вместо заключения) согласие.

Именно поэтому неуместное и/или неоднократное обозначение согласия мешает точно квалифицировать фрагмент сочинения.

Рискованной является постановка выражения согласия в препозицию к основной мысли. Например:

5.4. *Сам Паустовский отвечает на этот вопрос предельно кратко: «Всё зависит от пытливости и остроты глаза». Я согласна с писателем в том, что увиденные места нужно вспоминать не по их количеству, а по их качеству. А значит, во многом наши впечатления могут быть определены нашим собственным выбором (...).*

В целом верно выполненное задание, однако, не лишено неоправданных повторов. Предложенный испытуемому исправленный вариант с оставленной рискованной препозицией формулы согласия выглядел так: *Сам Паустовский отвечает на этот вопрос предельно кратко: увиденные места нужно вспоминать не по их количеству, а по их качеству. Я согласна с писателем: «Всё зависит от пытливости и остроты глаза», то есть во многом наши впечатления могут быть определены нашим собственным выбором.*

Распространенной ошибкой, связанной с выражением согласия перед формулировкой основной мысли, является непосредственное (часто в пределах предложения) объяснение этого согласия, предшествующее собственно аргументации. Например:

5.5. *К. Г. Паустовский говорит о том, что сожаления мешают ценить окружающее. Я согласна с автором, любые сожаления могут появиться только там, где нет умения ценить окружающее.*

Пример 5.5. содержит два недочета: 1) основная мысль выражена неточно (глагол *ценить* обнаруживает нарушение причинно-следственных связей: неумение ценить окружающее вызывает сожаления), 2) неточность повторена после выражения согласия. Не исключено, что подобного типа ошибки распространены из-за описанной выше неуклюжей формулировки задания «...Объясните почему».

6. Подберите два аргумента, которые бы обосновывали ваше согласие/несогласие с авторской мыслью. Оформите свою аргументацию двумя короткими абзацами.

Продуктивному выполнению этого сложного задания очень способствует объяснение таких риторических понятий, как **этос**, **пафос**, **логос**, аргументы **эмпирические** и **энциклопедические**, а также характеристика аргументов в аспекте их **весомости** и **релевантности**. Продуктивность той или иной последовательности аргументов целесообразно объяснять с учетом **этичности**, **патетичности**, а также **веса** аргумента.

Распространенный недостаток аргументации в сочинениях – неконкретность аргументов.

Если «читательский опыт» хоть в какой-то степени конкретизируется именами авторов и персонажей, то в «жизненном опыте» обычно действующим лицом является *один мой знакомый*. Поэтому эмпирический аргумент предлагается описать в виде эпизода с конкретными деталями. Продуктивным является предварительное обсуждение литературных произведений: поступков персонажей, различных событий и т. д. Выполнение задания предполагает постоянную оглядку на формулировку основной мысли, согласие с которой аргументируется. Именно благодаря такому контролю предупреждается ошибка неверно определенной основной мысли.

Рассмотрим продолжение примера 5.6.

6.1. *Об этом говорит главная героиня повести Элинор Портер "Поллианна" [указано, что точнее было бы «говорит повесть»]. Девочка, Поллианна, сумела помочь многим людям только благодаря ее собственному девизу "жить с радостью". Главным ее оружием против любых жизненных неурядиц была [отсутствует слово, вероятно, оптимистичность], которой её научил отец – уметь найти даже в самом плохом хоть что-то хорошее.*

Умение жить без сожаления, радуясь настоящему, и помогать по мере сил каждому нуждающемуся учит героиня автобиографической повести М. Горького «Детство» – бабушка Алеши, Акулина Ивановна. В тяжкую минуту она находит доброе слово для нищих и убогих, даже когда ей самой очень тяжело.

Пример показательный в том отношении, что испытуемый старается выполнить одно из важных условий, обеспечить содержательную связь аргументов с основной мыслью. Оба аргумента доказывают (и вполне солидарно) ценность оптимизма, доброжелательности. Но при этом становится очевидным, что основная мысль исходного текста определена неверно.

Не вызывает у проверяющих отрицательной оценки аргументы, основанные не на читательском опыте, а в целом на опыте эстетического переживания, чем является восприятие живописи, скульптуры, кинематографа.

6.2. *Писатели, поэты, художники – люди, которые умеют видеть прекрасное в повседневном и привычном.*

Невероятной силой обладают и произведения изобразительного искусства. Винсент Ван Гог писал натюрморты, на которых изображал подсолнухи. Каждый видел подсолнух, но не видел всей его красоты. Художник своими полотнами – «Ваза с двенадцатью

подсолнухами», «Два срезанных подсолнуха» – заставляют по-новому смотреть на эти цветы [более подходящее слово – растения], видеть в них прекрасное.

Ещё один пример: [предыдущую конструкцию следует удалить] замечательные стихотворения А. С. Пушкина о природе заставляют читателя обращать внимание на неё. Знаменитое стихотворение «Унылая пора! Очей очарованье!» о, вероятно, не самом любимом времени года многих, показывает осень, как красивое время года, в котором есть свое очарование [заменить словом прелесть, иначе создается пародийный оттенок]. Оно позволяет забыть о плохой погоде и вместо этого, например, обращать внимание на изменившие свой убор деревья и леса.

Два аргумента не только обладают достаточной конкретностью и убедительностью, они к тому же расположены в правильной последовательности: с возрастающим весом (все-таки задание требует опоры на читательский, а не зрительский опыт). Нужно также отметить, что первый абзац выполнения задания содержит подготовку воспринимающего к не вполне легитимному источнику аргументации, «сближение» художников с литераторами выглядит вполне убедительным.

Последовательное выполнение заданий на различных исходных текстах с соблюдением указанного количества абзацев и предложений (которое в известной мере дисциплинирует пишущего, делает его текст более доступным для самоконтроля, а также предупреждает ошибку отсутствия абзацного членения, выявляемую по критерию К5), позволяет выработать умение четко выполнять инструкцию, охарактеризованную выше как неясную и готовить текст максимально соответствующий первым четырем критериям.

После того как установлено, что выработаны умения выполнять предложенные шесть заданий на раз-

личных исходных текстах, можно предложить задания, связанные с написанием Заключения и Введения.

7. Составьте к тексту два Заключения, которые отличаются содержательно и эмоционально.

8. Составьте к тексту два Введения, которые отличаются содержательно и эмоционально. По возможности согласуйте их с заключением.

В статье я не останавливаюсь на особенностях этих элементов текста сочинения, во-первых, в силу их факкультативности, а во-вторых, ввиду ограниченности объема публикации. Замечу только, что в качестве подготовки к написанию Заключения и Введения необходимо разъяснить функции этих элементов текста, а также разновидности Введений и Заключений, которые описаны в пособиях по риторике. Именно с тем, что Введения и Заключения могут быть разными в зависимости от содержания текста, от темперамента пишущего и других причин, связано требование писать два Заключения и два Введения. Опыт показывает, что подготовка двух композиционно идентичных, но функционально различных элементов текста (с последующим обсуждением большей или меньшей их приемлемости) позволяет лучше осознать назначение этого элемента и сделать его написание более продуктивным.

Таким образом, анализ формулировки задания (инструкции по выполнению письменной работы) и корреляции этой инструкции с критериями оценивания показывает необходимость переформулирования и реструктурирования заданий для продуктивной работы над сочинением, позволяющей сформировать умения текстопостроения. Статья является своего рода проспектом пособия по подготовке к написанию сочинения, в котором подробно будут описаны процедуры выполнения всех обозначенных заданий на различных исходных текстах и представлен подробный анализ многочисленных ответов.

Литература

1. Аванесов В. Единый государственный экзамен в фокусе научного исследования // Педагогические измерения. 2006. № 1.
2. Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР. 2009.
3. ЕГЭ. Русский язык: типовые экзаменационные варианты: 10 вариантов / под ред. И. П. Цибулько. М.: Национальное образование, 2015.
4. Заика В. И. Ответ на задание с развернутым ответом как вторичный текст (на материале ЕГЭ по русскому языку) // Актуальные проблемы современного словообразования: сборник научных статей / под общ. ред. проф. Л. А. Араевой. Кемерово, 2011. Вып. 4. С. 46 – 53.
5. Заика В. И. Синкретизм и делимитация (по поводу задания «С» ЕГЭ) // Текст в системе обучения русскому языку и литературе / под ред. Е. А. Журавлевой, Ж. Т. Ермаковой. Т. 2. Астана, 2013. С. 210 – 215.

Информация об авторе:

Заика Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Новгородского государственного университета, Великий Новгород, Россия; экстраординарный профессор кафедры лингводидактики Института восточнославянской филологии, Университет в Белостоке, Польша, wladimirzaika@bk.ru.

Vladimir I. Zaika – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Novgorod State University, Russia; extraordinary professor at the Department of Linguodidactics, Bialystok East Slavonic Philology Institute, Poland.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

**АНАЛИЗ МОТИВАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ НАИМЕНОВАНИЙ МАГАЗИНОВ ОДЕЖДЫ
(на материале эмпоронимов города Абакана)**

Т. А. Кадола

**ANALYSIS OF MOTIVATIONAL SIGNS OF CLOTHING STORE NAMES
(based on emporonyms of Abakan)**

T. A. Kadolo

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-14-19002.

В статье отражены результаты изучения мотивационных признаков, положенных в основу наименований магазинов одежды города Абакана. Исследование направлено на выявление детерминантных и доминантных мотивационных признаков эмпоронимов, для чего использовалась комплексная методика, включающая ассоциативный эксперимент, опросы, интервьюирование, семантико-мотивационное описание лексических единиц, анализ письменных источников, анализ дефиниций, компонентный анализ. Ассоциативный эксперимент позволил получить реакции на слово-стимул «магазин одежды», распределенные нами по группам «одежда», «деньги», «процесс покупок», «магазин», «мода»; данные группы реакций составляют детерминантные признаки реалии и могут быть реализованы в названиях магазинов. Так, выявленный детерминантный признак «одежда» реализован в названиях магазинов одежды в виде закрепления одноименной лексики в собственно номинации («Женская одежда»), закрепления в эмпорониме обозначения вида одежды («Головные уборы»), переноса на вывеску магазина наименования фирмы-производителя одежды или ее поставщика («Adidas»). Также были выделены доминантные признаки наименований магазинов одежды, не обусловленные детерминантами: «локум» («Анкара»), персонифицирующий мотивационный признак («Тамара»), архетип «Прекрасная дама» («Леди»), ожидаемый положительный результат («Элегант»).

The article describes the results of the study of motivational signs for Abakan's clothing store names. The aim of the study is to analyze the determinant and dominant motivational signs of emporonyms. The author used a complex procedure: associative experiment, surveys, interviewing, semantic-motivational description of lexical units, analysis of lexical definitions, analysis of written sources, component analysis. The association experiment showed reactions to the word-stimulus «clothing store», which can be divided into groups «clothes», «money», «purchasing process», «store», «fashion»; these groups are the determinant motivational signs, they can become the basis for clothing store names. E.g., the determinant sign «clothes / wear» is implemented in the clothing store names as the marker of category («Women's Clothes / Ladies' Wear»), identification of the type of clothes in the emporonym («Headwear / Hatter's»), can be transferred to the signboard of the brand of clothing manufacturer or provisioner («Adidas»). We also discovered the dominant motivational signs of clothing stores names, not caused by the determinant signs, such as: «lokum» («Ankara»), personifying motivational sign («Tamara»), the archetype «Beautiful lady» («Lady»), the expected positive outcome («Elegant»).

Ключевые слова: ономастика, эмпороним, мотивационный признак, ассоциативный эксперимент, детерминантный признак.

Keywords: onomastics, emporonyms, motivational sign, association experiment, determinant sign.

Исследование, результаты которого представлены ниже, проводилось на материале наименований магазинов одежды города Абакана, его целью стало выявление детерминантных и доминантных мотивационных признаков наименований данной группы.

Анализ мотивационных признаков представляется важным этапом в исследовании наименований городских торговых объектов (эмпоронимов), рассматриваемых нами как знак, как семиотическая сущность, состоящая из неоднородного плана содержания и плана выражения. Выявление признака, положенного в основу наименования, позволяет описать особенности индивидуального и коллективного языкового сознания, зафиксировать культурные смыслы, актуальные для носителей языка. Методика, используемая для изучения названий городских торговых объектов, дает возможность рассмотреть комплекс устойчивых представлений об особенностях номинируемого заве-

дения, соотнести их с наименованием и выявить пути целесообразного выбора названия.

Методологические основы исследования

Работа выполнена в рамках детерминантно-доминантного подхода и направлена на анализ детерминантных признаков и определение доминантных. Мысль о языковых детерминантах была сформулирована В. фон Гумбольдтом и описана в его трудах с использованием термина «внутренняя форма языка» [2]. В отечественной лингвистике данная концепция была воспринята А. А. Реформатским и Г. П. Мельниковым и оформлена в виде учения о ведущих грамматических тенденциях в языках, учения о существовании ведущей грамматической тенденции языков [6; 9]. Детерминологический подход нашел отражение в работах Н. Д. Голева, в частности, им проводится антиномическое и детерминологическое описание русской орфографии [1]. Кроме того, термин «доминант-

но-детерминантный подход» активно используется в биологии при классификации растительности (см., например, [7; 5]), что позволяет воспринимать его как ведущий стиль мышления (парадигму), характерный для научного знания последних десятилетий. Идея перенесения данного термина в область лингвистики принадлежит Н. Б. Лебедевой [4, с. 120] и реализована в работах, посвященных описанию жанров естественной письменной речи [3; 8; 10; 11].

Доминантные мотивационные признаки описывались нами по результатам исследования эмпоронимов города Абакана магазинов одежды. К доминантным мотивационным признакам мы относим признаки, положенные в основу конкретных номинаций, при этом не все из них вытекают из детерминантных, часть обусловлена другими факторами: личностью владельца заведения, расположением объекта и др.

Методика исследования

Выбранный нами подход определил следующие этапы исследования.

1. Проведение ассоциативного эксперимента с целью выявления детерминантных признаков, к которым мы относим наиболее частотные реакции. В качестве слова-стимула предъявлялось выражение *магазин одежды*.

В эксперименте принимали участие мужчины и женщины 14 – 76 лет с разным уровнем образования, социальным статусом, всего 400 человек.

2. Анализ наименований торговых объектов города Абакана с целью выявления доминантных мотивационных признаков. Поскольку эмпоронимы являются сложной семиотической сущностью, состоящей из многокомпонентного плана содержания и неоднородного плана выражения, при изучении материала использовался следующий комплекс методов исследования: опросы, интервьюирование, ассоциативный эксперимент, семантико-мотивационное описание лексических единиц, анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, элементы статистической обработки материала. Всего было проанализировано 254 наименования.

Описание и результаты исследования

В результате проведения ассоциативного эксперимента на слово-стимул *магазин одежды* было получено 396 реакций: одежда 77, вещи 25, блуза, кофта 22, брюки 20, платье 16, джинсы 14, шмотки 14, дорожки 13, юбки 13, шопинг, покупки 12, мода 11, вешалки 9, костюм 8, продавец, продавец-консультант 7, манекен 6, обувь 6, рубашка 6, футболки 6, зеркала 5, майка 5, наряды 5, пиджак 5, примерочная 5, кеды 4, Sela 4, скидки 4, топ 4, пальто 3, туфли 3, этикетки 3, бутик 2, витрина 2, выбор 2, коробки 2, куртка 2, модница 2, необходимость 2, раздражение 2, размер 2, свитер 2, советы 2, стиль 2, шорты 2, Эльф 2, Incity, Oggi, People, Savage, Seffa, белая майка и джинсы, белье, водолазки, выходные, галстук, ГУМ, Джорджио Армани, зонт, красивая девушка, кроссовки, любимый магазин для женщин, люблю очень, магазин, монеты, Мустанг, новые вещи, олимпийка, Персона, плащи, промтовары, пуловер, радость, реклама, сара-

фан, свет, смокинг, спортивная одежда, стеллажи, сумки, тишина, туники, халат.

Гетерогенность реакций обусловлена разнообразием продаваемого товара, анализ наиболее частотных реакций показал, что образ магазина одежды строится в сознании испытуемых на следующих детерминантных признаках:

- большинство реакций сводится к понятию «одежда» (одежда 77, вещи 25, блуза, кофта 22, брюки 20, платье 16, джинсы 14, шмотки 14, юбки 13, костюм 8, рубашка 6, футболки 6, майка 5, наряды 5, пиджак 5, кеды 4, топ 4, пальто 3, куртка 2, свитер 2, шорты 2, белая майка и джинсы, белье, водолазки, галстук, новые вещи, олимпийка, плащи, пуловер, сарафан, смокинг, спортивная одежда, туники, халат);
- «деньги» (дорого, деньги 13, скидки 4, монеты);
- «процесс покупок» (шопинг, покупки 12, необходимость 2, раздражение 2, выбор 2, советы 2, стиль 2, радость, тишина);
- «магазин» (вешалки 9, продавец, продавец-консультант 7, манекен 6, зеркала 5, примерочная 5, этикетки 3, коробки 2, ГУМ, любимый магазин для женщин, магазин, стеллажи);
- «мода» (мода 11, модница 2, Oggi, People, Savage, Джорджио Армани).

Часть данных детерминантных признаков закреплена в названиях магазинов одежды, так, детерминанта «одежда» реализована в наименованиях в виде:

а) закрепления одноименной лексики в собственно номинации («Женская одежда», «Одежда для беременных», надо отметить, случаи названия магазина словом «Одежда» в настоящее время единичны, что обусловлено тенденцией отказа от максимально обобщенных наименований в пользу создания индивидуализированных обозначений) и классификаторе, помещенном на вывеске («Салон меховой одежды IDEAL», «Магазин женской одежды ZARINA», «Магазин-салон верхней одежды ВРЕМЕНА ГОДА», ДАМСКИЙ КАПРИЗ женская одежда);

б) закрепления в эмпорониме обозначения вида одежды: например, «Головные уборы», магазины меховой одежды получают названия «Русский мех», «Меха и мода», магазины трикотажной одежды – «Российский трикотаж», «Белорусский трикотаж», магазины джинсовой одежды названы «Jeans», «Галерея JEANS»; при этом часто производится ассоциативный перенос с наименования группы вещей на обозначение цвета: «ИНДИГО» (мотивационный признак названия магазина джинсовой одежды – наиболее распространенный цвет такой одежды), «Метелица», «Ее Величество Снежная Королева» (салоны меховой одежды названы в честь сказочных персонажей, ассоциирующихся с зимой, снегом – временем, когда носят теплую одежду); сходный ассоциативный перенос вызывает и наименование мехового салона «Снежинка»;

в) переноса на вывеску магазина наименования фирмы-производителя одежды или ее поставщика, что является весьма распространенным способом создания вторичной номинации в области эмпоронимов: «Adidas», «CARLO PAZOLINI», «Colin's», «Danza», «Desam», «Froggy», «Gee Jay», «GIN TONIC», «Gloria Jeans», «Gran Sasso», «INCANTO», «INCITY», «KOSAport», «Lisette», «LR. ЛЕ ПОЙ», «Mango»,

«MEXX», «MUSTANG JEANS», «NAF NAF», «Nike», «OGGI», «SASCH», «SAVAGE», «SELA», «Tom Farr», «UNITED COLORS OF BENETTON», «Westland», «Yax!», «Вестфалика», «Ирэна», «Пеплос», «ТВОЁ», «VOUGE boutique».

Использование в названии магазина известной торговой марки, популярной в современном обществе, является способом реализации вместе с тем такого детерминантного признака, как «мода»; также он закреплён в номинациях: «Modno и точка!», «Престиж», «Парад» (имеется в виду парад модной одежды), «Бомонд».

В ряде номинаций отражен основной покупательский магазин: так, названиями «40 недель», «Одежда для беременных», «Sweet Mama», «Одеваем пузики», «РАДАМАМА», «Мамина радость» подчеркивается, что в них продаются товары для беременных. Магазины детской одежды и других товаров для детей получают наименования «Бэби Бум», «Бэби мир», «Джуниор»; при этом адресат может быть представлен опосредованно, например, мотивационные признаки эмпоронимов «Лимпопо» и «Мир Disney» относятся к области детской литературы и мультипликации и тем самым вызывают ассоциации с миром детства. Также способом опосредованного отражения адресата в эмпорониме является использование на вывеске заведения мужского имени для названия магазина мужской одежды («Виктор», «Чарли»), женского имени для магазина женской одежды («Милана», «Ярославна», «Юлия») и уменьшительно-ласкательной формы имени для магазина детских товаров («Машутка»).

Кроме того, анализ наименований магазинов одежды позволил выявить и другие доминантные мотивационные признаки, не обусловленные детерминантами образа заведения: «Локум», данный признак может указывать на место производства товара («ЕВРОПА СТИЛЬ», «Российский трикотаж», «Анкара» (подчеркивается, что одежда поставляется из Турции)), может быть обусловлен особенностями товара (название магазина спортивной одежды «Спарта» вызывает ассоциации с древнегреческим городом-государством, основной ценностью в котором считалось физическое развитие граждан-воинов); в названии магазина детской одежды «Лимпопо» топоним реального мира – наименование реки в Южной Африке становится символом далёкого места, населённого опасными животными, правда, в процессе создания вывески негативный смысл не брался во внимание.

Персонифицирующий мотивационный признак реализован в номинациях, закрепляющих имя или

фамилию предпринимателя («Нинель», «Тамара», «Юлия», «Полина», «Ирэна» (от Ирина), «Данко» (от Данилин)), имена его детей («БАРБАРА» (от Варвара), «Машутка», «Анита» (от Аня), «СпортМакс» (от Макс), «РИАН» (от Рита и Анна)) и других членов семьи («Виржес» (от Виктор, Раиса, Женья, Саша)).

В ряде наименований закреплён архетип «Прекрасная дама», в них мотивационным признаком наименований становится образ красивой женщины как некоего итога процесса покупок: «Леди», «Сударушка», «Имидж Леди», «Миледи», «Монро» (от Мерилин Монро, считающейся одной из самых красивых женщин).

Ожидаемый положительный результат приобретения новой одежды отмечен также в названиях «Триумф», «Элегант», «Престиж». В подобных наименованиях мотивирующей основой ряда становятся слова с положительными денотативными и коннотативными компонентами семантики, активизирующие привлекательный для покупателя образ.

Выводы

В результате проведения исследования было выявлено, что в области эмпоронимики имеет место устойчивая связь обозначаемой реалии (денотата) и мотивационных признаков. Доминантный мотивационный признак может быть детерминирован образом заведения, закреплённым в сознании носителей языка, а также определёнными культурно значимыми установками.

Так, детерминантными признаками, обусловленными представлениями о торговом объекте, закреплённом в сознании носителей языка, становятся «одежда», «деньги», «процесс покупок», «магазин», «мода». Также были выявлены доминантные мотивационные признаки – некие универсалии, актуализирующие тот или иной признак в названиях магазинов одежды: «локум», персонифицирующий мотивационный признак, архетип «Прекрасная дама», ожидаемый положительный результат.

Реализация основных детерминантных признаков в названиях магазинов одежды позволяет нам говорить о своего рода *ассоциативной нормативности*, то есть соответствии наименования устойчивым представлениям о номинируемом объекте, хранящимся в коллективном языковом сознании. Нам представляется весьма перспективным углублённое исследование такой разновидности нормативности на материале наименований городских торговых объектов.

Литература

1. Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. 147 с.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
3. Зырянова Е. Г. Частная записка как жанр естественной письменной русской речи: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2009. 218 с.
4. Лебедева Н. Б. Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 116 – 123.
5. Лихачева Т. В. Эколого-фитоценотические закономерности распределения растительного покрова водохранилищ Удмуртской Республики: дис. ... канд. биол. наук. Ижевск, 2007. 344 с.
6. Мельников Г. П. Детерминанта – ведущая грамматическая тенденция языка // Фонетика, фонология, грамматика (в честь 70-летия А. А. Реформатского). М.: Наука, 1971. С. 359 – 367.

7. Папченков В. Г. Растительный покров водоемов и водотоков Среднего Поволжья. Ярославль: ЦМПМУ-БиНТ, 2001. 214 с.
8. Плаксина Н. Ю. Маргинальные страницы тетрадей как жанр естественной письменной русской речи: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2009. 222 с.
9. Реформатский А. А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 52 – 76.
10. Сухотерина Т. П. «Поздравление» как гипержанр естественной письменной русской речи: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 252 с.
11. Юркевич А. С. Ежедневник как жанр естественной письменной русской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 24 с.

Информация об авторе:

Кадоло Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, lacriza@list.ru.

Tatyana A. Kadolo – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian Language Stylistics and Journalism, Institute of Philology and Journalism, Katanov Khakass State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 808:81'27'276

ВОВЛЕЧЕНИЕ С ПОЗИЦИЙ РИТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

П. А. Катышев, Б. Е. Кильдибекова

INVOLVEMENT FROM THE STANDPOINT OF RHETORICAL CRITICISM

P. A. Katyshev, B. E. Kildibekova

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ по проекту № 14-14-42005 «Региональные аспекты русской дериватологии» по конкурсу «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном – 2014» (Кемеровская область).

В статье рассматривается сущность категории вовлечения с позиции риторической критики как одной из версий критического дискурс-анализа. Признавая значимость вовлечения как дискурсивного, когнитивного и социального феномена, авторы обращают внимание на случаи такого взаимодействия, в котором одна из сторон реализует свои властные полномочия, а другая – вынужденно подчиняется ей. Ярким примером вовлечения, предполагающим изначально неравноправие сторон, служит дискурс террористической организации. Разработка фрейм-модели вовлечения, свойственной данной организации, помогла систематизировать описание феномена на уровнях (слотах) социокоммуникативного контекста, стадий реализации вовлечения, дискурсивного строя. В свою очередь, детализация параметров дискурсивного строя позволила установить множество ячеек слота, при соотношении с которыми можно рассматривать закономерности дискурсивной реализации власти. В статье особое внимание уделяется таким параметрам дискурсивного строя, как «Лексика» и «Локальные значения». В частности, на примере использования арабизма «зиярат», подвергнувшегося семантической транспозиции при попадании в речевую среду нелегального сообщества, устанавливаются и интерпретируются приметы межличностной асимметрии вовлекающего дискурса. К таковым приметам отнесены: факт арготизации арабизма, её семантический результат, поведение арготизма в словосочетаниях и предложениях, а также его появление в предписывающих и объяснительных пассажах.

This article describes the category of involvement from the perspective of rhetorical criticism as a version of critical discourse analysis. Considering the importance of involving discursive, cognitive and social phenomenon, the authors draw attention to such an interaction in which one of the sides realizes its power, and the other is forced to subordinate. A demonstrative example of involvement with originally intended unequal sides is represented by the discourse of a terrorist organization. The development of the involvement frame model peculiar to this organization helped to organize the description of the phenomenon on the levels (slots) of social and cultural context, realization of involvement phases, and the discourse structure. In its turn, specification of the discourse structure parameters has allowed to establish the set of slots, with which the laws of discursive realization of power can be described. The article focuses on such discourse parameters as «Vocabulary» and «Local values». In particular, the usage of Arabism «ziyarat», which is subjected to the semantic transposition when it enters the speech of an illegal community, serves as an example that helps to establish and interpret the marks of interpersonal asymmetry of involving discourse. These marks are: the usage of Arabism as a slang expression (argotism), its semantic result, usage of argotisms in phrases and sentences, as well as its appearance in the prescribing and explanatory passages.

Ключевые слова: риторическая критика, вовлечение, дискурс нелегитимной организации, фрейм-модель, арготизм.

Keywords: rhetorical criticism, involvement, discourse of illegitimate organization, frame model, argotism.

В риторической критике как одной из версий критического дискурс-анализа, рассматривающей и оценивающей с позиций социальной и общественной значимости феномены речевого воздействия и взаимовлияния [5; 6; 1, с. 96 – 100; 8], есть ряд понятий, требующих особого внимания в силу того, что они подразумевают злоупотребление дискурсом. К разряду таких понятий следует отнести и «вовлечение». Помимо того, что оно до сих пор лишено четких содержательных рамок (даже в социолингвистике, дискурс-анализе и этнографии речи – в направлениях, в которых исследование вовлечения может быть признано традиционным; см. работы [10 – 15; 17]), не существует также каких-либо междисциплинарных теорий, обобщающих его относительность и раскрывающих в полной мере его зависимость от социального контекста. На многозначность этой категории немалое влияние оказывает и то обстоятельство, что ей оперирует, помимо лингвистики, ряд других общественных и гуманитарных наук, например философия, юриспруденция, экономика, социология, психология, культурология, сектоведение и нек. др. (примером могут служить работы А. Випперфюрта, Д. фон Гильдебранда, Э. Гофмана, Г. Кругмана, Е. И. Пугиной, М. А. Селивановой, М. Тейлора, М. Фуко, Ю. Хабермаса и др.). Ситуацию зачастую осложняет и наличие эквивалентных, а также смежных терминообозначений, претендующих на то, чтобы стать основой для описания персуазивных феноменов, связанных с модификацией сознания агентов интеракции (*эмоциональная приверженность коммуникации, вербовка, манипуляция, вынуждение, речевое воздействие, речевое взаимодействие, коммуникативная активность участников общения* и нек. др.).

Подход, развиваемый авторами данной статьи для задач риторической критики, принимает во внимание три системообразующие категории, важные для осмысления феномена вовлечения: дискурс, познание и общество, – что согласуется с программой критического дискурс-анализа, ориентирующей на рассмотрение явлений языка и речи в связи с организацией социальной власти как «контроля, который осуществляет одна группа в отношении других групп и их членов» [3, с. 27].

При этом термин «критический» подразумевает оценку речевого воздействия и взаимовлияния в специфическом смысле, касающемся разбора действий *нелегитимной* группы по отношению к подчиняемой группе. Здесь следует дать два небольших комментария.

Комментарий первый. В рамках критических дискурсивных исследований как прикладного направления дискурс-анализа под термином «нелегитимный» принято понимать такое свойство характеризуемого предмета, которое связано со случаями злоупотребления властью, полномочиями, социальными ролями, социальным положением, правами других людей и т. д. Так, Т. А. ван Дейк, предлагая описывать злоупотребление в терминах легитимности, отмечает, что формами нелегитимных действий и ситуаций выступают различные проявления неравенства, несправедливости, неправопорядка [3, с. 36 – 37]. Такая трактовка понятия нелегитимности позволяет применить его по отношению к

случаям, касающимся вовлечения в деятельность запрещенных (нелегальных) организаций, поскольку деятельность подобных организаций тесно связана с пренебрежением правом человека на свободу, с использованием неравенства в инклюзивных целях и с некоторыми другими аспектами злоупотребления. В работе подобные нелегальные организации называются еще и нелегитимными именно для того, чтобы подчеркнуть моменты злоупотреблений, наличествующих в их деятельности по отношению к подчиняемым индивидам или группам.

Комментарий второй. Трактовка критического аспекта в описании коммуникации, удовлетворяющая требованию *наличия нелегитимной* (в пресуппозиции – *нелегальной*) *группы как очага доминирующего дискурса*, несколько расширяет проблематику критических исследований, которые, по мнению Т. А. ван Дейка, обычно отвечают одному или нескольким из приведенных ниже дисциплинарных критериев:

- 1) критерию изучения доминирования с точки зрения и в интересах подчиненной группы;
- 2) критерию учета опыта подчиненной группы для оценки доминирующего дискурса;
- 3) критерию истолкования дискурсивных действий доминирующей группы как нелегитимных;
- 4) критерию учета интересов подчиненных групп при создании адекватных альтернатив доминирующему дискурсу [3, с. 24].

В свою очередь, критическое рассмотрение феномена вовлечения в триаде «дискурс – познание – общество» позволяет сделать ряд допущений. Во-первых, критическое осмысление изучаемого феномена сталкивается с необходимостью анализа звучащей речи и письменных текстов, проводящих интенцию вовлечения и диагностирующих характер и степень вовлеченности. Во-вторых, следует помнить о том, что вовлечение имеет дело с человеческим сознанием, что приводит к необходимости рассматривать психические изменения, происходящие в нем, как процесс, опосредованный персуазивным инструментарием, а также ситуациями и формами взаимодействия. В-третьих, вовлечение погружено в определенный социальный контекст и имеет конвенциональную природу, заданную обстоятельствами взаимодействия, из которых интересы субъекта, инициирующего интеракцию, приобретают особое значение прежде всего тогда, когда он злоупотребляет дискурсом.

Указанные допущения наводят на мысль о том, что вовлечение – это коммуникативно-семиотический процесс и использование контекстных ресурсов для формирования и приведения в действие готовности участников интеракции к совершению согласованных поступков *на основе сопричастности, сопереживания, симпатии, принимаемых обязательств, разделения ответственности с группой, заинтересованности в совместном достижении поставленных целей* и т. д. В такой трактовке искомого феномена содержится параллель с понятием речевого воздействия, разновидностью которого вовлечение может быть признано (ср. широкую и узкую дефиниции речевого воздействия, предложенные в [6]).

Не придавая пока значения различиям в трактовках вовлечения, присутствующим в традиции его описания разными дискурс-ориентированными теориями и областями научного познания, обратим внимание на то, что в общем случае степень вовлеченности/отчуждения от взаимодействия обусловлены соблюдением/ несоблюдением как межличностных правил поведения, принятых в культуре диалога, так и конвенций специфического контекста, в котором реализуется интеракция.

Так, по убеждению Э. Гофмана, в англо-американском обществе участвующий в разговоре индивид обнаруживает, что он и другие связаны вместе обязанностью вовлеченности тогда, когда «начинает ощущать, что подобающим... считается обращение основного фокуса внимания на разговор и спонтанное вовлечение в него, и в то же время чувствует, что у других участников есть те же обязанности» [2, с. 140]. Впрочем, поведение, подобное тому, которое описано в работе Э. Гофмана, является нормативным для большинства лингвокультур, поскольку в его основе находится соблюдение диалогических конвенций, соотносимых с такими типами воздействия и взаимовлияния, как фатика, суггестия, информирование и убеждение [1, с. 156 – 172], а само принятие этих конвенций коммуникантами обеспечивает эффект должного присутствия в диалоге.

Однако в институциональных контекстах даже мажора повышенной вовлеченности в интеракцию, демонстрирующая интенсивность участия в общении каждого из коммуникантов, а также каждого из них по отношению друг к другу, может (и должна) рассматриваться сквозь призму социальной иерархии.

Показателен в этом плане процесс протекания митинга: несмотря на то, что в нем оратор рассчитывает на поддержку аудитории, провоцирует ее активность, о равноправии между указанными сторонами не может идти и речи, поскольку контроль над дискурсом находится в руках того, кто обеспечивает к нему доступ. Как явствует из критического исследования [16], участники *баразы* (специфичной формы проведения митинга, практикующейся в Кении) используют одну и ту же манеру взаимодействия при различии в социокоммуникативных целях. При этом сама интеракция демонстрирует достаточно высокий стиль вовлеченности, характеризуясь последовательностями вопросов и ответов, призывов и поддерживающих хлопков, звучащих в унисон, обилием подхватывающих повторов и параллельных конструкций. Тем не менее в этой слаженной системе соотносимых реплик одна сторона формирует политическую реальность, т. е. оказывает давление на подчиненную группу, заставляя ее выкрикивать слова одобрения явно непопулярных в данной аудитории мер (в указанной статье анализируется митинг в поддержку сухого закона, организованный среди мелких торговцев пивом и фермеров, поставляющих сахарный тростник – сырье для алкогольных напитков). В свою очередь, другая сторона, поддерживая на словах инициативы правительства, имеет куда более сложное намерение, чем может показаться на первый взгляд. Для аудитории важно не столько скрыть свое отношение к действиям правительства, сколько продемонстрировать власти свою лояльность, представить в лучшем свете свою территорию (ведь митинг освеща-

ется в СМИ) и разделить с правящими кругами ту веру в стабилизирующую роль правительства, которая, по мнению многих, способствует сдерживанию социального хаоса (его отсутствие выгодно отличает Кению от соседней Уганды).

Асимметрия социальных позиций еще больше ощущается при рассмотрении дискурсивных практик, применяющихся агентами нелегальных организаций (сект, экстремистских и террористических группировок, организованных криминальных сообществ) в отношении тех, от которых напрямую зависит пополняемость подобных объединений новыми членами. В этом случае движущей силой вовлечения становится доминирование вовлекающей стороны, её стремление во чтобы то ни стало, но при этом по возможности конспиративно, сформировать последователей и стейкхолдеров (т. е. причастных лиц, которые, не являясь членами группы, в силу своего положения и авторитета могут формировать о ней позитивное общественное мнение) для проведения нелегальных действий (например, для осуществления прозелитических акций как поводов для вербовки потенциальных членов организации, для расширения сети обучающих семинаров, на которых осваиваются азы экстремистской идеологии и т. д.). В ситуациях, подобных только что указанным, само вовлечение также может стать предметом правового преследования, причем основаниями для его возбуждения могут служить соответствующие статьи уголовного кодекса, например, ч. 1.1 ст. 282.1 УК РФ «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества», ч. 3 ст. 282.1 УК РФ «Деяния, предусмотренные частями первой, первой1 или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения», ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации» и т. д.

Юридическая практика использования искомого концепта, помимо прочего, указывает нам на то, что вовлечение – это не сугубо речевой феномен, сводимый к состояниям увлеченности беседой или же к попыткам общающихся придать взаимодействию интерперсональную динамику. В определенных эпистемических контекстах данный концепт приобретает статус особого социального феномена, имеющего дело с событиями, связанными с постепенным и контролируемым развитием у подчиненной группы готовности к совершению действий (необязательно – речевых) в пользу доминирующей стороны. При этом формирование будущего члена и стейкхолдера доминирующей группы (т. е. такого коллектива, который использует человеческий ресурс для достижения незаконных целей, приводящих в конечном счете к наступлению серьезных правовых последствий для вовлекаемых) может быть реализовано и дискурсивным путем. Так, дискурс, производимый одной из террористических организаций, изучаемой в течение нескольких лет в рамках государственного контракта на проведение лингвистического экспертного исследования, в качестве способов воздействия, источников доктрины и инструментов управления и воспроизводства власти включает в себя личные беседы, обучающие мероприятия, дидактические материалы, дискуссии, конференции,

периодические издания, журнальные публикации, прокламации, тексты религиозно-политического характера и т. д. (*Прим. авторов: исследование проводилось на базе Центра лингвистических экспертиз и редактирования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы*).

О чем может свидетельствовать такое разнообразие способов «промывания мозгов»?

Во-первых, вовлечение, как организованный дискурсивный процесс, постепенно, т. е. проходит через ряд стадий, порядок следования которых предполагает использование приемов низкой, средней и высокой степени вовлечения, стимулирующих у аудитории ответные действия, различные по уровню осмысленности, автоматизма, подготовленности, меры ответственности и исполнительской сложности.

Во-вторых, эффект вовлечения не вытекает из какого-то одного речевого акта, а является кумулятивным, складывающимся из совокупности сменяющихся во времени коммуникативных событий.

В-третьих, обычно (и результаты наблюдений за дискурсивным строем нелегитимной организации это подтверждают) вовлечение имеет интердискурсивный характер, поскольку реализуется посредством совмещения нескольких дискурсивных практик (например, маркетингового, управленческого, дидактического, религиозного и политического дискурсов, каждый из которых допускает свою форму речемыслительной активности участников взаимодействия).

Наконец, вовлечение можно охарактеризовать еще и как метадискурсивную практику, которая реализуется на базе типичных устных интеракций и включенных в них текстотипов, относящихся к разным социо-функциональным дискурсам, но обладающих рядом общих когнитивных, коммуникативно-прагматических, структурных и лингвостилистических признаков, соответствующих функционально-смысловому полю интерактивности (данное поле включает в себя комплекс языковых и коммуникативно-семиотических средств, сотнесенных к перформативной составляющей речевого взаимодействия, учитывающей относительную независимость и относительную зависимость коммуникантов от действий друг друга).

Высказанные соображения были учтены при разработке фреймовой модели вовлечения. Данная модель соотносится с задачами риторической критики как социально значимой практики разбора воздействующего потенциала разнообразных дискурсивных феноменов, а также с особенностями такого дискурсивного строя, для которого характерна доминантная манера вовлечения.

Предлагаемая фреймовая модель представляет собой структуру и систему знаний, организованных вокруг искомого концепта (концепта **ВОВЛЕЧЕНИЕ**). При этом по степени организованности этот фрейм имеет относительно разработанный и, несомненно, открытый характер, поскольку оптимизация работы экстремистской организации требует не только воспроизведения уже готовых интерперсональных приемов, но и постоянного поиска новых сценариев и инструментов вовлечения. Более того, сам фрейм не только передает своеобразный тип взаимоотношений между агентами интеракции, но и представляет собой «ключ»,

позволяющий, в частности, понять, как доминирующим субъектом обеспечиваются контролируемое вовлечение в состав организации и контролируемое созидание её образа. Описание фрейма вовлечения состоит из нескольких слотов, таких как:

I. *Особенности социокоммуникативного контекста* (в нашем случае входящие в контекст элементы индексируют тот факт, что вовлечение осуществляется в условиях деятельности организации экстремистского толка, имеющей иерархическую структуру, а также достаточный методический и идеологический инструментарий для формирования открытого сообщества последователей и стейкхолдеров).

II. *Стадии реализации вовлечения*, часто активизирующиеся одновременно в ситуациях реального взаимодействия:

1) *создание сообщества*: выбор правильной первичной аудитории, выход к ней, формирование круга посвященных, формирование привычек у привлекаемых лиц, осознание ценностей и принципов идеологии и т. д.;

2) *совместное совершение деятельности*: осуществление обучающих мероприятий, привлечение в организацию других людей по сетевому принципу, поддержка темпа вовлечения, проведение акций, координация работы ячеек и т. д.;

3) *совместное созидание образа организации*: инициация «народной молвы», вирусное распространение информации, привлечение к её распространению лиц, поддерживающих членов организации своим авторитетным мнением, личными привязанностями, родственными узами и т. д.;

4) *выход на более широкую аудиторию*: мотивация на стратегическую цель, взаимодействие с региональными ячейками, проведение конференций и т. д.

III. *Дискурсивный строй как конфигурация всех типов и форм дискурсов*, которые используются в организации; при этом принимается во внимание разнородное многообразие способов вовлечения и показателей вовлеченности.

Описание дискурсивного строя как одного из слотов предлагаемой модели вовлечения может быть детализировано с помощью следующих ячеек фрейма:

1) *форма интеракции* (она, к примеру, на стадии «совместное совершение деятельности» может быть представлена таким интерактивным типом, как **халакат** ‘кружок, обучающее мероприятие’);

⇒ далее для халаката:

2) *общие стратегии интеракции* (со стороны субъекта вовлечения – **муширифа** ‘руководителя ячейки’): дидактическая стратегия, предполагающая ввод источников и тем осваиваемой доктрины, а также стимулирующая их обсуждение, освоение и усвоение;

3) *общие стратегии интеракции* (со стороны объекта вовлечения – **дариса** ‘обучающегося, члена ячейки’): зависимая дидактическая стратегия, предполагающая реакцию на источники и темы осваиваемой доктрины, а также на организационные действия муширифа;

4) *типы пассажей*: объяснение, инструктирование, убеждение;

5) *семантические текстовые макростратегии* (со стороны субъекта вовлечения): выбор источников доктрины и тем обсуждения; акцентирование внимания на ключевых идеях доктрины (например, на законах шариата, на ведении дагвата); многократное повторение важного содержания и т. д.;

6) *локальные речевые акты* (со стороны субъекта вовлечения): требования; призывы; предписания; проблематизирующие вопросы; оценки; акты, связанные с проверкой уровня подготовленности к занятию, с организацией дискуссии по теме, с контролем учебной инициативы, с созданием и поддержанием интереса к изучаемой теме и т. д.;

7) *локальные речевые акты* (со стороны объекта вовлечения): реплики по поводу услышанного; уточняющие вопросы; подхватывающие реплики; акты, дополняющие инициальные высказывания, поддерживающие контакт, выражающие согласие, подтверждающие готовность следовать советам и пожеланиям руководителя;

8) *локальные значения*: модификация (арготизация) смысла понятий, свойственных официальной доктрине ислама; императивное подчеркивание всего, что связано с выполнением доктрины организации;

9) *лексика*: использование модальных предикатов, слов с семантическим компонентом побудительности типа «закон», «приказ», «путь», «фард», «ваджиб», «призыв» и т. д.; включение арабизмов, подчеркивающих по форме связь с религиозной доктриной ислама;

10) *локальный синтаксис*: использование конструкций со значением долженствования; употребление идентификационно-уточняющих и указательно-идентифицирующих конструкций для определения смысла ключевых понятий доктрины; ввод инфинитивных предложений с дополнительными модальными значениями долженствования, предписания и т. д.;

11) *разновидности аргументов*: аргумент к необходимости призыва, к значимости метода возрождения ислама, к стоящим перед членами организации задачам, к Аллаху как к силе, способствующей достижению дагвата; приведение авторитетных примеров, иллюстраций, моделей ситуаций, демонстрирующих способы вовлекающего поведения и т. д.;

12) *грамматические формы*: употребление глаголов в форме повелительного наклонения, изъявительного наклонения с модальными значениями долженствования, предписания и т. д.

Проиллюстрируем наполняемость ячеек слота «Дискурсивный строй» фрейма **ВОВЛЕЧЕНИЕ** материалом наблюдений за тем, как используются в контексте нелегитимного взаимодействия определенный арабизм, ассоциирующийся у носителей исламской культуры с отдельным понятием самой религии (иными словами, описание осуществляется на уровне ячеек «Лексика» и «Локальные значения»). Таким арабизмом, встречающимся в дидактических беседах мушриф-а с дарисами, является элемент **зиярат**. Согласно данным энциклопедического словаря «Ислам» **зийара, зиярат** – это концепт, описывающий паломничество к могилам пророков, «святых», шиитских имамов, а в Северной Африке – к живым суфийским шейхам; кро-

ме того, он подразумевает еще и посещение мест захоронения человека [4, с. 77]. Контексты словоупотребления, выбранные из исследованного дискурса организации, с одной стороны, фиксируют вариативность в произнесении искомого элемента: **зиярат** // **дзиярат** // **джарат** // **джейрат** (что во многом обусловлено устной традицией обучения дарисов, а также тем обстоятельством, что заимствованное слово употребляется в иной языковой среде, испытывающей, в свою очередь, влияние со стороны нескольких языков – прежде всего, русского, башкирского и татарского); (Прим. авторов: наблюдение велось за ячейками организации, осуществляющей свою деятельность на территории Республики Башкортостан); а с другой – указывают на трансформированность его значения. По корпусу наиболее информативных контекстов можно понять, что **зиярат** – это единица, у которой актуализуется несколько значений, противопоставленных по признаку *отвлеченности-конкретности*, а именно:

1) ‘процесс работы с первичной аудиторией’:

«М1 – ...Главное – дагват делать целый день. Не так, что в Контакте там. Или там на улице с кем-то стоял, пару слов кинул. Я вижу, что **зиярат** ... либо со своим, либо с братьями всеми, короче, по-любому надо сделать. И вот так. Это нормально»;

2) ‘индивид из первичной аудитории, подвергаемый целенаправленному вовлечению в организацию’:

«М1 – ...Что мне делать? Сразу я подумал, куда, где их можно найти. Пошел в мечеть. В мечети нету. В мечети нету. В мечети нету. В мечети нету. Так искали вот, помню, ходили. В мечеть ходишь, ходишь, нету, короче. Что делать? Брату звонишь – есть у тебя друзья, туда-сюда, звонишь им, нету. Идешь на остановку. Стоишь на остановке. Что куда едете? Я тоже тогда. И вот так знакомишься. Трех находишь. А три встречи как, если я **зиярату** звоню, не получилось, обламывают, обламывают. Братьям звоним, чтоб получилось. Главное – дагват делать целый день. Не так, что в Контакте там. Или там на улице с кем-то стоял, пару слов кинул...»; «М1 – Ну так, да, планируешь, что один у тебя с работы **зиярат**. Берешь одного по-любому, хоть администрация или директор... У нас, говорит, раньше тридцать, говорит, было **зияратов**. Ну, в смысле, не то, что тридцать, именно прямо сказано. Просто так было. Они говорят, чтобы научиться, что делали? Брели, знакомились. С этим, с этим, знакомься, более тридцати, короче, вот эти, всё мешаешь вот эти тридцать. И там нормально выплывает, короче... С этим общаешься, с этим общаешься с этим, с этим, с этим. Общаешься. И в итоге пару **зияратов** нормально выходит, говорит, выходит, и с ними, говорит, дальше, работать не забываем, короче. Ну, а у вас, помоему, тоже так же было?»; «М1 – Кому-то что-то говоришь. Допустим, такой случай, да: **джарату** ты говоришь, надо читать нормально намаз, его надо приучать именно к шариатским доказательствам, чтобы им следовал. Можно было сказать: а да, все понял, намаз надо, да...»; «М1 – Ну это вот, в любом случае это вот, э-э, скажем сейчас вот, например, если взять прямую, да, вот, кто такой, скажем,

зиярат? *Зиярат* – это тот человек, который готов слушать тебя»;

3) ‘совокупность лиц – тех, кого опекает человек, осуществляющий вовлечение в организацию’:

«М1 – И потом, еще один момент такой есть, вот это. Вот в следующий раз обсудим тоже – по-старайтесь вот это, хотя бы даже подписывать... там написать, допустим: кто у вас есть в окружении вашем, например, сколько человек. И, например, можно обсудить: вот, например, скажем, Айрат – он, это самое, акыду поправляем, альхамдулля. М3 – То есть, с каждым как работать, с кем. М1 – Пока да, да. Вот его можно из *дзиярата* не планировать пока. Потому что, во-первых, ему надо доступно донести наилучшим образом ислам, да, как исполнять. И альхамдуллях, если начнет исполнять. А потом видно будет»; «М3 – (зачитывает) Этапы первого расположения. Цель: подружиться. Вам необходимо добиться расположения, то есть склонность к общению с вами, подружиться. Расположение – это достижение доверия. Что значит доверие? Это означает, что собеседник не ждет от вас подвоха и негатива, он считает, что вы желаете ему только блага. Только тогда ваш собеседник будет серьезно вдумчиво воспринимать исходящую от вас информацию. То есть вначале вам необходимо повлиять на его инстинкт самосохранения и выработать в нем положительные чувства к вам. Данное начальное требование по расположению так-же распространяется на уже знакомых вам людей, либо родственников. Ибо вы собираетесь через общение с ними в корне изменить их образ жизни. А это возможно только тогда, когда доверие со стороны ваших собеседников будет полноценным. Заработать доверие большой и трудоемкий процесс. Поэтому вначале лучше *зиярат* искать среди знакомых, где уже есть некоторое доверие: вы знаете его, а он знает вас. Вы уже частично представляете его реальность, поэтому без проблем разговариваете на общие с ним темы и вам легче выстраивать дальнейшее общение».

Важно, что данные по использованию искомой лексической единицы, демонстрируемые фрагментами из дискурса обучающих встреч (халакатов), подтверждаются случаями, в которых употребление единицы *зиярат* является темообразующим. К таковым следует отнести беседы в жанре *амали*, т. е. разговоры за чашкой чая, в ходе которых обсуждаются текущие вопросы вербовки в организацию между ведущим и теми, кто принимает или должен принимать (в силу своего членства) активное участие в исполнении *дагвата* ‘вовлечения в организацию’. Вот, что предоставляет нам неполное множество дискурсов *амали* в плане реализации установленных значений единицы *зиярат*:

• *зиярат*₁:

«М2 – Порой просто вообще даже желание *джейрат* делать отбиваешь...»; «М2 – ...У нас ребята вообще делать умеют *зиярат*? М1 – Да, в принципе. М2 – Все хизбии умеют? М1 – А? М2 – Нет, не все хизбии, кто делает, тот умеет, кто не делает... рассказываю, он естественно не будет уметь, по крайней мере, делать так же. М1 – Нет, нет, он пока, вот смотрите, у нас когда идет градация, да, дарисов:

ноль, один, второй начал делать *зиярат* без тартимба...»; «М1 – Нет, он может знать этапы *зиярата*... Теоретически, например, он может рассказать, например, контакт, расположение, потом пробуждение...»;

• *зиярат*₂:

«М3 – То же самое с Ильясом. Если ты, брат, взял Ильяса в *джарат*₃, то работай с ним. Позвони хотя бы за неделю, даже если ты не можешь, да, в Тюльпан поехать, взять ему и позвони, узнай, как дела у него, как у него там работа идет, как он там вообще живет. Хотя бы, как дела, если у тебя не получается с ним увидеться... Почему звонить, потому что он *джарат*₂ твой, и как правило ты за него... дрожишь, короче»; «М3 – ...И ты в этот момент не должен ничего скрывать. В этом плане. В вопросе *дагвата*. Потому что моя цель – тебя научить нормально. Понимаешь... Тигран? Моя цель – тебя научить. Я для этого здесь. Я поэтому узнаю, как у тебя неделя прошла, что ты делал, что ты не делал, почему с *джаратами* не виделся, почему виделся, о чем общался...»; «М2 – Просто реально так может получиться, что просто потеряешь. Он в мечеть перестанет приходиться. Всё, нет с ним связи. *Зиярат* потерялся...»; «М2 – ...вот Мансур какой-нибудь делает пятнадцать встреч, это по-любому через три недели, даже не так, через две недели у вас будет результат того, что с ним пять *зияратов* хотят общаться, еще через две недели будет три-четыре человека намаз читать...»;

• *зиярат*₃:

«М3 – То же самое с Ильясом. Если ты, брат, взял Ильяса в *джарат*, то работай с ним...»; «М3 – ... Ты мне предоставляешь информацию про свой *джарат*, кто, как они, в каком они состоянии и так далее...»; «М3 – Что значит расположение? М2 – Угу. М3 – У тебя также было, да? То есть суть такова, что надо лучше расположить... я их специально маме показал, чтобы лучшие расположились... друзьями стали вы в своих *джаратах*... чтобы они вас видели полностью...»; «М3 – ...Сейчас после неразберихи поразмыслить, почему у меня такой ход дел, что раз – одна встреча, раз – одна встреча, раз – одна встреча ... И ты начинаешь задумываться, почему у меня, интересно, так. И приходишь к определенным выводам. <неразборчиво>. Как-то надо это сделать. И ты, да, с желанием делать *дагват* и переживанием за свой *дагват* звонишь мне и начинаешь говорить: «Брат. Я вот этот момент, оказывается, не понимаю, давай поговорим». Вот так бывает. Звонят и говорят: «Брат, у меня в этом проблема, давай решать». Потому что у брата есть желание решить, ему охота делать *дагват*, он переживает за него, за этот *дагват*, потому что понимает и переживает за свой *джарат*».

Приведенные контексты употребления единицы *зиярат* позволяют сделать следующие выводы об особенностях вовлечения, свойственного нелегитимной организации.

1. Семантическое изменение (внутрисловную транспозицию) исходного элемента можно квалифицировать как его арготизацию, представляющую собой переход религиозного термина-региолектизма, имею-

щего в русском языке общезыковые эквиваленты (ср. *паломничество, путешествие, посещение*), в разряд выражения, используемого социально обособленной нелегальной группой. При этом потеря смысловой связи между первичным и вторичным элементами – явление, регулярное при создании арготизмов. Его существование расценивается некоторыми исследователями в качестве проявления установки на конспирацию, сокрытие противозаконных смыслов [9, р. 403].

Наблюдаемый в нашем примере факт арготизации, с одной стороны, уже сам по себе указывает на нелегальный характер группы, а с другой – имеет прямое отношение к репрезентации доминантной манеры вовлечения. Асимметричность интерперсональных отношений усматривается в том, что:

(а) в искомой номинации, в отличие от ее источника, акцентированными оказываются именно деятельность и лица, на которые эта деятельность направлена (т. е. арготизмом индексируются отдельные составляющие начальной стадии вовлечения, имеющие отношение к вербовке первичной аудитории);

(б) подменяя традиционный смысл религиозного термина, инициаторы вовлечения ограничивают у адресатов горизонты восприятия доктрины ислама, попутно формируя круг посвященных, по речи которых можно установить степень принадлежности к сообществу (не случайно столь высока частота появления искомого арготизма в дискурсе *амали*: она мотивирована тематикой этого жанра интеракции и высокой степенью вовлеченности его участников, самостоятельно выполняющих дагват и зиярат как стадию дагвата).

2. Как уже было отмечено, многозначность арготизма *зиярат* развивается по пути концептуализации семантическим дериватом самой ситуации работы членов нелегитимного сообщества с первичной аудиторией: и процесс вовлечения новичков (*зиярат*₁), и новички (*зиярат*_{2,3}) мыслятся формально не расчлененно. В то же время многозначность употребления снимается ближайшим вербальным контекстом (предложением или словосочетанием). В таких случаях неравноправие сторон вовлекающей интеракции, воспроизводимое руководителем халаката, а также другими инициаторами нелегитимного воздействия (например, авторами изучаемых на халакате брошюр), репрезентируется:

(а) через императивное подчеркивание действий, вменяемых в обязанность членам организации: *зиярат*₁ ... *либо со своим, либо с братьями всеми, короче, по-любому надо сделать*;

(б) через деакцентирование активного и выдвижение пассивного начала в описании поведения вовлекаемых, т. е. через отношение к ним как к:

(i) объектам целенаправленного воздействия (я *зиярату*₂ *звоню; джарату*₂ *ты говоришь, надо читать нормально намаз*),

(ii) результатам приложенных усилий (*И в итоге пару зияратов*₂ *нормально выходит*),

(iii) носителям состояний, контролируемых извне (*Зиярат*₂ – *это тот человек, который готов слушать тебя*),

(iv) объектам владения (*Ну так, да, планируешь, что один у тебя с работы зиярат*₂. *Берешь одного по-*

*любасу, хоть администрация или директор...; У нас... раньше тридцать... было зияратов*₂),

(v) расходуемому или же пополняемому извне ресурсу (*Вот его можно из джарата*₃ *не планировать пока; Поэтому вначале лучше зиярат*₃ *искать среди знакомых*);

(в) через приписывание вовлекаемым негативных поступков (я *зиярату*₂ *звоню, не получилось, обламывают, обламывают*);

(г) через изображение членов организации в качестве субъектов целенаправленного воздействия или же, что еще более примечательно, в качестве посессоров – тех, кто владеет вовлекаемыми (см. использование форм родительного принадлежности у *тебя, у нас* в предложениях *Один у тебя с работы зиярат*₂; *У нас... раньше тридцать... было зияратов*₂).

Таким образом, представления о характере взаимодействия, заданные тоном предъявляемых адресату требований, а также манерой изображения участников первичного вовлечения, демонстрируют особенности иерархии, установленной в организации. В ней наделенность властью тесно связана с активностью и директивностью агента, с его правом владеть и распоряжаться человеческими ресурсами, а также с его способностью целенаправленно создавать события зиярата; отсутствие власти коррелирует с пассивностью, ведомостью контрагента. Кроме того, за использованием искомого многозначного слова стоит идея стимулирования у обучающихся поступков, поощряемых организацией, причем вынуждение к желаемым действиям осуществляется при напоминании о тех ценностях (требованиях, принятых в сообществе иерархических моделях реальности и т. д.), которые начинают разделяться всеми членами сообщества по мере их включения в него.

3. Употребление искомого арготизма в коммуникативных актах служит дополнительным аргументом в пользу отношений доминирования. По крайней мере, приведенный выше корпус текстовых фрагментов из дискурса халакатов указывает на то, что в качестве ведущих способов реализации власти выступают инструктирующие и объяснительные пассажи. Иными словами, налицо как раз такие формы речевого воздействия, с помощью которых, с одной стороны, осуществляется управление поведением адресата, призванного осуществлять зиярат, а с другой – формирование у собеседника определенного ценностного отношения к неосвоенному организацией социуму, рассматриваемому в качестве ресурса для пополнения армии новообращенных. Если развивать эту тему дальше, то стоит признать, что дискурсивная реализация власти в рамках описываемого интерактивного жанра халакат носит по преимуществу предписательно-объяснительный характер, что, несомненно, уточняет положение о том, что основной речевой формой доминирования обычно выступает убеждение (об этом см. подробнее [3, с. 57 – 58]).

Литература

1. Антипов А. Г., Араева Л. А., Артёмова Т. В., Арышева А. Ю., Валишина Д. А., Катышев П. А., Лисова О. О., Оленёв С. В., Паули Ю. С., Соснина Ю. А., Стрыгина О. В., Татарина А. В. Риторика: учебное пособие. Кемерово, 2011. 338 с.
2. Гофман Э. Отчуждение от взаимодействия // Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. С. 138 – 164.
3. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
4. Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. 315 с.
5. Катышев П. А., Оленев С. В. Влияние синтактики языка на языковую личность как проблема риторической критики // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 191 – 199.
6. Медведева С. Ю. Риторика и риторическая критика в США // Неориторика: Генезис, проблемы, перспективы. М., 1987. С. 91 – 13.
7. Паршин П. Б. Речевое воздействие // Энциклопедия Кругосвет. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html?page (дата обращения: 13.08.2015).
8. Смолененкова В. В. Риторическая критика как филологический анализ публичной аргументации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 248 с.
9. Aраева L. A., Artemova T. V., Katyshev P. A., Olenev S. V., Pauli Ju. S., Sokolova S. K. Word-building mechanism of functioning of drug addicts' jargon (a case study of regional sociolinguistic research and data of substandard lexicography) // Life Science Journal. 2014. 11(12). P. 400 – 404. Режим доступа: <http://www.lifesciencesite.com>. (дата обращения: 13.08.2015).
10. Besnier N. Involvement // R. E. Asher et al., eds. Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. 4. Oxford: Pergamon Press, 1994. P. 1770 – 1772.
11. Besnier N. Involvement in linguistic practice: An ethnographic appraisal // Journal of Pragmatics. 22 (1994). P. 279 – 299.
12. Chafe W. L. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // Deborah Tannen, ed. Spoken and written language: Exploring orality and literacy. Norwood: NJ: Ablex, 1982. P. 35 – 53.
13. Chafe W. L. Linguistic differences produced by differences between speaking and writing // David R. Olson, Nancy Torrance and Angela Hildyard, eds. Literacy, language, and learning: The nature and consequences of reading and writing. Cambridge: Cambridge University Press., 1985. P. 105 – 123.
14. Chafe W. L., Danielewicz J. Properties of spoken and written language / Rosalind Horowitz and S. J. Samuels, eds. Comprehending oral and written language. New York: Academic Press, 1987. P. 83 – 113.
15. Gumperz J. J. Discourse strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 240 p.
16. Haugerud A., Njogu K. State voices in the countryside: Politics and the Kenyanbaraza // Working Papers in African Studies, 159. Boston: African Studies Center, Boston University, 1991. 46 p.
17. Tannen D. Relative focus on involvement in oral and written discourse // David R. Olson, Nancy Torrance, Angela Hildyard. Literacy, language, and learning: The nature and consequences of reading and writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 124 – 147.

Информация об авторах:

Катышев Павел Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ, katpa@rambler.ru.

Pavel A. Katyshev – Doctor of Philology, Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Кильдибекова Бибигуль Еркеновна – старший преподаватель кафедры журналистики и филологии Инновационного Евразийского университета, Республика Казахстан, г. Павлодар; bibigulerkenovna@mail.ru.

Bibigul E. Kildibekova – assistant lecturer at the Department of Journalism and Philology, Innovative University of Eurasia, the Republic of Kazakhstan, Pavlodar.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ В ЖИЗНИ И НА СЦЕНЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. В. Колмогорова

INCARNATION IN LIFE AND ON STAGE: LINGUISTIC ASPECT

A. V. Kolmogorova

В статье анализируется феномен перевоплощения личности, как в повседневной жизни, так и на театральных подмостках, с точки зрения методологических возможностей его изучения в лингвистике. Выделяются три аспекта перевоплощения, которые доступны лингвистическому описанию: лингвоперсонологический, ключевым объектом которого становится перевоплощённая языковая личность; речевой, сфокусированный на способах и средствах реализации стратегии речевой маски; коммуникативный, в центре которого – приём «коммуникативное лицедейство». Проводится сопоставительный анализ феноменов перевоплощённой языковой личности, речевой маски и коммуникативного лицедейства. Формулируются параметры сопоставления: 1) глубина трансформаций «я»; 2) продолжительность и регламентированность перевоплощения; 3) прозрачность перевоплощения для коммуникативных партнёров; 4) языковые/речевые средства, маркирующие перевоплощение. Делается вывод о наличии определённой специфики в манифестациях перевоплощения на уровне языка, речи, коммуникативного взаимодействия, требующей всестороннего лингвистического анализа.

The article deals with the phenomenon of personality incarnation in everyday life and on theater stage. We aim to describe some perspectives and methodological approaches to the linguistic analysis of the above-mentioned phenomenon. We focus on the three aspects of personality incarnation which seem to be accessible for linguistic exploring: linguo-personal approach with the notion of incarnated language personality as its key-concept; speech oriented approach focusing on language means and ways of exploiting speech mask strategy; communicative aspect concentrated on such communication device as “communicative mummery”. Applying the method of comparative analysis to examine the mentioned phenomena allowed us to elaborate the parameters of comparison and to find out specific features of each of the phenomena: 1) the depth of “I” transformation parameter; 2) the duration of the incarnation and its regimentation parameter 3) the incarnation transparency for communicative partner parameter; 4) the language markers of incarnation parameter. Thus, we conclude that the incarnation manifestations on language, speech and communicative levels of personality have some specificity which deserves a further complex linguistic analysis.

Ключевые слова: перевоплощённая языковая личность, стратегия речевой маски, коммуникативное лицедейство, сопоставительный анализ, феномен перевоплощения, лингвистическое описание.

Keywords: incarnated language personality, strategy of speech mask, communicative mummery, comparative analysis, phenomenon of incarnation, linguistic exploration.

Введение

Данная публикация посвящена анализу предварительных результатов и перспектив лингвистического изучения и описания феномена перевоплощения.

Начиная с последней трети XX в., фундаментальным методологическим принципом лингвистики считается принцип антропоцентризма. Общий интерес к человеческой личности в различных её ипостасях – индивидуальной и коллективной, общечеловеческой и национально-специфической и т. д. – дал толчок к развитию таких направлений, как лингвоперсонология, психолингвистика, гендерная лингвистика, жанроведение.

Среди многочисленных образов личности остаётся по-прежнему малоизученным и в определённой степени лакунарным для лингвистики образ «человека перевоплощённого». Глубина и осознанность перевоплощения могут быть различны, однако они не могут не отразиться на свойствах и характеристиках человека «говорящего».

1. Понятие перевоплощения в гуманитарных науках

Перевоплощение является глубоким религиозным понятием. В дзен-буддизме перевоплощение или ре-

инкарнация рассматривается как процесс переселения души в новое тело после смерти предыдущего, сопровождаемый новым витком в эволюции души [14]. Русский философ Н. Бердяев писал о невозможности принятия такой концепции в рамках религиозной философии христианства и православия в частности, поскольку личность изначально хранит в себе тайнство создания, она целостна и обладает полнотой – она неделима и только в такой своей ипостаси может воскреснуть [1, с. 30]. Даже и само слово *индивидуальность*, восходящее к латинскому *individuum* ‘неразделённый, нерасщеплённый’, в русской литературе, философии трактовалось как «человеческое неделимое»: «На народ тоже можно смотреть как на человеческое неделимое, следующее особому пути развития...» [15, с. 50].

В философии разработаны понятия я-глубинного и я-эмпирического: первое сопричастно вневременным духовным ценностям, способное осознавать абсолютные ценности [14], второе же есть средоточие душевной жизни с её переживаниями, накопленным опытом, чувствами.

Та же дихотомия глубинного и эмпирического (Я-идентичности) была использована и основателями психоанализа, при этом метаморфозы Я (перевопло-

щения) стали одной из основных проблем психологии и психотерапии. Так, Э. Бёрн [17] разработал концепцию транзактного анализа, согласно которой структура личности есть сочетание трёх состояний, трёх ролей: Родитель, Ребёнок, Взрослый. Переход от одного состояния к другому – это своеобразное перевоплощение на психическом уровне.

Теория социального лицедейства была разработана американским социологом И. Гофманом [4], считавшим, что социальные взаимодействия символичны: социум суть театр, в котором ежеминутно социальные субъекты играют роли, каноны которых сформулированы отнюдь не самими субъектами.

Таким образом, проблема перевоплощения не раз становилась предметом изучения в философии, психологии и социологии. Рассмотрим в каких ракурсах феномен перевоплощения изучается в лингвистике.

2. *Перевоплощение и лингвистика: лингвоперсонологический аспект*

Термин «языковая личность», введенный в научный оборот В. В. Виноградовым [2] и Ю. Н. Карауловым [6], начал активно функционировать в лингвистике в 80 – 90-е гг. XX века, а в XXI в. – стал базисом для формирования различных направлений и школ лингвоперсонологии [3; 5]. В современной лингвоперсонологии существует разветвлённая типология языковых личностей, однако до последнего времени социально-психологический критерий реальной/условной самоидентификации личности языкового субъекта не попадал в фокус внимания исследователей.

В психологии театра перевоплощение определяется как осознанное «раздвоение личности», при котором актер, растворяясь в чужой жизни, осознает иллюзорность происходящего на сцене, не утрачивая перспективы реальной действительности [13]. Наблюдения за речевыми манифестациями вербально-семантического, прагматического и когнитивного уровней языковой личности актёра вне роли и в контексте исполняемой им и сопровождающейся перевоплощением роли [8; 10; 11] показали, что в процессе перевоплощения языковая личность, с одной стороны, претерпевает существенные трансформации, а с другой стороны, сохраняет большую часть своих реальных характеристик. Кроме того, поскольку процесс актёрского перевоплощения вписан в рамки сценария, замысла режиссёра, то существенное влияние на изменения в языковой личности актёра оказывает сценарный образ роли. Иными словами, для описания актёрского перевоплощения понадобилась трёхчастная типология языковых личностей: перевоплощённая языковая личность, реальная языковая личность и сконструированная языковая личность [10].

Перевоплощённая языковая личность (ПЯЛ) – это языковая личность, которая временно воссоздаёт в условиях публичности иной языковой образ, обусловленный творческим замыслом режиссёра и сценариста/драматурга, но базирующийся на собственном речевом опыте и языковой компетенции данной личности. При этом, отталкиваясь от собственной психологической природы, языковая личность изменяет неко-

торые существенные характеристики собственной личности, вбирает черты чужого, имитируемого ею образа.

Перевоплощённая языковая личность онтологически связана с *реальной языковой личностью* (РЯЛ), понимаемой как языковая личность, реализующая в речи свои собственные способности и склонности, не выходя за границы личностной самоидентификации и не расширяя её обычных границ. Поскольку сам вопрос о реальности и её природе является спорным, небезосновательным является рассмотрение языковой личности как реальной до тех пор, пока данная личность осознаёт себя и называет себя реальным именем и фамилией.

Перевоплощённая языковая личность испытывает внешнее влияние *сконструированной языковой личности* – языковой личности, референциально не соотносимой ни с одним реальным социальным и языковым субъектом, сконструированной намеренно, следуя творческому замыслу иной языковой личности (сценариста) и охарактеризованной при помощи приписываемых ей текстов – реплик в сценарии.

Следует отметить, что анализ речевых манифестаций реальной языковой личности немецкого актёра О. Пошера в ходе интервью, радио- и телепередач и тех речевых манифестаций, которые обнаруживает актёр в момент перевоплощения, при условии, что они не прописаны в сценарии, т. е. не соотносимы со сконструированной языковой личностью, а являются результатом «вживания» актёра в образ, показал, что трансформации подвергается даже один из наиболее глубоких уровней языковой личности – когнитивный. Были выделены три типа подобных трансформаций:

1) экстенциональная трансформация – увеличение объёма как подлежащих концептуализации областей, так и областей, служащих источником концептуализации;

2) интенциональная трансформация – увеличение релевантности в когнитивном опыте личности областей духовного опыта;

3) векторная трансформация – изменение направления когнитивного «интереса» личности: если для РЯЛ характерно направление «извне – вовнутрь» (потребление), то для ПЯЛ – «изнутри – вовне» (интерес к внешнему миру как источнику когнитивного опыта) и «вовнутрь» (интерес к собственным ощущениями и переживаниям как источнику когнитивного опыта).

Кроме того, было отмечено, что прагматический уровень ПЯЛ существенно отличается от соответствующего уровня РЯЛ. К прагматическим категориям, наиболее подвергающимся трансформациям, можно отнести:

1) актуальное членение информационного пространства дискурса (для РЯЛ тема – профессиональный статус личности, рема – личностно-интимная сфера; для ПЯЛ тема – личностно-интимная сфера, рема – профессиональный статус личности);

2) образ себя, создаваемый в социуме (позитивный для РЯЛ и негативный или амбивалентный для ПЯЛ);

3) ценностные доминанты социально-коммуникативного поведения (ПЯЛ – «эмпатичный наблюдатель», «жертва», РЯЛ – «лидер мнений»;

4) соотношение жёстких и мягких коммуникативных тактик (жёсткие преобладают для ПЯЛ, мягкие – для РЯЛ).

Наибольшую зависимость от сконструированной языковой личности – плода творческой деятельности сценариста – обнаруживает лексико-семантический уровень перевоплощённой языковой личности, в частности, синтаксические структуры.

В свою очередь, наибольшую устойчивость обнаруживают такие характеристики РЯЛ, как использование междометий, модальных частиц, а также невербальных средств, сопровождающих речь и усиливающих её экспрессивность.

Таким образом, перевоплощение может носить глубокий характер, затрагивать эмпирическое «я» личности, являющееся средоточием жизненного, социального опыта индивида, приводя к трансформациям на когнитивном и ценностно-прагматическом уровнях языковой личности актёра, что позволяет выделить особый тип языковой личности – перевоплощённую языковую личность. Следует также подчеркнуть, что такого рода языковая личность – явление, зависимое от замысла режиссёра и сценариста, ограниченное пространственными рамками театральных подмостков или съёмочной площадки, имеющее лимитированное время существования (продолжительность репетиции, спектакля, съёмки), санкционированное обществом, подлежащее эстетической оценке со стороны последнего.

3. *Перевоплощение и лингвистика: речевой аспект*

В ряде случаев перевоплощение может затрагивать только уровень речевых проявлений эмпирического «я» индивида, не приводя к каким бы то ни было трансформациям самого эмпирического «я» или глубинного «я». Индивид намеренно заимствует речевые модели, клише, особенности на уровне лексики, фонетики, свойственные человеку определённого социального статуса, профессии, дабы выдать себя за него. Происходит только подмена речевого проявления «я» – я остаюсь собой, но намеренно говорю так, как если бы это был не я, а другой. При этом подмена происходит по воле самого индивида:

а) в корыстных или манипулятивных целях, и в таком случае не санкционирована обществом и подлежит этической оценке со стороны последнего;

б) в игровых целях, и в таком случае адресатами осознаётся условность нарушения табу на эксплуатацию чужого речевого образа, что приводит к подмене этической оценки эмоциональной оценкой.

Такое речевое перевоплощение, также, как и перевоплощённая языковая личность, имеет ограниченный срок существования, однако он не регламентирован и полностью зависит от ситуации и интенций индивида. Так, например, в фильме «Duplicity» («Ничего личного») секретный агент Рэй Коваль в диалоге с сотрудницей транспортного отдела Барбарой Бофферд использует речевую маску славного парня из

Теннесси – заведомо владея информацией о происхождении Барбары, он специально говорит с теннессийским акцентом и убеждает Барбару в том, что они – земляки, чтобы легче сблизиться с ней.

Подобное перевоплощение классифицируется в лингвистике как коммуникативная стратегия речевой маски [16]. М. В. Шпильман отмечает, что речевая маска (РМ) – это коммуникативная стратегия, в основе которой лежит чужой языковой образ, выбор которого обусловлен целями говорящего, ситуацией, формой общения, фактором адресата [16, с. 78]. Кроме того, подчёркивается, что речевая маска – временная и ситуативная эксплуатация чужого стереотипного образа [16], который может существовать в обобщённом виде прототипа в языковом сознании адресата – объекта коммуникативного воздействия [12]. Среди типов речевых масок выделяют: подготовленные/ спонтанные, кратковременные/ длительного использования [16], индивидуальные/обобщённые речевые маски, речевые маски-шаблоны [12].

4. *Перевоплощение и лингвистика: коммуникативный аспект*

Перевоплощение может быть и более ситуативным, менее уловимым, и касаться лишь референциальной схемы коммуникативной ситуации. Так, типичная референциальная схема коммуникативной ситуации выглядит следующим образом: Я – здесь – сейчас – говорю+взаимодействую – с тобой. Однако достаточно часто в коммуникации происходит так, что одна или несколько таких «референциальных зацепок» нарушаются, претерпевают сдвиг. Перечислим возможные варианты: я говорю и взаимодействую: 1) как если бы это был не я, не здесь, не сейчас и не с тобой; 2) как я, но как бы не сейчас, не здесь; 3) как я, здесь и сейчас, но как бы не с тобой.

Примером первого рода может быть следующая коммуникативная ситуация: в фильме «Ликвидация» друг, и по совместительству – вор-карманник, Фима уговаривает Давида Гоцмана заглянуть на минутку к друзьям, Давид отказывается. Тогда Фима внезапно переходит от типичной для него одесской речи к специфической интонации и немецкому акценту, говоря как «как бы» немецкий офицер, изобразив из двух сложенных пальцев дуло пистолета: *Нет, вы пойдёте со мной, генераль!* Улыбнувшись, Давид соглашается.

В данной ситуации говорящий на очень короткое время нарушает референциальную схему коммуникативной ситуации, говоря как если бы это был не он, а немецкий офицер, следовательно, как если бы действие происходило не в послевоенной Одессе, а во время оккупации где-нибудь в концлагере или лагере военнопленных.

Примером второго рода может быть ситуация, когда школьница приходит после экзамена домой, где родственники с напряжением ждут от неё информации об итоговой оценке, девочка изображает печаль, подавленность, отвечает слабым голосом, вздыхает, родители начинают понимать, что экзамен не сдан, но в этот момент ребёнок полностью преобразается и радостно сообщает, что экзамен сдан

на «пятёрку». В данном случае я-референция сохраняется, но сдвигу подлежит референциальная зацепка *сейчас*: я говорю и взаимодействую так, как

если бы я вернулась домой после проваленного экзамена, а не после успешно сданного, как сейчас.

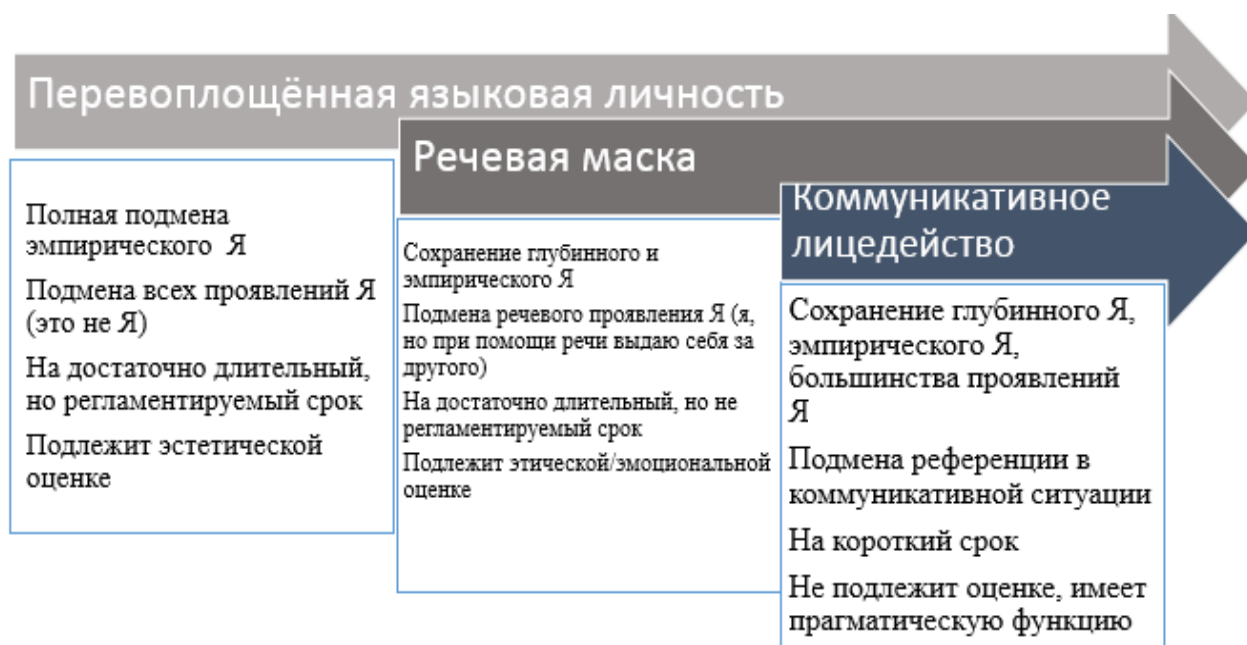

Рис. Отличительные черты перевоплощения в лингвоперсонологическом, речевом и коммуникативном аспектах

Примером третьего рода считаем коммуникативную ситуацию в фильме «Такси – 2», где главный герой объясняется со своей девушкой. Для обозначения своей собеседницы он выбирает существительное, эквивалентное местоимению 3 лица единственного числа, осуществляя таким образом референциальный сдвиг «я говорю здесь и сейчас как бы не с тобой». Девушка подхватывает эту игру:

– Я пришёл сюда, потому что моя девушка беременна.

– А твоя девушка забеременела от выхлопной трубы или от сквозняка?

В приведённых случаях мы имеем дело с коммуникативной ипостасью перевоплощения, которую мы назвали коммуникативным лицедейством [9]. В отличие от стратегии речевой маски говорящий использует приём коммуникативного лицедейства спонтанно, на очень короткое время для решения конкретных и частных коммуникативно-прагматических целей (тактики уговора, стратегий аргументации [7]). К тому же говорящий не скрывает, что он «играет» с референцией – его минутные перевоплощения ясны, понятны, наблюдаемы для собеседников и не подлежат оценке: они выполняют прагматическую функцию.

Маркерами коммуникативного лицедейства являются на уровне морфологии – референциальный сдвиг местоимений, на уровне просодии – несвойственная говорящему, но, возможно, ассоциируемая с каким-либо обобщённым или конкретным прототипом интонация, акцент, тембр и громкость голоса; на уровне невербального компонента коммуникации –

использование несвойственных говорящему или не предполагаемых ситуацией жестов, движений.

Выводы

Сравнительно-сопоставительный анализ манифестаций феномена перевоплощения на языковом, речевом и коммуникативном уровнях личности позволяет констатировать наличие нескольких отличительных черт (рис.).

1) ПЯЛ, РМ и КЛ отличаются по глубине трансформаций «я»: трансформацию эмпирического «я» претерпевает только ПЯЛ, а РМ и КЛ при сохранении эмпирического «я» отличаются тем, что при коммуникативном лицедействе замена речевых манифестаций «я» не обязательна или носит кратковременный характер; для РМ же, напротив – обязательна;

2) ПЯЛ, РМ и КЛ отличаются по признаку продолжительности и регламентированности перевоплощения: для ПЯЛ характерно наиболее длительное и ограниченное театральным/кинематографическим контекстом перевоплощение; для КЛ перевоплощение сиюминутно и наименее продолжительно;

3) ПЯЛ, РМ и КЛ отличаются по признаку прозрачности перевоплощения для окружающих: в случае ПЯЛ перевоплощение ожидаемо, санкционировано самой ситуацией, в случае РМ перевоплощение непрозрачно, скрывается или в случае юмористического дискурса задаётся самой ситуацией, в которой зрители должны угадать, кого изображает комик; в случае КЛ перевоплощение абсолютно прозрачно для коммуникативных партнёров, оно происходит на их

глазах, но не санкционировано ситуацией, неожиданно;

4) ПЯЛ, РМ и КЛ отличаются по признаку языковых/речевых средств, маркирующих перевоплощение: наиболее разнообразный и разноуровневый характер обнаруживают маркеры перевоплощённой языковой личности, стратегия речевой маски маркируется при помощи лексических и просодических средств, а коммуникативное лицедейство – при по-

мощи референциального сдвига местоимений и просодики.

Таким образом, перевоплощение как психологический феномен, будучи манифестировано на языковом, речевом и коммуникативном уровнях *Homo loquens*, может быть изучено с помощью соответствующего уровня лингвистического инструментария. Такого рода исследования представляются перспективными и имеющими экспликативный потенциал.

Литература

1. Бердяев Н. Философия свободы. М.: АСТ, 2005. 333 с.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. 321 с.
3. Голев Н. Д. Лингвоперсонология: проблемы и перспективы // Вопросы лингвоперсонологии. Барнаул, 2007. Ч. 1. С. 7 – 12.
4. Гофман И. Представление себя другим // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 189 – 196.
5. Иванцова Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Томского государственного университета. (Серия: Филология). 2008. № 3(4). С. 27 – 43.
6. Караулов Ю. Н. Языковая личность // Русский язык: энциклопедия. М., 2003. С. 671 – 672.
7. Колмогорова А. В., Шестаков М. Е. Место коммуникативного лицедейства среди других речевых/языковых феноменов в контексте перевоплощения // Вестник КузГПА. 2014. № 1(30). С. 10 – 14.
8. Колмогорова А. В., Косинова Е. В. Реальная и перевоплощённая языковые личности немецкого актёра // Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. 2013. Вып. 73. С. 12 – 19.
9. Колмогорова А. В. Коммуникативное лицедейство в общении матери с ребёнком // Вопросы психолингвистики. 2012. Вып. 15. С. 102 – 109.
10. Косинова Е. В. Лингвопрагматические особенности речевого поведения перевоплощённой языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 196 с.
11. Косинова Е. В. Морфологические средства выражения эмоциональности в речи актёра – перевоплощённой языковой личности // Научный диалог. (Серия: Филология). Екатеринбург, 2012. № 12. С. 102 – 109.
12. Кукс А. В. Конструирование речевой маски в игровом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 247 с.
13. Липская Е. В. Перевоплощение как феномен театрального творчества // Вестник МГУКИ. 2009. № 1(27). С. 241 – 245.
14. Лосский Н. О. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. М.: Прогресс, 1992. 208 с.
15. Потебня А. А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
16. Шпильман М. В. Об особенностях использования языковой личностью разных типов речевых масок // Уральский филологический вестник. (Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива). 2012. № 3. С. 78 – 82.
17. Berne E. Games People Play: The Psychology of Human Relationships. N. Y.: Grove Press, 1964. 88 p.

Информация об авторе:

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск), nastiakol@mail.ru.

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

**ОПЫТ СЦЕНАРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРЯДА ПРОСВАТАНИЯ
(на материале забайкальской казачьей свадьбы)**

О. В. Кречетова

**SCRIPT INTERPRETATION OF THE COURTSHIP RITE
(on the material of the Transbaikalian Cossacks wedding ceremony)**

O. V. Krechetova

Данная статья посвящена проблеме исследования лингвокультурных сценариев в свадебной народной обрядности. Через построение сценария обряда были выделены первичные семантические компоненты, репрезентирующие совокупность вербальных и невербальных кодов, включенных в обрядовое действо и раскрывающих смысл ритуалов, составляющих его. Также выделены ключевые семантические группы кодов, посредством которых концептуализируется обряд просватания у забайкальских казаков. Теоретическая значимость статьи состоит в выявлении и уточнении методов исследования народного обряда. Результаты исследования могут быть использованы в подготовке курсов лекций и семинарских занятий по лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, истории культуры.

The article deals with the problem of linguistic-cultural scripts study in wedding folk rites. The prime semantic components representing a cluster of verbal and non-verbal codes which are involved into the rite activity and enclose the semantics of the rituals comprising it were defined through modeling of cultural script. Also key semantic groups of codes, conceptualizing the Transbaikalian Cossacks rite of courtship, were found out. The theoretical significance of the article consists in both working out and clarifying methods of folk rite studying. The results of the paper can be used in preparing lectures and seminars in linguistic cultural studies, cross-cultural communication, history of culture.

Ключевые слова: лингвокультурные сценарии, обряды и обычаи казаков, свадебные обряды, вербальный и невербальный код, культурный знак.

Keywords: linguistic-cultural script, Cossacks rites and rituals, wedding ceremonials, verbal and nonverbal code, cultural sign.

В связи с современным развитием когнитивной науки особый интерес представляет изучение комплексных явлений, таких как обряд или ритуал, с применением когнитивных методов исследования, в частности скриптов или сценариев. Особенностью данного метода определения структуры обрядного действия является его описание через определенный набор лексем и синтаксических структур, которые имеются в большинстве языков и близки по своей семантике. Такой набор лексем получил название NSM – Natural Semantic Metalanguage в работах австралийских ученых К. Годдарда и А. Вежбицкой.

Все строго регламентированные правила ритуального поведения выстраивают сценарий поведения в определенной ситуации, таким образом создавая не просто поведенческую модель, но знаковый кластер, где сплетены семантические компоненты различных знаков. В рамках определенного события, повседневного либо окказионального, применяется тот или иной сценарий в зависимости от прагматики ситуации, т. е. условий функционирования знаковых кластеров. Поскольку кластер – это конгломерат знаковых сущностей, которые несут либо одинаковое значение, но в разной форме и объемах, либо дополняют семантические компоненты друг друга, выражая в своей совокупности одну смысловую структуру, такое переплетение смыслов можно назвать поведенческим кодом. Таким образом, поведенческий код – это сложная, многокомпонентная сущность, выражающая определенный смысл.

Сценарий ритуала отражает синтактику поведенческого кода: порядок выполнения тех или иных

действий, вербальных и невербальных. Создавая модели народного обряда, необходимо говорить, прежде всего, об особом виде коммуникации, где знаковыми являются все обрядовые составляющие, их восприятие и смысловое наполнение.

Задачей данной статьи является попытка сценарного описания народного обряда как особого объединения и порядка культурных вербальных и невербальных знаков. Сценарный подход к исследованию знаковой природы народных обрядов играет огромную роль в выявлении синтаксической составляющей культурного знака, ведущих концептуальных компонентов.

Методологическим обоснованием работы являются исследования возможности применения культурного сценария (cultural script) для описания речевых ритуалов в трудах австралийских ученых А. Вежбицкой и К. Годдарда к культурным концептам [8 – 11]. Работы в данном направлении получили продолжение в публикациях Ф. Амеки, А. Бредвелд [7], Р. Хасады и др. В отечественной науке сценарное описание ритуального коммуникативного поведения нашло отражение в работах Г. Е. Крейдлина и С. И. Переверзевой и др.

Одной из трудностей в решении сценарного описания обряда является определение базового критерия, который ляжет в основу построения сценария, поскольку «правильно подобранные дифференциальные признаки дают не только удобную классификацию ритуалов, но и раскрывают степень значимости и роль того или иного соматического объекта в данном ритуале. Они же выявляют меру табуированности использования в ритуале конкретного объекта» [4,

с. 106]. Построение сценария для первой части обряда «просватания», как видно, является довольно сложной задачей. Сложность состоит в том, что обряд состоит из действий двух сторон: сватов-гостей и хозяев-родителей – и включает вербально-невербальный комплекс. Причем действия сватов начинаются задолго до собственно сватовства, при выходе сватов из своего дома.

Свадебный комплекс обрядовых действий забайкальских казаков многоэтапный и продолжительный – длительность всех обрядов охватывает период до трех недель и включает в себя большую группу ритуально-обрядовых практик. Начальный обряд сватовства включен в цикл обрядов под названием «просватание невесты». Он заключается в собственно сватовстве, смотре нах и небольшом комплексе обрядов, называемых рукобיתем, заручением, сговором или пропиванием.

Для сценарного описания обрядов, в частности обряда сватания невесты, в свадебном комплексе забайкальских казаков необходимо учитывать следующие аспекты:

- социальный – участники (невеста, жених, дружка, родители) / речевой коллектив (подружки невесты, женщины, мужчины);
- сакральные ритуалы и обряды (приговоры / заговоры / обряд благословения) и т. д.;
- собственно сватовство – беседа, где включены стереотипные речевые формулы.

Кроме того, каждый аспект предусматривает выполнение ряда ритуальных правил, таких как молитва, приговоры с выполнением определенных невербальных актов, манипулированием определенными предметами: как бытовыми, так и сакральными.

Обряд сватания невесты является первым и одним из самых важных этапов, зачином традиционной забайкальской казачьей свадьбы. Поскольку молодежь воспитывалась в беспрекословном подчинении старшим, никаких возражений не принималось, и выбор родителей никогда не оспаривался как со стороны жениха, так и невесты. Как указывает этнограф Н. И. Кашин, сначала отправлялось так называемое «сватанное письмо» с предложением породниться, и если отказа не следовало, то можно было начинать «сватание» привычным путем [3, с. 149].

В отличие от других районов Сибири казаки Восточного Забайкалья в большинстве случаев не пользовались услугами профессиональных свах. В роли сватов выступали сами родители, крестные или близкие родственники. Обряд сватовства не придавался огласке и происходил поздно вечером по этой же причине.

Обряд сватовства условно можно разделить на четыре части: сборы сватов, зачин сватовства, собственно сватовство, предполагающее формальное выяснение статуса и материального положения семьи жениха и конца действия, когда к сватам выводили саму девушку, а также назначали день свадьбы. По причине сложности описания и восприятия обряда будет целесообразным дать краткое описание каждой его части и составить соответствующие сценарии.

Перед выходом на «просватание» сватам необходимо выполнить некоторые обязательные ритуалы, без которых, согласно поверью, не бывает успешному

сватовству. В первую очередь, сватам было необходимо прочесть молитву на дорогу. При выходе из дома одному из сватов под разными предлогами трижды нужно вернуться в дом и при выходе из дома незаметно пнуть порог «на удачу». Порог является сакральным локусом, отделяющим внутреннее пространство дома от внешнего, поэтому сват пинает порог, как бы запинаясь на счастье перед дорогой.

При входе в дом невесты следовало незаметно перевернуть ступку для взбивания масла и очистки зерна от оболочек вверх дном с приговором: «Брошу тут без дна, Будут отец и мать без ума» – с той целью, чтобы сватовство прошло успешно.

Необходимо отметить, что этот небольшой ритуал восходит к общему восточнославянскому обычаю манипулирования (переворачивания) ступками как некоего символа успешного сватовства [6, с. 188]. Вербальная и невербальная группа актов представляет особый интерес в рамках сценарного анализа любого обряда, поскольку они являются магическими микро-ритуалами и несут дополнительную смысловую нагрузку. Так, приговор при переворачивании вверх дном ступки при входе в дом невесты не имеет четкого адресата, а лишь выражает пожелание: «Брошу тут без дна, будут отец и мать без ума!». При этом необходимо произнести приговор шепотом, незаметно. В данном случае наблюдается несколько объектов воздействия: сам предмет манипулирования (ступка) и объекты, на которых может отразиться результат такого воздействия – родители невесты. Действие «перевернуть вверх дном», как и переворачивание предметов, восходит к магическим обрядам, предусматривающим действия «наоборот» с целью предотвратить или не допустить сглаза, воздействия нечистой силы [5, с. 679 – 680, 364 – 265].

Войдя в дом, сваты здоровались с хозяевами, но не проходили дальше матицы, а усаживались на скамью под ней. Такое поведение также рассматривается как знаковое, поскольку матица имеет сакральное значение в структуре внутреннего пространства русского дома, являясь границей между верхом и низом, а также между внутренним, «семейным» пространством и пространством внешним. Как указывает Е. С. Узенёва, в свадебной обрядности «сидеть под матицей» значило «сватать невесту», и «заходить за матицу» было запрещено до определенного момента [5, с. 201 – 202]. Такое поведение являлось знаковым для хозяев, и хотя разговор начинался на любую бытовую тему, после отказа от первого приглашения хозяев пройти дальше в дом, а также поздний час визита неожиданных гостей, сам по себе означал всю важность предстоящего разговора.

У забайкальских казаков можно было начинать сватовство только после того, как сам хозяин приглашал к столу пить чай, сваты вставали и начинали торг: *Мы не чай пришли пить, а о деле говорить! // Сватушко, сватьяшка, Мы пришли с добрым делом – // Со сватаньем // Вашей дочери (имя девушки) За (имя будущего жениха)* [2, с. 20].

Сватовство могло начаться также и с символического торга по распространенной по сей день общей формуле купли-продажи «у Вас товар – у нас купец» либо «охотника – добычи», где девушка являлась

символом «красного зверя» (соболь, лисица), а жених – «добрым охотником».

Вариантов исхода сватовства было несколько. Если жениха и его семью в доме знали с хорошей стороны, и он оказывался «своим» (из своего села, станицы), то сразу же назначался день рукобитья и оговаривался взнос жениха на проведение обряда. Если жених был «чужой», и о его семье ничего неизвестно, то родители невесты просили зайти через 1 – 3 дня. Это время тратилось на сбор сведений о «чужом женихе». На данном этапе ни жених, ни невеста участия не принимали. Только в конце сватовства девушку выводили, объявляли о своем решении и «спрашивали ее согласия». На этом завершался первый этап большого обряда «просватания».

На основании вышесказанного можно построить следующие пропозиции обряда сватовства:

[Люди при сватовстве выполняют следующее]:

Выйти из дома в поздний час;

Когда они выходят из дома, нужно прочитать молитву на дорогу;

Одному из них необходимо вернуться трижды в дом;

Возвратившись в дом, необходимо пнуть порог при выходе – на удачу.

Перед тем как войти в дом девушки, нужно найти и незаметно перевернуть предмет, который называется ступа (трижды) вверх дном и сказать особые слова;

– не заходить за ту часть, которая называется матицей и не говорить о деле до приглашения хозяина к столу на чай;

– когда хозяин пригласил к столу, сказать особые слова, обозначающие особую цель прихода в дом;

– представить жениха;

– назначить день смотрин.

Некоторые комментарии к сценарию. Данный сценарий состоит из двух пропозиций, описывающих различные фазы одного и того же обряда. Обе пропозиции носят характер некоего инструктажа или перечисления правил поведения в данной ситуации. Вслед за Г. Е. Крейдлиным и Е. С. Переверзевой, которые, анализируя ритуал прихода гостя в русской коммуникативной культуре, установили семы (атомы смысла) и смысловые молекулы – семантемы, которые являются более крупными смысловыми единицами, подлежащими толкованию [4, с. 114], мы попытаемся также определить семы и семантемы для обряда сватовства. Кроме того, здесь необходимо вводить семы и семантемы, обозначающие локус, поскольку обозначения места имеет знаковый характер в народной обрядности.

В структуре народного обряда, описанного в вышеприведенном сценарии, можно выделить следующие семы: *когда, перед тем, как, и, выйди из дома и др.*; смысловыми семантемами: *прочитать молитву на дорогу, вернуться в дом и пнуть порог трижды, на удачу, найти и перевернуть вверх дном ступу, не заходить за матицу, объявить о сватовстве, необходимо, особые слова, пригласить на чай, представить жениха, обсудить подготовку к последующим мероприятиям, входящим в свадебный комплекс.*

Как можно пронаблюдать, приведенные семантемы включают не только слова, находящиеся в ос-

новном общеупотребительном корпусе русского языка, но и те лексические единицы, которые в настоящее время вышли из обихода: матица, ступа. Сами по себе *матица* и *ступа*, а также все действия, происходящие в локусе матицы, и манипуляции со ступой подлежат дополнительному пояснению или толкованию.

Все семы и семантемы также можно разбить по тематическим группам:

– пространственно-именная включает как именную компонент – дом, порог, матица (семантемы); так и акциональный – выйти из, вернуться в, перевернуть вверх дном, которые сами по себе являются концептами и несут сакральный смысл, воплощаемый в ритуальном действии и/или бездействии:

– временная – когда, перед тем как, поздно вечером;

– сакрально-числовая – трижды (при выполнении ритуального невербального жеста – *пнуть порог на удачу*);

– вербальная группа – *молитва на дорогу, приговоры и зачин сватовства*;

– невербальная группа состоит из акционального (глагольного) компонента и выражает действие над объектом с целью исполнения желания, т. е. выражает прагматическую составляющую обряда – попытку повлиять на ход событий и на ситуацию в целом.

Выявление подобных тематических групп сем и семантем в процессе выстраивания сценария обряда помогает воссоздать концептуальное поле конкретного обряда или обрядового комплекса, вычленив необходимые ключевые смысловые пропозиции и предикаты. Ключевые смысловые пропозиции и предикаты, в свою очередь, укладываются в некую семантическую сетку, характерную для определенного обряда или ритуала, что помогает представить весь обряд как единое целое – знаковый кластер. Знаки вербальные и невербальные, таким образом, сочетаясь в определенном порядке, могут выражать одинаковую семантику, дублировать смыслы, тем самым сохраняя культурный обрядовый образец, который каждый раз воспроизводится как готовый текст, независимо от воли его исполнителей.

Кроме того, как подчеркивает Г. Е. Крейдлин: «...использование такого метаязыка облегчает построение типологии различных сценариев (одного ритуала или сходных ритуалов): яснее видны параметры и признаки, по которым ее удобнее строить, и проще давать имена классам. Наконец, сведение молекул к семантическим атомам, которое все равно нужно для описания сложных идей, позволяет привести наши сценарии к сценариям в духе Анны Вежицкой и уже на более глубоком уровне проводить сопоставления сценариев...» [4, с. 115].

Рассуждая о построении сценария для определенного обряда или обрядового комплекса, можно сделать следующие выводы. Сценарий позволяет создать некую схему культурно-обусловленных актов, основанных на определенных концептуальных кодах, которые «зашифрованы» в семантемах или семантических молекулах. Значительная часть обрядов может быть воспроизведена в виде готовых вербально-невербальных формул. Сценарное воспроизводство

дает возможность «разложить» сложную структуру обряда на составляющие и вычленив вербальный и невербальный коды, выражающие один и тот же смысл.

Кроме того, культурные сценарии имеют диалектный характер. Благодаря их созданию можно проследить вариативность одного и того же ритуала или обряда. Австралийский когнитолог К. Годдард отмечает, что простое владение одним и тем же языком совсем не означает одинакового владения одними и теми же культурными сценариями поведения [10, р. 7]. Действительно, в пределах одной лингвокультурной традиции проведения свадебных обрядов, несмотря на примерно одинаковый набор обрядов, ритуалов, мотивов, предметов, задействованных в ритуальных действиях, вариации можно пронаблюдать даже в пределах одного географического ареала. Например, манипулирование ступой и пестом в свадебной обрядности наблюдается практически у всех восточных славян и носит сексуальную коннотацию, по данным А. Л. Топорова [5, с. 188]. У забайкальских

казаков ступу переворачивали вверх дном для успешного сватовства один раз, а в Вятской губернии трижды; кроме того, у казаков Забайкалья свах не было, но были сваты, т. е. эту роль выполняли мужчины и т. д. Такое расхождение подтверждает мысль о том, что диалектные особенности заключены не только в фонологическом или лексическом составе языка, но также в обрядах и обычаях – их вербальной и невербальной реализации. Это позволяет говорить о диалектном обрядовом разнообразии в пределах всего пространства русской лингвокультуры.

Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с углублением изучения сценариев народных обрядов и конкретизацией отдельных сторон подобных культурных знаковых сущностей. Подобные знаковые конгломераты также нуждаются в определении базовых критериев, которые могут лечь в основу подобных сценариев, что может привести к построению классификации обрядов и ритуалов народной культуры с точки зрения их концептуальной структуры.

Литература

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 190 с.
2. Левашов В. С. Забайкальская казачья свадьба / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т; подготовка текстов, составление, вступит. Ст. и примеч. В. С. Левашова. Новосибирск: 2010. 279 с.
3. Кашин Н. И. Свадебные обычаи приаргунцев // Восточно-Сибирский отдел Российского географического общества. СПб, 1860. С. 147 – 182.
4. Крейдлин Г. Е., Переверзева Е. С. Невербальные ритуалы и их разновидности // Ритуал в языке и коммуникации: сб. статей / сост. и отв. ред. Л. Л. Фёдорова. М.: Знак; РГГУ, 2013. С. 105 – 118.
5. Славянские древности / Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 1995. 693 с.
6. Славянские древности / Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 188 – 192.
7. Ameika F. K., Breedveld O. A. Areal Cultural Scripts for social interaction in West African communities // Intercultural Pragmatics. Vol. 1. № 2. С. 167 – 187.
8. Goddard C. Ethnopragmatics: a new paradigm. Режим доступа: https://www.academia.edu/9745335/-Ethnopragmatics_A_new_paradigm (дата обращения: 06.06.2015).
9. Goddard C., Wierzbicka A. Cultural Scripts: What are they and what are they for? // Intercultural Pragmatics. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. Vol. 1 № 2. С. 153 – 166.
10. Goddard C., Ye Zh. Ethnopragmatics // Routledge Book of Language and Culture / Sharifani F. (ed.). UK: Routledge, 2015. P. 66 – 83.
11. Special Issue on Cultural Scripts / C. Goddard, A. Wierzbicka (eds.). 2004. Vol. 1. № 2. P. 189 – 210.

Информация об авторе:

Кречетова Ольга Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков инженерно-технического направления факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета, г. Чита, krechetova75@gmail.com.

Olga V. Krechetova – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at Foreign Language Department for Engineering and Technology Specialties at the Faculty of Philology and Mass Communications, Transbaikalian State University (Chita).

Статья поступила в редколлегию 24.06.2015 г.

К ВОПРОСУ О КИНЕСИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ ТЕЛЕУТОВ

И. А. Крым, М. А. Шадеева

ON THE QUESTION OF THE KINESIC COMPONENT IN TELEUTS' SPEECH ETIQUETTE

I. A. Krim, M. A. Shadeeva

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-04-00556).

О национально-культурном своеобразии нельзя говорить без учёта особенностей межличностного общения представителей отдельного этнического сообщества. Коммуникативное взаимодействие проходит с применением как вербальных, так и невербальных этикетных формул, соответствующих ситуации общения, существующих в системе культурных ценностей народа. Национально специфичными являются не только вербальные формулы речевого этикета, но и невербальные составляющие коммуникации (жесты, мимика, позы и т. д.). В современном поликультурном пространстве поднимается вопрос о сохранении социально-культурной самобытности малых народов, и в частности – телеутов. Культура невербального поведения представителей телеутского этноса мало изучена. Объектом описания в данной статье являются вербальные и жестовые компоненты, используемые в этикетных речевых жанрах телеутского народа. Материал собран во время экспедиций в селе Беково, где компактно проживают телеуты. Исследование позволит решить задачи изучения и сохранения вербального и невербального языкового кода телеутов.

It is impossible to speak about a national and cultural originality without taking into consideration the features of interpersonal communication of the representatives of a separate ethnic community. Communicative interaction is provided by both the verbal and nonverbal etiquette formulas corresponding to the situation of communication, existing in the system of cultural values of the people. Not only the language formulas of speech etiquette, but also the extralinguistic components of communication (gestures, a mimicry, poses, etc.) are nationally specific. In modern polycultural space, the question of preservation of sociocultural identity of small peoples, and in particular – the Teleuts, is brought up. The culture of nonverbal behavior of the Teleut ethnos representatives has been studied very little. The object of the research in this article is the verbal and sign components used in the etiquette speech genres of the Teleut people. The information has been compiled during the expeditions in the village of Bekovo where the Teleuts live densely. The research aims at solving the problems of studying and preserving the Teleuts' verbal and nonverbal language code.

Ключевые слова: речевой этикет, этикетные речевые жанры, невербальные компоненты коммуникации.

Keywords: speech etiquette, etiquette speech genres, nonverbal components of communication.

Политические и социально-экономические преобразования современного общества остро поставили вопрос о сохранении национальной культуры, обычаев самобытных малочисленных народов, к числу которых относятся телеуты, проживающие преимущественно в Кемеровской области. Согласно опросам, телеуты среди актуальных проблем называют угрозу утраты родного языка (телеутский язык является одним из южных диалектов алтайского языка и принадлежит к киргизско-кыпчакской группе тюркских языков; в основе письменности – кириллица) и национальных традиций.

На телеутском языке говорят между собой в повседневной жизни мужчины и женщины в возрасте шестидесяти лет и старше. Они носят национальную одежду, соблюдают обычаи предков. Взрослое поколение (прежде всего женщины) хорошо помнят и могут напеть телеутские песни (не зная нотной грамоты, они пытаются записать их в нотных тетрадах, попросив с голоса подобрать мелодию и зафиксировать её на нотных линейках). Такие тетради сохранила жительница села Беково Валентина Николаевна Чештанова, 1939 года рождения: «Свадебная песня грустная. В ней хвалят невесту и жениха. Есть ещё песня девушки, которая называется *чечеке*».

На речевое поведение молодого поколения оказывает влияние доминирующая коммуникативная система

– русский язык, большинство сегодняшних телеутов – билингвы [10]. Поэтому тридцати-сорокалетние уроженцы села Беково, по их признанию, понимают родной язык, могут сказать что-то, но вне дома не используют. Молодые люди (до 25 лет), за исключением некоторых, не говорят по-телеутски, поскольку постоянный контакт носителей телеутского языка с русскими способствовал утрате национального языка. Дети школьного возраста изучают язык в школе по методике иностранного (стихи, песни, рассказы о семье и т. д.). Словом, телеуты переживают сложное время в плане сохранения своей этнической культуры и родного языка. В настоящее время имеется ряд статей, описывающих языковую картину мира телеутов [1; 2; 7], ту работу, которая проводится в Кузбассе для сохранения телеутского этноса [3 – 6]. Тем не менее речевой (вербальный и невербальный) этикет, характерный для телеутов до настоящего времени, не был описан, что является целью настоящей статьи.

В качестве доминант коммуникативной культуры, предопределяющих нормативность речевого поведения, выступают категории речевого этикета и вежливости. «Одним из важнейших свойств этикетного поведения является то, что оно всегда нацелено на достижение коммуникативного успеха: этикетное поведение призвано сделать человеческую коммуникацию макси-

мально гладкой и комфортной. В случае же неэтикетного поведения в этикетных ситуациях, то есть когда человек пренебрегает этикетными нормами и правилами в ситуациях, в которых следование им признается необходимым, коммуникация обречена на неуспех или попросту провал» [8].

Любое общение начинается с определённых «коммуникативных действий», которыми обмениваются участники диалога. Эти фиксированные языковые реакции на стандартные ситуации социального общения принято называть этикетными речевыми жанрами. Т. В. Тарасенко говорит о двух группах этикетных речевых жанров (РЖ): *этикетные РЖ-декларативы* (события), к которым относит приветствие, прощание, объявление, называние; *этикетные РЖ-реакции на событие с футуральной перспективой* (просьба, обещание, предложение, отказ, согласие, совет, требование, призыв, приглашение, угроза) и *с перфектной перспективой* (поздравление, благодарность, извинение, соболезнование) [13]. Этикетные речевые жанры – это «элементы обыденного сознания» (Т. В. Тарасенко), являющиеся важными аспектами эффективной речевой коммуникации. Успех общения зависит от языковой компетенции участников, их жизненного опыта, знания законов социального взаимодействия в той или иной области.

Общее пространство коммуникативной культуры предполагает, что межличностное общение строится в соответствии с устоявшимися формулами речевого этикета. Словесные модели этикетных РЖ универсальны и связаны с типами коммуникативных ситуаций, формами вежливого межличностного общения. При этом данные элементы могут иметь определённые культурные оттенки, что привносит своеобразие в этикетное поведение разных народов, их лингвокультуру.

Общаясь с телеутами, мы выяснили, что наиболее употребительной вербальной формой приветствия при вступлении в контакт является *здравствуй (-те)*. Причём первоначальное значение данной лексемы, связанное с пожеланием здоровья, у среднего и молодого поколения телеутов частично десемантизировалось. В типичных ситуациях неформального общения при ближней зоне коммуникации используются узуальные формулы (*привет, здорово* и т. п.).

Телеутские традиции, отмеченные в речи представителей старшего поколения, способствуют сохранению определённой ритуализованности коммуникативной культуры предков. Например, *эзен* – так здороваются с одним человеком (ровесником или чуть старше); *эзендер* – с пожилыми людьми, а приветствие группе людей звучит как *эзеноктор*. Данные речевые формулы выполняют, как и все единицы в подобной этикетной ситуации (это сфера существования этикетных знаков, а также область применения этикетных правил), контактоустанавливающую (фатическую) функцию. Однако нельзя не заметить, что телеутские формулы речевого этикета совмещают вместе с указанной функцией ориентации на адресата (конативную), которая тесно связана с подфункцией вежливости [14] (ср.: у русских и к старшему по возрасту, и к группе мы обращаемся со словом *здравствуйте*). Среди фраз, которые часто употребляют телеуты при

встрече, можно выделить и такие, как *Эзен, жақшы полдыгарба?* или *Эзен, жақшы јўрјазыгарба?* Обе имеют один смысл при переводе: «Здравствуйте, как ваше здоровье?»

Приветствий, связанных со временем суток, у телеутов нет. Но если человек утром видит кого-то, вместо приветствия он говорит: «*Эртен эрте қани парјаң?*» (Ранним утром куда пошла?). В послеобеденное время иногда звучит *Кечјары қани парјаң?* (Вечером куда пошла?). Если люди долго не виделись и внезапно столкнулись, они произносят следующие фразы: «*Аррр, сен қайда полдың минди узаақ? Мен сени узаақ көрбөдим*» (Где ты так долго была? Я тебя давно не видела). *Аррр* в приведённом примере – это междометие, означающее удивление. И ещё одно высказывание, произносимое в ситуации внезапного появления человека: «*Чөчипардым мен сенен! Қайда полдың минди узаақ?*» (Испугалась я тебя! Где была так долго?).

Для реализации интенции прощания в коммуникативной культуре телеутов наряду с такими вербальными формулами, как *до свидания, пока* (см. и у русскоговорящих), обычно звучат фразы: «*Јее јанјақ, јақшы јўргер* или *јее парјақ, јақшы қалғар*». Это означает: «Мы пошли, здоровыми оставайтесь».

Таким образом, смысловой доминантой этикетных РЖ приветствие/прощание у носителей телеутского языка остаётся пожелание здоровья, а на выбор речевой формулы оказывают влияние не только традиционные параметры (ближняя или дальняя дистанция общения, социальные, коммуникативные различия и т. д.), но и этнический статус коммуникантов, поскольку он корректирует значимость, прежде всего, гендерного и возрастного параметров. Данные речевые жанры-события отражают национально-культурные ценности конкретного языкового коллектива. В молодёжной среде в моменты инициации и финализации коммуникации прослеживается влияние русской культуры.

Проявление вежливости напрямую отражает социокультурные традиции определённого народа. Например, русский после принятия пищи чаще всего просто благодарит, иногда отмечая качество еды: «Спасибо, всё было очень вкусно». У телеутов обычно звучат такие слова: «*Курзагың тату полтыр, тойо јудим*» (Еда была вкусной, досыта наелся). Когда мы находимся в гостях, нам привычны фразы: «Садитесь за стол, угощайтесь». Нормой телеутской коммуникативной культуры являются следующие формулы: *Отырғар столго* (Садитесь за стол). *Сийланбағар* (Ешьте, не стесняйтесь).

Стереотипность и ритуализованность наблюдаются на бытовом уровне в этикетном жанре «приглашение»: русские и телеуты, прощаясь, произносят устойчивые словосочетания *Будем рады видеть вас у себя; Приходите в гости* и т. д. (*јее писјары алдап келпарғар; јее пијары алдап келгер* – к нам в гости приходите). При этом и те, и другие чаще всего не называют конкретную дату, приглашая из чувства вежливости посетить их дом.

Заслуживают внимания вербальные формулы пожеланий, которые связаны с национальными верованиями и представлениями. Например, на день рожде-

ния ребёнка можно услышать такие слова: «*Узаақ јашту ползын, улу ырғалду ползын, тәбә әрде үй турзын, тәбә чооқ терде мал турзын*» (долго живи, живи в достатке, пусть дети рождаются, на вершине дом стройте, внизу хозяйство держите). На свадьбах благословляют (*алқыштар*) и адресуют молодым слова: «*Узаақ јашту ползын, пажы агарганча, јижи саргалганча јатсын*» (долго живите, чтобы волосы поседели, зубы пожелтели). Эти слова предназначены и для именинника.

Таким образом, наблюдения подтверждают устоявшееся понимание речевого этикета как неотъемлемого элемента культуры общения, которая связана с национальной спецификой. «В этикетных стереотипах отразилась специфика образа жизни, быта народа, его восприятие окружающего мира... в стереотипах речевого этикета запечатлелись национальные языковые картины мира» [15, с. 19].

Однако не только вербальные единицы участвуют в процессе обмена сообщениями и их интерпретациями. Не последняя роль отведена и невербальным компонентам коммуникации (НВКК). Общеизвестно, что в первые двенадцать секунд общения, даже если человек не произнес ни слова, собеседник может «считать» только с его лица более 90 % информации. Поэтому справедливо замечание Г. Е. Крейдлина, который считает, что наряду с речевым этикетом важным для коммуникации является и невербальный этикет – «функционирующая в культуре и обществе система, состоящая из невербальных знаков, отношений между ними и невербальных этикетных правил» [8]. Е. Б. Морозова под невербальным этикетом (невербальным этикетным поведением) предлагает понимать «множество частных невербальных этикетов – соответственно, жестовый, позовый, визуальный, и т. п.; то есть правил, которые направлены на других людей и которым люди в норме следуют в выделенных этикетных ситуациях. Обычное невербальное семиотическое поведение необязательно ориентировано на партнера и может выражать внутреннее состояние жестикулирующего (симптоматическое поведение), а невербальное этикетное поведение всегда коммуникативно и диалогично, так как направлено на партнера и обуславливается целым рядом разнообразных коммуникативно ориентированных признаков» [12, с. 71]. Следовательно, невербальные семиотические коды вносят значительный вклад в этикетное общение.

Обратимся к таким этикетным ситуациям, как приветствие/прощание, рассмотрим в них роль жестовых единиц, принятых в коммуникации телеутов. «Невербальные приветствия и прощания – это не отдельные знаки и даже не ритуалы, значение которых проявляется только тогда, когда люди по какой-то причине их не исполняют. По большей части они представляют собой жестовые комплексы, которые состоят из невербальных знаков разных типов (нередко в сочетании со знаками вербальными) и которые люди используют в коммуникации с определенной целью, а именно, чтобы, вступая в контакт с другим человеком и выходя из такого контакта, почувствовать партнера и дать понять ему, кто они друг другу и в каком социуме живут, чтобы снять

напряжение от неожиданной встречи или успокоить партнера» [9, с. 53].

Как и во многих других национальных общностях, у телеутов в процессах инициации общения можно проследить некоторые различия, связанные с гендерной составляющей, с возрастом коммуникантов, с коммуникативной ситуацией, с количеством участников приветственного ритуала. Специфические черты отмечены у старшего поколения, поскольку коммуникативное невербальное поведение молодых людей характеризуется активным влиянием носителей русской культуры.

Набор поведенческих стереотипов у представителей телеутского сообщества во многом совпадает с этикетными невербальными знаками русских. Например, рукопожатие. По мнению Г. Е. Крейдлина, это «демонстрация равенства и солидарности; это знак того, что после рукопожатия партнеры становятся доступными один другому, готовы общаться или участвовать в некотором совместном предприятии» [9, с. 63]. Этим жестом младший по возрасту первым приветствует старшего, нижестоящий на профессиональной лестнице – вышестоящего. Протянутая рука для рукопожатия подчеркивает уважительное отношение к адресату. Как вариация жеста – рукопожатие правой рукой и похлопывание по плечу левой. Рукопожатие между мужчинами и женщинами в телеутской среде не принято.

Кроме того, при приветствии мужчины одного возраста, социального положения могут заключить друг друга в объятия. Такая же кинема активно используется среди родственников или близких людей, которые давно не виделись: в знак уважения встречающиеся обнимают друг друга и похлопывают по спине.

Приветствуют мужчины и кивком головы, и поднятием руки. Жесты автомобилистов являются универсальными для людей самых разных национальностей: кивок головы в знак благодарности; взмах рукой с открытой ладонью и т. п.

Когда встречаются взрослые (чаще пожилые) женщины, они, стоя друг напротив друга на небольшом расстоянии, касаются друг друга обеими, согнутыми в локтях, «открытыми» руками. Ладони оказываются на плече или чуть ниже плеча собеседника. Этот невербальный этикетный знак усиливает речевую формулу приветствия *эзен*. Данный кинесический компонент коммуникации присущ только слабой половине: мужчины не используют этот жест.

Женщины могут поцеловать друг друга при встрече (в основном с родственницей или подругой после долгой разлуки; в повседневной жизни не так часто используется).

Тёплые объятия и поцелуи возможны только между мужчиной и женщиной, если они находятся в родственных отношениях. А вот возрождаемый в последнее время и широко распространённый среди политической элиты «поцелуй руки» в телеутской культуре не принят. Если не считать ситуации, когда бабушки и дедушки целуют ручки или лоб своим внукам.

Кстати, обычно маленьким детям показывают движение, соответствующее речевой структуре «пока-пока»: загибают сразу четыре пальца в ладонь и сопровождают этот жест вербально.

Нет у телеутов и культуры поклонов при инициации или финализации общения: они, в принципе, не используются, если брать во внимание почтительного наклона головы при выражении благодарности.

Согласно устоявшимся в телеутском сообществе правилам, не принято здороваться на поминках или похоронах. То есть не произносят вслух приветствие *эзен*, поскольку данная языковая единица означает «здравствуй, жизнь», а похороны в соответствии с верованиями – это отсутствие жизни, здоровья. В таких коммуникативных ситуациях молча кивают друг другу.

Как видим, в устойчивых формулах общения телеутов (как вербальных, так и невербальных) представлен богатый народный опыт этикетного поведения, в котором ярко проявляются особенности образа жизни и характера межличностных отношений данного этнического коллектива. Однако под влиянием различных изменений (как экономических, так и политических), которые происходят в настоящее время в нашем обществе, наблюдается своеобразная трансформация как в формах приветствия, так и в формах прощания. Прежде всего – у молодого поколения телеутов. К примеру, иногда вместо рукопожатия молодые люди могут просто хлопнуть по протянутой руке или поднять руку в приветственном жесте (как при встрече, так и при расставании). Порой, нарушая традиции, юноши могут, держа руки сцепленными, как при рукопожатии, соприкоснуться головами (щекой).

Литература

1. Араева Л., Кузнецова Т. Ю., Калентьева Л. С. Языковая картина мира телеутов (на материале фрейма «родственные связи») // Сб. науч. статей по итогам всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Кемерово, 17 – 18 окт. 2014 г.) «Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики». Кемерово: Практика, 2014. С. 431 – 434.
2. Араева Л. А., Образцова М. Н., Зоболева А. И. Фрагмент языковой картины мира телеутов (на материале фрейма «шаманизм») // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 29-2. С. 121 – 126.
3. Араева Л. А., Ли С. И. Пропозициональный анализ категории цвета в китайском, русском, английской и телеутском языках // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сб. научных статей. Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина. Бийск, 2014. С. 83 – 88.
4. Араева Л. А., Ли С. И. Реализация фрейма «охота» в языковой картине мира телеутов // Фундаментальные исследования. 2014. № 12-1. С. 201 – 204.
5. Араева Л. А., Максакова Е. Е. Пропозиционально-фреймовое моделирование многозначного слова (на материале фрейма «душа» в телеутском языке) // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сб. научных статей. Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина. Бийск, 2014. С. 88 – 96.
6. Араева Л. А., Тарасова М. Н. Родственные связи у телеутов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 24. С. 184 – 192.
7. Араева Л. А., Фаломкина И. П., Андропова К. Д. Языковая картина мира телеутов (на материале фрейма «телеутская свадьба») // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 238 – 245.
8. Крейдлин Г. Е. Невербальный этикет: этикетные ситуации приветствия и прощания // Материалы IX летней лингвистической школы. Дубна, 2007. Режим доступа: <http://www.llsh.ru/2007/papers/Kreyd2007-1.pdf> (дата обращения: 02.03.2015).
9. Крейдлин Г. Е. Невербальный этикет: невербальные приветствия и прощания // Московский лингвистический журнал. 2002. № 2. Т. 7. С. 53 – 66.
10. Крым И. А. Язык и культура телеутского народа в доминирующем пространстве русского языка // Сб. науч. статей по итогам всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Кемерово, 17 – 18 окт. 2014 г.) «Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики». Кемерово: Практика, 2014. С. 440 – 443.
11. Крым И. А. Жестовые компоненты речевой коммуникации (теоретико-экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004.

Общие этикетные закономерности и правила поведения в телеутском сообществе представляют собой организованное взаимодействие вербальных и невербальных единиц коммуникации. Невербальное этикетное поведение, тесно взаимодействующее с системой речевого этикета, всегда коммуникативно и диалогично, оно значимо для участников общения, поскольку им адресуется и ими же интерпретируется. Как вербальные, так и жестовые формы инициализации и финализации общения имеют национальную специфику, причём этикет приветствия остаётся у телеутов более ритуализованным и разнообразным, чем ритуал прощания.

Следует также отметить, что жесты, как и вербальные элементы, реализуют пропозициональные структуры знаний [11], что обуславливает их взаимную дополняемость в ситуации общения. Это позволяет утверждать, что вербальный и невербальный языки являются собой единый язык, реализуемый по одним и тем же когнитивным основаниям.

В повседневной бытовом общении этикетные речевые жанры осознаются носителями телеутского языка как коммуникативно-необходимые элементы речевого взаимодействия, как важные компоненты национальной культуры, сохранение которой – важная задача, стоящая не только перед этим самобытным народом, но и перед всем научным сообществом Кузбасса.

12. Морозова Е. Б. О понятии невербального этикета (к постановке проблемы) // Московский лингвистический журнал. 2005. № 2. Т. 8. С. 68 – 88.
13. Тарасенко Т. В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: автореф. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999.
14. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. Изд. 3-е. М.: КомКнига, 2006.
15. Формановская Н. И. Социально-культурная сущность речевого этикета. // Московский лингвистический журнал. 2002. № 2. Т. 7. С. 9 – 20.

Информация об авторах:

Крым Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, krim99@mail.ru.

Irina A. Krym – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Шадеева Марина Андреевна – студентка 4 курса факультета филологии и журналистики КемГУ, marindolka@yandex.ru.

Marina A. Shadeeva – fourth-year student at the Department of Philology and Journalism, Kemerovo State University.
(Научный руководитель – **И. А. Крым**). (Research advisor – **I. A. Krym**).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 811

УДАРЕНИЕ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
А. М. Кубарич

THE STRESS IN CHINESE: EXPERIMENTALLY-PHONETIC RESEARCH
A. M. Kubarich

Статья посвящена вопросу наличия/отсутствия ударения в китайском языке. После краткого обзора видов ударения, приводятся различные позиции фонетистов относительно проблем определения функций ударения как суперсегментной единицы. Стоит отметить, что функционал данной суперсегментной единицы определяется, прежде всего, структурой языка. Помимо обзора существующих в настоящее время в лингвистической науке точек зрения относительно феномена ударения вообще, в работе приведены позиции китаистов по проблеме существования и определения функций ударения в китайском языке в частности. Далее описан эксперимент, направленный на определение ударных слогов в не односложных словах китайского языка. Эксперимент проводился с помощью компьютерной программы Waveserfer, предназначенной для обработки звукового материала, измерения различных параметров звучащей речи. В качестве экспериментального материала была использована аудиозапись текста. В роле продуцента выступил носитель китайского языка – профессиональный диктор. По результатам проведенного эксперимента можем сделать вывод о том, что ударение как самостоятельная суперсегментная единица, обладающая определенными функциями (смыслоразличения, объединения звуков в слове и так далее) в китайском языке не определяется.

The article is devoted to the problem of the presence / absence of stress in Chinese. After a brief review of the types of stress, we give phoneticians' different positions on the problems of the functions the stress (as a suprasegmental unit). It should be noted that the functional of this suprasegmental unit is determined by the structure of the language. In addition to reviewing the currently existing positions of the linguistic science on the phenomenon of stress in general, we give the specialists' position on the issue of determining the existence and functions of stress in Chinese in particular. After that we describe an experiment aimed at determining the stressed syllables in not monosyllables Chinese words. The experiment was performed using the computer program Waveserfer, designed for processing of audio material, measure various parameters sounding speech. A voiced text was used as the experimental material. The text was produced by a professional native speaker. According to the results of this experiment, it can be concluded that stress as an independent suprasegmental unit that has definite functions (the distinction of meanings, the combining sounds in a word and so on) in the Chinese language cannot be defined.

Ключевые слова: суперсегментная единица, ударение, тон, смыслоразличительная функция.

Keywords: suprasegmental unit, stress, tone, the distinction of meanings function.

Ударение как единица суперсегментной фонологии китайского языка вызывает у исследователей множество вопросов. Это связано с дискуссионностью вопроса наличия ударения как самостоятельной единицы в китайском языке. Ниже будут приведены различные точки зрения исследователей на этот счет, но прежде остановимся на общих характеристиках данного феномена, тем более что не только для китайского языка вопрос о присутствии словесного ударения является спорным.

«Ударение можно определить как вершинообразующее выделение, реализуемое разными путями: с помощью экспираторного усиления, с помощью повышения высоты тона, с помощью удлинения, с помощью тщательной и энергичной артикуляции того или иного гласного или согласного» [11, с. 230]; «...ударение может выражаться и повышением голоса, и усилением его» [12, с. 107]; «Ударение – это выделение одного слога внутри слова по сравнению с другими его слогами. Важнейшими средствами такого выделения являются интенсивность, выдох, высота тона и длительность» [8, с. 86].

По акустико-артикуляционной характеристике различается ударение *силовое* – киргизский, узбекский языки, *квантитативное* – русский язык, *музыкальное (тоновое)* – шведский, сербохорватский языки.

Во многих языках ударение является фиксированным, занимая в слове определенное место. Фиксированное ударение в основном ориентируется на крайние позиции в слове – либо на его начало, либо на конец. Так, чешский и венгерский языки имеют ударение на первом слоге, польский – на предпоследнем, а большинство тюркских языков – на последнем.

Что касается функций ударения, то максимальное количество их три: дистинктивная, делимитативная, кульминативная.

Ударение в русском, английском, немецком языках разноместное, хотя в качестве единственного различителя слов оно используется достаточно редко даже в русском языке. Английский язык до некоторой степени пользуется этим средством в парах «глагол-существительное», таких как *a record vs. to record*, где в глаголе ударение падает на последний слог, а в соответствующем существительном – на первый. В русском языке в качестве примера можно привести пару *Атлас – атлас*.

Таким образом, разноместное ударение, пусть в ограниченном количестве случаев, но все же играет смысловозначительную роль в языке. В это же время фиксированное ударение «собирает» слово и задает определенный темп высказыванию. Т. М. Николаева вводит понятие *просодическая схема*, под которой понимается «модель распределения сильных и слабых (т. е. максимально и минимально выраженных) точек реализации параметров просодии в пределах слова, независимых от места и способа реализации ударения» [6, с. 18]. В просодической схеме не односложного слова существует две сильные позиции: в начальном слоге слова отмечается усиление звука, которое похоже на слабое силовое ударение, а в конечном – удлинение, которое может быть соотнесено со слабовыраженным квантитативным ударением. Т. М. Ни-

колаева рассматривает просодическую схему как предшествующую с точки зрения истории языка словесному акценту как таковому. Встает вопрос, во всех ли языках с точки зрения синхронии присутствует ударение?

Очень интересным и уместным в этом контексте представляется мнение А. Джунибекова, который, рассуждая на тему наличия/отсутствия ударения в казахском языке, отмечает: «известно, что языковое чутье всегда улавливает только то необходимое, без которого невозможно общение на данном языке. Так обстоит дело со словесным ударением в русском языке. Любой из его носителей, не зная, что такое ударение, может поправить своего нерусского товарища, неправильно поставившего ударение. Иначе дело обстоит в тюркских языках, в том числе в казахском». Автор акцентирует внимание на том, что все варианты произнесения слова казахского языка его носителем будут верными, а распространенное мнение о частой ударности последнего слога в словах казахского языка А. Джунибеков связывает с наложением на мелодический рисунок слова (фразы) интонационных характеристик, но не ударения [2].

Е. Б. Трофимова отмечает, что фиксированное ударение «должно быть оценено как более высокая «вершина» в просодической схеме. «Можно предположить, что фиксированное ударение с течением времени может преобразоваться в разноместное» [10, с. 156]. В качестве примера автором приводится современный узбекский язык, в котором видна тенденция к отходу от фиксированного ударения. Если разноместное ударение в языке играет смысловозначительную роль, то фиксированное ударение как бы «цементирует» слово, заставляет носителей языка пользоваться только той словоформой, которая дана словарем, не позволяя менять ее с помощью суперсегментных единиц. Таким образом, у фиксированного ударения теряется функция смысловозначителя. Ударение в такой роли просто задает определенный ритм высказыванию, придает ему мелодический рисунок [10].

В нетонированных языках, к числу которых относятся, например, тюркские, семантику в себе несет отдельная морфема и, выстроенное по определенной схеме, слово принимает значение (или оттенок значения) тех компонентов, которые его составляют. Таким образом, процесс создания слова из отдельных элементов, напоминает схему сбора детского конструктора. В таких языках лексические единицы имеют достаточно протяженную структуру. Что касается китайского языка, то в нем роль аналогичной речевой единицы выполняет тон.

Ударение, по-видимому, не является обязательным суперсегментным компонентом в слове. Следовательно, возможно предположить, что при наличии других несуперсегментных средств, можно обойтись без использования ударения.

Если в китайском языке функцию смысловозначительной суперсегментной единицы берет на себя тон, то какую роль в нем играет ударение? Отметим, что в связи с ограниченностью сегментных единиц в китайском языке суперсегментные единицы играют большую роль, чем сегментные. Тем не менее, вопрос

о наличии ударения в китайском языке является спорным. Одни исследователи считают, что «трудно согласиться с тем, что для китайца ударение на уровне слова фонологически не существенно, ибо ...ударение для китайского языка представляется единственным надежным признаком слова, манифестирующимся в языковой форме. Уже само положение тонов относительно друг друга создает эффект ударения» [9, с. 90].

Некоторые лингвисты рассматривают ударение как основной фактор, обуславливающий появление тона. Так, Е. Д. Поливанов считает, что тон является факультативной характеристикой слога, полагая, что «в двусложном или многосложном слове с ясностью тона произносится и слышится, в виде общей нормы, только один – и именно ударенный слог» [5, с. 147]. «В неударенных же слогах «тон» нивелируется и при нормальном темпе речи – просто не осуществляется» [5, с. 149]. Примерно на тех же позициях стоит Л. Р. Зиндер «В одних языках (например, во вьетнамском) различие тона не зависит от места словесного ударения; в других же (например, в китайском) тоны различаются только в ударном слоге. В последнем случае вопрос о том, не является ли слоговой акцент особым видом словесного ударения, решить очень трудно» [4, с. 304].

Однако еще в конце 60-х годов на основании экспериментальных данных Т. П. Задоев приходит к выводу, что «доминирующим полезным признаком в китайском языке является не ударение, а тон» [3, с. 88]. «Психологическую реальность для китайца представляют тоны. Он их воспринимает и может разметить. Ударение же китаец разметить не может» [7, с. 150]. Позднее М. К. Румянцев пишет: «Для китайского языка стандартной формой ударения является... реализация определенного компонента слова определенным тоном» [7, с. 22].

Существует так называемая «концепция моноритмического принципа, в соответствии с которой китайское слово держится не на ударениях, а на правилах сандхи – подгонки (коартикуляции) слоговых тонов друг к другу» [7, с. 231].

Информация о том, что такое «сандхи китайских тонов» довольно подробно изложена в разнообразных учебниках по китайскому языку (Т. П. Задоев, Н. А. Спешнев и др.). Отметим лишь, что суть этого явления заключается в изменении китайских тонов в зависимости от их положения относительно друг друга в высказывании. Такие изменения могут быть частичными, когда меняется длительность тона (как правило, в случае следования друг за другом двух слогов с одинаковыми тонами 工资 gonglǐ); а могут быть полными (третий тон перед третьим произносится как второй – 你好 nǐhǎo3 произносится как nǐ2hǎo3). В китайском языке кроме общих правил изменения тонов существуют и особые случаи. К ним относят изменение тонов числительных – yī один, qī семь и bā восемь, а также отрицательной частицы bù не, нет. Изменение тона в перечисленных словах зависит от тонов соседних слогов.

Если проводить параллель с русским языком, как в русском языке под ударением создаются благоприятные для полного проявления качественной характе-

ристики гласных условия, так и в китайском языке структурные элементы слога, в том числе и тон, четко выражаются при ударном произнесении тона.

Можно предположить, что то, что принимается за ударение в китайском языке, на самом деле является фонетической позицией для реализации тона. Строго говоря, учитывая особенности структуры китайского (и любого другого изолирующего языка), ясно, что ему и не нужно ударение: в пределах одного языка оно фонетически однородно, а следовательно – однозначно, тоны же обладают гораздо большими информационными возможностями. «...языковое сознание, возвращенное на слоговых тонах, несущих лексическую семантику, во всех случаях имеет дело с тонами – сильными, слабыми и ослабленными» [7, с. 88]. Слоги, даже противопоставленные друг другу по силе произнесения, могут быть восприняты носителями китайского языка именно в том тональном рисунке, в котором они должны быть этимологически, а не как ударный и безударный. Деление китайских слогомorfем на ударные и безударные слоги – прерогатива европейцев, слышащих мелодику китайской речи и проводящих аналогию с родным языком, в котором нет тона, но есть иная суперсегментная единица, на которую и меняется в сознании европейцев тон. В китайской системе «нет слогов вне тона» [7, с. 232].

В дополнение к сказанному, отметим, что китайское слово, произнесенное изолированно, обычно воспроизводится носителем языка со всеми тонами (этимологическими). Так, например, в речи преподавателя вуза, вводящего новую лексику на занятии, мы услышим четкое произнесение каждого слога тем тоном, которым он записан в словаре (с учетом правил сандхи тонов). Что же касается потока живой китайской речи, то совершенно справедливо замечание многих студентов, впервые выезжающих в КНР о том, что «китайцы совсем не соблюдают тоны...». Все дело в том, что во фразе тоны подвергаются процессу редукции. Соблюдая определенный интонационный рисунок высказывания и учитывая принцип экономии, носитель языка не будет произносить четко каждый слог высказывания и так же четко его тонировать. Во фразе тоны некоторых слогов «теряются» или становятся менее заметны иностранцу. Однако такое положение дел не мешает китайцам правильно понимать высказывания друг друга.

Можно бесконечно приводить мнения авторитетных лингвистов относительно вопроса наличия/отсутствия ударения в китайском языке, рассуждать на эту тему и высказывать все новые гипотезы и догадки. Все это субъективные мнения и данные, основанные на индивидуальных ощущениях исследователя.

Мы попытаемся экспериментальным путем проверить гипотезу о наличии ударения в китайском языке с помощью программы «Waveserfer», которая выдаст объективный результат машинной обработки звучащей китайской речи.

Экспериментально-фонетическое исследование по определению ударения в разговорной речи носителей китайского языка (программа Waveserfer)

В рамках системоцентрического подхода было проведено экспериментально-инструментальное фо-

нетическое исследование данного явления с использованием программы Waveserfer.

Целью эксперимента является определение ударных слогов в устном варианте китайского текста.

В качестве материала использовалась запись учебного монолога.

我现在正在中华进修学校学习汉语,
每星期学习两个晚上, 一个晚上学习会话,
一个晚上学习阅读. 我觉得汉语很难学, 可是我很努力.
老师说进步很快.

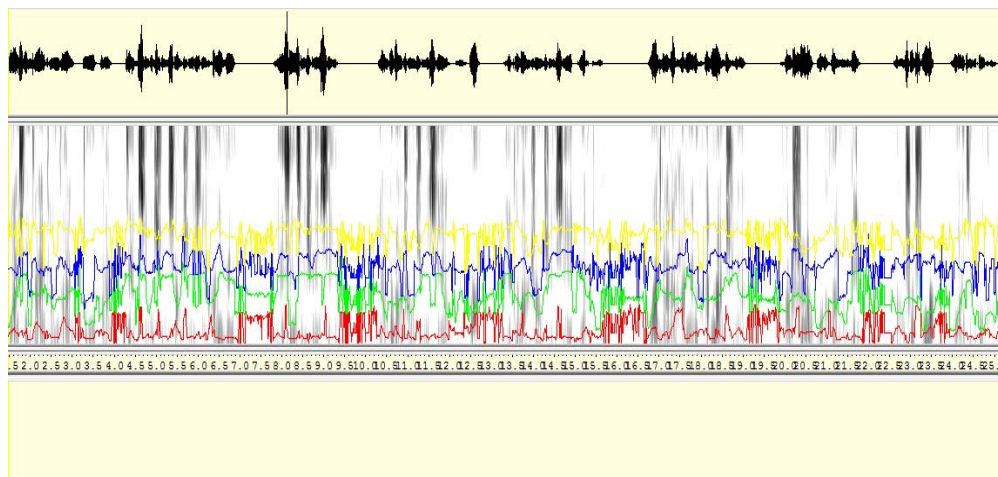
Wo(3)*xian(4)zai(4) zheng(4)zai(4) Zhong(1)hua(2)
Jin(4)xiu(1) Xue(2)xiao(4) xue(2)xi(2) Han(4)yu(3),

mei(3)xing(1)qi(1) xue(2)xi(2) lian(3)ge(4)
wan(3)shang(4)xue(2)xi(2) hui(4)hua(4), yi(1)ge(4)
wan(3)shang(4)xue(2)xi(2) yue(4)du(2). Wo(3) jue(2)de(2)
Han(4)yu(3) hen(3) nan(2) xue(2), ke(3)shi(4) wo(3)
hen(3) nu(3)li(4). Lao(3)shi(1) shuo(1) wo(3) jin(4)bu(4)
hen(3) kuai(4).

*Цифра в скобках обозначает этимологический тон.

В роли продюцента был привлечен профессиональный диктор, носитель китайского языка.

Запись монолога была проанализирована с помощью компьютерной программы Waveserfer, позволившей получить спектрограмму голоса диктора.

Дадим некоторые пояснения к процессу обработки материала. Во-первых, отметим, что при наличии ударения в китайском языке оно может проявляться как квантитативное (длительное) или динамическое (силовое). Обработке подвергалось каждое слово во фразе. Квантитативное ударение проявляется через удлинение гласного в слове, а динамическое – через увеличение амплитуды.

По утверждению Л. В. Бондаренко, феномен выделенности слога в китайском языке создается увеличением длительности слога [1].

Таким образом, для решения вопроса об ударении необходимо учитывать параметры самого тона: первый тон – 400 мсек., второй тон – 350 – 375 мсек., третий тон – 500 мсек., четвертый тон – 200 – 225 мсек. Если длительность тонированного слога в слове не превышает данные значения, то это свидетельствует об отсутствии ударения.

Поскольку цель работы с текстом заключалась в определении наличия ударения в словах китайского языка, то исследуемыми объектами стали исключительно неодносложные слова. Мы уже говорили о том, что основная часть лексики китайского языка немногосложная – состоящая из одного, двух слогов. Реже встречаются трехсложные слова. Четырех- и пятисложные лексемы в основном характерны для иностранных заимствований. Исходя из вышеописанной ситуации, работа велась на следующем материале:

现在xian(4)zai(4), 正在zheng(4)zai(4),
中华zhong(1)hua(2), 进修Jin(4)xiu(1),
学校xue(2)xiao(4), 学习xue(2)xi(2), 汉语han(4)yu(3),
星期xing(1)qi(1), 晚上wan(3)shang(4),
绘画hui(4)hua(4), 阅读yue(4)du(2), 觉得jue(2)de(2),
可是ke(3)shi(4), 努力nu(3)li(4), 老师lao(3)shi(1),
进步jin(4)bu(4).

После обработки экспериментального материала были получены следующие данные о длительности звучания тонов (в мсек):

现在xian(4)zai(4): xian(4) – 190, zai(4) – 295;
正在zheng(4)zai(4): zheng(4) – 185, zai(4) – 225;
中华zhong(1)hua(2): zhong(1) – 240, hua(2) – 285;
进修jin(4)xiu(1): jin(4) – 165, xiu(1) – 220;
学校xue(2)xiao(4): xue(2) – 150, xiao(4) – 195;
学习xue(2)xi(2): xue(2) – 125, xi(2) – 135;
汉语han(4)yu(3): han(4) – 250, yu(3) – 300;
星期xing(1)qi(1): xing(1) – 160, qi(1) – 130;
晚上wan(3)shang(4): wan(3) – 200, shang(4) – 190;
绘画hui(4)hua(4): hui(4) – 145, hua(4) – 255;
阅读yue(4)du(2): yue(4) – 205, du(2) – 275;
觉得jue(2)de(2): jue(2) – 170, de(2) – 140;

可是 ke(3)shi(4): ke(3) – 225, shi(4) – 180;
 努力 nu(3)li(4): nu(3) – 160, li(4) – 140;
 老师 lao(3)shi(1): lao(3) – 180, shi(1) – 105;
 进步 jin(4)bu(4): jin(4) – 105, bu(4) – 180.

В результате проведенного эксперимента выяснилось, что ни одна из слогоморфем по длительности произнесения не превышает средние значения, приведенные нами выше. Если говорить о направлении движения голоса все слогоморфемы указанного текста были произнесены диктором этимологически присущими им тонами. Дополнительными суперсегментными средствами (протяженность, усиление и др.) носитель языка не пользовался.

Однако необходимо отметить тот факт, что в большинстве случаев последний слог не зависит от его тона имеет относительно большую длительность. Можем предположить, что такое положение дел объясняется просодической схемой Т. М. Николаевой, согласно которой удлинение характерно для конечной

части слова или фразы. Еще одной особенностью полученных результатов стало следующее наблюдение: в случае, когда первый из двух слогов слова имеет этимологический третий тон, он имеет большую протяженность независимо от тона следующего за ним слога. В случае, когда оба слога имеют одинаковый тон, первый слог является более длительным, чем второй. Такая закономерность не характерна для двух слогов четвертого тона следующих друг за другом, на наш взгляд потому, что в этом случае работают правила сандхи китайских тонов – первый слог меняет свой тон на второй, далее начинает работать просодическая схема.

Опираясь на полученные результаты, можем сделать вывод о том, что феномен выделенности (ударности) на уровне слова для носителей китайского языка фонологически не существует. Соотношение слогов по выделенности в речи в тональных языках реализуется через тоны, которые определяют исходные ритмические модели слова.

Литература

1. Бондаренко Л. П. Восприятие слога-ритмической структуры английских слов носителями восточных языков // Вестник Новосибирского государственного университета. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация). Новосибирск, 2006. Т. 4. С. 123 – 127.
2. Джунибеков А. Сингармонизм в казахском языке. Алма-Ата, 1980. 97 с.
3. Задоев Т. П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. М.: Наука, 1993. 160 с.
4. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М. 1979. 312 с.
5. Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка. 3-е изд. УРСС, 2003. 303 с.
6. Николаева Т. М. Просодическая схема слова и ударение. Ударение как факт фонологизации // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 15 – 23.
7. Румянцев М. К. Фонетика и фонология китайского языка. М.: АСТ, 2007. 302 с.
8. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М.: Едиториал: УРСС, 2010. 400 с.
9. Солнцев В. М. Некоторые актуальные задачи изучения китайского языка // Проблемы дальнего востока. 1972. № 3. С. 150 – 162.
10. Трофимова Е. Б., Трофимова У. М., Сергеева М. Э., Власов М. С., Филиппова Е. Ю., Одончимэг Т. Узуальное и окказиональное семиотическое пространство эмоций: монография. Улан-Батор; Бийск: Соембо принтинг, 2011. 292 с.
11. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Аспект-пресс. 2000. 352 с.
12. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика. М.: Айрис-пресс, 2005. 357 с.

Информация об авторе:

Кубарич Анастасия Михайловна – ассистент кафедры стилистики и риторики КемГУ, wei.laoshi@yandex.ru.

Anastasia M. Kubarich – assistant at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

Т. Ю. Кузнецова

WORD MEANING IN THE ASPECT OF LINGUOPERSONOLOGICAL VARIABILITY

T. U. Kuznetsova

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Нейминговый словарь русского языка (слова-бионимы как фирменные наименования)» № 14-34-01250.

Предмет исследования – вариативность семантики слова, детерминированная лингвоперсоналогическим фактором. Гипотеза – интерпретация исходного содержания слова имеет разные формы проявления в аспекте лингвоперсоналогической вариативности. Верификация полученных результатов осуществлялась на основе использования лингвистического эксперимента. Вариативность толкований слов, согласно нашей концепции, детерминирована, с одной стороны, вариативностью как универсальным свойством языка на всех уровнях его существования и во всех сферах его функционирования, а с другой – качественным разнообразием речевой способности языковой личности, а также качественным разнообразием применяемых ею стратегий толкования. Семантизация слова предполагает ориентированность говорящего либо на существующие в языке стандарты, либо на стремление к вариативному интерпретированию. Таким образом, считаем, что комментарий к слову в виде его интерпретации является показателем существования двух тенденций (персонализации и деперсонализации). В соответствии с этим выделение типов языковой личности детерминировано разнообразием реализации языковой способности личности.

The subject of the research: variability of semantics of the word determined by a linguopersonological factor. The hypothesis: interpretation of the original content of a lexical unit has different manifestations in the aspect of linguopersonological variability. The results were verified by a linguistic experiment. The variability of interpretations of words, according to our concept, is determined, on the one hand, by variability as a universal property of language on all levels of its existence and in all spheres of its functioning, and, on the other hand, by the qualitative variety of speech and language skills of a linguistic identity, as well as by the qualitative variety of interpretation strategies applied by the linguistic identity in question. Thus, we believe that the commentary on the word in the form of its interpretation indicates two trends (personalization and depersonalization). In accordance with this, the selection of the types of linguistic identity is determined by the diversity of the implementation of language abilities of the individual.

Ключевые слова: значение слова, персонализация, деперсонализация, вариативность, лингвоперсоналогический фактор.

Keywords: word meaning, personalization, depersonalization, variability, linguopersonological factor.

Вариативность толкований слов, согласно нашей концепции, детерминирована, с одной стороны, вариативностью как универсальным свойством языка на всех уровнях его существования и во всех сферах его функционирования, а с другой – качественным разнообразием речевой способности языковой личности, а также качественным разнообразием применяемых ею стратегий толкования. Вариативность толкований семантики слова рассматривается нами как проявление разнообразия метаречевой деятельности субъектов-интерпретаторов, а также качественного разнообразия языковой личности.

Вариативность семантизирующего результата детерминирована факторами речевой деятельности языковой личности, к которым относят факторы индивидуализации речи. Условно их можно представить в виде следующих групп: «биологические, психологические и социальные, по другой классификации – психологические, национально-культурные и социальные» [3]. Однако такое деление весьма условно, так как некоторые факторы представляют собой совокупность биологических, психологических и социальных характеристик. Следовательно, доминирование определенного фактора служит определением типа языковой личности. На сегодняшний момент известно

множество частных типологий языковой личности. Проблемой изучения языковой личности, их типологизации в современной лингвистике занимаются Г. И. Богин, Н. Д. Голев, Е. В. Иванцова, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. П. Нерознак, К. Ф. Седов и др. Однако число параметров дифференциации типов языковой личности стремится, по замечанию Н. Д. Голева, к неперечислимости [6].

Задачей данной статьи является рассмотрение вариативности обыденной семантики лексических единиц и ее детерминированности лингвоперсоналогическим фактором. Языковая вариативность находит свое проявление «в различных сферах собственно языкового устройства, <...> в речевой деятельности человека, воплощающейся в тексте, а также в разнообразном проявлении рецептивных процессов как отражение разнообразия качеств языковой способности и речевой деятельности носителей языка» [4, с. 13]. Категория вариативности реализуется при рассмотрении антропотекстов – «речевых произведений, рассматриваемых в антропологическом аспекте. Антропотекст в узком смысле <...> есть отражение в тексте особого качества языковой способности его автора или адресата» [2, с. 20]. Согласно нашим представлениям, вариативность речевой деятельности

языковой личности проявляется не только при восприятии и интерпретации текста, но и в процессе семантизации лексической единицы. Слово, как известно, содержит комплекс смысловых компонентов, которые актуализируются в процессе его функционирования, в том числе в процессе его семантизации носителями языка. Любая актуализация значения в процедуре толкования слова представляет собой смысловое варьирование, т. е. «его семантическое варьирование по составу компонентов» [11, с. 85]. Языковой знак и закрепленное за ним значение, будучи интерпретированными говорящими, приобретают «нередко уникальный смысл, который в его плане содержания оказывается величиной вариативной, окказиональной» [8, с. 83].

Выведенная нами **гипотеза** в самом общем виде формулируется следующим образом: семантизация слова, с одной стороны, предполагает тенденцию к персонализации, с другой стороны, тенденцию к деперсонализации [7]. Тенденция к деперсонализации представляет собой стремление «к всеобщей узуализации, унификации, инвариантности» [2, с. 8]. Тенденция к персонализации, напротив, представлена стремлением «к бесконечному продуцированию индивидуальных инноваций, и вследствие этого – непрерывной *вариативности* языковых форм и значений, сводимых лишь к значимым для данного типа формам и значениям» [2, с. 8]. Согласно В. П. Нерознаку, «во взаимодействии этих тенденций и возникает *личностный универсум*» [7, с. 112].

Для верификации данной гипотезы проводим лингвистический эксперимент. Носителям языка в количестве 50 человек были предложены разнообразные в аспекте лексических, словообразовательных и функциональных характеристик слова, и испытуемые должны были ответить на вопрос: «Каково значение следующих слов?».

Данная гипотеза в своем развитии видится автором статьи в двух различных вариантах:

1. Условимся считать, что значение в инвариантном виде отмечено в толковом словаре (тенденция к деперсонализации). Интерпретация значения говорящим включает не только ядерный смысл, но и изменяемый, периферийный (тенденция к персонализации). В соответствии с этим можно говорить о двух типах личности: креативная языковая личность (нестандартная в терминологии В. П. Нерознака) и некреативная языковая личность (стандартная в терминологии В. П. Нерознака). Современная лингвистика накопила достаточно много различных наименований данных языковых личностей. Так, к примеру, Н. В. Сайкова на базе проведенного эксперимента по созданию вторичных текстов выделяет копиальную (воспроизводимую) и креативную (производимую) языковую личность. «Коллектив исследователей на материале школьных изложений выделяет два типа языковой личности: репродуктивный, «не привносящий ничего нового, субъективного в исходный текст», и креативный, «творческий тип, стремящийся к развитию исходного текста» [2]. В. П. Белянин в основе выделения языковых личностей использует две критерии: креативность и стереотипность. Несмотря на различную терминологию, авторов объеди-

няет общий подход, лежащий в основе типологии языковой личности: тенденция к персонализации и деперсонализации. В связи с этим гипотеза в первом варианте может быть сформулирована следующим образом: семантизация слова предполагает ориентированность говорящего либо на существующие в языке стандарты, либо на стремление к вариативному интерпретированию.

2. Условимся считать, что значение в инвариантном виде отмечено в толковом словаре (тенденция к деперсонализации). Процедура семантизации, с одной стороны, предполагает тенденцию к унификации, стандартизации (ориентацию на лексикографическое значение); с другой стороны, некоторые говорящие стремятся к выражению индивидуальных смыслов, не нашедших своего отражения в нормативных словарях. Такие знания о мире обусловлены индивидуальной, личностной для говорящего ситуацией употребления слова. Языковая личность наполняет смысловое содержание слова уникальным, порой окказиональным значением. При этом область воздействия на язык у таких говорящих весьма разнообразна: «от создания отдельных слов типа *головотяп* или *стушеваться* М. Е. Салтыковым-Щедринным и Ф. М. Достоевским, вошедших в узус, до мощного стимулирования процессов становления литературных языков» [2, с. 7]. Такие креативные (нестандартные) личности нарушают языковые нормы и традиции и тем самым создают вариативность семантизации слова по отношению к его значению, репрезентированному в толковых словарях. Однако сама тенденция к персонализации по своей сути неоднородна и, как результат, вариативна. В словах любого языка существуют смыслы, доступные большинству носителей родного языка, но не зафиксированные в толковых словарях. Такие смыслы слова в семантизирующих суждениях говорящих формируются «на фоне некоторых единичных, специфических ситуаций, каждый раз требующих от языковой личности обращения к знаниям о мире, актуальным для данной ситуации, и к знаниям о языке» [12, с. 94]. В этом случае языковая личность воспроизводит такие смыслы в готовом виде. Это могут быть прецедентные тексты, пословицы, фразеологизмы и т. д. – *Гоголь – писатель, главные произведения «Тарас Бульба», «Мертвые души», «Шинель», «Старосветские помещики*. Воспроизведение готового значения оценивается как копирование (воспроизведение) информации, не связанное с процессом создания креативной единицы смысла. В этой связи тенденция воспроизведения готовых общенациональных смыслов приводит к некой унификации. Однако по отношению к закрепленному за словом значению в словаре такие смыслы характеризуются нами как вариативные, ситуативные, не навязываемые стандартом правильного понимания значения слова, а значит в какой-то степени ведущие к персонализации личности. В нашей интерпретации такая языковая личность находится между некреативной (тенденция к деперсонализации) и креативной (тенденция к персонализации) языковой личностью.

Гипотеза во втором варианте может быть сформулирована следующим образом: тенденция к деперсонализации различает некреативную языковую лич-

ность; тенденция к персонализации различает креативную языковую личность. На фоне данных типов личности выделяем языковую личность, которая, с одной стороны, воспроизводит общие, известные большинству носителей родного языка смыслы (тенденция к деперсонализации), с другой стороны, апелляция говорящего к этим смыслам не преуменьшает роль творческой интерпретации значения слова (тенденция к персонализации), которая актуализируется по отношению к воспроизведению лексикографического значения слова.

Согласно нашим наблюдениям, в процессе семантизации слова преобладающей является тенденция к деперсонализации, т. к. «у подавляющего большинства языковых изменений нет, а в ряде случаев и не может быть индивидуальных авторов, и соответствующие изменения как бы принципиально деперсонализированы» [2, с. 7]. Ср. *Деньги* – 1. *металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже*. 2. *капитал, средства* [10, с. 143]. – *Деньги* – *средство платежа за услуги и предметы жизнедеятельности; средство платежа* (обыденные толкования). Ср. *Стол* – 1. *предмет мебели в виде широкой горизонтальной доски на высоких опорах, ножках* [9, с. 684]. – *Стол* – *предмет мебели, состоящий из крышки и ножек, крышка располагается горизонтально; предмет мебели, состоящий из столешницы и «N»-ого количества ножек* (обыденные толкования). Ср. *Дом* – 1. *жилое (или для учреждения) здания, а также люди (собир.), живущие в нем* [10, с. 154]. – *Дом* – *жилое помещение, где живут люди; место жительства человека; жилище человека* (обыденные толкования). Ср. *Абориген* – *коренной житель страны, местности* [10, с. 19]. – *Абориген* – *местный житель; коренной житель какой-либо местности; коренной житель; коренной житель данной местности; человек, живущий на данной территории большую часть жизни* (обыденные толкования).

Обыденные толкования демонстрируют стремление говорящего к всеобщей инвариантности, ориентации на лексикографическое значение. Однако полученный экспериментальным методом языковой материал позволяет говорить о том, что в некоторых случаях семантизации слова актуализируется тенденция к персонализации. – *Абориген* – *коренной житель местности, оскорбляемый приезжими, но для аборигена они являются минутным событием и не имеют ценности; старой закалки человек; человек, который отстал в развитии от цивилизации*. *Одежда* – *первоначально этическая составляющая человека, со временем возведенная в культ*. *Деньги* – *зло, мера, превращенная меркантильным человечеством во что-то великое и очень ценное*. *Дом* – *место, где человек имеет психологически безопасное состояние*. *Меланхолия* – *следствие низкого уровня психологической силы и воли человека*. *Палач* – *человек, выполняющий свою работу, обезличенный людьми, которые не могут понять важность его работы*. *Потоп* – *следствие мнения людей об их главенстве над природой*. В данных примерах говорящие проявляют склонность к репрезентации индивидуальных, личностных инноваций. Следствием такого креативного процесса по созданию нового смысла становится языковая вариатив-

ность. Думается, что в какой-то степени можно говорить о наличии окказиональных значений слов, создаваемых конкретными индивидуумами.

Таким образом, гипотеза в своем первом варианте является экспериментально доказанной. Носители языка в процессе семантизации слова ориентируются как на языковые стандарты, приводящие к некой узуализации, всеобщности знания, так и на стремление «к бесконечному продуцированию индивидуальных инноваций» [2, с. 8]. В соответствии с этим выделяем два типа личности: креативную и некреативную.

Нередко носитель языка склонен к воспроизведению всеобщих смыслов, доступных для всех членов данного языкового коллектива. В частности сюда относится воспроизведение прецедентных текстов, цитат из песен и стихотворений, пословиц, фразеологизмов и т. д. Так, при толковании слова *крест* носитель языка апеллирует к всеобщим фоновым знаниям о распятии И. Христа. – *Крест* – *на нем распяли Иисуса*. Роль прецедентных текстов и отсылка к известным личностям в литературе и истории достаточно велика в ответах говорящих. – *Абориген* – *Р. Крузо; Пятница из «Робинзона Крузо»*. *Буревестник* – *гордо реет буревестник*. *Береза* – *символ России*. *Заяц* – *один из главных героев мультфильма «Ну, погоди»*. *Змей* – *из религиозных мифов – искуситель, обманувший Еву; Горыныч из сказки*. *Крокодил* – *главный герой мультфильма «Чебурашка»*. *Лебедь* – *герой басни Крылова «Лебедь, рак и щука»*. *Одежда* – *«Дьявол носит Прадо»*. *Перепел* – *вот на столе перепела, к перепелам пюре-пилаф, но так как я перепила, то не хочу перепелов (скороговорка)*. *Печь* – *Емеля. Росомеха – герой фильма «Люди Х»*; *Хью Джексман. Сохатый – из книг про Гарри Поттера*. *Шкаф* – *Хроники Нарнии*. *Слон* – *Слон и Моська*. *Щеголь* – *наш пострел везде поспел*. *Чайка* – *пьеса А. Чехова*. *Черепаша* – *Тортила из сказки «Золотой ключик»*.

Такая языковая личность хранит в своей памяти общекультурные национальные знания, получаемые как из языковой, так и из внеязыковой действительности (литература, СМИ, религия и т. д.). Согласно нашим представлениям, такой тип языковой личности нельзя строго относить к стандартной (тенденция к персонализации) или нестандартной языковой личности (тенденция к деперсонализации), т. к. он имеет точки пересечения с обоими типами. Гипотеза в своем втором варианте является доказанной.

Выделение креативной/некреативной типов личности учитывает склонность языковой личности к производимости/воспроизводимости ментально-речевых действий. Креативный тип личности характеризуется направлением языковой деятельности на реализацию её креативных способностей. Некреативный тип личности предполагает ее репродуктивную деятельность по отношению к слову (рис.).

Таким образом, считаем, что комментарий к слову в виде его интерпретации является показателем существования двух тенденций (персонализации и деперсонализации). В соответствии с этим выделение типов языковой личности детерминировано разнообразием реализации языковой способности личности.

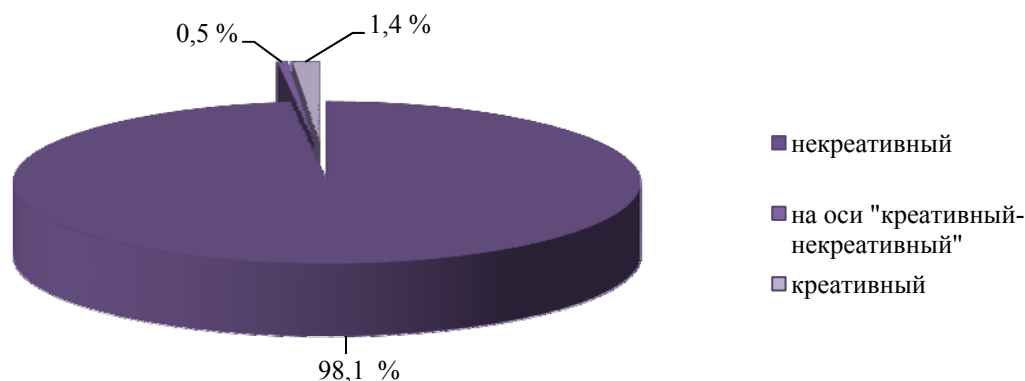

Рис. Креативный/некреативный типы языковой личности

Литература

1. Воронова Н. Г. Опыт диагностики метатекстовой способности // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностноориентированное обучение / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. С. 77 – 88.
2. Голев Н. Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностноориентированное обучение / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. С. 7 – 19.
3. Иванцова Е. В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 160 с.
4. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. 312 с.
5. Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 303 – 358.
6. Кузнецова Т. Ю. Стратегии семантизации слов носителями русского языка (экспериментальное исследование вариативности толкований): автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 2012.
7. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика / пер.; сб. науч. тр. М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. С. 112 – 116.
8. Нестерова Н. Г. К проблеме соотношения значения и смысла // Актуальные проблемы русистики: сб. статей / под ред. Т. А. Демешкиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 91 – 95.
9. Словарь русского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1981.
10. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1982.
11. Стернин И. А. Лексическое значение в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.
12. Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских. М., 2009. 256 с.

Информация об авторе:

Кузнецова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка КемГУ, tatianakuznetsova86@mail.ru.

Tatiana Ju. Kuznetsova – Candidate of Philology, assistant lecturer at the Department of the Russian Language, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

КОНФЛИКТ И СОГЛАСИЕ С ВЛАСТЬЮ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НАИВНОГО АВТОРА

Н. Б. Лебедева

THE CONFLICT AND CONSENT WITH THE POWER IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE NAIVE AUTHOR

N. B. Lebedeva

Статья выполнена при поддержке фонда РГНФ, грант № 15-04-00311.

В статье анализируются социально-политические взгляды конкретного наивного автора (женщины 75 лет, среднего образования, рабочей профессии), представленные в письменно-рукописном формате. Выявлены определенные базовые установки, характерные для обыденного сознания такого типа автора: Народ и власть («Царь хороший, да бояре плохие»); Россия – в беде (реализуется в темах: распад СССР, славное прошлое забыто, кругом враги, засилье эмигрантов, плачевное состояние деревни, бывшие ученые и военные стали бомжами); Гордость за страну и вера в ее спасение. Базовые установки, выделенные в статье, отражают определенный пласт народного социально-политического обыденного сознания, которое особенно полно воплощено в людях старшего поколения, сформированного в советское время. Такие базовые установки, берущие начала издавна и попавшие в более глубинные пласты сознания – возможно, подсознания – и имеющие черты архетипов, не исчезают полностью и отражаются в разных поведенческих формах, в том числе в письменно-речевой деятельности. Представленный материал может быть интересен не только филологам, но и смежным научным дисциплинам – социологам, историкам, философам, психологам.

This article analyzes the socio-political views of the specific naive author (a woman of 75 years, secondary education, working profession), which are presented in a hand-written format. The certain basic attitudes, which are characteristic for everyday consciousness of this kind of author, are also revealed. They are: People and power ("Tsar is good and boyars are bad"); Russia is in trouble (it is realized in topics: collapse of the USSR, glorious past is forgotten, enemies are around, dominance of emigrants, deplorable condition of village, ex-scientists and militaries became down-and-outs); Pride in the country and belief in its rescue. The basic attitudes, which are allocated in the article, reflect a certain layer of the national socio-political everyday consciousness, which is especially fully embodied in the older generation, which was formed in the Soviet period. Such basic attitudes take their beginning from far away. They got in the deep layers of consciousness or maybe sub-consciousness. They have features of archetypes, do not disappear completely and are reflected in different behavioral forms, including the written-speech activities. The presented material can be interesting not only to philologists, but also to related scientific subjects such as sociologists, historians, philosophers and psychologists.

Ключевые слова: политический дискурс, наивный автор, обыденное сознание.

Keywords: political discourse, naive author, everyday consciousness.

Никто не будет спорить с тем, что в более-менее спокойное время обыденное политическое сознание весьма неоднородно, и чтобы сделать какие-то обобщающие выводы, необходимо исследовать его по разным пересечениям – социальном, политическим, гендерном, возрастном и пр.

В данной статье мы ставим целью описать политические (точнее – социально-политические) взгляды наивного автора, представленные в письменном (рукописном) формате. Мы используем предложенный Н. Д. Голевым в [2, с. 14] термин «лингвоперсона», под которым понимается конкретная языковая личность, реконструируемая из речевых произведений: это «портретные описания языковых индивидуумов (лингвоперсон)» [1, с. 499]. Лингвоперсона, чьи социально-политические взгляды являются предметом данной работы, представлена языковой личностью Галины Петровны Касаткиной (далее – ГП), 1940 года рождения. Она имеет среднее образование, работала на различных рабочих должностях, в данное время является консьержкой элитного дома г. Кемерово. Она по-своему образованна: пишет весьма грамотно, много читала и сейчас читает газеты и активно смотрит телевизионные передачи, откуда и черпает «информацию к размышлению». Активность ее проявля-

ется в том, что она реализует свои рефлексии по поводу прочитанного и услышанного в форме письменно-рукописных текстов публицистического и художественного содержания, таким образом, является носителем естественной письменной речи и обыденного сознания. Это сознание не носит узко-политического характера – она не вникает в программы партий, политические лозунги, аргументацию тех или иных представителей различных политических сил. Ее мышление для этого недостаточно расчлененно и оторефлектировано, как и у большинства носителей обыденного сознания. Оно близко к интуитивной рефлексии на политические темы, уходит корнями в подсознательные представления, сформированные в советское время, и даже глубже – в область коллективного бессознательного, в архаические пласты традиционного русского сознания. Поэтому ее представления мы называем не собственно политическими, а **социально-политическими** – они слабо дифференцированы друг от друга, что, в общем-то, естественно.

В качестве материала исследования нами взяты ее (ГП) письменные тексты «художественной» и «публицистической» (социально-гражданской) направленности. Хотя ГП пишет и другие речевые произведения – служебные и частно-личные, но в нашем рас-

поряжении оказался большой текстовый материал именно вышеуказанной направленности, что и обусловило наш выбор предмета исследования. Эти тексты, видимо, можно отнести к разряду «наивной литературы» в понимании основателя Учебно-научного центра политологии и семиотики фольклора РГГУ С. Ю. Неклюдова, поскольку они «<...> ориентируются на литературные (а не на устные) образцы; самими создателями они расцениваются как продукт индивидуального творчества (а не коллектива), включая выраженное авторское начало (в противоположность анонимному голосу фольклорной традиции). Соответственно, образцы "наивной литературы" представляют собой "разовые" (и в этом смысле уникальные) произведения. Иногда они к тому же ориентированы на камерное, даже интимное бытование (семья, узкий круг друзей и т. п.) и не предполагают тиражирования» [8, с. 4]. Заметим, что мы рассматриваем эти тексты не в фольклорной парадигме, как это делается в упомянутом выше Учебно-научном центре типологии и семиотики фольклора РГГУ, а в свете теории естественной письменной речи [4 – 6], но, конечно, несмотря на различия в исходных установках этих двух филологических направлений, выделение определенных базовых характеристик этого объекта совпадают при различных подходах.

Тем не менее мы должны сразу заявить, что не согласны с такой весьма распространенной позицией, когда производится оценка наивных текстов с точки зрения их «далекости» от произведений профессиональной литературы, что как бы напрашивается сама собой: ведь оценивают их филологи, воспитанные на высокохудожественной литературе и обладающие выработанным на этой основе определенным эстетическим вкусом, с позиций которого подходят к любому тексту. При описании произведений наивных авторов нередко встречаются замечания оценочного характера: «литературная "хромота", «неумение выдерживать до конца сюжетную линию, слабость в разработке фабульных и психологических мотивировок, неразличение масштабов изображаемого», «произведения, сияющие, но не могущие стать литературой; произведения, которые именно с литературной точки зрения словно бы "хромают на все четыре ноги" [8] и пр. Такого рода оценки обусловлены сопоставлением творчества наивных авторов с профессиональной литературой, когда каноны последней берутся в качестве «правильной» и образцовой нормы, а произведения наивных авторов воспринимаются как «недолитература». Мы придерживаемся принципа гносеологической толерантности [7], при которой тексты ЕПР не оцениваются с нормативных и литературноцентрических позиций – к ним осуществляется подход как к самостоятельным феноменам. Нам близки взгляды А. П. Минаевой: «Авторы "наивных текстов" и носители литературного языка существуют в двух разных социокультурных пространствах, в каждом из которых действуют свои ценности, нормы, критерии, находящиеся в коллективном пользовании» [8]. Это взгляд близок к позиции Н. Н. Козловой и И. И. Сандомирской, которые считают, что издатели наивной литературы должны «предоставить тексту возможность просто быть» [3, с. 8], «прилагая все усилия к тому, чтобы никоим образом не нарушить ход оригинального

письма, не поставить, по дурной интеллигентской привычке, запятую там, где ею пренебрег загадочный автор» [3, с. 7], удерживая «зуд нормирующей активности» [3, с. 7]. Кстати, в Барнаульско-Кемеровской лингвистической школе, в русле которой сделано представленное в данной статье исследование, не принято употреблять оценочные слова вроде «орфографическая (пунктуационная, стилистическая и пр.) ошибка», «неграмотно» и пр., поскольку это противоречит принципу гносеологической толерантности, поставленному нами во главу угла при исследовании текстов естественной письменной речи. Об ошибке можно говорить, только если автор поставил себя в своей письменно-речевой деятельности в позицию оценивания – сдает экзамен, пишет диктант и пр. В остальных же случаях, то есть вне официальной оценки, он имеет право писать как может, хочет и понимает. Здесь уместно вспомнить слова поэта Б. Окуджавы: «Каждый пишет, как он слышит. Каждый слышит, как он дышит. Как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить <...>». Вместо нормоцентрических и литературноцентрических оценочных слов мы можем говорить только о несовпадении написания с кодифицированными и конвенциональными нормами, если это потребуется. Как сказано в выше цитируемой фразе С. Ю. Неклюдова, тексты наивных авторов «разовые», не рассчитаны на публикацию («тиражирование»), они имеют адресатами узкий – семейный, дружеский – круг людей, не претендуют на профессионализм, публикацию, не выходят в официальную сферу, следовательно, имеют право «просто быть», вне оценок, выработанных для других – в частности, профессиональных – текстов. Вследствие такой установки и в силу привычной уже традиции, мы при цитировании текстов ГП сохраняем авторское пунктуационное, орфографическое, стилистическое и пр. написание.

Переходим к анализу текстов наивного автора – лингвоперсоны Галины Петровны Касаткиной – со стороны ее обыденного социально-политического сознания.

Нам удалось выявить определенные **базовые установки** (назовем их **концептами**), характерные для этого автора в исследуемом нами аспекте, чему и посвящено дальнейшее описание.

1. Народ и власть: «Царь хороший, да бояре плохие» («Царь» – Путин и Медведев, «бояре» – чиновники, олигархи, бизнесмены и депутаты). Сознание ГП глубоко укоренено в базовые народные представления, поскольку она и есть представитель русского народа – по происхождению, образованию, социальной жизни. Видимо, глубинное национальное сознание не меняется быстро и кардинально, оно идет из далеких исторических глубин и укореняется в предсознании и подсознании. И представление о «хорошем царе» и «плохих боярах», из-за которых существуют несправедливость, воровство и различные неурядицы жизни, сохраняются и в наши дни: *Путин и Медведев от Бога самородки. Останутся в одной лодке, как спасающий отряд. Если депутаты, что-то натворят. / Я желаю, чтобы Медведев с Путиным оставались. И труба газпрома не имела бы надлома. / Медведев борется за трезвость. Чтоб иметь здоровый вид.*

Во времена Хрущева. Он не любил Америку, то, что она хвасталась. Сам он хитрец и молодец. Вывел Америку на чистую воду наконец. Закрыв ей рот своей сандалией. По трибуне стукнул. Космонавта запустил. Кулаком ей пригрозил. И кукуруза в рост пошла. От зависти америка с ума сошла.

Чиновники особо нелюбимы Галиной Петровной. В тексте, написанном после просмотра по ТВ передачи о плачевном состоянии памятника Ленину под заголовком *Передача. Кто купит памятник Ленину? Торг*, ГП пишет в полустихотворной форме (что характерно для ее жанровой стилистики): *Совсем зажмотились. У государства денег нет. Господа-чиновники счет денежке знают. На реставрацию памятников не кидают. Если что, на аукцион любителям.*

Олигархи и бизнесмены в большинстве своем весьма отрицательные персонажи (в соответствии с русской поговоркой «трудом праведным не наживешь палат каменных»). Именно они участвуют в разграблении страны, к чему привлекают и иноземцев. В тексте под названием *Проездом от Урала до Востока* она пишет: *На все глаза закрыли. Преступный бизнес движется вперед. Горько плакали березы. Когда рубили лес. На территорию его, Китаец влез. Пни России оставляет. Чтобы было кому-нибудь сидеть. На печальную картину больно мне глядеть. Положить Россию под топор. Всюду орудует иноземный вор. Слышала в вагоне разговор. Кровь кипит в висках. лесное ведомство в тисках.*

Депутаты у ГП не пользуются доверием. В тексте *Депутаты* она пишет: *На выборы просят у народа голоса. Будто у них есть совесть и Божия роса. Обещают много благ. Выборы пройдут. Покажут фигу на кулак. На экран вышел новоиспеченный олигарх. Словно его благословил монах. Ксюша Собчак. Из дома-2. На пост лезут их братва. Будут строить дом советов. Подбирают команду без приветов. Путин и Медведев от Бога самородки. Останутся в одной лодке, как спасающий отряд. Если депутаты, что-то натворят.*

Но есть и хорошие олигархи и политики, из которых она выделяет миллиардера Прохорова, политика Жириновского и коммуниста Зюганова.

Прохоров, мужик упёртый, президентом хочет стать. Миллиарды в государственность отдать. Шанс на место есть. Победу могут деньги одержать. Как они бы не старались. / Коль речь зашла о депутатах. Выбираем лучшего из них. Про Жириновского сказали, псих. Это все не так. Возьмем звезду его небесную. Яркую, прелестную. Так, чем же он Вам не угодил? Журналист недовольного спросил. Ну – да, понятно! Пальцем кому-то погрозил. За это его и невзлюбил. Жириновского мы должны любить и уважать. Как актера и певца. Вот такого молодца! По грамоте любого за пояс он заткнет. Но. Не дай Бог узнает. Кто из депутатов водку пьет. Штаны снимет и набьет. Прикинет наперед. Сколько депутатов еще штаны протрет? Недаром он орет. Штаны себе купите. Да смотрите в думе не шалите! Когда к власти я приду. Всех Вас придушу. Надо строить. Созидать. Президенту помогать. А не сидеть впустую. Языком болтать. Привыкли от безделья больше деньги загребать. Скоро с вас начну их уби-

рать. Выругался от души. Перешел на падежи. Склонял отлично. Кое-кому казалось неприлично. И пошел. Такую скорость взял! Развернулся. Запустил бокал. В котором хлеб макал. Мужчинам в морду дал. Женщинам. Ни в бровь, а в глаз. После чего свет погас. Ходите с фонарем! За что плату не берем.

2. Россия – в беде. ГП искренне, всей душой болеет за свою родину, за Россию, за сограждан. В ее творчестве этот концепт реализуется в нескольких темах.

1) Распад СССР. ГП сформировалась в советскую эпоху, всегда была социально активна, с верой принимала лозунги, видела в них справедливое устройство мира. Она довольно долго прожила в Таджикистане, куда уехала на стройку ГЭС, где работала крановщиком, и сохранила прекрасные воспоминания о дружбе народов, о трудовом энтузиазме, о позитивном созидательном настрое всех жителей и в целом страной. Несколько произведений посвящает она этой теме: *Дневник воспоминаний прошлых лет восстановить не так-то просто. Таджикистан. Конец 70-х и начало 80-х годов. Мое пребывание в эту Союзную Республику было началом новой жизни. Я вся влилась полностью в кипящую трудовую деятельность. Стройка велась братскими народами со всего СССР и даже дальнего зарубежья. ЧССР, ГДР, Франции. Строили Нурекскую ГЭС. Рогунскую ГЭС, Таджикский алюминиевый завод, фарфоровый завод. Это своего рода романтика. Познать себя с другими народами. Их опыт, культуру, быт и дружбу, которая процветала там. Это было очень интересно. Заодно показывать.*

Контрастом к тому времени и настроению видится ей настоящее: *Распад союза. передвижение народов в поисках работы. Русские гастайбайтеры за рубежом дальним. Покидаю Родина тебя любимая, родная. Здесь в стране чужой не ищю я рая.*

2) Славное прошлое забыто. ГП, как и многие люди ее поколения, верила в идеалы социализма, персонифицированным воплощением которых считала Ленина. Поэтому и коммунист Зюганов ей понятен, и она принимает его. Не доверяет священникам, оставаясь верной атеизму советских времен.

Передача. Кто купит памятник Ленину? Торг.

Совсем зажмотились. У государства денег нет. Господа-чиновники счет денежке знают. На реставрацию памятников не кидают. Если что, на аукцион любителям. Однажды Ленину предложили. Ильич! Освобождай мавзолее. Или аренду плати. В одиночестве пребывать нельзя. Все твои соратники друзья. Давно покинули тебя. Ответ. Слышат господа. Никогда! Это собственность коммунистов. За что Зюганов бьется. Не трогайте! А то кровь прольется. Господа. задача непростая. Крепок еще Ильич, тверд как кирпич. Ну, что! Окольным путем к священникам пойдем. Они то найдут повод убрать. Грешник не должен здесь пребывать. К примеру сейчас. Где-же история? Вопрос задают. Скажите ребята! Кто такие октябрюта. Плечами жмут. Не поймут. Ну, а памятник этот кому? Ответ. Мужичку одному. Вон руку как протянул. Оборванный весь. Наверное, просит поест. Пальто подносилось. Ботинки вот, вот упадут. Ну и кепку больно сжимает. От-того, что в нее ниче-

го не кладут. Спасибо ребята вам за ответ. **Делаю вывод, истории нет.**

Брежневские времена. Как жила страна до перестройки?

До Горбачева жили клёво. Во время перестройки невозможно жить на тройки. Раньше, толи дело! На тройку жил богато наш Литвяк. Жена в золоте ходила. В зоопарк хорошо кормила крокодила. Пил Литвяк хорошее вино. При перестройке вкус забыл давно. Все ругали Горбачева, что уничтожил клёво. Ввёл сухой закон. Однако глубоко ошибся он. Традицию Руси нарушил. Раису свою слушал. Для русского Ивана всегда хватало океана. Резко лишить всего. Сухо. Нет признаков жизни никаких. Ванька обессилил и притих. На что похоже? Раньше был румянец на рожке. Теперь пустыр. Ни где не стыр. Виноград уничтожен. Уже негоже. Так длилось много лет. Мужикам заправки нет. Случалось много бед. Хандра напала. Рот нечем помочить. От алкоголя начали лечить. Трудоспособность ни к чему. Стала ему по кочану.

3) Кругом враги – Америка, Украина, Саакашвили, Прибалтика и др. Эта тема также отражает мировоззрение наших соотечественников, сформированных во времена холодной войны и усиленных в последние годы. ГП постоянно смотрит телевизор, следит за политическими событиями и болеет за свою страну.

С Запада прохладой потянуло. Украина к нему примкнула. Клеветает на Россию как баба на базаре. Мазепу захотела от любви она. Стала добезума пьяна. Ставит памятник ему. Собирает сходки, хороводы. Простаивают фабрики, заводы. Народ не нужен ей. Запад ведь милей. Как долго может такое длиться?

Русское народное сознание не лишено мистицизма, веры в чудесное спасение, в защитников в виде славных предков (Петр 1, Кутузов), в славном прошлом. Этот компонент сознания отражен в следующих текстах.

Медный всадник

Легенда ходит о Петре. Днём у Исакия он в градине на коне. Ночью при луне. ходит по Неве. Всё на крепости глядит. Не в духе и сердит. Прибалтика шумит. Памятник тревожит. Злоба её гложет. На Россию чушь несёт. Кругом запреты. Вопрос. Что заставило царя, слезть с коня? Вот и ходит по ночам. Дозоры проверяет. Европе не доверяет. О чем думал царь? Вглядываясь в даль. Холодный, встречный ветер доносил звуки. Предвещал народу снова испытать, не дай Бог муки!

Примечание: Бомж, учёный. Никому не нужен в наше время. Петр I дал ему надежду скорого будущего в области науки. Такие мозги валялись на дороге. Секспосы вытеснили науку.

Мистика в городе живет. Кто с недобрым приезжает. Она чувством сразу узнает. От-чего Петр ходит по Неве? От-того, что капсула в коне. Тайна в нём сокрыта. От-чего он вверх поднял копыта? Загадка, скульптур своё дело знал, чтоб никто не распознал.

Казанский Собор. Заметки.

Кутузов обращает взор. Иностранцы лезут на забор. Каналам перекрывают путь. Господи! Хоть-бы свежим воздухом вдохнуть. И каждый день, ни конца, ни края, в городе экскурсия другая.

Ангел на Дворцовой, так-же труд творцовый. Между небом и землёй. Окружён водой. Эрмитаж. Поднимаюсь на этаж. Это правда, ни мираж. Всё под золото. Картины и портреты. Полотна. Как Кутузов Наполеона бьёт. А потом Давидов со своим полком за победу пьёт. Жаркий бой, ещё вдали, в дыму не видно. Мчится на коне Багратион. Армию Наполеона добивает он.

4) Засилье эмигрантов. ГП в своих политически ориентированных текстах отражает настроение тех людей, которые видят угрозу в чрезмерном наводнении России выходцами из других стран, в то время как свои граждане – россияне – сами уезжают из России и становятся эмигрантами. В тексте, озаглавленном *Азиатские гостейбайтеры в России*, она как бы от лица эмигранта сетует на развал Союза, когда им жилось хорошо за счет русских. Очень жаль. Союз распался. Было время у нас русский надрывался. Толи дело пили чай мы в чайхане. По хрену была работа мне. Теперь мы в России. русские за границу, ловит там жарптицу. Нам туда дороги нет.

В этой ситуации ГП опять-таки склонна обвинять чиновников, за ошибки которых расплачивается народ. В следующем произведении она приводит конкретный пример городов ситуации юга России, где ей тоже пришлось пожить. Чиновники! Не делайте ошибок, за них расплатится народ. Кровь рекою поплывет. Пример. Кубань. Своих соотечественников со всех братских республик отфутболивали. Департировали обратно. Не нужны, т.к. нечего с них взять, голь перекатная, худые, голодные как с креста сняты. Пар сквозь ребер идет. Зато всех Кавказцев в объятия брали. На расстоянии чуяли в лимузинах всю Кубань, Краснодарск.край, Ставрополье и дальше. Хозяевами стали. Наши русские, на своей земле рабами у них работают. Пояснее, белый на черного от зари до зари, в любую непогоду. Так вот чиновники продали свой народ. Куда кавказцы приходят. Услышать можно страшные слова. Вас чиновники продали вместе с землей. Что хотим то и делаем. Будете возникать, всех выведем на площадь. Поставим на колени. офлиртуем без разницы пола и расстреляем. А вашу Россию, которой уж нет Так-же офлиртуем, колесуем, разделим на четыре части. Тут-то чиновники спохватились, что они наделали. Давай народ поднимать. Изгонять черноту. Но поздно. Вспомните. Вырезали г. Буденовск. Чиновники знали, что движется колонна черни. Бросили город на растерзание зверям. Сбежали. А сколько еще было там разных деверсий? Они говорят. Мы купили. Так просто не отдадим. Был в г. Краснодаре атаман войска казачьего Владимир Громов. Хороший, умный. деловой человек. Однажды иду с работы. Эти чурки срывают со стен его портреты. Топчат своими грязными ногами. А некоторые умудрялись справить в виде фонтана свою мочеиспускательную нужду. Пособирали я эти портреты и понесла атаману Макухе Василию Гавриловичу. Посмотрите! Следующая очередь ваша. Не хочу передавать его реакции на эти выходы зверей. Слава Богу взял себя в руки сдержался.

Не только выходцы из Средней Азии кажутся ей угрозой, но и китайцы настораживают автора. Поэтому и Москву называет Китай-городом.

Москва. Китай-город.

У китайцев есть прописка на проживание в столице. По ней мельтешишь их лица. Где паспортисты? Их законом придется поискать. Пришел хозяин к себе домой. А у него китайцы лапшу палочкой едят. На своем лопочат. Искося глядят. Москва – Пекин моя. Задумался хозяин стоя на пороге. Куда нести ноги? Вспомнил Жириновск. От Воронежа одна тропа. Встретишь на ней попа. За ним иди. Дорога к храму приведет. Где – ты Россия? Где твои нивы, поля? Уже больно волнует меня. **Кругом иноземцы.** От Уральско-го леса пеньки. Отборный кругляк везут на восток. Смотришь на все. Боль остается в душе. Многим придется, жить в шалаше. А эти друзья поднебесные, с виду прелестные, как черви в Россию ползут. Вызывают негодование, зуд.

5) Плачевное состояние деревни. Особую боль приносит ей состояние русской деревни, чему посвящено немало текстов.

Командировка. Тема сельская жизнь. Вопрос. Как поднять деревни?

Приезжает Жириновский на село. Снегом запорошено оно. Скудная картина. От голода, холода дрожит скотина. Покосившиеся домишки. Нет дров, угля у Гришки. Жизнь в деревеньке, подобна горбатой, старой Феньки. Чем живет деревня, Жириновский задает вопрос? Дряхлый дед Степа, тычет ему бутылку в нос. Все под девяносто выживаем просто. Пробу можешь снять. Да и Феклу старую обнять.

Простота народная! В радостях может он обнять. Несмотря на бедность, у них дух, силу не отнять.

6) Бывшие ученые, военные стали бомжами (описание их тяжелой жизни).

Ученые, бомжи. Ни науки, ни кола, ни двора. Столовую нам заменяют помойки. На асфальте спим вместо койки. Дальнейшей жизни не видим. Однажды бомж одному фермеру на тяпку мотор прикрепил. За изобретение это устроил он пир. Сало поел, котлеты домашние. Дал на дорогу пельмени вчерашние. Бомжиха лаборантка Фекла за мной поплелась. Окликнула. Вася! Дай хоть одну пельмешку. Съели с сухарем в перемешку. Жаль как-то стало. Пельмени отдал. Знаю как сам голодал.

Так у нас живут ученые мужи. Зимой в колодца заползают как ужи. Чердаки, подвалы на замках. Слава Богу есть колодца. Крышку сдвинул там тепло. И под вой метели. Видят сны. Как в Советское время на праздники с Красной горки, они на саночках летели.

Наука. Нет ее. Скука. Ученые одни в батраки попались. Другие на родине спились. не нужны России мозги. Зато баранов полно. Куда не глянешь всюду гавно.

О чем задумалась Россия наперед? Выборы 2011г

Что изменится в жизни народа? Если полковники долбят асфальт. Будет ли сильная армия? Контрактников жаль. Коррупция захлестнула Россию. Корни дала глубоко. Выкорчевывать ее нелегко. Каждый жаждет власти. Чтoб кормушку надолго иметь. ездить по странам разным. Да сильнее загореть.

К чему идеи, стремимся? Работаем как лошади. Не ленимся. Напрасно мечтой живущие. Пенсии, зарплаты нерастущие. К примеру: – Со шваброю танцую только так. За труд дают пятак. Хлебушко поднимается в цене. Дешевым видишь его во сне.

В офисе моет пол старушка. С портрета Медведев смотрит на нее. Ск. получаешь бабушка? Есть ли у тебя жилье? Отвечает бабушка-старушка. Видеешь воды полна кружка, корочка, да соль. Спросить позволь. Дальше. А будет у нас еще вода? Как жить тогда? О жилье и речи быть не может. Миллионы никто мне не положит. Платные дороги. Налоги высоки. Так вот попадают в рабство русаки. За кордоном тоже им не мед. Гнут на своих олигархов там хребет.

3. Гордость за страну, вера в ее спасение. ГП, сама являясь человеком сильного духа, верит в спасение России, в ее силу духа, гордится ею, о чем свидетельствуют ее следующий патетический текст.

КОГДА СТРАНЕ КТО-ТО ЧЕМ-ТО УГРОЖАЕТ.

Когда Стране кто-то чем-то угрожает. Похоже камень оживает. Земля не хочет раненною быть. Историю Руси Великой. Вряд-ли нам забыть.

Многострадальная Русь.

Горжусь тобой Россия. Горжусь народом я твоим. Духом не упадим. И его именем святым.

Попытаемся подвести некоторые итоги.

Личностные характеристики и социально-политические взгляды этой лингвоперсоны обусловлены ее биографическими, ментальными и психологическими факторами. Будучи «выходцем из народа» (да и оставшегося там), она отражает пласт «низового» и «среднего» социального сознания, с этих позиций она подходит к восприятию и оценке всего «содержания жизни». Но как человек активный, смелый и отзывчивый на чужую боль, она считает возможным и нужным отзываться на события «большого» значения в уважаемой ею письменной форме, в чем кроется ее желание оказать влияние на происходящее. В глубине души она, возможно, мечтает быть услышанной («прочтенной»), но робость (идуший от воспитания комплекс неполноценности) вряд ли позволят ей на это решиться.

ГП – человек холерического темперамента, ярко выраженный художественный тип, с неупорядоченным, ассоциативным мышлением, со слабой саморефлексией, с элементами мистического восприятия, с большой креативной способностью к созданию письменных речевых текстов – пишет под влиянием наплывающих впечатлений, подавляющих рациональное начало. Те базовые установки, которые нами выделены в статье, отражают определенный пласт народного социально-политического обывденного сознания, который особенно полно воплощен в людях старшего поколения, сформированного в советское время. Мы не беремся утверждать, что оно полностью отсутствует у более молодых людей – это требует специального исследования. Но такие базовые установки, берущие начала издалека и попавшие в более глубинные пласты сознания – возможно, подсознания – и имеющие черты архетипов, вряд ли исчезают полностью. Думается, представленный материал может быть интересен не только филологам, но и смежным научным дисциплинам – социологам, историкам, философам, психологам.

Литература

1. Голев Н. Д. Некоторые аспекты типологии языковой личности (к проблеме взаимоотношения языкового и персонного пространства) // Коммуникация. Мышление. Личность: матер. междунар. науч. конференции, посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов: Наука, 2012. С. 532 – 552.
2. Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (в поисках лингвогносеологем) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голева. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 7 – 41.
3. Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. «Я так хочу назвать кино». Наивное письмо. Опыт лингво-социологического чтения. Записки Киселёвой Евгении Григорьевны. М., 1996.
4. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник БГПУ. 2001. № 1. С. 4 – 10.
5. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как проявление повседневной народной культуры // Антропотекст-1: сб. статей / отв. ред. Л. Г. Ким. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2006. С. 295 – 303.
6. Лебедева Н. Б. Речевая личность: параметры типологизации // Вопросы лингвоперсонологии / науч. ред. Н. Б. Лебедева, Н. Д. Голев. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. С. 110 – 115.
7. Лебедева Н. Б. Толерантность и естественная письменная речь // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография. М., 2005.
8. Неклюдов С. Ю. От составителя // Наивная литература: Исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М., 2001. С. 4 – 21.

Информация об авторе:

Лебедева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики КемГУ, nlebedevab@yandex.ru.

Natalia B. Lebedeva – Doctor of Philology, Professor, Head at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 808: 81'112.2

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ОПИСАНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ТЕРМИНОГРАФИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Н. А. Лиханова

ETHNOLINGUISTIC PECULIARITY OF DIALECT TERMINOGRAPHY OF EASTERN TRANSBAIKALIA

N. A. Likhanova

Данная статья ориентирована на получение новых знаний в области этнолингвистики и раскрывает регионально-культурные связи языка и общества. Актуальность статьи связана с поиском таких источников этнолингвистической информации, которые на конкретном фактическом языковом материале продемонстрируют специфику культурных смыслов, отражённых в знаках вербального языка. Региональным источником исследования выступает «Словарь русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова. Объектом описания статьи является диалектная терминология Восточного Забайкалья с учётом идеографического подхода. В статье используется методика комплексного этнолингвистического анализа, куда включены этимологические, семиотические, исторические, культурные данные языка.

Диалектная лексика приисковой терминологии Восточного Забайкалья, по материалам лексикографических источников, представляет собой детальное отражение различных сторон региональной лингвокультуры, в том числе и профессионального языка горного дела.

This article is aimed at receiving new knowledge in the field of ethnolinguistics and reveals the regional-cultural ties of language and society. The timeliness of the article is connected with the search of such sources of ethnolinguistic information which would demonstrate the specificity of cultural meanings reflected in the signs of verbal language on the specific factual material of different epochs. Regional linguistic source of the research is «A Dictionary of Russian Dialects of Transbaikalia» by L. E. Eliasov. The object of the article is to describe the dialect terminography of Eastern Transbaikalia from the perspectives of the ideographic approach. The article uses the method of complex ethnolinguistic analysis, which includes etymological, semiotic, historical, cultural, and language data.

Dialect vocabulary of placer terminology of Eastern Transbaikalia, according to the materials from lexicographical sources, is a detailed reflection of various aspects of the regional linguistic culture, including professional language of mining.

Ключевые слова: этнолингвистическая информация, идеографический подход, диалектная терминология, диалектные термины приисковой лексики.

Keywords: ethnolinguistic information, ideographic approach, dialect terminography, dialect terms to mining – vocabulary.

Моделирование языковой картины мира является конечной целью такого активно развивающегося направления, как региональная этнолингвистика, которая направлена на изучение ситуации взаимодействия языков и этнокультур в исторически сложившемся регионе.

В целом идея этнолингвистического подхода заключается в интегральности духовного и материального понимания специфики этнокультуры, где привлекается широкий круг источников для описания всего языкового материала на диахронном уровне. Теоретики языка Э. Сепир и Б. Уорф считали, что между языком и культурой существуют определенные ментальные связи, которые «обнаруживаются не столько тогда, когда мы концентрируем внимание на чисто лингвистических, этнографических или социологических данных, а сколько тогда, когда мы изучаем культуру и язык (при этом только в тех случаях, когда культура и язык сосуществуют исторически в течение значительного времени) как нечто целое» [16, р. 15]. Объективность исследования в значительной степени зависит и от используемых методов, которые в данном направлении должны быть ориентированы на выявление культурно-исторической (этнокультурной) информации. Как отмечается в работе Е. Л. Березович, «понятие культурно-исторической информации само по себе неоднородно и включает несколько взаимосвязанных блоков: информация об этнической истории, о социальной жизни, о материальной культуре народа, о духовной культуре» [1, с. 130].

В фокусе фрагментов и уровней изучения региональной культуры может быть рассмотрена и диалектная система. В этом плане лексикографическое описание языковых фактов является эффективным источником в изучении отдельных вопросов этнолингвистического подхода. Так, при работе с этнолингвистическими источниками – областными словарями – важно определять статус лексем, степень их востребованности и сохраненности на общезыковом и региональном уровнях. Представляется необходимым использовать языковые артефакты из разных лексикографических источников для получения достоверных сведений об анализируемом лексическом элементе. Отметим, что культурно-историческая информация в условиях словарного и текстового фонового контекста происходит за счёт подключения дополнительных способов описания артефактов языка, где могут учитываться следующие компоненты: этимологический комментарий; семиотический аспект (знаковость); обрядовая функциональность; историческое развитие содержания слова; территориальное распространение диалектного слова; межкультурные (межэтнические) связи. Для реализации идеи привлекаются материалы определённых видов словарей (диалектные, фразеологические, исторические, терминологические и пр.), данные которых способствуют выявлению культурно-исторической информации. При таком научном контексте предполагается использовать идеографический способ классификации языкового материала, который выступает одним из путей систематизации знаний о мире человека.

В современных исследованиях, посвященных проблемам изучения диалектной картины региона,

одним из условий рассмотрения тех или иных ее составляющих становится выделение и анализ логико-понятийных групп (систем). Микросистемы позволяют детализировано, в иерархической структуре через знания лексических единиц реконструировать определенный участок семантического пространства жизнедеятельности человека. При описании отдельных лексем должны учитываться разные факты: проявления народного менталитета, психологии, истории развития в разных регионах, разница которых будет заключена, например, в географическом положении (степная / приморская территория), условиях климата (южные / северные климатические условия), роде занятий (рыболовство / золотодобыча / земледелие / скотоводство) и т. д.

Так, А. С. Гердом была разработана «логико-понятийная система» (схема, модель) изучения групп лексики. Смоделировать её возможно только путем привлечения не только широкого круга лингвистических источников, но и исследований по этнографии, истории, культуре. Этнолингвист определил её следующим образом: «логико-понятийная система строится как модель знания о мире в том или ином ареале для определенного исторического периода. Если мы знаем тип этноса, такая модель представляет собой логико-понятийную схему знаний о мире у данного народа. Подобная классификационная логико-понятийная схема удобна тем, что она может строиться отдельно по ареалам, векам, источникам» [5, с. 63]. Уместно применение логико-понятийной системы и при работе с терминологической лексикой диалектных словарей.

Отметим, что диалектная терминография в меньшей степени является объектом этнолингвистического описания. В лингвистической литературе сказано, что «границы употребления термина расширяются в диалектной речи настолько, что его часто можно квалифицировать как факт обиходно-разговорной речи говора... Как любое слово диалектной речи, термин может подвергаться дальнейшему семантическому развитию... Для диалектной терминологической лексики характерным является не только многозначность терминов, но и появление образных значений.» [9, с. 168]. Учитывая «образные значения», можно получить дополнительные сведения о развитии и региональной лингвокультуре. О. В. Фельде подчеркивает, что «крепнущие связи терминографии с родственными и смежными лингвистическими дисциплинами, накопление фактических сведений о семантических, ономазиологических, функциональных, динамических и др. особенностях словарного состава «нижнего регистра» языков для специальных целей привели к формированию в недрах терминографии нескольких направлений, имеющих большую или меньшую самостоятельность: региональной терминографии, исторической терминографии, мотивологической терминографии» [15, с. 209]. Это лишь ещё больше подчеркивает актуальность описания региональной профессиональной лексики.

Пермский учёный И. А. Подюков пишет, что «профессиональная (специальная) лексика существенно отличается от искусственно созданной профессиональной терминологии – она возникает естествен-

ным путем. Если позднейшая техническая терминология характеризуется устойчивостью, стандартностью и не имеет территориальных вариантов, то народная профессиональная лексика ремесел – прежде всего в силу устности бытования – отличается избыточностью и высокой вариативностью. В современных условиях разрушения традиционных народных промыслов и обращения к современным технологиям этот языковой материал подвергается сильнейшей трансформации и постепенно умирает. Впрочем, даже исчезая с прекращением, забвением промысла, созданная в его недрах речь получает нередко вторую жизнь – как в других сферах производства, так и в образном применении» [11, с. 25]. На сегодняшний день во многих регионах России идет работа над проектами создания диалектных словарей, куда включена и терминологическая лексика. Это работы томских лексикографов, где в народной речевой культуре отражена определенная терминосистема [2, с. 7]; пласт терминологической лексики представлен В. П. Васильевым в кемеровских говорах [4, 95], терминологическая лексика донского казачества представлена М. С. Крапивиной [10, с. 83] и др.

Описание диалектной терминографии Восточного Забайкалья будет способствовать реконструкции отдельных логико-понятийных групп, даст информацию о деятельности региональной личности в условиях Забайкальского региона, представит через лексические единицы информацию о развитии определенного промысла как в регионе, так и в России.

В качестве основного источника описания выступает «Словарь русских говоров Забайкалья», который представляет собой сокращенный вариант обширного раздела рукописи «Русские диалектизмы Забайкалья и их носители». Автор словаря – Л. Е. Элиасов, старался записывать слова по определенным темам, куда непосредственно вошел местный говор: «приисковой терминологии», «рыбного промысла», а также «терминология охотников», «лексика житейской обстановки каторжников», «бытовая лексика, касающаяся домашнего инвентаря, сбури, предметов, связанных с сельскохозяйственными работами», «семейно-бытовая лексика», «слова семейских», «лексика казачьего сословия» и т. д.

В качестве объекта исследования рассмотрим приисковую терминологию, опыт собирания которой Л. Е. Элиасов описывает следующим образом: «переходя с прииска на прииск, из одного таежного поселка в другой, я не расставался с записной книжкой, и в каких бы условиях ни работал, считал необходимым записать все новое, что слышал. Иногда приходилось записывать целыми вечерами устные рассказы, сказки, песни, частушки, разные побывальщины, и во всех этих повествованиях находилось немало слов, которые знали только местные жители. Но больше всего мне приходилось осваивать новые слова в процессе работы на шурфах, открытых разрезах, во время проходки так называемых "ям", во время промывки золотоносного песка и т. п.

В рабочих артелях золотоприискателей мне пришлось проработать несколько лет с ломом, лопатой и кайлом в руках. Вот у этих людей, смешанных с местными крестьянами, выходцев из семейских сел, и

казачьих станиц, мне удалось записать большое количество таких слов, которых в будущие годы вне золотых приисков я нигде не встречал...» [14, с. 6]. Языковой материал, представленный автором, отражает специфику региональной этнокультуры, фиксирует межэтнические связи, описывает мир золотоискателей – один из основных видов деятельности на территории Забайкальского региона.

Забайкалье стало одним из золотодобывающих центров России в первой половине XIX в., что во многом и определило развитие региона. Известно, что еще с XVII в. на этой территории были открыты нерчинские серебряные руды и функционировал сереброплавильный завод. Распространение золотопромышленности в целом в Сибири и на Дальнем Востоке способствовало развитию других отраслей: сельскому хозяйству, земледелию, скотоводству. Благодаря развитию золотодобычи была, отчасти, создана железная дорога, развивались торгово-экономические связи как внутри государства, так и с приграничными странами.

Обратимся к языковым артефактам диалектной терминографии – лексики золотых приисков. Первые наблюдения над языковым материалом приисковой лексики Восточного Забайкалья позволили выделить определенные логико-понятийные группы диалектных слов. Среди которых, например, выделим:

- наименования приисков (*нава'л* – старые приисковые разработки, заросшие кустарником или травой; *мира'да* – небольшой участок, на котором имеется большое количество золота и пр.);

- наименования рабочих, занятых на золотых приисках, где речь идет о мужском и женском разделении труда (*ма'мка* – женщина на приисках, которая за плату готовила пищу и стирала белье холостым рабочим; *гайба'р* – золотоискатель, не имеющий постоянного места жительства; *помо'йница* – женщина-золотоискатель; *нагре'бник* – рабочий, наполнявший бадьи породой и пр.);

- наименования золотоносного песка/золота (*обра'т* – самые маленькие песчинки, остающиеся в золоте после промывки его в лотке; *огу'зок* – остаток недомытого золотоносного песка; *мясни'ка* – золотоносный песок с глиной и пр.) и т. д.

Рассмотрим региональную лексему *пе'за* в этнолингвистическом аспекте, которая семантизируется Л. Е. Элиасовым следующим образом: камень наподобие колчедана, спутник золота. Привлеченный контекстный комментарий помогает раскрыть специфику слова: «Раз *пе́за* оказалась, значит, золото будет. При *железняке* и *калчедане* золота может и не быть, а при *пезе* обязательно намоешь золото. *Пеза* не легче золота, иногда ее из лотка приходится ногтем выбрасывать» [14, с. 289].

Спутником золота представлена и региональная единица *перга'*. Из контекста «*Перга небольшая, значит, и золота большого не жди. Перга есть, а золота маловато. Бывает и так – перга встречается, а золота нету. Ведь не по нашей указке все создавалось, перга могла удержаться, а золота в сторону ушло*» [14, с. 291].

Обратимся к бесценному источнику сведений о русском народе, его нравах, обычаях, укладе – «Сло-

варю русских народных говоров». В нём отмечено, что диалектные номинации *пеза* и *перга* представляют собой региональные лексемы Забайкалья. Пеза – это камень наподобие колчедана, спутник золота, перга – минерал, спутник золота [13, т. 26, с. 18].

Данные региональные единицы характеризуют сугубо местный говор и специальную терминологическую лексику золотого промысла, где по определённым признакам рабочие могли найти золотые залежи. В целом В. И. Даль отмечает, что *перга* – обнорка, необработанный пчёлами цветень, пыльная поношка, в контексте «Медь не чисто, в нем много перги // перхоть, плоть шевырюжки съ тела, першь, перша; вычески плоти изъ головы» [8, т. 3, с. 29]. Таким образом, перга (переносное значение) представляла собой необработанную золотую пыль, её наличие указывало на местонахождения драгоценного металла.

Несомненный научный интерес вызывает и языковая реальность *о́рто*, что означает подземную работу на руднике. Контекстный комментарий следующий: «Каждый каторжный по десять – пятнадцать лет на орте проводил. А каждый год на орте за десять казался». К данному виду деятельности привлекались приговорённые к каторжным работам заключённые, которые с XVIII в. ссылались на Нерчинскую каторгу. Общеизвестно, что в основном с помощью труда ссыльных и осуществлялось освоение рудных запасов, серебра и золота на территории Забайкальского округа. В словарной статье Л. Е. Элиасовым отмечено, что через несколько лет люди «с орты выходили чернее сажи» [14, с. 269].

В картотеке «Словаря русских народных говоров» сказано, что *о́рта* – 1. добыча руды под землей – распространено на территории Забайкалья. 2. Шахта – горизонтальная выработка в шахте, зафиксировано в уральских говорах [12, т. 23, с. 346].

В. И. Даль семантизирует данную лексику следующим образом: *орта* – распространено в сибирских говорах, «подземная рудная работа», авторская пометка следующая – (немц.?) [7, т. 2, с. 714].

В качестве источника этнолингвистической информации привлечём данные истории языка – «Словарь золотого промысла Российской империи», который содержит подробное описание лексемы. Орт (орта) – горизонтальная подземная горная выработка, проходима в пределах залежи полезного ископаемого вкост её простирается и не имеющая непосредственного выхода на поверхность... – Где шахты опущать и штольнями и ортами, и крепить и в каких местах шурфовать (Из описания Уральских и сибирских

заводов). Орт – горизонтальные выработки во внутренности рудника, получившее название по месту своему и намерению с каким производится: зицора, зухорта, фельдорта, фильора...; Орты – подземные галереи, в которых добывают золотоносные пески; При очень значительной толщине торфа работают ортами, т. е. подземными коридорами; Пересеченные жилы начинают вырабатывать ортами, высота ортов бывает в 1 саж., ширина же зависит от того, сколько жил захватывается ортами, но никогда орты не бывают шире 4 аршин [3, с. 120].

В терминологическом словаре «Горное дело» сказано, что *орт* – это выработка, не имеющая непосредственного выхода на поверхность и проведенная вкост простирается месторождения (при крутом и наклонном падении) [6, с. 248].

Таким образом, на территории Забайкалья слово *орта* – представляет собой терминологическую диалектную единицу, которую использовали при определении «подземной работы на рудниках», куда привлекались ссыльные. Исторические данные и материалы терминологического словаря описывают способ выработки золотоносного песка, где орта – не имела непосредственного выхода на поверхность, представляла большие подземные коридоры, которые создавали трудности и неудобства при работе людей. С точки зрения семиотики пространства орты создавались вкост распространения полезных ископаемых. Этимологические данные в специальных словарях не представлены, возможно, заимствовано из немецкого языка, слова которые начали проникать в русский язык ещё с XIII века.

Согласно материалам исследования видим, что антропоцентризм, применяемый в диалектной лексикографии, вызывает необходимость введения в словарную статью энциклопедических и культурно-исторических элементов. Здесь пересматриваются функции иллюстративной части словарной статьи, поднимается вопрос о разных способах представления определенных классов слов. Диалектная лексика приисковой терминологии Восточного Забайкалья представляет собой детальное отражение самых различных сторон региональной культуры, формирует свою языковую ситуацию, выступает источником описания этнолингвистических вопросов. Описание терминологической лексики региона будут также способствовать интегрированию отдельных вопросов гуманитарной и технической сфер, которые становятся востребованными при развитии современной научной парадигмы.

Литература

1. Березович Е. Л. Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике (1987 – 1998 гг.) // Известия Уральского государственного университета. 1999. № 13. С. 128 – 142.
2. Блинова О. И. Фитоморфнимы как источник народной речевой культуры // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 7 – 10.
3. Борхвальдт О. В. (Фельде О. В.) Словарь золотого промысла Российской Империи. М.: Русский путь, 1998. 240 с.
4. Васильев В. П., Васильева Э. В. Словарное дело Кузбасса в «Золотой век» русской лексикографии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3(55). Т. 2. С. 94 – 95.
5. Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. 457 с.

6. Барон Л. И., Демидюк Г. П., Лидки Г. Д. Горное дело. Терминологический словарь / под общ. ред. Л. И. Барона. М.: Недра, 1981. 497 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1978. Т. 2. 809 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1978. Т. 3. 577 с.
9. Ивашова Н. М. Особенности семантики терминов западноевропейского происхождения в говорах Русского Севера // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 168 – 172.
10. Крапивина М. С. Структурные свойства лексико-семантического поля «рыболовство» в донских казачьих говорах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета 2011. № 10(64). С. 83 – 86.
11. Подюков И. А. Лексика прикамского солеваренья как объект лексикографии // Вестник Пермского университета. 2010. № 2(8). С. 25 – 29.
12. Словарь русских народных говоров: в 48 т. Т. 23 (Одале – Осеть) / под общ. ред. Ф. П. Филина. Л.: Наука, 1987. 376 с.
13. Словарь русских народных говоров: в 48 т. Т. 26 (Первее – Печетник) / под общ. ред. Ф. П. Сороколетова. Л.: Наука, 1991. 351 с.
14. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980. 472 с.
15. Фельде О. В. Проблемы и перспективы лексикографического описания русского профессионального субстрата // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33(248). (Серия: Филология. Искусствоведение). Вып. 60. С. 209 – 212.
16. Whorf B. L. The relation of habitual thought and behavior to language // Language, thought and reality. New York, 1956. 27p.

Информация об авторе:

Лиханова Надежда Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Забайкальского государственного университета (Чита), nadezh-l@yandex.ru.

Nadezhda. A. Likhanova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Theoretical and Applied Linguistics Department, Transbaikalian State University (Chita).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 81' 37

**ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СТ «С+УХ/А»
(на материале русских народных говоров)**

О. В. Малахова

**THE PROPOSITIONAL AND FRAME ORGANIZATION OF THE WORD-FORMING TYPE
«NOUN WITH DIALECTAL FORMANT + УХ/А» (on the material of Russian folk dialects)**

O. V. Malakhova

В статье рассматривается пропозиционально-фреймовая организация словообразовательного типа (далее – СТ) «основа существительного + формант -ух/а» (далее – «С+ух/а»). Производные этого СТ репрезентированы в рамках одной пропозициональной структуры, выраженной в языке словообразовательным значением «лицо по характерному предмету». Ядром СТ «С+ух/а» является фрейм «лицо по родственным связям», с которым пересекаются все остальные пропозиционально организованные тематические группы, являющиеся семантическими узлами и входящие во фреймы (равно как и ядерный фрейм), в пропозиционально-фреймовые границы других типов. Особенностью анализируемого типа являются мотивирующие единицы, которые позволяют увидеть прототипичные и периферийные для языкового сознания русского человека ориентиры производства дериватов с конкретным формантом и реализуют в семантике производного различные деривационно значимые смыслы, обуславливая образование полисемии.

The article discusses the propositional and frame organization of derivational type «Noun with dialectal formant-ux/a» (N+ux/a). Derivatives of this type are represented within the same propositional structure, expressed in the language by the word meaning «person by the typical subject». The core of the dialect word-forming type «N+ux/a» is the frame «person by family connections», which intersects with all other propositionally organized thematic groups, which make up semantic nodes and are included in the frames (as well as the nuclear frame), propositional frame boundaries of other types. The main feature of the analyzed type is its motivating units that allow one to see the guidelines, which are prototypical and peripheral to the language consciousness of a Russian person⁴ these guidelines produce derivatives with a specific formant and implement different derivational significant meanings in the semantics of derivatives, causing formation of polysemy.

Ключевые слова: словообразовательный тип, пропозициональная структура, пропозиция, фрейм, тематическая группа, полисемия.

Keywords: word-forming type, propositional structure, proposition, frame, thematic group, polysemy.

Язык точно отражает процессы, происходящие в обществе, в языке осмысливаются факты действительности. События реальной жизни влияют на все сферы жизнедеятельности людей, создаются новые слова, изменяется словарный состав, свидетельствующий о постоянном развитии, движении человеческой мысли. Словообразование демонстрирует возможности деривационной системы в пополнении словарного состава языка. Деятельностный характер словообразования обнаруживается в создании новых слов, вербализующих разные стороны жизни народа. Словообразовательный акт «фиксирует за обозначаемым предметом определенное свойство. Зафиксированные и закрепленные названием, эти опознавательные признаки предмета осознаются теперь как таковые всеми говорящими на русском языке и становятся неотъемлемой частью понятия о названном предмете» [12, с. 19].

Производное слово является мотивированной единицей языка, построенное по определенному словообразовательному типу (далее СТ), который «мыслится как ментально-языковая категория, представляющая собой один из способов моделирования познания мира» [11, с. 13]. Мотивированность деривата – это отсылка к источнику обозначаемого, указание на возможное использование источника в том или ином ракурсе. Реализация деривационного потенциала исходных единиц, «направляемая пропозициональными знаниями и сдерживаемая функциональной семантикой форманта, различные виды парадигматической связанности этих единиц определяют направление семантического развития типа» [1, с. 10]. Производное слово отражает словообразовательный когнитивный процесс и результат данного процесса.

«Производное слово выступает в первую очередь как языковой способ представления структуры знания и / или его оценки» [13, с. 408]. Основу семантики производного слова и формы ее представления составляют пропозициональные структуры. Для словообразования большое значение имеет пропозициональная модель представления знаний. «Эта модель отражает взгляд на деривацию, согласно которому производное слово (ПС) является не просто результатом прибавления аффикса к производящей основе или сложения основ. В пропозициональной модели представления знаний ПС трактуется как результат преобразования описательного словосочетания или предложения в однословную номинацию, т. е. как синтаксический процесс – как компрессия поверхностной структуры описательной номинации» [11, с. 58].

Цель исследования заключается в анализе пропозиционально-фреймовой организации производных в наименовании лиц в характеризующем аспекте в границах СТ «С+ух/а/».

В настоящее время исследованием словообразовательных типов, пропозиционально-фреймовой организации СТ активно занимаются представители Кемеровской лингвистической школы [4 – 10], работающие под руководством проф. Л. А. Араевой.

Нами, на основании материала, извлеченного из различных диалектных словарей, а также из тетрадей, хранящихся на кафедре стилистики и риторики

КемГУ, в которых зафиксированы используемые в речи носителей русских народных говоров Кузбасса дериваты с формантом -ух/а/, выявлено, что данные производные представлены в отсубстантивных, отадективных, отглагольных СТ. «Отсубстантивные производные с формантом -ух/а/ со значением лица содержат оттенок непринужденности, иногда грубоватости, характеризуется разговорностью, фамильярностью или более сильной оценочной экспрессией (если мотивирующее обладает уже такой экспрессией). Данный тип обнаруживает продуктивность» [14, с. 217].

В статье анализу подвергаются отсубстантивные существительные с формантом -ух/а/ на уровне диалектной макросистемы [2; 3]. В рассматриваемом типе мотивирующие представлены существительными, которые характеризуют человека по его внутренним и внешним проявлениям. Мотивирующие разных семантических объединений неравномерно реализованы в типе. Одни из них являются ядерными, другие находятся на периферии. Обозначая те или иные качества человека, мотивирующие формируют разные тематические группы производных со значением лица. Образуясь на основе различных мотивировочных признаков, производные разных тематических групп объединяются в пересекающиеся между собой фреймы, провоцируя образование многозначности. Особенностью рассматриваемого СТ является фрейм «лицо, названное по родственным связям». Родственные связи: как кровные, так и некровные – значимы для человека любой национальности. Особенно значимы эти связи для сельских жителей, имеющих большие семьи.

В пределах анализируемого типа выделяется группа производных, описывающая родственные связи людей, близких по происхождению: состоящих в прямом (кровном), в непрямом (двоюродные), в отдаленном непрямом родстве (в третьем колене), неродных (приемных); людей, близких: по духу, по деятельности, понимающих друг друга, связанных между собой (крепкой, вечной) дружбой; доброжелательное обращение к близкому человеку, а также уделяется внимание семейному положению:

- брата: *брат* / *брату́ха*₁ «брат» (Арх., Барнаул, Влад., Ворон., Калуж., Курск., Новг., Перм.);
- родного брата: *брат* / *брату́ха*₂ «родной брат» (повс.);
- старшего брата: *брат* / *брату́ха*₃ «старший брат» (Башкир., Кузб.);
- сводного брата: *брат* / *брату́ха*₄ «сводный брат» (Даль);
- двоюродного брата, кузена: *брат* / *брату́ха*₅ «двоюродный брат» (повс.);
- брата жены или мужа, шурина или деверя: *брат* / *брату́ха*₆ «брат жены или мужа» (повс.);
- названного брата: *брат* / *брату́ха*₇ «названный брат» (Даль, Твер.);
- крестового брата: *брат* / *брату́ха*₈ «крестовый брат» (повс.);
- друга: *брат* / *брату́ха*₉ «друг» (Новг.);
- обращение к человеку, друг, товарищ: *брат* / *брату́ха*₁₀ «обращение к человеку: друг, товарищ» (Барнаул, Курск);

– сестры: *сестра* / *сестру́ха*₁ «сестра» (Амур., Арх., Брян., Влад., Волог., Даль, Тоболо-Иртышье, Хабар., Яросл.);

– родной сестры: *сестра* / *сестру́ха*₂ «родная сестра» (Башкир., Горно-Алт., Кемер., Мурман., Ср. Приобье, Том.,);

– старшей сестры: *сестра* / *сестру́ха*₃ «старшая сестра» (Волог.);

– двоюродной сестры: *сестра* / *сестру́ха*₄ «двоюродная сестра» (Арх., Бурят. АССР, Волог., Мурман., Новосибир., Пск.,);

– двоюродной или внучатой сестры: *сестра* / *сестру́ха*₅ «двоюродная или внучатая сестра» (Даль, Пск.);

– троюродной сестры: *сестра* / *сестру́ха*₆ «троюродная сестра» (Даль, Пск.);

– падчерицы: *сестра* / *сестру́ха*₇ «падчерица тетки, дяди» (Даль, Пск.);

– дальней родственницы: *сестра* / *сестру́ха*₈ «дальняя родственница» (Даль, Пск.);

– дочери: *дочь* / *до́чу́ха*₁ «дочь» (Арх., Перм.,);

– любимой дочери: *дочь* / *до́чу́ха*₂ «любимая дочь» (Перм.);

– сына: *сын* / *сыну́ха* «сын» (Амур., Волог.);

– женщины, бабы: *баба* / *бабу́ха*₁ «женщина, баба» (Ср. Урал.);

– замужней женщины: *баба* / *бабу́ха*₂ «замужняя женщина» (Перм.);

– бабки, старухи: *баба* / *бабу́ха*₃ «бабка, старуха» (Костром., Ленингр., Орл., Муром., Влад.);

– матери отца или матери; бабушки: *баба* / *бабу́ха*₄ «мать отца или матери; бабушка» (Калин., Орл.);

– прабабки: *баба* / *бабу́ха*₅ «прабабка» (Калин.);

– крестных родителей: *бот* / *боту́ха*₂ «крестные отец и мать и воспитатели» (Перм.).

Таким образом, при именовании лиц по родственным связям в русских селах используется незначительное число мотивирующих производных слов. Это: *брат*, *сестра*, *дочь*, *сын*, *баба*. В результате возникает многозначность, проявляющая экономию речемыслительных усилий, простоту высказываний.

Лица, находящиеся как в родственных, так и в неродственных отношениях, характеризуются определенным типом речи и манерой речи, такими как:

– болтовня, ложь: *борона* [болтливость, ложь] / *борону́ха*₃ «болтливая женщина, лгунья» (Ср. Урал.); *приви́ра* [вранье] / *привиру́ха* «охотник привирать, лгать, хвастать» (Даль); *перви́ра* [вранье] / *первиру́ха* «вздорный вун и вестовщик» (Даль); *растрепана* [вранье, ложь] / *растрепу́ха*₆ «женщина, склонная к вранью, лжи» (Орл.);

– болтовня, пустословие: *древо* [болтовня] / *древу́ха* «болтуня, пустомеля» (Арх.); *лескотня* [болтовня] / *лескоту́ха* «болтун, пустозвон» (Пск., Смол., Твер.); *балботня* [болтовня] / *балботу́ха* «болтун, пустомеля» (Новг.);

– сварливость, неуживчивость: *ерест* [сварливость, неуживчивость] / *ересту́ха* «сварливый, неуживчивый человек» (Прибайкалье); *лоскот* [сварливость, крик] / *лоскоту́ха*₂ «сварливая женщина, спорица, крикуша» (Смол.);

– бормотание, неудовольствие: *пукта* [ворчанье, брюзжание] / *пукту́ха* «ворчун, брюзга» (Даль, Пск.); *сип* [сварливость, ворчливость] / *сипу́ха*₂ «о сварливой, ворчливой женщине» (Смол.);

– склонность к сплетням: *копала* [несерьезность, сплетня] / *копалу́ха*₃ «о пустой несерьезной женщине, сплетнице» (Урал);

– крик, брань: *рев* / *реву́ха*₂ «крикунья» (Даль);

– несдержанность на язык: *растрепана* [болтливость, несдержанность] / *растрепу́ха*₅ «болтливая, несдержанная на язык женщина» (Свердл.);

– неразборчивость, быстрота речи: *стрига* [быстрота речи] / *стригу́ха*₁ «о том, кто слишком быстро говорит» (Пск., Твер.); *сокот* [быстрый говор] / *сокоту́ха*₁ «человек, говорящий быстро и много» (Зап. Брян.); *дробь* [говор скороговоркой] / *дроботу́ха*₁ «тот, кто говорит очень быстро скороговоркой» (Курск, Пск., Твер.);

– без умолку, таратора: *трескот* [таратор] / *трескоту́ха* «баба трещотка» (Даль); *лоскот* [таратор, болтовня] / *лоскоту́ха*₁ «болтуня, трещотка, тараторка» (Калин., Новг., Пск., Смол., Твер.); *щебет* / *щебету́ха* «щебетунья» (Смол.).

Привлекают внимание сельского жителя характерные черты внешности человека:

– голос: *сип* / *сипу́ха*₁ «человек с сиплым голосом» (Горьк., Даль); *голос* / *голосу́ха* «о ком – чем-либо обладающем громким, звонким, голосом, звуком» (Влад.); *писк* / *писку́ха*₁ «о девочке, девушке с тонким, пронзительным голосом» (Пск., Твер.);

– полнота: *бомба* [круг, толщина] / *бомбу́ха* «о толстой женщине» (Орл.); *помпа* [пампушка] / *пампу́ха*₁ «о полной молодой женщине» (Пск., Смол.); *колоб* [круг, толщина] / *калабу́ха*₁ «о толстом человеке» (Пск., Твер.);

– полнота как характеристика умственных способностей человека: *колоб* [толщина, глупость] / *калабу́ха*₂ «неуклюжий, толстый и глупый человек» (Даль, Пск., Твер.);

– телосложение: *стать* / *стату́ха*₂ «о статном, стройном человеке» (Пенз.); *складность* [сложенность] / *складу́ха*₃ «о хорошо сложенной женщине, девушке» (Костром.);

– красота: *краса* / *красу́ха*₁ «красивый, пригожий, видный, взрачный человек» (Даль); *краса* / *красу́ха*₂ «красавица, красотка» (Даль, Смол.);

– походка: *козел* [бойкость, вертлявость] / *козлу́ха*₄ «о бойкой, вертлявой женщине, с прямой осанкой при ходьбе» (Волог.); *козел* [бойкость, вертлявость] / *козлу́ха*₅ «бойкая, вертлявая женщина, выступающая равномерно и при ходьбе вытянувшаяся в струнку» (Волог.);

– волосы: *волос* / *волосу́ха* «женщина с длинными густыми волосами» (Арх.).

Хорошее, радостное настроение, оживленное времяпровождение необходимое человеку для удовольствия и отдыха, характеризует его через:

– развлечение, веселье: *гала* [шутка, веселье] / *галу́ха*₆ «шутник, весельчак» (Тоболо-Иртышье); *ирза* [веселье] / *ирзу́ха* «веселый парень (девушка), любящий смеяться» (Смол.); *брык* [веселье, легкомысленность] / *брыку́ха*₂ «о веселой, легкомысленной жен-

щине, у которой на уме только песни и шутки» (Смол.);

– шалости: *стрига* [шалость] / *стригу́ха*₂ «о бойком, шаловливом человеке» (Пск., Твер.); *жир* [шалость] / *жиру́ха*¹ «о смешливой девчонке-шалунье» (Тамбов); *ком* [шалость] / *комуха́*₂ «шалун» (Волог.);

– пение: *игра* [пение] / *игру́ха*₂ «женщина, девушка, умеющая и любящая петь; певунья» (Орл.); *игра* [пение, песня] / *игру́ха*₁ «певица, певунья, песенница» (Куйбыш., Курск.);

– хохот: *регот* [хохот] / *реготу́ха* «хохотунья» (Зап. Брян., Смол.).

Меткое наблюдение сельского жителя по отношению к нарушению общественного порядка и общепринятых норм поведения, такие как:

– озорство: *бал* / *балу́ха*₁ «шалун, озорник (чаще по отношению к ребенку)» (Пермь);

– проказы, худое баловство: *веред* [проказа, худое баловство] / *вереду́ха* «пакостник, проказник, прокудник, худой баловник, кто много бедит» (Даль); *ком* [проказа] / *комуха́*² «проказник» (Кежем.); *варза* [непозволительная шалость] / *варзу́ха*₂ «тот, кто делает что-либо недозволенное, непозволительное; шалун, шалунья» (Волог.);

– обидная шутка, издевка: *гала* [обидная шутка] / *галу́ха*₉ «насмешник; насмешница» (Арх., Вят., Костром., Свердл., Ср. Урал).

Обыденным сознанием отмечены телодвижения человека: его беспорядочные хлопоты, излишняя торопливость, суета, неловкость, неповоротливость или энергичность, решительность, активность в движениях, в работе, в поведении:

– беспокойность, суетливость, подвижность: *ком* [беспокойность, суета] / *комуха́*₃ «о беспокойном, суетливом человеке» (Тобол.); *ком* [беспокойность, непоседливость] / *комуха́*₄ «о беспокойной, непоседливой женщине» (Костром.); *езда* [непоседливость] / *езду́ха* «непоседа, резвушка» (Тамб.); *битье* [бойкость, непоседливость] / *биту́ха*¹ «бойкий, непоседливый, причиняющий много хлопот ребенок» (Арх.);

– неуклюжесть: *гал* [неуклюжесть, смех] / *галу́ха*₈ «неуклюжий, смешной человек» (Перм.); *ком* [неуклюжесть, неловкость] / *комуха́*₅ «о неуклюжем, неловком человеке» (Тюмен.);

– медлительность: *тепло* [медлительность, нерасторопность] / *теплу́ха*² «нерасторопный человек» (Волог.);

– быстроту, скорость: *полет* / *полету́ха*¹ «проворный, бойкий, скорый на ногах» (Даль);

– энергичность: *бой* / *бойчу́ха* «бойкий, энергичный человек» (Арх.);

– хлопоты: *пескота* [хлопоты] / *песку́ха* «хлопотунья» (Пск., Твер.);

– драчливость: *драка* / *драчу́ха* «драчунья» (Даль).

Сфера трудовой деятельности остается одной из важных характеристик человека по отношению к труду:

– шатание, хождение без дела: *висла* [праздность, шатание] / *вислу́ха*₁ «праздный человек, шатун, повеса» (Даль, Курск., Твер., Яросл.); *хиста* [шатание, распутность] / *хисту́ха* «шатун, распутный гуляка» (Даль); *шатание* / *пошату́ха* «шатунья» (Моск.);

– безделье и не умение вести хозяйство: *не дело* / *неделу́ха*₁ «бездельница, бездельник; человек, не умеющий вести хозяйство» (Башкир.); *растреп* [неумелость, нерадивость в делах] / *растрепу́ха*₃ «неумелая, нерадивая в делах женщина» (Орл.); *растреп* [плохая хозяйка] / *растрепу́ха*₄ «плохая хозяйка» (Свердл.);

– безделье: *безделье* / *безделу́ха*¹ «бездельник, лентяй, гуляка» (Башкир.); *не дело* / *неделу́ха*₂ «лентяйка, бездельница» (Калин., Костром., Пенз.);

– лень: *ватра* [лень] / *ватру́ха*⁴ «ленивая стряпуха, кухарка» (Пенз.);

– не профессионализм: *не дело* / *неделу́ха*₃ «о плохом мастере» (Башкир.);

– работоспособность: *дело* / *делу́ха*¹ «деловая, работающая женщина» (Урал).

Труд и доходы являются показателями материального благосостояния человека:

– бедность, пьянство: *голенда* [нищета, бедность] / *голенду́ха*₃ «бедно одетая женщина; нищенка, оборванка» (Даль, Костром.); *попрошайка* / *попрошу́ха* «попрошайка» (Ворон.); *пьянь* / *пьяну́ха* «пьяница» (Арх., Кемер., Том., Урал.); *питье* / *питу́ха*₁ «пьющая» (Свердл.); *пиво* / *пиву́ха*₁ «пьяница» (Моск.); *голенда* [пьяница] / *голенду́ха*⁵ «горький пьяница» (Прибайкалье);

– расточительность: *мот* / *моту́ха*³ «мот, расточитель» (Калин.);

– обеспеченность: *богачка* / *богачу́ха* «богатая, зажиточная женщина» (Арх., Волог., Даль).

Честность, порядочность, добросовестность, заслуживающие уважение и почтительное отношение сельского жителя:

– хитрость, обман: *кичили́ба* [плутовство] / *кичили́бу́ха*₁ «плутоватый человек» (Вят.); *кичили́ба* [плутовство] / *кичили́бу́ха*₂ «плутоватая женщина» (Перм.); *лесть* / *лесту́ха* «плутовка» (Казан.);

– взяточничество: *обирала* / *обиро́(у)́ха* «плутяга, обманщик, взяточник, срывщик» (Даль); *обирала* / *обиру́ха* «тот, кто берет сверх положенного; вымогатель» (Вят., Костром., Ряз., Тамб.);

– воровство, мелкое мошенничество: *провида* [пройдоха] / *провиду́ха*₁ «пройдоха» (Казан., Северо-Зап. КАССР);

– разбой, грабительство: *вор* / *вору́ха*₄ «разбойник» (Даль);

– измена, предательство: *вор* / *вору́ха*₅ «изменник» (Даль).

Характер, внутренние качества и черты человека проявляются в каждодневном общении, что проявляется в наименовании лица с суффиксом – ух/а/, представленным в анализируемом типе:

– жадность: *гнелта* [скряжничество] / *гнелту́ха* «скряга, слишком расчетливый человек» (Смол.); *гомза* [скряжничество] / *гомзу́ха* «скряга, скопидомка» (Смол.); *жадность* / *жаду́ха*₂ «жадный человек» (Ср. Урал.); *жадность* / *жадну́ха* «жадный человек» (Свердл.);

– хвастовство: *хвастанье* / *хвасту́ха* «хвастунья» (Смол.); *плевок* [хвастливость] / *заплеву́ха* «хвастливый, храбрый на словах человек» (Твер., Влад.);

– злость: *крыса* [злость] / *крысу́ха* «злая баба» (Даль).

Не остается без внимания внешний вид человека:

– неопрятного, нечистоплотного: *растрена* / *растрепу́ха*₁ «непричесанный, неопрятно, неряшливо одетый человек; неряха» (Орл.); *мазь* [грязь] / *мазу́ха* «грязнуля, неряха» (Даль, Прииссыкул. Киргиз.ССР., Пск.); *сви́ня* [неаккуратность, неряшливость] / *сви́ну́ха*₂ «о неаккуратной, неряшливой женщине» (Моск.); *пепел* [неряшливость, нечистоплотность] / *пепелу́ха*₄ «неряшливая, нечистоплотная женщина» (Волог.);

– модника: *форс* / *форсу́ха* «форсу́ня» (Смол.).

Место проживания человека:

– *корень* [местность проживания] / *коренну́ха*₈ «коренной житель, жительница» (Томск); *корень* [местность проживания] / *корену́ха*₂ «коренная жительница какой-либо местности» (Кемер.); *город* / *городо-ву́ха*₁ «городская женщина, вышедшая замуж в деревню» (Олон.); *вятки* / *ветчану́ха* «жительница г. Вятки» (Перм.); *ино* / *ину́ха* «о чужом человеке» (Даль, Пск.).

Хорошая, правильная деятельность организма отражается на состоянии здоровья и самочувствии человека:

– недомогание, болезнь: *мот* [слабость от болезни] / *моту́ха*₄ «слабая от болезни женщина» (Перм.); *мизга* [недомогание] / *мизгу́ха* «о том, кто чувствует недомогание или плачет» (Пск., Твер.); *лям* [слабость, вялость] / *ляму́ха*₂ «о слабом, вялом, обессиленном человеке, животном» (Волог.);

– хорошее здоровье: *краса* [дородность, здоровье] / *красу́ха*₃ «дородная, здоровая женщина» (Даль, Пск.);

Образ жизни, характер поступков человека формирует поведение:

– нескромное, легкомысленное: *висла* [дурное поведение] / *вислу́ха*₂ «женщина дурного поведения» (Даль, Курск., Твер., Яросл.); *мара* [непристойное поведение] / *мару́ха*₂ «гулящая женщина, проститутка» (Даль, Дон., Ряз., Твер., Тул.); *свист* [нескромность, легкомысленность] / *свисту́ха*₈ «о нескромной, легкомысленной девушке, женщине» (Забайкалье);

– правильное: *стать* / *стату́ха*₄ «женщина чинная, знающая правила вежливости» (Онеж. КАССР).

Гастрономические пристрастия человека:

– пищу: *гала* [галушка] / *галу́ха*₁₁ «любитель галушек» (Южн., Даль); *слеба* [сластоежка, лакомка] / *слебу́ха* «сластена, сластоежка, лакомка» (Даль., Новг.);

– питье: *питье* / *питу́ха*₃ «любительница пить чай, чаевница» (Арх.);

– неумеренность в еде: *обжора* / *обжеру́ха* «обжора, прожора» (Даль).

Оценка моральных качеств человека:

– недостойность, негодность: *дрянь* / *дряну́ха*₄ «негодная женщина» (Смол.); *дрянь* / *дряну́ха*₃ «дрянный человек» (Калуж., Перм.); *лям* [лихо, дрянь,

слабость] / *ляму́ха*₃ «вялый, плохой парень; слабый, лихой, дрянной» (Даль, Волог.).

Оценка умственных способностей:

– смысленность: *провида* [смысленность] / *провиду́ха*₃ «смысленный человек» (Прионеж. КАССР.);

– бестолковость: *остолбня* [глупость, бестолковость] / *осталбу́ха*₃ «о глупом, бестолковом человеке» (Орл.).

Душевное расположение человека:

– заботу: *баба* [внимание, забота] / *бабу́ха*₆ «о заботливой женщине» (Перм.);

– доброту, ласку: *жалость* [добро, ласка, забота] / *жалу́ха*₂ «добрый, ласковый, заботливый человек» (Арх.).

Выводы

СТ «С+ух/а/» являет собой ментально-языковую категорию, в пределах которой все производные единицы объединены одной пропозициональной структурой, представленной обобщенным словообразовательным значением «лицо по характерному предмету». Анализ типа в заданной парадигме позволил выявить значимые для обыденного сознания фрагменты языковой картины мира. Реализованные деривационные потенции мотивирующих, ограниченные функциональной семантикой форманта, составляют особенности семантического рисунка типа, ассоциативную связанность различных семантических пространств как на уровне мотивирующих, так и мотивированных единиц. Анализ реализации деривационных потенций мотивирующих в данном словообразовательном типе позволил выявить прототипичные и периферийные для языкового сознания русского человека ориентиры семантического пространства дериватов с формантом - ух/а/.

Тематические объединения в пределах типа являют своего рода семантические узлы, в пределах которых мотивированные и мотивирующие пропозиционально связаны между собой. Данные семантические узлы входят во фреймы. Фрейм «лицо по родственным связям» оказывается в центре пропозиционально-фреймовой организации анализируемого типа. Все тематические объединения СТ так или иначе оказываются связанными с ядерным фреймом, потому как родственники могут быть поименованы по тем признакам, которые характеризуют людей, находящихся как в родственных, так и неродственных отношениях. Пропозиционально-фреймвая организация СТ «С+ух/а/», как следует из вышеизложенного, представляет патриархальный уклад крестьянского быта, мировидение сельского жителя, ограниченное восприятием лица (прежде всего женщины) по отличительным признакам, а также по внешним и внутренним качествам, значимым как в семье, так и в общении с односельчанами.

Литература

1. Араева Л. А. Словообразовательный тип. М.: Либроком, 2009. 272 с.
2. Араева Л. А. Словообразовательный тип в аспекте новой научной парадигмы // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Межвузовский сб. статей. Отв. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С.205-211.

3. Араева Л. А. Словообразовательный тип: традиционное и современное видение // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 4. С. 110 – 115.
4. Араева Л. А., Горланов А. А. Пропозиционально-семантическая организация СТ «Г+ лив» в русских народных говорах // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-3(52). С. 33 – 36.
5. Араева Л. А., Андропова К. Д., Фаломкина И. П. Языковая картина мира телеутов (на материале фрейма «телеутская свадьба») // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 238 – 245.
6. Араева Л. А., Ли С. И. Пропозиционально-фреймовый анализ производного слова (на материале наименований ягод в китайском и русских языках) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 27. С. 124 – 126.
7. Араева Л. А., Малахова О. В. Пропозиционально-фреймовая организация СТ «П+ ух/а» (на материале русских народных говоров) // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 – 3. С. 633 – 638.
8. Араева Л. А., Проскурина А. В. Пропозиционально-семантическая организация словообразовательного типа (на материале отсубстантивов с суффиксом -ин(а) в русских народных говорах) // Вестник Воронежского государственного университета. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация). 2011. № 1. С. 19 – 23.
9. Араева Л. А., Тарасова М. Н. Родственные связи у телеутов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово. 2013. № 24. С. 184 – 192.
10. Араева Л. А., Шумилова А. А. Фреймовое моделирование словообразовательно-пропозициональной синонимии (на материале русских народных говоров) // Филологическая регионалистика. 2012. № 2(8). С. 41 – 45.
11. Евсеева И. В. Комплексные единицы русского словообразования: когнитивный подход. М.: Либроком, 2012. 312 с.
12. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование. Изд. 3-е. М.: Либроком, 2012. 88 с.
13. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
14. Русская грамматика. Ч. 1. М.: Наука, 1980. 789 с.

Информация об авторе:

Малахова Ольга Владимировна – старший преподаватель английского языка кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева в г. Белово, malakhova.olg@yandex.ru.

Olga V. Malakhova – assistant lecturer of English at the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Belovo branch of Kuzbass State Technical University n. a. T. F. Gorbachev, Belovo, Russia.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 811.11'42

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ДИСКУРСООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА ЖАНРА ФЭНТЕЗИ

Е. В. Медведева

INTERTEXTUALITY AS A DISCOURSE FORMING CATEGORY OF FANTASY GENRE SPACE

E. V. Medvedeva

Данная статья посвящена исследованию дискурсивного пространства фэнтези на основе такой его характеристики, как интертекстуальность. В работе приводятся основные подходы к классификации видов интертекстуальности, а также рассматриваются жанровые особенности произведений фэнтези и специфика осуществления в них интертекстуальных связей. В исследовании делается вывод о том, что интертекстуальность является базовой категорией для формирования дискурсивного пространства фэнтези. Основным средством реализации интертекстуальных связей является имплицитная аллюзия мифологического и социально-культурного характера. Материалом для исследования послужили тексты произведений А. Нортон.

The article studies discursive space of fantasy genre on the basis of such feature as intertextuality. The basic approaches to the intertextuality classification are given as well as the genre peculiarities of fantasy works and specific features of their intertextual relations. The paper concludes that intertextuality is the basic category of fantasy discursive space formation. The main means of realization of intertextual relations is mythological and sociocultural implicit allusion. Works by A. Norton served as material for the research.

Ключевые слова: дискурс, художественный дискурс, интертекстуальность, фэнтези, аллюзия.

Keywords: discourse, art discourse, intertextuality, fantasy, allusion.

Термин «дискурс» прочно вошел в парадигму современного гуманитарного знания, он используется не только в рамках собственно лингвистических, но и философских, литературоведческих, социологических, психологических и политологических исследований. Такая широта употребления обусловлена в первую очередь неоднозначностью толкования данного термина.

В современной отечественной лингвистике дискурс часто трактуется как «текст, взятый в событийном аспекте», акцентируя внимание на ситуации общения [1, с. 136]. При этом многие исследователи (В. З. Демьянков, Г. Г. Слышкин, Т. В. Милевская, Е. В. Чернявская и др.), определяя дискурс, отмечают его этноспецифичность, связь с национальным менталитетом и национальной культурой.

Некоторые лингвисты (А. А. Кибрик, В. В. Красных и др.) подчеркивают двойственную природу такого явления, как дискурс, поскольку оно интегрирует в себе и процесс речемыслительной деятельности и ее результат. В свою очередь, Е. С. Кубрякова акцентирует внимание на том, что «под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [8, с. 164].

Неоднозначность трактовки термина «дискурс» обуславливает проблему классификации дискурса. А. А. Кибрик в своей работе, посвященной анализу подходов к таксономии дискурса, отмечает, что формы дискурса разнообразны как сама жизнь и крайне сложно расклассифицировать все разновидности дискурса на типы. В качестве базовых параметров существующих классификаций он выделяет:

- 1) модус (или канал передачи информации);
- 2) жанр (при этом отмечается, что до сих пор не существует единых принципов выделения жанров);
- 3) функциональный стиль;
- 4) формальность/неформальность [5].

В свою очередь, А. Н. Приходько говорит о том, что дискурс как любое лингвокультурное явление можно интерпретировать с точки зрения его формы, содержания и функции, которые применительно к дискурсу соотносятся со средой, модусом (режимом) и стилем общения [12].

Основываясь на концепциях прагмалингвистики и социалингвистики, В. И. Карасик выделяет такие категории, как: 1. Участники общения; 2. Условия общения; 3. Организация общения; 4. Способы общения. При этом первая категория, а именно статусно-ролевые характеристики участников общения, является для него наиболее важной для выделения типов дискурса [3, с. 200 – 201]. С точки зрения данной типологии ученый противопоставляет институциональный и личный дискурс, причем последний подразделяется на бытовой и бытийный.

В данном исследовании мы рассматриваем художественный дискурс, который является разновидностью личностно-ориентированного (бытийного) дискурса, представляя собой «совокупность художественных произведений, выступающих результатом

толерантного взаимодействия авторских интенций, сложного комплекса возможных реакций читателя и текста, выводящего произведение в пространство семиосферы» [10, с. 164].

Данный тип дискурса характеризуется прежде всего тем, что автор творит новый мир, новую реальность на основании художественного вымысла. Эта новая реальность может совпадать с окружающей нас действительностью, либо значительно отличаться от нее, но всегда использует элементы действительного мира для создания «возможного» мира. При этом референция «возможного» нового мира, встающего за художественным произведением, не может оцениваться с позиции истинности/ложности, так как большинство ее денотатов вымышлены.

Любое художественное произведение, создавая свой «возможный» мир, создает условную реальность. В зависимости от того, насколько жизнеподобна эта художественная условность, выделяется первичная и вторичная художественная условность. Первая является своеобразным фундаментом любого художественного произведения (художественный вымысел), а вторая представляет собой особый способ воспроизведения реальности, включающий в себя изменение пропорций, изменение логики, необычные сочетания привычных реалий и т. д. [6].

Жанр фэнтези, который приобрел большую популярность в конце XX в., основан на реализации вторичной художественной условности. Авторы произведений фэнтези создают не просто «возможный» мир, а дважды «возможный» мир, поскольку на художественный вымысел накладывается вымысел фантастический. Как отмечает С. Н. Плотнокова, когнитивной основой жанра фэнтези является аномальный художественный мир, который определяется как возможный мир, организованный на основе других общеструктурных принципов, в отличие от «нашего» (обычного) мира. Под аномальным художественным миром понимается, соответственно, такой мир, который не характеризуется прямой проективностью и отражательностью, не «вырастает» напрямую из реального мира и имеет отличающуюся от него внутреннюю структуру. Аномальный мир вторичен и может существовать лишь на фоне обычного мира [11].

Для исследования дискурсивного пространства фэнтези одной из базовых категорий является категория интертекстуальности, что связано как с характером изображаемого «возможного» (вторичного) мира в произведениях фэнтези, так и с самой природой данного жанра, обусловленной генетическим родством фэнтези со сказкой, мифом, рыцарским романом и национальным фольклором.

Интертекстуальность присуща дискурсу любого типа, а для некоторых из них, в том числе и для жанра фэнтези, становится дискурсообразующей. О. Г. Ревзина отмечает, что «интертекстуальность входит в онтологию дискурса, обеспечивая устойчивость и взаимопроницаемость дискурсивных формаций» [14, с. 68]. В. Б. Кашкин говорит о том, что дискурс соединен множеством связей с предшествующими и последующими речевыми произведениями, он погружен в интертекстуальную среду. Са-

мо по себе порождение и понимание дискурса зависит от внутриязыковой памяти на чужие слова в виде явных и скрытых цитат [4]. Будучи текстовой категорией дискурсивного уровня, интертекстуальность представляет собой именно ту закономерность, которая обеспечивает понимание и интерпретацию всех смыслов текста/дискурса. В первую очередь, категория интертекстуальности реализует текстовую гетерогенность (диалогичность), свойственную любому художественному тексту. В процессе взаимодействия текста-донора и текста-реципиента рождаются новые дополнительные смыслы, формируются и укрепляются интертекстуальные связи, вводящие текст-реципиент в более широкий литературно-художественный контекст [9].

Термин «интертекстуальность» был введен в лингвистику Ю. Кристевой в 1967 г., которая развила идеи М. М. Бахтина о диалогичности художественного слова. Согласно ее трактовке «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-либо другого текста» [7, с. 429]. В свою очередь, Р. Барт писал: «каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [2, с. 418].

В современных исследованиях интертекстуальность как теория взаимодействия между текстами может рассматриваться широко (литературоведческая концепция интертекста) и узко (лингвистическая концепция интертекста). В соответствии с широкой моделью интертекстуальности каждый текст рассматривается как интертекст, то есть часть универсального текста, от которого он зависит во всех своих аспектах. Узкая модель интертекстуальности сфокусирована на исследовании сознательного и маркированного использовании межтекстовых связей.

Е. В. Чернявская, определяя интертекстуальность как категорию открытости текста, выделяет следующие содержательные стороны данной открытости:

1) содержательно-смысловая незамкнутость текста по отношению к другим текстовым системам и структурам;

2) открытость текста читателю [15, с. 188].

В современных филологических исследованиях существуют несколько классификаций межтекстовых связей. Одной из часто используемых является типология Ж. Женетта, который выделял:

1) архитекстуальность – набор характеристик, связывающих данный конкретный текст с родовой категорией;

2) паратекстуальность – отношение между текстом и его паратекстом, то есть заглавием, предисловием, подзаголовками и т. д.;

3) метатекстуальность – комментирующая ссылка на свой предтекст;

4) гипертекстуальность – пародирование, имитация одним текстом другого;

5) интертекстуальность – «соприсутствие» в одном тексте двух и более текстов [13, с. 12].

С точки зрения авторства прецедентного текста можно говорить о внешней и внутренней интертекстуальности. При внешней интертекстуальности происходит реальная смена автора, а при внутренней – фиктивная. Внешняя интертекстуальность реализуется за счет отсылки как к другому литературному тексту, так и к текстам других дискурсов (кодовая интертекстуальность), или иным произведениям культуры (синкретическая интертекстуальность). Внутренняя интертекстуальность осуществляется в виде паратекстуальности, автотекстуальности (то есть повторении цитат, аллюзий, символов, удвоении смысла, авторских комментариев, серийной структуре и т. д.), а также вставных текстов.

Анализ произведений жанра фэнтези, автором которых является А. Нортон, показал, что, хотя в ее работах можно обнаружить практически все виды интертекстуальных отношений, лишь некоторые из них являются достаточно частотными и продуктивными. Так, например, ярко выраженные паратекстуальные отношения между заголовками глав и их содержанием можно отметить в романах “Storm Over Warlock” и “Star Born”.

В первом из этих произведений название главы “Death of a Ship” включает в себя метафорическое применение лексемы “death” – «смерть» по отношению к неживому предмету. Данное словоупотребление, с одной стороны, отсылает нас к традиционной для английской лингвокультуры персонификации корабля в среде моряков, а с другой стороны, настраивает читателя на тяжелые эмоциональные переживания главного героя, который остался в одиночестве на планете с врагами и наблюдает гибель небольшого корабля-разведчика своего народа. Название другой главы “Throg Justice” создает иронический эффект, поскольку никакой «справедливости» от «трогов» герою ждать не приходится.

Во втором романе также присутствует пример создания иронического эффекта: в главе, которая называется “Civilization”, речь идет о расе существ, техническое развитие которых находится на высоком уровне, но чье отношение к иным расам не позволяет назвать их цивилизованным народом. Последняя глава данного романа интересна в плане использования рамочной конструкции на основе синтактико-семантического повтора в названии и концовке. Так, глава называется “Not yet –”, а последняя фраза звучит более убежденно – “But not yet.”, подчеркивая тот факт, что земляне и их потомки еще не готовы встретиться на равных.

Что касается автотекстуальности, то следует отметить большое количество циклов (серий) произведений данного автора, например: Beast Master; Elvenbane, or the Halfblood Chronicles; Forerunner;

Solar Queen и др. Отношения между текстами наблюдаются не только внутри цикла, но и между циклами, поскольку действие некоторых циклов происходит в одном и том же мире, а персонажи одних циклов упоминаются (иногда как легенда) в текстах других. Кроме этого, Андрэ Нортон в своих произведениях часто использует идею передачи мыслей на расстояние, способность одного разума напрямую общаться с другим разумом.

Внешняя интертекстуальность в произведениях фэнтези также реализуется в разных видах. Одним из них является кодовая интертекстуальность, которая в работах данного автора основана на использовании элементов научного, судебного и ритуального (магического) дискурсов. Так, при описании физического пространства произведений фэнтези автор применяет названия реальных звездных систем наряду со стилизованными под них названиями, а также термины, используемые в астрономии, чтобы придать большую реалистичность изображаемому миру. Например, “Archon IV, Lysander, Mochican, Terra, Sol’s system, planet, world(s), galaxy, galactic, shadows and underworlds, sun, star(s), space, system, stellar, dead red dwarf sun”. Помимо терминов, описывающих космические явления, Нортон использует лексику из области биологии для описания многочисленных рас, населяющих мир фэнтези: “mutations, adaptation, feline-evolved race, reptilian-evolved, warm-blooded, oxygen-breathing creatures, carnivore”.

При создании картины судебного процесса над узником в романе “Star Born” автор использует не только лексику, относящуюся к судебной системе (“tribunal of judges”), но и аллюзии на ритуалы, реально существовавшие (существующие): дело главного героя рассматривается тремя судьями, которые отличаются преклонным возрастом, допрос проводится офицером, а в конце приводится формула приговора (“Beast friends with beast. As the beasts – so you shall end. It is spoken”). В романах “Voodoo Planet” и “Storm Over Warlock” изображаются магические ритуалы, что также связывает текст художественного произведения с иной дискурсивной областью.

Специфика фэнтези как жанра определяет и специфику интертекстуальных отношений в произведениях данного жанра. Как уже было отмечено выше, жанр фэнтези генетически связан со сказкой, мифом и рыцарским романом, все это обусловило наличие сказочных и мифологических мотивов и символов. Наиболее частыми символами в произведениях А. Нортон являются бездна, вода, гора, модификации змеи и дракона, катастрофа, лабиринт (путь), лес, море, пещера, разрушение, оппозиция свет/тьма, собака, кошка и т. д. Текст, как и в сказке, выстраивается на основе «кольцевой композиции» – герой из своего привычного пространства попадает в «другой» мир для прохождения некоего испытания, после которого он возвращается в свой обычный мир. Здесь также присутствуют такие типичные для сказки элементы, как блуждание по волшебной стране, мир иной реальности, сражения с чудовищами, наличие помощников и проводников, использование волшебных предметов.

Связь с мифом осуществляется как на уровне структурных элементов (избранность героя, особый

вид нехватки, смертельная опасность для героя и его мира, испытания, награда, отказ от возвращения в первоначальный статус), так и на уровне отсылки к содержанию конкретных мифов. Так, например, А. Нортон использует аллюзии на скандинавские мифы, входящие в корпус прецедентных текстов англоязычной культуры. В романе “Forerunner Foray” в образе жриц Nornoch можно проследить аллюзию на богинь судьбы в скандинавской мифологии. Мотив борьбы со стихией, которая обречена на поражение, также характерен для скандинавских мифов. Создавая образы морских жителей, автор использует аллюзию на миф об Атлантиде и другие подобные ему мифы о подводных городах. Мифологическая аллюзия на образ божества прослеживается и в повести “Gifts Of Asti”, где самыми ценными дарами оказываются знание и возможность выжить.

Аллюзии на библейские мотивы недостаточно ярко выражены в произведениях А. Нортон. Мы можем отметить использование лексемы “devil” для номинации представителей животного мира и мотив возрождения человечества (в виде избранной пары) после глобальной катастрофы.

В текстах фэнтези присутствуют различные виды интертекстуальных связей, но наиболее частотными, наряду с мифологическими, являются аллюзии социокультурного характера. Поскольку перед автором фэнтези стоит задача по-новому осветить основные вопросы, касающиеся роли и места человека в мире, ему необходимо создать систему своеобразных маркеров, кодов или символов, вызывающих в памяти читателя различные социально-исторические и культурные явления, события и факты, обеспечивая, таким образом, яркую эмоциональную реакцию на изображаемые события.

В произведениях А. Нортон присутствует частая аллюзия на явление расовой дискриминации. Так, например, в романе “Voodoo Planet” описывается общество, представляющее собой реакцию на угнетение лиц с темным цветом кожи. Для жителей данной планеты темный цвет кожи становится символом высокого социального статуса. В другом романе “Star Born” описывается ситуация порабощения «морского народа», отношения к ним как к животным. В романе “Elvenblood” угнетаемым народом становятся люди, которых подчиняют себе эльфы, и не прочь использовать в качестве прислуги некоторые волшебники. Аллюзия на гладиаторские бои, вызывающая в памяти обычаи Древнего Рима, возникает уже при употреблении слова “arena” и ставит нас на сторону человека, вынужденного сражаться за свою жизнь.

Таким образом, можно сделать вывод, что дискурсивное пространство фэнтези отличается повышенной плотностью различных интертекстуальных связей, которые служат как для построения пространства, встающего за произведением фэнтези, так и для экспликации чувств и переживаний, связанных с тем или иным социально-историческим опытом. В этом смысле интертекстуальность становится основной категорией формирования дискурсивного пространства жанра фэнтези.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136 – 137.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис. 2004. 390 с.
4. Кашкин В. Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка. Тамбов: ТГУ, 2005. С. 337 – 353.
5. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. Вып. 2. С. 3 – 21.
6. Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, сказки, утопии, притчи и мифа (на материале европейской литературы первой половины XX века). М., 1999. 308 с.
7. Крестева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427 – 457.
8. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 144 – 238.
9. Лушникова Г. И., Медведева Е. В. Дискурсивное пространство фэнтези (на материале произведений А. Нортон) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/113-11573>
10. Олизько Н. С. Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста // Вестник Челябинского государственного университета. (Серия: Филология. Искусствоведение). 2011. Вып. 60. С. 164 – 166.
11. Плотникова С. Н. Концептуальный стандарт жанра фэнтези // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во Гос УН-Ц, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 262 – 272.
12. Приходько А. Н. Таксономические параметры дискурса // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 7. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. С. 22 – 30.
13. Прохорова Л. П. Сказка, игра, интертекстуальность (на материале английских литературных сказок). Кемерово, 2012. 139 с.
14. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Новосибирск. 2005. Вып. 8. С. 66 – 78.
15. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. учебное пособие. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.
16. Norton A. Forerunner Foray. New York: Ace Books: The Viking Press, Inc., 1973. 286 p.
17. Norton A. Storm Over Warlock. New York: Ace Books: The World Publishing Co., 1960. 193 p.
18. Norton A. Star Born. New York: Ace Books: The World Publishing Co., 1957. 190 p.
19. Norton A., Lackey V. Elvenblood (Halfblood Chronicles – 2). New York: Tom Doherty Associates LLC: Tor Fantasy, 1996. 352 p.
20. Norton A. Flight In Yiktor. 1986. Режим доступа: <http://www.e-reading-lib.com/book.php?book=80640>
21. Norton, A. Gifts of Asti. 1973. Режим доступа: <http://www.bookmate.com/r#d=jOlMYxvg>
22. Norton A. Voodoo Planet. 1959. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/18846/18846-h/18846-h.htm>

Информация об авторе:

Медведева Елена Валерьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков КемГУ, lmv72@mail.ru.

Elena V. Medvedeva – assistant lecturer of the Department of Foreign Languages, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

КОРРЕЛЯЦИЯ СТЕПЕНЕЙ ПРОЯВЛЕННОСТИ МЕТАЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В ТЕКСТЕ И ТЕНДЕНЦИЙ К ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ И ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ

Н. В. Мельник, Т. Д. Богачанова

CORRELATION OF DEGREES OF EMERGENCE OF METALINGUISTIC CONSCIOUSNESS IN THE TEXT AND TENDENCIES TO PERSONALIZATION AND DEPERSONALIZATION

N. V. Melnik, T. D. Bogatchanova

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-34-01271.

Данная статья посвящена изучению корреляции степеней проявленности *метаязыкового сознания и тенденций к персонализации и деперсонализации* в результате текстовой деятельности непрофессиональной языковой личности. Материалом исследования послужили вторичные тексты, созданные студентами в процессе лингвистического эксперимента, рассматривая которые, мы определяем степени проявленности обыденного метаязыкового сознания и соотносим их с вышеназванными тенденциями. Мы опираемся на разработанные классификации уровней метаязыкового сознания (*безэкспликативный* уровень, иллюстрирующий нулевую степень проявленности метаязыкового сознания, *сравнительный (эмпирический)*, выявляющийся на основе опыта общения с определяемой личностью, *оценочный*, выражающий критику относительно прочитанного текста, *логический* уровень, ориентирующийся на умозаключения и выводы личности, и наивысший уровень, *литературно-лингвистический с элементами логического и оценочного уровней, или комплексный*, являющийся синтезом последних уровней), а также систему метапоказателей и факторов текстообразования. Результаты, полученные в исследовании, вносят вклад в лингвоперсонологию текста, обыденную металингвистику и теорию вторичного текста.

This article is devoted to studying of correlation of degrees of emergence of metalinguistic consciousness and the trends of personalization and depersonalization as a result of textual activity of an unprofessional linguistic personality. The material for the study is based on secondary texts on the artwork created by students in the course of the linguistic experiment. We define the degree of manifestation of ordinary metalinguistic consciousness and correlate them to the trends. We rely on the developed classifications of levels of metalanguage consciousness (the nonequivalence level, which illustrates a zero degree of emergence of metalinguistic consciousness; the evaluative, or empiric, which can be defined in the course of communication with the personality being defined; the evaluative level, which provides criticism of the text; the logical level based on logical formulae and conclusions; and the supreme level, namely, literary linguistic one with elements of the logical and evaluative levels, or complex level, which is in itself the synthesis of the latter levels), metaindicators and system of factors of text creating. The practical significance of this study lies in the fact that the results obtained in the study contribute to linguistic personology of the text, ordinary metalinguistics and secondary text theory.

Ключевые слова: метаязыковое сознание, метатекст, вторичный текст, языковая личность, метапоказатели, степени проявленности метаязыкового сознания, тенденции к персонализации и деперсонализации.

Keywords: metalinguistic consciousness, metatext, secondary text, linguistic personality, metaindicators, a degree of emergence of metalinguistic personality, the trend towards personalization and depersonalization.

Настоящее исследование продолжает традиции Барнаульско-Кемеровской лингвоперсонологической школы, ориентированной на изучение особенностей языковой личности (далее ЯЛ) автора и адресата в результате текстовой деятельности. *Лингвоперсонология* [12] занимается изучением ЯЛ, которая, по мнению Ю. Н. Караулова, представляет собой «набор языковых способностей, умений, готовности производить и воспринимать речевые произведения» [7, с. 71], т. е. тексты.

Исследования в рамках лингвоперсонологии ведутся в разных аспектах, среди них можно выделить и метаязыковой аспект описания. В качестве объекта исследования может выступать текст, и тогда изучению подвергается частный случай метаязыковой деятельности носителей языка – метатекстовая деятельность и ее опредмеченные результаты; исследовательской рефлексии может быть предоставлен идиостиль

авторов текста, их манера повествования, а также в качестве объекта может выступать сама лингвоперсонологическая рефлексия по поводу языковой личности авторов изучаемого текста и их текстовой отраженности. То есть, с одной стороны, языковая личность реализует себя посредством работы с текстами, а именно, при их создании (первичная коммуникативная деятельность) и при восприятии, анализе (вторичная коммуникативная деятельность): «изучение языковой личности и ее речевого поведения возможно только на основе текста, так как именно в текстах личность наиболее полно проявляет себя...» [1, с. 20]. С другой стороны, и текст может оказать влияние на проявление свойств ЯЛ [4, с. 84], согласно Н. С. Болотновой, текст – «речевое произведение, ...обладающее способностью нести информацию и воздействовать на адресата» [1, с. 20].

Таким образом, текст – продукт первичной коммуникативной деятельности [9] автора и вторичной коммуникативной деятельности адресата, детерминированный особенностями ЯЛ, его порождающей и воспринимающей. Разные уровни проявленности свойств ЯЛ в тексте соответствуют тенденциям к персонализации и деперсонализации, предложенным французским философом-персоналистом Э. Мунье [11], которые мы вслед за Н. П. Нерознаком проецируем на текст [12]. Первая указывает на проявленность личностного начала, вторая тяготеет к «нивелированию свойств личности» [15, с. 111], к пассивности в своих языковых проявлениях в тексте.

Первичная коммуникативная деятельность автора связана с порождением *вторичного текста* (далее ВТ) – текста, созданного на базе другого. По нашему мнению, «любой текст содержит в себе потенции саморазвития, которые могут быть реализованы на всех уровнях, в том числе и на текстовом, в создании вторичного текста на базе первичного» [10, с. 136]. Результат вторичной коммуникативной деятельности адресата – *метатекст*, высказывание о высказывании, текст о тексте, «в котором... осмысленно, сознательно и интуитивно...представлена о нем самая разнообразная информация..., [которая] во многом обусловлена языковой личностью автора вторичного текста» [16, с. 40]. Следовательно, метатекст, как и любой текст, детерминирован особенностями ЯЛ. А. Вежбицкая называет метатекст двутекстом или двухголосным текстом [2, с. 403], что позволяет ей говорить о диалогичности и ссылаться на М. Бахтина. Н. П. Перфильева в своей работе [13, с. 44] дает толкование метатекста. В определении «множество вербальных и невербальных знаков, представляющих компонент текста, а точнее, его каркас, и передающих рефлексию Говорящего относительно особенностей собственного речевого поведения» метатекст рассматривается как основа текста, выраженная имплицитно и эксплицитно и представляющая собой размышления говорящего по поводу им сказанного. Но метатекст можно рассмотреть шире, т. к. он является выражением рефлексии и рассуждений по поводу не только собственного речевого произведения, но и других участников коммуникации [13, с. 44]. Последнее положение стало основой нашего эксперимента.

Метатекст связан с деятельностью *метаязыкового сознания* (далее МЯС). МЯС как форма общественного сознания существует на уровнях лингвистики как науки и обыденного сознания [14, с. 23]. В. Б. Кашкин соотносит речевую деятельность обыденного сознания с мифологической речевой деятельностью, опирающейся не на абсолютное научное знание, а исключительно на веру в то, о чем говоришь [8, с. 41 – 60]. МЯС отвечает за мыслительную работу в области анализа не только языка как такового [6, с. 5], но и языка определенной личности, проявляющейся в метатексте. Поэтому своеобразием нашего исследования становится изучение проявленности МЯС не элитарной ЯЛ, а рядового носителя языка. При этом мы рассматриваем степени проявленности МЯС непрофессиональной ЯЛ во взаимодействии с тенденциями к персонализации и деперсонализации на уровне тек-

стопорождения и текстовосприятия. Особенности проявленности МЯС ЯЛ в процессе текстовой деятельности и их соотношение с уровнем реализации свойств персонализации являются не до конца изученными и потому актуальными для современного лингвоперсонологического направления в области языкознания.

В нашем исследовании было выдвинуто предположение о том, что высокая степень проявленности МЯС свидетельствует о действии тенденции к персонализации, а низкая степень проявленности МЯС подтверждает действие тенденции к деперсонализации при производстве и восприятии текста. Верификация сформулированной гипотезы осуществлялась путем лингвистического эксперимента, участниками которого выступили студенты (рядовые носители языка) 1-го курса педиатрического, лечебного, фармацевтического, стоматологического факультетов Новосибирского государственного медицинского университета (далее ЯЛ-1, ЯЛ-2 и т. д.).

Эксперимент проводился на *материале* художественного текста И. С. Тургенева «Сфинкс». На первом этапе студентам необходимо было создать ВТ, начав его с фразы: «Да и сам я – не сфинкс ли себе?». На втором этапе подготовленные работы были розданы группе для установления авторства, аргументации. Затем участники перешли к обсуждению результатов, по очереди высказывая свое мнение об авторстве ВТ, порождая новые ВТ. При помощи видео- и аудиоустройств велась запись их выступлений с целью более точной дальнейшей обработки. В ходе проведения серии экспериментов в 10 группах разных факультетов было получено более 1100 ВТ. Результаты, установленные в ходе исследования, мы представим в данной статье на примере анализа ВТ (42 ВТ, из них 36 метатекстов) участников одной группы педиатрического факультета (6 человек).

Вопрос о степени проявленности МЯС решался нами при помощи создания классификации уровней МЯС и классификации метапоказателей. Ранее Н. Д. Голевым была выстроена система градуальных параметров МЯС [5, с. 13], но мы предприняли попытку создания собственной классификации степеней проявленности МЯС применительно к полученному материалу:

1. Безэкспликативный (или с некоторыми элементами объяснения) уровень иллюстрирует нулевую степень проявленности МЯС, личность принимает лишь формальное участие в обсуждении, почти не поясняя свой выбор.

2. Сравнительный (или эмпирический уровень) мы разделили:

А) на основе общения с личностью;

Б) на основе анализа, описания личности.

Этот уровень заключается в анализе текстов на основании эмпирических знаний о личности или ее описании.

3. Оценочный уровень связан с критическим отношением к прочитанному, может быть разделен на:

А) восприятие личности автора и восприятие текста автора;

Б) положительный и отрицательный

4. Логический уровень основывается на умении делать логические умозаключения, исходя из собственных знаний ЯЛ и полученной информации, реализуется при помощи логических связок или слов-маркеров.

5. Литературно-лингвистический уровень (с элементами логического, оценочного, или комплексный) представляет анализ вторичного текста в лингвистическом плане с учетом особенностей ЯЛ, ее привычек и способа выражения мыслей.

Классификация построена по принципу усиления степени МЯС от нулевого уровня к максимальной его демонстрации. Степень проявленности МЯС выявляется при помощи *метапоказателей* – «средств выражения метатекста» [13, с. 40], – присутствующих в тексте. Их изучением занимаются многие отечественные и зарубежные лингвисты [5; 13; 3; 2 и т. д.]. На основании анализа полученных ВТ мы разделили метапоказатели на *текстоориентированные* и *персоноориентированные*. *Текстоориентированные* метапоказатели направлены на выражение мнения ЯЛ относительно особенностей строения текста, а *персоноориентированные* показатели иллюстрируют субъективное выражение точки зрения ЯЛ к сказанному, поэтому соотносятся с тенденцией к персонализации.

К *текстоориентированным* метапоказателям отнесем выражения, отвечающие за устройство и последовательность текста; выражения-ссылки на сказанное, на мнение других; выражения, указывающие на приведение примера. К *персоноориентированным* – выражение собственной позиции; выражение сомнения, уверенности; оценки; выражение отношения к способу изложения мысли. Основой классификации послужило выдвигание на первый план анализируемого текста или самой ЯЛ.

Для удобства работы с материалом нами были введены новые понятия:

Персонализированная языковая личность (ПЯЛп) – личность, ярко проявившая себя в языковом плане при *текстопорождении*, поэтому при текстовосприятии ее текст был определен большинством участников.

Деперсонализированная языковая личность (ДПЯЛп) – личность, слабо проявившая себя в языковом плане при *текстопорождении*, поэтому при текстовосприятии ее текст не был определен большинством участников.

Персонализирующая языковая личность (ПЯЛв) – языковая личность, определившая верно большое количество авторов ВТ при *текстовосприятии*.

Деперсонализирующая языковая личность (ДПЯЛв) – языковая личность, определившая верно малое количество авторов ВТ при *текстовосприятии*.

Для выявления тенденций к персонализации и деперсонализации учитывается действие *лингвистических и экстралингвистических факторов*, которые представляют «условия, определяющие... организацию языковых средств, необходимых для построения текста» [1, с. 311]. Эти факторы текстообразования являются важными при установлении авторской принадлежности текста. К *лингвистическим* факторам

относим *частотность использования в речи, стиль, тип изложения, разговорные слова и выражения. К экстралингвистическим* – *черты характера, манеру общения ЯЛ, апелляцию к реальным событиям, гендерную принадлежность*.

Приведем примеры лингвоперсонологической интерпретации ВТ, созданных студентами при восприятии и порождении текстов.

Вторичный текст ЯЛ-1:

Да и сам я – не сфинкс ли себе? Могу ли я сказать, что знаю себя и четко понимаю, чего я хочу? Есть ли во мне какая-нибудь загадка? Или я самый обычный человек и окружают меня самые обычные люди, в которых нет ничего? Думаю, что в какой-то мере каждый человек сфинкс. В нем есть тайна, разгадать которую порой не по силам даже ему самому. У каждого есть свои собственные интересы и увлечения. Мы уникальны. Познать нашу тайну может не всякий, а только предназначенный нам, наши Эдип, встретив которого, наши глаза будут гореть в точь как у сфинкса от счастья и любви (мы сохраняем орфографию и пунктуацию авторов ВТ).

ЯЛ-1 является ПЯЛп, ее текст был определен участниками верно на 60 %.

Фрагменты метатекстов участников, правильно определивших автора исходного текста:

Это текст ЯЛ-1, потому что она часто использует слово «четко», «самый», «самые», преувеличивает, приукрашивает реальность. Нет, ну, в хорошем смысле, чтобы украсить речь... она романтическая. Как мне кажется, поэтому я ее и выбрала (ЯЛ-3).

А я тоже здесь поставила ЯЛ-1, потому что тоже самое, что уже прозвучало. И там еще в конце счастье, любовь. (ЯЛ-4)

Я этот текст отнесла к ЯЛ-1. Причина такая же, что и у девушек, просто мне кажется, что она романтическая очень натура, и вот «глаза будут гореть» в конце – счастье (ЯЛ-6)

Вторичный текст ЯЛ-1 построен по принципу емкого рассуждения: ЯЛ-1 вначале очерчивает круг вопросов, на которые затем последовательно дает ответы. Здесь представлен *логический уровень* проявленности МЯС, о чем свидетельствуют *персоноориентированные* и *текстоориентированные* метапоказатели: *скрепы уверенности, выражения собственной позиции и отношения к способу изложения мысли: думаю, могу ли я сказать, и я самый обычный человек; порой, даже, в точь как*.

Автором текста, с одной стороны, используются *лингвистические факторы текстообразования*, например, *тип изложения*, т. к. формально здесь представлено мини-рассуждение на предложенную тему, *частотность использования в речи*, например, «я самый обычный человек и окружают меня самые обычные люди», «в нем есть тайна...», «познать нашу тайну...». При текстопорождении данный фактор будет склонен к персонализации (60 %). С другой стороны, проявляются *экстралингвистические факторы*, например, описываются черты характера, манера общения: «я самый обычный человек и окружают меня самые обычные люди, в которых нет ничего», «Мы уникальны».

Фрагменты ВТ, созданных ЯЛ-1 на уровне текстовосприятия:

На самом деле я тоже отнесла этот текст ЯЛ-2. Мне почему-то, когда я читала, казалось, что он написан именно мальчиком. Потому что, такого нет, конечно, «я оценил», что точно указывает на мальчика. Но такие предложения ...реально... я прям понимаю, что мальчик писал. Например, «он может», «всех, и от меня», «я могу стать», «я являюсь тайной». Как бы так «я» и какое-то действие. Тут просто глаголов нет, чтобы именно в мужском роде... у него же нет примеров, как бы, иными словами, про женщин. То есть, у него везде этот «мужичок», «паренек», вот, что именно все про мужчин.

Кстати, тут есть еще одна такая фразочка «я могу стать вековой загадкой Египта, как неизвестный паренек», это как вообще понять: как тот неизвестный паренек, так и я буду паренком каким-нибудь. Прям вот ЯЛ-2 и никто другой (ЯЛ-1).

Или:

Я тоже считаю, что это ЯЛ-3. Потому что мне сразу в глаза бросилось слово «казалось бы», она часто говорит «кажется»...вопросы, да, их много, и вот этот вот Достоевский, мне как раз в голову пришло, что мы как раз на биоэтике недавно обсуждали, и как-то я вот так замечаю, что, например, когда она что-то где-то услышит, то есть, на одном занятии, она потом может использовать на другом. То есть, как-то это запомнит, обратит на это внимание... До этого вопросы, просто одни вопросы, такие как «казалось бы, знаю я себя уже долгие годы, знаю, как никто другой, но придет новый день, и я сам себе удивлюсь». Она по сути не знает, какая она. Просто идет рассуждение. А не именно объяснение того, что «да, я сфинкс» (ЯЛ-1).

Или:

...Слишком заузно... Какая-то подводочка на аналогичную ситуацию... но как-то сложновато, мудрено. Большие бы так никто не написал!... Когда она общается, именно устной речью, она особо не задумывается, не усложняет. А когда пишет, она начинает задумываться, размышлять, то есть много поясняет. У нее такие некороткие, непростые предложения, как-то она начинает вглубь вопроса вдаваться, например, второй абзац (ЯЛ-1).

В данных примерах использованы лингвистические факторы, например, тип изложения. Это рассуждения по поводу анализируемого ВТ. Умение данной ЯЛ глубоко проникнуть в суть текста позволяет ей анализировать его, легко выявлять тип изложения (поиск лингвистических факторов в тексте), объяснять и аргументировать свой выбор. Например: «Просто идет рассуждение. А не именно объяснение того...». Фактор частотности использования в речи: «написан мальчиком», «указывает на мальчика», «мальчик писал», «вопросы, да, их много», «столько вопросов», «до этого вопросы, просто вопросы...».

ЯЛ-1 использует разговорные выражения: реально, паренек, подводочка, сложновато, фразочка. Эти черты свидетельствуют о тенденции к персонализации при текстовосприятии (100 %).

Также нами были отмечены экстралингвистические факторы, например, гендерная принадлежность текста: «он написан мальчиком». Манера общения: «Как бы так «я» и какое-то действие», «у него везде этот...». Апелляция к реальным событиям: «мы как раз на биоэтике недавно обсуждали», «когда она общается устной речью...». Выявленные факторы указывают на тенденцию к персонализации (100 %).

В целом на уровне текстовосприятия ЯЛ-1 является ПЯЛв, определившей авторскую принадлежность верно на 100 %. Метатексты представляют иллюстрацию литературно-логического, или комплексного, уровня. ЯЛ-1 проявила себя ярко, активно участвуя в обсуждениях и высказывая свою точку зрения, рассматривает синтаксические особенности «...бы было по делу, не было бы столько вопросов», «...два рядом стоящих предложения начинаются с одного и того же слова «сфинкс», то есть как бы так... параллельно. Предложения при этом простые». Нами был отмечен большой объем ее метатекстов, богатых разнообразной для лингвистического анализа информацией. ЯЛ-1 реализует словарный запас, используя фразеологизмы: в голову прийти, в глаза бросилось.

В текстах ЯЛ-1 представлены текстоориентированные метапоказатели, например, выражения устройства текста: во-первых, во-вторых, притом, поэтому, потому что, когда. Обращение к лексеме «например» иллюстрируется примером или подтверждением из личного опыта. Выражения-ссылки на уже прозвучавшее: «я тоже отнесла», «я тоже считаю». К персонориентированным можно отнести выражение собственной позиции: «я тоже считаю», «мне в голову пришло», «для меня», выражение уверенности собственного мнения: прям очевидно, действительно, стопроцентно, выражения отношения к способу изложения мысли: «иными словами», «то есть». Использование персонориентированных метапоказателей также указывает на тенденцию к персонализации.

Проанализировав таким образом достаточное количество ВТ, мы можем сделать следующие выводы.

Предложенные классификации применимы по отношению к анализу текстов рядовых носителей языка на уровнях порождения и восприятия текста. Разработанные классификации и их проекция на экспериментальный материал более чем в половине проанализированных нами ВТ (около 500) ЯЛ подтверждают выдвинутую нами гипотезу о соотношении степеней проявленности МЯС и тенденций к персонализации и деперсонализации. ЯЛ считается персонализированной, если ее текст определен участниками эксперимента верно как минимум на 50 %, персонализующей, если она указала авторов предложенных текстов верно не менее чем в 50 % случаев. Соответственно, ЯЛ были определены нами как деперсонализированные и деперсонализующие, если правильность указания автора текста была менее 50 %.

Анализ текстов показал, что тенденция к персонализации коррелирует с высокими степенями проявленности МЯС (логический уровень, оценочный, комплексный) не менее чем в 60 % текстов. Тенденция к деперсонализации соотносится с низкой степе-

нию (*интуитивный уровень*) не более чем в 40 % текстов. Вариативный статус получает выявленный нами *сравнительный уровень*, который может соот-

носиться с обеими тенденциями в зависимости от конкретного рассматриваемого случая.

Литература

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2007. 520 с.
2. Вежицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 402 – 421.
3. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2002. 379 с.
4. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Амфиболическое (вариативно-интерпретационное) функционирование текста // Филологические науки. 2007. № 4. С. 80 – 88.
5. Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание – онтологический и гносеологический феномен // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллект. моногр. / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово; Барнаул, 2009. Ч. 1. С. 6 – 22.
6. Голев Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. (Серия: Филология). 2008. № 3. С. 5 – 17.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность; изд. 8-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 264 с.
8. Кашкин В. Б. Обыденная философия языка, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. I. Кемерово; Барнаул, 2009. С. 41 – 60.
9. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 405 с.
10. Мельник Н. В. Деривационное функционирование русского текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты: дис. д-ра филол. наук (рукопись). Кемерово, 2011. 403 с.
11. Мунье Э. Манифест персонализма / пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: Республика, 1999. 559 с.
12. Нерознак В. П. Лингвокультурология и лингвоперсонология // Вавилонская башня-2: Слово. Текст. Культура. Чтения 2002 – 2003. М., 2003. С. 13 – 17.
13. Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 285 с.
14. Ростова А. Н. Языковое мышление в концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ и в современной лингвистике // III Междунар. Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23 – 25 мая 2006 г.): Тр. и матер.: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. Т. 2. С. 22 – 25.
15. Сайкова Н. В. Лингвоперсонологический анализ вторичного текста // Филологические науки. М., 2009. № 3. С. 110 – 118.
16. Сайкова Н. В. Метатекстовая деятельность носителей языка: лингвоперсонологический аспект // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 2(14). С. 39 – 42.

Информация об авторах:

Мельник Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ, saikova@mail.ru.

Natalia V. Melnik – Doctor of Philology, Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Богачанова Татьяна Дмитриевна – соискатель кафедры стилистики и риторики КемГУ, преподаватель кафедры лингвистики НГМУ, besserde4naya@mail.ru.

Tatiana D. Bogatchanova – post-graduate student at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University; Lecturer at the Department of Linguistics, Novosibirsk State Medical University.

(Научный руководитель – **Н. В. Мельник**). (Research advisor – **N. V. Melnik**).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

МЕДВЕДЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю. Н. Михайлова

BEAR IN POLITICAL DISCOURSE

J. N. Mikhailova

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-04-00239 а «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика».

Статья посвящена анализу функционирования лексемы *медведь* в современных масс-медиа. В российском обществе массмедийный дискурс тесно переплетен со сферой политики, поэтому исследование употребления слова *медведь* в современных СМИ позволит очертить семиотическое пространство этого знака в новых социальных условиях. Цель нашего исследования – проанализировать метафорическую семантику лексемы *медведь* в политическом дискурсе и выявить ее семиотические смыслы. В работе использованы методы контекстуального анализа, моделирования, а также культурологическая интерпретация метафор. Характеристики основаны на наблюдениях над текстами прессы и интернет-ресурсов. Автор исходит из известных теоретических положений, что в политическом дискурсе активно используются традиционные для русского национального сознания зооморфные метафоры. И метафоры всех фреймов когнитивной модели «политика – это мир животных» имеют в абсолютном большинстве негативную окраску и обладают агрессивным прагматическим потенциалом.

В результате анализа семантики и прагматики удалось установить, что лексема *медведь* в политическом дискурсе многофункциональна. Она является сигналом сферы-источника «животный мир» при метафорическом моделировании, выступает в символическом значении, ассоциируясь с образом России, совмещает значения двух омонимов, номинируя партию «Единая Россия» и ее членов, но одновременно включая коннотации первичного значения.

The article is devoted to the analysis of the functioning of the “bear” lexeme in modern mass media. In the modern Russian society the mass media discourse is closely interwoven with that of politics. Therefore, the study on the usage of the word “a bear” in modern mass media will allow to delineate the semiotic space of this sign in new social conditions. The aim of our study is to analyze the metaphorical semantic of the lexeme “a bear” in the political discourse and to identify its semiotic meanings. Methods of contextual analysis and modeling are used in the work, as well as the method of culturological interpretation of metaphors. The characteristics are based on the study of texts from mass media and Internet resources. The author proceeds from the well-known theoretical positions that traditional Russian zoomorphic metaphors are actively used in political discourse. And the metaphors of all frames of the cognitive model «the politics is a world of animals» have a mostly negative connotation and aggressive pragmatic potential. As a result of the analysis of semantic and pragmatic aspects of the “bear” lexeme, it was possible to establish that this lexeme is multi-functional in political discourse. It is a symbolic signal which is associated with the image of Russia, combines the meanings of two homonyms, meanwhile nominating political party “United Russia” and its members, but also including the connotations of primary importance.

Ключевые слова: политический дискурс, масс-медиа, метафора, концепт, лексическое значение.

Keywords: political discourse, mass-media, metaphor, concept, lexical semantic.

Политический дискурс относится к числу таких знаковых систем, в которых происходит трансформация семантики и функций разных типов языковых единиц. Между языком и политикой существует неосомненная связь, так как ни один политический режим не может обойтись без коммуникации. Являясь в значительной мере средством манипулирования, политический язык использует в своем арсенале много выразительных средств, обладающих повышенным воздействующим зарядом. К числу таких средств относится и политическая метафора.

В настоящее время изучение политической метафоры обусловлено не только интенсивным развитием коммуникативных исследований, но и переосмыслением самого понятия метафоры как особого способа мышления. Согласно когнитивной теории, метафора – это повседневная реальность языка, обусловленная проявлением аналоговых возможностей человеческо-

го мышления. Метафорические образы заложены уже в самой интеллектуальной системе человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует [1; 4]. При метафорическом моделировании политической сферы, отличающейся сложностью и высокой степенью абстракции, человек часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы [8, с. 124]. Исследователи политической метафоры отмечают, что в современном политическом дискурсе активно используются традиционные для русского национального сознания зооморфные метафоры [1; 2; 8], при этом метафоры всех фреймов когнитивной модели «политика – это мир животных» имеют в абсолютном большинстве негативную окраску и обладают агрессивным прагматическим потенциалом [2]. Вместе с тем сложность политической сферы, значительные и даже малейшие изменения политической ситуации в мире

оказывают влияние и на когнитивные процессы, в том числе на метафорическое моделирование в языке.

Цель нашего исследования – проанализировать метафорическую семантику лексемы *медведь* в политическом дискурсе, выявить ее семиотические смыслы, показать динамику «медвежьей» метафоры в российских масс-медиа. В данной статье мы рассматриваем функционирование лексемы *медведь* в политическом дискурсе на примере масс-медийного дискурса, поскольку в современном российском обществе происходят явные процессы переплетения и сращения сфер массовой информации и политики. Одна из главных задач медиа-дискурса, как и политического дискурса, – управлять сознанием и поведением людей. СМИ, с одной стороны, отражают взгляды и настроения общества, а с другой – участвуют в моделировании языковой картины мира, наполняют новым содержанием ценностные концепты. Исследование употребления лексемы *медведь* в современных СМИ позволит очертить семиотическое пространство этого знака в новых социальных условиях.

При анализе материала мы будем опираться на классификационные признаки концепта *медведь*, выделенные нами в опоре на толковые словари русского языка, однако в поле нашего исследования будут включены только переносные значения данной лексемы. Показателем переносного значения лексемы *медведь* в текстах СМИ часто служат кавычки: *...напугать население внешней угрозой и обосновать необходимость присоединиться к НАТО: мол, только альянс сможет защитить от «медведя», который собирается натворить бед* (АиФ; 17.09.2008); *Одно дело ругать последними словами «медведей», а другое дело – лично Путина* (Ведомости; 06.12.2011). Вместе с тем активность использования слова именно в переносном значении и его частотность в СМИ (особенно в определенные периоды) делает номинацию привычной для читателя, и авторы перестают маркировать метафорическое значение кавычками. Таким периодом, стимулирующим обращение к лексеме *медведь* в символическом значении, явилось, в частности, избрание президентом РФ Д. А. Медведева: *Разумеется, рост интереса к русскому медведю был связан с избранием нового президента России – неслучайно одна из первых западных статей, посвященных результатам выборов 2008 г., была озаглавлена «Beware Medvedev the Bear» (Осторожно: Дмитрий Медвед... ев). И сразу начались рассуждения о том, кто он такой – симпатичный мишка или злобный медведище? А, может, Россией будет править двуглавый медведь?* (inoСМИ.ру; 09.09.2008). Столкновение онима и апеллатива с одинаковым корнем – излюбленный прием журналистов. Ср.: *Сначала ему на помощь приходит медведь – переодетый Дмитрий Медведев* (Метро Москва; 24.05.2011).

Понятийное ядро концепта *медведь* включает следующие когнитивные признаки: млекопитающее, крупное, хищное, всеядное, с густой длинной шерстью и короткими толстыми ногами. На базе ярких ядерных когнитивных признаков «крупный», «сильный», «хищный» развиваются метафорические признаки «власть», «могущество»: *У нас всё политическое пространство – как сказка. В Думе – «медведь»,*

крепко севиший на парламентский теремок, Баба Зюга, вместо Волка серого – Вольфович (АиФ; 27.10.2010).

Эти семантические признаки лежат в основе двух актуальных для современного политического дискурса значений, маркированных лексемой *медведь*, – ‘Россия’ и ‘политическая партия «Единая Россия»’. Реализуя указанные значения, лексема *медведь* выражает не столько языковую, сколько символическую семантику.

Известно, что медведь наряду с морозом, Сибирью, икрой, водкой относится к ряду устойчивых символов России и «русскости». Роль медвежьего символа на ранних этапах истории народов, населяющих территорию России, была значительной, однако медведь не использовался в качестве аллегории России отечественными авторами, по преимуществу он был призван выразить специфику восприятия России на Западе. Именно медведь стал самым понятным и востребованным атрибутом России для западного сознания. Шокирующие подробности о российских нравах, российском укладе, жуткой русской стуже, городах и весях, по которым разгуливают медведи, содержатся в классических трудах С. Герберштейна («Записки о Московии», 1549) и А. Олеария («Описание путешествия в Московию», 1647) [6]. Видимо, эти бестселлеры, переведенные на все европейские языки, а также популярные рисунки, гравюры и особенно карикатуры, популярные в годы войн и революций, сформировали на Западе ряд устойчивых стереотипов, сохранившихся до наших дней (о визуализации образа Россия – медведь см.: [3]). Образ медведя для характеристики России используется в культурах Запада, начиная с XVII в. После окончания «холодной войны» пошли разговоры о его смерти, однако последние годы свидетельствуют о том, что медвежья метафора вновь становится популярной. На конкурсе World Press Cartoon в 2007 г. первое место заняла карикатура, представившая президента России в образе медведя, ухаживающего за своими когтями (inoСМИ.ру; 09.09.2008).

Образ России через призму медвежьей метафоры получает в западном мире отрицательные коннотации, однако в русской культуре образ медведя неоднозначен. В советскую эпоху в детских книгах и мультфильмах медведь был сильным и добродушным, что проявилось, например, в симпатичном московском олимпийском мишке. В постсоветский период отношение к медведю меняется. Под влиянием глобализации и культурной экспансии Запада российским обществом потребляются (наряду с технологиями, товарами, стилем жизни) образы и символы. Социологические опросы в России начинают фиксировать «медведя» среди основных товарных символов страны [5]. «Медведь и Россия – сочетание, если и не естественное, само собой разумеющееся, то уже привычное, растиражированное на Западе и выступающее для россиян в качестве навязанного извне негативного идентификатора» [7].

В современных российских СМИ медведь как символ России заметно активизируется. Типовыми контекстными партнерами, актуализирующими указанное метафорическое значение, обычно выступают

лексемы *страна, русский, Россия*, местоимения *наш, мы*, эксплицирующие оппозицию «свой / чужой»: Для всего мира образы **России** сегодня заключены в матрешках, **медведях**, балалайке, икре и водке (ИКС; 15.05.2008); Конечно, улицы столицы больше не наводняют **медведи** и волки, тень КГБ не мерещится за каждым углом, но иллюзии и мифы о нашей жизни не оставляют в покое заморских гостей («БОСС», 15.12.2008). Встречаются прямые указания на связь России и медведя, и обычно такие высказывания содержат отсылку к источнику восприятия образа (для всего мира, иностранцы думают, заморские гости) либо ссылку на зарубежные публикации.

Россия в образе медведя представляется агрессивной страной, несущей опасности миру: Будить **медведя** безопасно только в одном случае – если вы уверены, что сможете его прокормить (АиФ; 15.04.1998); ...гигантский русский **медведь**, извечный враг и соперник на всех фронтах мировой геополитики (Бизнес-журнал (Москва); 11.12.2008). А. П. Чудинов утверждает, что для современной зооморфной политической метафоры характерны концептуальные векторы жестокости и агрессивности [8, с. 143].

Семантика опасности выражается через различные фреймы когнитивной модели, такие как «части тела животного»: Президент толкает страну в **лапы** «русского медведя», утверждает литовская оппозиция (Известия, Москва; 16.04.1994); На карикатурах Россию изображают злобным медведем, протягивающим **когтистую лапу** к беззащитной Грузии (АиФ; 17.09.2008); фрейм «агрессивные действия животного»: ...появилась возможность показать «русского медведя», **топчущего** «маленькую демократическую страну» (АиФ; 17.09.2008); Во всяком случае, в зарубежных СМИ теперь появляются статьи, не пугающие читателя «сорвавшимся с цепи русским медведем», а пытающиеся беспристрастно разобраться в ситуации (АиФ; 17.09.2008); фрейм «места обитания животных»: Кто-то, возможно, считает, что из-за мирового кризиса и на фоне проблем России с другими соседями русский медведь ослаб и можно его потыкать рогатиной в **берлоге** (АиФ; 08.07.2009).

Медведь как метафора используется для описания русского менталитета, для характеристики дикого и нецивилизованного русского человека: Говорят, что в красных футболках выступит команда из некой далекой загадочной страны, где **медведи** пьют водку из матрешек, а за синих играют чуваки из страны, где все постоянно ходят в шлемах и при этом пьют вино без остановок (Коммерсантъ Daily; 02.07.2008); Чтобы мы не писали по кустам, превращаясь в тех самых **медведей**, которые, по мнению иностранцев, составляют половину населения Москвы... (АиФ; 03.11.2010).

Значительно реже лексема *медведь*, выражая значение «Россия», «русский человек», обладает положительной коннотацией. В этом случае актуальными становятся признаки «широта русской души», «щедрость», «удаль». Например: Страну обычно представляют как **медведя** – сильного, гордого и медлительно-го, который дает отпор, когда его загоняют в угол. (Метро (г. Москва); 16.04.2012). Положительный об-

раз русских создается и путем отрицания символа медведя: Там я познакомился со многими американскими учеными, которые очень любили в то время приезжать в СССР и видеть, что тут живут не **медведи** (Ведомости; 02.03.2009).

В современном обществе *медведь* в качестве национального символа включается в процессы создания постсоветской идентичности, предполагающие противопоставление и советскому периоду, и Западу. Появившись на логотипе Межрегионального движения «Единство» (Медведь) накануне парламентских выборов 1999 г., он ассоциативно поддержал появление аббревиатуры *медведь* (как сокращенное название движения), которая была омонимом известному апеллятиву, однако в сознании россиян сразу оказалась связанной с символическим животным – это был исключительно верный ход политтехнологов. При слиянии партий «Единство» и «Отечество», а также движения «Вся Россия» визуальный и вербальный знак перекочевал и на символику «Единой России». Появляется слоган «Медведь – Единая Россия», партию нередко именуют просто «медведем», а члены партии «Единая Россия» стали называться «медведями».

По замечанию А. П. Чудинова, «метафорическое обозначение партии «Медведь» воспринимается значительно легче, чем официальное ее наименование «Межрегиональное движение Единство» и далее: «ассоциируя название партии с образом медведя, люди переносят на партию традиционное для России позитивное восприятие «хозяина тайги», сильного и добродушного героя народных и литературных сказок и даже символа Олимпиады-80» [8, с. 48 – 49].

В современных СМИ, формирующих общественное сознание и являющихся его выразителем, лексема *медведь* в значении «политическая партия «Единая Россия», а также метонимически – «представитель данной партии», используется активно и в изданиях любого политического направления: Считали не только сюжеты, в которых партия называлась полным именем, но и те, где звучали неформальные наименования – например, «медведи», а не «Единая Россия» (Ведомости; 01.10.2009); «Медведи» – это не только ценный кадровый ресурс, но и полезные, легко проходящие через Госдуму законопроекты! (АиФ; 02.07.2008); В Кузбассе, например, в местный парламент прошёл лишь один «не медведь» – депутат от «Справедливой России» (АиФ; 15.10.2008).

Это значение поддерживается синтагматическими отношениями слова *медведь* с лексемами из сферы политики (власть, выборы, внешняя политика, мировое сообщество, законопроекты и др.) и экономики (налоги, инвестиции, биржа и др.).

Появились и дериваты слова *медведь* в указанном политическом значении: *медвежий* – значит «принадлежащий партии «Единая Россия»: Покуда **медвежий совет**, информгентства распространили «молнию» (Известия, 2007.12.24). **Медвежий ход**. Попытался убрать со Знамени Победы серп и молот. (Комсомольская правда, 2007.10.02); Вот белокурая Мальвина на **медвежьем митинге** заявила, что мы должны научить Путина делать хорошие машины (Грани.Ру; 12.02.2009). И даже встретился случай окказиональ-

ного образования: *Однако в России не произошло медведизации языка политики* (inoСМИ.ru; 09.09.2008).

В сознании носителей русского языка, несомненно, существует ассоциативная связь между первичным и вторичным значениями лексемы *медведь*. Журналисты используют прием объединения семантики двух единиц, когда в одном контексте сталкиваются синтагматические партнеры медведя – животного и медведя – названия партии: *«Двум «Медведям» в одной берлоге не бывать!» – решил Спасский политсовет «Единой России». Потому что берлога эта – с видом на власть... (Арсеньевские вести; 31.08.2010); Еще бы не рвануть депутатам, если им показали несколько старинных русских забав типа растерзания медведем – модель, как поступать с теми, кто попал в опалу (Метро (г. Москва); 20.10.2009)*. Показателями разных значений служат, с одной стороны, лексемы *власть, депутаты, политсовет*, сама номинация *«Единая Россия»*, а с другой – *берлога, разъяренный, дикий зверь, растерзание*.

Таким образом, лексема *медведь* в политическом дискурсе многофункциональна. Она, во-первых, является сигналом сферы-источника «животный мир» при метафорическом моделировании, во-вторых, выступает в символическом значении, ассоциируясь с образом России, в-третьих, совмещает значения двух омонимов, номинируя партию «Единая Россия» и ее членов, но одновременно включая коннотации первичного значения.

Литература

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. 193 с.
2. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.
3. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. М.: Прогресс, 1988. С. 12 – 51.
4. Локоткова С. Россия XXI века: без физики и лирики // Прямые инвестиции. 2006. № 12. С. 43 – 44.
5. Россомехин А., Хрусталёв Д. Россия как медведь: истоки визуализации (XVI – XVIII века) // Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2: Визуализация нации. Иваново, 2008. С. 123 – 162.
6. Тимофеев М. Ю. «Красный» медведь из страны большевиков // Лабиринт. 2013. № 4. С. 101 – 106.
7. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Информация об авторе:

Михайлова Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры речевой коммуникации и культурологии Уральского института экономики, управления и права (Екатеринбург), JMikailova@yandex.ru.

Julia N. Mikhailova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Cultural Studies and Speech Communication, Ural Institute of Economy, Management and Law (Ekaterinburg).

Проведенное исследование показало, что в современном российском политическом дискурсе заметна активизация медвежьей метафоры, что связано, во-первых, с возросшей экономической и политической активностью России. Вторая причина активизации рассматриваемой модели – ее широкие возможности для формирования идеологических и культурных смыслов. Российский истеблишмент, используя устойчивый для мирового сообщества символ страны, наполняет его новым содержанием. Знаковой явилась развернутая метафора «Россия – медведь», которую привел Владимир Путин во время десятой большой пресс-конференции 10 декабря 2014 г., ср. фрагмент: *Может, нашему мишке стоит посидеть спокойно, а не гонять поросят и подсвинок по тайге? Нет. Посадят на цепь, вырвут когти и зубы, приберут к рукам тайгу*.

Медведь в российских СМИ сегодня метафорически представляет политический авторитет России и ее правящей верхушки, внутреннюю политику, а также статус страны в рамках международных отношений как следствие внешней политики страны. В современной политической речи в качестве доминирующего когнитивного признака медвежьего символа выступает признак «сила», через который метафорически представлены военная и энергетическая мощь государства, возможности России в противостоянии другим государствам.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

ВДВ – ЭТО МУЖЕСТВО, ЧЕСТЬ, ОТВАГА!
(лозунги общественного движения «Союз десантников России»)
А. Н. Михин, А. А. Осипова

AIRBORNE TROOPS ARE COURAGE, HONOUR, VALOUR!
(slogans of social movement “Union of paratroopers of Russia”)
A. N. Mikhin, A. A. Osipova

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности» (2015, № 15-24-06001а (м)).

В наши дни лозунг возродился как живой жанр публицистического дискурса, как средство массовой агитации. Среди зарегистрированных современных общественных движений особо выделяются такие, которые представляют какие-либо рода войск. Интерес лингвиста среди них вызывает «Союз десантников России», а именно содержательная часть его лозунгов. Авторы статьи проводят сравнительный анализ данных единиц с советскими лозунгами военных лет, позволяющий выявить специфику использования агитационных политических текстов советского прошлого и современного времени. Лозунги, обнаруженные в результате сплошной выборки из текстов указанного общественного движения, составляют базу для формирования публицистического арсенала и атрибутики общественных движений России конца XX – начала XXI в. В перспективе предполагается создание специального словаря. Условно все единицы можно разделить на несколько тематических групп: лозунги, отражающие боевую готовность десантника, и лозунги, репрезентирующие определенные принципы поведения в мирной жизни. Агитационные тексты позволили выявить основные характеристики воина-десантника: осознание собственной исключительности, патриотизм, непреклонность, высшую степень боеготовности, стремительность реакции в экстремальных условиях, нравственную силу, ориентацию на успех и на победу. В условиях мирной жизни десантникам свойственны решительность, отсутствие сомнений в своем праве на лидерство, силовые решения, стремление нравиться женщинам. Многие русские полководцы ценили силу образных выражений, которые до сих пор функционируют в языке и входят в сокровищницу афористики. Внес свою лепту в эту копилку и легендарный командующий Воздушно-десантными войсками В. Ф. Маргелов. Часть современных лозунгов ВДВ – высказывания, принадлежащие этому военачальнику. Корпус армейских лозунгов пополняется. Наряду с закрепленными в языковом сознании единицами убеждающей коммуникации, возникшими в годы войны, появляются новые современные агитационные тексты, заслуживающие внимания и способные кратко выразить главную идею, например, лозунг *Никто, кроме нас!; Мужество, отвага, честь!*

Nowadays slogans, both as a genre of journalistic discourse and as a means of mass propaganda, have been brought back to life. Slogans that represent some particular corps stand out among contemporary official social movements. The content of the slogans of the “Union of paratroopers of Russia” particularly arouse the interest of a linguist. The authors carry out a comparative analysis of these slogans and Soviet war time slogans, which allows one to set out some peculiarities of political propaganda texts of the Soviet past and today. The slogans found in the text of the social movement make up a source to form a journalistic store and attributes of social movements in Russia at the end of the 20th – the beginning of the 21st centuries. In the long term the authors are planning to compile a special dictionary. In general, all lexical units can be divided into several subject groups: slogans that reflect alertness of a paratrooper and slogans that represent certain principles of behavior in peaceful life. Propaganda texts let us distinguish the main characteristics of a paratrooper: exceptionality, patriotism, the highest level of alertness, swiftness of reaction in extreme situations, moral power, focus on success and victory. In peaceful life paratroopers are characterized by resolution, lack of doubt, power decisions, desire to be liked by women. Many Russian military commanders appreciated figurative expressions which still exist in the language and are included in the treasure trove of aphoristics. The legendary commander of airborne troops V. F. Margelov also contributed to these lexical units. A part of modern slogans of airborne troops are utterances that belong to this commander. The number of army slogans is increasing. Along with lexical units that appeared in war time, there still appear new propaganda texts that can briefly express the main idea, for example, *Nobody but us! Courage, honour, valour!*

Ключевые слова: лозунги, «Союз десантников России», публицистика.

Keywords: slogans, “Union of paratroopers of Russia”, political journalism.

Лозунг – лаконично сформулированная идеологема, которая выдвигается какой-либо партией или общественным движением и характеризует основу их деятельности в некий период времени. Агитационный текст выполняет функции побуждения к определен-

ным действиям, а также служит знаменем, символом. Лозунги представляют собой одно из важных средств современной коммуникации.

«Языковой облик формирующегося в настоящее время сверткостного лозунгов находится в непосред-

венной зависимости от тех изменений, которые происходят в русском языке <...> К таким изменениям можно отнести деидеологизацию, детабуирование, культурное обновление и одновременно вульгаризацию, «американизацию» русского языка. Все эти изменения позволяют говорить о том, что мы являемся свидетелями новейшей истории русского языка. Лозунг в наши дни возродился как живой жанр агитационной речи, как средство массовой агитации, способ выражения подготовленного и стихийного, группового и массового протеста» [5, с. 2].

Л. В. Енина отмечает, что «сегодня лозунги самых разных политических и общественных движений существуют в политическом пространстве России и играют важную роль в становлении новой идеологии, в изменении общественного сознания. Языковое строительство – его тенденции и закономерности – отражаются в речевой ткани лозунгового текста» [5, с. 1].

Среди множества зарегистрированных современных общественных движений (ОД) России особо выделяются такие, которые представляют какие-либо рода войск. Одним из самых интересных с точки зрения лингвиста является ОД Всероссийский Союз общественных объединений ветеранов десантных войск «Союз десантников России» (URL: <http://sdrvdy.ru/>). Воздушно-десантные войска (ВДВ) – составная часть вооружённых сил практически всех крупных государств. Началом их истории следует считать 1930-е гг. (в 1931 г. было сформировано первое подразделение ВДВ – авиамотодесантный отряд из 164 человек; это подразделение принадлежало Ленинградскому военному округу). Боевой путь ВДВ озарен славными памятными событиями как в 1939 – 1940 гг. (советско-финляндская война), так и во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Заслуги этого рода войск перед отечеством были высоко оценены советским правительством: все соединения ВДВ получили звание «гвардейские». Стать десанником всегда было престижно, т. к. служба в подобных войсках требует большого мужества и физической подготовки.

ОД «Союз десантников России» сформировалось в 2002 г. с целью координации деятельности общественных объединений и повышения эффективности их работы по реализации и защите гражданских прав и свобод. В задачи этой организации входит участие в деле патриотического, духовно-нравственного воспитания, укрепления десантных и патриотических традиций в обществе. «Союз» заботится о повышении социального статуса ветеранов и военнослужащих десантных войск, войск морской пехоты, специального назначения и подразделений особого риска, инвалидов локальных конфликтов, техногенных катастроф и членов их семей.

Исследуя все тексты, размещаемые на официальном сайте «Союза», мы обратили внимание на то, что их авторы зачастую используют такой жанр письменного текста, как лозунг. Наш анализ нацелен на содержательную часть лозунгов ОД «Союз десантников России», их стиль. В фокусе внимания – ключевые символы данной общественной организации.

Характер лозунгов современных десантников претерпел значительные изменения. В годы советской власти под влиянием военных событий в ходу были в основном лозунги, содержащие призывы к борьбе с внешним врагом: *«Товарищи комсомольцы! Мы не можем пропустить танки до тех пор, пока участок позади нас не будет заминирован. Любой ценой сдерживать танки и пехоту противника! Ни шагу назад! Родина никогда не забудет вашего подвига!»*; *«Москва стоит, ребята, и стоять будет! Так говорят ее защитники, все советские люди... Да вот и наши десант...»* [9, с. 46]; *«Десант десантом, а через несколько дней, если не раньше, сюда должны прийти наши фронтовики. Очень успешно идет наступление. Все раненые в ту ночь не раз произносили шепотом: «Да здравствует Советская власть!»»* [9, с. 57]; *«Сколько будет сил, бей фашистов! Это они отняли у нас с тобою братьев. Вчера у меня кончились патроны, а они все лезут. Пришлось драться врукопашную...»* [9, с. 71]; *«Сверху раздалась автоматная дробь. Это молодые десантники, верные своему девизу «С воздуха – в бой!», открыли огонь»* [9, с. 89 – 90].

Л. Свобода в своем произведении «От Бузулука до Праги» цитирует целый ряд лозунгов: *«Вся надежда была на парашютно-десантную бригаду <...> Бригадная газета «Пламя свободы» в те дни обратилась к воинам: «Приказ: Ни шагу назад! Действовать только наступательно! Отступая, мы помогаем немцам. Наступлением мы не даем уничтожить себя. Воины, решительно пресекайте трусость!»* [15].

Е. Музруков отмечает ту психологическую подготовку, которую получали десантники перед высадкой во вражеском тылу. Любая операция подобного рода большинством личного состава воспринималась как неизбежное и героическое самопожертвование во имя Родины и общего дела победы над врагом: *«Лозунг «Десантники в плен не сдаются!» не стал пустыми словами. Очень скоро многие десантники подтвердили эти слова на деле»* [10] и др.

Большинство указанных выше лозунгов не принадлежало конкретно десанникам, они были сформулированы советскими идеологами как универсальное вербальное средство, содержащее призыв к борьбе, самопожертвованию, решительности.

В становлении ВДВ огромную роль сыграл В. Ф. Маргелов. В истории Воздушно-десантных войск, Вооруженных Сил России и других стран бывшего Советского Союза, он останется навсегда. С именем В. Ф. Маргелова связаны авторитет и популярность ВДВ не только в нашей стране, но и за рубежом. Вклад советского военачальника в формирование Воздушно-десантных войск в их нынешнем виде нашел отражение в шуточной расшифровке аббревиатуры ВДВ – «Войска дяди Васи». В публицистический арсенал собственно десантников можно включить ряд высказываний, приписываемых В. Ф. Маргелову, которые носят лозунговый или призывный характер. В советское время эти единицы использовались в основном только в устном общении. На страницы СМИ и на плакаты они практически не попадали в силу своей особой стилистической и экс-

прессивной окраски. Сейчас на страницах ОД «Союз десантников России» данные лозунги и призывы регулярно появляются и содержательно касаются различных сфер жизни. Условно их можно разделить на несколько тематических групп.

I. Лозунги, отражающие непосредственно боевую готовность тех, кто именует себя «братишками». Отметим, что ряд агитационных текстов этой группы отражает основные характеристики воина-десантника:

– **Собственная исключительность:** *Никто, кроме нас!* Это лозунг стал девизом ОД «Союз десантников России», он сопровождает каждый номер газеты «Десантники России» (см., например, № 12(63) 29.12.2014, № 1(64) 29.01.2015, № 2(65) 28.02.2015) и активно функционирует в публикациях: *«Никто, кроме нас!» – эти слова, девиз воздушно-десантных войск, звучали с самого утра по всей площади Дома молодежи. Официальные торжества в честь Дня ВДВ начались около памятника приморцам, погибшим в ходе локальных войн и военных конфликтов* [6]. Данная единица служит своего рода текстовым символом, маркером десантников, которые считают ВДВ элитным родом войск. Например, она вошла в название восьмисерийного художественного фильма 2009 г. реж. О. Базилова, В. Воробьева – «Десантура. Никто, кроме нас». Эту фразу помещают на вымпелах, одежде, флагах. Об исключительности десантника свидетельствуют и единицы *Мы не ангелы... Но всегда рядом!!!* [3]; *ВДВ – это мужество высшего класса, храбрость первой категории, боевая готовность номер один!* [1].

– **Патриотизм:** *Себе честь – Родине слава!; Честь и Родина – превыше всего!* [1]; *Кто обидит Россию, будет иметь дело с ВДВ* [14]. У десантников есть и свои гимны, один из них пронизан патристическими мотивами, звучащими как лозунги: *Как трудно в бою ни придётся, / Не будет пощады врагам: / Победа всегда достётся / Воздушно-десантным войскам! / Ты знай, Россия, в грозный час / Мы с честью выполним приказ* [13]. Для десантников принципиально важна не только преданность Родине, но и собственно ВДВ: *За ВДВ – сжав зубы марш-бросок вперёд, / За ВДВ – к земле стремительный полет, / За ВДВ – проломи брешь в любой броне, / За ВДВ – на тренировке, на войне* [7].

– **Неукоснительное выполнение долга:** *Даже смерть не является оправданием невыполнения боевого приказа!; Не можешь пить водку – пей воду, не можешь пить воду – ешь землю!* [1]; *Сбит с ног – сражайся на коленях, идти не можешь – лежачи наступай!* [1; 4]. Все эти агитационные тексты приписывают В. Ф. Маргелову. Лозунг *Ты все равно должен драться, пока твои ноги не коснутся земли!* [3] – усеченный вариант цитаты военачальника (ср.: *Десантник, и даже если в воздухе запахнет цветами, которые положат на твою могилу, ты всё равно должен драться, пока твои ноги не коснутся земли*), активно функционирует не только в прозаических, но и в поэтических текстах: *И есть еще секунды жизни за спиной / И пусть их только 30 или 20, / А может, и всего одна / Ты должен драться,*

слышишь, драться; / И будет смерть тобой побеждена [3].

– **Агрессивность, высшая степень боеготовности, стремительность реакции:** *В случае войны парни в голубых беретах будут брошены в пасть агрессору с целью разорвать эту пасть!; Прыжок не самоцель, а средство вступления в бой!* [1].

– **Нравственная сила:** *Десантник – это концентрированная воля, сильный характер и умение идти на риск!; Мужество, отвага, честь!; ВДВ – это мужество, стойкость, успех, натиск, престиж!* [1].

– **Ориентация только на успех, только на победу:** *Любое задание – в любое время!; Мы всюду там, где ждут победу!; Патроны есть – еда найдется!; Первый выстрел мой – и в цель!* [1]; *Есть десантные войска и нет задач невыполнимых!* [2]; *Побеждает сильнейший!* [12]. Эти единицы также содержат в себе дополнительно представление об удалестве десантников: *С любых высот – в любое пекло!* [1].

II. Лозунги невоенного характера. В эту группу вошли единицы, касающиеся сфер мирной жизни и также отражающие черты личности десантника:

– **Решительность, отсутствие сомнений в своем праве на лидерство в коллективе:** *Десантник должен знать только два действия математики: отнять и разделить!; Не становись на пути десантника – ты рискуешь стать загадкой для хирурга!* [1].

– **Стремление нравиться женщинам:** *Любой десантник должен быть таким, чтобы молодые женщины, любясь им, если не отдавались ему, то хотя бы думали об этом!* [1]. Эту фразу также приписывают В. Ф. Маргелову, кстати, трижды женатому.

– **Призывы-госты, являющиеся неотъемлемой частью русской культуры:** *Выпьем за Россию и за ВДВ!* [7]; *Выпьем за ВДВ – веру, доблесть, везение!* [8]. Чаще эти единицы встречаются в поэтических текстах: *Никогда десантник друга не предаст, / Память о погибших вечно будет в нас, / Чарку подымая к буйной голове, / Выпьем за Россию и за ВДВ* [7].

– **Единицы, служащие программным тезисом и отражающие отношение к определенным проблемам в стране.** Например, лозунг *Дать дорогу народной смекалке!*: *Справедливость требует, чтобы плодами эксплуатации природных ресурсов пользовались не только «олигархи», но и все население страны либо путем извлечения природной ренты, либо как средством инвестирования в научно-производственные программы, в поощрение рождаемости, в здоровый образ жизни, в обустройство окружающей среды, в развитие инфраструктуры регионов. Дать дорогу народной смекалке <...> Население психологически созрело для предпринимательских инициатив, в целом приняло рыночные правила игры, в большинстве своем избавилось от психологии пассивного ожидания социальных благ* [14]. Справедливости ради отметим, что употребление подобных призывных текстов единично. Данный факт указывает на тематическую ограниченность арсенала публицистических средств ОД «Союз десантников России», в этом проявляется некая заикленность представителей ОД на идеях, проблемах, символах, касающихся непосредственно их рода войск.

Рассмотрев корпус лозунгов и призывов, используемых ОД «Союз десантников России» на страницах СМИ, можно отметить некоторые особенности. Современное состояние лозунговой культуры, на наш взгляд, нельзя отделять от истории советских лозунгов. Лозунги, функционировавшие в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, и лозунги современного ОД «Союз десантников России», по сути, отражают одни и те же идеи:

- воспитывают патриотизм (ср. *За Родину! За Сталина!*; *Родина-мать зовёт! ≈ За ВДВ!*; *Себе честь – Родине слава!*);

- призывают к самопожертвованию (ср. *Грудью на защиту Ленинграда!*; *Ни шагу назад!*; *Отстоим Москву!*; *Все для фронта! Все для победы! ≈ Никто, кроме нас!*; *ВДВ – это боевая готовность номер один!*);

- требуют уничтожения врага (ср. *Бей врага, как его били отцы и старшие братья – матросы Октября!*; *Беспощадно разгромим и уничтожим врага!*; *Каждый удар молота – удар по врагу!*; *Смерть фашистской гадине!* ≈ *Сбит с ног – сражайся на коленях, идти не можешь – лежа наступай!*; *Ты все равно должен драться, пока твои ноги не коснутся земли!*);

- прославляют советского/российского воина (ср. *Да здравствует рабоче-крестьянская Красная армия – верный страж советских границ!*; *Слава Красной армии-освободительнице!*; *Слава героям Отечественной войны!* *Слава сталинским соколам!* ≈ *Десантник – это концентрированная воля, сильный характер и умение идти на риск!*; *Мужество, отвага, честь!* и др.).

Отличие состоит в том, что агитационные тексты современного ОД призывают не только к безупречному выполнению трудового или боевого подвига (как в годы войны), но и затрагивают другие сферы жизни (положение в коллективе, отношения с женским полом). В отличие от военных лозунгов, лозунги современных российских десантников зачастую содержат иронию. Имеющийся набор лозунгов ВДВ позволил сформировать портрет современного десантника. Это отважный, мужественный воин, обладающий лихой удалью, прекрасно подготовленный физически, довольно агрессивный, уверенный в успехе во всем, даже в победе над смертью. Если в годы войны пропагандировались лозунги *Победа или смерть!*; *Уми, но не сдавайся!*, то сейчас у ВДВ в ходу лозунги типа *Смерть рядом с тобой? Разбей ей нос!* или *Мы смерть уложим на лопатки!* [11]. Как лозунги военных лет, так и современные содержат эмоционально окрашенную лексику, состав которой отличается в связи с реалиями времени. Именно такая лексика помогает ярче выразить главную идею убеждающей коммуникации (ср. *фашистская гадина*; *немецкие звери ≈ пасть агрессора*; *загадка для хирурга*). В современные лозунги могут входить «модные» слова, заимствованные из других языков (ср.: *ВДВ – это мужество, стойкость, успех, натиск, престиж!* [1]).

В боевой обстановке немаловажную роль играет зовущее на подвиг меткое слово, вселяющее опти-

мизм, уверенность в близкой победе, служащее духовному подъему воинов. Многие русские полководцы ценили силу образных выражений, которые до сих пор функционируют в языке и входят в сокровищницу афористики (ср., например: *Да не посрамим земли Русские, но ляжем костьми, мертвые бо срама не имам* – слова киевского князя Святослава; *В походе – быстрота, в атаке – стремительность!* – правила действия войск, сформулированные А. В. Суворовым; *Победа или смерть!* – цитата из речи В. И. Ленина, ставшая клятвой советских людей в годы войны; *Наше дело правое – победа будет за нами!* – синтез фраз В. И. Ленина и И. В. Сталина; *Рубить – так с плеча, на полувзмахе не останавливаться!* – слова маршала СССР И. С. Конева и др.). Внес свою лепту в эту копилку и легендарный командующий Воздушно-десантными войсками, «десантник номер 1» В. Ф. Маргелов. Примечателен в этом смысле тот факт, что на страницах современной публицистики, тематически связанной с ВДВ, можно встретить лозунги, в свою очередь, увековечивающие имя этого советского военачальника: *Юбилей ВДВ – с именем Маргелова!* (название новостной заметки о том, что в ряде городов увековечили память В. Ф. Маргелова) [16]; *Маргелов и ВДВ – неотделимы!* [1].

Таким образом, корпус армейских лозунгов в русском языке последних десятилетий пополняется. Наряду с закрепленными в языковом сознании единицами убеждающей коммуникации, возникшими в годы войны, появляются новые современные агитационные тексты, заслуживающие внимания и способные кратко выразить главную идею. Наиболее ярко армейское лозунговое творчество проявилось в пропагандистской деятельности общественного движения ВДВ. Главными идеологами группы сверхсловных языковых единиц, отражающих высочайшую боевую готовность десантников, стали открытый патриотизм, глубокое чувство воинского долга, нравственная сила, неукоснительная вера в успех, в победу. Героизация смерти, жертвенности, готовности умереть за Родину, свойственная лозунгам периода Великой Отечественной войны, уступила сегодня место презрению к смерти, уверенности в победе не только над врагом, но и над самой смертью. Немало лозунгов, рожденных в десантных войсках, органично вписалось в армейский лозунговый арсенал. Залогом их долговечности являются лаконизм, классическая структура (например, три однородных подлежащих в односоставном бессказуемом предложении: *Мужество, отвага, честь!*), необычная форма (*Никто, кроме нас!*), но главное – образность и динамизм (*Мы всюду там, где ждут победу!*; *Сбит с ног – сражайся на коленях, идти не можешь – лежа наступай!*). Если основная идея выражена в интересной форме, то она может легко стать узнаваемой, быстро запомниться. Мы думаем, что такие лозунги, как *Никто, кроме нас!*; *Мужество, отвага, честь!* могут претендовать на закрепление и «долгую жизнь» в языке.

Литература

1. Девизы воздушно-десантных войск // Союз десантников России г. Бугульма. Режим доступа: http://sdrbugulma.ucoz.ru/index/devizy_vozdushno_desantnykh_vojsk/0-37 (дата обращения: 10.05.2015).
2. День рождения Василия Филипповича Маргелова! // Союз десантников России г. Бугульма. 27.12.2013. Режим доступа: <http://sdrbugulma.ucoz.ru/news/?page2> (дата обращения: 11.06.2015).
3. Десантник! // Союз десантников России г. Бугульма. 13.03.2013. Режим доступа: <http://sdrbugulma.ucoz.ru/news/desantnik/2013-03-13-30> (дата обращения: 03.10.2015).
4. Десантный батя! (Статья о В. Ф. Маргелове) // Союз десантников России г. Бугульма. Режим доступа: http://sdrbugulma.ucoz.ru/index/desantnyj_batja/0-8 (дата обращения: 15.06.2015).
5. Енина Л. В. Современные российские лозунги как свертхтекст: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 235 с.
6. «За ВДВ!»: голубые береты отметили свой праздник // Российский союз молодежи. Региональные новости. 04.08.2014. Режим доступа: http://ruy.ru/press/in_regions/30147.html (дата обращения: 10.06.2015).
7. За ВДВ!!! // Союз десантников России г. Бугульма. 16.03.2013. Режим доступа: http://sdrbugulma.ucoz.ru/news/za_vdv/2013-03-16-35 (дата обращения: 13.06.2015).
8. «Зона ВДВ» приветствует Вас! // Зона ВДВ. Режим доступа: <http://zonavdv.ru/index.php/5-2011-01-07-151146> (дата обращения: 13.06.2015).
9. Лукашенко А. И. Дорогами воздушного десанта. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Московский рабочий, 1978. 92 с.
10. Музруков Е. Победители: Десант над Днепром // Братишка (журнал подразделений специального назначения). Август 2013. Режим доступа: http://bratishka.ru/archiv/2013/08/2013_8_8.php (дата обращения: 27.05.2015).
11. «О десанте без границ»: стихи // Десантура.ru. 17.08.2005. Режим доступа: http://desantura.ru/forum/-forum69/topic147/?PAGEN_1=3 (дата обращения: 25.05.2015).
12. Памятные даты // Союз десантников России г. Бугульма. 07.2013. Режим доступа: http://sdrbugulma.ucoz.ru/index/pamjatnye_daty/0-7 (дата обращения: 11.06.2015).
13. Песни из книги «Воздушно-десантные войска России» // Сборники солдатских песен. Режим доступа: <http://avtomat2000.com/kniga.html> (дата обращения: 03.10.2015).
14. Программные тезисы «Союза десантников России» // Союз десантников России. 29.07.2005. Режим доступа: <http://sdrvdv.ru/tezisy-soyuza-2> (дата обращения: 20.05.2015).
15. Свобода Л. От Бузулука до Праги // Электронная библиотека ModernLib.Ru. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/svoboda_lyudvik/ot_buzuluka_do_pragi/read/ (дата обращения: 25.05.2015).
16. Юбилей ВДВ – с именем Маргелова // Десантура.ru. 25.06.2010. Режим доступа: <http://desantura.ru/news/1329/> (дата обращения: 15.05.2015).

Информация об авторах:

Михин Артем Николаевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Инновационно-технологического центра Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, fraz2014@yandex.ru.

Artyom N. Mikhin – Candidate of Philology, senior staff scientist of the Research Linguistic Laboratory of the Innovation Technological Centre, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Осипова Александра Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Инновационно-технологического центра Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, osashenka@yandex.ru.

Alexandra A. Osipova – Candidate of Philology, senior staff scientist of the Research Linguistic Laboratory of the Innovation Technological Centre, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

**ВАРИАТИВНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ЛОКАТИВНО-ТЕМПОРАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОБЫТИЯ В СМИ**

С. В. Мохирева

**VARIABILITY OF MULTIPLE INTERPRETATIONS OF
LOCATIVE-TEMPORAL CHARACTERISTICS OF A MEDIA EVENT**

S. V. Mokhireva

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00311 «Лингвокогнитивный анализ конфликтов в сфере обыденной политической коммуникации».

В статье рассматривается один из факторов, влияющих на интерпретацию события в СМИ. В процессе вербализации создается когнитивная модель события, которая на лексико-грамматическом уровне проецируется во множество медиатекстов. Локативно-темпоральная характеристика является одним из аспектов проявления вариативного потенциала интерпретации фрагмента реальности.

The article describes one of the factors influencing the interpretation of events in the media. The process of verbalization creates a cognitive model of the event, which is projected in a variety of media texts on the lexical and grammatical level. Locative-temporal characteristics represent one of the aspects by which the potential variability of interpretations of a reality fragment manifests itself.

Ключевые слова: интерпретация, фактор события, когнитивная модель события, вербальное событие, медиа-дискурс.

Keywords: interpretation, factor events, cognitive model events, verbal event, media discourse.

Современная информационная картина повседневности, создаваемая средствами массовой информации, динамична и изменчива. Вопрос о том, что в представленном массиве информации наполнено содержательным смыслом, а что является формой воспроизведения самого себя, «симулякром», не теряет своей актуальности. Постоянная циркуляция новостей, историй, сенсаций, мнений, комментариев, оценок создает пространство, в котором «информационный шум» переходит в «информационный крик», нередко оставляя вне поля зрения аудитории истинное значение события. При этом обилие информационных поводов, существующих в глобальной виртуальной среде, не снижает конкуренцию в вопросе осмысления реальности, так как «борьба за интерпретацию событий в СМИ направлена на привлечение потребителя информации к аккумуляруемой проблемной области, что обуславливает собой использование особых речевых инструментов и языковых средств» [2, с. 17].

Под интерпретацией мы понимаем «когнитивную (ментально-языковую) деятельность, сущность которой заключается в «смыслосчитывании» [6], или *распредмечивании*, т. е. процессе, при котором содержание (смысл) языкового выражения (предмета) становится достоянием субъекта-интерпретатора, и *смыслопостроении*, или опредмечивании, т. е. процессе, при котором содержание (воспринимаемый смысл) получает языковое воплощение» [4, с. 95].

Интерпретация является когнитивной операцией, необходимой для перевода события реальности в вербальное событие, отраженное в медиатексте. Процесс вербализации события осуществляется на трех уровнях. Объективно-денотативный уровень указывает на «происхождение» события в конкретных пространственно-временных координатах реальности. На когнитивно-семантическом уровне в сознании автора созда-

ется когнитивная модель события, имеющая признак вариативности и получающая дальнейшую репрезентацию на лексико-грамматическом уровне во множество медиатекстов. Вариативность когнитивных моделей обусловлена, на наш взгляд, определенными факторами – своего рода смысловыми интерпретационными «рамками» – фактором события, фактором автора, фактором аудитории и социально-политическим и культурным контекстом (ситуацией).

В данной статье представлены результаты изучения влияния фактора события, репрезентированного в локативно-темпоральном аспекте. В качестве материала исследования использованы публикации российских изданий, имеющих различную редакционную политику и ориентированных на «свою» читательскую аудиторию, – «Новая газета» (далее – НГ), «Московский комсомолец» (далее – МК), «Российская газета» (далее – РГ). Всего проанализировано 144 текста (57 опубликовано в РГ, 33 – в НГ, 54 – в МК), относящихся к группе как информационных, так и аналитических жанров, имеющих одну тематическую направленность – информирование о событии «авария теплохода “Булгария”». Хронологические рамки исследования обусловлены временем свершения события, а также поэтапным развитием его последствий и представлением каждого из этапов в СМИ – с июля 2011 г. по июль 2014 г.

Фактор события представлен собственно понятием «событие», имманентными признаками которого является наличие темпоральных и локативных характеристик (хронотопа), а также структурных элементов разного уровня (субъект, объект), «индивидуализированность» события, то есть проявленность в его обозначении (описании) субъективности индивидуума (автора/«творца»). Событие как полисемантическое понятие представлено в [5].

Фактор события является исходной точкой для интерпретации и проявляется на двух уровнях. На первом уровне важен сам факт отбора конкретного события для создания его истории в СМИ, то есть обладание определенным значимым социальным потенциалом (чрезвычайное происшествие, выборы) или – наделение подобным (новости из жизни «звезд»). На втором уровне создается когнитивная модель события, в которой актуализируются те или иные структурные элементы, репрезентированные в дальнейшем в медиатекстах, в том числе хронотоп (локативно-темпоральная характеристика). В ее основе – те координаты (место и время события), которые при интерпретации должны иметь константный характер, чтобы были соблюдены требования оперативности и информативности сообщения в СМИ. При этом эти координаты не лишаются субъективно-оценочного изложения. «Пространственно-временные характеристики определяются интерпретатором и зависят от уровня его семиотической подготовки» [1, с. 141] и от выбранной системы координат. Взаимообусловленность интерпретации события и его вербальной репрезентации в тексте проявлена посредством пропозиции, концентрирующей «вопросы логико-философского и лингвистического характера, стоящие на пути к решению основной проблемы – проблемы взаимоотношений между мышлением, языком и действительностью» [3, с. 137]. Так, в пропозиции маркерами хронотопа являются сирконстанты, которые имеют языковую вариативность репрезентации в диктумно-модусном аспекте, отраженную во множестве текстов, способствуя созданию мозаичной и полифоничной медиа-картины мира.

Локативно-темпоральные параметры события подчиняются закреплению в сознании автора системе координат, в соответствии с которой когнитивная модель события репрезентируется на лексико-грамматическом уровне. Так, анализ материала позволил выделить следующие когнитивные модели, отображающие локус события:

1. «Теплоход не доплыл до цели 80 км»: *Вчера в 80 километрах от Казани в Камско-Устьинском районе Татарстана на реке Волге затонуло двухпалубное судно “Булгария” (РГ, Не доплыли. 11.07.11).* Автор закрепляет модель события, в которой актуализируется незавершенность пространственной траектории движения субъекта, – теплохода «Булгария», из-за трагических обстоятельств не достигшего цели своего пути.

2. «Теплоход затонул рядом с берегом»: *Двухпалубное прогулочное судно «Булгария» затонуло в воскресенье на Куйбышевском водохранилище в трех километрах от берега Волги (НГ, Волна непреодолимой силы, 12.07.11); По словам замглавы района, ближайшее село Сюкеево расположено в 13 км от места трагедии: сам населенный пункт расположен в 8 км от берега Волги. Теплоход же затонул примерно в 5 км от суши, где течение не слишком сильное (МК, На Волге потерпел крушение теплоход, 11.07.11).*

В данной когнитивной модели выделение локуса события направлено на акцентирование абсурдности произошедшего – крушение теплохода случилось в том месте, где оно маловероятно, особенно с теми трагическими последствиями, которые произошли. При этом данная когнитивная модель имеет противоположную

по смыслу репрезентацию: удаленность места затопления теплохода от берега осмысливается как отсутствие возможности оказания помощи для спасения людей: *Выбраться на сушу у них возможности не было, поскольку крушение произошло в трех километрах от берега. (РГ, Не доплыли. 11.07.11); Случай с т/х «Булгария» был худшим из возможных вариантов (за исключением времени суток) в том смысле, что авария произошла на акватории водохранилища, сравнительно далеко от берега, то есть не на виду (НГ, Охотники за первыми попавшимися головами, 19.07.11).* Данные примеры иллюстрируют вариативность моделей интерпретации события, возникающих на когнитивно-семантическом уровне. При этом следует подчеркнуть, что на объективно-денотативном уровне локус события является константной характеристикой и четко зафиксирован в пространственных координатах. Субъективное восприятие этого локуса отражает вариативность интерпретационного потенциала события.

3. В обозначении локуса события усилен трагедийный модус: *место катастрофы; место трагедии; место крушения; место гибели; место ЧП; место кораблекрушения; трагедия на Волге; трагедия на Куйбышевском водохранилище; новая трагедия на великой русской реке; река смерти; Куйбышевское водохранилище, ставшее братской могилой для десятков людей...*

В приведенных примерах обозначение локуса события смещается в сторону создания оценочного и эмоционально окрашенного образа за счет использования лексем с ярко выраженной семантикой трагедийности (*катастрофа, трагедия*). Наряду с этим, трагедийный модус усиливает значимость случившегося в масштабе страны (*новая трагедия на великой русской реке*); а также его абсурдность, подчеркивая которую автор использует не только лексико-грамматические способы выражения своего отношения, но и графически-выделительные: *Теперь вот пароход затонул за 5 минут на РЕКЕ (НГ, Яхта с краю. 14.07.11).*

4. Вариативность топонимической номинации локуса события в разных когнитивных моделях. Репрезентанты пространства актуализируют как более известный в масштабах страны топоним (*река Волга*), который делает понятным для восприятия массовой аудитории место, на котором произошло событие, так и менее известный (*Куйбышевское водохранилище; в районе поселка Сюкеево Камско-Устьинского района Татарстана на Куйбышевском водохранилище*), но более точный по отношению к тому месту, где произошло событие. Становится важным либо обозначить более знакомое и привычное аудитории пространство (См. заголовок – *На Волге потерпел крушение теплоход*, МК, 11.07.11), затем его конкретизируя, вводя географически точную номинацию в медийный дискурс события. То есть когнитивная модель события ориентирована на ожидания аудитории, которая должна сразу понять, где произошло событие. Приведем примеры: *В катастрофе прогулочного теплохода на Волге погибли двое и числятся без вести пропавшими более ста человек (РГ, Не доплыли. 11.07.11); В результате трагедии на Волге спаслись лишь 79 человек. (РГ, Река не отпускает. 19.07.11); Напомним, “Булгария” затонула 10 июля 2011 года в нескольких километрах от берега*

в районе поселка Сюкеево Камско-Устьинского района Татарстана на Куйбышевском водохранилище. (РГ, Ближе к потерпевшим, 26.02.13); В воскресенье в Татарстане на Куйбышевском водохранилище в трех километрах от берега затонул двухпалубный теплоход “Булгария” (МК, На Волге потерпел крушение теплоход); Судебное заседание пройдет в Камском Устье, в районе которого в июле этого года ушла на дно “Булгария” (РГ, «Арбат» станет первым, 21.11.11).

Обращает на себя внимание, что пространственный стержень когнитивной модели события строится как по принципу дедукции (*в Татарстане на Куйбышевском водохранилище*), так и по принципу индукции (*в районе поселка Сюкеево Камско-Устьинского района Татарстана на Куйбышевском водохранилище*), что также отражает «индивидуализированность» восприятия события конкретными авторами, выбирающими для интерпретации разные точки отсчета в имеющейся системе координат для перевода события на лексико-грамматический уровень.

5. Репрезентация системы координат автора посредством актуализации пространственной горизонтали или вертикали: *На теплоходе, который выполнял туристический рейс по реке Волге из Болгара в Казань, началась паника. (МК, На Волге потерпел крушение теплоход, 11.07.11); Судебное заседание пройдет в Камском Устье, в районе которого в июле этого года ушла на дно “Булгария” (РГ, «Арбат» станет первым, 21.11.11).* Обозначение нижней пространственной точки («дна») является символом трагедии и усиливает коннотативный компонент безысходности произошедшего.

При этом линейное пространство (ось горизонтали), имеющее начальные и конечные точки (место отправления и место прибытия), может трансформироваться в кольцевое (точка отправления становится точкой возврата в траектории путешествующих на теплоходе «Булгария», предопределяя тем самым невозможность достижения цели движения теплохода): *Премьер-министр возложил венок к импровизированному мемориалу на речном вокзале, откуда вышла “Булгария” в тот роковой рейс и куда вернулась “Арабелла” с немногими уцелевшими (РГ, Стена плача. 15.07.11).*

6. Символическое определение локуса события, имеющего особое значение для теплохода «Булгария», обреченного на крушение именно в этом пространстве: *Как выяснилось, именно в Куйбышевском водохранилище утлое суденышко чуть было не утонуло – четыре года назад. (МК, «Булгария» уже тонula – на том же месте, в тот же час. 12.07.11).*

Таким образом, локус события получает множественную репрезентацию в когнитивных моделях, воссозданных в сознании авторов на основании знаний о произошедшем событии в реальности и, далее, репрезентированных во множестве медиатекстов. Выбранная автором пространственная система координат и те субъективные точки отсчета (горизонтальная или вертикальная оси, следование принципу индукции или дедукции, линейное или кольцевое развертывание пространства) являются принципиальными положениями влияния фактора события.

Фактор события, помимо локативной характеристики, репрезентирует его темпоральные особенности.

1. Маркеры актуальности события и оперативного информирования о нем: *Вчера в 80 километрах от Казани в Камско-Устьинском районе Татарстана на реке Волге затонуло двухпалубное судно “Булгария” (РГ, Не доплыли. 11.07.11).* Принятые к употреблению в медийном дискурсе номинации времени (*вчера*) используются для закрепления в информационном потоке «начала» события, с момента установления даты «создания» вербального события начинается разворачиваться его дальнейшая медиаистория.

2. Маркеры передачи «затухающей» актуальности события через номинацию дней недели, указания месяца и года: *Двухпалубное прогулочное судно «Булгария» затонуло в воскресенье на Куйбышевском водохранилище в трех километрах от берега Волги (РГ, Волна непреодолимой силы, 12.07.11); Они отслужили на воде панихиду по погибшим – во вторник наступил девятый день со дня катастрофы. (РГ, Жесткая вода, 20.07.11); Напомним, “Булгария” затонула 10 июля 2011 года в нескольких километрах от берега в районе поселка Сюкеево Камско-Устьинского района Татарстана на Куйбышевском водохранилище (РГ, Ближе к потерпевшим, 26.02.13).*

Используемые маркеры указывают на удаленность события на объективно-денотативном уровне от его реализации на лексико-грамматическом уровне.

3. Когнитивная модель, в которой репрезентируется модус трагедии: *последний рейс, день кораблекрушения; день катастрофы; роковой рейс.* За счет использования лексем с выраженной семантикой трагедийности (*катастрофа, роковой*) усиливается оценочный образ события.

Вариативность темпоральной характеристики также зависит от выбранной автором системы координат, в рамках которой временные параметры получают множественные интерпретации, репрезентированные в медиатекстах. Значимым на временной оси протекания события становится указание на его актуальность, закрепление его в медиадискурсе и, следовательно, выделение во множестве других событий, а также возвращение к этому событию и напоминание о нем (актуализация «вторичной актуальности») с течением времени и развитием этапов события в медиадискурсе.

Таким образом, интерпретация реального события, результатом которой становится его вербальная репрезентация в СМИ, является сложной когнитивной операцией, подверженной влиянию ряда факторов, создающих в итоге его (события) множественную вариативность. Одним из факторов, под влиянием которого оказывается процесс интерпретации, является фактор события. Рассмотрение данного фактора в локативно-темпоральном аспекте демонстрирует разнородность и дискретность когнитивных моделей события реально-сти, возникающих на когнитивно-семантическом уровне вербализации. Вариативность когнитивных моделей отражается во множестве медиатекстов, создающих полифоничный образ одного события.

Литература

1. Витвинчук В. В. Хронотоп российской жизни в отечественной периодике: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 157 с.
2. Газинская Ю. В. Конструирование политической реальности в русскоязычном медиадискурсе Украины: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014. 199 с.
3. Зеленщиков А. В. Пропозиция и модальность. Изд. 2-е, доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 216 с.
4. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: монография. М.: ЛЕНАНД, 2013. 280 с.
5. Мохирева С. В. Вариативность репрезентации субъекта как компонента пропозиции вербального события (на материале публикаций «Российской газеты») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4(52) Т. 4. С. 67 – 72.
6. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.

Информация об авторе:

Мохирева Светлана Викторовна – ассистент кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, smail-86@mail.ru.

Svetlana V. Mokhireva – assistant at the Department of Journalism and Russian XX century Literature, the Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 81-139

ОТ «ЭТЮДНОГО» ПОТРЕТИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ К ФОРМАЛЬНО-КОЛИЧЕСТВЕННОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ИДЕНТИФИКАЦИОННОМ АСПЕКТЕ

Г. В. Напреенко

FROM "SKETCHY" PORTRAYAL OF LINGUISTIC PERSONALITY TO FORMAL QUANTITATIVE MODELING OF LINGUISTIC IDENTITY IN THE IDENTIFICATION ASPECT

G. V. Napreenko

«Идентификационная лингвистика», берущая начало из универсального феномена идентификации, реализуется в лингвоперсонологии и лингвокриминалистике при идентификации языковой личности и установлении тождества текстов. Целью настоящей статьи является представление развития методов идентификации текстов и языковой личности по ним в направлении от интуитивного способа описания идентификационных объектов к более формализованному, разрабатываемому в связи с требованием объективности идентификационного вывода. Анализ существующих методов идентификации текстов и способов описания языковой личности позволил нам выделить оппозицию *специально-ориентированных* («этюдных») и *универсальных* (формально-количественных) методов идентификации текстов и языковой личности по ним. Данная оппозиция строится на основе параметров, применяемых для идентификационного анализа, примеры которых приводятся в настоящей статье. В данной работе также представлен разрабатываемый нами метод идентификации текстов универсального типа, который реализуется путем применения количественного анализа ранговой принадлежности слова в разных текстах. Таким образом, в настоящей статье, во-первых, приведен обзор существующих методов идентификации текстов в оппозиции, во-вторых, представлен метод идентификации текста, основанный на анализе порядкового номера (ранга) одного и того же слова в разных текстах.

"Identification linguistics", originating from the universal phenomenon of identification, is implemented in linguopersonology and linguocriminalistics in the identification of linguistic identity and the establishment of the identity of texts. The purpose of this article is to present the development of methods for the identification of texts and linguistic identity in the direction from the intuitive way of describing the identification of objects to a more formalized one, developed in connection with the objectivity requirement for the identification conclusion. The analysis of existing methods for the identification of texts and ways of describing linguistic identity allowed us to identify and describe the opposition of specially-oriented ("sketchy") and universal (formal-quantitative) methods for the identification of texts and linguistic identity. This opposition is based on the parameters used for identification analysis, examples of which are given in this article. This work also presents a method of identifying texts of the generic type, which is implemented by applying a quantitative analysis of a word rank in different texts. Thus, the present article, firstly, gives an overview of existing methods for the identification of the texts in opposition, and, secondly, presents a method of text identification, based on the analysis of the index number (rank) of one and the same word in different texts.

Ключевые слова: идентификационная лингвистика, языковая личность, идентификация текста, методы идентификации языковой личности и текста, лексико-ранговый метод идентификации текстов.

Keywords: identification linguistics, linguistic personality, identification of the text, methods of identification of linguistic identity and text, lexical-rank method for the identification of texts.

1. «Идентификационная лингвистика» как аспект лингвоперсонологии

Задачей настоящей статьи является представление развития лингвоперсонологии от «этнодного», интуитивного способа описания языковой личности (портретирования) и идентификации текста к формально-количественному, «конвейерному» идентификационному моделированию текста. В настоящей статье под идентификационным аспектом исследования языковой личности и текста понимается исследование, направленное на выявление качества языковой способности автора текста, способствующего установлению тождества объектов идентификации: текстов как воплощенной языковой личности и собственно языковой личности.

Для обозначения идентификационного аспекта изучения текста мы предлагаем использовать термин «идентификационная лингвистика», который включает в себя идентификацию в лингвистике текста вообще и идентификацию языковой личности в лингвоперсонологии в частности, в последнем случае идентификация представляется аспектуальной разновидностью лингвоперсонологии. Возможность взаимосвязи лингвоперсонологии и идентификационной лингвистики определяется тем, что научную основу лингвистической идентификационной экспертизы составляет система знаний о закономерностях речевого поведения человека, обуславливающих индивидуальность, динамическую устойчивость, вариационность его письменной речи, выявление которых позволяет установить тождество объектов идентификации (Прим. автора: *Постановка проблемы идентификации персонотекста и языковой личности и ее решение важны для построения общей теории лингвоперсонологии и для ее прикладных отраслей – в частности, для идентификационной лингвистической экспертизы, необходимой для случаев, в которых нет возможности опереться на почерк или качественную фонограмму идентифицируемого текста. «Экспертиза является инструментом решения коллизионных ситуаций между субъектами права и, следовательно, инструментом защиты охраняемых прав интересов личности, общества и государства»* [10, с. 691]).

2. «Этнодное» портретирование языковой личности

Портретирование языковой личности является своего рода предпосылкой идентификации языковой личности. Долгое время портретирование языковой личности носило описательный план, основанный в большей степени на интуитивном выявлении специфических параметров текста разного плана. К таким параметрам относятся, например, следующие:

а) социально-психологические характеристики, особенности речевой культуры, особенности поведения в экстремальных ситуациях общения (типы коммуникативных стратегий), организация дискурса, сти-

листические регистры в исследовании К. Ф. Седова [24] (Прим. автора: *примечательно, что К. Ф. Седов в работе при создании речевого портрета современников использует выражения «речевые портреты, нарисованные нами», «объектов изображения» (выделено нами – Г. Н.), которые, как нам кажется, точно встраиваются в этнодный характер методологии портретирования, обозначенный нами*);

б) коммуникативная цель, коммуникативно-речевое поведение, лингвистические признаки речи (рассматриваемые «с точки зрения отбора языковых средств для реализации речевой деятельности (идиостиль), а именно – использования лексических, морфемных и синтаксических средств» [14, с. 202]) в описании персонажей рассказа И. С. Тургенева Н. Б. Лебедевой [14];

в) комплексный дискурсивный портрет языковой личности экономиста в работе М. И. Махраковой [17];

г) культурологическая составляющая и социальный тип как важнейшая основа в портретировании элитарного типа языковой личности М. С. Силантьевой [25].

Ряд исследований языковой личности осуществляется в аспекте ее метаязыковой деятельности, которая представлена в главе 4 монографии «Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты» (ч. 1) [20, с. 267 – 371]. Такой способ портретирования языковой личности осуществляется на основе выявления особенностей их метаязыкового мышления и метаязыкового дискурса. Параметры описания языковой личности в подобных исследованиях сводятся, например, к следующим:

а) особенности металингвистического мышления юристов-профессионалов, к которым Н. Б. Лебедева относит книжноцентризм, «проявляющийся в несколько пренебрежительном отношении к естественному, разговорному языку, названному «жаргонным» [13, с. 317]; наивное этимологизирование как частный случай «смещения диахронного и синхронного аспектов» [13, с. 320] и т. д. при создании группового портрета профессиональных юристов [13];

б) метаязыковая рефлексия относительно ряда знаменательных слов разных частей речи, фразеологизмов, пословиц при создании портрета Г. Г. Зубкова Л. Г. Зубковой и Н. Г. Зубковой [8];

в) свойства метаязыкового сознания диалектоносителя, к которым Е. В. Иванцова относит, например, осмысление основных правил речевой деятельности, значимых для диалектоносителя, осмысление лексического и фонетического ярусом языка, высокую степень конкретности и т. п. при создании портрета языковой личности диалектоносителя [9] и некоторые другие способы создания портрета языковой личности в аспекте его метаязыковой деятельности.

Таким образом, параметров, используемых исследователями при создании портрета языковой лично-

сти, множество, однако, данные параметры выявляются для каждого исследуемого текста индивидуально. Во многих портретах языковой личности анализируются лингвистические и экстралингвистические параметры: например, языковые особенности, тематическая представленность, социально-культурные признаки языковой личности, возрастная отнесенность и т. д. Такие портреты представлены в работах: Г. И. Богина [3], Н. Д. Голева [5], Е. И. Ермоловой [7], И. Ю. Кречетовой [11], К. Ф. Седова [24]. Однако данный сюжет моделирования и портретирования оказывается фактом наблюдения, интуитивного выделения значимого языкового материала.

Данная характеристика свойственна и ряду исследований текста и его автора, разрабатываемых непосредственно в идентификационном аспекте. К таким работам относятся лингвистические идентификационные экспертизы Н. Д. Голева [4], Н. А. Кузьминой [12], исследования по установлению авторства текста Т. В. Чернышовой [29] и многие другие (*Прим. автора: более подробный анализ перечисленных экспертиз представлен в наших статьях [6; 19]*).

3. Преодоление субъективности идентификации путем применения формально-количественных методов

Развивая сюжет движения лингвоперсонологии в направлении достижения уровня объективистского моделирования языковой личности, нельзя не отметить работ, выполненных с опорой на количественные характеристики текста. Проблема преодоления субъективности – фундаментальная задача идентификационной экспертологии: любого экспертного заключения. Для придания объективности выводов возникает потребность применения в исследованиях по описанию языковой личности и идентификации текстов количественных методов и создания автоматизированной программы по идентификации языковой личности и текста. Достижение этой цели предполагает интеграцию лингвоперсонологии и количественных способов описания ее объектов. Таким образом, актуальность исследования обусловлена практическими нуждами в области лингвистической идентификационной экспертизы в частности, а именно: необходимостью формализации, объективации выводов и заключений в этой сфере.

Так, параметры моделирования текста в идентификационном формате приобретают иное содержание, связанное с наиболее универсальными характеристиками, в том числе с некоторыми языковыми закономерностями, к которым относятся закон распределения длин предложений, закон распределения длин слогов, законы частотно-рангового распределения и т. п. [15]. Среди параметров, используемых современными исследователями для разработки различных методов установления авторства текста можно отнести следующие:

а) число элементарных предложений, число сочинительных предложений, число подлежащих и др. для атрибуции литературных произведений в диссертации Е. С. Родионовой [22, с. 3];

б) «хи-квадрат» как метод математической статистики для измерения однородности (схожести) двух

или более текстов в статье Ю. А. Тамбовцева, А. Ю. Тамбовцевой, Л. А. Тамбовцевой [27]. Вхождение текстов в одну генеральную совокупность или в разные совокупности по критерию «хи-квадрат» позволяет авторам исследования установить тождество текстов по принадлежности авторам;

в) «метод, позволяющий ориентировать факторы семантического пространства на формальные характеристики текста», который применили В. И. Батов и Ю. А. Сорокин [2, с. 346]: «концепция семантического пространства преодолевается введением формальных (объективных) характеристик» [2, с. 347], к которым относятся средняя длина предложений текста в словоупотреблениях, отношение числа глаголов / личных местоимений / всех местоимений / предлогов / прилагательных к общему числу словоупотреблений в тексте, среднеквадратичное отклонение длины предложений текста [1; 2].

Примером создания метода идентификации текста на основе объединения результатов сравнения отдельных «информационных портретов» представлен А. С. Сурковой. А. С. Суркова предлагает методику идентификации текстов на основе полученных в ходе системного анализа инвариантов текста; автором разработаны алгоритмы сравнения структурно-иерархических моделей (уровень букв, уровень слов, уровень предложений) текстов на основе сравнения сечений многомерных законов распределения букв в словах [26, с. 5]. А. С. Суркова строит «информационные портреты текстов», отражающие их внутреннюю структуру: «структура языка писателя начинает проявляться в связях между элементами текста низшего уровня, то есть связь между словами в предложении отражена в структуре слова» [26, с. 12].

Направление Томской школы, развивающее методологию исследований, направленных на установление авторства текстов, представляют и активно развивают З. И. Резанова, А. С. Романов и Р. В. Мещеряков. Исследователи дают совокупное представление существующих параметров, которые могут выполнять идентифицирующую функцию. В статье под названием «Задачи авторской атрибуции текста в аспекте гендерной принадлежности (к проблеме междисциплинарного взаимодействия лингвистики и информатики)» [21] авторами обсуждаются проблемы гендерного анализа текста в автороведении. Коллективом авторов сделан вывод о том, что «последовательное применение методов количественного анализа с привлечением новейших приемов информатики и вовлечение полученных с их помощью новых гендерно-релевантных признаков речевого поведения в научный лингвистический контекст создаст основу дальнейшего развития гендерной теории» [21, с. 27] (*Прим. автора: определение пола автора спорного текста входит в диагностические задачи автороведческой экспертизы, решающие более частные вопросы (возраст, образовательный уровень автора и т. п.) на фоне идентификационных, связанных с установлением индивидуально-конкретного тождества объектов*).

4. Лексико-ранговый метод идентификации языковой личности и текстов

Системное описание языковой личности в разрабатываемом нами формализованном лексико-ранговом методе связано с разработкой «матричных» схем, в которых отражается комплекс лексико-ранговых параметров идентификации языковой личности (Прим. автора: полная параметризация языковой личности в идентификационном аспекте – отдаленная задача. На настоящем этапе актуализируется один уровень идентификационного моделирования – лексический).

В основе предлагаемого нами формально-количественного метода положен закон частотно-рангового распределения, согласно которому при упорядочивании всех слов языка или достаточно длинного текста по убыванию частоты их использования частота слова в таком списке обратно пропорциональна порядковому номеру – рангу частоты этого слова. В связи с данным законом в универсальном методе базовым параметром-идентификатором становится *ранг частоты* слова (R). Разработка метода идентификации языковой личности основана на анализе предпочтений языковой личности в использовании определенных лексем в своей речи. Языковая способность автора и предпочтения языковой личности отражены в ранжировании текста и выявляются путем применения разработанных формул для идентификационного моделирования текстов, основанных на формализованном подходе к слову и анализе каждого слова в словнике без спецификации (Прим. автора: материалом для разработки данного метода послужили фрагменты интернет-дневников, размещенные на сайте www.diary.ru).

Принцип работы универсального (или *общелексического*) метода заключается в проведении следующих этапов.

1. Лексический уровень текстов автоматизированным путем перевести в формат словников.

2. Словоформы словника подвергнуть процессу лемматизации (Прим. автора: процесс лемматизации осуществляется согласно порядку, предложенному авторами частотного словаря современного русского языка [16]).

3. Составить частотно-сопоставительные таблицы (Прим. автора: если для идентификационного анализа предложено три текста, то составляется три частотно-сопоставительные таблицы (словники А-Б, Б-В, А-В). Если предложено четыре текста, то составляется 6 частотно-сопоставительных таблиц (словники А-Б, В-Г, А-В, Б-Г, А-Г, Б-В)). В каждую частотно-сопоставительную таблицу включить два разных словника в минимальном объеме сто слов и ранг каждого слова.

4. В частотно-сопоставительной таблице каждый словник разделить на группы, состоящие из десяти слов. Пример частотно-сопоставительной таблицы:

R_r	R	Словник А	Словник Б
1	1	слово	слово
	2	-//-	-//-
	3	-//-	-//-
	4	-//-	-//-
	5	-//-	-//-
	6	-//-	-//-
	7	-//-	-//-
	8	-//-	-//-
	9	-//-	-//-
	10	-//-	-//-
2	11	-//-	-//-

5. Применить следующие формулы для установления тождества и различия в ранжировании словников.

5.1. Рабочая формула для 1 способа (R_r – ранг группы (десяти) слов):

$$\Delta R_r = R1_r - R2_r,$$

где ΔR_r – разность рангов групп лексем в 1-м и 2-м текстах частотно-сопоставительной таблицы,

$R1_r$ – ранг частоты лексемы первого текста в частотно-сопоставительной таблице,

$R2_r$ – ранг частоты лексемы второго текста.

Согласно следующим условиям определить: а) лексемы, подтверждающие написание текстов одной языковой личностью, и б) лексемы, подтверждающие написание текстов разными языковыми личностями.

Если $\Delta R_r = 0, < 2$, т. е. слова находятся в одной группе или в соседних группах, то тексты написал один автор.

Если $\Delta R_r \geq 2$, т. е. слова находятся в разных десятках, то – разные авторы.

5.1.1. Посчитать количество слов, которые:

а) указывают на принадлежность текстов *одной языковой личности*,

б) указывают на принадлежность текстов *разным языковым личностям*, и отразить результаты (для наглядности) в диаграмме.

5.1.2. Установить тождество объектов идентификации на основе количества слов двух типов (п. 5.1.1.).

5.2. Рабочая формула для 2 способа (R – ранг каждого слова):

$$\Delta R = R1 - R2,$$

где ΔR – разность рангов частот лексем 1-го и 2-го текстов,

$R1$ – ранг частоты лексемы первого текста в частотно-сопоставительной таблице,

$R2$ – ранг частоты лексемы второго текста.

Согласно следующим условиям определить: а) лексемы, подтверждающие написание текстов одной языковой личностью, и б) лексемы, подтверждающие написание текстов разными языковыми личностями.

Если $\Delta R = 0; \leq 10$, т. е. слова находится на одном ранге, либо разность ранга лексемы в разных текстах не более 10, то – автор один.

Если $\Delta R > 10$, разницу между рангами можно считать контрастной и, следовательно, разграничить

тексты по написаю их разными авторами (*Прим. автора: знак «–», получаемый при подсчете разницы ΔR , не актуален: важна не векторная направленность, а числовая наполненность, которую описывают полученные данные*).

5.2.1. Посчитать количество слов, которые а) указывают на принадлежность текстов *одной языковой личности*, б) указывают на принадлежность текстов *разным языковым личностям*, и отразить результаты (для наглядности) в диаграмме.

5.2.2. Установить тождество объектов идентификации на основе количества слов двух типов (*Прим. автора: подробно ход и результаты данного метода представлены в наших статьях [6, 17, 19]*).

5. Оппозиция методов идентификации языковой личности и текстов

Таким образом, анализ существующих способов портретирования языковой личности и воплощенной языковой личности в тексте, методов идентификации текстов и установления его авторства позволил нам представить их в оппозиции *специально-ориентированных* (интуитивных) и *универсальных* (формально-количественных) *методов*, которая строится на основе различных параметров, применяемых для идентификационного анализа и способов описания данных параметров.

Специально-ориентированные методы идентификации представляют собой интуитивные исследования по типу портретных очерков (этюдов), в которых

каждая ситуация стимулирует применение методик, вытекающих из специфических возможностей идентификации текстов. Каждое идентификационное лингвистическое исследование представляет собой единичное исследование, которое, анализируя определенный текст, применяет методики, разрабатываемые непосредственно для анализа конкретного текста. *Универсальные* методы идентификации языковой личности и текстов используют квантитативный и статистический анализ с исходно заданным набором универсальных параметров для исследования преимущественно всего текста или его уровней без выявления специфических особенностей отдельных элементов. Кроме прочего, универсальные методы ориентированы на их применение для идентификации текстов разных стилей и разного объема (*Прим. автора: именно последняя задача – универсальность применения методов идентификации – составляет содержание большинства разработок современных исследований по усовершенствованию методов идентификации текста*).

На современном этапе разработок методов идентификации напрашивается синтез методов двух типов, специально-ориентированных и универсальных, с целью достижения достоверности результатов исследования, т. к. универсальные методы могут объективным способом подтвердить или опровергнуть выводы, сделанные путем применения специально-ориентированных методов.

Литература

1. Батов В. И., Сорокин Ю. А. Атрибуция текста на основе объективных характеристик // Известия Академии наук СССР. (Серия: Литературы и языка). М.: Наука, 1975. Т. 34. С. 76 – 78.
2. Батов В. И., Сорокин Ю. А. Опыт построения методики для установления авторства текстов // Известия Академии наук СССР. (Серия: Литературы и языка). М.: Наука, 1977. Т. 36. С. 345 – 347.
3. Богин Г. И. Языковая личность школьника как формат для определения успешности его филологической подготовки. Книга для методиста и учителя // Уровни развития филологических готовности школьника. Тверь, 1998. Вып. 1. 82 с.
4. Голев Н. Д. Лингвистическое сравнительное и автороведческое исследование трех текстов // Юрислингвистика-10. Лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 422 – 431.
5. Голев Н. Д. Тексты рассказов В. М. Шукшина как воплощение энергии конфликта: опыт типологии антропотекстов и языковых личностей // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3 – 4. С. 57 – 63.
6. Голев Н. Д., Напреенко Г. В. Формально-количественное моделирование языковой личности: идентификационный аспект // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсоналогия. Ч. 2: коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Мельник, С. В. Оленева. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 76 – 92.
7. Ермолова Е. И. Проблема определения пола и возраста автора анонимного документа по признакам письменной речи // Эксперт-криминалист. 2008. № 4. С. 16 – 18.
8. Зубкова Л. Г., Зубкова Н. Г. Метаязыковой портрет Георгия Георгиевича Зубкова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 267 – 298.
9. Иванцова Е. В. Метаязыковое сознание диалектной языковой личности // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 321 – 356.
10. Колдин В. Я. Экспертиза как инструмент права // Проблемы юридической техники: сб. ст. под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.
11. Кречетова И. Ю. Языковая личность переводчика как интерпретатора текста // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001. С. 57 – 58.
12. Кузьмина Н. А. Дело о шантаже и идентификации личности шантажиста // Юрислингвистика-8. Кемерово, Барнаул, 2007. С. 424 – 440.

13. Лебедева Н. Б. Особенности метаязыкового сознания профессиональных юристов (опыт группового портрета) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 313 – 320.
14. Лебедева Н. Б. Типология и портретирование персонажей художественных произведений // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. Б. Лебедевой, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул; Кемерово: Изд-во БГПУ, 2006. С. 197 – 214.
15. Левицкий В. В. Квантитативные методы в лингвистике. Винница: Нова книга, 2007. 264 с.
16. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 12.10.2012).
17. Махракова М. И. Портретирование языковой личности экономиста (на материале интернет-форумов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1(31). Ч. 1. С. 89 – 93.
18. Напреенко Г. В. О двух подходах к идентификационному моделированию текста // Филология и человек. 2015. № 2. С. 142 – 151.
19. Напреенко Г. В. Идентификация текста по его авторской принадлежности на лексическом уровне (формально-количественная модель) // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 379. С. 17 – 23.
20. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Ч. 1: Коллективная монография. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 532 с.
21. Резанова З. И., Романов А. С., Мещеряков Р. В. Задачи авторской атрибуции текста в аспекте гендерной принадлежности (к проблеме междисциплинарного взаимодействия лингвистики и информатики) // Вестник Томского гос. ун-та. (Серия: Филология). 2013. № 370. С. 24 – 28.
22. Родионова Е. С. Лингвистические методы атрибуции и датировки литературных произведений (к проблеме «Корнель – Мольер»): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 190 с.
23. Седов К. Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) // Вопросы стилистики. Антропоцентрические исследования. Вып. 28. Саратов, 1999.
24. Седов К. Ф. Типология и портретирование наших современников // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. Б. Лебедевой, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул, Кемерово: Изд-во БГПУ, 2006. С. 143 – 196.
25. Силантьева М. С. Элитарная языковая личность в профессиональном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 21 с.
26. Суркова А. С. Разработка структурно-статистических методов и алгоритмов идентификации текста: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Н. Новгород, 2004. 19 с.
27. Тамбовцев Ю. А., Тамбовцева А. Ю., Тамбовцева Л. А. Типология распределения некоторых лингвистических единиц в тексте как показатель авторства текста // Вестник Омского университета. 2008. № 2. С. 88 – 96.
28. Тамбовцев Ю. А. Кто написал тексты Бахтина, Волошинова и Медведева? // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 238 – 243.
29. Чернышова Т. В. Описание дискурсивных признаков спорных текстов как основа установления их авторства // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева, К. И. Бринева. Кемерово, 2011. С. 410 – 418.

Информация об авторе:

Напреенко Галина Викторовна – соискатель кафедры русского языка КемГУ, vila1991@mail.ru.

Galina V. Napreenko – post-graduate student at the Department of Russian Language, Kemerovo State University.

(**Научный руководитель:** **Голев Николай Данилович** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка КемГУ, ngolevd@mail.ru).

Research advisor: **Nikolay D. Golev** – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 81'42; 81'373.48

**СОВЕТСКИЕ ЛОЗУНГИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
И В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI вв.**

А. А. Осипова, С. Г. Шулежкова

**SOVIET SLOGANS IN FICTION AND IN MODERN JOURNALISM
AT THE END OF THE 20TH – THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURIES**

A. A. Osipova, S. G. Shulezhkova

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности» (2015, № 15-24-06001а(м)).

Советские лозунги по-особому ведут себя в публицистике различных зарегистрированных общественных движений современной России, а также в творчестве одного из видных прозаиков XX – начала XXI вв. В. П. Астафьева. Выявив специфику использования агитационных политических текстов, авторы статьи проводят сравнительный анализ, позволяющий сделать выводы о роли языка как основного инструмента идеологии. Лозунги, обнаруженные в результате сплошной выборки из различных СМИ, составляют базу для формирования публицистического арсенала и атрибутики общественных движений России конца XX – начала XXI вв. В перспективе предполагается создание специального словаря. Отдельное внимание уделяется авторскому отношению к политическим установкам Коммунистической партии СССР. Анализируется роль российских писателей в процессе антисоветской пропаганды и, в частности, В. П. Астафьева, который стремился низвергнуть лживые, по его мнению, представления о Великой Отечественной войне, навязанные советской идеологией. Авторы статьи приходят к выводу, что активное внедрение в сознание россиян антисоветского и антикоммунистического – а по сути антирусского – стереотипа опасно тем, что ведет к разрушению коллективной исторической памяти, вызывает хаос в системе мер, оценок, мешает адекватно анализировать прошлое и использовать его уроки. Современное употребление лозунгов, тематически связанных с Великой Отечественной войной, позволяет убедиться в том, что общество сейчас стремится к возрождению утраченных идеалов, к воспитанию патриотизма и гражданственности.

Soviet slogans act in different ways in social and political essays of different social movements of contemporary Russia and in works of one of the most prominent prose-writers of the 20th – the beginning of the 21st centuries, V.P. Astafiev. Having revealed the peculiarities of propaganda political texts use, the authors carry out a comparative analysis which allows one to draw a conclusion about the role of language as the main tool of ideology. The slogans found in different media help to form journalistic store and attributes of social movements in Russia at the end of the 20th – the beginning of the 21st centuries. In the long term, the authors are planning to compile a special dictionary. Particular attention is paid to the writer's attitude to the political guidelines of the Communist Party of the USSR. The role of Russian writers in anti-Soviet propaganda is analyzed, in particular, V. P. Astafiev's contribution, who wanted to overthrow false ideas about the Great Patriotic war, imposed by the Soviet ideology. The authors of the article came to the conclusion that active introduction of an anti-Soviet and anti-Communist – which in fact is anti-Russian – stereotype into consciousness of Russians is dangerous as it leads to the destruction of the historical memory, causes chaos in the system of measuring and evaluation and prevents from the appropriate analysis of the past and from learning its lessons. The contemporary use of slogans connected with the Great Patriotic war allows us to realise that nowadays society is trying to revive lost ideals, to cultivate patriotism and civism.

Ключевые слова: советские лозунги, современные общественные движения, антисоветская пропаганда, В. П. Астафьев.

Keywords: Soviet slogans, contemporary social movements, anti-Soviet propaganda, V. P. Astafiev.

Фонд советских лозунгов был живым, пульсирующим нервом первого в мире социалистического государства, который с полным правом можно было бы расценивать как индикатор настроений и чувств граждан СССР, как многогранный, многофункциональный идеологический арсенал, средства которого активно использовались в государственной, политической и культурной сферах Страны Советов. Вряд ли можно найти в истории цивилизованного человечества аналог подобному феномену.

Советские лозунги обладают рядом качеств, которые, с одной стороны, в своей совокупности обеспечивают их специфичность, привязанность к опреде-

ленной эпохе, с другой – служат основой для их «живучести». Отметим здесь только некоторые из этих черт:

1) в отличие от современных лозунгов, принадлежащих вполне конкретным партиям, общественным движениям или отдельным группам единомышленников, советские лозунги создавались по преимуществу для общества в целом и отражали чаяния абсолютного большинства населения (*Нам нет преград ни в море, ни на суше; Мы рождены, чтоб сказку сделать былью*);

2) характерная черта советских лозунгов – жизне-радостность, оптимистическая направленность в свет-

лое будущее и уверенность в исполнимости всего задуманного (*Как прекрасен этот мир!; Мы – кузнецы, и дух наш молод. Куем мы счастья ключи*);

3) в создании советских лозунгов участвовали не только вожди и партийные функционеры, но и талантливые представители искусства – прозаики, поэты, композиторы, певцы, артисты;

4) прежде чем стать лозунгом, фрагменты произведений искусства или реплики кумиров публики проходили «обкатку» в массовом искусстве через кинофильмы, телепередачи, театральные спектакли и радиопостановки; сам народ «вводил» их постепенно в языковую систему;

5) советскими лозунгами становились «осколки» авторских произведений, которые обладали не только идеологической, но и художественной ценностью, что гарантировало им долгую жизнь в языковой системе.

Лозунг является одним из актуальных жанров политической речи. Диахроническое описание лозунгов в числе других агитационных политических текстов как «могущественного оперативного средства одновременного влияния на большие массы людей» представлено в монографии В. В. Ученовой [24]. Лингвисты обращались к исследованию лозунгов в связи с изучением феномена тоталитарного языка [8; 9; 14; 16; 17; 22], который способствует формированию особого, идеологически заданного мышления. Именно язык выступает в качестве основного инструмента идеологии, с помощью которого осуществляется воздействие на массовое сознание.

Лозунги несут на себе большую часть идеологической нагрузки пропаганды. По замечанию Ю. И. Левина, лозунговый универсум в СССР являлся частью «идеологического универсума». В этом контексте «лозунги – как кратчайшие и обращенные к максимально широкой аудитории тексты» выражали «предельно редуцированный и экзотерический вариант текущей идеологии» [17, с. 552].

Когда рухнул Советский Союз, его лозунговый арсенал подвергся кардинальной ломке в связи с разочарованием большинства советских граждан в коммунистических идеалах. Однако он не исчез бесследно. Анализ лозунгов современных общественных движений (ОД) и партий России показывает, что публицистический арсенал советского периода продолжает привлекать СМИ и все так же способен оказывать воздействие на население. Особенно это характерно для лозунгов, рожденных в годы Великой Отечественной войны. Их основное содержание определялось призывами к защите Отечества от ненавистного врага, к ударному труду в тылу во имя победы, поднятием боевого духа воинов Красной Армии (*Родина-мать зовет!; Ни шагу назад!; Все для фронта! Все для победы!* и др.). В послевоенные годы список таких единиц пополнялся за счет лозунгов, призывающих подрастающее поколение не только бороться за мир, но и равняться на Коммунистическую партию, строить коммунизм и восстанавливать разрушенное войной хозяйство (*Мы делу Ленина верны; Партия – наш рулевой!* и др.).

В настоящее время военные лозунги активизируются, в основном, в публикациях, посвященных Дню Победы. Это и традиционные, знакомые единицы,

часть которых восходит к песням, стихотворениям: *«Вспомним всех поименно, горем вспомним своим. Это нужно не мертвым, это надо живым», звучат слова ведущего торжественного вечера Михаила Садовского* [11]; *Голову пред павшим преклоните! / Он единым махом разрубил – / Эти вот тонюсенькие нити – / Ими он привязан к жизни был...* [6]; *«Германия полностью разгромлена! Великая слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей родины! Да здравствует победоносная Красная Армия и Военно-морской флот!...» <...> Эти слова Левитана, до боли знакомые особенно пожилым людям, пробивают насквозь* [11]. Это также и новые лозунги, имеющие главной своей целью сохранение исторической памяти о кровопролитной войне и Великой Победе над фашизмом: *День Победы – это наше все!* (заголовок в новостях о том, как члены Читинской организации ВОИ в преддверии 70-летия Великой Победы раздавали георгиевские ленточки всем желающим) [10]; *Чтобы жить без войны, важно помнить!* (статья об акции, проведенной в честь 70-летия Великой Победы) [25]; *Помни войну! Помни ратную доблесть и славу людей, чью жизнь ты продолжаешь на земле. Будь достоин их подвига!* (из книги воспоминаний фронтовиков Зауралья) [19] и др.

Зачастую в современной публицистике происходит обыгрывание лозунгов военной тематики, что порождает совершенно новые смыслы. Это достигается за счет:

✓ контекстных сопроводителей лозунга: *Ваше дело – правое!* Название рубрики, где на вопросы читателей «Комсомолки» отвечает адвокат Ирина Сергиенко [5]; *Наше дело правое...!!!* Финальная фраза в новостной статье «Этого не может быть – В этом что-то есть – Кто же этого не знает?», где авторы сайта призывают к сотрудничеству и участию в конкурсах «MedSoft» [27];

✓ замены одного из компонентов при сохранении общей модели: *Вперед, к победе цинизма!* Часть названия статьи И. Савельева о «тотальном» равнодушии чиновников [21] (ср. *Вперед, к победе коммунизма!*); *Все на борьбу с ацетоном!* Подзаголовок статьи А. Кузиной «Сказки тетушки ФСКН» о том, что 2637 кг героина неизвестной чистоты – вот эти цифры как раз и отражают работу всей правоохранительной системы, во главе которой стоит ФСКН со своим ГАКОМ [15] (ср. *Все на борьбу с фашизмом!*); *Да здравствует лимита!* Название статьи Е. Березиной с предложением «закрыть» Москву и ввести ограничения для приезжих [4] (ср. *Да здравствует наша победоносная Красная Армия! Да здравствует наш победоносный Военно-Морской Флот!*); *Вступайте в ряды Фурье! Сходимость! Равенство! Гильбертово пространство!* Лозунг на плакате [7] (ср. *Вступайте в ряды народного ополчения!; Свобода! Равенство! Братство!*) и др.

С середины 1960-х гг. (время оттепели) в СССР начинается либерализация режима, ослабление тоталитарной власти, что приводит к появлению некоторой свободы слова и началу разрушения советской идеологии. В эпоху Перестройки – переломную для России – стали открыто высмеивать все, что связано с Коммунистической партией, низвергать ее установки,

применять технологии манипуляции сознанием, направленные против «совка». С. Г. Кара-Мурза отмечает, что, придя к власти в СССР в 1985 г., демократы вбросили в сознание целый букет метафор, новых лозунгов и аллегорий и «просто подавили на время способность к здравому мышлению – всех заворожили. “Наш общий европейский дом”, “архитекторы перестройки”, “нельзя быть немножко беременной”, “столбовая дорога цивилизации”, “коней на переправе не меняют” и т. д. И хотя все это товар с гнильцой, плотность бомбардировки была такой, что основная часть общества была подавлена» [13].

Многие писатели и публицисты не остались равнодушными и живо откликнулись на перемены, происходившие в стране. Общеизвестно, что именно художники слова, особенно когда они действуют организованно и в одном направлении, оказывают на общественное мнение огромное влияние. Свобода слова позволила литераторам отразить критический взгляд на советскую идеологию, ими двигало желание дать правдивую оценку «совковой» действительности. Это, с одной стороны, заворачивало читателя и позволяло увидеть непререкаемую советскую действительность в новом свете, а с другой стороны, дало начало мощному процессу – антисоветской пропаганде и разрушению всех идеалов. Среди писателей, произведения которых содержали антисоветскую пропаганду, в своей книге «Манипуляция сознанием» С. Г. Кара-Мурза называет М. Булгакова, А. Приставкина, В. Распутина, А. Солженицына, И. Шафаревича. Они стали активно (наряду с общественными деятелями) дестраивать стереотип обделенности русского народа в СССР. Выводы автора по этому поводу неутешительны: «Так интеллигенция начала “целиться в коммунизм, а стрелять в Россию”. И до сих пор продолжает стрелять» [13].

На уровне языковых единиц свержение советской идеологии проявилось в том числе во всевозможном осмеянии, обыгрывании лозунгов. Одним из непревзойденных мастеров здесь можно назвать В. П. Астафьева, который всячески трансформирует лозунги советской эпохи с одной только целью – отразить негативное отношение к идеологии, к политическим установкам Коммунистической партии СССР, низвергнуть лживые представления о Великой Отечественной войне, навязанные советской пропагандой.

Например, в романе «Прокляты и убиты» представлен ряд героев, фанатично преданных делу партии. Все они изображаются В. П. Астафьевым в ироническом ключе. Это, например, начальник политотдела Мусенок, которого ненавидели все солдаты и который ни разу не участвовал в военных действиях; это также один из самых опытных и слабообразованных политработников капитан Мельников, который даже мыслит пропагандистскими формулировками: «Работал капитан Мельников так много, так напращенно, главное, так политически целенаправленно, что ему не только пополнять свои куцые знания, но и выспаться некогда было. Он считал, что так оно и должно быть: сгорать на партийно-агитационной работе дотла во имя любимой Родины и героического советского народа – его назначение...» [3, с. 26]. Колоритно представлена фигура матери Фе-

ликса Боярчика. Степанида Фалалеевна – железная большевичка, «задуманная и поначалу творимая как девка, где-то с половины задела пошла в мужика <...> Звали это существо Степой» [3, с. 134]: «*Придерживая мужицкую шапку на голове, тормозя себя мужицкими сапогами <...> мать лупила сына в грудь: – За Родину!.. За Сталина!.. Смерть врагу!.. Гони ненавистного врага! Гони и бей!.. Гони и бей!...*» [3, с. 139]. В описание облика и характера этой женщины В. П. Астафьев вложил все поистине презрительное отношение к советской власти и Коммунистической партии, к их всяческому творчеству. Степанида «обреталась в области «того советского искусства, которое скорее и точнее назвать бы бесовством <...> Новоявленные творцы сами сочиняли свое слово, искусство, скетчи, пьесы, программы с чтением вслух, с выкрикиванием лозунгов, шагом на месте под барабанный бой <...> Да все в темпе, в темпе! Выше! Дальше! Вперед! До полной победы коммунизма!» [3, с. 134].

Во второй книге романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты», которая называется «Плაცдарм», лозунги встречаются гораздо реже. Это связано с тем, что по сюжету солдаты перемещаются из запасного полка на фронт. В. П. Астафьев описывает переправу через Великую реку. Здесь политические установки изничтожают сами себя, т. к. на смертоносной, тактически непродуманной, голодной и холодной этой переправе отсутствуют те, кто проповедовал и идеологически наставлял солдат, ведь *власть всегда бессердечна, всегда предательски постыдна, всегда безнравственна* [3, с. 326]. В пекле войны у человека срабатывает только один инстинкт – выжить несмотря ни на что, и не во имя партии и Сталина, а во имя себя. В. П. Астафьев противопоставляет всякой власти Христа, единственного за всю историю человечества «товарища», который «не посылал никого вместо себя умирать, Сам взойшел на крест» [3, с. 325 – 326].

Лозунги, а с ними и политическое воспитание, иногда подводят человека к совершению абсолютно абсурдных поступков. Так, один из героев романа Финифатьев рассказывает товарищам случай из своей военной жизни, когда на разных берегах одной и той же реки находились русские и немцы: «*Заспавшийся, полуголодный полк никуда и ни в кого не стрелял, ни с кем не воевал. А немцы с ним воевать не хотели <...> фрицы и иваны ходили за водой на Оку, подитанники и портянки полоскали, перекликались...*» [3, с. 306]. Но эта мирная обстановка сохранялась до тех пор, пока «не начали прибывать свежие части и кто-то из комсомольцев-добровольцев, начитавшийся книг, допрежь всего бестселлера соцреализма «Как закалялась сталь», и виявший воплям неистового публициста: «*Хочешь жить – убей немца!*», «*Где увидишь, там и убей!*» – завидевши на другом берегу врага... схватил винтовку и подстрелил его» [3, с. 306 – 307]. Сарказм звучит в словах героя В. П. Астафьева по отношению, прежде всего, к советской власти, воспитывающей «беспощадных защитников Родины», не способных вникать в обстоятельства и ориентироваться в конкретной военной ситуации. Злая ирония слышится как в самой крылатой единице комсомольцев-добровольцев, так и в оборотах бестселлер соцреа-

лизма, вопли неистового публициста. В итоге один только выстрел уничтожил негласный договор о временном перемирии между противоборствующими сторонами и дал толчок к возникновению новых, в данной ситуации совершенно бессмысленных жертв.

Зачастую трансформированные, советские лозунги составляют часть окопного юмора: «Стоим на страже всегда, всегда, но если скажет страна труда. – Скажет она. – Рыло сперва умой! – Рыло сперва умой, потом иди домой!» [3, с. 102]; «...ныне мы наши права знаем и прижмем вас [кухонных работников – А. О., С. Ш.], кровопивцев, и будет с вами, как на сатирическом листке талантливый советским поэтом написано: «Боец поднимет автомат – из немца потечет томат!» Правда, там про фашистов написано, да чем вы-то, внутренние-то кухонные враги, лучше фашистов?» [3, с. 124] и др.

В повести «Веселый солдат» В. П. Астафьев подробно описывает жизнь раненых в госпитале и те нечеловеческие условия, в которых люди, прошедшие войну и сумевшие остаться в живых, теперь мучительно умирали. Виной всему было воровство начальников госпиталей, их ненависть к раненым. Здесь писатель наиболее ярко показывает губительную силу государственных призывов-клише. Лозунги, требующие на фронте бить врага, превращаются в руководство к действию для истребления теперь советских солдат: №...навалили раненого народа на пол в бывшие школьные классы, повесили, как и повсюду, не только в госпиталях, грозные приказы, подписанные разным начальством и почему-то непременно маршалом Жуковым. <...> «Усилить!», «Навести порядок!», «Беспощадный контроль!», «Личная ответственность каждого бойца, где бы он ни находился», «Строго наказывать за невыполнение, нарушения, порчу казенного имущества, симуляцию, саботаж, нанесение членовредительства, затягивание лечения, нежелание подчиняться правилам...» и т. д. и т. п. И в конце каждого пункта и подпункта: «Беспощадно бороться!», «Трибунал и штрафная», «Штрафная и трибунал», «Суровое наказание и расстрел», «Расстрел и суровое наказание...» [1, с. 32].

Вообще, надо сказать, что В. П. Астафьев резко критикует и Суворова, и Жукова, и Сталина – великих полководцев, которые, как он считает, беспощадно распоряжались жизнями рядовых солдат: «Когда много лет спустя после войны я открыл роскошно изданную книгу воспоминаний маршала Жукова с посвящением советскому солдату, чуть со стула не упал: воистину свет не видел более циничного и бесстыдного лицемерия, потому как никто и никогда так не сорил русскими солдатами, как он, маршал Жуков!» [1, с. 32]. Нужно отметить, что и в современной публицистике встречаются отголоски этого «нестандартного» отношения к великому полководцу: «В ту пору про советских пехотинцев Маршал Советского Союза Георгий Жуков как-то выразился: «Пехотинец на войне – это продукт одноразового применения!» [6].

В одном из своих поздних произведений «Из тьмы света», жанрово обозначенном как «попытка исповеди», В. П. Астафьев, рассуждая о современном обществе, где люди озлоблены, ненавидят и калечат

друг друга (и связано это, прежде всего, с политикой нашего государства, искореженного коммунистическим прошлым), пишет: «Я бы просил, где и у кого можно, на всех наших газетах и журналах рядом с лозунгом: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» – писать: «И избави нас от лукавого!» [2, с. 712]. В данном контексте ярче всего прослеживается прямая зависимость: «пролетарий/ лукавый» – «главная идея коммунистической партии/ложь, обман».

Лозунги и призывы как средство воздействия на граждан всегда были очень популярны в СССР. Обращение в лаконичной форме представляет собой некую жизненную мудрость, следуя которой человек сможет решать стоящие перед ним задачи. Это своего рода формула успеха. Тексты публицистики преследуют ограниченные и определенные цели – внушить, убедить или побудить. Для достижения поставленной цели привлекается арсенал языковых средств всевозможных типов дискурса, при этом выбор зависит от функциональной уместности в данном коммуникативном акте.

В современной России публицистический арсенал общественных движений и партий продолжает включать в себя советские лозунги (в частности, военные), которые используются как непосредственно в исконном своем значении и форме, так и в трансформированном виде. Авторы публицистических произведений часто склонны к языковому творчеству, которое помогает им создать новый, яркий, воздействующий образ. Публицистика, соприкасаясь со всеми сферами жизни человека, формирует мысли и чувства аудитории, иными словами – ее гражданскую позицию.

Художественная проза переломного периода (1980 – 2000-е гг.), ярким представителем которой можно назвать В. П. Астафьева, четко отражает авторское отношение к установкам Коммунистической партии. Писатель преследует высокую цель – показать правду: правду войны, правду советской жизни, где людей настраивали на коммунистический рай. Но есть и другая сторона медали: такой подход В. П. Астафьева к описанию недавней действительности внес свою лепту в общую копилку антисоветской пропаганды. Старые идеалы, реально воздействовавшие на сознание граждан (и, скажем прямо, зачастую положительно воздействовавшие), были окончательно и с восторгом разрушены, а новые, к сожалению, так и не появились. К примеру, до сих пор нет ни одного лозунга, по силе влияния равного советскому «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Сами того не осознавая до конца, писатели и публицисты в переломную эпоху активно внедрили в сознание россиян антисоветский и антикоммунистический – а по сути антирусский – стереотип. Так, прославивший В. П. Астафьева роман «Прокляты и убиты», многократно и хвалимый, и ругаемый за ту самую окопную правду, тоже стал одним из кирпичиков в строительстве здания дискредитации Великой Победы. Мы считаем, что можно критиковать любую власть, когда-либо существовавшую в стране, но нужно при этом осознавать, во-первых, что безвластие рождает хаос и ведет к разрушению государства, а во-вторых, всяческое осмеяние и очернение событий прошлого своей страны (особенно войн) всегда бывает на руку врагам.

А. П. Чехов считал, что мир литературных образов условен, и его ни в коем случае нельзя использовать как описание реальной жизни, а тем более делать из него какие-то социальные и политические выводы. Образы литературы искажают действительность. В них явление или идея, поразившие писателя, даются в совершенно гипертрофированном виде. За верным отражением жизни человек должен обращаться к социологии и вообще к науке, но не к художественной литературе.

С. Г. Кара-Мурза отмечает: «Идеологическая машина перестройки произвела большую работу по разрушению коллективной исторической памяти советского общества. Были очернены, осмеяны, перемешаны символы-вехи национальной истории. Затем был создан хаос в системе мер, оценок и даже временной последовательности событий, образующих историческую картину. Была подорвана способность общества вырабатывать коллективную память даже самых недавних событий – по прошествии всего нескольких месяцев они вытеснялись, стирались из памяти. Общество в целом и каждый человек в отдельности потеряли возможность анализировать прошлое и использовать его уроки для того, чтобы определять свою позицию в конфликтах настоящего» [13].

Анализ публицистического и визуального арсенала современных общественных движений России и СМИ, однако, позволяет сделать вывод, что общество возвращается к своим истокам, по крайней мере, в отношении памяти о Великой Отечественной войне. На митингах и парадах нет места лозунгам и плакатам негативного или иронического характера (Это наш праздник, наша Победа! [12]; Память о Великой Победе – священна!; Фашизму не бывать на русской земле!; Для преступлений фашистов нет срока давности!; Нет – фальсификации истории! [20]; Я помню, я горжусь! [28]; Спасибо деду за Победу! [23] и др.). При поддержке президента вводятся традиции и акции, воспитывающие патриотизм (георгиевские ленточки как многовековой символ, олицетворяющий подвиг русского воина на полях сражений; «Бессмертный полк» как проект по увековечиванию памяти павших в боях Великой Отечественной войны: Они должны идти победным строем в любые времена! – девиз проекта) [18]. Постсоветская Россия вообще пришла к тому, что сейчас 9 Мая воспринимается как главный праздник страны, который можно назвать самой основной «скрепой», чем-то вроде точки сборки российской идентичности.

Литература

1. Астафьев В. П. Веселый солдат. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 13. С. 5 – 242.
2. Астафьев В. П. Из тихого света. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 13. С. 707 – 728.
3. Астафьев В. П. Прокляты и убиты. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 10. С. 5 – 744.
4. Березина Е. Да здравствует лимита! // Московский комсомолец. 09.11.2012. С. 1.
5. Ваше дело – правое! // Комсомольская правда. 17.05.2012. С. 15.
6. Война Александра Лебединцева // Российский дорожник. 2009. № 25 (Объединение АСПОР). Режим доступа: http://www.aspor.ru/publishers/?page=pages_607 (дата обращения: 22.06.2015).
7. Вступайте в ряды... Фурье! // ЯПЛАКАЛЬ. 03.10.2011. Режим доступа: <http://www.yaplakal.com/forum2-topic361397.html> (дата обращения: 16.06.2015).
8. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 336 с.
9. Гловинский М. Не пускать прошлого на самотек. Краткий курс ВКП(б) как мифическое сознание // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 142 – 160.
10. День Победы – это наше все! // Общественное движение «Всероссийское общество инвалидов». 01.05.15. Режим доступа: http://www.voi.ru/news/novosti_voi/den_pobedy_eto_nahe_vse_.html (дата обращения: 22.06.2015).
11. Долгов В. Этот День Победы! // Общественное движение «Всероссийское общество инвалидов». 02.05.2015. Режим доступа: http://www.voi.ru/news/novosti_voi/etot_den_pobedy_.html (дата обращения: 25.06.2015).
12. Жириновский В. Это наш праздник, наша Победа! // Комсомольская правда. 08.05.2015. С. 10.
13. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
14. Клемперер В. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 384 с.
15. Кузина А. Сказки тетушки ФСКН // Московский комсомолец. 19.11.2012. С. 5.
16. Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1983. 160 с.
17. Левин Ю. И. Семиотика советских лозунгов // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 542 – 558.
18. Они должны идти победным строем в любые времена // Бессмертный полк. Май 2015. Режим доступа: <http://moypolk.ru/user> (дата обращения: 22.06.2015).
19. Помни войну / сост. Г. П. Устюжанин, В. В. Усманов, В. А. Есетов; гл. ред. А. И. Букреев. Курган: Парус-М, 2001. 400 с.
20. Призывы и лозунги ЦК КПРФ к массовым акциям в День 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне // В честь 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 9 мая в Москве состоится шествие и митинг. 05.05.2015. Режим доступа: <http://kprf.ru/party-live/cknews/142328.html> (дата обращения 15.06.2015).
21. Савельев И. Вперед, к победе цинизма! // Московский комсомолец. 17.11.2012. С. 3.
22. Серио П. В поисках четвертой парадигмы. О языке власти: критический анализ // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков, 1993. 192 с.

23. Спасибо деду за Победу! // Р. Л. Петров. Никто после нас. 2015. Режим доступа: <http://spasibodeduzapobedu.ru/> (дата обращения: 16.06.2015).
24. Ученова В. В. Публицистика и политика: монография. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1979. 232 с.
25. Чтобы жить без войны, важно помнить! // Общественное движение «Всероссийское добровольное пожарное общество». 20.04.2015. Режим доступа: <http://vdpo.ru/events/aktsiya-mchs-rossii-i-vdpo-pole-russkoi-slavi-chtim-svyaschennuyu-pamyat-propitannoi-krovuyu-zemli-gde-soldati-sovetskie-slavu-svoyu-obreli.html> (дата обращения: 15.06.2015).
26. Шулежкова С. Г. Пионерско-комсомольский след в современном русском языке, или Судьбы крылатых выражений-советизмов // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. 2012. Т. 25 (64). № 2 (1). С. 341 – 350.
27. Этого не может быть – В этом что-то есть – Кто же этого не знает? // Общественное движение «Ассоциация развития медицинских информационных технологий». 02.02.2015. Режим доступа: http://www.armit.ru/news/indexnews.php?ELEMENT_ID=3476 (дата обращения: 10.06.2015).
28. Я помню, я горжусь! // Сообщество «Мир позитива». 03.06.2015. Режим доступа: <http://www.playcast.ru/-communities/pozitiv/?act=news&id=159006> (дата обращения: 11.06.2015).

Информация об авторах:

Осипова Александра Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Инновационно-технологического центра Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, osashenka@yandex.ru.

Alexandra A. Osipova – Candidate of Philology, senior staff scientist of the Research Linguistic laboratory of the Innovation Technological Centre of Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Шулежкова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, shulezhkova@gmail.com.

Svetlana G. Shulezhkova – Doctor of Philology, Professor at the Russian Language and General Linguistics Department of Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 82-27“19”

КРИЗИС СОЗНАНИЯ И СПЕЦИФИКА ДРАМАТИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ В МОНОДРАМЕ

А. М. Павлов

THE CRISIS OF CONSCIOUSNESS AND THE SPECIFICITY OF DRAMATIC CATASTROPHE IN THE MONODRAMA

A. M. Pavlov

Предлагаемая статья посвящена теоретическому осмыслению такого понятия, как монодрама. Ведущее внимание уделяется прояснению особенностей развития действия в монодраме, а также специфических особенностей её сюжета и хронотопа. На основе этого решается вопрос относительно органичности присутствия монодрамы внутри драмы как рода литературы. В статье мы приходим к выводу о том, что по отношению к монодраме понятие катастрофы как важнейшего структурного элемента драматического действия также применимо. Однако происходит эта катастрофа не *во внешнем мире*, а *внутри сознания центрального персонажа*, причём *становится не объектом соучастного наблюдения (с позиции «свидетеля и судии») из зрительного зала* (как в немонодраматической пьесе). Она *непосредственно конструируется «здесь и сейчас»* (в «*настоящем сопереживания*») и в сознании самого реципиента, неизбежно приводя к провокативному, одновременному с героем, «*переформатированию*» его системы жизненных ценностей.

The proposed article is devoted to the theoretical understanding of such concepts as monodrama. The leading focus is on clarifying the characteristics of the development of the action in the monodrama, as well as specific features of the plot and the chronotope. The author reveals the issue concerning the seamlessness of the presence of monodrama inside drama as a kind of literature. In the article we come to the conclusion that the concept of disaster as a major structural element of dramatic steps can be applied to the monodrama. However, this disaster occurs not in the outside world, but within the consciousness of the central character, and becomes the object of observation (from the position of "the witness and judge") from the audience (as in any non-monodrama play). It is directly constructed "here and now" (in the "real empathy") and in the consciousness of the recipient, inevitably leading to provocative, simultaneous with the main character, "reformatting" of his / her system of life values.

Ключевые слова: монодрама, драматическая катастрофа, катарсис, читатель / зритель, кризис сознания.

Keywords: monodrama, dramatic catastrophe, catharsis, the reader / viewer, the crisis of consciousness.

Разработка понятия «монодрама» принадлежит известному режиссёру и реформатору театра Серебряного века Н. Евреинову в реферате «Введение в монодраму» (1909). Под монодрамой Н. Евреинов подразумевает «драматическое представление, которое, стремясь наиболее полно сообщить зрителю душевное состояние действующего, являет на сцене окружающий его мир таким, каким он воспринимается действующим в любой момент его сценического бытия» [1, с. 8]. Как следует из приведённой цитаты, необходимость охвата всего происходящего на сцене субъективным кругозором «единого действующего» мотивируется рецептивными соображениями. Принцип «сценического <...> тождества с представлением действующего», по мнению Н. Евреинова, «обуславливает переживание, заражающий характер которого, вызывая во мне сопереживание, обращает в момент сценического акта чуждую мне драму в «мою драму» [1, с. 9]. Телеология монодрамы, таким образом, связывается «с обращением зрителя в иллюзорно действующего субъекта, а не в пассивного наблюдателя чужой частной жизни» [2, с. 226]. Вот почему сценическая структура монодрамы направлена на визуальную «инсталляцию» имажинативной сферы центрального персонажа, его внутренней точки зрения, или «жизненной правды» [2, с. 226].

Всё вышесказанное о монодраме порождает ряд проблем, главная из которых касается того, насколько вообще *органично присутствие* произведения подобного типа внутри драматического литературного рода. Требуется прежде всего теоретическая экспликация неких устойчивых (инвариантных) свойств поэтики драматического произведения, которые воспроизводятся и в монодраме. Вот почему оказывается необходимым обратиться к прояснению особенностей развития действия в монодраме, а также специфических свойств хронотопа и сюжета, тем более что именно эти аспекты внутреннего мира пьесы имеют отношение к пониманию того, как в таком драматическом произведении происходит «подготовка и осуществление катастрофы, а следовательно, и катарсиса». Без учёта этих понятий невозможно говорить о «завершающем событии» драмы, а также о том, как в драме «строится и воплощается смысловая граница между мирами героев, с одной стороны, и автора и читателя-зрителя – с другой» [5, с. 309].

Необходимость рассмотрения вопроса о своеобразии художественной репрезентации в монодраме драматической катастрофы, приводящей к особому эмоциональному контакту читателя/зрителя с героем, диктуется следующими причинами. В обычной драме «по отношению к миру героев читатель-зритель находится в другом, хотя и вплотную примыкающем, пространстве» [5, с. 307]. Это происходит за счёт того, что «смысловой рубеж двух действительностей» («эстетической реальностью и внеэстетической действительностью читателя-зрителя») здесь материализуется в виде ощущаемой пространственной границы между сценой и зрительным залом [6, с. 13]. Монодрама же предполагает, чтобы эта граница «стала как бы невидимой», читатель/зритель, «как бы очутившись на сцене (а не оставшись в позиции «заинтересованного наблюдателя», как в обычной драме – А. П.), то есть на месте действия», должен потерять эту границу из виду (она

должна остаться позади него, то есть «уничтожиться») [1, с. 28]. Это позволяет нам сделать предположение о том, что как характер присутствия драматической катастрофы, так и взаимодействия «миров» героя и читателя / зрителя, в монодраме будет всё-таки иметь свою специфику по сравнению с обычной пьесой. Поэтому единственно возможной установкой при рассмотрении монодрамы будет являться необходимость прояснения «внутренней меры» (Н. Д. Тмарченко) в соотношении её «традиционности», с одной стороны, и «специфичности» – с другой. Первый критерий позволит увидеть то, что *роднит монодраму с драматическим литературным родом*; второй – её *отличия от немонадраматической пьесы*.

Прежде чем перейти к освещению названных пунктов, оговорим, что является *главным предметом изображения в монодраме*, тем более что специфика *предметно-смысловой сферы такого драматического произведения*, как мы покажем ниже, как раз и обуславливает своеобразие в нём драматической катастрофы. Ранее уже указывалось, что монодрама строится на сценическом «опубликовании» сознания «единого действующего». Однако, думается, что сознание индивида предметом художественного интереса монодрамы может стать лишь при определённых условиях.

Так, по мнению В. Е. Хализева, одно из главных различий между эпической и драматической формой состоит в том, что «в повествовательном произведении могут быть <...> многочисленными и даже доминирующими эпизоды, которые выявляют состояния умиротворённости и покоя (добавим, как во внешней, так и во внутренней жизни человека – А. П.). В драмах же <...> подобные эпизоды обычно сводятся к минимуму. Они уступают место изображению драматически напряжённых ситуаций» [8, с. 108]. Монодрама, как и любое драматическое произведение, думается, также не показывает жизнь и человека в их эпической «успокоенности», *изображая последнего не просто «в минуты высочайшего напряжения»* (К. Чапек), но прежде всего во время *катастрофических «сдвигов» его сознания, лишённого цельности, а потому представляющего собой «арену» борьбы противоположных интенций и устремлений*. Можно утверждать, что предметом художественного осмысления монодрамы становится *кризис сознания «единого действующего»* (думается, что этот кризис можно рассматривать как один из *исторических вариантов кризиса частной жизни, эстетически осваиваемого именно драмой как литературным родом* [5, с. 413 – 431]).

В качестве примера рассмотрим пьесу Л. Н. Андреева «Чёрные маски». Проанализируем её, чтобы, во-первых, теоретически оговорить *специфику драматургической экспликации этого кризиса*, а во-вторых, – уяснить, как его наличие предопределяет *характер развития действия в монодраме*, а также *свойственные ей особенности сюжета и хронотопа*.

Так, исходная сюжетная ситуация пьесы связана с относительно *успокоенным* (ещё *некризисным*) состоянием героя (и его сознания). Оно обусловлено абсолютной экзистенциальной уверенностью персонажа в собственной сущности («Моё сердце так же светло, как в этом замке...»), в принадлежности себя полюсу света. Эта уверенность мотивирована представлениями героя

о миропорядке в целом – убеждённости в *чёткости границ* между добром и злом, светом и тьмой, божественным и дьявольским, правдой и ложью, истинным «содержанием» человека («лицом») и притворством («маской»). Такая нравственная позиция персонажа обусловлена и *ролевыми обстоятельствами* его жизни. Лоренцо – сын рыцаря, участвовавшего в походе «на освобождение Гроба Господня», по его собственным словам, «рыцарь Святого Духа». Развёртывание действия в «Чёрных масках» связано с *характерным для драматического рода литературы в целом испытанием изначальной нравственной позиции персонажа*, его «жизненной правды» [5, с. 316]. Если в обычной драме испытываются «жизненные правды» нескольких персонажей, и противостояние этих человеческих позиций лежит в основе драматического конфликта, то в монодраме художественное внимание, видимо, *локализовано на испытании «жизненной правды» исключительно одного персонажа* – «единого действующего».

Действительно, «зажигание» огня «на башне ума и сердца своего» [4, с. 647] (слова Л. Н. Андреева об этой пьесе из письма к режиссёру К. Н. Незлобину – праздничный замок в «Чёрных масках» становится пространственным воплощением души Лоренцо) приводит героя к открытию «ужасной правды о делах человеческих» (узнаёт о лжи слуги и жены Франчески, скрывавших тайну рождения герцога; об измене матери, которую считал «святой» и т. д.) и *болезненному осознанию трагического переплетения* (не предполагаемого им в исходной ситуации пьесы до начала развёртывания его видения), *взаимопроницаемого соседства отмеченных выше противоположных начал бытия*.

Действие в «Чёрных масках» можно рассматривать как «движение к конечной катастрофе» (Г. В. Ф. Гегель). Так, вплоть до конца 3 картины герой пребывает в уверенности, что на маскараде он – единственный, кто сохраняет «лицо» (в то время как истинная сущность остальных персонажей скрыта под «маской» – в своём видении их всех Лоренцо видит «замаскированными»). Именно это является для главного персонажа «гарантом» сохранения его представлений о собственном месте в миропорядке, а соответственно, и духовной самоидентичности. Катастрофа, приводящая в итоге к «крушению» сознания герцога (см. финальную ремарку: «Всё рушится»), происходит, видимо, в финале 3 картины. Пытаясь «продемонстрировать» гостям, что у него «лицо <...> а не одна из <...> отвратительных масок», герой «с ужасом» обнаруживает, что у него вместо «живого человеческого лица» – «каменная маска» и он ничем не отличается от своих гостей. Сюжетно это совпадает с открытием персонажем не постижимой «бездны» и внутри собственной души (в 4 картине в больном видении персонажа появляется группа поселян, сообщающих о «дурных» делах – и даже преступлениях, – совершённых героем в прошлом: из текста пьесы неясно, то ли герой в начале не помнит об этих злодеяниях, то ли не рассматривает их в качестве таковых). В итоге то относительно гармоничное состояние персонажа, которое было в начале пьесы, разрушается, приводя герцога Лоренцо к полной потере ориентации в происходящем и к утрате самоидентичности. Это выражается в том, что, не-

смотря на попытки убедить других и себя, что он – «рыцарь Святого духа», герой в финале произносит реплики, противоречащие не только этому утверждению, но и вообще друг другу. Сначала говорит, что «владыка мира – Сатана», потом же утверждает, что «вассал Сатаны» не он, а живущий в нём его «двойник» («какой-то шутник, подделавшись под мой голос и моё лицо...»), а приглашённый на маскарад есть не Сатана, а Господь Бог. Можно говорить о том, что герой от «неузнавания» других постепенно приходит к «неузнаванию» себя самого. Не случайно один из вопросов, обращённых к Лоренцо на балу: «А где ты сам, Лоренцо?». Если в начале пьесы Лоренцо шутливо говорит, что на маскараде «будут цветы и змеи меж цветов», то далее «змей меж цветов» (образ трагической противоречивости бытия, постоянного соприсутствия в нём несовместимых понятий) он находит в своём сердце. Его на «маскараде» своего воображения герцог видит как красную маску, которую обвивает «чёрная змея».

С одной стороны, анализ пьесы Л. Андреева показывает, что в монодраме сохраняется *специфический именно для неклассической драмы «структурный принцип прояснения* (для героя и читателя-зрителя) *исходной ситуации произведения*», связанный с «изменением героя как субъекта действия», «сменой его точки зрения и если не сменой его позиции, то переменной в его отношении к своей позиции» [5, с. 412]. Эта перемена утверждает неравенство героя самому себе в начале развития действия и в его финале.

С другой стороны, интерес к изображению *кризиса сознания определяет своеобразие художественной репрезентации в монодраме внутреннего действия, а также сам характер присутствия в ней драматической катастрофы* в сравнении с осваивающей *внутреннее действие* монодраматической пьесой.

Так, в последней *катастрофа* (по Н. Д. Тамарченко, в драме всегда «ход действия создаёт предпосылки катастрофы героя» [5, с. 310]) происходит во *внешнем мире, непосредственно связана с ходом внешних событий* (продажа имения в «Вишнёвом саде» А. П. Чехова; подслушивание «исповеди» Феди Петушкову и последующее предательство Артемьева в «Живом трупе» Л. Н. Толстого, получение письма Хельмером в «Норе» Г. Ибсена, разрушающее в итоге совместную жизнь персонажей и т. д.) и приводит в итоге к тому, что персонажи меняются внутренне. По словам Н. Д. Тамарченко, в осваивающей внутреннее действие монодраматической пьесе «внешний ход событий сочетается с подготовкой радикальных внутренних перемен» [5, с. 413], можно сказать, непосредственно осуществляет её. О том же, что герой меняется, читатель/зритель узнаёт из его «словесных действий» (В. Хализев), самостоятельно наделяя ту или иную реплику персонажа «*статусом событийности*» (В. Тюпа). Рецептивная реакция такого рода обусловлена самой спецификой драматического дискурса. В силу отсутствия в последнем «субъекта нарративной интенции» «главенствующая свидетельская позиция отведена именно читателю / зрителю, призванному «удостоверять» «событийный статус представляемого в драме» [7, с. 15].

В немондраматической пьесе *катастрофа*, таким образом, воспринимается реципиентом с *внешней точки зрения, с позиции заинтересованного «свидетеля» происходящего*.

В монодраме ситуация меняется. Понятие катастрофы как важнейшего структурного элемента драматического действия к монодраме также применимо (без чего было бы трудно говорить о закономерности присутствия произведений такого типа внутри драматического литературного рода). Однако происходит эта катастрофа не *во внешнем мире, а внутри сознания центрального персонажа, причём становится не объектом соучастного наблюдения (с позиции «свидетеля и судии») из зрительного зала (как в немондраматической пьесе)*. Она *непосредственно конструируется «здесь и сейчас» (в «настоящем сопереживания») и в сознании самого реципиента, неизбежно приводя к провокативному, одновременному с героем, «перестроению» его системы жизненных ценностей, кардинальному «смещению его интенций» (В. Тюпа)*. Это достигается, скорее всего, благодаря двум архитектурным свойствам монодрамы, которых обычная драма лишена.

С одной стороны, речь идёт о «прикреплённости» рецептивного кругозора читателя/зрителя к кругозору «единого действующего» (благодаря чему первый занимает не *внешнюю, а внутреннюю* по отношению к изображению позицию, видит всё происходящее глазами героя, забывая о наличии границы сцены и зала, словно оставляя её позади себя [1, с. 28]). С другой стороны – о тяготении монодрамы к *изоморфизму структуры изображённого мира структуре кризисного сознания центрального персонажа*. Остановимся подробнее на втором свойстве. Для этого обратимся опять же к пьесе «Чёрные маски».

В ней всё, что происходит в сознании герцога Лоренцо, *отражается и в самой структуре изображённого мира, а именно – в гротескно-фантастическом хронотопе пьесы, свойства которого также демонстрируют осознаваемую героем зыбкость между всеми явлениями и ценностями*.

Так, в первой картине всё будто бы указывает на то, что действие происходит ещё *не внутри большого сознания Лоренцо, а в «объективной» («здоровой») реальности*. Идёт подготовка к маскараду, и о безумном состоянии героя ещё ничего не говорит – диалоги героя со своей женой и придворными касаются ожидания грядущего маскарада. Однако одновременно в первой картине появляется фрагмент, вступающий в противоречие с таким типом восприятия, на который однако текст также настраивает читателя/зрителя. Так, слуга сообщает Лоренцо, будто бы «чёрная змея ползёт меж кипарисов». С одной стороны, эту фразу можно истолковать так, что слуга *на самом деле* видит процессию гостей, одетых во всё чёрное (и потому напоминающую большую змею) («реалистическая» мотивировка слов персонажа). С другой – этот образ соотносится с образами чёрных масок из видения герцога (так сказать, «гротескно-фантастическая» мотивировка). Возникает возможность двойного (и даже множественного) истолкования реплики слуги: либо то, что он видит, оптический обман, либо на самом деле приглашённые на маскарад гости производят такое

впечатление, либо *граница реального и ирреального, имажинативного* начинает размываться с самого начала пьесы. Заметим, что возможность множественной мотивировки событий не только *сохраняется* далее в пьесе, но даже *усиливается*. В связи с этим можно говорить о том, что *хронотоп пьесы, соответствующий её начальной ситуации*, обладает всё-таки значительно *большой степенью определённости*. Так, на маскараде герцог Лоренцо разговаривает с «масками», олицетворяющими его ложь, сердце и мысли. С одной стороны, присутствие этих масок можно оценить как *часть бреда персонажа*. С другой стороны, «реалистическая» мотивировка появления этих «странных» персонажей на балу не исчезает. Всё происходящее можно воспринять и как жестокую шутку пьяных гостей (см., к примеру, реплику Кристофоро: «Эти господа <...> пьют вино, как верблюды воду в пустыне»). Однако эти же самые маски с ужасом говорят и о *чёрных масках* – порождениях тьмы, «слетевшихся» в замок без приглашения (а потому вряд ли являющихся частью первичной, «объективной» реальности).

Пятая (заключительная) сцена пьесы *предельно обостряет* имеющуюся смысловую (и даже *фактическую*) непрояснённую, даже гротескно «сгущает» её. С одной стороны, возникает впечатление, что происходит возврат в нормальную, «здоровую», реальность, о чём свидетельствуют присутствие точек зрения на всё происходящее с Лоренцо со стороны и появление рационального объяснения случившемуся. Оно озвучивается управляющим Кристофоро и женой Лоренцо Франческой (безумие Лоренцо, который принимает лица за маски). С другой стороны, в так называемом «реальном» мире обнаруживаются следы поединка, имевшего место быть исключительно в воображении герцога, несмотря на их «реалистическое» объяснение: «Вы накололись на что-то, герцог Лоренцо, у вас на сорочке кровь» – хотя до этого, во второй картине, эта смертельная (!) рана была нанесена на сцене «Лоренцо вошедшим» «Лоренцо бывшему» (а это «раздвоение» – плод сознания герцога).

Финал пьесы также не расставляет ожидаемых читателем/зрителем акцентов. Вопрос о том, кого ожидает герцог Спандаро в финале (Бога или Сатану), оказывается без ответа. Лоренцо просто обращается к гостю «Синьор», а его собственные слова в 5 картине находятся в противоречии друг с другом – в начале называется «владыкой мира» Сатану, потом же говорит, что приглашённый на праздник есть Господь Бог.

Такие «несообразности» в строении хронотопа пьесы оказываются необходимы, поскольку погружают в *состояние, тождественное внутреннему состоянию героя, и воспринимающего субъекта* (чего и добивается монодрама, по Н. Евреинову). Последний в процессе рецепции пьесы так же, как и персонаж, *переживающий болезненное событие встречи с непостижимой бездной как в мире вокруг, так и внутри собственного «я», всё больше и больше утрачивает своё успокоенно-уютное, уверенное состояние*. Сталкиваясь с доведённой до предела «вероятностностью» изображённой реальности, с неразрешимостью присутствующих в ней противоречий (невозможностью «собрать» её путём «прочерчивания» всё проясняющих границ), воспринимающий субъект так же, как и герой, погружается в

кризисное (катастрофическое) состояние, оказывает лицом к лицу с «трагической бессвязностью» бытия и собственного сознания, переживая утрату «наивных представлений об их цельности» (С. Н. Бройтман). Последняя в мире пьесы оказывается не более чем утешительной иллюзией (что является ядром жизненной драмы героя, непосредственно передающейся адресату). Благодаря «мерцающим» границам внутри самого изображённого мира автор выстраивает уже на «территории сознания адресата» (В. Тюпа) реальность, аналогичную реальности, существующей в восприятии героя.

Следует сказать, что катастрофа сознания, одновременно переживаемая как героем, так и читателем/зрителем монодрамы, не предполагает рецептивной остановки последнего на «вчувствовании» в персонаж, а всегда является внутренне катартичной, поскольку одновременно создаёт необходимую дистанцию между героем и читателем/зрителем. Эта дистанция позволяет последнему, по словам Н. Д. Тамарченко, перейти «с точки зрения героя на «высшую» – и уже не эмоционально-этическую, а эстетическую – точку зрения» [5, с. 311].

Так, в пьесе «Чёрные маски» она связана с обретением читателем/зрителем качественно нового видения и понимания человека. В контексте пьесы сущность человека (его настоящее «лицо», а не «маска») не является готовой, раз и навсегда «отвердевшей» формой, а требует от него постоянного «самоконтроля» и внутренних усилий для её ответственного осознания («А где ты сам?»), не подчиняясь какой-либо ролевой обусловленности. Отсюда противоречие в финале пьесы, с одной стороны, между словами героя о своём статусе «Рыцаря Святого духа» и, с другой стороны, приглашением на бал «владельца мира» Сатаны. Этот смысл вряд ли входит в кругозор персонажа, но открывается воспринимающему сознанию. В самой же потере состояния «определённости», таким образом, обнаруживается «высшая целесообразность», а финальная ремарка пьесы («Всё рушится») может быть истолкована как трагическое, но одновременно необходимое «крушение» всех готовых, завершённых, а потому успокоительных для человека форм восприятия мира вокруг и самого себя. Таким образом, поэтика монодрамы всегда направлена на катастрофический (и одновременно катартический) «слом» сознания адресата.

Думается, что одним из условий такого рецептивного эффекта в монодраме становится то, что изображаемые ею катастрофические «сдвиги» сознания всегда тематически связаны с «отбрасыванием» в сторону, редукцией внешнего (социального, биографического и т. д.) измерения человеческой жизни и актуализацией измерения внутреннего, экзистенциального. Поэтому монодрама, хоть и ориентирована на сценическую репрезентацию кризиса сознания другого (отдельного человека, живущего в конкретных условиях времени и пространства), всегда направлена на художественное выявление в нём человека вообще, начала не только индивидуального, но и родового, регулярно поддерживая необходимую «внутреннюю меру» (Н. Д. Тамарченко) в соотношении этих аспектов. Катастрофы сознания, переживаемые героями (и одновременно чи-

тателями / зрителями) монодрам, всегда связаны с «высвечиванием» некоторой общей человеческой участи. Не случайно, по словам самого Н. Евреинова, «корень», на котором базируется монодрама, – это «признание одинакового существа во всех».

В качестве примера, подтверждающего этот тезис, приведём монодраму «Глупец и смерть» Г. Фон Гофманстала, главным героем которой является зажиточный дворянин 20-х гг. XIX в. Клаудио. Исходная сюжетная ситуация пьесы «обрисовывает» состояние духовного затворничества персонажа («И жизнь моя, иссохшая в неволе <...> / Ткёт паутину в этих залах гулких...»), обусловленного глубоким разочарованием в жизни («Отягощённый опытом больным, / Укрывшись за стеной высокомерья, / Не жалуясь, один живу теперь я...»). Дальнейшее развёртывание действия в пьесе связано также с прояснением сознания главного персонажа. Сначала скрипичная музыка, которую слышит Клаудио и принимает её за музыку бродяги, приводит героя к подъёму жизненных сил, к стремлению выйти за «стены высокомерья» и «слиться» с жизнью («И жизнь моя безудержным потоком / Бурлит, плотины ветхие круша...»). Катастрофой в пьесе, видимо, можно считать вызывающее у героя ужас осознание того, что эту музыку играет Смерть. Она появляется в видении Клаудио со «смычком в руках» и «со скрипкой у пояса», знаменуя приближающийся конец персонажа, который буквально только что обрёл «безудержный» «порыв» к жизни – именно последний фактор и придаёт событию визита Смерти остро ощущаемую героем (и адресатом монодрамы) катастрофичность. В дальнейшем всё происходящее в пьесе становится сценической экспликацией предсмертного видения персонажа. Помимо Смерти, появляются также умершие мать, друг, возлюбленная Клаудио, чьими голосами озвучивается понимаемая в данный момент персонажем вина (о которой он не думал до прихода Смерти) перед каждым из них. Встреча со Смертью в итоге оказывается одновременно и болезненна, и благодатна для героя, поскольку связана с пробуждением в персонаже «духовных скрытых сил» (что осознаётся самим Клаудио), в результате чего он «открывает впервые <...> смысл и блеск» своей жизни. Причём, как и в «Чёрных масках», переживаемая героем духовная катастрофа актуализирует уже не только (и не столько личные) параметры жизни, но прежде всего родовые, универсальные, связанные с жизнью любого человека. Поэтому в своих репликах Клаудио и Смерть «поднимаются» до необходимых обобщений, говоря уже не о Клаудио, а о человеке вообще (в то время как эмпирические подробности обстановки, упомянутые в начале пьесы, – так сказать, социально-временной аспект происходящего, – полностью исчезают как из кругозора героя, так и из рецептивного кругозора читателя/зрителя).

Вот почему пьеса завершается следующей репликой Смерти:

Как непонятны эти существа,
Что облекают несказанное в слова,
Распутывают вязь противоречий,
В непостижимом уловляют суть
И в бесконечной тьме находят верный путь!

Этот завершающий «аккорд» освещает новым светом как визуально эксплицируемые на сцене пережи-

вания персонажа, так и аналогичные реакции самого читателя/зрителя, становящегося в акте сопереживания таким же «действующим», как и герой.

«Карнавал» смерти, на котором воспринимающий субъект (вместе с героем) может взглянуть в её «неподвижное лицо», позволяет читателю/зрителю ощутить всю полноту человеческого в самом себе и тем самым внутренне приобщиться к тайне человека как особого существа во Вселенной (то, о чём говорит Смерть в своём последнем монологе). Читатель/зритель вместе с героем если и не побеждает смерть, то по

крайней мере на собственном экзистенциальном опыте утверждает величие человека вопреки «краткосрочности» его пребывания в земной жизни. Поэтому, как и в «Чёрных масках» Л. Андреева, переживаемая героем (и читателем/зрителем) *катастрофа сознания внутренне катартична*. Читатель / зритель, действительно, очищается в *процессе личного проживания опыта героя* «от эмоций жалости и страха» (А. Ничев) [3, с. 14] и тем самым открывает в самом наличии этой внутренней катастрофы, несмотря на всю её болезненность, «высшую целесообразность» и необходимость.

Литература

1. Евреинов Н. Введение в монодраму. СПб., 1909.
2. Лавлинский С. П. «Введение в монодраму» Николая Евреинова в контексте новейшей русской драматургии (к постановке проблемы) // Школа теоретической поэтики: сборник научных трудов к 70-летию Натана Давидовича Тамарченко. М., 2010.
3. Миллер Т. А. Аристотель и античная литературная теория. М., 1978.
4. Руднев А. П. Комментарии // Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М., 1994.
5. Тамарченко Н. Д. Драма // Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2004. Т. 1.
6. Тамарченко Н. Д. Предисловие // Теория литературных жанров. М., 2011.
7. Тюпа В. И. Драма как тип высказывания // Поэтика русской драматургии рубежа XX – XXI веков. Кемерово, 2011.
8. Хализев В. Е. Драма как род литературы. М., 1986.

Информация об авторе:

Павлов Андрей Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы и фольклора КемГУ, 12312@rambler.ru.

Andrey M. Pavlov – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of History and Theory of Literature and Folklore, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 81'42:81'276

РОЛЬ КОРПОРАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СОТРУДНИКА

Ю. С. Паули

THE MEANING OF CORPORATE UTTERANCES DURING THE FORMATION OF THE EMPLOYEE

Y. S. Pauli

Корпоративная культура является условием образования корпоративного дискурса и корпоративного субъекта. Транслятором корпоративных ценностей выступает комплекс высказываний, собранных в корпоративном кодексе. Важными компонентами Кодекса являются миссия организации, ее правила, девиз. В статье проводится параллель между корпоративной культурой и духовными упражнениями античности и раскрываются механизмы создания корпоративного кодекса как побуждающего высказывания. Цель этих высказываний – формирование личности сотрудника, его отношения к организации и к себе в ней. Они являются правилами поведения человека в повседневной жизни и в критических ситуациях. Они ситуативно обусловлены и диалогичны. Стиль корпоративных высказываний должен соответствовать требованиям ясности и выразительности. В статье анализируется, как эти качества реализуются в миссии компаний, которые специализируются на продаже строительных и отделочных материалов. Несмотря на общность деятельности и сходство цели, организации представляют свою миссию, выстраивая разные системы ценностей и используя разные стилистические стратегии ее выражения.

Corporate culture is a condition of corporate discourse's and subject's formation. Corporate value's translator is a complex of statements collected in a corporate code. Its important components are the mission of the institution, its regulations and its motto. The paper draws a parallel between corporate culture and spiritual exercises of the antiquity and reveals the mechanisms of creation of the corporate code as an impelling statement. The purpose of such statements is the formation of the employee's personality, his / her attitude to the organization and him/herself in it. They regulate a person's behavior in the everyday life and critical situations. They are situationally caused and dialogical. The style of corporate utterances should be clear and expressive. The paper analyzes the way these qualities are realized in the missions of companies specializing in constructions and finish materials. Although they share a common sphere of activity and aim, such companies build different systems of values and use different stylistic strategies when formulating their mission.

Ключевые слова: корпоративный дискурс, духовные упражнения, стилистические черты текста.

Keywords: corporate discourse, spiritual exercises, style features of the text.

Корпоративная культура – это ценностная модель, формирующая отношение сотрудника к организации, к своим коллегам, к себе как специалисту и личности в целом, а также видение роли организации в развитии общества. В. А. Спивак дает следующее определение корпоративной культуры: «...это система материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды» [6, с. 27]. Важность сознательного формирования корпоративной культуры обусловлена ее функциями: воспроизводство лучших элементов накопленной культуры, продуцирование новых ценностей и их накопление; оценка реального поведения человека, группы, корпорации в сравнении с нормами культурного поведения; индикатор и регулятор поведения сотрудников; превращение корпоративных ценностей в ценности личности и коллектива; обеспечение взаимопонимания работников и их взаимодействия; сохранения и накопления опыта корпорации [6, с. 29 – 30]. Корпоративная культура является условием образования корпоративного дискурса и субъекта, приемлемого для организации. Она ответственна не за профессиональные знания или навыки, она создает у сотрудника представление о себе как о члене данного коллектива. Образуя компонент корпоративной культуры, определяющим ее специфику и целостность, являются ценности организации, которые формируют корпоративный дискурс и корпоративного субъекта.

Транслятором корпоративных ценностей выступает комплекс высказываний, собранных в корпоративном кодексе. В виде кратких, легко запоминающихся формулировок в нем представлены миссия организации (т. е. «...четкое представление о собственном предназначении и верном направлении», на основании чего выстраиваются цели и стратегии и разрабатывается впечатляющее видение будущего организаций [4, с. 23]), ее ценности, правила, девиз. Их адресатами являются внешние (т. е. партнеры и контрагенты, с которыми приходится взаимодействовать компании на рынке) и внутренние клиенты (т. е. сотрудники) организации. Первым эти компоненты презентуют организацию, указывают на ее специфику, вторым – задают параметры профессионального и личностного отбора и дальнейшего развития. Эти формулировки предлагаются каждому сотруднику при устройстве на работу, в некоторых организациях их знание – обязательное требование к сотрудникам. Так, в Кодексе ОАО АКБ «Росбанк» формулируются задачи этих высказываний:

- «закрепление Миссии, Видения и Корпоративных ценностей Банка,
- определение порядка принятия решений в сложных этических ситуациях и ситуациях конфликта интересов,
- развитие корпоративной культуры через транслирование ценностей Банка всем сотрудникам, ориен-

тация сотрудников на единые корпоративные цели, повышение корпоративной идентичности,

- обеспечение осознания сотрудниками Банка персональной ответственности перед партнерами, клиентами и акционерами Банка за выполнение своих должностных обязанностей, своей роли в реализации Миссии Банка» [5].

Таким образом, корпоративный кодекс как комплекс высказываний об организации регулирует правила коммуникации и поведения сотрудника внутри нее, формирует специфичный корпоративный дискурс. Воспринимая эти высказывания, сотрудник преобразуется согласно духу организации и направляет свою деятельность, исходя из дискурса, который она выстраивает.

В этом корпоративная культура близка эллинистической практике духовных упражнений. Пьер Адо, схематично представляя структуру духовных упражнений, отождествляет их с речемыслительной деятельностью человека: «по сути духовное упражнение очень часто ею [языковой игрой] является: речь идет о том, чтобы сказать себе фразу, произвести определенный эффект – у других или у самого себя, – то есть, в тех или иных обстоятельствах и с определенной целью» [3, с. 208]. Так, речемыслительная природо-духовных упражнений раскрывается в «Размышлениях» Марка Аврелия; перед формулировкой правил приводятся такие установки: «Потру предостерегать себя...» [1, с. 15], «Нужно помнить всегда о том...» [1, с. 16], «К уже высказанным жизненным правилам добавь еще одно...» [1, с. 21], «Всякий раз, когда неохотно пробуждаешься от сна, вспоминай...» [1, с. 49], «Имей это правило при себе и никогда не прекращай [действовать так]» [1, с. 67] и т. п. Разновидностями духовных упражнений являются чтение, письмо, записывание, выговаривание имени вещи, повторение высказываний и т. п. Основным способом осуществления духовных упражнений являются «действительно существующие высказывания», которые человек «действительно когда-то слышал или прочитал и которые он сам себе врезал в память, повторяя их, перебирая в уме в каждодневных упражнениях, записывая, переписывая их для себя» [7, с. 349].

Цель этих фраз в духовных упражнениях – «формирование, а не информирование» [3, с. 142] – обусловливает их убеждающую природу, поскольку любое высказывание как духовное упражнение всегда целесообразно. Эти высказывания – «убедительные в том смысле, что не только убеждают, но и побуждают к действию» [7, с. 351]. Фуко называет такие формулы «матрицами действия», «матрицами разумного поведения», тем самым подчеркивая их прагматическую, личностнообразующую природу. В рамках духовного упражнения человек обращается к высказываниям, которые не только дают ему новые знания, но и формируют его отношение к окружающему миру и к себе в рамках этого мира, а следовательно, руководят его поведением и деятельностью в целом. Эти высказывания должны быть истинными, поскольку они обращены к разуму и воспринимаются сознательной сто-

роной человека. При этом они являются своеобразными предписаниями, правилами, которые определяют поведение человека и в повседневной жизни, и в критических ситуациях. Такое «непрестанное преобразование истинных речей, глубоко укорененных в субъекте, в морально приемлемые принципы поведения» Фуко называет «преобразованием логоса в этос» [7, с. 354], речи в способ поведения. Такая конверсия личности характеризуется с помощью метафор, например: «оснащение», «экипировка», «крепость и цитадель», «кормчий», «лекарство» [7]. Они показывают, что суждения в духовных упражнениях позволяют человеку выработать стратегии поведения для любой жизненной ситуации и защищают его от неожиданностей. При этом эти правила необходимо помнить наизусть, чтобы суметь к ним обратиться в нужный момент. Ср.: «...недостаточно уместить услышанное в каких-то закоулках памяти, вспоминая о нем как о красиво сказанном. Надо, чтобы оно проникло в нас, *запечатлелось* так, что, когда положение того требуется, мы смогли себя повести как должно» [7, с. 437].

Личностная ориентированность высказываний требует их ситуативной обусловленности: они выбраны человеком для определенной ситуации, чтобы сформировать определенную личность: «...когда мы соприсутствуем тексту или слову, не нужно принимать этот текст или это слово как абсолют, как если бы оно не произнесено в тех или иных обстоятельствах, в такой-то день, в такое-то время и в определенном контексте» [3, с. 207].

Убеждающий (а не информирующий) характер речемыслительной деятельности в духовных упражнениях обуславливает ее диалогичную форму, которая представляет собой «живую связь, живые взаимоотношения между лицами, нежели абстрактную связь между идеями» [3, с. 94]. Пьер Адо считал, что «всякое духовное упражнение является диалогическим в той мере, в какой оно будет упражнением подлинного присутствия по отношению к себе и к другим» [2, с. 37]. Высказывания, направленные на формирование определенной личности, с одной стороны, ориентированы на ее особенности, с другой стороны, выработаны для определенной ситуации.

Словно духовные упражнения, высказывания, транслирующие корпоративные ценности, участвуют в формировании личности сотрудника. В рамках корпоративной культуры перед нами также предстает процесс перехода «из логоса в этос»: суждения, приведенные в корпоративном кодексе, формируют корпоративного субъекта, побуждая его к определенному, приемлемому в организации, поведению и действию. Они являются ориентиром сотрудника как в повседневной трудовой деятельности (его «кормчим»), так и в особо сложных обстоятельствах (его «экипировкой» и порой – «лекарством»). Эти высказывания должны выражать уникальность организации, ее миссию, цели, ценности на настоящий момент, т. е. они, как и духовные упражнения, ситуативны и конкретны. Ситуативность компонентов корпоративной культуры предполагает диалогичность их дискурсивного выражения: положения, приведенные в кодексе, ком-

ментируются, объясняются в соответствии с установками организации. По этой причине можно провести параллель между корпоративной культурой и духовными упражнениями. Она образует определенный тип личности в основном посредством регулирования корпоративной речемыслительной деятельности.

Стиль корпоративных высказываний должен соответствовать требованиям, применяемым в духовных упражнениях. Суждения, с одной стороны, должны быть понятны, легко запоминаться и воспроизводиться; с другой стороны, они должны «запечатлеть» в личности определенные установки. А значит, их стиль сочетает в себе как краткость, ясность, так и выразительность, живость. (Ср.: «...важно ...предоставить своим последователям фундаментальный принцип, крайне простой и ясный, формулируемый в нескольких словах, чтобы он легко запоминался и мог применяться с рефлексивной надежностью и постоянством...» [2, с. 26] и «Нужно мобилизовать все психagogические средства риторики, все методы амплификации. Необходимо сформулировать для самого себя правило жизни наиболее живым, наиболее конкретным образом» [2, с. 27]). При этом необходимо придерживаться принципа меры и не увлекаться формальными приемами, затемняющими содержание высказывания. Они должны быть сформулированы «живым» языком [2; 3], т. е. языком, отвечающим требованиям ситуации и личности, которую он формирует.

Особенно актуально сочетание принципов ясности и выразительности при описании одного из компонентов Корпоративного Кодекса – миссии организации, т. е. видения компанией ее места и роли во внешнем контексте. Сравним, как эти принципы реализуются в формулировках миссии компаний, которые специализируются на продаже строительных и отделочных материалов.

1) *Мы работаем для будущего каждого человека, делая лучшие материалы и решения доступными уже сегодня!* [10].

Комментарий. В тексте утверждаются следующие корпоративные ценности:

- доступность (*каждый человек, доступные, сегодня*);
- нацеленность на будущее (*будущее*);
- качество (*лучшие материалы и решения*).

Приоритетность ценности «доступность» подчеркивается использованием усилительной частицы *уже* при маркере *сегодня* и определительного местоимения *каждый* в маркере *каждый человек*. Именно эта ценность лежит в основе и стилистического оформления миссии. Ясность высказывания обеспечивается общеупотребительной лексикой, простой конструкцией, осложненной деепричастным оборотом. Такое высказывание просто воспринимается при чтении, легко запоминается.

Ценности представлены в высказывании посредством антитезы, сопоставлении противоположных смыслов (*будущее – уже сегодня, лучшие – доступные*), что делает текст выразительным и более привлекательным.

2) *мы – уникальная позитивная команда профессионалов рынка DIY, которая каждый день помогает создавать индивидуальный мир нашим клиентам* [8].

Комментарий. Содержание миссии выражено посредством одного высказывания с прозрачной, хотя и сложноподчиненной, конструкцией, общеупотребительной лексикой (используется только термин DIY, но предполагается, что адресат – клиент и сотрудник этим термином владеет). Восприятию высказывания способствует деление его на 4 сегмента: каждый из компонентов суждения (условно можно выделить субъект – *мы*, атрибут – *профессионалы*, предикат – *помогаем создавать*, объект действия – *мир*) организует отдельную строку. Выразительность высказывания обеспечивается за счет его развернутости, насыщенности определений (*уникальный, позитивный, индивидуальный*) и в то же время концентрированности содержания. Оно содержит в себе следующие смыслы:

- командность, сплоченность (*мы, команда, наши, помогает*);
- уникальность (*уникальная, индивидуальный*);
- профессионализм (*профессионалов, рынка DIY*);
- положительность (*позитивная, помогает*);
- креативность (*создавать*);
- постоянство, надежность (*каждый день*).

Выражение этих ценностей мы можем видеть и в стиле этой фразы. Так, лексические (*мы и наши*) и тематический (*уникальная, индивидуальный*) повторы в начале и конце высказывания указывают на кольцевую композицию, тем самым усиливают связность текста, его сплоченность. Использование термина (*рынок diy*) свидетельствует о профессионализме его адресанта, а лексика с мелиоративной окраской (*уникальная, позитивная, помогает, создавать, мир*) создает положительный образ организации. Способность уместить множество смыслов в четкой, прозрачной и емкой форме свидетельствует о творческих способностях и уникальности адресанта. Таким образом, в содержательном и кратком высказывании предстает описание корпоративного субъекта (*мы*), соответствующего ценностям организации.

3) Как динамично развивающаяся открытая компания с профессиональной командой энтузиастов, которая стояла у истоков осуществления поставок отделочных материалов, свою миссию мы видим в том, чтобы стать ведущей компанией на рынке Сибири и Дальнего Востока по удовлетворению потребности в современных отделочных материалах для улучшения качества жизни населения:

- развивая сеть магазинов DIY, оптовых отделов строительной комплектации, салонов premium класса;
- опираясь на профессионализм сотрудников и новейшие технологии;
- стремясь быть высокоэффективной компанией для обеспечения инвестиционной привлекательности бизнеса и уверенности в завтрашнем дне наших сотрудников;

– выстраивая отношения с нашими клиентами на основе взаимовыгодного сотрудничества [9].

Комментарий. Миссия сформулирована более объемно, по сравнению с предыдущими, что обуславливает сложность при восприятии этого текста. Помимо предназначения организации (*стать ведущей компанией на рынке Сибири и Дальнего Востока по удовлетворению потребности в современных отделочных материалах для улучшения качества жизни населения*), здесь приводится описание субъекта высказывания (*динамично развивающаяся открытая компания с профессиональной командой энтузиастов*), история субъекта (*стояла у истоков осуществления поставок отделочных материалов*), способы реализации миссии (*развивая сеть магазинов DIY... и т. д.*). При этом пониманию предназначения организации способствует прямое указание – *свою миссию мы видим в том, чтобы...*, которое подготавливает адресата к дальнейшему восприятию текста.

В приведенном высказывании постулируются следующие ценности:

- стремление к развитию (*динамично развивающаяся, стать ведущей компанией, улучшения качества жизни, развивая сеть магазинов, стремясь*);
- командность, забота о внутреннем и внешнем клиенте (*открытая компания, с командой, мы, для улучшения качества жизни населения, стремясь быть высокоэффективной компанией для обеспечения инвестиционной привлекательности бизнеса и уверенности в завтрашнем дне наших сотрудников; выстраивая отношения с нашими клиентами на основе взаимовыгодного сотрудничества*);
- профессионализм (*с профессиональной командой, ведущей компанией, опираясь на профессионализм сотрудников, высокоэффективной компанией*);
- современность (*современных отделочных материалах, новейшие технологии*);
- постоянство, надежность (*стояла у истоков*);
- качество (*улучшения качества жизни*).

Исходя из анализа приоритетности ценностей (за критерий приоритетности нами берется количество маркеров, представителей ценности в тексте миссии), можно сделать вывод, что миссия направлена не на раскрытие предназначения компании, а на описание корпоративного субъекта и организации в целом, что объясняет такую развернутость миссии.

Так, суждения, представляющие миссии компаний, транслируют ценности, формирующие корпоративный дискурс и корпоративного субъекта. Несмотря на общность деятельности (продажа строительных и отделочных материалов) и сходство цели – улучшить качество жизни клиентов, организации представляют свою миссию, выстраивая разные системы ценностей и используя разные стилистические стратегии ее выражения. Хотя отдельные ценности, реализуемые в миссиях, повторяются (*качество* – в текстах 1 и 3, *профессионализм* – в текстах 2 и 3, *командность* – в текстах 2 и 3, *надежность* – в текстах 2 и 3,

3), но их значимость для каждой организации разнится.

Побудительный, а значит, личностнообразующий потенциал таких высказываний достигается путем гармоничного сопряжения плана содержания и плана выражения, тем самым осуществляется «преобразование логоса в этос», речи в образ действия (здесь наиболее интересным представляется текст 2, в котором набор ценностей, составляющих содержание текста, определяют стилистическое своеобразие короткого и структурированного высказывания). Усваивая ценности компании, сотрудник становится близким к духу

организации и направляет свое развитие в соответствии с теми требованиями, которые она предъявляет. Не случайно, две из трех рассмотренных миссий начинаются с описания корпоративного субъекта. Обращение к традиции духовных упражнений при изучении корпоративного дискурса позволит раскрыть механизмы создания корпоративного кодекса как побуждающего высказывания. Корпоративная культура может быть мощным инструментом формирования нужного организации сотрудника, поскольку, вербализуя ценности компании, побуждает его к определенному, приемлемому для нее поведению.

Литература

1. Аврелий Марк. К себе самому / Изд. подгот. В. Б. Черниговский. М.: Новый Акрополь, 2014. 224 с.
2. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М., СПб.: Степной ветер; Коло, 2005. 448 с.
3. Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном. М.; СПб.: Степной Ветер; Коло, 2005. 288 с.
4. Денисон Д., Лэйн Н., Хойшберг Р., Лиф К. Изменение корпоративной культуры в организациях. СПб.: Питер, 2013. 192 с.
5. Корпоративный Кодекс ОАО АКБ «РОСБАНК» // Росбанк: сайт. Режим доступа: http://rosbank.ru/files/-about/doc/corporate_code.pdf (дата обращения: 01.09.2015).
6. Спивак В. А. Корпоративная культура. СПб.: Питер, 2001. 352 с.
7. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
8. О компании // ДомоЦентр: холдинговая компания: сайт. Режим доступа: <http://www.domocentr.ru/верхнее-меню/о-компании> (дата обращения: 01.09.2015).
9. Миссия // Стойкомплект – Управляющая компания: сайт. Режим доступа: <http://stkem.ru/about/mission/> (дата обращения: 01.09.2015).
10. О компании // Торговые системы ТехноНИКОЛЬ: сайт. Режим доступа: <http://www.tstn.ru/about/> (дата обращения: 01.09.2015).

Информация об авторе:

Паули Юлия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, pauliyulia@rambler.ru.

Yulia S. Pauli – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ НОСИТЕЛЯМИ КОРЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СОМАТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

А. А. Пелевина, У. М. Трофимова

PERCEPTION OF KOREAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A SOMATIC COMPONENT BY RUSSIAN NATIVE SPEAKERS

A. A. Pelevina, U. M. Trofimova

Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Министерства образования и науки Монголии, проект 15-2403001 «Стратегии опознавания иноязычных фразеологизмов носителями монгольского и русского языков».

Статья посвящена исследованию когнитивных стратегий, применяемых носителями русского языка при опознавании корейских фразеологизмов. В качестве экспериментального материала привлекаются корейские фразеологизмы, содержащие соматический компонент, в пословном переводе на русский язык. Использование данной методики опирается на представление, согласно которому фразеологизация аналогичных явлений в разных языках может осуществляться по одному сценарию, что, в свою очередь, обусловлено проявлением межъязыковой образности, формирующейся в концептуальной зоне разноязычных носителей. Выявлено, что при попытке определить значение предложенных выражений, информанты опираются на собственную национально-культурную специфику: жесты, русские фразеологизмы, суеверия, поведенческие нормы. Анализ экспериментальных данных дает возможность найти черты сходства и различия не только в языках, но и в культурах двух народов и в их системе ценностей.

This article is devoted to the study of cognitive strategies used by native Russian-speakers in the recognition of Korean phraseological units containing a somatic component. The experimental material is represented by Korean idioms literally translated into Russian. The use of this technique is based on the notion that the phraseologization of similar phenomena in different languages can be materialized by one scenario, which, in turn, is caused due to cross-language interlingual imagery, emerging in the conceptual area of multilingual natives. It was revealed that when trying to determine the value of the proposed expressions, informants lean on their own cultural identity: gestures, Russian stable expression of superstition, behavioral norms. The analysis of experimental data makes it possible to find similarities and differences not only in the language but also in the cultures of the two nations and their system of values.

Ключевые слова: фразеологизм, антропоцентрический подход, психолингвистический эксперимент, стратегия опознавания.

Keywords: phraseological units, anthropocentric approach, psycholinguistic experiment, strategy of identification.

Данное исследование входит в ряд работ, выполняемых под руководством Е. Б. Трофимовой при Лаборатории антропоцентрической типологии языка Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина. Цель проекта – описание языковых и когнитивных стратегий, используемых носителями разнотипных языков при опознавании иноязычных фразеологизмов, данных в пословном переводе. В рамках такого рода работ проанализировано восприятие английских фразеологизмов [6] и английских сложных наименований [7]. В результате был выявлен феномен *межъязыковой образности*, под которым понимается общность представлений (в форме образов, картин, фреймов и т. д.), возникающих у иноязычного носителя, не владеющего данным языком, при предъявлении языковых единиц сложной структуры [15, с. 302]. Идеи межъязыковой образности нашли отражение в работах Н. Ф. Алефиренко, который отмечает «транслируемость фразеологической образности в межъязыковом пространстве» [1, с. 52] и «соотносительность ментального моделирования в сознании носителей разных языков при восприятии когнитивно-дискурсивного контура соотносимых фразем» [1, с. 53]. Е. А. Юрина описывает межъязыковую образность как метаязыковую категорию, значимую для установления эквивалентности текстов

первоисточника и перевода [18]. Таким образом, межъязыковая образность приобретает определенные очертания и получает когнитивную интерпретацию.

Когнитивный подход к исследованию фразеологических единиц различных языков не нов и в настоящее время оброс значительным количеством направлений и собственной проблемной составляющей. В. М. Мокиенко, отмечая 20-летний когнитивный опыт фразеологии, выделяет триаду, интегрирующую когнитивный подход во фразеологию: это культурология, историческая фразеология и сопоставительная лингвистика [11, с. 9]; недостаток когнитивной апробации фразеологических единиц заключается в том, что «факты, добытые культурологами, этимологами и конфронтологами, берутся в когнитологии без аргументации их достоверности, неразборчиво» [11, с. 9]. Таким образом, первостепенным становится методологически обоснованная когнитивная интерпретация эмпирических фактов. Материалы III Международной научной конференции «Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами» [8] – вклад в решение этой задачи. Например, Л. А. Араева через призму пропозиционального анализа анализирует такое замечательное явление, как русские антипословицы [4]. Харри Вальтер сопоставляя русские и немецкие фразеологизмы с компонен-

тами *сердце* и *душа*, устанавливает степень эквивалентности образности фразеологических единиц с опорой в том числе на этимологические данные [5]. Сопоставление фразеологического материала различных языков в когнитивной парадигме – трудоемкая и актуальная задача (см., например, [2; 3]), так как фразеологизм – сложная языковая единица, интегрирующая культурную, языковую и когнитивную составляющие.

Особенность работ представляемого нами направления заключается в том, что, проводя психолингвистические эксперименты, мы наблюдаем когнитивные и языковые стратегии, используемые в процессах интерпретации иноязычных фразеологизмов, данных в пословном переводе. Причем чем больше культурное и структурное расстояние между языками, тем сложнее когнитивная операция, которую выполняют информанты. Из неевропейских языков эксперименты проводились на китайском, корейском и в настоящее время монгольском фразеологическом материале.

В качестве экспериментального материала выступали фразеологизмы корейского языка с соматическим компонентом. Выбор этих единиц не является случайным. Они составляют довольно многочисленную, часто употребляемую и типичную для многих языков группу фразеологизмов, отражающих восприятие человеком самого себя и отличающихся развитой системой значений, образов и средств выражения.

Как известно, соматизмы – лексические единицы, номинирующие различные элементы человеческого тела. Это разнородный лексический класс, включающий в себя «части тела», «части частей», «органы», «покровы», «отверстия», «места» и т. д. [9]. Соматизмы обладают высокой языковой активностью: широкой экспансией в производных значениях за пределы собственно физической сферы – в предметную, ментальную, эмоциональную и пр., стилистическим разнообразием, участием в фразеологическом фонде, подвижностью с течением времени, высокой частотностью в текстах и т. д. Неудивительно, что это один из самых востребованных объектов сопоставительных исследований, проводимых не только в системноцентрическом, но и антропоцентрическом аспектах [17]. Причиной активности фразеологизмов является тот факт, что процесс осознания себя в окружающей действительности и определения себя как личности начинается с ощущений, возникающих непосредственно через органы чувств и части собственного тела. Человеческое тело является одним из самых доступных для наблюдения и изучения объектом, и слова, обозначающие части тела человека, такие же древние, как и само человеческое сознание. С помощью этих «инструментов» познания человек выражает не только свое отношение к миру, но и свое физическое и психическое состояние. По мнению N. J. Enfield, «Тело является уникальным объектом человеческого опыта, что создает особую проблему в его восприятии и познании» [19, с. 137]. Несмотря на замкнутость границ человеческого тела и их денотативную фиксированность, в языках мира варьируется как лексический состав группы, так и их фразеологический и деривационный потенциал. Как правило, наибольшую активность проявляют соматизмы, представляющие

собой названия наружных частей человеческого тела, причем функционально нагруженных (таких как *голова*, *рука*, *нога*, *глаз*, *ухо* и др.). Фонд соматических фразеологических единиц в сопоставительном аспекте неоднократно подвергался анализу [10; 13]. Однако экспериментальные исследования фразеологизмов разноструктурных языков единичны.

Для эксперимента из фразеологического словаря корейского языка [14] были отобраны 25 образных фразеологических единиц, включающих соматический компонент (например, *입에 거미줄을 치다* – букв. «во рту паук плетет паутину» – «быть нищим, голодать»; *입에 침이 마르다* – букв. «слюна во рту высохла» – «Усиленно хвалить или гордиться»; *간이(담) 작다* – букв. «маленькая печень» (желчный пузырь) «мелочный человек или много страхов» и т. д.). Информантам предлагалась следующая инструкция: *Перед вами корейские фразеологизмы в пословном переводе. Попробуйте определить значение каждого фразеологизма; объясните, почему у вас возникли подобные ассоциации. Например: 마음이 넓다 – широкая душа. Вы должны указать значение, в данном случае это «великодушный», «благородный».* В психолингвистическом эксперименте приняли участие 60 студентов третьего и четвертого курсов Хабаровского государственного гуманитарного университета в возрасте от 19 до 22 лет, не владеющих корейским языком.

Необходимо отметить, что на предыдущем этапе проводился эксперимент такого же типа, в котором испытуемым предлагалось определить значение корейских неодносоставных образных выражений. Результаты были классифицированы следующим образом: правильный вариант (в форме указания значения или русского образного эквивалента); близкий к правильному варианту ответа (то есть такой, в котором присутствует основная сема, содержащаяся в стимуле); неверный вариант ответа; отказ от ответа [16, с. 387]. Отличие данного эксперимента заключается в том, что в основу легли корейские фразеологизмы, тематически объединенные соматическим компонентом, который, предположительно, может влиять на процесс опознавания. Результаты описаны в системе соответствий реакции и значения фразеологизма.

Проанализируем полученные данные. Ниже представленные реакции разделены на три группы в зависимости от степени опознавания корейской фразеологической единицы.

Процент опознавания 6 (24 %) фразеологизмов из 25 оказался высоким. К ним относятся:

한귀로 흘리다 – букв. «течет в одно ухо» ('игнорировать, не слушать внимательно'). Процент опознавания – 60 %. Высокий процент опознавания обусловлен тем, что в русском языке есть выражение *В одно ухо вошло, в другое вышло*. Однако ввиду того, что в корейском варианте отсутствует вторая часть, можно понять данный фразеологизм как, наоборот, хорошее понимание или усвоение той или иной информации. Следовательно, были даны и такие реакции, как *хорошо слушает, уловить*.

Реакция реципиентов на предъявленные стимулы

Корейские фразеологизмы	Правильный вариант ответа	Близкий к правильному варианту	Неверный вариант ответа	Отказ от ответа
1. 한귀로 흘리다 – течет в одно ухо – <i>Игнорировать, не слушать внимательно</i>	Невнимательный 60 %	Непонятливый, бесп-толковый 12 %	Хорошо слушает (ус-ваивает) 26 %	2 %
2. 어깨를 두들기다 – бить по плечу – <i>Воодушевлять или утешать</i>	Подбадривать, утешать 40 %	Хвалить, одобрять 16 %	Подстегивать, уязвить 40 %	4 %
3. 머리에 피도 안 말랐다 – на голове даже кровь не высохла – <i>молодой, несмышленый</i>	Молодой, «молоко на губах не обсохло» 40 %	Непонимающий, недавний 7 %	Спешка, преступный, сразу после боя 43 %	10 %
4. 손가락질을 하다 – указывать пальцем – <i>Осуждать или подсмеиваться над другим</i>	Насмехаться, критиковать 19 %	Показывать пренебрежение 22 %	Выбирать, выделять 59 %	
5. 입에 거미줄을 치다 – во рту паук плетет паутину – <i>быть нищим, голодать</i>	Голод 10 %	Ничего нет 2 %	Молчаливый, распро-страняет ложь 85 %	3 %
6. 간이(담) 작다 – маленькая печень (желчный пузырь) – <i>мелочный человек или много страхов</i>	Жадный, мелочный 9 %	Злой, лгун, нетерпе-ливый 21 %	Алкоголик, непью-щий 52 %	18 %
7. 배가아프다 – живот болит – <i>завидовать</i>	Завидовать 2 %	Волноваться, негодование 12 %	Недомогание, отрав-ление 83 %	3 %
8. 머리를엮다 – уложить волосы – <i>выйти замуж</i>			Прихорашиваться, при-готовиться 98 %	2 %
9. 입에침이마르다 – слюна во рту высохла – <i>Усиленно хвалить или гордиться</i>			Жажда, волнение 100 %	
10. 손가락을 걸다 – зацепиться пальцами – <i>друг другу пообещать</i>			Хвататься за послед-нюю возможность 100 %	

어깨를 두들기다 – букв. «бить по плечу» ('воодушевлять или утешать'). Процент опознавания – 40 %. В основном даны такие ответы: *подбадривать, поддерживать, дружить*. Это связано с невербальным жестом, характерным для обеих культур. Такие похлопывания по плечу или спине характерны для мужчин. Зачастую они символизируют проявление дружеского расположения, ободрения или участия. Кроме этого, похлопывания по плечу или спине демонстрируют мужскую силу, способность поддержать в трудной ситуации, готовность прийти на помощь в случае необходимости. В корейском языке существует похожее выражение по значению *입에 침이 마르다* – букв. «слюна во рту высохла» ('усиленно хвалить или гордиться'). Фразеологизм также был предъявлен информантам, однако значение в данном случае опознано не было. В основном были даны ответы: *жажда* – 25 %, *волнение* – 19 %. Это неудивительно, поскольку в русском языке подобное выражение интерпретируется физиологически.

머리에 피도 안 말랐다 – букв. «на голове даже кровь не высохла» ('молодой, несмышленый'). Процент опознавания – 40 %. Фразеологизм схож по значению с русским *молоко на губах не обсохло*. Это, по нашему мнению, обуславливает достаточно высокий процент опознавания. Корейский фразеологизм отличается по компоненту *кровь*, который вызывает у русских информантов устойчивые ассоциации, связанные со страданиями, преступлениями, дракой, поэтому наряду с

правильными были даны ответы: *спешка, вновь рвать-ся в бой, преступный*.

Вторую группу составляют фразеологизмы, процент опознавания которых оказался ниже среднего (таких выражений всего 8 (32 %)):

손가락질을 하다 – букв. «указывать пальцем» ('осуждать или подсмеиваться над другим'). Процент опознавания – 19 %. Несмотря на то, что данное словосочетание содержит коннотации, способные породить искомый смысл, количество верных ответов оказалось невысоким. Вероятно, это вызвано тем, что жест «указывать пальцем» может в зависимости от ситуации трактоваться разнообразно в обоих языках. Так, с детства нас учат тому, что показывать пальцем – это неприлично. Исходя из подобных ассоциаций, по-видимому, были даны такие реакции, как: *невоспитанный, некорректный, проявлять неуважение*. С другой стороны, ряд информантов определили в нейтральном значении данный жест и дали ответы: *показывать, направлять*.

입에 거미줄을 치다 – букв. «во рту паук плетет паутину» ('быть нищим, голодать'). Процент опознавания – 10 %. Как и в предыдущем случае, исходное выражение можно понять неоднозначно. *Паук* вызывает неприятные ощущения, ассоциируется с чем-то вредоносным, омерзительным. *Плетет паутину*, вероятно, соотносится в сознании реципиентов с выражением *плести интриги*. Однако в сочетании с первым компонентом *во рту* фразеологизм получает необычную ин-

терпретацию. Например, *молчание, ложь, нецензурная брань*.

간이(답) 작다 – букв. «маленькая печень» (желчный пузырь) ('мелочный человек или много страхов'). Процент опознавания – 9 %. Схожесть фразеологизма с выражением *кишка тонка*, вероятно, вызвал у тех, кто дал правильный ответ, искомый смысл. В русском языке *много желчи* – значит злой человек; *поднялась в ком-то желчь* – о сильном раздражении. *Желчный человек* – проявляющий ко всем неприязнь, язвительный. Поэтому даны были реакции: *несдержанный, злой, хитрый*. Ряд респондентов провели аналогию с алкоголем и ответили *алкоголик* или, напротив, *непьющий*. Это связано с тем, что алкоголь в сознании русских людей вредит здоровью печени.

В группу с низким процентом опознавания вошли 11 (44 %) фразеологизмов.

배가 아프다 – букв. «болит живот» ('завидовать'). Процент опознавания – 2 %. Данный фразеологизм берет свое начало из корейской пословицы *사촌이 땅을 사면 배가 아프다* – «Когда родственник покупает землю, болит живот». Чаще всего под этим понимается недомогание физическое, вызванное разными причинами, такими как голод, отравление, аппендицит. На область чувственных переживаний данное выражение перенесли лишь 9 испытуемых и дали ответы: *беспокоиться, волноваться* и другие. Всего один человек дал правильное определение фразеологизма. Подобный смысл имеет русское выражение *Чужие лавры спать не дают* или *Жаба душит*, а в корейском языке есть *놀부심보* – «нрав Нольбо». Нольбо – имя отрицательного героя в народной повести, являющегося воплощением жадности.

머리를 엮다 – букв. «уложить волосы» ('выйти замуж'). Фразеологизм не был опознан. Выражение пошло от традиции в прошлом, когда девушке, которая выходила замуж, собирали волосы вверх в пучок. Большинство опрошенных дали реакции: *привести себя в порядок, причесываться*, то есть игнорировали образный характер фразеологизма. В России уложить волосы означает скорее собраться на какое-то важное, особое мероприятие, это может быть не только свадьба, но и любой другой праздник, следовательно, данное выражение не содержит ключей, способных привести к искомому смыслу. Поэтому реципиенты дали более широкое определение этому фразеологизму. Интересно, что в корейском языке есть также другие фразеологизмы со значением 'свадьба', 'жениться', которые в

силу того, что отражают корейскую культуру, также, вероятно, вызвали бы затруднения в понимании прямого перевода. Например, *국수를 먹다* – букв. «есть корейскую лапшу» означает 'жениться'. В Корее лапшу едят на праздники, дни рождения и свадьбы: длина лапши считается приносящей долголетие или пророчащей долгую совместную жизнь.

손가락을 걸다 – букв. «зацепиться пальцами» ('друг другу пообещать'). Фразеологизм не был опознан. 25 % реципиентов дали ответ *хвататься за последнюю возможность, из последних сил, воспользоваться случаем*. Действительно, в русском языке есть выражение «Хвататься за соломинку», в значении, *не находя выхода из затруднительного положения, использовать последнее средство*. В корейском языке выражение исходит из жеста, общепринятого в этой культуре в значении пообещать кому-то что-либо.

Таким образом, мы видим, что корейские фразеологизмы являются интересным материалом для психолингвистического исследования. Образная система корейских идиом находит соответствие в русском языке, в этом смысле может быть опознана русскоязычными информантами. Однако нередко фактором, создающим информационный шум, являются лексические единицы, обладающие большим экспрессивным потенциалом, «перетягивающие на себя одеяло» и создающие собственную ассоциативную сеть. Фразеологизмы с соматической составляющей тесно связаны с жестом, мимикой и телодвижениями человека, причем совпадение невербальной семиотики в данном случае способствует верному опознаванию. Затрудняющим опознавание компонентом являются культурные лакуны (элементы народного фольклора, литературы). Незнание национально-культурной специфики препятствует пониманию значения этих единиц. Проводимый нами анализ монгольской фразеологии показал, что расстояние между фразеологическими фондами русского языка и разных восточных языков (китайским, корейским, монгольским) различно, стратегии же достаточно универсальны, поэтому в перспективе нашего проекта сравнение уровня опознавания русских фразеологизмов носителями китайского, корейского и монгольского языков и, наоборот, опознавание китайских, корейских, монгольских фразеологизмов носителями русского языка. Такой анализ позволит нам выстраивать модель межязыковой образности в широком контексте эмпирических данных.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического пост-модернизма. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.
2. Араева Л. А. Мир во фразеологизмах мира // *Słowo. Tekst. Czas* XII. «Frazologia w idiolekcie i systemach języków słowiańskich W 200. rocznicę urodzin Tarasa Szewczenki». Szczecin – Greifswald, 2014. T. 2. С. 15 – 24.
3. Aраeva L. A. Мир киргизского народа в пословицах и поговорках (в сравнении с русской фразеологией) *Word – Text – Zeit* X11. Die Phraseologie im Idiolekt und im Sistem der slawischen Sprechen. Zum 200. Geburtstag von Taras Grigorievic Sevcenko. Szczecin – Greifswald, 14-17/ 11/ 20'13. Greifswald 2013. С. 6 – 10.
4. Араева Л. А. Живой росток бесконечной определенности // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сборник научных трудов по итогам 3-й Международной научной конференции Белгород, 19 – 21 марта 2013 года). Белгород, 2013. С. 138 – 144.
5. Вальтер Х. Немецкое *сердце* и русское *душа*: вещи совместные? (когнитивные этюды) // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. Белгород: ..Белгород, 2013. С. 14 – 20.

6. Грянкина Е. С. Семантика фразеологизмов в сознании носителей русского языка: на материале русских и английских фразеологизмов в буквальном переводе: автореф. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
7. Кармацкая Э. В. Сопоставительное исследование внутренней формы и образности в системе языка и восприятия носителей: на материале сложных наименований в русском и английском языках: автореф. канд. филол. наук. Кемерово, 2007.
8. Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. Белгород: Белгород, 2013.
9. Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И. Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Классификационные и структурные характеристики соматических объектов // Вопросы филологии. 2010. № 2(35). С. 42 – 51.
10. Михайлова М. В. Корейские фразеологизмы с компонентом «голова и ее части» как антропоморфный культурный код картины мира // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 2. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/koreyskie-frazeologizmy-s-kom> (дата обращения: 1.05.2015).
11. Мокиенко В. М. Когнитивное в диахроническом и диахроническое в когнитивном // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. Белгород: Белгород, 2013. С. 8 – 14.
12. Новый корейско-русский словарь / Кан Хын Джун. Сеул: Издательство Корейского университета иностранных языков, 2009.
13. Сакаева Л. Р. Позитивные соматические фразеологические единицы с компонентом «голова» в русском, английском и таджикском языках // Вестник Чувашского университета, 2008. № 1. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/pozitivnye-somaticheskie-frazeologizmy> (дата обращения: 1.05.2015).
14. Словарь корейских фразеологизмов / Чве Кён Пон – Сеул: Издательство государственной центральной библиотеки, 2014.
15. Трофимова Е. Б. Образность в межкультурном пространстве // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: тезисы докладов XV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. (Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г.). Калуга: Эйдос, 2006. С. 302.
16. Трофимова Е. Б., Пелевина А. А. Языковые и когнитивные стратегии, используемые носителями русского языка при опознавании корейских фразеологизмов в пословном переводе // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск. 2014. № 6(49). С. 386 – 388.
17. Трофимова У. М. О некоторых особенностях семантизаций тематически связанных слов в психолингвистическом эксперименте // Вопросы филологии. 2005. № 1. С. 33 – 40.
18. Юрина Е. А., Боровкова А. В., Шенкал Г. Межкультурная образность в речевой деятельности переводчика (на материале русского перевода турецкого романа О. Памука «Чёрная книга») // Язык и культура. 2015. № 1(29). С. 61 – 71. Режим доступа: [http://journals.tsu.ru/uploads/import/1242/files/1\(29\)_061.pdf](http://journals.tsu.ru/uploads/import/1242/files/1(29)_061.pdf) (дата обращения: 15.07.2015).
19. Enfield N. J., Majid A., Staden M. van. Cross-linguistic categorisation of the body: Introduction // Language Sciences. 2006. № 28. P. 137 – 147.

Информация об авторах:

Пелевина Анна Анатольевна – аспирант кафедры русского языка Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, г. Бийск, chohanil@mail.ru.

Anna A. Pelevina – postgraduate student at Shukshin Altai State Academy of Education.

(Научный руководитель – У. М. Трофимова). (Research advisor – U. M. Trofimova).

Трофимова Ульяна Михайловна – доцент кафедры русского языка и литературы Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, umt2005@rambler.ru.

Ulyana M. Trofimova – Assistant Professor at the Department of Russian Language and Literature, Shukshin Altai State Academy of Education.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

О ДВУХМЕРНОСТИ СМЫСЛА ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

(на материале рассказа И. А. Бунина «Камарг»)

Ю. В. Подковырин

ABOUT TWO-DIMENSIONALITY OF MEANING IN A LITERARY WORK

(based on the short story “Kamarg” by I. A. Bunin)

Y. V. Podkovyrin

В данной статье рассматривается диалогичность смысла литературного произведения. Автор статьи выявляет и описывает два «измерения» художественного смысла. Первое измерение формируется жизненной активностью персонажей. Это *внутреннее* измерение художественного смысла в литературном произведении. Второе измерение смысла формируется эстетической деятельностью автора и читателя. Его можно определить как *внешнее* измерение смысла литературного произведения. Формирование эстетической смысловой сферы произведения – это *инкарнация* (воплощение) его смысла. Для инкарнации смысла необходима авторская *внезаходимость* (М. Бахтин). Персонажи соотносят каждую подробность с контекстом *ситуации*. Автор и читатель соотносят каждый образ со смысловым контекстом *целого*. Рассказ Ивана Бунина «Камарг» рассматривается, чтобы показать смысловую двухмерность любого литературного произведения. Особенно подробно описываются смысловые установки главной героини, других персонажей, повествователя. В конце статьи представлен перечень смысловых оппозиций в рассказе И. Бунина.

In this article the dialogicity of literary meaning is examined. The author of the article reveals and describes two “dimensions” of literary meaning. The first dimension of meaning is formed by vital activity of characters. This is the *inner* dimension of artistic meaning in the literary work. The second dimension of meaning is formed by esthetic activity of the author and readers. It can be defined as the *outer* dimension of literary meaning. The forming of the esthetic sphere of meaning is the *incarnation* of it. *Outsideness* of the author (M. Bakhtin) is necessary for the incarnation of literary meaning. Characters correlate each detail with the *situation* context. The author and the reader correlate every image to sense of the *whole*. The short story “Kamarg” by Ivan Bunin is examined to demonstrate the semantic two-dimensionality of any literary work. The positions of the main character, the other characters and the narrator are described especially in detail. In the conclusion of this article the list of semantic oppositions from Bunin’s story is presented.

Ключевые слова: смысл, интерпретация, диалог, автор, читатель, инкарнация, персонаж.

Keywords: meaning, interpretation, dialogue, author, reader, incarnation, character.

В предлагаемой статье речь пойдет о некоторых общих особенностях осмысленности *любого* литературного произведения, которые будут рассмотрены на примере *конкретного* художественного текста. Для современного литературоведения (и гуманитарных наук в целом) характерно доминирование двух различных, но при этом дополняющих друг друга, подходов к тексту и его смыслу, которые можно обозначить как **монологический** и **диалогический**. Отмеченное нами противопоставление фиксируется в ряде современных исследований. Так, Г. К. Косиков, указывая на ключевую для литературоведения 2-й пол. XX века «развилку между структурализмом и герменевтикой» [5, с. 246], кладёт в основу противопоставления этих методологий способ отношения познающего к познаваемому явлению: «герменевтика устанавливает с литературой субъект-субъектные, «диалогические», а структурализм – субъект-объектные, предметно-познавательные отношения; герменевтика разговаривает с литературой, между тем как структурализм говорит о ней» [5, с. 246] (в данной цитате курсив Г. К. Косикова – Ю. П.). Л. Ю. Фуксон в своей статье уже непосредственно связывает «размежевание» данных подходов к литературному произведению с представлениями о природе смысла: «Сам смысл (цель процедур толкования) может пониматься

либо как информация, которую несёт текст, либо как событие, вовлекающее самого толкователя в качестве участника» [8, с. 79].

По нашему мнению, именно в рамках диалогических подходов можно адекватно поставить вопрос о природе смысла литературного произведения. Вместе с тем само определение диалогичности (интерсубъективности) по отношению к смыслу художественного текста требует уточнения. Во-первых, смысл литературного произведения интерсубъективен, поскольку соотносён с интенциями *автора* и *читателя*. Но такая диалогичность не является специфическим качеством *художественного* смысла: она присуща семантике *любого* высказывания. Так, «смысловая полноценность» высказывания, согласно Бахтину, определяется его адресованностью, то есть «способностью непосредственно определять ответную позицию другого (разрядка М. М. Бахтина. – Ю. П.) говорящего, то есть вызывать ответ» [3, с. 176]. Во-вторых, диалогичность художественного смысла определяется наличием активной позиции *героя*, который в литературном произведении (в отличие от других разновидностей текстов) является не только пассивным *объектом* изображения, но также активным *субъектом* осмысления и оценки. Если автор и читатель, вступающие в диалог через художественное вы-

сказывание, пребывают в *одном смысловом измерении*, то герои находятся в «новом плане бытия» [1, с. 97, 115, 120], по отношению к которому творец и реципиент занимают позицию «смысловой внеаходимости» [1, с. 96]. Таким образом, автор и читатель не просто осмысливают жизнь героев как другую, они осмысливают её из *другого смыслового измерения*. Именно описанию специфической *двухмерности* художественного смысла (на наш взгляд, как раз и определяющей его художественность), главным образом, посвящена данная статья. В качестве материала мы избрали малоизвестный короткий рассказ И. А. Бунина «Камарг» (из III части книги «Тёмные аллеи»), который ранее не рассматривался в герменевтическом ракурсе.

В «Камарге» изображается мимолётное, но при этом глубокое впечатление, произведённое на рассказчика красотой женщины. В центре внимания оказывается внешность безымянной героини, которую рассказчик видит в поезде на коротком участке пути «между Марселем и Арлем» [4, с. 446] и которую его сосед называет «камаргианкой» [4, с. 447]. Попробуем рассмотреть смысловую структуру данной миниатюры, обращая особое внимание на то, как *осмысливается* внешность женщины 1) в кругозорах субъектов, имманентных художественной реальности (самой камаргианки, пассажиров поезда, соседа-«провансальца», рассказчика) и 2) в авторском художественном кругозоре.

Прежде всего, необходимо отметить, что внешность камаргианки, взятая «сама по себе», вне соотнесённости с какой-либо из отмеченных выше интенций, *не имеет никакого смысла*, по сути, не существует. *Смысл представляет собой коррелят отношения*. Отношение самой камаргианки к своей внешности не представлено, однако, как мы покажем далее, это значимое отсутствие. Основное внимание в тексте уделено тому впечатлению, которое внешность и поведение женщины производит на окружающих – «провансальца», «простой народ» в поезде, наконец, самого рассказчика.

В описании внешности камаргианки обращает на себя внимание погружённость в себя, отсутствие интереса к окружающим: «будто никого не видя, стала шелушить (...) жареные фисташки», «глаза (...) глядели как-то внутрь себя» [4, с. 446]. Героиня, если так можно выразиться, просто *пребывает* в мире, являясь только объектом созерцания. Её личность почти полностью реализована во внешнем облике, а внутреннее начало остаётся скрытым. Сам герой никак словесно не оценивает эту подробность, равно как и другие, просто фиксирует её взглядом, а затем и словом. Однако само видение, захваченность взглядом героя обликом героини, уже является осмыслением. Смысл, раскрывающийся в созерцании рассказчика, – *частный и незавершённый*. Равным образом частной и случайной является сама встреча с камаргианкой в поезде (это подчёркивается краткостью её пребывания в вагоне). Созерцание рассказчиком «красоты» героини, являясь, как уже было сказано, осмыслением, представляет собой *выбор* героя из ряда возможностей в открытом и незавершённом смысловом контексте жизни.

Рассказчик (как и провансалец, «измученный» [4, с. 447] красотой камаргианки, и сама женщина) не может соотнести данное частное (пусть и значимое, зафиксированное в слове) событие со смысловым горизонтом собственной жизни *как целого*. Следовательно, «предельный» смысл данной встречи оказывается от героев скрыт, пребывает «в темноте», поскольку отнесён в неопределённое будущее.

Попробуем рассмотреть, что остаётся за пределами кругозоров героев и рассказчика и, следовательно, не имеет (для них) смысла. В кругозоре камаргианки отсутствует сама её внешность, обладая «красотой», она никак её не оценивает – в тексте миниатюры об этом ничего не сказано. «Красота» женщины является источником мучения «провансальца» – соседа рассказчика по вагону. Однако за пределами его осмысления остаётся само это мучение, а также его внешность, отмеченная рассказчиком («мощный, как бык, провансалец с чёрным в кровяных жилках румянцем» [4, с. 447]), и принадлежность определённого региону. В кругозоре провансальца его собственная внешность никак не соотносится с внешностью камаргианки. Вместе с тем в слове рассказчика отмечаются значимые пересечения: оксюморонное сочетание тёмного и светлого в облике («смугло-тёмное» лицо женщины, «озаряемое блеском зубов» [4, с. 446], и «чёрный румянец» мужчины); сравнение с животными («с обезьяньей быстротой» [4, с. 446], «как бык» [4, с. 447]) и т. п. Обращает на себя внимание и ещё одно сходство-противоречие. Внешность провансальца в целом демонстрирует телесную силу, исполненность жизнью («мощный», «румянец», «кровяные» [4, с. 447]). В то же время присутствие в одном ряду слов: «грустно», «измученный», «чёрным», «кровяных» [4, с. 447] придаёт описанию облика мужчины негативный оттенок, связанный с семантикой страдания и смерти. В описании камаргианки также преобладают телесные, натуральные подробности и сравнения, отсылающие к смысловому полюсу жизни. Однако присутствует словообраз, тяготеющий к противоположному полюсу смысла: «мумийные пальцы». Кроме того, провансалец также характеризует женщину через принадлежность определённой территории («C'est une camarguaise» – «Это камаргианка» [4, с. 447]), однако аналогичная характеристика в слове рассказчика («провансалец»), очевидно, остаётся вне поля зрения мужчины.

Все описанные выше противоречия зафиксированы взглядом и отмечены в слове-воспоминании рассказчика. Что же остаётся за пределами его кругозора? В первую очередь, сама ситуация (вернее, связанные воедино ситуации) встречи-воспоминания. Находясь «внутри» жизненного события видения-осмысления (которое, с точки зрения камаргианки, является событием «показывания» или «пребывания») рассказчик не может осмыслить его *границы*; оно становится *интенциональным предметом* в кругозоре автора, а не героя. Именно автор соотносит частный (и всегда в определённой степени потенциальный) смысл изображённого в миниатюре события с недоступным самому герою целостным смысловым контекстом его жизни. Но такое соотнесение приводит к

тому, что часть репрезентирует смысл целого; изображённое событие становится целостным осмыслением жизни героев и жизни вообще (поскольку в художественном универсуме, которому причастны автор и читатель, никакой *другой* жизни нет). Такая репрезентация и есть необходимый момент *инкарнации* смысла: он присутствует не *рядом с* событием как некий потенциальный «проект» или «мнение о...», а осуществляется в образе события. При этом сама «плоть» инкарнированного в литературном произведении смысла – это частная, «смертная плоть» [1, с. 202]; жизнь как целое в литературном произведении всегда осмысливается через её частный образ, в противном случае смысловая позиция героя утратила бы свою весомость, а художественное осмысление обернулось квази-философской сентенцией, «прозаизмом». В данном тексте герой не задаётся вопросом, что значит событие встречи с камаргианкой в его судьбе; не само это событие, став образом, выступает как акт *самоистолкования* жизни, осуществляемый посредством творческой деятельности автора и творческой активности читателя. Следовательно, в кругозорах творца и реципиента случайная встреча в вагоне предстаёт как событие неизбежное, репрезентирующее целостный смысл жизни героев, «правду» жизни, раскрывающуюся в самом её образе.

Итак, реальность, развёртывающаяся в кругозорах автора (и читателя), не является просто *совокупностью* расположенных рядом друг с другом лиц и предметов, но представляет собой (более или менее) сложное *событие*, *жизненный* смысл которого *интерсубъективен*, но при этом не воплощён, является ещё не претворённым в жизнь *наброском*. Кругозоры героев и, в первую очередь, рассказчика образуют **внутреннее измерение** смысла «Камарга», которому присущи частный (ситуативный) характер, открытость и, так сказать, потенциальность. Подробности, запечатлённые в слове рассказчика, само его высказывание (его содержание, стиль, интонация, передаваемая знаками препинания, порядком слов) выражают его частное *отношение* к жизни (то же самое можно сказать о поведении камаргианки, провансальца, «простого народа» в поезде), но не *смысл* жизни как целого, которому принадлежит и сам рассказчик. **Внешнее измерение** смысла образуется активностью автора и читателя, которым доступны смысловые *границы* бытия героев и для которых жизненная реальность героев является своего рода *высказыванием*, не предметом, а *способом* осмысления, сбывшимся смыслом.

Все моменты произведения *инкарнируют* (посредством репрезентации) целостный смысл, образуемый ценностными установками героев, автора, читателей. Какой же смысл приобретает встреча рассказчика, провансальца, камаргианки в контексте целого? Одной из особенностей внешности камаргианки является сочетание в ней разных, до противоположности, черт: это различные национальные признаки («цыганско-испанским телом», «руки (...) индусские» [4, с. 446]), анахроничные временные характеристики («лицо (...) древне-дико», «с первобытной истомой» [4, с. 446]), цвета в одежде («подол верхней чёрной

юбки (...) и (...) нижней, заношенной, белой» [4, с. 446], «ступня (...) переплетена разноцветными лентами, – синими и красными» [4, с. 447]), сочетание телесной округлости и худобы («вдоль круглой шейки» и «худая (...) ступня» [4, с. 446 – 447]), а также уже отмеченные сближения образов человека и животного, живого и мёртвого, тёмного и светлого. Облик героини создаёт зримое впечатление многообразия, словно бы выражает *полноту бытия*, соединяя различные его стороны. То, что героиня воплощает в себе полноту жизни, подтверждается и её поведением: она погружена в себя, не нуждается ни в чём внешнем, постороннем («глаза (...) глядели как-то внутрь себя» [4, с. 446]). Она приковывает к себе взоры («многие (...) пристально смотрели на неё» [4, с. 446]), но сама ни на кого не смотрит («она прикрыла глаза» [4, с. 446]). Вместе с тем эта полнота, воплощаемая героиней, не является абстрактной «вообще» полнотой: она связана с определённым смысловым полюсом, строем жизни, а именно – *телесно-чувственным* (отсюда слово «красота» в речи рассказчика), *натуральным* (первобытным, животным, диким). Смысловое сближение полноты бытия и естественного измерения жизни инкарнировано в миниатюре Бунина также и на уровне пространства.

Автор, помещая героев в определённое пространство, осмысливает их: в кругозорах героев пространство является *предметной областью*, *горизонтом* осмысления, в авторском кругозоре – *способом* истолкования. Смысл инкарнируется в художественном произведении, всегда так или иначе простираясь и развёртываясь. В миниатюре наше внимание акцентируется на *укоренённости* героини в определённом пространстве, её сущностной связи с ним. То же самое, хотя и в меньшей степени, относится и к соседу «провансальцу». Характеризуя человека через принадлежность местности, мы в большей степени акцентируем в нём материально-телесную сторону. В «Камарге» принадлежность героев местности, территории определяется, судя по всему, «на глаз», а не через образ мыслей. Таким образом, полнота существования в тексте Бунина увязывается с запечатлённой «физически» принадлежностью *месту, локусу* (Камарг, Прованс). Как известно, связь полноты бытия с пространственной локализацией наиболее глубоко осмысливается в произведениях *идиллической* художественности (см. об этом, например: [2, с. 472 – 489; 7]). Идиллические мотивы (связь с *природой*, с *малым кругом жизни*) привносятся в образ женщины особенностями той местности, с которой она связана (Камарг – *природная*, заповедная территория), а также упоминанием, что она села на «маленькой станции» [4, с. 446].

Вместе с тем изображённое в новелле пространство поезда, *дороги*, скорее, *антиидиллично*. Камаргианка появляется в поезде на *короткое* время, герои же *остаются* в вагоне, в дороге. При этом для соседа рассказчика по вагону местность, по которой проходит поезд, – родная. Рассказчик же, чьё происхождение не уточняется, в большей степени связан с топосом дороги. *Укоренённость в пространстве* и, наоборот, «безместность», пребывание *в пути* образуют в

миниатюре смысловую оппозицию. Точнее, эта оппозиция, смысл которой в нашем объяснении неизбежно будет отвлечённым и абстрактным, в произведении *конкретизируется и «оплотняется»*, предстаёт как *зримая* (в специфическом смысле) действительность.

Повышенное внимание к камаргианке, объединяющее рассказчика, провансальца и большинство пассажиров в вагоне, обусловлено *нехваткой* той полноты бытия, которую воплощает в себе героиня. Грусть и мучение провансальца объясняются тем, что он, как наиболее близкий камаргианке персонаж (в семантическом плане, на что указывают отмеченные выше сходства на уровне наружности), острее других переживает бытийную неполноту. *Полнота* бытия связывается в смысловой структуре новеллы с *телесно-чувственной* стороной человека, с особым состоянием погружённости в себя и «*пребывания*» в мире, с *природными* ценностями и *укоренённостью* в пространстве. Напротив, *неполнота* бытия, переживаемая провансальцем – наиболее естественным (кроме самой камаргианки) персонажем – как «мучение», а для других героев проявляющаяся в интересе к вроде бы случайной попутчице, соотносится с *неукоренённостью*

в мире, пребыванием *в дороге*. Развёрнутая интерпретация (то есть словесная артикуляция, «транскрипция») изначально инкарнированного смысла «Камарга» может быть представлена следующим рядом противопоставлений: полнота бытия («красота») – неполнота; принадлежность месту (укоренённость в пространстве) – пребывание в дороге; равнодушие – интерес (или же мучение, грусть); родовое (связь с местностью, «средой») – личное; телесно-чувственное – сознательное; внешнее – внутреннее; природа («дикое» начало жизни) – цивилизация; древность – современность; всеобщее – индивидуальное; трансгрессия – чёткие границы; животное – человеческое и т. д.

Данная система оппозиций представляет собой вместе с тем только предварительный набросок смысла «Камарга». Открывая *связи* между отдельными деталями, *частными* подробностями, читатель постепенно проясняет смысл *целого*. Но именно в силу своей соотнесённости с границами жизни как целого художественный смысл не может быть исчерпан, нуждается во всё новых и новых, уточняющих друг друга, «набросках» – интерпретациях.

Литература

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари; Языки русской культуры, 2003. 960 с.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
3. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. 731 с.
4. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1988. С. 446 – 447.
5. Косиков Г. К. Собрание сочинений. Т. 2: Теория литературы. Методология гуманитарных наук. М.: Центр книги Рудомино, 2012. 696 с.
6. Подковырин Ю. В. Феномен художественной инкарнации смысла (на материале рассказа А. П. Чехова «Актёрская гибель») // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 16. С. 137 – 145.
7. Тюпа В. И. Идиллическое // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 77.
8. Фуксон Л. Ю. Интерпретация произведения // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 79 – 80.

Информация об авторе:

Подковырин Юрий Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории литературы и фольклора КемГУ, mail1981@list.ru.

Yurij V. Podkovyrin – Candidate of Philology, Head of the Department of Theory and History of Literature and Folklore, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

СУГГЕСТИВНАЯ СИЛА ЛОЗУНГА-ПРИЗЫВА

(по материалам публицистического арсенала современных общественных движений России)

Н. В. Позднякова, А. Н. Михин

THE SUGGESTIVE POWER OF SLOGANS

(on materials of publicistic arsenal of modern social movements in Russia)

N. V. Pozdnyakova, A. N. Mikhin

Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности» (2015, № 15-24-06001а (м)).

Лозунги-призывы современных общественных движений России обладают различной суггестивной силой. Степень их идеологического воздействия на участников политического или социального противостояния зависит не только от семантики языковых единиц, входящих в публицистический арсенал, но и от их лексического и синтаксического оформления. Авторы, исследуя роль языка как основного инструмента идеологии, проводят сравнительный анализ корпуса лозунгов современных общественных движений и приходят к выводу о том, что наиболее характерными являются модели с наречием *вместе*, хотя большей суггестивной силой, по их мнению, обладают фразы с императивными глагольными формами, а также номинативные конструкции. Проведенный анализ позволяет авторам статьи констатировать, что наибольшей манипулятивной силой обладают лозунги-призывы крайне правых общественных движений.

Slogans, widely used by some modern social movements in Russia, have different suggestive effect on people. The extent of their ideological impact on participants of political or social opposition depends not only on the semantics of the language units, entering in publicistic arsenal, but also on their lexical and syntactic arrangement. In this article, the authors study the role of language as the main instrument of ideology. They analyze some slogans of modern social movements and come to the conclusion that the most indicative are models with an adverb *together*, although phrases with imperative verbal forms and nominal sentences have more suggestive power. The detailed analysis shows that slogans of far-right social movements have the greatest manipulative effect.

Ключевые слова: лозунги-призывы, современные общественные движения, манипулирование сознанием, суггестивная сила слова.

Keywords: slogans, modern social movements, manipulative effect, suggestive power.

Постулат «слово – сила» бесспорен, что доказывалась всей историей существования человечества, однако манипулятивная сила слова связана в первую очередь с историей революций. Принято считать, что научное обращение к суггестивной силе слова датируется 1927 г., когда американский социолог Г. Лассуэлл в книге «Техника пропаганды в мировой войне» изложил разработанные технологии подбора стимулов, воздействующих на аудиторию, и описал методы семантического анализа текстов.

Справедливости ради стоит отметить, что и в Советском Союзе 30-х гг. XX столетия изучению лозунгов уделялось большое внимание. В 11-томной «Литературной энциклопедии», издававшейся с 1929 по 1939 гг., дается следующее определение лозунга: «Краткая формула, содержащая в себе одну – две фразы и выражающая содержание тех или иных задач и целей различных борющихся между собой классов в политике, экономике, философии, литературе и т. д. В лозунге отражается мирозерцание, политика класса» [14]. Примечательно, что авторы энциклопедии точно и емко характеризуют как форму организации лозунга («лозунг должен быть ясным, общепонятным, броским, кратким и легко запоминаемым; словесная форма лозунга должна способствовать максимально быстрому его усвоению; лозунги не допускают в свой словарь тропов, фигур, эпитетов, восприятие которых субъективно; язык лозунгов должен быть свободен от омонимов, варваризмов и т. д.»), так и его функции (направ-

ляющая в «напряженные моменты борьбы» и агитационная, рассчитанная «на восприятие в один миг»). Данная характеристика лозунга и по сей день остается актуальной.

В наши дни воздействие на аудиторию, манипуляция сознанием масс, толпы являются характерными чертами массовой коммуникации. Лозунгам-призывам в решении этой задачи, несомненно, отведена одна из главных ролей, так как они не просто кратко и метафорично формулируют какие-либо постулаты, идеологемы, но и различными способами призывают к конкретным действиям. Эффективность воздействия на психику, на поведение человека через слово была осознана очень давно. Как отмечает С. Г. Кара-Мурза, «язык как система понятий, слов (имен), в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное средство подчинения <...> В культурный багаж современного человека вошло представление, будто подчинение начинается с познания, которое служит основой убеждения. Однако в последние годы все больше ученых склоняется к мнению, что проблема глубже, и первоначальной функцией слова на заре человечества было его суггесторное воздействие – внушение, подчинение не через рассудок, а через чувство. Это – догадка Б. Ф. Поршнева, которая находит все больше подтверждений» [12]. Естественно, что такое воздействие рассчитано не на отдельные личности, а наоборот, на обезличенную массу, так как «манипуляция – это часть

технологии власти, а не воздействие на поведение друга или партнера» [12].

Современное состояние лозунговой культуры, на наш взгляд, нельзя отделять от истории советских лозунгов, ставших на многие десятилетия образцом создания суггестивных фраз. Одни из них до сих пор остаются актуальными (*Кадры решают всё; О спорт, ты – жизнь!; На свободу – с чистой совестью!*). В этом отношении нельзя не обратить внимания на актуализацию лозунгового арсенала, сформировавшегося в годы Великой Отечественной войны. Журналисты, политологи обращаются к советским лозунгам и как к средству, способствующему развитию патриотизма у современного поколения россиян (*Ни шагу назад!; Родинамать зовет; Наши дело правое! Враг будет разбит!* и др.). Другие лозунги советской эпохи породили серии трансформаций (ср. *Дело Ленина живет и побеждает – Дело Мао (Левина, «Битлз», ТИПИ, Хармса, Лавкрафта и др.) живет и побеждает; Руки прочь от братского народа! – Руки прочь от России (Миссисипи, имуществва, Майкла Джексона, моей пенсии, стиляг и др.)!*).

Однако современная лозунговая культура проигрывает по сравнению с лозунговой культурой советской эпохи. Яркие, «удачные» лозунги позитивной направленности не так уж часты. К сожалению, запоминающиеся, броские лозунги служат средством разжигания расизма, ксенофобии, межнациональной вражды и нетерпимости и т. д. Недаром в современной науке появился новый термин – «язык вражды», который проявляется в призывах к насилию, к дискриминации; в создании негативного образа этнических или религиозных групп; в оправдании исторических случаев насилия или дискриминации; в подчеркивании моральных недостатков представителей той или иной национальности [13]. Существует несколько классификаций языка вражды [5; 9; 10; 13], однако они не выявляют лингвистических особенностей устойчивых фраз, способных воздействовать на массовое сознание и вызывать агрессию по отношению к инакомыслящим.

Следует заметить, что жанровая характеристика лозунга как средства современной публицистики и массовой коммуникации является размытой. Несомненно, самыми яркими и броскими из них являются лозунги-призывы, представляющие собой особый тип речевой коммуникации, способствующей манипулированию сознанием масс. А. Н. Баранов пишет: «Призыв-лозунг – это отдельный, не формирующий связанный текст в речевой акт в рамках общественно-политической коммуникации, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие (совокупность действий) или учитывать в повседневном поведении некоторые идеалы, осмысляемые как центральная и важнейшая часть деятельности некоторого политического субъекта, идентифицирующего этого субъекта как такового» [1, с. 425]. Таким образом, как призыв-апелляция, так и призыв-обращение, лозунг-призыв, по верному замечанию ученого, относятся к сфере общественно-политической коммуникации. Лингвистические особенности лозунга-призыва фактически сформулированы А. Н. Барановым и М. А. Осадчим.

М. А. Осадчий выделяет два вида призыва: скрытый и открытый, который, в свою очередь, делится на

прямой и косвенный. Прямой призыв как «наиболее радикальная и открытая форма словесного воздействия на поведение человека» [22] с лингвистической точки зрения является словесной конструкцией, содержащей: глагол в форме повелительного наклонения или эквивалентные данному наклонению формы (типа *Поборемся! Избавим! Дадим отпор!; Пошли! Встали!*); побудительную частицу *пора* в сочетании с инфинитивом глагола; глагольную форму со значением побудительной частицы *давай* в сочетаниях с глаголом в форме будущего времени; модальные слова *надо, нужно, необходимо* в сочетании с инфинитивом глагола; безличную глагольную форму *хватит* в сочетании с инфинитивом. При условии восклицательной интонации произнесения побудительное значение приобретают конструкции с глаголами в форме будущего времени (*Возьмем штурмом! Вы покорите иноверцев!*) или с инфинитивом (*Взять их!*).

К разряду косвенных призывов исследователь относит случаи побуждения к действиям, опосредованно связанным с иными действиями. Например, призыв вступить в ряды партии, ставящей своей задачей свержение конституционного строя. В этом случае призыв в ряды партии будет прямым, призыв к свержению – косвенным [22].

Скрытый призыв обладает не меньшей манипулятивной силой, чем открытый. Однако он при отсутствии императивной формы глагола, быстротечно побуждающей к действию, нередко дает развернутую программу действий, к которым подстрекает, т. е. программирует адресата речи, нередко используя методы манипулирования сознанием, воздействия на психику, на подсознание читателя или слушателя. Таким образом, «явный призыв является в некотором смысле “честным” способом воздействия на поведение адресата речи, так как он открыт и быстро обнаруживается читателем или слушателем <...> В случае со скрытым призывом реакция по противодействию запаздывает, адресат речи не сразу понимает, что цель автора – призвать читателя к определенным действиям» [22].

Однако, принимая во внимание определение призыва-лозунга, данного А. Н. Барановым, приходится признать, что этот жанр представляет собой лишь открытый (явный) призыв, по классификации М. А. Осадчего.

В современной России появилось немало лозунгов-призывов, исходящих от общественных движений антигосударственной направленности. Лидеры общественных движений различного толка с помощью лозунгов стремятся привлечь на свою сторону молодых людей, склонных к агрессии.

Так, Д. Боровиков, неонацист, организатор двух экстремистских группировок: «Mad Crowd» и «Боевой террористической организации» – пишет: «Мир, конечно же, попытается дать сдачи – да только что нам, сильным, его потуги? Будь сильным и бей сколько хочешь! Тому, кто бьет лучше других, ответный удар не страшен». В этих хлестких формулах можно увидеть элементы как прямого, так и косвенного призывов к насильственным действиям. Конструкция *Будь сильным и бей сколько хочешь!* с лингвистической точки зрения является прямым призывом к насильственным действиям против инакомыслящих, в данном случае против христиан. Маркерами прямого призыва явля-

ются глаголы в повелительном наклонении будь и бей и восклицательная интонация высказывания. Более того, данная фраза носит явный репрезентирующий характер, что в определенных ситуациях (как речевых, так и поведенческих) может претендовать на роль лозунга-призыва.

Другим показательным примером может послужить текст того же автора, который на первый взгляд посвящается пропаганде «идеи самоконтроля», заключающейся в здоровом образе жизни. Однако главная идея – пропаганда контроля человеческих чувств, «самоконтроля», позволяющего правильно себя вести в экстремальных ситуациях, во время которых могут убить.

С точки зрения психолингвистического анализа, в данном материале также реализуются приемы создания текстов экстремистского содержания, которые при определенной ситуации могут стать лозунгами-призывами. Текст изобилует прямыми призывами, выраженными следующими грамматическими конструкциями: 1) глаголом в форме повелительного наклонения: Настройся на акцию, отбрось свои чувства и действуй; Так что не поддавайся страху, трезво оцени ситуацию и молниеносно прими решение, как поступить; Не веди себя, как кролик перед удавом; бей первым, сразу ножом в шею; Следи за собой; Не поддавайся чувствам и контролируй себя здесь; Всегда сохраняй трезвый ум; 2) модальными словами в сочетании с инфинитивом глагола: Ничто не должно сломать тебя; 3) инфинитивом глагола: Победить или умереть. Всегда контролировать ситуацию вокруг, а не идти в мечтах и грезах о Белой Революции. Всегда иметь хотя бы нож в кармане (не говоря уже о большем) так, чтоб быстро достать его, а не плеер в ушах.

Богатый материал примеров лозунгов-призывов связан с политической обстановкой на Украине, что и понятно – это один из действенных способов манипулирования сознанием людей обеих противоборствующих сторон: *Сбрось диктатора, уничтожь банду!* [2]; *Слава нации – смерть врагам!*; *На ножи!*; *Не дрогнет рука!*; *Украина для украинцев!* [4].

Среди приведенных выделяется лозунг *Украина для украинцев!*, построенный по очень популярной модели (ср. *Россия – для русских!*; *Америка – для американцев!* и др.). Объяснение феномена популярности данной модели можно найти в исследовании профессора А. Н. Баранова, который, подробно проанализировав содержание высказывания «Россия – для русских!», отнес его к оценочно-немотивированным призывам. В лозунге-призыве «*Россия – для русских!*» предполагается, что остальные национальности не могут претендовать на жизнь в России и/или на использование её ресурсов и возможностей. Этот вывод подтверждает и лингвистический эксперимент. Если в высказывании «*Россия – для русских!*» изменить последний компонент на родственное слово (Россия – для россиян!), то

контрастивная предикация по национальному критерию исчезает, поскольку национальный признак изменяется на геополитический. Оценочно-немотивированный призыв не в меньшей степени, чем оценочно-мотивированный призыв формирует у адресатов высказывания ложную идентификацию: развитие убежденности во врожденном или историческом превосходстве русской нации перед другими народами и национальностями, населяющими Россию, благодаря противопоставлению в призыве прав народов на проживание в стране по национальному признаку.

Наибольшей суггестивной силой, по нашим наблюдениям, являются лозунги-призывы всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России» (МГЕР): *Выметайтесь с нашего берега; Руки прочь от прибрежной зоны* [25]; *Действуй с нами! Присоединяйся!* [23]; *Долой рабскую систему* [20]; *Не прелюбодействуй! Не продавайся!* [11]; *Присоединяйся* [23]. Большинство лозунгов-призывов имеет визуальное сопровождение в виде плакатов и растяжек, так как используется во время акций, инициированных МГЕР. Разнообразие форм лозунгов-призывов данного общественного движения, на наш взгляд, можно объяснить возрастом молодогвардейцев, когда несложно манипулировать сознанием и призывать к активным действиям.

Лозунги-призывы современных общественных движений имеют особую структуру: они построены по принципу номинализации. Таковы, например, лозунги-призывы Общероссийского политического общественного движения «Спас», созданного в декабре 1998 г. С подобными лозунгами «Спас» собирався выступить на выборах в Государственную Думу в 1999 г. (что, собственно, не было реализовано, так как 12 ноября 1999 г. Замоскворецкий районный суд г. Москвы удовлетворил иск Министерства юстиции РФ об отмене регистрации общественного движения [12, с. 32]): *Власть – русским!*; *Национализм – это любовь к своей нации!*; *Нация – первична, государство – вторично!*; *Русскому народу – Русскую Конституцию и русское правительство!* [19]. Номинативные лозунги-призывы характерны и для зарегистрированных общественных движений: *Россия – без сирот!*; *Права ребенка – права человека!* [17]; *За справедливую и единую Россию* [24]; *За честь и закон!* [16].

Общий корпус собранных лозунгов и призывов современных общественных движений показывает, что самыми популярными можно считать фразы, включающие наречие *вместе*: *Вместе изменим жизнь к лучшему!* [15]; *Вместе – мы сила* [18]; *Вместе мы сделаем мир добрее!* [21]; *Вместе мы сильнее!* [3; 6]. Очевидно, что приведенные примеры позволяют констатировать: данная конструкция не наделена той суггестивной силой, которая необходима для лозунга-призыва, а потому большинство современных лозунгов не выполняют возложенных на них функций.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007.
2. Беседин П. Боролись за свободу, а вернулись в 37-й год // Комсомольская правда. 10.04.2015. Режим доступа: http://s4.stc.all.kpcdn.net/f/13/attached_file/81/65/3246581.pdf (дата обращения: 13.06.2015).
3. Благотворительный вечер в школе тхеквондо // Российский союз строителей. 21.05.2013. Режим доступа: http://omortss.ru/press_center/rub_news/blagotvoritel-ny-j-vecher-v-shkole-the-kvondo (дата обращения: 13.06.2015).

4. Бондаренко О. Наци в городе. Исповедь русского киевлянина // Московский комсомолец. 06.11.2012. Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2012/11/06/770388-natsi-v-gorode.html> (дата обращения: 13.06.2015).
5. Верховский А. М. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: Панорама, 2002. 200 с.
6. Всероссийский конкурс печати «Преодоление»: награды лауреатам вручены // Всероссийское общество инвалидов. Режим доступа: http://www.voi.ru/meropriyatiya/konkursy_i_festivali/vserossijskij_konkurs_pechati_preodolenie_nagrady_laureatam_vrucheny.html (дата обращения: 23.04.2015).
7. Грачев М. Н. Парламентские выборы в России: год 1999. Избирательные объединения и блоки, их лидеры и программные документы, результаты выборов: хрестоматия. М.: НОУ МЭЛИ, 2000. 292 с.
8. Денисова А. Язык вражды в российских СМИ: гендерное измерение // Женщина-плюс. № 4. 2002. Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/womplus/2002/denisova2.htm> (дата обращения: 05.04.2015).
9. Дубровский Д. В. [и др.]. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2003. 72 с.
10. Евстафьева А. В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. Режим доступа: http://www.ceninauku.ru/page_11623.htm (дата обращения: 05.04.2015).
11. «Заповеди россиянина» в стиле поп-арт появились в центре столицы // Молодая гвардия Единой России. Опубликовано 21.01.2015. Режим доступа: <http://mger2020.ru/nextday/2015/01/21/77970> (дата обращения: 14.06.2015).
12. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Режим доступа: <http://knigosite.org/library/read/50803> (дата обращения: 09.04.2015).
13. Кроз М. В., Ратинова Н. А. Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти // Цена ненависти. М.: Сова, 2005. С. 75 – 92.
14. Литературная энциклопедия: в 11 т. / под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. М., 1929 – 1939. Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_lit/Lozung-2786.html (дата обращения: 12.05.2015).
15. Лозунг // Национальный союз защиты прав потребителей. Режим доступа: <http://www.8prav.ru/> (дата обращения: 13.05.2015).
16. Лозунг // Российская организация сотрудников правоохранительных органов. Режим доступа: <http://www.rospo.ru/> (дата обращения: 12.05.2015).
17. Марш в защиту детей // Союз «Чернобыль» России. Опубликовано 12.03.2013. Режим доступа: <http://souzchernobyl.ru/index.php/2/2766.html> (дата обращения: 27.04.2015).
18. Международный день гемофилии в Белгороде // Всероссийское общество гемофилии. Опубликовано 15.05.2013. Режим доступа: <http://hemophilia.ru/rhs/rhs-reg/399> (дата обращения: 31.03.2015).
19. Национальная газета. № 7(28). Опубликовано 1999 г. Режим доступа: <http://index-ru.org/Est/3060/41.htm> (дата обращения: 12.03.2015).
20. Омская область: «Зачёт» отменяет «комендантский час» в общежитиях // Молодая гвардия Единой России. Опубликовано 01.12.2014. Режим доступа: <http://mger2020.ru/nextday/2014/12/01/76316> (дата обращения: 14.06.2015).
21. О проведении III Международного благотворительного танцевального фестиваля // Всероссийское общество инвалидов. Опубликовано 25.04.2015. Режим доступа: http://www.voi.ru/meropriyatiya/my_priglasaem (дата обращения: 05.05.2015).
22. Осадчий М. А. Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 Уголовного кодекса РФ // Право и безопасность. № 3–4 (24–25). 2007. Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_17.htm (дата обращения: 05.04.2015).
23. Призыв молодогвардейца // Молодая гвардия Единой России. Режим доступа: <http://mger2020.ru/call> (дата обращения: 14.06.2015).
24. Рязанский альтернативный фронт снова избрал себе руководство // Объединение казаков в местах нетрадиционного проживания. Опубликовано 18.07.2011. Режим доступа: <http://www.rzn.info/news/2011/7/18/iz-mest-netradicionnogo-prozhivaniya-ryazanskiy-al-ternativnyy-narodnyy-front-snova-izbral-sebe-rukovodstvo.html> (дата обращения: 19.05.2015).
25. Челябинцы выступили против застройки береговой линии реки Миасс // Молодая гвардия Единой России. Опубликовано 23.05.2015. Режим доступа: <http://mger2020.ru/nextday/2015/05/23/81836> (дата обращения: 14.06.2015).

Информация об авторах:

Позднякова Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Инновационно-технологического центра Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, merkulovanv@bk.ru.

Natalia V. Pozdnyakova – Candidate of Philology, senior staff scientist of the Research Linguistic Laboratory of the Innovation technological centre, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Михин Артём Николаевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Инновационно-технологического центра Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, fraz2014@yandex.ru.

Artyom N. Mikhin – Candidate of Philology, senior staff scientist of the Research Linguistic Laboratory of the Innovation technological centre, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 81-115

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА С ВЕРШИНОЙ «FOOT» **(на материале английского языка)**

Е. А. Пономарева

FRAME ANALYSIS OF LEXICO-DERIVATIONAL NEST WITH THE «FOOT» APEX **(based on the English language material)**

Е. А. Ponomareva

Настоящая работа выполнена в рамках когнитивного направления в лингвистике. Исследование направлено на соматическую лексику английского языка с целью получить своеобразное представление о том, как носители языка воспринимают себя в окружающем мире. Статья рассматривает лексико-словообразовательное гнездо с вершиной *foot* ('стопа'), которое, в нашем представлении, является своего рода концептом, или, вернее, неким фрагментом концепта с позиции дериватологии. Предпринимается попытка построения фреймовой модели указанного гнезда, в рамках которой выделяются разные уровни абстракции – глубинный (уровень слотов, пропозиционных схем и пропозиций) и поверхностный (уровень лексико-словообразовательных значений дериватов). Фреймовая модель гнезда формируется посредством субфреймов, в основе которых находятся лексико-семантические варианты слова *foot* ('стопа'). Выявляются характерные особенности некоторых субфреймов, а также наблюдается связь дериватов лексико-словообразовательного гнезда с вершиной *foot* ('стопа') как на глубинном, так и на поверхностном уровнях.

The research is performed within the frame of cognitive linguistics. This article is directed at the somatic lexis of the English language in order to get some information of how native speakers perceive themselves in the world around. The paper researches lexico-derivational nest with the «foot» apex. In our opinion, this nest represents some kind of a concept or, to be more precise, a part of a concept from the position of derivatology. An attempt to make the frame model of this nest is made. Within the frames of this nest different levels of abstraction are distinguished: deep level (the level of slots, propositional schemes and propositions) and superficial level (the level of lexico-derivational meanings of the derivatives). The frame model of the nest is formed by the subframes in which lexico-semantic variants of the word 'foot' are situated. The article demonstrates the main characteristics of the subframes and the connection between the derivatives of the lexico-derivational nest with the «foot» apex both at the deep and superficial levels.

Ключевые слова: лексико-словообразовательное гнездо, фреймовая модель, слот, пропозициональная схема, пропозиция.

Keywords: lexico-derivational nest, frame model, slot, propositional scheme, proposition.

В настоящее время антропоцентрический подход к изучению языка, при котором особое внимание уделяется связи языка и мышления человека, становится все более востребованным. Особое внимание этому подходу уделяется в таком направлении, как когнитивная лингвистика, одним из центральных понятий которой является концепт, представляющий собой «квант структурированного знания» [8, с. 4].

Все большее значение в изучение концептов уделяется лексике, обозначающей объекты человеческого тела, – соматизмам, так как их изучение может дать представление о восприятии носителями языка себя в окружающем мире. Лексико-словообразовательное гнездо представляет собой своего рода концепт, а точнее – его фрагмент, рассматриваемый с позиций дериватологии. Ниже представлена модель того, каким образом концепт *foot* ('стопа') отображен в англоязычной языковой картине мира, т. е. как происходит организация этого концепта в пределах лексико-словообразовательного гнезда посредством когнитивных структур знания.

Существует множество различных подходов к анализу концептов и определению структур представления знаний, организующих концепт, но мы, в рамках нашей статьи, вслед за Л. А. Араевой, И. В. Евсеевой, М. А. Осадчим, М. Н. Образцовой [1 – 4; 6] и другими представителями Кемеровской дериватоло-

гической школы, будем использовать такие структуры знания для анализа материала, как фреймы, слоты, пропозициональные схемы, пропозиции (подробнее см. [3; 4]). Под фреймом (англ. 'рамка') мы, вслед за М. Минским, понимаем структуру языкового знания, организованного вокруг некоторого понятия, где «ассоциирована информация разных видов» [5, с. 7]. Мы рассматриваем гнездо как фрейм-структуру, состоящую из разных уровней: глубинного (уровень пропозициональных схем, уровень пропозиций и уровень слотов,) и поверхностного (уровень лексико-словообразовательного значения конкретного деривата).

Следует отметить, что слово *foot* имеет довольно узкое значение – ступня. *Нога* как конечность в английском языке соответствует слову *leg*. Именно *leg* – общее название для совокупности всех частей, из которых состоит этот орган – *стопа* (*foot*), *лодыжка/щиколотка* (*ankle*), *голень* (*lower leg*), *колени* (*knee*), *бедро* (*thigh*). Однако анализ материала выявляет, что слово *leg* практически не образует дериватов, в то время как слово *foot* имеет большое разнообразие производных слов. Из этого можно сделать вывод, что именно *foot* в английском языке считается наиболее функциональной частью ноги, тогда как в русском языке для описания подобных функций используется слово *нога* в обобщении. Поэтому в нашей работе мы будем

анализировать слово *foot*, а также замещать его словом *нога*, а не *ступня*, в пропозициях.

С целью сбора языкового материала нами были проанализированы Оксфордский словарь под редакцией Кэтрин Соанс [8], а также различные ресурсы в Интернет. Для проверки наличия в английском языке выписанных из указанных словарей дериватов, мы использовали электронную базу данных Британского национального корпуса и другие интернет-ресурсы.

Слово *foot* в английском языке, согласно словарю Oxford Dictionary of Current English, имеет 6 лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ):

- 1) часть ноги под щиколоткой, на которую человек наступает при ходьбе;
- 2) нижняя часть чего-либо вертикального;
- 3) часть ложа, расположенная возле ног;
- 4) единица измерения, равная 12 дюймам (30,48 см);
- 5) (в поэзии) группа слогов, составляющих базовую единицу метра 6) (глагол, разговорная речь) оплатить счет.

Нами было обнаружено 72 деривата этого слова, которые относятся к ЛСВ 1, 2, 3 и 4. Наибольшее количество дериватов имеет ЛСВ 1 – 60, ЛСВ 2 имеет 6 дериватов, ЛСВ 3 и 4 – по 3. Дериватов, относящихся к ЛСВ 5 и 6, нами обнаружено не было. Каждый из этих ЛСВ формирует отдельные субфреймы общего фрейма *foot*. Ниже приводится анализ каждого из этих субфреймов. При описании цифровой индекс, расположенный рядом с конкретным дериватом, указывает на многозначность слова.

ЛСВ 1 'Часть ноги под щиколоткой, на которую человек наступает при ходьбе' образует наибольшее количество дериватов со слотами «приспособление», «качество», «болезнь», «процессуальность», «функционирование», «месторасположение», «форма», «отношение», «размер».

Слот «приспособление» организует одну пропозициональную схему (далее – ПС) «средство – предикат – объект», посредством которой, в свою очередь, образуется несколько пропозиций (далее – П): «приспособление, на которое ставят ноги» – *footboard* 1 'подножка, напр. поезда' (*On its return journey at 5.30 pm it ran back on the slow up line and into Loughton siding where there was a raised platform some 60ft long at coach footboard height, for milk churns to be loaded on the daily milk train. The railwaymen: Wolverton 1838 – 1986. B. West*), *footrest* 'подставка для ног' (*I sit beside Crilly on the footrest. Deliria. A. Hall*), *footplate* 'подножка, площадка машиниста паровоза' (*Mr Reynolds' second premonition again took place on the footplate of No 43106 leaving Bridgnorth. Railway ghosts and phantoms. W. B. Herbert*); П «приспособление, по которому ходят ногами» – *footbridge* 'пешеходный мост' (*Anabelle scrambled across the footbridge to the other side of the canal. A tale of Anabelle Hedgehog. S. Lawhead*); П «приспособление, на которое опираются органом» – *footing* 1, *foothold* 1 'опора, опора для ног, плацдарм' (*The cat spat suddenly, startling her and almost making her lose her footing on the branch, but Virginia kept her head as well as her footing, and, pulling back one of the branches forming the fork, lifted the cat free. The Challenge book of brownie sto-*

ries. R. Moss; At last she was through, with a narrow foothold on the side of the boat. Only two can share. A. Murray); П «приспособление, по которому движется с помощью органа» – *footpath, footway* 'тропинка, пешеходная дорожка, тротуар' (*Outside on the footpath he stood like a stone reading the letter. Amongst women. J McGahern; Cross and turn right on footway back to Hundred House. Outdoor Action*); П «приспособление, которое ставят под ноги» – *footstool* 'скамеечка для ног' (*A friend of mine had their grandmother living with them — I remember her sitting in her special chair, her feet on a footstool, with people getting her this and that. The reluctant Samaritan. W. Beechey*); П «приспособление, которое надевают на ноги» – *footwear, footgear* 'обувь' (*Whatever footwear you choose, it needs to be comfortable and give your feet proper support. Outdoor Action; Boots are the only sensible footgear for this expedition, which in places traverses rough and rocky ground. Wainwright in the limestone dales. A. Wainwright*); П «приспособление, которым играют при помощи органа» – *footbag* 1 'небольшой мяч, футбэг' (*Dragonfly Footbags is the premier brand of high quality, hand made footbags (hacky sacks) in the U. S. and abroad. Dragonfly footbags. Интернет-магазин*); П «приспособление, в которое ставят ноги» – *footwell* 'углубление для ног в полу кузова' (*WPC Susan Larkin, 24, said she had taken cover in the footwell of her police car as bullets hit the vehicle. [Scotsman]. u.p., n.d., World affairs material*); П «приспособление, сохраняющее тепло ног» – *footmuff* 'детская муфта, покрывало для ног; теплый конверт для детей' (*The Bugaboo Footmuff keeps your child warm, protected and adds a dash of colour to your stroller. Bugaboo Internaional B. V. Интернет-магазин*).

Слот «качество». ПС «признак, названный по объекту»: П «признак, характеризующий лицо по органу» – *footless* 1 'безногий' (*Poor footless urban pigeon, encountered close to Kew train station. Scientific American. Footless urbanite pigeons. Darren Naish September 10, 2014. Интернет-блог*); *footless* 2 – 'глупый, неуклюжий' (*This was to provide many exciting moments as the women cut loose on the lip of the overhang on huge jugs, with plenty of 'oohs and aahs' from the crowd as the stronger challengers clipped and shook out footless. Climber and Hill Walker. Glasgow: George Outram & Company Ltd, 1992*); *barefoot* 'босой, босиком' (*No shoes – I hate a man who dances barefoot. Daily Telegraph, electronic edition of 19920405*); *surefooted* 'не спотыкающийся, уверенно стоящий на ногах, не допускающий ошибок' (*Sam knew every square inch of this territory, surefooted even on winter nights, and a recognized guide to those who had need to travel the moors. Seasons of my life. H. Hauxwell*); *footloose* 'независимый, свободный' (*It was true he was footloose, and unmarried. King Cameron. D. Craig*); ПС «признак, названный по признаку»: П «признак, характеризующий лицо по признаку объекта» – *footlessly* 'глупо, неуклюже' (*No cracker-box wiseacre was Hezekiah, grumbling footlessly about what somebody else ought to do. Daily News*); П «признак, характеризующий объект по органу» – *footworn* 'исхоженный, утоптаный' (*The clean white sand beach stopped abruptly at a dense wall of pine and maples and only a narrow footworn path*

betrayed any sign of human habitation. Trial by Fear. J. Mycroft); **ПС** «объект – предикат – объект»: **П** «объект, уверенно стоящий на ногах (метаф.)» – *football 2* ‘прочное положение’ (*Britain already has a football in this market – the only home-grown resist available is an electron-beam resin that Philips developed in the UK. New Scientist*); **ПС** «субъект – предикат – объект»: **П** «лицо, характеризующее по органу» – *tenderfoot* ‘новичок, новоприбывший’ (*Travel – Holidays On The Move: How a tenderfoot fell for a cowboy On a blazing saddle, Angela Humphrey treks 100 miles through the Sierra Nevada. Daily Telegraph, electronic edition of 19920405*).

Слот «болезнь». **ПС** «объект – предикат – объект»: **П** «болезнь, поражающая орган» – *foot-and-mouth disease* ‘ящур – заразная вирусная болезнь крупного рогатого скота и овец, в результате которой образуются язвы на копытах и область вокруг рта’ (*We have managed to get the rest of Europe to come up to our standards, get rid of vaccination and introduce a slaughter policy in relation to foot and mouth disease. Hansard extracts 1991 – 1992*); **П** «болезнь, имеющаяся у органа» – *flatfoot 1* ‘плоскостопие’ (*Adult flatfoot is a condition that causes flattening of the arch of the foot. Flatfoot Surgical Correction, American Orthopedic Foot&Ankle Society, интернет-блог*); **ПС** «признак, названный по объекту»: **П** «признак, характеризующий лицо по органу» – *footsore* (прил.) ‘с натертыми от долгой ходьбы ногами’ (*In one of her poems, she feels sad, weary and footsore, but then sees that her sufferings are nothing compared to the sufferings of Jesus. In search of happiness. J. Houston*).

Слот «процессуальность». **ПС** «процесс – предикат – средство»: **П** «процесс передвижения с помощью органа» – *footfall*, ‘поступь, звук шагов’ (*He heard a footfall in the passage outside and felt his pulse quicken. Look about and die. R. Butters*); *footstep* ‘шаг’ (*Yet if I concentrated on each footstep, I should soon be safely home. The reluctant Samaritan. W. Beechey*); **П** «процесс переставления ног» – *footwork* ‘то, как человек переставляет ступни во время танца или занятий спортом’ (*Mike Rosen's footwork was much quicker. The Bookseller*); **ПС** «процесс – предикат – объект»: **П** «процесс прикосновения к органу» – *footsie (footsy)* ‘разг. заигрывание, при котором трогают чью-либо ногу легко и игриво своей стопой, проявляя таким образом романтический интерес’ (*A few days after lovingly comparing his wife to a Bavarian cow, he issued divorce proceedings because Ilona was playing footsy with the Italian Love party, a coalition of pornographers – ‘terrible men, like pimps,’ Koons told me – seeking publicity for their tawdry wares. Daily Telegraph, electronic edition of 19920404*); **П** «процесс, названный по органу» – *footbag 2* ‘объединенное название различных игр, в которых используется мяч футбэг’ (*On behalf of IFPA's Worlds Operating Committee, I'm pleased to announce that the 2014 IFPA World Footbag Championships will be held July 26 – August 3, 2014, in Paris, France. World Footbag*), *footrace* ‘соревнование в беге’ (*Critics said that it would be in poor taste to hold a footrace through the five boroughs while so many people in the area were still suffering from the storm's damage, and that city services should focus on storm relief, not the*

marathon. New York Times); *football* ‘футбол’ (*Gazza has always been brilliant on the football field and it will be great to see him back after the long haul he's had. The Daily Mirror*).

Слот «функционирование». **ПС** «результат – предикат – объект»: **П** «нарушение, обусловленное положением ног» – *foot fault* ‘нарушение правил из-за неправильного размещения ног в теннисе, сквоше, и подобных играх’ (*The Wimbledon champion, though, had no words of condemnation for American fans, who cheered every service error by the Swiss and shouted ‘foot fault’ when Marc Rosset was about to serve. Today*); **П** «отпечаток, оставленный органом» – *footmark, footprint* ‘след, отпечаток ноги’ (*‘It's a footmark,’ said Gus, and licked lips suddenly dry and stiff with retrospective fear. City of gold and shadows. E. Peters*; *Police believe the footprint in blood could help trap the killer. Today*); **ПС** «субъект – предикат – объект»: **П** «лицо, передвигающееся преимущественно при помощи органа» – *footman 1* ‘лакей’ (*The prime minister is met at the door of the Palace at 6.30 on Tuesday evenings by the Queen's private secretary, and ushered into the royal drawing room by a footman. Friends in high places. J. Paxman*), *footman 2* ‘нехотиунец’ (*The footman soldiers came first with their muskets under their arms, the noses of the muskets being behind them. St Aldates in the Civil War: TV news*); *footslogger* ‘человек, много путешествуящий пешком’ (*Footslogger reflects on winning hearts and minds. The Sidney Morning Gerald*); **П** «лицо, совершающее действие при помощи органа» – *footpad* ‘ист. разбойник, предпочитавший быть пешком, нежели конным’ (*Master Solper, counterfeiter, thief, footpad and seller of relics. The Nightingale Gallery. P. Harding*); **П** «лицо, выполняющее работу при помощи органа» – *footboy* ‘мальчик-слуга, наж’ (*Get on the floor footboy and lick my soles clean! Urban Dictionary*); **П** «лицо, играющее в игру при помощи органа» – *footballer* ‘футболист’ (*He's a famous footballer. The Buddha of suburbia. H. Kureishi*); **ПС** «признак, названный по объекту»: **П** «признак, характеризующий лицо по объекту» – *afoot* ‘пешком’ (*If a man can't afford to go by automobile, and if he is content with eating and architecture, the world's best (as I have known it) is afoot from Poitiers, from Brives, from Perigord or Limoges. Studies in Ezra Pound. D. Davie*); *hotfoot 1* ‘быстро, поспешно, стремглав’ (*And you have come, as they say, ‘hotfoot from Dorking’ Daily Telegraph, electronic edition of 19920405*); **ПС** «действие, названное по средству»: **П** «действие, выполняемое при помощи органа» – *outfoot* ‘обогнать’ (*Not a young man of his neighborhood nor any of his college-mates could outfoot him in a race. The Desert of Wheat, Zane Grey*); *hotfoot 2* ‘быстро идти, мчаться, нестись’ (*She had lingered in her room as long as she'd dared, knowing in her bones that any failure to appear would bring Travis hotfoot to her door. The stolen heart. A. Browning*); *footslog 1* ‘общ. лексика тащиться пешком’ (*Dick went by train to Voi and then proceeded to footslog across the Serengeti Plains to Taveta. Warrior: The Legend of Colonel Richard Meinertzhagen. P. Capstick*); *footslog 2* ‘воен. лексика передвигаться в пешем порядке’ (*Romans, cursing in full armour, had to fight and footslog two thousand miles overland to Britain. Gibraltar: The Keystone. J. D. Stewart*); *pussyfoot* ‘дейст-

воватъ осторожно, красться по-кошачьи' (*I realised I could no longer pussyfoot around! Church planting: our future hope. C. Cleverly*).

Слот «месторасположение». ПС «объект – предикат – место»: П «лампа, находящаяся на уровне ног» – *footlight* ‘рампа’ (*The original stars Ginger Rogers, Dick Powell and Ruby Keeler first belted-out these numbers nearly 60 years ago in Hollywood musicals like the Gold Diggers of 33 and 35, Footlight Parade and 42nd Street itself. Central News autocue data*); ПС «признак, названный по объекту»: П «признак, характеризующий объект по объекту» – *underfoot* 1 ‘под ногами, на земле’ (*There was thick mud underfoot; it stuck to the soles of her shoes. Tomorrow. E. Taylor*).

Слот «форма». ПС «признак, названный по объекту»: П «признак, характеризующий лицо по органу» – *clubfoot* ‘косолапый’ (*Having a clubfoot, he walked with the help of two steel sticks, but sat smiling behind the piano, always unruffled and courteous, and greeting clients by playing their favourite tunes. Dance till the stars come down. A biography of John Minton. Spalding, F. K. Sevenoaks*); ПС «объект – предикат – объект»: П «растение, похожее на орган» – *goosefoot* ‘лебеда’ (досл. гусиная лапка) (*Goosefoot, any of several salt-tolerant plant species belonging to the genus Chenopodium, in the amaranth family, Amaranthaceae. Goosefoot. Encyclopedia Britannica*); *cocksfoot* ‘ежа сборная’ (досл. куриная лапка) (*The grasses selected for medium leys are predominantly Italian and perennial ryegrasses with small amounts of timothy, cocksfoot and meadow fescue. The challenge of smallholding. S. Sweeney*); *birdsfoot* ‘лядвенец’ (досл. птичья лапка) (*Yellow pimpernel, dandelion, cat's ear, hawk bit, St John's wort and birdsfoot trefoil gilded the slopes. Bird-watcher's year. P. Ehrlich, & S. Naem*); *coltsfoot* ‘мать-имачеха’ (досл. ослиная лапка) (*George's mother's going to give him a bottle of coltsfoot linctus for that cough of yours. Fields in the sun. M. Sunley*); ПС «субъект-животное – предикат – объект»: П «птица, имеющая ступню в форме ласты» – *finfoot* ‘лапчатоног’ (*The African finfoot is an underwater specialist with a long neck, a striking sharp beak, and bright red, lobed feet. Wikipedia The Free Encyclopedia*).

Слот «отношение» организует одну ПС «признак, названный по объекту», которая образует П «признак, характеризующий объект по объекту». Этой пропозиции в английском языке соответствует дериват *underfoot* 2 ‘в подчинении, под контролем’ (*I resolved to assert my authority from the beginning, or I would be trampled underfoot by even this most junior member of the Goreng clan. The redundancy of courage. T. Mo*).

Слот «размер». ПС «субъект – предикат – объект»: П «животное, имеющее большой по размеру орган» – *bigfoot* ‘йети, снежный человек’ (*Bigfoot is usually described as a large, hairy, bipedal humanoid. Bigfoot. Wikipedia The Free Encyclopedia*).

ЛСВ 2 ‘Нижняя часть чего-либо вертикального’ образует слоты «качество» и «месторасположение».

Слот «качество»: ПС «признак, названный по объекту»: П «признак, характеризующий объект по органу» – *footless* 3 ‘лишенный основания’ (*Footless dreams of glory. Footless. Dictionary.com*).

Слот «месторасположение»: ПС «объект – предикат – место»: П «объект, находящийся в нижней части страницы» – *footer* 2 ‘нижний колонтитул’ (*The following macro reads the path and filename of a previously saved document and then inserts the information into a footer. What Personal Computer*); *footnote* ‘сноска, примечание’ (*The correlation between allegations of bias and newspapers' actual partisanship (as defined in the footnote to Table 6.5) was twice as strong, however. Media and voters. W. Miller*); П «объект, находящийся в нижней части горы» – *foothill* ‘предгорье’ (*The Boltzmann machine may miss the best solution and climb a foothill, or be stuck on a knife edge; but the genetic learner has a broader view of many possible states, and is less likely to be so caught. Algorithmic learning. A. Hutchinson*); П «объект, находящийся в нижней части стены» – *footstall* ‘плитыц’ (*Footstall is an architectural support or base (as for a column or statue. Footstall. Memidex Online Dictionary*); *footing* 2 ‘фундамент, основание’ (*Footing is a foundation unit constructed I brickwork, masonry or concrete under the base of a wall or column for the purpose of distributing the load over a large area. Footing. MiMi Architecture. Интернет-блог*); *footwall* ‘лежачий бок»; фундаментальная стена, подошва рудного тела, низкая стенка у подножия насыпи’ (*Here, in contrast, we focus on horizontal axis tilting of mid-crustal footwall rocks beneath a master detachment fault. Nature*).

ЛСВ 3 ‘Часть ложа, расположенная возле ног’ организует слот «месторасположение».

Слот «месторасположение»: ПС «место – предикат – объект»: П «место, находящееся там где расположен орган» – *footboard* 2 ‘изножье (кровати)’ (*Their bed had a wooden footboard and she saw a flicker of movement behind it in the half-light. Persephone. J. Joseph*); ПС «объект – предикат – место»: П «объект, расположенный в месте органа» – *footlocker* ‘сундучок, обычно располагающийся у изножья кровати’ (*They came to be known as "footlockers" because they were essentially a type of locker which was usually located at the "foot" of a soldier's bunk or bed. Footlocker (luggage). Wikipedia The Free Encyclopedia*); *footstone* ‘камень у изножья могилы’ (*A footstone is a marker at the foot of a grave. Footstone. Wikipedia The Free Encyclopedia*).

ЛСВ 4 ‘Единица измерения, равная 12 дюймам (30,48 см)’. Издревле длина стопы использовалась как единица измерения во многих культурах, со временем под данной мерой длины подразумевается средняя длина стопы взрослого человека, что мы и наблюдаем в случае слова *foot*. Данный ЛСВ организует только один слот – «размер».

Слот «размер». ПС «объект – предикат – объект»: П «расстояние, измеряемое по органу» – *footage* ‘метраж, расстояние в футмах’ (*Calculate the square metrage or footage of the following rooms. Retailing: a manual for students. H. Leach*); П «объект, имеющий длину, равную органу» – *footrule* ‘складной фут, линейка длиной в фут’ (*Carpenter with foot rule, notebook, and pencil. Footrule. May Sinclair. Marriam-Webster Dictionary*); ПС «субъект – предикат – объект»: П «человек, имеющий такой-то рост/размер» – *footer* 1 ‘человек или предмет с определенным коли-

чеством футов в длину или ширину' (*Then there was Reg, a tall, sturdy six footer, with a stock of strong hair, piercing eyes and the voice of Somerset. Fighting cancer: a personal story. R. Hitchcock*).

Выделение в структуре каждого субфрейма слотов, пропозициональных схем и пропозиций позволяет проследить взаимодействие субфреймов общего фрейма ЛСГ с вершиной *foot*.

Субфрейм 1 подразделяется на слоты «приспособление», «качество», «болезнь», «процессуальность», «функционирование», «месторасположение», «форма», «отношение», «размер»; субфрейм 2 имеет слоты «качество» и «месторасположение»; субфрейм 3 – только слот «месторасположение»; субфрейм 4 выражен в слоте «размер». Как можно увидеть, субфреймы 1, 2 и 3 связаны между собой посредством слота «месторасположение», общий слот «качество» имеют субфреймы 1 и 2, а слот «размер» связывает субфреймы 1 и 4. Субфрейм 1 имеет и уникальные в рамках данного ЛСГ слоты «приспособление», «болезнь», «процессуальность», «функционирование», «форма», «отношение».

Связь субфреймов и слотов наблюдается на уровне пропозициональных схем следующим образом: ПС «признак, названный по объекту» соединяет слоты «качество» (субфреймы 1 и 2), «болезнь» (субфрейм 1), «процессуальность» (субфрейм 1), «функционирование» (субфрейм 1), «месторасположение» (субфрейм 1), «форма» (субфрейм 1) и «отношение» (субфрейм 1); ПС «объект – предикат – объект» связывает слоты «качество» (субфрейм 1), «болезнь» (субфрейм 1), «размер» (субфрейм 4) и «форма» (субфрейм 1); ПС «объект – предикат – место» объединяет

слоты «месторасположение» (субфреймы 1, 2 и 3); ПС «субъект – предикат – объект» – слоты «качество» (субфреймы 1) и «размер» (субфреймы 1 и 4).

Объединение различных субфреймов одного фрейма может происходить посредством полисемичных дериватов. Посредством полисеманта *footboard* (*footboard* 1 'подножка, напр. поезда', *footboard* 2 'изголовье (кровати)') связываются субфреймы 1 и 3, дериват *footless* (*footless* 1 'безногий', *footless* 2 'глупый, неуклюжий', *footless* 3 'лишенный основания') связывает субфреймы 1 и 2, многозначное слово *footer* (*footer* 1 'человек или предмет с определенным количеством футов в длину или ширину', *footer* 2 'нижний колонтитул') связывает субфреймы 2 и 4, а *footing* (*footing* 1 'опора для ног, плацдарм', *footing* 2 'фундамент, основание') – субфреймы 1 и 2.

Как показывает приведенный выше анализ, среди дериватов от слова «foot» можно выделить четкую группу таковых, которые образуют слот «приспособление». Кроме того, показано, что субфрейм 1 характеризуется ПС «средство – предикат – объект», «процесс – предикат – средство», процесс – предикат – объект». Субфрейм 3 характеризуется ПС «место – предикат – объект», остальные же субфреймы не обнаруживают каких-либо значимых особенностей.

Таким образом, в статье продемонстрирована организация лексико-словообразовательного гнезда по типу фрейм-структуры и выявлены особенности некоторых субфреймов, характерные именно для дериватов от слова *foot*. Связь дериватов ЛСГ наблюдается как на глубинном уровне (слоты, пропозициональные структуры, пропозиции), так и на поверхностном уровне (лексико-словообразовательные значения).

Литература

1. Араева Л. А., Образцова М. Н. Гнездо однокоренных слов как проявление дискурсивности и мифологичности мышления (на материале словообразовательных гнезд «пчела», «мед», «пасека», «рой» // Речевое общение и вопросы экологии русского языка. К 80-летию А. П. Сковородникова / под ред. Г. А. Копниной. Красноярск, 2009. С. 323 – 328.
2. Араева Л. А., Евсеева И. В. Пропозиционально-дискурсивный анализ гнезда однокоренных слов // Наука и образование: материалы VI Международной научной конференции. Белово, 2006. С. 18 – 24.
3. Евсеева И. В. Комплексные единицы русского словообразования: когнитивный подход. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 312 с.
4. Евсеева И. В. Фреймовая организация комплексных единиц словообразовательной системы // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 4(16). С. 160 – 174.
5. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер с англ. О. Н. Гринбаума; под ред. д-ра техн. наук Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979.
6. Осадчий М. А. Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 281 с.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, МОДЭК, 1999.
8. Oxford Dictionary of Current English / Edited by C. Soans, fourth edition. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Информация об авторе:

Пономарева Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для инженерных направлений института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (СФУ), kolokolnikova88@mail.ru.

Ponomareva Ekaterina Alexandrovna – assistant lecturer at the Department of English for Engineers, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (SFU).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УЗУАЛЬНОГО УДАРЕНИЯ В Г. БИРОБИДЖАН

М. А. Попова, У. М. Трофимова

PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH OF USUAL STRESS IN BIROBIDZHAN

M. A. Popova, U. M. Trofimova

В статье представлен фрагмент исследования, посвящённого изучению специфики узуального словесного ударения в г. Биробиджан. Работа направлена на выявление экспериментальными методами основных тенденций в области эволюции узуальных орфоэпических норм в данном регионе. В статье описываются результаты использования двух экспериментальных методик: анкетирование и порождающий эксперимент. В анкетировании приняли участие 200 носителей русского языка – жителей города Биробиджан. Экспериментальный список включал 200 именных и глагольных лексем с акцентной вариативностью. Эксперимент позволил описать зоны высокой (26 %), средней (53 %) и низкой вариативности (21 %). Для порождающего эксперимента были составлены тексты, включающие 15 наиболее вариативных по данным анкетирования лексем. В эксперименте участвовали 100 информантов. Результаты первого и второго эксперимента сопоставлялись с целью выявления степени устойчивости акцентных реакций. Установлено, что наибольшую неустойчивость проявляют низкочастотные лексемы и единицы сложной структуры.

The article presents a fragment of the research devoted to the study of the peculiarities of usual word stress in Birobidzhan. The work aims to identify the main trends in the evolution of usual orthoepic standards in the region by experimental methods. The article describes the results of using two experimental methods: surveys, and generating experiment. The survey was attended by 200 Russian speakers – residents of Birobidzhan town. Experimental list included 200 noun and verbal tokens with accent variability. The experiment allowed us to describe the areas of high (26 %), moderate (53 %) and low variability (21 %). For the generating experiment texts were composed, and they included the 15 most variable tokens according to the survey. The experiment involved 100 informants. The results of the first and the second experiments were compared in order to identify the degree of stability of accent reactions. It has been established that low frequency tokens and units of complex structure display the greatest instability.

Ключевые слова: акцентология, ударение, узуальное ударение, антропоцентрическая парадигма, психолингвистический эксперимент.

Keywords: accentology, stress, usual stress, anthropocentric paradigm, psycholinguistic experiment.

Настоящее исследование выполнено в рамках антропоцентрической орфоэпии, цель которой заключается в установлении экспериментальными методами подвижных и устойчивых зон в системе словесного акцента русского языка, что, в свою очередь, позволяет предопределять пути его акцентной эволюции. Высокая степень вариативности ударения в современном узусе объясняется тем, что в последние годы нестабильны языковые нормы как таковые, в том числе это относится и к акцентным нормам. Ударение является слабым, в высшей степени неустойчивым, дополнительным фонологическим средством, редко используемым в качестве единственного критерия, разграничивающего значения слов. Т. М. Николаева отмечает, что в русском языке акцентная вариативность объясняется влиянием множества факторов на выбор места ударения [3, с. 59] (Системное описание факторов русского акцента представлено в диссертации Е. Б. Трофимовой [5]). Другим явлением, влияющим на неустойчивость узуальных норм, является региональная разнородность ареала функционирования русского акцента. Экспериментальное исследование региональной вариативности в Московском, Западносибирском и Дальневосточном регионах осуществлялось группой исследователей Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина под руководством Е. Б. Трофимовой. Результаты работы представлены в виде словаря узуальных норм, детальная интерпретация которого – дело бу-

дущего, однако эти результаты задают некоторый фон, в связи с чем представляет интерес дальнейшее описание в данном аспекте отдельных регионов страны и их частей. Кроме того, в рамках не столь фронтального мониторинга могут быть решены и более частные проблемы – о месте анкетирования в системе экспериментальных методов социофонетики, о степени устойчивости акцентных реакций, о психо- и социовариативности и т. д.

В настоящей работе устанавливаются закономерности узуального ударения в г. Биробиджан, центре Еврейской автономной области, являющейся частью дальневосточного ареала. Необходимо отметить разнородность состава носителей русского языка на Дальнем Востоке в целом и в ЕАО в частности, которая обусловлена тем, что в основном это мигранты из разных частей России и стран ближнего зарубежья.

В качестве базового метода было выбрано анкетирование. Как известно, это один из методов социофонетики, достоверность которого зависит от метаязыковых способностей индивида. Поэтому данные анкетирования верифицировались экспериментом, условно названным *порождающим*. Общее описание экспериментального исследования и установление степени устойчивости узуальных норм по материалам различных экспериментов является предметом настоящей статьи.

Источником для сплошной выборки акцентных вариантов послужил наиболее авторитетный орфоэпический источник – академический «Орфоэпический словарь русского языка» под редакцией Р. И. Аванесова [4], изданный в 1983 г. Е. Б. Трофимова, анализируя степень единообразия отражения акцентных норм в четырех орфоэпических словарях, отмечает «явные расхождения в нормативной акцентной маркировке» и приходит к выводу о том, что «время появления того или иного словаря не влияет на позицию автора в отношении акцентной нормативности» [6].

В рамках подготовки к проведению эксперимента был составлен словник, включающий в себя начальные формы существительных и глаголов, всего 456 единиц, которые имеют кодифицированные варианты как с нормативной пометой (*и, доп., доп. устар.*), так и с пометой, указывающей на ненормативность варианта (*не рек., неправ., грубо неправ.*). Учитывались и дополнительные пометы: *устар., в проф. речи, у моряков, в поэт. речи возм.*

Значимость исследования именно начальной формы основных грамматических классов – имени существительного и глагола – подтверждается в работах Я. К. Грота и К. С. Горбачевича. Я. К. Грот обнаружил, что ударение в глаголе зависит от формы инфинитива, которую нужно признать основной при выборе места постановки ударения [2]. К. С. Горбачевич отмечал господство неподвижного ударения в существительных со статистической точки зрения [1].

В качестве респондентов были привлечены 200 жителей города Биробиджана (ЕАО): школьники 10 – 11 классов, студенты высших и средне-специальных учебных заведений в возрасте от 15 до 26 лет, которые родились или проживают в регионе не менее 5 лет. Ориентация на данную аудиторию объясняется тем, что именно на примере этой социальной группы носителей средне-литературной нормы русского языка легче выявить динамику в области ударения.

Эксперимент проводился в два этапа. Цель первого – проследить метаязыковую, оценочную деятельность носителей языка в отношении определения границ узусального ударения. Цель второго этапа состояла в выявлении тенденций речевой, безоценочной деятельности. Реакции, полученные от определенных информантов на первом и втором этапе, сопоставлялись.

На первом этапе каждому реципиенту предлагалось поставить ударение в 50 словах одной части речи: время не ограничивалось. Инструкция, представленная в анкете, звучала следующим образом: «Укажите ФИО, возраст, место рождения, сколько лет проживаете в регионе. Расставьте ударения в следующих словах. Например – *бронировать*. Если Вы считаете, что равнозначны два ударения, обозначьте их следующим образом – *брониро́вать*. Если Вы предполагаете, что в слове есть два неравнозначных ударения, отметьте основное ударение знаком – ‘, а допустимое – ^ . Например: *бро́ни^рова’ть*». Экспериментальный список включал 200 существительных и глаголов из числа единиц общего словника за вычетом неактуальных лексем. 200 лексем были распределены по четырем анкетам, каждую из которых заполнили 100 респондентов.

Таким образом, на 200 стимулов было получено 20000 реакций, из них 146 отказов, что составляет 0,73 % от общего количества. Наибольшее затруднение вызвали следующие лексемы: *бряцание* (6 отказов), *вальди́неп* (6), *амфора* (5), *апостроф* (5), *искус* (5), *вероисповедание* (4), *мытарство* (4), *багрянить* (4), *заиндеветь* (4), *вперить* (3), *корысть* (3), *лиловеть* (3), *некролог* (3), *оторочить* (3), *парусить* (3), *духовник* (2). Единственное слово, в котором все 100 реципиентов указали однозначную акцентировку – *искри’ться*. Таким образом, общее количество лексем с акцентными вариантами составило 199 (99,5 %), что доказывает высокий уровень антропоцентрической вариативности.

Все реакции условно были поделены на три группы с разным уровнем акцентной вариативности: высоким, средним и низким. При распределении по группам использовался метод интроспекции, который, безусловно, отчасти субъективен, но, к сожалению, для такого рода работы не было найдено объективных методик.

В зону высокой вариативности (более 45 вариантов) вошли 30 имён существительных и 25 глаголов (26 %). Например:

1. ба’ловать (49) / балова’ть (31) / бало’вать (2) / ба’ловать *и* балова’ть (6) / ба’ловать *и доп.* балова’ть (9) / балова’ть *и доп.* ба’ловать (2) / отказ (1);

2. ба’ловаться (54) / балова’ться (31) / бало’ваться (5) / ба’ловаться *и* бало’ваться (6) / бало’ваться *и* балова’ться (1) / балова’ться *и* ба’ловаться (3);

3. бензопрово’д (43) / бензопро’вод (36) / бензо’провод (2) / бе’нзопровод (1) / бензо’прово’д (6) / бе’нзопро’вод (1) / бензопро’вод *и доп.* бензопро’вод (5) / бензопро’вод *и доп.* бензопрово’д (5) / отказ (1);

4. бряцание (47) / бряца’ние (43) / бряцание *и* бряца’ние (1) / бряцание *и доп.* бряца’ние (3) / отказ (6);

5. ветеринари’я (43) / ветерина’рия (39) / ветери’нария (3) / ветерина’ри’я (4) / ветери’нария (2) / ветери’нария *и доп.* ветеринари’я (3) / ветери’нария *и доп.* ветерина’рия (3) / ветери’нария *и доп.* ветеринари’я (1) / отказ (2);

6. диспансе’р (44) / диспа’нсер (35) / диспа’нсе’р (11) / ди’спансе’р (1) / диспансе’р *и доп.* диспа’нсер (5) / диспа’нсер *и доп.* диспансе’р (3) / отказ (1);

и т. д.

Зону среднего уровня вариативности (от 44 до 15 вариантов) составили 48 существительных и 59 глаголов (53 %), таких как:

1. груди’ться (77) / гру’диться (17) / гру’диться *и* груди’ться (1) / груди’ться *и* гру’диться (3) / отказ (2);

2. догово’р (70) / до’говор (14) / дого’вор (2) / до’говор *и* догово’р (6) / догово’р *и доп.* до’говор (4) / до’говор *и доп.* догово’р (3) / отказ (1);

3. досу’г (68) / до’суг (24) / до’суг *и* досу’г (5) / досу’г *и доп.* до’суг (3);

4. кета’ (63) / ке’та (29) / ке’та *и* кета’ (3) / кета’ *и доп.* ке’та (3) / ке’та *и доп.* кета’ (2);

5. ко’клюш (71) / ко’клюш (17) / ко’клюш *и* ко’клюш (4) / ко’клюш *и доп.* ко’клюш (4) / ко’клюш *и доп.* ко’клюш (2) / отказ (3);

6. норми’ровать (72) / нормирова’ть (20) / но’рмировать (2) / норми’ровать *и* нормирова’ть (2) /

норми'ровать *и доп.* нормирова'ть (2) / нормирова'ть *и* норми'ровать (1) / отказ (1) и т. д.

Зона низкой вариативности (от 14 до 1 варианта) была сформирована 22 именами существительными и 21 глаголом (21 %). Некоторые из них:

1. аге'нт (98) / а'гент (2);
2. алкого'ль (89) / а'лкоголь (5) / алко'голь (3) / а'лкоголь *и* алко'голь (1) / алкого'ль *и доп.* а'лкоголь / алкого'ль *и доп.* алко'голь;
3. завью'жить (94) / завьюжи'ть (4) / за'вьюжить (1) / завью'жить *и* завьюжи'ть (1);
4. закле'ить (95) / за'клеить (2) / заклеи'ть (2) / закле'ить *и доп.* заклеи'ть (1);
5. инди'го (97) / индиго' (2) / и'ндиго (1);
6. ржаве'ть (90) / ржа'веть (8) / ржа'веть *и доп.* ржаве'ть (2) и т. д.

В рамках второго этапа социолингвистического исследования из 50 лексем, представленных в каждой анкете, было выбрано 15 с наиболее подвижным, вариативным ударением (например, кваше'ние – 48 реакций, кваше'ние – 45, кваше'ние – 6, ква'шение – 1; раздвои'ть – 48 реакций, раздвои'ть – 46, раздвои'ть – 1, раздвои'ть – 2, раздвои'ть – 2, раздвои'ть – 1) либо с вариантами, представляющими особый исследовательский интерес.

Цель порождающего эксперимента была связана с речевой (безоценочной) деятельностью. Требовалось выяснить:

- а) насколько на уровне речевого общения проявляются те же закономерности, что и на метаязыковом (оценочном);
- б) сохраняется ли вариативность норм при порождении языковых единиц и их осмыслении;
- в) отличаются ли результаты второго этапа эксперимента от тех, которые были получены во время первого, основанного на проверке восприятия акцентных норм носителями языка.

Были подготовлены 4 текста, каждый из которых включал 15 слов из 50, представленных в 4 анкетах соответственно. Далее приведём примеры нескольких из них.

Текст 1. *Стажировать* новобранцев было тяжело. Во-первых, их всех нужно было *экипировать*. Во-вторых, из-за указа начальства вдвое *убыстрить* темпы обучения. В-третьих, всю эту разношёрстную пока толпу надо *раздвоить* на равные команды. И каждая из них должна стремиться *первенствовать* в общем зачете, а с нынешней молодежью, которая совершенно не умеет сосредоточиться, *вперить* свой взгляд в одну точку, это было самой трудной задачей. После зачета нужно решить: кого *премировать*, кого похвалить, а кого *татуировать* и отправить прямоком в спецподразделение. Первым заданием была полоса препятствий: нагрузить сумку, *шмыгнуть* под колючую проволоку, *минуть* пару заграждений и *облегчить* сумку, разгрузив её. Они должны были *лиловеть* от напряжения. Командир вспомнил свой первый зачет, тогда им сказали: «Под конец вы будете уметь *дистиллировать* воду, которая успела *заплесневеть*, причем ничего под рукой у вас не будет!». Да, хорошие были времена. И хотелось всем *салютовать*: и этим мальчишкам, и своей молодости, и армии.

Текст 2. *Квартал*, по которому шёл Ваня, был очень знакомым: вечно неисправный *бензопровод*, старый *диспансер*, *танцовщица*, изображённая на плакате, – всё это он уже где-то видел. Подтянув *пуловер*, он набрал нужный номер, ему грубовато ответил *цыган*: «Иди к 35 дому». У Вани был *искус* бросить эту затею и уйти, но обязательства, данные друзьям, связывали его. Подойдя к дому, он встретил цыгана, они быстро всё обговорили и пошли в квартиру. Оказавшись в квартире, он увидел то, что видел уже много раз, а именно кучу бесполезного хлама: старый *компас*, *вальдишн* на фотографии, *флюорография* и потрёпанный *каталог*. Запах в квартире напоминал ветеринарный кабинет (*ветеринария* была Ваниным занятием когда-то, поэтому ему было легко узнать этот запах). Как ни странно, здесь даже была какая-то *иконопись*, это очень удивило его, потому что *вероисповедание* цыган было незнакомо ему. В этот момент он решил, что точно не будет снимать эту квартиру.

В произвольном порядке из 200 респондентов, принявших участие в первом этапе эксперимента, было выбрано 100, которым предложили прочитать вслух текст, не делая пауз (средняя скорость прочтения – 60 – 90 секунд, во время чтения велась аудиозапись).

Нами были составлены таблицы, в которых сравниваются уровни восприятия и порождения речи. В них отражены данные каждого респондента, который участвовал в обоих этапах психолингвистического эксперимента.

В качестве иллюстрации мы приведём анализ регистрации результатов восприятия и порождения нескольких участников эксперимента. Курсивом выделены те слова, варианты ударения в которых не совпадают, то есть в данных случаях не произошло усвоение нормы.

В целом процент совпадения варьируется от 12 до 94 %.

Таблица 1

Соотношение уровней восприятия и порождения речи

Респондент 1	
Уровень восприятия	Уровень порождения
1 этап	2 этап
<i>бензо'провод</i>	<i>бензопрово'д</i>
<i>ва'льдишн</i>	<i>вальдишне'п</i>
<i>ве'роисповедание</i>	<i>вероиспове'дание</i>
<i>ветери'нария</i>	<i>ветеринари'я</i>
диспа'нсер	диспа'нсер
ико'нопись	ико'нопись
искус	искус
ката'лог	ката'лог
квар'тал	квар'тал
компа'с	ко'мпас
пуло'вер	пулове'р
танцо'вщица	танцо'вщица
<i>флюоро'графия</i>	<i>флюорогра'фия</i>
цыган	цыган

Таблица 2
Соотношение уровней восприятия
и порождения речи

Респондент 2	
Уровень восприятия	Уровень порождения
1 этап	2 этап
балова ть	балова ть
вихри ть	вихри ть
газирова ть	газирова ть
заиндеветь	заиндеветь
запы хаться	запы хаться
засахарить с я	засахарить с я
норми рова ть	норми рова ть
озорни ча ть	озорни ча ть
откупорить	откупорить
припоро шить	припоро ши ть
расклеи шить	расклеи шить
суме рничать	суме рнича ть
уведомить	уведомить
че рпать	черпа ть
щелка ть	ще лкать

Таблица 3
Соотношение уровней восприятия
и порождения речи

Респондент 3	
Уровень восприятия	Уровень порождения
1 этап	2 этап
балова ть	ба лова ть
вихри'ть	ви хрить
газирова ть	газирова ть
заиндеветь	заиндеветь
запы хаться	запы хаться
заса харить с я	заса хари ть с я
норми рова ть	норми рова ть
озо рничать	озорнича ть
откупорить	откупорить
припоро шить	припоро ши ть
расклеи шить	расклеи шить
суме рничать	суме рничать
уве домить	уве домить
черпать	черпать
ще лкать	щелка ть

Единственное слово, в котором не отмечено несовпадений – *асимме'трия* (следует отметить, что данный результат не совпадает с нормой, зафиксированной в словаре – асимметрии'я !не рек. асиммЕтрия, однако, узуальная норма отличается от общей).

Самый высокий процент несовпадения акцентных вариантов наблюдаются в следующих лексемах: та-

туировать – 72 %, заиндеветь – 68 %, минуть – 64 %, сабо – 62 %, баловать – 60 %.

Самый низкий процент несовпадения отмечен в словах: нормировать – 16 %, стажировать – 16 %, щёлкать – 16 %, некролог – 14 %, расклеить – 12 %, стюард – 10 %, черпать – 10 %, ракушка – 6 %.

Затруднение при чтении вызывали как неизвестные, редко используемые слова (*вальдишен, вперить, иконопись, искус, сумерничать, щавель*), так и многосложные лексемы (*бензопровод, вероисповедание, дистиллировать, мусоропровод, флюорография*). Читая данные слова, респонденты испытывали затруднения – делали паузы, исправляли один вариант на другой, не могли выговорить слово. Интересно отметить, что при чтении текста респонденты понимали, что в нём присутствуют слова, в которых нужно поставить верное ударение. Они испытывали определённые трудности и начинали делать ошибки в произношении самых простых лексем.

Таблица 4
Соотношение уровней восприятия
и порождения речи

Респондент 4	
Уровень восприятия	Уровень порождения
1 этап	2 этап
вперить	впе рить
дистилли рова ть	дистиллирова ть
заплесневеть	заплесневеть
лило веть	лилове ть
ми нуть	мину ть
облегчи ть	обле гчить
перве нствовать	пе рвенствовать
премиро вать	премирова ть
раздво ить	раздво ить
салюто вать	салью товать
стажиро вать	стажирова ть
татуи рова ть	татуи рова ть
убыстри ть	убы стрить
шмыгнуть	шмыгнуть
экипи рова ть	экипи рова ть

Подведем некоторые итоги. У большинства респондентов отсутствует единообразие при определении акцентных норм имён существительных и глаголов. Наибольший разброс вызвали низкочастотные слова и слова сложной структуры. Эксперимент показал, что ни возрастные особенности, ни гендерные различия не определяют уровень владения литературной нормой. Также не наблюдается выраженной зависимости от уровня образования. Проведенное исследование позволило выявить неустойчивые акцентные единицы в классе глаголов и существительных, составляющие зоны акцентной эволюции. На наш взгляд, необходимо говорить и о трех типах вариативности: узуальной, связанной с функционированием в узусе различных вариантов

(бры'цание 51/ брыца'ние 47), метаязыковой, при которой носитель осознает и фиксирует равноправные варианты (ба'ловать и балова'ть – б) и индивидуальной, возникающей при несовпадении реакций, полученных различными экспериментальными методиками. Количественное описание этих типов ва-

риативности позволит статистически достоверно описать эволюционные зоны русского акцента. В ходе проведенного исследования было зафиксировано несовпадение тенденций кодифицированной и узуальной акцентуации, интерпретация этого явления будет осуществлена в отдельной работе.

Литература

1. Горбачевич К. С. Вариативность ударения в формах инфинитива // Русский язык в школе. 1974. № 6. С. 7 – 13.
2. Грот Я. К. О спряжении русского глагола и важности в нем ударения. Филологические разыскания (1852 – 1892). СПб., 1899. С. 263 – 276.
3. Николаева Т. М. Место ударения и фонетический состав слова // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971. С. 59 – 63.
4. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. М.: Рус. яз., 1989.
5. Трофимова Е. Б. Стратификация языка: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 1997.
6. Трофимова Е. Б. Пространство нормы словесного акцента в русском языке // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2013. № 4(33). Режим доступа: <http://tverlingua.ru/> <http://elibrary.ru/item.asp?id=21070616> (дата обращения: 30.05.2015).

Информация об авторах:

Попова Мария Андреевна – ассистент кафедры филологии и журналистики Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема, mariya.popova1991@mail.ru.

Maria A. Popova – assistant lecturer at the Department of Philology and Journalism, Amur State University n.a. Sholom Aleichem.

Трофимова Ульяна Михайловна – доцент кафедры русского языка и литературы Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, umt2005@rambler.ru.

Ulyana M. Trofimova – Assistant Professor at the Department of Russian Language and Literature, Shukshin Altai State Academy of Education.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 811.161.1'42

ЖАНР МОЛЬБА И СРЕДСТВА ЕГО ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Т. Г. Рабенко

SUPPLICATION GENRE AND THE MEANS OF ITS LANGUAGE IMPLEMENTATION

T. G. Rabenko

Данная работа выполнена в русле актуального жанроведческого направления, обусловленного антропоцентричностью современной лингвистической науки. Жанр *мольба*, заявленный в качестве объекта исследования, предстает как особая модель речевого высказывания, структурируемая определенным комплексом жанрообразующих признаков. Одним из таковых является языковое воплощение жанра, своеобразие которого обуславливается его спецификой как перформативного высказывания и ситуацией, в которой реализуется эта жанровая форма. Исследование выполнено на материале художественного дискурса, ибо мольба является одним из ярких сюжетобразующих элементов и позволяет художникам слова наблюдать поведение персонажей в эмоционально напряженных ситуациях. Настоящая работа обобщает данные ранее проведенных в этом направлении исследований и несколько расширяет существующие представления о специфике языковых (лексических, грамматических) средств репрезентации обозначенного жанра, которые, комбинируясь, используются для достижения перлокутивного эффекта. В работе также рассматриваются невербальные (жестовые, мимические) средства воплощения мольбы. В качестве основополагающего вывода работы расценивается утверждение, что жанр *мольба* является определенным сценарием, за которым закрепляется стандартный набор языковых средств.

This work was written with its topical genre tendency due to anthropocentricity of modern linguistic science. The genre of supplication, claimed as the object of the study, is presented as a special model of verbal expression, a certain complex of structured genre characteristics. One of these is the linguistic embodiment of the genre, whose

uniqueness is defined by its specific character as a performative utterance and by the situation in which the genre form is implemented. The study was performed on the material of the artistic discourse, since supplication is one of the brightest plot-structuring elements allowing literary artists to observe the behavior of their characters in emotionally stressful situations. This work summarizes the data of previously conducted researches and somewhat expands existing ideas about the specifics of the language (lexical, grammatical) means which represents the designated genre that, by combining, are used to achieve the perlocutionary effect. This work also examines nonverbal (gestural, mimetic) means of supplication. The fundamental conclusion of the work is the statement that the supplication genre is a certain scenario with a standard set of linguistic resources.

Ключевые слова: речевой жанр, вторичный речевой жанр, Бахтин, мольба.

Keywords: speech genre, the secondary speech genre, Bakhtin, supplication.

Отмеченная антропоцентрической направленностью современная лингвистика помещает в центр исследовательского внимания проблему «язык и личность», в решении которой приоритетным становится пристальный интерес к продуктам речевой деятельности говорящего субъекта – речевым произведениям, как правило, жанровооформленным. Активно развивающееся в связи с этим жанроведческое направление, основанное на выделении речевого жанра (в дальнейшем РЖ) в качестве базовой единицы речи, обозначило ряд возможных аспектов исследования речежанровой организации текста. Среди них описание РЖ как языковой реализации некоего типа коммуникативного поведения, сопряженного с определенной функцией языка. Данный аспект рассмотрения РЖ составляет один из частных моментов решения важнейшей теоретико-методологической проблемы «жанр и язык», обусловленной объективной функциональной и генетической близостью РЖ и языка, о чем писал еще М. М. Бахтин [3, с. 181]. Организуя социальное взаимодействие и упорядочивая коммуникацию, РЖ активизируют те или иные стороны коммуникативного поведения человека, способы его мироощущения и реализуют в итоге те или иные языковые функции. Определяя систему функций языка и речи, Р. О. Якобсон [14, с. 200] выделяет среди прочих универсальных функций призывно-побудительную, направленную на регуляцию поведения адресата сообщения. Данная функция воплощается посредством ряда императивных РЖ, коммуникативная цель которых «устремлена в мир реальных действий, а существо их сводится к указанию на характер осуществления неосуществленных действий автором, адресатом или третьими лицами» [13, с. 89]. Особое место в парадигме императивных РЖ занимает РЖ мольба.

Целью настоящей статьи является описание языковых (вербальных и невербальных) средств реализации обозначенной жанровой формы. В качестве фактологической базы исследования выступают материалы РЖ мольба, извлеченные из произведений отечественной художественной литературы преимущественно рубежа XIX – XX вв. (около 200 контекстов). Как одна из наиболее драматичных форм межличностного взаимодействия мольба широко представлена в художественной литературе этого периода, что не случайно. В русле общелитературной тенденции к переоценке ценностей, свойственной этому периоду, наблюдается «процесс отбрасывания иллюзий, изживших себя идей», процесс обнаружения новых претензий, предъявляемых самой историей к личности, «при различном понимании художниками того, как человек может оплатить этот счет». В это время «с

особой силой в литературе, как и в жизни, разгорается чувство личности в человеке, его достоинства и ценности» [6, с. 25]. Сопряженные с категориями власти, воли, долга и желания императивные жанры «оказываются значимыми на уровне действия, так как с ними связаны эффекты читательского сюжетного ожидания. <...> Распространение этих жанров может порождать значительные фрагменты текстов и целые тексты» [9]. Мольба, являясь ярким сюжетобразующим элементом, позволяет художникам слова наблюдать поведение персонажей в эмоционально напряженной, порой трагической ситуации. Примечательно, что французский писатель и театровед Ж. Польти среди 36 сюжетных коллизий, к которым, по его мнению, сводится любое драматургическое произведение, отмечает и мольбу (см. Ж. Польти «36 драматических ситуаций» 1895 г.).

В данной работе мольба рассматривается как вторичный РЖ. Известно, что вторичные РЖ «возникают в условиях более сложного и относительно высоко развитого культурного общения <...>. В процессе формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные жанры» [3, с. 161 – 162]. Вторичный РЖ, будучи онтологически производным от первичного, отличается от последнего сферой функционирования и стилистической обработкой. Настоящая работа продолжает серию исследований, связанных с описанием жанров художественного дискурса [7; 8].

По мнению Н. И. Формановской, «побудительность – одно из ведущих целеполаганий говорящего, отражающее его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата» [12, с. 306]. Класс директивных актов (*императивных жанров в нашем понимании* – Р. Т.) «привлекает внимание исследователей, во-первых, сложностью организации высказывания, во-вторых, множественностью побудительных интенций <...>, представленных номинациями: **просьба, мольба, требование, заклинание, приказ** и др.

Полагаем, что вопрос о жанровых границах обозначенных РЖ заслуживает отдельного научного рассмотрения. Тем не менее примем в качестве исходных некоторые теоретические положения, необходимые для дальнейшего изучения фактологического материала. Лексикографическое описание представленных выше номинаций РЖ свидетельствует о сущностной близости обозначенных жанровых форм:

просьба – 'Обращение к кому-л., призывающее удовлетворить какие-л. нужды, желания' [4, с. 1029];

мольба – 'Горячая, страстная просьба' [4, с. 554];

требование – 'Настоятельная просьба, желание, выраженные в категорической форме' [4, с. 1340 – 1341];

закливание – 'Страстная мольба, просьба' [4, с. 326];

приказ – 'Официальное распоряжение органа власти, руководителя учреждения, предприятия, войскового начальника и т. п.' [4, с. 979].

В системе представленных РЖ выделяется, по крайней мере, два жанровых кластера: просьба (мольба, заклинание, требование и др.) и приказ (указ, распоряжение и др.). В основе данной оппозиции лежит, помимо прочего, характер отношений адресата и адресанта. РЖ просьба, мольба и требование отграничивает от приказа и в то же время объединяет отсутствие у говорящего официального права распоряжаться поступками адресата. Однако просьба, мольба и требование отличаются друг от друга способом воздействия на адресата. Просьба просто информирует о желании говорящего, чтобы слушающий произвел некоторое действие, мольба апеллирует к эмоциям слушающего, требование направлено на подавление его воли [12, с. 109]. Не случайно в работе М. Я. Гловинской толкование глагола **просить** включает компонент «X говорит, что он хочет, чтобы Y сделал Р», толкование **умолять** – компоненты «X говорит, что он хочет, чтобы Y сделал Р» и «X говорит это так, чтобы Y представил себе важность Р для X-а или сжалился над X-ом», толкование **требовать** – компонент «X говорит, что Y должен сделать Р» [5, с. 181, 190].

При моделировании лингвистического портрета исследуемого РЖ представляется значимым тезис о полевом принципе организации РЖ: комплекс средств выражения каждого из РЖ обладает структурой языкового поля, где центральные компоненты каждого из жанровых полей четко противопоставляют данный РЖ всем другим РЖ, на уровне периферии формальные различия между разными РЖ нейтрализуются [11, с. 108 – 109].

Центральное положение в поле средств выражения каждого из перечисленных РЖ занимают перформативные конструкции, которые позволяют однозначно отличать один РЖ от другого на формальном уровне. РЖ мольба, языковое воплощение которого обуславливается его спецификой как перформативного высказывания и ситуацией, где реализуется исследуемая жанровая форма, актуализируется с помощью стандартных формул, высказываний-действий, сопряженных с тематической группой глаголов речевого воздействия **молить/умолять/умолять** (типичная семантика данной группы: произносить (произнести) что-л. каким-л. образом, выражая различные эмоции и тем самым воздействуя на собеседника, приводя его в определенное эмоциональное состояние, а также побуждая его к чему-л., к совершению какого-л. действия) [10, с. 552].

Молить 'Произносить настойчиво слова просьбы, упрасывая, умоляя кого-л.';

Умолять/умолять 'Склонить к чему-л. просьбами, мольбами' [10, с. 552].

См. также **взмаливаться** 'Произносить (произнести) слова жалобы, мольбы, усиленно умоляя о чем-л.; просить о чем-л.' [10, с. 1387]; **вымаливать** 'Об-

ратившись к кому-л. с усиленными просьбами, мольбой, добиться чего-л. желаемого' [10, с. 298].

Языковая форма, в которой может выражаться идея речи, равная действию, реализуется в высказывании на основе соответствующего глагола речи-действия в форме 1-го лица, настоящего времени, изъявительного наклонения, действительного залога: **Я (Вас, тебя) умоляю / молю (Вас, тебя) + форма императива**, которая является специализированным средством выражения побуждения в русском языке (возможно с частицей **НЕ** в случае пожелания того, чтобы действие не происходило):

– *Господин офицер, умоляю вас, **выслушайте** меня (А. Куприн. Путаница).*

Мольба, входя в жанровый кластер просьбы, является своего рода ее маркированным, усиленным вариантом, который требует обязательного использования специализированных средств выражения.

А. Г. Балакай в «Словаре русского речевого этикета» [2, с. 178, 281, 298] в качестве экспрессивной формы настойчивой просьбы, мольбы выделяет:

• **Заклинаю (Вас, тебя)** (чем-л. самым дорогим):

– *Зачем же, зачем вы разрушаете? Не надо, не надо, умоляю, **заклинаю** вас (А. Чехов. Дядя Ваня).*

См. **заклинать** – 'Произносить (произнести) настойчиво слова просьбы о чем-л., умоляя кого-л. о чем-л. во имя чего-л. высокого, святого'.

• **Заставь/те (Прикажи/те) за себя (о себе) (век, вечно) Бога молить!**:

– *Матушка Юлия Владимировна! Ваше высокоблагородие! Заступитесь за меня, сделайте божескую милость, примите все на себя: вам ведь ничего не будет. Я, мол, его через силу заставила. Ваше высокоблагородие! **Заставьте за себя вечно Бога молить!** – все это говорил кучер, везя Юлию домой (А. Писемский. Тюфяк).*

Реализация мольбы в отдельном высказывании, чаще эксплицитно перформативном, по мнению Н. И. Формановской, оказывается сигналом «субъективной жизненной важности для говорящего будущего действия адресата, независимо от объективной ценности такого действия» [12, с. 311 – 312]. Мольба возникает тогда, когда простая просьба не достигает перлокутивного эффекта. В этом случае говорящий прибегает к упрасиванию, уговариванию, где и актуализируется мольба:

Михеич поднял на Настену слезящиеся глаза и устало, вымогающе сказал:

– *Он здесь, Настена. Не отказывайся, я знаю. Никому не говори, откройся мне одному. Откройся, Настена, пожалей меня. Я ить отец ему.*

Настена покачала головой.

– *Дай один только и в последний раз увидаться. **Христом-богом молю**, Настена, дай. Не простится тебе, если ты от меня скроешь... Хочу я спросить его, на что он такое надеется? А? Не говорил он тебе? У нас в родове всякие бывали, но чтоб до такого дойти... От стервец дак стервец. Доигрался... Сведи нас, Настена, – почти с угрозой потребовал он. – **Христом-богом молю**: сведи. Надо заворотить его, покуль он совсем не испоганился. Ты сама видишь: дале некуда играть. Хватит. Пожалей меня, Настена, подмогни. И тебе легче будет.*

И, уже задумываясь, поддаваясь его *мольбе*, она покачала опять головой:

– О чем ты, тятя? Что я тебе скажу? Сказать-то нечего <...> (В. Распутин. Живи и помни).

При этом перформатив реализуется, как правило, однократно. Случаи многократной реализации перформатива в пределах одного высказывания единичны:

Молитвенно сложив ладони, она, не мигая, глядела на Ксению круглыми сумасшедшими глазами.

– *Умоляю вас!* – простонала она. – *Умоляю, умоляю, умоляю вас!* Позвольте мне поцеловать край вашей одежды! (Г. Алексеев. Зеленые берега).

Полагаем, что объяснением тому может послужить наблюдение Г. М. Ярмаркиной относительно просьбы как речевого субжанра обыденного общения, который тяготеет к одноактным высказываниям в виду его обусловленности спецификой протекания разговорного диалога (*стилизованного разговорного диалога в рамках художественного текста* – Р. Т.): ограничением времени на обдумывание, незапланированностью просьбы, очевидной спонтанностью побуждения в виде просьбы, как следствие, использованием в речи привычных, устойчивых способов выражения, не требующих дополнительных усилий и времени на обдумывание [15]. РЖ мольба характеризуется как спонтанное, обусловленное импульсивным поведением говорящего речевое действие и представляет собой реакцию на побуждение говорящего исполнить некое желание. О спонтанности побуждения в виде мольбы свидетельствует достаточно частотное употребление лексемы «вдруг», глаголов с префиксом вс-/вз- «*вскричала*», «*взмолилась*», указывающим «на внезапность, резкость, интенсивность начинающегося действия» [4, с. 124]:

Она *вдруг* упала передо мною на колени.

– Таня, я *молю* вас! (Е. Нагорская. Гнев Диониса).

– О, оставьте ее, *умоляю* вас! – *вскричал* князь, – что вам делать в этом мраке... (Ф. Достоевский. Идиот).

См. А на полях последней страницы она написала: «Бабушка, квартира на СталГРЭСе большая, места всем хватит. *Умоляю* тебя, приезжай». И в этом *неожиданном вопле* было высказано то, чего Вера не написала в письме (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

В побудительной конструкции зачастую звучит призыв к адресату пожалеть говорящего.

– Да ангелы вы мои, люди добрые, – опять *взмолилась* мать, – *пожалейте* хоть вы старуху, я только теперь маленько и свет увидела... (В. Шукшин. Материнское сердце).

– Ваше сиятельство, именем Христовым *молю* вас: *пожалейте* себя и нас, – *успокойтесь*... (А. Амфитеатров. Княжна).

Движимый стремлением повлиять на реакцию адресата, его собеседник для выражения мольбы использует интенсификаторы:

1) предлог «*ради*» + существительное, номинирующее нечто высокое, святое, во имя чего (кого) говорящий умоляет, настойчиво просит адресата исполнить его просьбу. Это номинации:

а) высших сил

Ради Бога, Бога ради (в зн. межд. Пожалуйста (при усиленной просьбе)).

Ради Христа, Христá ради (I. в зн. межд. Употр. при выражении просьбы; пожалуйста, прошу об этом (первоначально при выпрашивании милостыни во имя Христа). II. в зн. нареч. *Христóм* богом просить (*молить* и т. п.)). Употр. при выражении усиленной, настоятельной просьбы; во имя самого Бога).

– Анна Николаевна, *Ася*, – *твердил я*, – *пожалуйста, умоляю вас, ради бога, перестаньте* <...> (И. Тургенев. Ася).

За-ради Бога, Ради всего святого, то есть, пожалуйста [4, с. 1056]:

– Таня, *отдай мне эту змейку*, – *прошептала* Надя, – *прошу тебя ради всего святого, умоляю* <...> (В. Аксенов. Любовь к электричеству).

– *Прошу тебя, умоляю тебя пречистой божьей матерью, Христом, распятым на кресте*, – *скажи мне, как просить тебя*, – *ты знаешь, я ни перед кем в жизнь мою не падал в ноги – пожалуйста, я упаду перед тобою!* (И. Лажечников. Последний Новик).

б) родителей (чаще во имя памяти покойных родителей);

– *Умоляю тебя, Андрюша, бога ради, ради своего покойного отца, ради моего покоя, будь с ним ласков!* (А. Чехов. Черный монах).

Мать моя *вдруг* бросилась перед меня на колени:

– *Умоляю тебя прахом матери твоей и моей горестью: не веди старость мою во гроб с мучением* (А. Лабзина. Воспоминания).

2) местоимение «*весь*» + существительное «*душа*», «*сердце*» (молю всей душой, всем сердцем, всем существом своим и т. п., то есть пылко, горячо. См. душа [4, с. 290]):

– *Я всей душою молю вас о разрешении по-прежнему быть подле вас* <...> (В. Рыбаков. Сказка об убежище).

3) наречия «*слёзно*», «*коленопреклоненно*», «*униженно*» и т. п., усиливающие мольбу:

– <...> *умоляю вас слёзно*, не любопытствовать более об этой матери, ибо сердце мое разрывается, и горько, тягостно (Ф. Достоевский. Бедные люди).

Если при реализации языковых средств, относящихся к центру поля, происходит четкое противопоставление РЖ, то при использовании периферийных средств оказывается возможной нейтрализация жанровых различий, к примеру, тогда, когда принадлежность высказывания к той или иной жанровой форме не требует специального выражения, поскольку она однозначно определяется ситуацией общения. Кроме того, говорящий может намеренно не маркировать однозначно жанровую принадлежность своего высказывания, так как это для него нерелевантно или противоречит его коммуникативным интересам [11, с. 110 – 111]. Побудительные высказывания могут выглядеть как побуждения, совмещающие перформативы:

а) просить/молить:

– *Прошу Вас, молю Вас, ибо некого мне просить* <...> (И. Шмелев. Переписка).

Перформативные конструкции могут настолько усиливать просьбу, что приближают ее к мольбе [11, с. 110]:

– *Ах, не приставайте ко мне, прошу вас*, – *скорбно* сказал Цинцинат (В. Набоков. Приглашение на казнь).

б) просить/молить/требовать:

– <...> и я **прошу** вас, **требую** именем нашей дружбы, услуги моей вам, **молю** вас – не упоминать ни мне и никому здесь другому о ней никогда (Г. Данилевский. Беглые в Новороссии).

Ср. высказывания, где просьба и мольба противопоставляются:

– Я не **прошу**, а **молю** Вас ... (П. Лебедев. Письма);

– Таня, я **прошу** вас, просто **умоляю**! (В. Аксенов. Таинственная страсть).

в) молить/заклинать

– Александр Давидыч, – сказал он дрожащим голосом, – спаси меня! **Умоляю** тебя, **заклинаю**, пойми меня! Положение мое мучительно (А. Чехов. Дуэль).

Языковые средства реализации мольбы тесно связаны с невербальными семиотическими элементами, а потому моделирование ситуации мольбы невозможно без описания последних. Исследование соматизмов и соматических речений как словесных описаний невербальных знаков, представленных в тексте художественного произведения, позволяет оценить внешнее проявление физиологических состояний адресата в драматической ситуации. В системе паралингвистических, эмоционально-экспрессивных по своей сути, элементов:

1. Жестово-мимические знаки:

а) жесты индивидуальные [12, с. 375], вербализованные фразеологическими соматизмами:

- ползать на коленях; становиться/стать, опускаться/опуститься, (по)валиться, падать/упасть, бросаться/броситься на колени, в ноги; ползать в ногах, на коленях [1, с. 41, 55]:

– <...> **помогите же мне, по обещанию вашему. Только десять миллионов червонцев, умоляю вас!**

И с теми словами несчастный **упал предо мною на колени** (В. Одоевский. *Opere del cavaliere Giambattista Piranesi*).

См. фразеологизм **На коленях умоляю (Вас, тебя)** (сделать, сделайте; не делать, не делайте что-л.) Разг. Экспрессив. Формула страстной просьбы, мольбы [2, с. 542].

– Жена ждет тебя. Пожалуйста, приезжай. И главное, **переговори с ней. Она удивительная женщина. Ради Бога, на коленях умоляю тебя!** (Л. Толстой. Анна Каренина).

- вскидывать/вскинуть руки (в мольбе), возносить/вознести, воздевать/воздеть руки (к небу) [1, с. 77], прижимать/прижать, прикладывать/приложить) руку (руки, кулак, кулаки) к груди (к сердцу) [1, с. 95], складывать/сложить руки в мольбе [1, с. 100 – 101]:

Генка **умоляюще прижал руки к груди.**

– Я не нарочно, я не... это... (В. Шукшин. Гена Пройдисвет).

– Сударыня, – вскричал Митя, **складывая перед ней руки ладонями в бессильной мольбе**, – вы меня заставите заплакать, сударыня <...> (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).

- кланяться:

Митрий Степаныч **встрепенулся и низко поклонился** чиновнику.

– Униженно **молю** вас – пощадите наши древности! (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

Мать вдруг автоматическим движением передала девочку бабушке и **стала передо мной на колени.**

– Дай ей капель, – сказала она и **стукнулась лбом в пол**, – удавлюсь я, если она помрет (М. Булгаков. Стальное горло).

б) жесты индивидуально-взаимные как один из способов побудить адресата к действию:

– Я **прошу** тебя, я **умоляю** тебя, – вдруг совсем другим, искренним и нежным тоном сказала она, **взяв его за руку**, – никогда не говори со мной об этом! (Л. Толстой. Анна Каренина).

– Голубчик, Тосенька, **умоляю** тебя! – пристал к нему Корсаков, **хватая его нервно за обе руки** (В. Авенариус. Отроческие годы Пушкина).

Жест (в широком смысле слова) образует второй ряд общения, который высвобождает вербальный канал для основной логико-содержательной, пропозициональной информации и берет на себя главным образом модусные функции, отражая эмоциональные, интенциональные, социальные и т. п. пласты смыслов [12, с. 368]:

в) мимические знаки, прежде всего, взгляд. Соматизмы, описывающие взгляд, сопровождаются знаками эмоционального состояния:

– **Умоляю** вас, **поймите...**

Она **глядела на него со страхом, с мольбой, с любовью, глядела пристально**, чтобы покрепче задержаться в памяти его черты (А. Чехов. Дама с собачкой). **С надеждой и страхом смотрел** Митя в умное, сильное лицо Воронихина, привыкшее сдерживать свои чувства и скрывать мысли.

– **Умоляю** вас, одну чистую правду (О. Форш. Михайловский замок).

О драматизме разворачивающейся ситуации свидетельствуют:

- слёзы

Надя села в постели и вдруг схватила себя крепко за волосы и **зарыдала.**

– Мама, мама, – проговорила она, – родная моя, если бы ты знала, что со мной делается! **Прошу** тебя, **умоляю**, **позволь мне уехать!** (А. Чехов. Невеста).

- нервная дрожь

Лаевский **влез в окошко и, подойдя к Самойлову, схватил его за руку.**

– Александр Давидович, – сказал он дрожащим голосом, – спаси меня! **Умоляю** тебя, **заклинаю**, пойми меня! (А. Чехов. Дуэль).

- побледнение как следствие особого эмоционального состояния. См. бледный [4, с. 83].

Принцесса **побледнела**, **вскочила со скамейки.**

– **Умоляю** вас, – произнесла она, – **говорите!** (З. Гиппиус. Время).

II. Фонационные знаки, которые «всегда вмонтированы в речь» [12, с. 382]. Среди проявлений значимой фонации:

- а) интонационные и тембровые модуляции.

– Но ради Бога, **устрой мне свидание с ней, умоляю** тебя, – **торопливо заговорил уже совершенно упавшим голосом** Николай Герасимович (Н. Гейнце. Герой конца века).

См. также **страстно попросил, обеспокоенно произнесла, с ужасом воскликнула, шептал хриплым от волнения голосом, простонала, искренним и нежным тоном сказала, скорбно сказал.**

б) степень громкости и скорости речи, которая может варьироваться.

– Но позвольте же и мне, – **завопил** вдруг Митя, – в последний раз **умоляю** вас, скажите, могу я получить от вас сегодня эту обещанную сумму? (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).

Комментирующие авторские слова дают многообразные фонационные квалификации прямой речи персонажей: (громко) вскрикнула; со слезами в голосе молила; проговорил(-а) вполголоса, торопясь; торопливо заговорил, уже совершенно упавшим голосом; умоляюще (за)шептала; вымолвил шепотом; растерянно забормотал(-а); (пронзительно) (за)кричал(-а); зарыдал(-а); завопил(-а); воскликнула, с kloкочущим в горле криком.

в) паузация.

– Прошу! **Умоляю** вас!

Глаза мои наполнились слезами, и я принялась **сбивчиво, бестолково** перечислять причины и поводы моих горестей и несчастий... (Л. Чарская. Вторая Нина).

г) придыхания, связанные с эмоциональным состоянием адресанта.

– Говорите, **умоляю** вас! – продолжает она, **задыхаясь** и дрожа всем телом (Л. Шестов. Творчество из ничего).

Порой невербальные знаки выступают комплексно, поддерживая и усиливая друг друга [12, с. 381]:

Мужчина сделал **мученическое лицо, прижал руки к груди**, потом **протянул ко мне ладони** и едва не **упал на колени**:

– Я **умоляю** вас! – сказал он, как мне показалось, едва сдерживая **слезы** (З. Плавинская. Отражение).

В художественном тексте конструкции с прямой речью содержат авторский комментарий к фонационным знакам, передающим эмоциональное состояние адресанта:

– Товарищ Николай, – сказал я, чувствуя, что **от волнения сердце стучит у меня в груди, как стальной молоток**, – все, что вы говорите, прекрасно, но мне кажется, у вас лихорадка. **Умоляю** вас. Пойдите домой (Г. Чулков. Северный крест);

– Ради бога, – сказал я, **задыхаясь от внутреннего волнения**, – **умоляю** вас, кончимте этот разговор... мне тяжело, мне невыносимо тяжело... (М. Салтыков-Щедрин. Противоречия).

Таким образом, РЖ мольба представляет собой определенный сценарий, за которым закрепляется стандартный набор способов речевых действий, их последовательность в развитии коммуникативного события. Как и всякая иная жанровая форма, мольба обладает своими границами, нечеткими на уровне периферии РЖ в силу жанровой континуальности языка; основными (каноническая перформативная формула) и вариативными (наличие/отсутствие интенсификаторов, набор невербальных репрезентантов) компонентами, сигнализирующими о целях и интенциях коммуникантов. Существование в лоне художественного текста отражается на специфике исследуемого РЖ: жанровая структура мольбы предопределяется авторским идейно-художественным замыслом, отбор языковых средств реализации РЖ осуществляется с учетом художественно обусловленных намерений.

Литература

1. Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М., 1991. 144 с.
2. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001. С. 626 – 629.
3. Бахтин М. М. Проблемы речевых жанров // Собрание сочинений в пяти томах. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1996. Т. 5. С. 159 – 160, 181.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2001. 1536 с.
5. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 158 – 218.
6. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX – XX вв. М., 1990. 336 с.
7. Рабенко Т. Г. Жанр утешения и средства его языковой реализации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4(52). Т. 4. С. 107 – 111.
8. Рабенко Т. Г. Сплетня: юмористический профиль жанра (на материале рассказа А. Аверченко «Сплетня» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. (Серия: Филология. Журналистика). 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 45 – 50.
9. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005.
10. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999. 1020 с.
11. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102 – 120.
12. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007. 480 с.
13. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88 – 97.
14. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 197 – 203.
15. Ярмаркина Г. М. Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.

Информация об авторе:

Рабенко Татьяна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, rabenko@mail.ru.

Tatyana G. Rabenko – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ УНИВЕРСУМ СТИВЕНА КИНГА:
ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ДОСТОВЕРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**
Н. В. Рабкина

**STEPHEN KING'S IMAGINATIVE UNIVERSE: PROPER NAMES AS A MEANS
OF CREATING A TRUE-TO-LIFE REALITY**
N. V. Rabkina

Данная статья посвящена исследованию творчества американского писателя Стивена Кинга. Совокупность произведений одного автора образует художественный универсум, объединенный авторской философией, картиной мира, системой авторских концептов и другими специфическими чертами. Одна из легко узнаваемых характеристик прозы С. Кинга – обилие имен собственных, в частности, так называемых рекламных имен, служащих средством создания достоверной реальности как фона для «фантастического допущения». Анализ сборника рассказов *«Just After Sunset»* (2008) показывает, что наиболее разнообразной является группа рекламных имен, обозначающих марки автомобилей, что соответствует той роли, которую данное средство передвижения играет в американской лингвокультуре в целом и в творчестве С. Кинга в частности.

The article approaches the works of the famous American author Stephen King as a complex author's universe, organized by the author's philosophy, worldview, concepts and other features typical of this particular writer. One of the specific traits of S. King's prose is the abundance of proper names, especially the so-called «advertising names» which serve to create a credible fiction reality as a background for a «fantastical assumption». The analysis of *«Just after Sunset»* (2008) reveals that the most diverse group of advertising names features car brands, which corresponds with the significant role that cars play in American linguaculture in general and in S. King's oeuvre in particular.

Ключевые слова: творчество Стивена Кинга, фантастика, литература ужасов, ономастическое пространство текста, имена собственные, рекламные имена в художественном произведении.

Keywords: Stephen King, science-fiction, horror fiction, the onomastics of the text, proper names, brand names / advertising names in fiction prose.

«Романы ужасов» С. Кинга популярны во всем мире благодаря способности автора «втягивать» читателя в придуманный им мир, который в данной работе мы будем называть художественным универсумом, подразумевая совокупность хронотопов произведений одного автора. Представляется, что в большинстве случаев механизм вовлечения читателя в пространство текста у С. Кинга работает аналогично принципу создания «поэтического эффекта». Согласно теории поэтического эффекта, человек в состоянии получить некий особый вид эстетического наслаждения поэзией за счет того, что поэтический текст соблюдает основные когнитивные принципы при одновременном допущении определенного уровня свободы поэтического языка [14]: поэзия эксплуатирует в эстетических целях когнитивные процессы, изначально предназначенные для не-эстетических целей, и такое несовпадение рождает поэтический эффект [15]. Эстетическое наслаждение, таким образом, является результатом удачной комбинации узнаваемого и нового, прецедентного и оригинального. Достаточно вспомнить, какой популярностью в литературе и кинематографе всегда пользуются «переделки» сказок «на новый лад» или «переложения» пьес Шекспира на современный манер; какой успех в мире музыки имеют кавер-версии старых, «проверенных» временем хитов; насколько бесконечны вариации анекдотов, базирующихся на прецедентной ситуации «Возвращается муж из командировки...» или «A girl walks into a bar...».

Аналогичным образом действие большинства произведений С. Кинга разворачивается в обыденном, знакомом читателю мире, полном прецедентных фе-

номенов, устойчивых поведенческих паттернов. Даже если место действия выдуманно автором, как, например, «условные» городки Касл-Рок или Салем, то их урбанистическое пространство настолько архитипично, что с легкостью встраивается в пространство реальности, превращаясь в некое обобщенное «где-то на северо-востоке США». И на фоне этого знакомого, каждодневного и прозаического «где» и «когда» вдруг реализуется оригинальное фантастическое допущение – «а что, если?», и тогда комбинация привычного и неожиданного порождает эффект вовлечения.

Следовательно, куда важнее создать достоверную реальность, в которую читатель мог бы легко поверить, чем предложить читателю оригинальное фантастическое допущение. Д. А. Попов, исследующий воплощение идей психоанализа в творчестве С. Кинга, которое он относит к массовой культуре, отмечает, что Кинг смог создать из собственных фобий бесконечный художественный мир, «в котором есть все: от коварных инопланетян до злобных призраков, от взбесившихся собак до оживших автомобилей. При том, что талант Кинга позволяет ему действительно оживлять все эти химеры, делая их убедительно жуткими, почти реально существующими. В итоге читатель вместе с ним бесконечно блуждает по самым темным и отталкивающим закоулкам то ли собственной психики, то ли реального мира, смахивающего на воплотившийся ночной кошмар» [4, с. 282].

Важным средством создания достоверности пространства является грамотное использование в тексте онимов. Заметим, что злоупотребление словотворчест-

вом считается одним из признаков некачественного фантастического, точнее фэнтезийного текста: избытие авторских онимов, призванное создавать впечатление чужого, волшебного, «инакого» бытия, как правило, только затрудняют процесс чтения. В исследуемом же текстовом пространстве обилие имен собственных преследует прямо противоположную цель: создать максимально приближенную к реальности версию бытия, имитацию, симулякр реального мира, на чьем фоне ярче выделялся бы фантастический элемент.

Напомним, что фантастическое у Кинга не всегда фантастично в привычном смысле этого слова. Фантастическое допущение – не только «а что, если дом, в котором проживает обыкновенная американская семья, вдруг переродится в космический корабль и улетит?» или «А что, если игрушечная заводная челюсть, из тех, что покупают на Хэллоуин, вдруг заживет собственной жизнью?». Во многих фантастических допущениях С. Кинга, на первый взгляд, нет ничего фантастического: «А что, если в ресторане на посетителя нападет неожиданно сошедший с ума официант?», «А что, если обыкновенный школьный учитель решит убить босса наркомафии?» или «А что, если на утренней пробежке одинокая женщина столкнется с маньяком-убийцей?». Условно «левый» компонент вышеприведенных формул представляет собой типичное, обыденное (ежедневная утренняя пробежка, обыкновенный загородный дом, заурядная игрушка, ничем не примечательное посещение ресторана), а условно «правый» – тот самый элемент необычного, странного, проявление фантазии автора (превращение, безумие, одушевление неодушевленного). Именно типичность, ординарность первого компонента позволяет читателю перевести предложенное автором фантастическое допущение на язык собственного «я»: «А что, если я на утренней пробежке столкнусь с маньяком?», «А что, если *моя* собака превратится в чудовище?», «А что, если *мой* автомобиль оживет?».

В художественном универсуме С. Кинга все взаимосвязано – собственно этот факт и позволяет назвать совокупность произведений этого писателя художественным универсумом, гипертекстом с запутанной системой гиперссылок, в основе которого лежит одна и та же картина мира, составленная из одних и тех же постоянно повторяющихся авторских концептов [11, с. 153]. Бесконечное множество миров в этом универсуме вращаются параллельно друг другу на некоей космической оси, однако энтропия вызывает разрушение этой концептуальной вертикали, что приводит к взаимопроникновению миров. Универсум С. Кинга по сути своей находится в состоянии постоянного, хронического динамического апокалипсиса. Поэтому те проявления необоснованного зла, к которым читатель привык по выпускам новостей (стрельба в школах, бытовое насилие, агрессивная социопатия и т. п.), в художественном универсуме С. Кинга объясняются не чем иным, как столкновением чуждых друг другу миров. Так, безумие у С. Кинга в большинстве случаев объясняется одержимостью – т. е. проникновением враждебных сущностей из чужих миров в тела обыкновенных людей. Поэтому даже те произведения Кинга, которые, на первый взгляд, основаны на вполне

реальных допущениях, по сути своей, фантастичны («Долорес Клейборн», «Девочка, которая любила Тома Гордона», «Игра Джеральда» и т. д.).

Итак, одним из способов создания достоверного художественного пространства выступает продуманное использование имен собственных, в частности, так называемых рекламных имен, вписанных в непосредственное окружение любого современного человека. Вещи – составная часть пространственно-временного фрагмента модели мира, элементы пространственности, связанные с человеком, его созидательной деятельностью и входящие в поле культуры [10]. Создание вещей «человеком творящим» (*homo faber*) – последняя стадия космогенеза и антропогенеза, актуально разворачивающийся этап творения. Вещь заключает в себе противопоставление «нечто – ничто», альтернатива ужасу и тоске необжитого пространства [8], «безвещности» небытия [10]. Получается, что имя-назрение вещей (и, соответственно, придумывание рекламных брендов) – маркер этой последней стадии космогенеза, завершающий этап творения, доведение мира до совершенства.

Информация, содержащаяся в товарных знаках, носит интеллектуальный и эмоциональный характер [6] и, как логично было бы предположить, определяет богатый стилистический потенциал рекламных имен. Однако если рассматривать ономастическое пространство художественного текста как имеющее ядерную структуру, то прагматонимы, эргонимы, гиперонимы и другие рекламные имена окажутся на периферии [7, с. 6]. Между тем Н. Л. Шведова подчеркивает актуальность исследований ономастики произведений массовой художественной литературы, в котором широко представлены не только классические имена собственные (антропонимы, топонимы, урбанонимы), но и прагматонимы, эргонимы, гемеронимы и другие «рекламные имена» [12]. И. В. Крюкова, отслеживая в своем диссертационном исследовании рекламные имена «от рождения» до приобретения ими прецедентного статуса, выделяет две функции, которые прагматонимы и иже с ними приобретают, попадая в художественный дискурс, а именно текстообразующую и стилистическую. Первая проявляется на уровне макроконтекста и заключается в способности рекламных имен организовывать текстовое пространство, среди всего прочего, и произведений художественной литературы, действие которых разворачивается в современном городе. Стилистическая функция реализуется в микроконтексте и предполагает способность рекламного имени выступать в качестве выразительного характеризующего средства за счет их емкого смыслового насыщения [2]. Прагматонимы способны служить не только целям характеристики персонажей, но и времени и места действия, употребляться в качестве яркого образного средства в составе тропов и стилистических фигур [13]. Интертекстуальное имя может выступать как свернутый репрезентант культурного кода [1].

Будем считать, что главной функцией рекламных имен в произведениях С. Кинга является характеристика времени и места действия как типичного – как некое «здесь и сейчас», и уже потом – характеристика персонажей, так как рекламные имена в составе опи-

сания персонажа характеризует его, в первую очередь, как принадлежащего нашему пространству, «этой реальности», которую он разделяет с читателем, и только затем – как принадлежащего к определенному социальному слою и т. д. Так, автомобиль «Мерседес» считается в США предметом роскоши, и этот прагматоним вынесен в заголовок романа «Мистер Мерседес» (2014). По сюжету романа серийный убийца угоняет у некоей зажиточной горожанки это элитное транспортное средство и использует его как оружие массового убийства. При этом общественное порицание доводит хозяйку автомобиля до самоубийства: в средствах СМИ ее описывают как беззаботную богачку, чье пренебрежение правилами безопасности (она якобы забыла ключи в машине) вызвало гибель простых граждан. Однако важнее то, что Мерседес, даже будучи предметом роскоши в США, все равно – более чем распространенная марка машины, которую читатель наблюдает на дорогах каждый день. Поэтому использование этого бренда в тексте романа призвано вызвать у читателя следующую логическую цепочку: раз Мерседес – это часть мира реальности, «моего мира», то существует вероятность, что и фантастическое допущение – безумец за рулем Мерседеса – тоже может стать частью реальности (особенно учитывая, что аналогичные происшествия время от времени попадают в заголовки новостей). А учитывая, что «Мерседес» – это прагматоним-глобализм, т. е. обозначение марки товара, распространенное в транснациональных масштабах и закрепленное в языковом сознании представителей различных лингвокультур [9], читатели из самых разных стран будут воспринимать это название как часть «своего мира».

Интересно, что Мерседес уже фигурировал у С. Кинга как «автомобиль маньяка» в рассказе «The Gingerbread Girl» (2008). В стране, где самая частотная для брендинга лингвокультурема – «Америка» [6], автомобиль немецкого производства явно приобретает некую отрицательную коннотацию, хотя бы за счет своей «непатриотичности».

Даже если проанализировать одни только заголовки произведений С. Кинга, можно прийти к выводу, что для этого автора имена собственные – не просто «бирки» или «ярлыки». В первую очередь, можно выделить антропонимы – имена главных персонажей, как людей (Carrie, Nona, Willa, Ayana, Blaze, Dolores Claiborne, Gerald's Game, Lisey's Story, The Dark Tower VI: Song of Susannah, Mrs. Todd's Shortcut, Dolan's Cadillac, Uncle Otto's Truck, Umney's Last Case, The Death of Jack Hamilton, L. T.'s Theory of Pets, Harvey's Dream, For Owen), так и не-людей (Cujo, Christine). Обращает на себя внимание тот факт, что многие антропонимы в заголовках стоят в той или иной притяжательной форме ('s / of). Затем следуют топонимы, как реальные ('Salem's Lot / Jerusalem's Lot, Crouch End, The House on Maple Street, Brooklyn August, The Colorado Kid.), так и явно вымышленные (The Dark Tower V: Wolves of the Calla, The Little Sisters of Eluria). Обнаруживаются прецедентные имена культуры (The Girl Who Loved Tom Gordon, Blockade Billy, Rita Hayworth and Shawshank Redemption, The Reaper's Image), мифонимы (The Tommyknockers, Hearts in Atlantis, Cain Rose Up), рекламные имена-глобализмы (From a Buick

8, Mr. Mercedes, Dolan's Cadillac), оронимы – названия элементов рельефа (Duma Key, Colorado Kid), урбанонимы (Lunch at the Gotham Café, Rita Hayworth and Shawshank Redemption).

Некоторые названия содержат нарицательные существительные, которые в контексте произведения переходят в имена собственные. Так, заглавие Rose Madder (1995) переводится как «Роза марена», название определенного оттенка масляной краски, и одновременно Роза – имя главной героини, которой приходится сойти с ума, чтобы избавиться от роли жертвы и начать новую жизнь, поэтому в заглавии романа Rose Madder параллельно основному значению реализовано и контекстуальное – нечто вроде «Более безумная Роза». Аналогичная языковая игра имеет место быть и в названии другого известного романа Misery (1987): по ходу действия выясняется, что «Скорбью» или «Невзгодой» зовут героиню романа, который сочиняет главный персонаж. Впервые прочитав название романа Blaze (2007), читатель может начать строить различные предположения относительно его содержания (blaze – 1) пламя, вспышка, 2) отметина), однако оказывается, что в данном случае это имя собственное – сокращение от фамилии главного антагониста (Blaisdell), и неслучайное совпадение с именем нарицательным расширяет для читателя возможность интерпретации.

В художественном универсуме С. Кинга имяназрение имеет значимую, магическую функцию. Так, в романе «Буря столетия» имя антагониста представляет собой анаграмму слова «легион», что рождает у читателя соответствующие ассоциативные связи с текстом Библии; достаточно редкое имя героини рассказа «Уилла» указывает на ее уникальность – из всех пассажиров перевернувшегося автобуса только одна Уилла догадывается, что все они оказались «на том свете»; для героини серии романов о «Темной Башне», страдающей биполярным расстройством личности, обретение нового имени означает обретение нового, цельного «я» и т. д.

В качестве примера на предмет рекламных имен был проанализирован сборник рассказов *Just After Sunset* (2008). На первом месте по вариативности здесь идут марки машин: *Cadillac, Mustang, Avis Nissan, Mercedes / M'cedes, Volvo, Winnebago, PT Cruiser, Jaguar / Jag, Dodge, 4Runner, Lincoln, Vespa* (мотороллер), к которым можно причислить и транспортные компании (*Northern Flyer, Motor-Pool King, American Airlines*). Затем следуют названия еды (*Dunkin' Donuts, Reese's, Ring Ding, Ho Ho, Twinkies, Krispy Kreme, Fritos Corn Chips, Pomona's Pectin, Wonder Bread, Little Friskies* (корм для животных), названия пунктов общественного питания (*Stouffer, McDonald's, Wendy's, Burger King, Blarney Stone Pub, Donald's Grill, Aunt Kay's Restaurant, Hav-A-Bite Pot o'Gold, Zoltan's Family Bakery* (последние два – несуществующие) и бренды напитков (*Budweiser, Kahlúa, Red Bull, V-8, Lipton, Pepsi-Cola, Coca-Cola, Dasani, Zephyrhills*). Далее можно выделить периодические издания (гемеронимы) и телеканалы (*Cavalier, Dude, Adam, The New York Times, Penthouse, Gallery, Rural Insurance Newsletter, the Post, A&E, CNN*), марки одежды (*Levi's, Nike, Izod, Big Dog, Toughskins, Victoria's*

Secret), названия лекарственных препаратов и медицинских компаний (*Zomig, Sucrets, LIPID, Paxil, Prozac, Takeda Pharmaceutical, Tri-Dormal-G* – вымышленный препарат). Довольно разнообразны названия магазинов и торговых сетей (*Staples, Nite Owl, Publix, Video Stop, Borders, Athletic Attic*), среди которых есть и вымышленные (*Kozy's Qwik-Pik, Bobby Trickett's Used Books, Vinton Wire and Cable*). Хорошо представлен сектор, связанный со спортом: спортивные объединения (*Seattle Mariners, FSU 'Noles, Georgia Giants, Toronto Blue Jays, Yankees*), тренажерные залы (*Gold's Gym, The Fitness Boys*), производители спортивных принадлежностей (*Hillerich & Bradsby, StairMaster*). Упоминаются названия отелей (*Grove Motel, Morris Hotel, Wradling Hotel* (последние два – вымышленные)), лотерей (*Megabucks, Powerball*), банков (*The American Express, AmEx, Shearson Lehman*).

Некоторые брендовые названия превратились со временем в так называемые *generalized / generic trademarks*, т. е. перешли из разряда имен собственных в нарицательные. К примеру, изначально слово «*Hoover*» представляло собой название фирмы, производящей пылесосы, однако с течением времени в американском английском оно стало означать любой пылесос, и появился соответствующий глагол «*to Hoover*». В исследуемом тексте обнаруживаются подобные родовые прагматонимы: *Breathalyzer* – аппарат для проверки на наличие алкоголя у водителя, *Polaroid* – фотоаппарат, делающий моментальный снимок, *Kleenex* – бумажные носовые платки, *Formica* – ламинированное покрытие, часто использующееся для кухонных рабочих поверхностей, *Lucite* – прозрачный пластик, *Dumpster* – металлический мусорный контейнер, *Frisbee* – пластиковый диск для метания, *Barbie, Ken* – куклы женского и мужского пола, *to Google* – искать в интернете через поисковый браузер. Заметим, что, несмотря на переход в нарицательную сферу, капитализация сохраняется, даже в случае с глаголом «*to Google*».

Менее разнообразны рекламные имена, относящиеся к следующим объектам бытовой культуры: энергетические компании (*Texaco, Con Ed, Enron*), компьютерная техника (*Macintosh, PowerBook, Dell*), сотовые телефоны (*Motorola, Nokia*), бытовая техника (*KitchenAid*), запчасти (*Briggs & Stratton*), инструменты (*X-Acto*), бытовая химия и приборы для уборки помещений (*Downy, O-Cedar*), часы (*Brookstone*), обогреватели и кондиционеры (*Wolfe & Sons*), курьерская служба (*FedEx*), матрасы (*Sleepy's*), фотоаппараты (*Nikon*), удочки (*Zebco*), электробритвы (*Norelco*), пистолеты принадлежности (*UniBall*), сигареты (*Lucky Strikes*), страховые компании (*Light and Bell* – вымышленная).

Из приведенных примеров видно, что автор довольно часто создает рекламные имена самостоятельно, однако следует при этом привычным, продуктивным моделям, что не умаляет достоверности создаваемого мира, «идентичного натуральному».

Наиболее вариативными оказались наименования марок автомобилей (11 наименований), что в целом соответствует той роли, которую индивидуальное средство передвижения играет в американской культуре. Представляется, что культ автомобиля в чем-то

связан с национальной идеей фронтира: машина позволяет расширять личное пространство водителя, его персональную ойкумену. Машина дает свободу передвижения, а свобода – главная национальная американская национальная идея. Все пространство США пронизано развитой системой автомагистралей, транспортная инфраструктура в этой стране необыкновенно развита: на машине можно пересечь весь североамериканский континент от океана и до океана, не испытывая в пути неудобств с едой, бензином и ночлегом. Отсюда проистекает необыкновенно популярный жанр «*road movie*», основывающийся на единстве времени и пространства: герой двигается из пункта А в пункт Б, попадая во всевозможные истории, каждая из которых способствует его внутреннему росту и взрослению, в результате чего в пункт А он прибывает совсем другим человеком – расстояние переходит в личностный опыт, реализуется так называемый мономиф [3]. Художественный универсум Кинга также реалистичен с точки зрения географии: он изобилует топонимами, урбанонимами, оронимами, ойконимами, ойкодонимами и дромонимами (названиями дорог) и т. д., при том, что автор порой создает для своих книг вымышленный урбанистический фон действия и может видоизменять топографию существующих городов. Так, уже упоминавшийся ранее провинциальный городок Касл-Рок стал своего рода Йокнапатофой кинговского универсума: хотя такого места и нет на карте США, читатель с легкостью верит в его существование.

Учитывая ту важную роль, которую играют автомобили в американской картине мира, не удивительно, что им посвящены многие произведения С. Кинга (*Christine, From a Buick 8, Mr. Mercedes, Dolan's Cadillac, Uncle Otto's Truck*), причем машинам достается весьма отрицательная роль. В романе «Почти как Бьюик» автомобиль становится порталом в параллельный мир. В рассказах «Кристин» и «Грузовик дядюшки Отто» антропоморфизация машин приводит к тому, что они начинают проявлять не самые достойные человеческие качества – ревность, мстительность и т. д. Автомобиль одушевляется до такой степени, что может стать одержимым злым духом. В романе «Мистер Мерседес» машина выступает орудием убийства и описывается через метафору «автомобиль – чудовище». В «Кадиллаке Долана» и «Куджо» замкнутое пространство автомобиля помогает реализовать авторский концепт «несвобода» [5], а в романе «Дорожные работы» главный герой террористическими методами пытается предотвратить прокладку шоссе через свой город.

Распространенность названий сетей быстрого питания и еды легко объяснить исходя из всё той же теории «повышенного реализма» универсума С. Кинга: герои его романов – обыкновенные люди и, следовательно, питаются самой обыкновенной пищей, той же, что и читатель, благодаря чему читателю становится легче идентифицировать себя с ними. (Вспомним распространенный дингвокультурный стереотип, согласно которому большинство американцев страдает избыточным весом из-за вредной пищи, приобретаемой в заведениях типа Макдональдс и Бургер Кинг). Здесь срабатывает мифологический компо-

нент: совместная трапеза, преломление хлеба за общим столом, связано с братанием, установлением связей, аналогичных родственным. Кроме того, согласно мифологической логике, принять пищу в чужом пространстве означает стать частью этого пространства (сюжет запрета на принятие пищи в царстве мертвых и т. д.). Таким образом, разделяя с героем фантастического произведения одну и ту же пищу, читатель не только сопереживает ему – читатель как бы разделяет с героем одно и то же пространство: подсознательно отмечая про себя тот факт, что герои едят ту же пищу, что и он сам, читатель убеждает себя в реальности авторского универсума.

Таким образом, обилие имен собственных и, в частности, рекламных имен, в текстах фантастических произведений С. Кинга, способствует созданию дос-

товерного универсума, который читатель начинает воспринимать как свой собственный, в результате чего острее воспринимает и авторское «фантастическое допущение», приходя к следующему выводу: «то, что произошло в мире, полностью аналогичном моему, может произойти и со мной». Удачная комбинация обыденного и знакомого с фантастическим и невероятным объясняет популярность творчества С. Кинга именно как элемента массовой культуры. Краткий анализ рекламных имен, встречающихся в одном сборнике рассказов этого писателя, позволяет предположить, что распределение брендовых наименований в какой-то степени отражает не только авторскую, но и национальную картину мира, важной частью которой являются автомобили и сети быстрого питания.

Литература

1. Елистратова К. А. Поликодовая языковая личность поэта: лингвосомиотический аспект (на материале поэтических текстов Веры Полозковой) // Научный диалог. 2012. № 12: Филология. С. 137 – 147.
2. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 360 с.
3. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: Рефл-бук: АСТ; Киев: Ваклер, 1997. 383 с.
4. Попов Д. А. Творчество Стивена Кинга как художественное воплощение психоаналитических идей // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 2(45). С. 281 – 283.
5. Рабкина Н. В., Шалимова И. В. Художественный концепт «несвобода» в творчестве Стивена Кинга // Вестник КемГУ. 2012. № 4. С. 112 – 115.
6. Стадульская Н. А. Британские и американские товарные знаки как отражение ценностного отношения к окружающей действительности // Фундаментальные исследования. (Серия: Филологические науки). 2013. № 8. С. 1495 – 1500.
7. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 76 с.
8. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ. М., 1995. 624 с.
9. Фоменко О. С. Прагматонимы-глобализмы: лингвистический статус и функциональная характеристика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 209 с.
10. Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 248 с.
11. Шалимова И. В., Годунова К. Е. Концепты «imprisonment» (заклечение) и «madness» (безумие) в творчестве Стивена Кинга // Вестник КемГУ. 2013. № 4(56). С. 153 – 157.
12. Шведова Н. Л. Функционирование прагматонимов в произведениях массовой литературы // Известия ВГПУ. 2011. № 7(61). С. 52 – 62.
13. Шведова Н. Л. Прагматонимы в произведениях художественной литературы: рекламная и стилистическая функции // Известия ВГПУ. 2011. № 10(64). С. 67 – 71.
14. Shen Y. Cognitive constraints of verbal creativity. The Use of figurative language in poetic discourse // Cognitive Stylistics. Language and Cognition in Text Analysis. Lancaster, 2002. P. 211 – 229.
15. Tsur R. Aspects of Cognitive Poetics // Cognitive Stylistics. Language and Cognition in Text Analysis. Lancaster, 2002. P. 280 – 317.

Информация об авторе:

Рабкина Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и лингвистики КемГУ, nrabkina@mail.ru.

Nadezda V. Rabkina – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Translation, Interpretation and Linguistics, Kemerovo State University

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА В АНОНСЕ НОВОСТНОЙ ПРОГРАММЫ

Ф. С. Рагимова

CASE PHENOMENA IN THE ANNOUNCEMENT OF THE NEWS PROGRAM

F. S. Ragimova

Статья посвящена анализу анонса, компрессия которого формируется использованием определенных языковых средств, среди которых существенную роль играют прецедентные феномены. Одним из важнейших вопросов в организации медиатекста является его объем, что обусловлено, с одной стороны, стремительным ростом информационных потоков, а с другой – общеязыковой тенденцией к экономии речевых усилий. Общество требует от современного медиатекста высокого качества. Любой журналистский материал создается для достижения определенного результата. Чтобы добиться поставленной цели, журналисту необходимо использовать определенные средства. Эффективность воздействия медиатекста, его языковая убедительность и психологическая приемлемость являются обязательной составляющей этой технологии, в основе которой – коммуникация и учет механизмов воздействия на адресата. Происходит изменение места СМИ в обществе, развиваются информационные и проектные технологии, усложняются профессиональные требования к автору медиатекста, – все это свидетельствует о необходимости особого творческого и прикладного подходов как при создании текста СМИ, так и при его восприятии и обработке. Этому во многом способствуют прецедентные феномены, включенные в структуру медиатекста.

This article analyzes the news announcement, where the compression is formed by the use of certain linguistic resources, among which precedent phenomena play a significant role. One of the most important issues in the organization of media text is its scope, which is, on the one hand, is due to the rapid-growing volume of information flows, and, on the other, to the effort-saving tendency of the common language. Society demands a high text quality from the modern media. Any journalistic material is created in order to achieve particular results. To achieve the set goal, a journalist has to use particular means. The effectiveness of a media text, its language credibility and psychological suitability are essential parts of this technology, which is based on communication and mechanisms of influence on the recipient. The role of media in society is changing, informational and design technology develop, professional requirements to the authors of media texts are getting more complicated. All these tendencies demonstrate the need for special creative and applied approaches in both the creation of the text media and in its perception and processing. Precedent phenomena, included in the structure of the media text, serve this purpose.

Ключевые слова: медиатекст, прецедентный феномен, анонс, компрессия.

Keywords: media text, precedent phenomenon, announcement, compression.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена рядом причин. Во-первых, представляет интерес исследование анонса как малого информационного жанра, которому, на наш взгляд, уделялось недостаточное внимание. Л. Е. Малыгина в работе «Телевизионный анонс» отмечает, что в настоящее время жанр анонса приобретает новые структурные черты, которые не характерны для, например, советского телевидения» [3, с. 31]. Во-вторых, представляется важным исследование роли категории прецедентности в малых информационных жанрах в аспекте информационной и языковой компрессии медиатекста. В-третьих, изучение новостного дискурса, а именно новостной программы, определяется тем, что телевизионные новости стали неотъемлемой частью жизни современного человека. Такое большое внимание к информационному дискурсу со стороны редакторов новостных программ превращает его в инструмент воздействия на телезрителя, а со стороны телезрителя – в активного потребителя, который ждет от новостной программы максимальной объективности и всесторонности освещения событий.

В современных СМИ продуктивно формируются и функционируют малые жанровые формы, «которые позволяют воспринимать максимальное количество информации за минимальное количество времени» (заметка, новостная лента, бегущая строка и др.) [6, с. 3]. Особенно это проявляется в новостном дискурсе, потому что основное внимание концентрирует-

ся на факте. В современном новостном дискурсе важна роль способов представления событий. Новостной анонс – один из способов передачи информации.

Исследователь Л. Е. Малыгина определяет *телевизионный анонс* как «компактную форму передачи актуальной информации, призванной воздействовать на сознание адресата и побуждать его к определенным действиям» [3, с. 2].

К основным характеристикам современного телевизионного анонса можно отнести следующие: отсутствие авторства; информативность (новизна информации); рекламность (узнаваемость «фирменного» голоса канала; подчеркивание уникальности качеств телевизионного продукта; преувеличение; создание эффекта обманутого ожидания); повторяемость (ротация и структурно-риторический повтор); хронотоп, так как композиционные требования к анонсу обусловлены ответами на вопросы: что?, где?, когда?; языковая игра (основанная, прежде всего, на прецедентности); интрига (создаваемая различными стилистическими средствами: катафорой, апозиопезисом, букализацией метафоры); высокая «плотность» текста (структурная краткость при семантической наполненности, усиленная наложением, переплетением риторических фигур); агрессивность за счет завышенной интонации, нанизывания риторических фигур и включения нелитературных речевых средств; усложнение зрительного ряда при минимизации закадрово-

го текста; создание и поддержание медиаимиджа (участие в формировании языкового облика канала).

Текстопорождение как важнейшая составляющая деятельности журналиста предполагает, помимо интуиции и творческого озарения, осознанный выбор автором таких языковых средств, которые бы эффективно решали стоящие перед ним задачи. Выбранные средства связаны с организацией текста и с рядом факторов, в числе которых — смысловая составляющая произведения, целеустановка на вид и жанр, интенция автора, коммуникативные обстоятельства. При этом автору медиатекста необходимо учитывать особые условия существования текстов массмедиа: мультимедийность, семиотическую осложненность, скоротечность, нехранимость получателем, симультанность и др.

Медиатекст характеризуется наличием определенного комплекса выразительных средств, среди которых особую роль играют прецедентные феномены. *Прецедентность* — коммуникативный феномен, представляющий собой некий факт, обладающий образцовостью (служит эталоном), императивностью (на его основе моделируются последующие тексты) и «такой спецификой отношений (таким разворачиванием текста), когда за А однозначно следует Б» [2, с. 24].

Широкое использование прецедентных феноменов в телевизионном анонсе связано, прежде всего, с возможностью компрессии монофрастического текста, к которому относится исследуемый жанр, при этом возникает языковая игра, способствующая привлечению внимания к анонсируемому факту. То есть сокращение объема медиатекста осуществляется методами языковой компрессии. Компрессия представляется как «обусловленное законом речевой экономии, требованиями жанра, особенностями информационного носителя упрощение в процессе обработки или порождения текста его поверхностной структуры — за счет повышения информативности языковых единиц и элиминирования тех компонентов, которые могут быть восстановлены из невербальной части текста, без изменения его информационной стороны по сравнению с исходным текстом или нейтральной стилистической нормой» [1, с. 167].

Текст до и после компрессии несет одну и ту же информацию об объекте описания. Но, уменьшая число языковых компонентов (морфем, слов, предложений), компрессия оказывает существенное влияние на сигнификативную сторону текста, перестраивая его грамматическую и семантическую структуру. В процессе перестройки компрессируемые компоненты «передают» свои функции некомпрессируемым компонентам, функциональная нагрузка которых становится иной по сравнению с их ролью в полной, не компрессируемой форме речи.

Предельное количество опускаемой информации зависит от текстовой нормы. Очевидно, что в разных текстах данная норма будет варьироваться, т. е. будет разной, однако есть и общий показатель: речевая единица не должна утрачивать своего сообщительного смысла. В противном случае компрессия текста приводит к коммуникативному сбою.

Материалом исследования, на котором рассматривается функционирование прецедентных феноменов в телевизионном медиатексте, послужили 13 вы-

пусков программы «Воскресное время с Ирадой Зейналовой» с 13.07.14 по 26.04.15.

Контент-анализ выпусков данной программы показал, что наиболее актуализированным в программе является канонический или цитатный способ представления прецедента. Например, *Дело — труба*. Источник: выражение собственно русское. Труба — слишком большая тяга в печах и расточительное сжигание дров.оборот *Дело — труба* образован «наращением» компонента *дело* разными эпитетами: *дело плохо, дело дрянь, дело труба*. Данный способ относится к числу базовых способов представления прецедентов в медиатексте. Мы, вслед за И. В. Фоменко, под каноническим прецедентным феноменом понимаем, во-первых, собственно цитату — точное, дословное воспроизведение чужого текста с факультативной ссылкой на источник; во-вторых, высказывание, не претерпевшее в принимающем тексте формальных изменений, т. е. цитатное прецедентное высказывание в значении «неизмененное» формально прецедентное высказывание [5, с. 75].

Обозначение анализируемых прецедентов как не-трансформированных, т. е. не подвергшихся изменениям, на наш взгляд, не вполне отражает характер данных феноменов. На самом деле формально — это точно воспроизводящий какой-нибудь фрагмент чужого текста феномен. Многочисленные исследования, посвященные семантике межтекстовых отношений, интертекстуальности, в достаточной мере показали, что включенная в текст цитата в значительной мере влияет на его семантику, приводя к новому, отличному от общезыкового, осмыслению выражений текста. В представленном анонсе семантическая трансформация обусловлена буквализацией, так как в анонсируемом сюжете речь идет о ситуации с газом (газопровод, газовая труба) между Россией и Украиной.

Трансформированные прецедентные феномены в анонсах программы «Воскресное время с Ирадой Зейналовой» представлены субституционными и импликационными замещениями. Трансформация предполагает моделирование (с позиции адресанта) и дешифровку (с позиции адресата) закрепленного в узусе лингвистического кода. Моделирование основано на стратегии отталкивания от стандарта. Адресант производит ряд формально-смысловых изменений исходного текста, результатом чего является ситуативная переориентация этого текста, появление в нем второго семантического плана. Трансформированный текст представляет собой своеобразный код, для дешифровки которого адресату необходимо знание исходного текста и понимание сути его преобразования. Прогнозируемый эффект воздействия на адресата может быть достигнут лишь при условии прозрачности, доступности для узнавания текста-источника. Например: в анонсе *А газ и нынче там* наблюдаем *поликомпонентную субституцию (замещение)*. Источник: «А воз и ныне там» — строка из басни И. А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак» (1816). Эффективность применения данного анонса-прецедента связана с представленной в анонсируемой сюжете прецедентной ситуацией: отказ Украины в поставках Европе российского газа. Замещение как модификационный способ характеризуется тем, что вместо «канонического» слова вставляется иное, как правило совпадающее с первым по своим

морфологическим характеристикам, ритмической структуре и синтаксической позиции. При замещении прямое значение прецедента обычно играет большую роль, при этом основная смысловая нагрузка падает именно на замещающее (новое слово). Замена компонентов прецедентного феномена закрепляет его за конкретной ситуацией, повышает выразительность высказывания, наполняет его новыми смысловыми оттенками, при этом исходное и производное могут находиться в разных отношениях друг с другом.

Критическая оценка в сюжете о недостаточности предпринятых мер по выходу из кризисной ситуации затопления на Дальнем Востоке отражена в анонсе *Спасение утопающих*. Поликомпонентная эвфориическая импликация (сокращение) позволяет самому адресату информации завершить фразу: *Спасение утопающих – дело рук самих утопающих*. Источник – роман (гл. 34) «Двенадцать стульев» (1928) советских писателей Ильи Ильфа (1897 – 1937) и Евгения Петрова (1903 – 1942). Текст лозунга, который был вывешен в зале клуба «Картонажник» города Васюки, где Остап Бендер давал местным любителям шахмат сеанс одновременной игры. Данная прецедентная модель позволяет журналисту уйти от прямой оценки и через аллюзию к тексту-источнику латентно выразить свое отношение к описываемой и анализируемой в сюжете ситуации. Именно импликация (упрощение, сведение сложного к простому) является одним из принципов построения массового текста (наряду с принципами чередования экспрессии и стандарта, диалогичности). Импликация способствует тому, что отображаемая в медиатексте ситуация по числу образующих ее компонентов и степени сложности отношений, связывающих эти компоненты, становится ситуацией с меньшим числом компонентов и с более простой системой текстовых отношений. Явление упрощения широко известно как прием манипулирования массовой аудиторией, при этом максимальная степень редукции имеет место в анонсе. Формально импликация представлена сужением компонентного состава прецедента. При этом способе трансформирования актуальными являются следующие параметры: позиция редуцированного элемента в структуре прецедентного высказывания; компонентный состав усеченного элемента (количественный и качественный параметры).

Особую роль, исходя из результатов контент-анализа, в анализируемых анонсах играет смешанный способ актуализации прецедентного феномена. Данный модификационный тип формируется через изменения в прецеденте, обусловленные сочетанием двух и более видов трансформаций.

Функционирование комбинаций, возникающих из сочетаний разного рода трансформаций, является не менее показательным, чем функционирование прецедентных феноменов, модификация которых носит «чистый» характер. В частности, смешанное трансформирование характеризуется сочетанием тех видов

трансформаций, которые в одиночном варианте являются наиболее представленными: субституция и экспликация, субституция и импликация, экспликация и изменение функциональной модальности прецедента и др. Например, в анонсе *Что дозволено Юпитеру?* применяются поликомпонентная импликация и изменение функциональной модальности. Источник: «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку» – крылатая фраза, впервые сказанная римским комедиографом Публием Теренцием Афронем. Переход утвердительной модальности в вопросительную в данном анонсе, во-первых, снимает категоричность; во-вторых, устанавливает (формальные) диалогические отношения коммуникантов. Вопросительные конструкции являются одним из основных структурно-грамматических компонентов межличностной вербальной коммуникации, более того, по самой своей природе они являются организатором и стимулятором речевого общения, средством активного воздействия на адресата. Не последнюю роль здесь играет тот факт, что в результате вышеуказанного изменения модальности используются два семантических типа вопросительных конструкций: риторический вопрос, и такой, ответ на который дан в медиатексте. При этом довольно часто эти два типа объединяются в рамках одной синтаксической конструкции. Поликомпонентная импликация создает эффект недоговоренности, языковой игры.

Итак, при апелляции к каноническому прецеденту воздействие в анонсе осуществляется в основном через ссылку на авторитет; при использовании неканонических прецедентных феноменов воздействие осуществляется через творческое переосмысление прецедентного источника в медиатексте с различными целями, например, для критической ссылки на свое протовысказывание, для осмеяния и пародирования первоисточника, для установления жанровой связи между текстами и др.

Анализ материала свидетельствует о том, что существуют случаи, когда наличие новых, оригинальных компонентов в медиатексте не только не способствует, а, скорее, мешает достижению целей медиатекста. К таким случаям можно отнести: 1) включение в анонс прецедента, который нарушает единый стиль оформления медиатекста; 2) использование прецедентного феномена, который создает интригу, но отвлекает от самого информационного повода, чаще всего такой недостаток возникает при отсутствии связи между прецедентным монофрастичным высказыванием и представленной в сюжете ситуацией; 3) сверхоригинальные решения, разрушающие медиаимидж программы, канала и т. д. В таких случаях креативное решение как самоцель уводит внимание от факта, и потребитель медиатекста больше наслаждается игрой, чем размышляет о характере представляемой ему информации.

Литература

1. Горохов В. М. Современный тезаурус теории журналистики // Вестник Московского университета. (Серия: Журналистика). 2012. № 1.
2. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
3. Малыгина Л. Е. Современный телевизионный анонс в коммуникативно-прагматическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

4. Фоменко И. В. Цитата // Русская словесность. 1998. № 1.
5. Синельников Ю. Г, Толстолицкая Е. В. Стилистические способы компрессии информации в малоформатных текстах современной французской периодики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. (Серия: Гуманитарные науки). 2011. Вып. № 6. С. 1 – 5.
6. Шокина А. Б. Языковая компрессия в рекламном тексте // Вестник МГУ. (Серия: Медиастилистика). 2008. Вып. 2.

Информация об авторе:

Рагимова Фарида Сиражадиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, ida.ragimova@yandex.ru.

Farida S. Ragimova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Journalism and Russian XXth Century Literature, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 81'366.58

**КОГНИТИВНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК МЕТОД
ДИСКУРСИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВРЕМЕННОЙ МЕТАФОРЫ**

М. Ю. Рябова

**COGNITIVE INTEGRATION AS A METHOD
OF DISCOURSE INTERPRETATION OF TENSE METAPHOR**

М. Ju. Riabova

Статья посвящена проблеме описания категориального значения времени английского глагола, семантика которого есть результат когнитивного сдвига, т. е. метафорического переключения, вследствие которого форма представляется как знак временной метафоры. Цель статьи заключается в попытке предложить метод интерпретации метафорического употребления форм глагола, содержащих метафору времени. Метод основан на механизме ментальной интеграции или когнитивного объединения, который позволяет анализировать категориальный смысл вербальной формы как интеграцию двух типов референций: дейктической (в форме иконических и индексальных знаков) и денотативной (в форме символических знаков). Анализ смысла темпоральности художественного дискурса позволяет установить, что данный смысл является результатом метафорического расширения. Механизм дейктической темпоральной референции осуществляется посредством форм категории времени. Механизм денотативной референции актуализируется в таксисных структурах, задающих порядок предшествования-следования, создавая временную иллюзию, не связанную со временем реального мира. Таким образом, временная метафора создает иллюзию изолированности мира художественного текста, давая возможность читателю воспринимать вымышленный мир как реальность.

The paper describes the process of decoding the categorical meaning of English tense forms characterized by a complicated temporal semantics as a result of cognitive shift, due to which the form presents itself as a sign of tense metaphor. The aim of the article is to offer a mechanism of metaphorical usage interpretation of grammatical forms (or tense metaphor). This mechanism is based on the principle of mental integration or cognitive blending that enables to interpret the categorical meaning of a tense form as a blend of dual references: deictic (iconic or indexical verbal signs) and denotative (symbolic verbal signs). The analysis of temporality encoded in tense forms of a given discourse reveals the semantics of temporal signification as a result of metaphorical extension within a hyper structure of a literary text. The mechanism of deictic temporal reference operates through tense forms. The mechanism of denotative reference operates through taxis constructions creating perspectives of anteriority – posteriority type, producing temporal illusions without any connections to the real time of the world. Thus, a temporal metaphor produces an illusion of total isolation of the fictitious textual world allowing the reader to perceive the imaginary world as reality.

Ключевые слова: когнитивная интеграция, временная метафора, темпоральность, референция, дейктическая референция, денотативная референция, таксис.

Keywords: cognitive blend, tense metaphor, temporality, reference, deictic reference, denotative reference, taxis.

Introduction: Mental spaces and conceptual blending

A conceptual blend is a general cognitive operation of mental integration or fusion of certain cognitive spaces or worlds. Conceptual integration is a basis for grammatical constructions of analogy, cognitive modeling, conceptual categorization or frame generating. The mechanism of blending is an operation of projection from some input cognitive space to an integral mental space, which is the basis of conceptions, mental conclusions, viewpoints, in-

terpretations, and is the backbone of cognition as such. Thus, blending can serve as a mechanism of interpretation, on the one side, and constructing of a metaphor as well as many other grammar phenomena (like tense metaphor), on the other side. Cognitive integration can be the basis of a metaphorization process [2]. We assume that blending can solve the problem of decoding the metaphorical meaning of words, grammatical verbal tense forms and structures that can present a case of metaphorical meaning. The aim of the

paper is to find an adequate mechanism of interpretation cases of metaphorical usage of grammatical forms (or tense metaphor). This mechanism is based on the principle of mental integration or cognitive blending.

1. A conceptual integration within a tense form semantics

The operation of projection within structures of different levels is the central cognitive idea of a conceptual integration. Projection connects frames to specific situations, to related frames or conventional scenes [2]. Projection

can connect related linguistic constructions. Projection is the backbone of analogy, categorization and grammar.

Thus, for example, with the help of a cognitive blend, using the operation of projection, it is possible to reconstruct the cognitive model of a temporal shift in a categorical system of tenses of the English verb within a deictic temporal reference. The frame of the temporal situation denoted by a verbal form "Future in the Past" can be modeled with a projection of the following type (Figure).

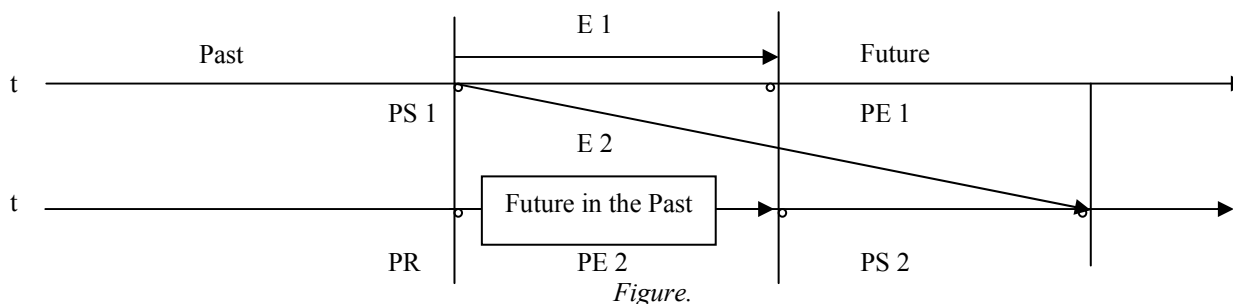

Figure.

As we see, this model is the result of blending of two referential lines representing verbal forms of "Future Simple" and "Future in the Past". This blend is the projection of coordination points: PS (point of speech), PR (point of reference) and PE (point of event). The corresponding temporal shift of the coordination point (PS 1) programs the situation denoting by the verbal form "Future in the Past" as a secondary relative temporal form. Thus, the metaphor, implied in the grammatical form "Future in the Past" is the result of actualization of its referential meaning in a fragment of a possible space where the event denoted by this form takes place, cp.:

The general secretary said there would be another round of talks;

This I told her was not true but I would contact the paper and see about it.

2. Cognitive tense metaphor

It can be assumed that every utterance is a part of a dialogue. As T. Todorov claims: "Dialogue can be interpreted in a much broader manner as referring not only to the direct verbal communication which is voiced between interlocutors, but also encompassing every form of verbal communication" [12, p.167].

The problem of temporal reference in any form of verbal communication (in a dialogue or any other form of discourse) is a cognitive interpretation of the language world image and its identification with the picture of reality. If one can recount or describe an event one has just perceived then the mere act of narrating this event will place the author outside the time-space where it has occurred. "It is impossible to be absolutely identified with oneself, to reconcile one's veritable 'I' with the 'I' of his narration, just as it is inconceivable to lift oneself up by his own hair. However realistic and authentic a represented universe may be, yet it can never be chronologically identical to the real representing universe in which the author-creator of the representation is located" [12, p. 171].

The essence of metaphor is understanding and experiencing one kind of things in terms of another [6]. Why do we use expressions metaphorically instead of saying exactly and literally what we mean?

According to Ch. S. Peirce, metaphor is an iconic sign which names its object on the principle of parallelism and/or similarity with another object [8]. A metaphor contains an indirect icon, which is not shown directly but is only described. W. Nöth argues that iconism of the metaphor is based on cultural conventions, as well as on the similarity between the image and a previously culturalized content [7].

Therefore, metaphor is not to be analyzed on the semantic, but rather on the pragmatic level. Metaphor is an instruction for interpretation. If the literal meaning of the phrase is obviously defective, then consider the real world situation and look for some other meaning in terms of resemblance. Most authors agree that metaphor rests on some sort of abnormality, on a deviation and discrepancy. The defective literal meaning has to be reinterpreted according to our knowledge of the lexicon and the world. The question how we link words and human experience leads to the problem of categories and properties: what is a category and which reality does it cover? At this point, the argument seems to have come full circle and returned to the semantic interaction theories that were first rejected.

A temporal metaphor is a metaphorical reference of time in a discourse which presupposes a distance between a referential time of the event denoted in the utterance and the "now" moment of the speaker (i.e. the moment of speech). Grammatically speaking, tense metaphor can be defined as a perceptible distance between two referential points in the process of temporalization: the "now" of the speaker and the "then" point of the event, i. e. asynchronism (or non-concomitance) between the formal grammatical time and the real temporal meaning of the sign.

In terms of C. Bach, tense metaphor is a functional textual entity: "A tense functions metaphorically if it appears not with the members of its own group, but in the 'foreign company' of the other group. Such tense form gets an unpredictable and surprising meaning" [1, p. 22], e. g.:

There was excitement in the air. Tomorrow was the great day: the boyar was coming, a bishop from Vladimir, too (E. Rutherford);

Now as autumn approached, the trees and the heavyset city itself were left with a light covering of the finest dust; summer now began to depart (E. Rutherford).

3. Cognitive shifting

A pragmatic mechanism that determines the metaphorization in temporal signification is the operation of shifting [3] or temporal localization [1]. A temporal localization is one of the procedures of temporalization that enables to locate different narrative programs in relation to each other temporally [1, p. 181]. As a result of this shifting two zero temporal positions are fixed in a discourse: the “then” time (or utterance time) and the “now” time (or enunciation time), which are distanced from each other and condition to create a special temporal perspective in the utterance, organizing the latter into a taxis structure of the order: concomitance – non-concomitance (anteriority – posteriority).

Thus, grammatical category of taxis is a way of programming a chronological order (or sequence) between the events in a discourse, which is characterized by the mechanism of temporal metaphorization of the reference based on the process of shifting out, which orders the progression of an anteriority – posteriority type. In other words, the grammatical category of taxis is a form of relations of consecution between narrative programs. A temporal localization interprets every presupposed narrative as either anterior or posterior to a presupposing narrative program. Such ordering of narrative events within a discourse represents a special type of temporal reference, different from the deictic reference of verbal tense forms, i. e. the reference which is non-deictic by nature and which we call a denotative temporal reference or temporal programming.

In general, temporalization in a discourse may consist of two sets of references: the first one – a deictic temporal reference functioning with the forms of verbal tense system (the principal of iconic and/or indexical signification) and the second one – a denotative metaphorical temporal reference functioning within taxis text forms and constructions (based on the principle of symbolism, i. e. language conventionality).

The two references are “means of pinning this universe onto a totally distinct exteriority – reference to the subject (to the domain of the enunciation) and reference to the object (to the world which surrounds human beings as referent). These references succeed only in the final analysis in producing illusions: the referential illusion and the enunciative illusion” [3, p. 102].

The mechanism of deictic temporal reference carried out through verbal tense forms was investigated and described by a large number of linguists. It appears that nowadays the interest is within the sphere of language games, i.e. unusual and/or nonconventional usage of language signs that are indicative, indexical, signaling, iconic and symbolic at the same time, and which corresponds to the concept of denotative reference or tense metaphor. As P. Hopper remarked “grammatical meaning, as much as lexical meaning, is capable of metaphorical extension, if not metaphorical in essence” [4, p. 1].

We assume that the concept of tense metaphor is characterized by the operation of shifting out or temporal programming. Temporal programming can be perceived at various levels.

1) The indexical level of signification when verbal tense forms (indexes) acquire unusual and metaphoric

temporal meanings in peculiar conditions of a communicative situation (in a dialogue).

2) The symbolic level of signification when verbal tense forms present taxis constructions which create perspectives of anteriority – posteriority type, producing temporal illusions without any connection to the real time of the world. A temporal metaphor produces an illusion of total isolation of the fictitious textual world from the outside real world. And we perceive in the text an imaginary world as if it really existed.

3) The iconic level of signification: a temporal metaphor combines the properties of an icon and that of a symbol, representing the chronological order of events in the utterance exactly in the way they occur in reality.

Consider examples at the indexical level of temporal programming:

Robert: I was catching the script of Sonia William's new novel, and I thought it might make him (the puppy) sick. You see, Miss Mockridge, how we talk of you novelists (J. Priestley)

– where the verbal form of Present Simple ‘talk’ refers the event to the moment of time prior to the speech point and thus the verb *talk* denotes a past action rather than a present one.

Cp.: Miss M.: Yes, I heard you (J. Priestley)

– the meaning of the Past Simple ‘heard’ includes the speech moment into the sphere of event time, so the past form *heard* has a present time interpretation (preterit-present).

Cp.: Robert: Yes, I can understand that. But why didn't you tell me? Why did you keep it to yourself, why have you kept it to yourself all this time? (J. Priestley)

– the Present Perfect tense form ‘have kept’ indicates that there is a temporal shift to the present, a past event is viewed from the present moment and is actual for the speaker.

Cp.: Freda (going out): I hear you had a very good time in America (J. Priestley)

– the Present Simple form ‘hear’ refers to a past event.

Cp.: Robert: It seems to me it's about time some of us began telling the truth – for a change (J. Priestley)

– the Past Simple form ‘began’ refers to a present or even future event.

Cp.: Freda: No, I wasn't thinking of Martin's. I must have been thinking of another one – perhaps your own (J. Priestley)

– the Past Continuous form ‘wasn't thinking’ refers to a present time event.

Cp.: Stanton: I'll see these infants home and then turn in myself (J. Priestley)

– the Present Simple form ‘turn in’ refers to a future event.

The examples given above illustrate the process of temporal programming of indexical tense forms. The indexical nature of shifters is the relation between a sign and an object when there is a space-temporal continuity between them. As Peirce states, reality is compulsive, but the compulsiveness is absolutely *hic et nunc* [8]. It is for an instant and it is gone. Reality can exist only as an element of metaphorical illusion or temporal approximation (achieved through the series of shifting). The use of narrative present in English has little in common with ‘time’ in either objective or linguistic sense, rather it deals with

shifts in how the participants in the discourse perceive the events, whether the speaker is aiming to create involvement with the interlocutor. The use of the so called 'present tense forms' in English is not necessarily constant across language games. In some contexts it will suggest a temporal deixis relative to the speech act. In others it is generic, in still others narrative, and so on. Explanations along the lines of the speaker bringing a past event into the present in order to lend vividness to the report confuse different language games, borrow a generalization from one language game in order to account for usage in another quite different one [4].

A symbolic level of metaphorization can be presented by taxis constructions, e.g.:

Robert: Did you know then that Martin had taken it? (J. Priestley);

After he goes out, the three who are left drift nearer the fire and one another (J. Priestley);

They laugh, and then there comes a subdued burst of laughter from the men in the dining room (J. Priestley);

Stanton: You wanted the truth, and now you're getting it.(...) Martin shot himself, and he did it knowing that he'd never touched the money (J. Priestley);

Gordon: You're just saying this because you're jealous (J. Priestley);

Freda: He told me himself how tired he was of your hanging about him and suddenly becoming hysterical (J. Priestley).

The first three examples illustrate taxis relations of non-concomitance with the accent on the temporal semantics of either anteriority or posteriority. While three further examples demonstrate simultaneity between the events of the utterances. The symbolicality of temporal programming accounts for the fact that the text, composed of imitation speech acts performed by fictional characters, is self-sufficient and needs only a reader to activate it. The reader creates the world of a literary text which is a part of a "possible world", where temporal oscillation may not necessarily correspond with the time of reality, presenting

itself as a function of a temporal order (in terms of consequence). Time, then, does not present a preexistent framework, a flux against which things happen, but rather time is secondary to sequencing. Time is defined by the sequentiality of events rather than the other way round.

The iconicity of a temporal reference is based on the following rule of interpretation: "In the absence of linguistically coded information, the order of representation of the actions conveys the order of the actions presented" [9, p. 306]. Similar ideas were earlier formulated by R. Jakobson who claimed that Caesar's acts as reported in the sequence *veni, vidi, vici* is a straight forward example of the way in which "the temporal order of speech events tends to mirror the order of narrated events in time or in rank" [5, p. 317].

Temporal reference in a literary text, unlike the one in a real communication, is hyper structural and multistage: the number of links and the degree of their complexity in the text increases greatly. The addressee of the text is not able to decode and/or reconstruct (and the author to program) all possible structural links and levels of meanings in the text. As a result, firstly, the mechanism of arbitrary connections within the text comes into operation: everything can be linked with everything, language grammar rules can be violated or "neglected" since a literary text has its own grammar and its own rules; secondly, there is a presumption of openness of text links, continuity and infinity of their numbers and meanings. The author produces a machine generating meanings and senses. There is a general structure of a textual sense ordered by the author and perceived by the reader plus a prospection of complex meanings and associations with much deeper and arbitrary links and an awareness of a principle openness of this structure. All this forms the concept of a literary text.

Thus, a general device that forms the hyper structure of a literary text is a metaphorical temporal reference (or temporal programming) that produces the alternation of time and space images.

References

1. Bach C. Verbal Aspect. A General Theory and its Application to Present-day English. Odense: Univ. press, 1985. 337 p.
2. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 22(2). 2001. P. 133 – 187.
3. Greimas A. J., Courtés J. Semiotics and Language. An Analytical Dictionary. Bloomington: Indiana Univ. press, 1982. 409 p.
4. Hopper, P. J. Times of the Sign. Carnegie Mellon University, 1989. 15 p.
5. Jakobson R. Selected Writings, Vol. 1. Phonological Studies. Paris – The Hague: Mouton, 1971. P. 316 – 319.
6. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. The University of Chicago Press, 1999. 242 p.
7. Nöth W. Handbook of Semiotics. Bloomington: Indiana Univ. press, 1990. 575 p.
8. Peirce Ch. S. Collected Papers of Ch. S. Peirce. Vol. 2. Cambridge Massachusetts: Harvard Univ. press, 1960. 535 p.
9. Posner R. Iconicity in Syntax // Iconicity. Essays on the Nature of Culture. Tübingen: Stauffungen – Verlag, 1986. P. 305 – 337.
10. Priestley J. B. The Dangerous Corner. Oberon Books, 2001. 107 p.
11. Rutherford E. Russka. New York: Ivy Books, 1992. 960 p.
12. Todorov T. Bakhtin's Theory of the Utterance // Semiotic Themes. Lawrence: Univ. of Kansas publ., 1981. P. 165 – 179.

Информация об авторе:

Рябова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и лингвистики КемГУ, mriabova@inbox.ru.

Marina Iu. Riabova – Doctor of Philology, Professor at the Department of Translation, Interpretation and Linguistics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

МАНИПУЛЯТИВНОСТЬ В ОБЫДЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

И. В. Савельева

MANIPULATIVE CAPABILITY IN EVERYDAY POLITICAL DISCOURSE

I. V. Saveleva

В статье дается краткий обзор исследований феномена манипуляции, а также определение речевой манипуляции; описываются существующие подходы к рассмотрению данного явления в разных типах дискурса: политическом, СМИ, рекламном дискурсе. Автор делает попытку исследовать манипулятивный потенциал текстового пространства интернет-комментариев, опираясь на имеющиеся в научной литературе классификации видов манипуляции, стратегий и тактик манипуляции, а также типичных приемов речевого манипулирования. Сегмент дискурсивного пространства, в котором формируется одна из важных составляющих языкового бытия общества – общественное мнение, относится к наименее исследованным областям проявления языковой способности личности. Однако, на основе полученных результатов автор делает вывод о том, что спонтанные онлайн-тексты обладают значительным потенциалом для исследования манипулятивной составляющей письменного общения в интернет-пространстве.

The paper gives a review of manipulation phenomenon and defines it from the scientific point of view. The existing approaches to manipulation research can be found in different types of discourse: political, media communication, advertising. The author attempts to study the manipulative capability of online comments, exploiting the contemporary scientific findings in this field: manipulation types, its strategies, tactics and language means that are commonly used by participants of everyday talk on politics. The space of discourse, regarded as the space for public opinions manifestation, is, at present, the least investigated discourse segments in which the linguistic capacity of a human is revealed and represented. However, due to the research outcome, the author concludes that immediate online comments possess increasing research potential as for manipulative capability study of written online discourse.

Ключевые слова: манипуляция, речевая манипуляция, манипулятивность, воздействие, дискурс, стратегия, тактика, речевой прием.

Keywords: manipulation, speech manipulation, manipulative capability, effect, discourse, strategy, tactics, speech technique.

Манипуляция – сложный и многосторонний феномен, который не одно десятилетие является объектом междисциплинарных исследований, находясь в фокусе внимания философов и психологов, лингвистов и политологов, маркетологов и специалистов в области рекламы. Известный американский врач-психотерапевт Эверетт Шостром в книге «Анти-Карнеги или Человек-манипулятор» писал: «Манипулирование – это псевдофилософия жизни, направленная на то, чтобы эксплуатировать и контролировать как себя, так и других» [21].

В психологии манипуляция традиционно понимается как «вид психологического воздействия, исполнение которого ведет к скрытому возникновению у другого человека намерений, не совпадающих с существующими желаниями» [8, с. 59]. Важными составляющими манипулятивного воздействия являются целенаправленное преобразование информации, а также искусная игра на чувствах, эмоциях, слабостях человека (например, страх, чувство вины, сочувствие, жадность), а также на его потребностях (например, потребность в самовыражении, в безопасности, уважении, признании) [18].

П. Б. Паршин отмечает, что, несмотря на отсутствие общепризнанного определения манипуляции, «эффективность и несоответствие интересам субъекта оценки – являются конститутивными для понятия манипуляции» [13].

Роль языка в данном процессе представляет особый интерес для его исследователей. По меткому замечанию Н. Э. Гронской, «язык умеет гримировать свои функции, умеет выдать одно за другое, умеет внушать, воздействовать, лжесвидетельствовать» [7, с. 221].

В лингвистике речевую манипуляцию (или речевое манипулирование) определяют как «такой вид взаимодействия между людьми, при котором один из них (манипулирующий) сознательно пытается осуществлять контроль над поведением другого (манипулируемого), побуждая его вести себя угодным манипулирующему способом... Причем делается это таким образом, что манипулируемый не осознает себя объектом контроля». При этом языковым называется манипулирование, «осуществляемое путем сознательного и целенаправленного использования тех или иных особенностей устройства и употребления языка» [15, с. 57 – 58].

К. Ф. Седов считает, что речевая манипуляция неизбежна в реальной повседневной коммуникации и определяют ее как «осуществляемое средствами коммуникации скрытое воздействие на человека, которое имеет целью изменение его эмоционально-психологического состояния» [16, с. 22].

Следовательно, через лингвистическую призму это явление видится как совокупность речевых действий и языковых средств, с помощью которых адресант оказывает некое воздействие на адресата в своих

собственных целях. Причем, как отмечается в некоторых работах, это влияние может не иметь мгновенного успеха и проходит незамеченным для объекта воздействия. По мнению Г. Шиллера, «для достижения наибольшего успеха манипуляция должна оставаться незаметной» [20, с. 85].

Кроме того, осуществляемое воздействие иногда не вполне осознается самим манипулятором, в данном случае признается существование неосознанной манипуляции. Здесь необходимо отметить, что поведение некоторых людей, в том числе и речевое, характеризуется типичной для них склонностью к скрытому управлению людьми с целью извлечь для себя выгоду. В этом случае причина подобного поведения – это свойство данной личности, которое принято обозначать термином манипулятивность. Тип человека-манипулятора выделяется как в психологии, так и в лингвистике. Э. Шостром манипулятором называет человека, «который относится к себе и другим лицам как к объектам, «вещам», подлежащим использованию и контролю. Современный манипулятор представляет собой продукт научного и рыночного подхода, в рамках которого человек рассматривается как вещь, о которой нужно много знать, чтобы уметь на нее воздействовать» [21]. Что касается манипулятивности как типичного речевого поведения, то тип языковой личности манипулятора рассматривается в работах ученых, занимающихся моделированием и типологией языковой личности [11; 17]. Но этот подход «от личности к тексту» предопределяет иной ракурс исследований: зная о манипуляторе, как о типической личности, можно найти его представителей среди литературных персонажей и т. д.

Как отмечает О. Н. Паршина, «в обыденной жизни многие из нас выполняют роль невольных манипуляторов без цели причинить зло. Манипуляции даже могут быть направлены, с нашей точки зрения, на благо «жертвы», конечно, не в соответствии с ее желаниями, но, по крайней мере, не во вред ей. Так, например, мать может использовать различные ухищрения для того, чтобы дочь не встречалась с «неподходящим», по мнению матери, молодым человеком. Мы же будем говорить об осознанной, намеренной, спланированной манипуляции, направленной на достижение корыстных целей» [14, с. 97].

Рассмотрим два примера из ситуаций повседневного общения. Дама, пребывая в восторге от только что сделанной покупки, рассказывает о ней коллегам. В результате на следующий день одна из ее коллег покупает такую же вещь. В данном случае рассказчица убедила свою коллегу, что вещь ей необходима, но сделала это неосознанно и не преследовала скрытых целей. Здесь можно говорить о коммуникативной стратегии саморепрезентации, реализация которой произвела параллельный рекламный эффект – убеждение партнера по коммуникации в необходимости сделать покупку.

Пример второй. Бабушка в разговоре с внучкой замечает, что она очень бы хотела участвовать в последнем розыгрыше лотереи, но в книжном киоске около ее дома почему-то нет билетов. В результате внучка покупает лотерейный билет, хотя бабушка ее

об этом не просила. Как видно из второго примера, пожилая женщина манипулирует своей внучкой (манипуляция на чувстве долга, уважения к старшему возрасту) в собственных интересах.

У зарубежных маркетологов существует точка зрения, что манипуляция – это достижение своих целей посредством убеждения [4]. Поэтому необходимо, на наш взгляд, разграничить манипуляцию и убеждение. С точки зрения теории коммуникации, убеждение – не совсем манипулятивный речевой акт, но если убеждение проводится не эксплицитно, а имплицитными средствами, против воли и без осознания собеседником, то в данном случае можно говорить о наличии манипуляции. Здесь мы согласимся с Е. В. Сергеевой, которая считает, что «манипуляция отличается от убеждения прежде всего тем, что при убеждении запланированный эффект достигается «добровольно», на основе воспринятых адресатом информации, разъяснений и доказательств, а манипуляция – это своеобразное «интеллектуальное насилие», совершаемое с помощью специфического приема или определенного набора приемов» [18].

Намеренность речевой манипуляции, особое построение высказываний, подбор определенных языковых элементов на разных уровнях характерны, как правило, для институциональных дискурсов. Манипулятивность в большинстве исследований рассматривается как совокупность лингвостратегий, характерных для политического дискурса (Р. Блакар, Р. Водак, Н. Э. Гронская, Г. А. Копнина, М. Ю. Кочкин, О. Л. Михалева, П. Б. Паршин, О. Н. Паршина и др.). Это не случайно по причине того, что язык, а точнее слово, на современной политической «арене» является основным инструментом осуществления власти, по выражению Р. Блакара, «инструментом социальной власти» [3]. В фокусе внимания также находится дискурс СМИ как «рупор» политических элит и рекламный дискурс (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, О. Н. Паршина, Е. В. Сергеева и др.).

Манипулятивность упомянутых сфер коммуникации существует и оправдана априори. Нас интересует другая сторона вопроса: имеет ли место манипуляция с помощью языка в обыденном дискурсе, в той его части, которая так или иначе связана с политическими темами. В этом сегменте дискурсивного пространства объектом исследования являются комментарии интернет-пользователей к статьям политического содержания. Данные тексты, которые сегодня относят к жанру естественной письменной речи, по праву составляют обширное пространство, находящееся на стыке политического и обыденного дискурсов. По словам А. П. Чудинова, «еще одну часть политического дискурса составляют тексты, созданные рядовыми гражданами, которые, не являясь профессиональными политиками или журналистами, эпизодически участвуют в политической коммуникации. <...> Подобные тексты находятся в сфере пересечения политического и бытового дискурсов» [5].

Зарубежные ученые также считают, что недостаточное внимание уделяется сегодня корпусу интернет-текстов, в которых обсуждаются вопросы политики: «Scholars have largely ignored the spaces where the

vast majority of (everyday) political talk between “ordinary” citizens online is most likely to occur. This lack of research is all the more surprising given that scholars have recognised the importance and prevalence of such talk in the offline world». (*Ученые не уделяют внимания пространству, где вероятнее всего происходит большая часть (повседневного) разговора о политике между обычными гражданами. Отсутствие подобных исследований еще более удивляет, когда ученые признают важность такого вида политической коммуникации в мире «оффлайн»*) [21].

Механизмы речевой манипуляции многочисленны, их выбор зависит от коммуникативной установки говорящего/пишущего, а также от конкретных приемов, используемых манипулятором. Самыми распространенными приемами манипуляции являются ложь, подтасовка фактов, умалчивание, селекция, преувеличение, недоговорки (фактологическое манипулирование), а также уход от ответа, переключение темы, уклонение от обязанности доказывания, ложные аргументы, возражение под видом согласия и т. д. (аргументативное манипулирование) [19, с. 190 – 191]. Некоторые ученые разграничивают манипулятивные приемы и приемы речевой демагогии, но с точки зрения О. Н. Паршиной и Г. А. Копниной, эти приемы могут быть не только манипулятивными, они призваны служить реализации стратегии саморепрезентации [14, с. 100].

В обыденном политическом дискурсе набор приемов речевой манипуляции не столь широк, тем не менее применение некоторых из вышеперечисленных приемов манипуляции встречается в пространстве комментариев. Например, селекция фактов и тактика смены темы типичны для данного вида дискурса: комментирующий останавливается только на некоторых из вопросов, причем они имеют косвенное отношение к теме обсуждаемого медиаматериала (в примерах сохранены авторские орфография и пунктуация):

Olga Nikolaevna: Сыра не поедим нормального в ближайшие годы!

Константин Димитриев: а пармезан и хамон как хороши! (<http://snob.ru/selected/entry/94265> М попросил П продлить запрет на еду из Европы).

Данные реплики – комментарии к теме «Продление ответных санкций: запрет на импорт европейских продуктов» (сайт «Сноб.ру»). С одной стороны, процитированные высказывания – это сожаление об отсутствии популярных товаров потребления, но с другой – авторы выбирают определенные объекты. Речевая импликация *сыра не поедим нормального* передает негативное отношение автора: не высказывая своего мнения открыто, он через тактику селекции информации играет на ежедневной человеческой потребности – потребности в питании.

В текстах комментариев чаще всего наблюдается продукция высказываний, несущих дискредитирующий характер. В отличие от политического дискурса в пространстве комментариев, то есть в обыденном политическом дискурсе (“everyday political talk”) стратегия дискредитации имеет иное преломление. Она скорее призвана манипулировать на общечеловеческих ценностях: добро – зло, честь, вера, истина, патри-

тизм и т. д. И здесь мы согласимся с В. И. Карасиком, который справедливо замечает, что «манипуляции – различного рода уловки в дискурсе, имеющие целью обманом путем убедить адресата встать на позиции отправителя речи, несмотря на несостоятельность фактического или логического обоснования вопроса. «Уловки в дискурсе представляют собой совокупность разнородных приемов социально осуждаемого воздействия на адресата» [9, с. 95]. Примером может служить следующий комментарий:

Олег Ганин: Вы предали Россию. Предадите вновь. Нет вам ни веры ни сострадания. Европа уже отворачивается от вас и не знает куда-бы схватить этот кусок под названием.... (<http://lifenews.ru/news/156034>: На сторону ополченцев в ДНР перешел советник министра обороны Украины. Генерал-майор Александр Коломиец сбежал из Киева вместе с семьей).

Использование автором лексического повтора, кратких эллиптических конструкций, двойных союзников усиливает эффект воздействия на ценностную составляющую человеческого бытия: предательство – верность. Таким образом, автор использует риторические приемы для того, чтобы вызвать еще большую неприязнь к объекту обсуждения через манипулирование на ценностях. Следующий текст, комментирующий тот же медиаматериал, – еще один пример манипулирования ценностями:

Евгений Городецкий: глупости. человека не страх держать должен, а как сказал человек чуть ниже совесть и честь. а откуда совесть и честь у человека нарушившего свое слово? использовать его и выбросить. и любая полемика власти или народу мол присягал тут не уместна. пусть он предал врагов в наших, верных интересах. но он ПРЕДАЛ. в утилизацию. (<http://lifenews.ru/news/156034>: На сторону ополченцев в ДНР перешел советник министра обороны Украины. Генерал-майор Александр Коломиец сбежал из Киева вместе с семьей).

Манипулятивным потенциалом обладают и те тексты, в которых повышенная экспрессивность сочетается с использованием приемов гиперболизации и утрирования:

Elena Skodrina Судить надо.... Не знаю как вам...помне судить...лишили его работы...не знал куда податься и вспомнил про днр....а год назад...небось сам отдавал приказ уничтожить и стоять до конца против ополченцев..не знаю согласитесь со мной или нет... Но его вина тоже есть в этой войне, на его руке тоже остались крови детей и женщин.....!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! (<http://lifenews.ru/news/156034>: На сторону ополченцев в ДНР перешел советник министра обороны Украины. Генерал-майор Александр Коломиец сбежал из Киева вместе с семьей).

Эмоциональная насыщенность данного текста, наблюдаемая и на графическом уровне (множество восклицательных знаков и многоточий производит эффект просьбы о помощи, автор будто сигнализирует: SOS!) и на содержательном уничтожить, кровь детей и женщин, призвана усилить негативный образ обсуждаемого персонажа. Эмоциональная составляющая, преобладающая в комментариях, оказывает

более значительное воздействие на читателей, чем информативная. Для того, чтобы скомпрометировать образ референта перед комментирующей общественностью, автор комбинирует эмотивность с гиперболизацией фактов. Аппелляция к эмоциям и чувствам адресата в данном случае имеет прагматический эффект – привлечь на свою сторону тех, кто не согласен с позицией адресанта.

В текстах-комментариях авторы часто ставят основной иллюкативной целью – убедить собеседника и интернет-сообщество в собственной точке зрения, навязать адресату свою правду. По интересному замечанию, «в вымысле тоже есть правда – правда цели вымысла». Однако, конкретные способы для достижения цели: недосказанность, излишняя экспрессивность, ложная информация, расплывчатость высказывания, все они являются тактическими «ходами» или шагами на пути к цели. Интенция манипулятора направлена на получение поддержки от собеседника, полного или частичного согласия с ним и переубеждение тех, кто не согласен с его позицией или имеет иную точку зрения на обсуждаемые события и факты:

*Irina Vinogradova: Обдурил государство Пономарев на десятки миллионов долларов, а теперь перекрашивается из **мошенника** и **жулика** в политического изгнанника. А ведь именно из-за **доносов** таких "пономаревых" в сталинские времена сажали и расстреливали. Скольких человек этот **казнокрад** своими доносами бы **погубил**? (<http://lifenews.ru/news/-155805>) Жириновский назвал Пономарева русофобом и изменником. Ранее опальный депутат Госдумы обещал дать украинской прокуратуре показания на лидера ЛДПР).*

Текст этого интернет-комментария излишне насыщен лексемами с негативной коннотацией *обдурил, мошенник, жулик, донос, казнокрад, погубил*. Этот значительный пласт отрицательно заряженной лексики создает отрицательный образ чиновника даже в глазах тех читателей, которые о нем никогда не слышали.

Обращает на себя внимание некоторая высокопарность стиля некоторых комментариев. Их авторы оперируют приемами демагогии. Стилистически данные тексты близки к политическим речам, они запрограммированы на призыв к читателю, их риторичность не характерна для обыденного стиля, она более типична для ораторских выступлений, что отличает эти комментарии от типичных обменов репликами в стиле бытовых диалогов. Сравним:

– *Мы белые и пушистые.*

– *Ну уж точно, что не дурные и прыгучие.*

– *.. тут не только крым. тут предлог нашли удобный.*

– *И слава Богу!))) человек перешел с темной стороны на светлую!)))*

Наличие просторечной лексики, словосочетаний и синтаксических конструкций, характерных для бытового разговора, эксплицирует сниженный стиль процитированных комментариев. Наряду с подобными, типичными репликами имеются высказывания, кото-

рые демонстрируют принадлежность авторов к группе носителей иного слоя языка:

Сергей Легашов: Да, рядовым американцам нет никакого дела до этого. В Конгрессе и Палате Представителей сидят ястребы, для которых поиск врага – главное занятие. Им за это деньги платят те, кому война – мать родная. Сейчас необходимо активно информировать мир о настоящем геноциде, творимом киевскими нацимарионетками против Русского народа. Дорога истории давно уже накатана, логика истории беспощадна, и, как только придут к власти ваши фюреры, заработает отлаженный конвейер: устранение инакомыслящих – подавление неизбежного протеста – концлагеря, виселицы – упадок мирной экономики – милитаризация – война... А если вы, опомнившись, захотите в какой-то момент остановить этот страшный конвейер, вы будете беспощадно уничтожены, словно самый последний демократ-интернационалист. (<http://lifenews.ru/news/151672>: Конгресс принял резолюцию, призывающую Обаму поставить оружие Украине).

Процитированный текст демонстрирует многословность, склонность автора к утрированию и гиперболизации фактов, и выдает оперирование приемами речевой демагогии. Кроме того, использование приемов возражения под видом согласия, искажения образа денотата, а также намеренное построение текста в публицистическом стиле и включение его в пространство бытового дискурса оказывают определенный прагматический эффект. Запугивание катастрофическими последствиями, неутешительными прогнозами развития страны, нагнетание обстановки враждебности и тревожности направлены на формирование у адресата мнения, импонирующего автору текста.

Итак, проанализированный материал показал, что манипулятивные тактики и приемы встречаются и в сфере обыденного политического дискурса, а именно в поле комментариев к интернет-статьям. Нужно отметить, что в целом использование данных приемов не типично для данного сегмента политического дискурса. Скорее можно говорить не о намеренной манипуляции, запрограммированной в текстах, а о манипулятивности как о речевом поведении, типичном для определенного слоя комментаторов. Тем не менее данная проблема: выявление манипулятивности как одной из составляющей языковой способности личности в пространстве обыденного политического дискурса, – имеет значительный потенциал. В заключение процитируем одно из высказываний, которое высказал автор статьи под названием «Цена слова», говоря о манипуляции: «Манипуляция прекрасно может быть построена на открытости и доверии. И такая манипуляция может быть гораздо манипулятивней, чем заранее обдуманная».

Литература

1. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Речевое воздействие и аргументация // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М.: Издательский дом Гребенникова, 2000. С. 109 – 163.
2. Базылев В. Н. Политик-фраза и политик-текст // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 65 – 71.
3. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88 – 125. Режим доступа: http://www.studmed.ru/view/blakar-rm-yazyk-kak-instrument-socialnoy-vlasti_5562e1ca816.html (дата обращения: 18.09.2014).
4. Бове К. Л., Аренс У. Ф. Современная реклама: пер. с англ. Тольятти: Довгань, 1995. 661 с.
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург: УрГПУ, 2006. 267 с. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (дата обращения: 23.06.2015).
6. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
7. Гронская Н. Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием // Вестник Нижегородского лингвистического университета. 2000. С. 220 – 231. Режим доступа: http://www.unn.ru/pages/-vestniki_journals/9999-0200_West_MO_2003_1/22.pdf (дата обращения: 23.06.2015).
8. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. 344 с.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
10. Кочкин М. Ю. Манипуляция в политическом дискурсе // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 29 – 34.
11. Лебедева Н. Б. Языковая личность в жанровом измерении: проблемы типологии // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул, Кемерово: БГПУ, 2006. С. 137 – 141.
12. Михалёва О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 25 с.
13. Паршин П. Б. От такого и слышу: о содержании и узусе понятия манипуляции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Межд. конференции Диалог'2003. М.: Наука, 2003. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/archive/2003/parshin.htm> (дата обращения: 06.05.2015).
14. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.
15. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М., 2000. 270 с.
16. Седов К. Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. С. 20 – 27.
17. Седов К. Ф. Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004. 315 с.
18. Сергеева Е. В. Проблема выявления речевого манипулирования при проведении лингвистической экспертизы «экстремистских» сайтов Интернета (на примере файла «lezginka.flv»): сборник материалов конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия», 2012 г. Режим доступа: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw2/sergeeva.html> (дата обращения: 06.05.2015).
19. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 386 с.
20. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. 325 с.
21. Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор: бестселлер: пер. с англ. Минск: Полифакт, 1992. 128 с.
22. Walsh C. Talking about Politics: Informal Groups and Social Identity in American Life: Chicago: Chicago University Press, 2004. Режим доступа: http://www.u-pec.fr/servlet/com.univ.collaboratif.utils.LectureFichier?id_fichier=1259768724031&id_fiche=93522 (дата обращения: 06.05.2015).

Информация об авторе:

Савельева Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков КемГУ, saviren1973@mail.ru.

Irina V. Saveleva – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ» КОМПОНЕНТ В СОДЕРЖАНИИ, АССОЦИИРУЕМОМ СО СЛОВОМ (на примере сопоставительного анализа бионимов в русском и сербском языках)

С. В. Стеванович

THE «NATIONAL» COMPONENT IN THE LEXICAL MEANING OF THE WORD (case study of comparative analysis of Russian and Serbian bionyms)

S. V. Stevanovich

Предмет исследования – особенности актуализации значений слов-бионимов в обыденном сознании русских и сербов. Цель работы – выявить универсальные и национально-специфические реакции на бионимы (теленка, роза, яблоко) у носителей русской и сербской культур. В ходе работы над «Разноязычным словарём обыденной семантики бионимов» мы пришли к следующим наблюдениям: бионимы, представленные в двуязычных словарях как эквивалентные лексемы, при ближайшем рассмотрении обнаруживают особые национально-специфические признаки, обусловленные традиционной культурой русского и сербского народов; национальная специфика языкового знака проявляется в совокупности особых знаний, оценок и ассоциаций, известных представителям определенной культуры; именно обращение к носителям языка позволяет изучить комплекс релевантных, типичных и устойчивых знаний, связанных с тем или иным бионимом в определенный исторический период; изучение национальной специфики языкового знака, с одной стороны, предупреждает проблемы в межкультурном общении, с другой – позволяет проследить изменение стереотипов восприятия в диахроническом аспекте; применение комплексного подхода в сопоставительном аспекте позволяет системно описать семантические, формальные и психолингвистические характеристики бионимов и выйти на новый уровень представления национальной картины мира с точки зрения наличия в ней универсального и национально-специфического; обращение к изучению фрагментов национальной картины мира, репрезентируемой при помощи толкований бионимов, позволяет ярче продемонстрировать особенности концептуализации действительности разных лингвокультурных сообществ.

The subject of the research is the peculiarities of actualization of meanings of bionyms in everyday consciousness of Russians and Serbs. The objective was to identify universal and national-specific reactions to bionyms (calf, rose, apple) from native speakers of Russian and Serbian linguistic cultures. In the course of our work on “The Multilingual Dictionary of Everyday Semantics of Bionyms”, we came to the following observations: bionyms, presented in bilingual dictionaries as equivalent lexemes, upon closer inspection reveal special national-specific features, due to the traditional culture of the Russian and Serbian peoples; national specificity of a linguistic sign is manifested in the totality of special knowledge, evaluations and associations known to the representatives of a certain culture; it is the reference to the native speakers of the language that allows one to study the complex of relevant, typical and sustainable body of knowledge associated with this or that bionym in a certain historical period; the study of national specificity of the linguistic sign, on the one hand, prevents problems in intercultural communication; on the other hand, it allows one to trace the change in perception stereotypes in a diachronic perspective; an integrated approach in a comparative aspect helps to systematically describe the semantic, formal and psycholinguistic characteristics of bionyms and to reach a new level of representation of national picture of the world from the point of view of presence of the universal and the national-specific; reference to the study of fragments of national picture of the world, represented by means of bionym interpretations, permits to demonstrate peculiarities of reality conceptualization in different cultural-linguistic communities.

Ключевые слова: сопоставительные исследования, русские и сербские бионимы.

Keywords: comparative studies, Russian and Serbian bionyms.

Как известно, любой национальный язык есть не только кодовая система общения и хранения информации, но и неповторимый результат мыслительно-национального и духовного творчества конкретного этноса, коллективный орган самопознания собственной культуры на фоне внешнего мира, поэтому именно язык обеспечивает наиболее естественный доступ к когнитивной картине мира.

Традиционно считалось, что для выявления национальной специфики языковой картины мира интерес представляет безэквивалентная, фоновая лексика и фразеологические единицы. Так, например, в сербском языке существует слово *Слава*, которое для носителей русского языка лишено какого-либо культурологического смысла. Слава в сербской культуре – это праздник православного покровителя и защитника семьи, подобный праздник отсутствует в русской

культуре, поэтому лексему *Слава* можно считать безэквивалентной по отношению к русскому языку.

Культурологического комментария заслуживает и фоновая лексика, совпадающая на уровне лексического понятия, но различающаяся фоном. Сравните обозначение пальцев на руках и ногах (*Прим. автора: пример приводится по книге: [4, с. 4]*):

Нем. англ. фр. русск.

«палец на руке» *finger finger doigt palec*

«палец на ноге» *zehe toe orteil palec*

В сербском языке наряду с лексемой *прст*, обозначающей пальцы на руках и ногах, существует отдельное наименование для большого пальца на руке – *палац*. Считается, что этот палец получил особое название, т. к. долгое время служил эталоном для измерения толщины сала.

Интерес для выявления национальной специфики языковой картины мира может представлять не только конкретная, но и абстрактная лексика. Например, понятие «любить» имеет различную внутреннюю форму в славянских языках [5, с. 179]:

Русск. польск. чешск. серб. болг.

любить kochać milovat voletи обичам

Как отмечает Г. А. Лилич, современное значение «любить» возникло как реализация нескольких семантических моделей:

- 1) «горячо желать» > рус. *любить*;
- 2) «испытывать радость, удовольствие» > чешск. *milovat*;
- 3) «избирать, предпочитать» > серб. *voletи*;
- 4) «привыкать, привязываться» > болг. *обичам*;
- 5) «нежно касаться, ласкать» > польск. *kochać*.

Особенно высок страноведческий потенциал фразеологизмов. «Сравнение фразеологии разных народов показывает, что существует немало жизненных ситуаций, которые были увидены и осмыслены многими народами одинаково, но зафиксированы в языке при помощи различных образов. Например, имея в виду неприятное дело, к тому же требующее решения, русские говорят *заварить кашу, расхлебывать кашу*, а поляки – *варить и выпивать пиво*» [1, с. 86].

Долгое время из числа лексических единиц, определяющих специфику национальной языковой картины мира, выпадала эквивалентная лексика. Однако мы абсолютно согласны с С. Г. Тер-Минасовой, которая считает, что полная эквивалентность может существовать только на уровне реального мира, понятия же об одних и тех же предметах и явлениях действительности в различных языках неодинаковы, потому что строятся на разных представлениях, имеют разную сочетаемость, разные стилистические и социокультурные коннотации [8]. Следует заметить, что само определение «эквивалентная» достаточно условно, т. к. трудно предположить, чтобы у эквивалентных слов совпали как ядерные семы, так и коннотативные, и функциональные.

На наш взгляд, познание национальной картины мира должно предполагать изучение и эквивалентной лексики для детализации уже имеющихся сведений и для выявления особых стилистических и социокультурных коннотаций, которые позволяют ярче увидеть в одинаковом различное. С целью подтверждения данного тезиса обратимся к первым результатам сопоставительного анализа бионимов в русском и сербском языках по данным «Разноязычного словаря обыденной семантики бионимов».

Разрабатываемый международным научным коллективом проект «Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов» под руководством докт. филол. наук, профессора Н. Д. Голева призван отразить результаты рефлексивной деятельности носителей различных языков, которая связана с репрезентацией обыденной семантики наименований различных видов флоры и фауны. Такой вид языковой рефлексии в современных научных разработках определяется как наивная или обыденная лингвистика. Данный проект представляет собой продолжение и развитие выполненных научным коллективом кафедры русского языка Кемеровского университета исследований, направленных на теоретическое и лексикографическое изу-

чение обыденной семантики (*Прим. автора: обзор результатов этих разработок представлен в статье [2], а также в серии коллективных монографий [6] и «Словаре обыденных толкований русских слов» [7]*).

Для реализации идеи «Разноязычного словаря обыденной семантики бионимов» (далее РСОСБ) был сформирован международный научный коллектив составителей, которые собрали и обработали материалы из казахского, китайского, русского, сербского и французского языков. Для создания каждого блока были организованы микроколлективы, возглавляемые Л. К. Жаналиной (казахский блок), О. П. Сологуб (китайский блок), Л. Г. Ким (русский блок), С. В. Стеванович (сербский блок), М. Дебрэнн (французский блок). Общее руководство проекта осуществляет Н. Д. Голев.

Собранные материалы получили лексикографическую обработку в пробном варианте разноязычного словаря обыденной семантики бионимов.

На начальном этапе работы над словарем был сформирован словник из 50 лексем, составленный из бионимов, соотносимых с «сильным» для данных языков концептным содержанием (*Прим. автора: подробнее о принципах формирования словника, критериях отбора слов изложено в статье [2], о структуре словарной статьи и результатах сопоставительного анализа бионима «волк» в русском и сербском языках – в [3]*). На первом этапе создания РСОСБ лексикографической обработке подверглись 10 бионимов: *волк, ворона, заяц, муха, мышь, осел, петух, роза, теленок, яблоко*.

Информантам предлагалось четыре задания:

- 1) назовите первое пришедшее Вам на ум слово, после того как Вы услышали или прочитали данное слово;
- 2) что обозначает данное слово (задание представлялось в форме типа *волк – это...*);
- 3) заполните пропуск в предложении (задание представлялось в форме типа *они ... как волки*);
- 4) напишите фразу с данным словом, которая сразу приходит Вам на ум.

Предлагаемая методика заключается в сопоставлении объема семантики эквивалентных слов в трех аспектах: системно-языковом, функциональном и когнитивном.

Материалом для данной статьи послужили ответы информантов, полученные в результате анкетирования 150 носителей русского и 150 сербского языков.

Цель данной работы заключается в выявлении универсальных и национально-специфических реакций на бионимы (*теленка, роза, яблоко*) у носителей русской и сербской культур.

Актуальность работы определяется ее включенностью в круг современных исследований по лингвострановедческой лексикографии, языковой концептуализации мира, национальной специфики отражения семантических категорий, их формальной и смысловой представленности в различных языках.

Новым в работе представляется методика исследования эквивалентных бионимов в русском и сербском языках.

В результате анализа было обнаружено, что классификационные признаки бионимов в ответах русских и сербских информантов в целом совпадают (на-

пример, *теленки* – это животное (56), *детеныш коровы* (36), *теле* – животное (63), *младунче краве* (32)), именно родовые и видовые признаки чаще всего отражаются в толковых словарях.

При сравнении внешних и физических характеристик *теленки* в русском и сербском языках также выявляются схожие признаки: рус.: *маленькие* (31), *пестрые* (7) и др.; серб.: *мало* (17), *шарено* (6) и др.

Описывая место проживания животного, и русские, и сербские информанты давали следующие ответы: *живет в деревне, стойле, сарае, хлеву, коровнике, на ферме* и др.

Национально-специфические особенности в восприятии *теленки* начинают проявляться при анализе устойчивых выражений: самым частотным устойчивым выражением со словом *теленки* в сербском языке стало следующее – *гледа као теле у шарена врата* со значением «глупый человек, непонимающе глядящий на что-либо», буквально это выражение переводится так: «смотрит, как теленок, на пестрые ворота». Аналогом в русском языке является поговорка *смотреть как баран на новые ворота*. Следовательно, в русском и сербском языках в качестве национально-специфического признака выступает коннотативный компонент концептного содержания бионима *теленки*: олицетворением глупости в языковом сознании русских является *баран* или *осёл*, в то время как в сербской культуре – *теленки*, поэтому неудивительно, что, характеризуя поведение *теленки*, носители сербского языка, в первую очередь, давали такие характеристики, как: *глупо* «глупый», *смотани* «неумный», *изгубљени* «растерянный», *беспомоћно* «беспомощный», в то время как русские информанты характеризовали отношение к *теленку* чаще всего прилагательными: *нежный, ласковый, простодушный, наивный, игривый, резвый, беззащитный, неуклюжий*.

Особыми в ответах русских информантов стали фразы из популярных мультфильмов «Трое из Простоквашино», «Как старик корову продавал», «Соломенный бычок»:

- *корова – государственная, а все, что она дает (молоко или телят) – наше;*
- *у нашей коровы теленок родился;*

- *корову мы по квитанции одну брали, значит, одну и отдавать будем;*
- *Вставайте! Наша корова телёнка принесла.*
- *Такая корова нужна самому.*
- *Бычок – смоляной бочок* и др.

Среди ответов сербских информантов на бионим *роза* были отмечены следующие: *ратлук* «рахат-лукум», *сок од руже* «сок из розы», наличие подобных реакций объясняется тем, что в сербской культуре из лепестков розы делают сладости и сок. Таким образом, в ответах информантов содержится целый комплекс знаний и обыденных представлений, связанных с практическим опытом.

Отвечая на вопрос: *яблоко – это ...*, сербские информанты часто давали такое определение: *яблоко – это подарок*. Действительно, яблоко в сербской культуре играет важную роль, например, в свадебном обряде: яблоко, принятое девушкой во время сватовства, – знак согласия на брак; приглашая на свадьбу, принято разносить яблоки; молодая, приходя в новый дом, «одаривала очаг» яблоком с воткнутой в него монетой. Кроме того, сербы могут употреблять лексему *яблоко*, обращаясь к кому-либо с особой нежностью: *ти си моја златна јабука* «ты мое золотое яблочко».

Таким образом, сопоставительный анализ бионимов дает возможность:

- 1) изучить совокупность представлений народа о конкретном биониме;
- 2) выявить совокупность релевантных признаков, актуальных для обыденного сознания носителей языков;
- 3) показать отражение внеязыковых факторов в обыденном сознании носителей языков;
- 4) проследить пути появления национально-специфических признаков;
- 5) выявить социокультурный фон, существующий у слова в современном языке.

Комплексный подход к исследованию эквивалентной лексики демонстрирует, во-первых, то, что эквивалентная лексика не является идентичной в сфере восприятия и осознания, с другой – позволяет наметить пути решения проблем межкультурной коммуникации.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
2. Голев Н. Д., Дебрени М. Разноязычный сопоставительный словарь обыденной семантики бионимов: концепция, лексикографический проект и опыт его реализации // Вестник Новосибирского государственного университета. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация). 2013. Вып. 2. Т. 11. С. 80 – 92.
3. Голев Н. Д., Ким Л. Г., Стеванович С. В. Об исследовательских возможностях сопоставительной лексикографии (на материале опыта «Разноязычного словаря обыденной семантики бионимов») // Теоретические и методологические проблемы филологии: сб. научных статей, посвященных 70-летию доктора филологических наук, профессора Л. К. Жанаалиной. Алматы: Улагат, КазНПУ им. Абая, 2015. С. 125 – 134.
4. Иванова В. И. Лексико-семантическая подсистема языка: конспект лекций. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 66 с.
5. Лилич Г. А. Лексико-семантическое поле любви в славянских языках // Разные грани единой науки: учёные – молодым славистам. СПб., 1996. С. 179 – 188.
6. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. I – IV: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово, 2008, 2009, 2010, 2012.
7. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2-х т. Т. 1: А – М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (480 слов-стимулов) / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово, 2011.
8. Что такое лингвострановедение? // Мир русского слова. 2000. № 2. С. 32 – 36.

Информация об авторе:

Стеванович Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка КемГУ, stevan2000@rambler.ru.

Svetlana V. Stevanovich – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian Language, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 80/81

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ

М. Дж. Тагаев

BILINGUAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS AND TYPES OF LANGUAGE PERSONALITIES

M. Dj. Tagaev

Современная языковая ситуация в постсоветских государствах характеризуется активизацией процессов, когда, с одной стороны, благодаря проводимой политике усиливается роль национальных языков как государственных в жизни общества, а с другой – существует объективная необходимость и жизненная важность знания русского языка. Эти две тенденции становятся причиной столкновений и создают определенные коллизии во взаимоотношениях между данными языками, что не только влияет на языковую ситуацию в социуме, но и отражается на языковом сознании личностей. В этой связи на материале языковой ситуации Кыргызстана в статье рассматривается феномен билингвального языкового сознания, анализируются различные его типы, описывается механизм кодовых переключений, которые становятся одной из распространенных форм общения и языкового существования личности. Лингвокультурные процессы, активно происходящие в Кыргызстане под влиянием новых социально-экономических отношений, приводят к формированию различных лингвокультурных типажей – групп языковых личностей, что приводит к расслоению общества.

Modern linguistic situation in the post-Soviet states is characterized by the processes when, on the one hand, the role of the national language as the state language is strengthened due to the political will, and, on the other hand, there exists an objective necessity and vital importance of the Russian language knowledge. These two trends create certain conflicts in the relationship between the languages, which affect the language situation in society, but also reflect on the linguistic consciousness of individuals. In this regard, on the material of the language situation in Kyrgyzstan, the article discusses the phenomenon of bilingual language consciousness, analyzes its different types, describes the mechanism of code-switching, which becomes one of the most common forms of communication and linguistic existence of the individual. Language and cultural processes, which are actively happening in Kyrgyzstan due to the influence of new social and economic relations, lead to formation of various linguo-cultural types – groups of language personalities, and this situation leads to society's layering.

Ключевые слова: языковое сознание, билингв, двуязычие, кодовые переключения, значение, семантические вкрапления, языковая личность, лингвокультурный типаж, картина мира, коммуникация.

Keywords: language consciousness, bilingual, bilingualism, code switching, value, semantic inclusions, linguistic personality, linguo-cultural type, worldview, communication.

С точки зрения психологии, сознание – это внутренний мир человека, представляющий способ отношения к объективной действительности [11, с. 397]. Психологический подход к его изучению основывается на положении Л. С. Выготского, суть которого А. Р. Лурия излагает следующим образом: искать источники сознательной деятельности не в глубинах мозга и не в глубинах духа, а во внешних условиях жизни, и в первую очередь во внешних условиях общественной жизни [10, с. 23]. Эта мысль подчеркивается и Л. Витгенштейном, утверждавшим, что «смысл мира должен находиться вне мира» [2, с. 70].

Для А. Н. Леонтьева сознание представляется не как созерцаемое субъектом поле, а как особое внутреннее движение, которое порождается человеческой деятельностью [9, с. 100]. Суммируя эти два высказывания можно утверждать, что сознание в самом себе не может быть изучено; изучать его можно по внешним проявлениям, важнейшим из которых является речевая деятельность человека.

Согласно методологии современной когнитивно-дискурсивной парадигмы, можно говорить о сознании как о ментальном механизме, предназначенном для обработки и интерпретации информации в соответствии с национально-культурным мировидением этнического коллектива. Главное в изучении этой проблемы с позиций когнитивной лингвистики – «связь сознания с концептуально освоенной реальностью и природой концептов, характеризующих сознание» [7, с. 29]. Это означает, что языковое сознание, с одной стороны, стремится выразить себя вербально, с другой – само находится под воздействием языка, который, вызывая психические переживания, формирует матрицу национального склада мышления.

Среда обитания этноса, уклад жизни, культура и традиции в целом определяют сознание человека. В то же время языковое сознание, в отличие от сознания вообще, представляет собой результат национально-культурной интерпретации мира, отраженный в формах национального языка. Такое сознание имеет наи-

более структурированный, логически связанный характер, поскольку язык помогает упорядочить формы сознания и мышления, чтобы объективировать их в языковых формах для целей коммуникации. Схема 1 демонстрирует в общих чертах процессы становления этнического языкового сознания.

Таким образом, в целом характер коллективного этнического сознания и особенности национального склада мышления формируются под влиянием внешних факторов и определяются условиями проживания этноса.

Что же касается индивидуального языкового сознания отдельного взятого члена этнического коллектива, то здесь налицо тесная связь сознания с языком. Такое «сознание есть отражение действительности, как бы преломленное через призму общественно выработанных языковых значений, понятий» [8, с. 237]. Если коллективное сознание формируется под влиянием внешнего мира, и связь здесь прямолинейная, то на формирование индивидуального сознания влияют смыслы и стереотипы, заключенные в картине мира национального языка.

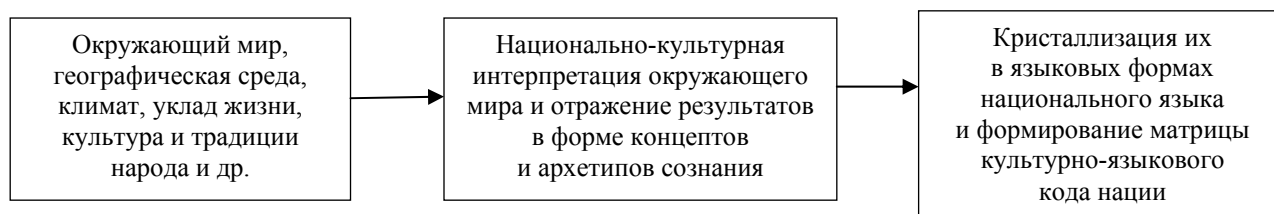

Схема 1. Процессы становления этнического сознания

В этом процессе велика роль значения, которое является мостиком между концептуальной реальностью сознания и словом. «Значение, – писал Л. С. Выготский, – есть путь от мысли к слову. Это то, что лежит между мыслью и словом. Значение не равно слову, не равно мысли» [3, с. 160]. Значение, можно сказать, результат национально-культурной кристаллизации коллективной мысли, вначале представленной в сознании формами различных концептов: идеях, фреймах, образах, представлениях, сценариях.

Процессуальный характер значения, его двусторонняя динамика становятся зерном психологической концепции Л. С. Выготского, который утверждает, что «отношение мысли к слову есть прежде всего не вещь, а процесс, это отношение есть движение от мысли к слову и обратно – от слова к мысли... Мысль не выражается в слове, но совершается в слове» [4, с. 297]. Это означает, что слово не просто отражает мысль. Она, мысль, помещенная в словесную оболочку, продолжает пульсировать, наполняться живыми образами, ассоциациями, чтобы воздействовать на языковое сознание индивида.

Между разными языками и культурами существуют общие семантико-смысловые константы, которые обеспечивают их представителям взаимопонимание. Национально-культурная особенность языкового сознания заключается в приспособлении такого смыслового инварианта к особенностям культуры этноса. Так, например, у слова *грызть* имеется общее инвариантное значение 'крепко сдавливая зубами, раздроблять крепкое, твёрдое; раскусывать'. Если взять во внимание, что для киргизов особое место занимают мясные блюда, причем, каждая кость с мясом, называемая *устукан*, имеет статусно иерархическое значение, а сам процесс угощения обретает характер церемонии со своими правилами, то вполне закономерно появление специальных слов с национально-культурным оттенком. Примером таких слов являются слова *кемируу* и *мүлжүү*. Если первое полностью соответствует семантике русского слова *грызть*, то значение второго представляет собой результат национально-культурной интерпретации данного концепта: *мүлжүү*

означает 'грызя зубами или срезая с кости ножом, есть мясо'. Национально-культурная семантика данного слова в том, что уже в акте семиозиса закладывается программа его использования в дискурсе.

Таким образом, сознание представляет собой ментальный механизм, в котором происходит переработка информации и объективация ее в формах языка. Концептуально освоенная реальность в одном языке может быть связана с одним словом, а в другом, будучи представленной вариациями одного и того же общего концепта, обозначается разными лексическими единицами.

Полагаем, языковое сознание имеет матричное строение, характер которого предопределяется особенностями интерпретации этносом фактов и событий реального мира, способностью выделять значимые национально-культурные ценности, обеспечивающие сотрудничество между членами этнического коллектива и комфортную коммуникацию.

Характеристика языка как деятельности позволила Е. С. Кубряковой вскрыть еще одну сторону в сущности языка, а именно: рассматривать язык как средство доступа к мыслительной, ментальной, интеллектуальной деятельности человека. По ее утверждению, это положение является новым для современной когнитивной науки и когнитивной лингвистики [7, с. 69]. Всякая деятельность человека сопровождается языком, а результаты ее актуализируются в речи и языковых формах; язык как внешнее проявление сознания становится наиболее важным способом его изучения. Отношения и связи между языком и сознанием носят динамичный и двусторонний характер: всякие проявления человеческого сознания стремятся получить вербализованную форму, а языковые знаки так или иначе воздействуют на сознание. Динамичный характер процесса словотворчества и роль в этом процессе сферы бессознательного отмечается в работах Л. А. Араевой и Э. С. Денисовой [1; 5].

Сознание – это подвижное открытое смысловое пространство с размытыми границами, которое в процессе деятельности субъекта репрезентирует нацио-

нально обусловленную картину мира путем отражения ее в системе языковых знаков.

С одной стороны, язык и дискурс используются людьми в качестве средства объективации различных проявлений сознания и интенций говорящего, а с другой – речевой материал воздействует на языковое сознание субъекта, формирует, изменяет и раздвигает его границы. Язык и сознание находятся в отношениях взаимообуславливания и непрерывного движения друг к другу.

Роль медиума в этом процессе играет значение, которое принадлежит как миру слов, так и миру сознания.

В этой связи представляет интерес вопрос о том, в какой мере двуязычное языковое пространство и речевой материал на двух языках определяет специфику языкового сознания индивида и типы языковых личностей. Наш анализ основан на речевом материале билингвов, владеющих в разной степени киргизским и русским языками.

Язык и языковые структуры

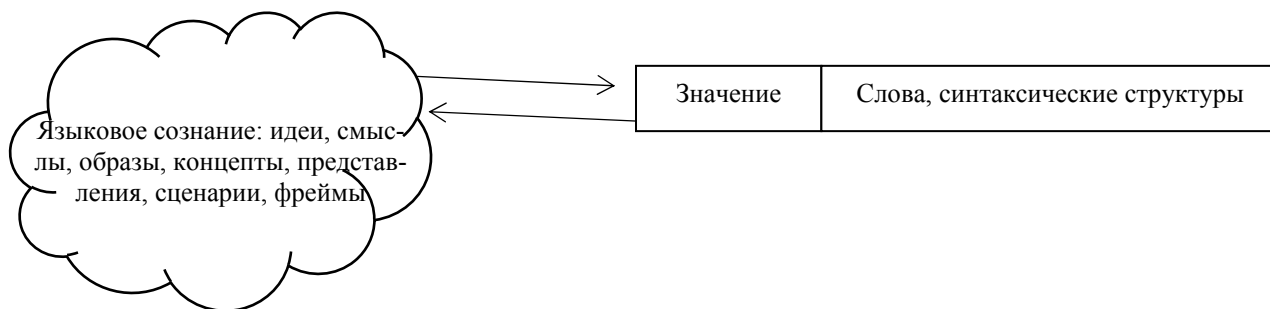

Схема 2. Языковое сознание монолингва

Если человек владеет двумя языками, то такое языковое сознание можно назвать билингвальным. К монолингвам мы относим также индивидов, которые не используют активные формы русской речи, хотя и понимают ее в известных пределах. Типы билингвизма охарактеризовал Л. В. Щерба, выделив чистое и смешанное двуязычие [13, с. 314]. В терминах когнитивной лингвистики отметим, что в языковом сознании представителей чистого двуязычия присутствуют две автономные концептосферы, которые не пересекаются, и каждое из них коррелирует со своей языковой системой.

В Кыргызстане к этой группе можно отнести большинство киргизов, окончивших русские школы и обучающихся в них. Как правило, у носителей чистого двуязычия концептосферы языкового сознания не равнозначны и не конгруэнтны. В том смысле, что представители чистого двуязычия получают образование на русском языке, вплетены в русскоязычную культурную среду, а русский язык является основным средством общения, концептосфера, объективируемая языковыми формами русского языка, намного обширнее и богаче, чем концептосфера этнического языка. Языковое сознание представителя чистого двуязычия демонстрирует следующая схема.

Языки и языковые структуры

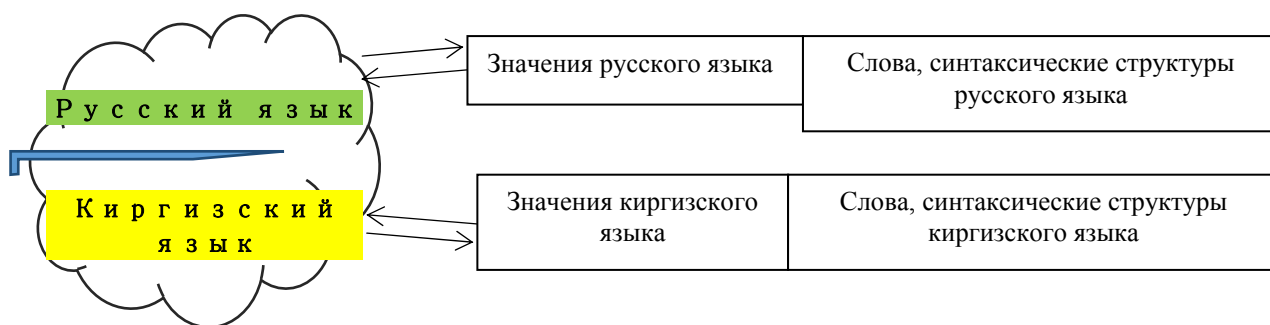

Схема 3. Языковое сознание билингва (чистое двуязычие)

Другой тип языкового сознания представляют носители смешанного двуязычия. К ним можно отнести, к примеру, киргизов, которые воспитывались в условиях природной культурно-языковой среды, получили образование на родном языке. Концептосфера русского языка для них вторична; она накладывается на языковое сознание, сформировавшееся в смыслах и категориях родного языка.

В той связи, что русский язык активно используется в значимых для личности областях человеческой деятельности (получение образования, информации, торгово-экономические отношения, профессио-

нальная деятельность и др.), владение русским языком для этой категории билингвов становится жизненной необходимостью. Повседневный дискурс на русском языке активно воздействует на языковое сознание представителей смешанного двуязычия, преобразует его, создавая в языковом сознании семантико-смысловые зоны, для экспликации которых наиболее высока вероятность использования русского языка. Чаще всего эти зоны связаны с научно-образовательной или профессиональной деятельностью человека. Наглядно языковое сознание билингва и его корреля-

цию с языковыми формами можно изобразить следующим образом (схема 4).

В семантических зонах размещаются концепты, соотносимые со значениями и языковыми формами русского языка. Они служат билингу основой для

развертывания русскоязычного дискурса на узкопрофессиональные и специализированные темы, чаще по естественно-научным и технико-технологическим направлениям.

Схема 4. Языковое сознание билингва (смешанное двуязычие)

Примечание: ☁ – семантические зоны, ● – стереотипы-вкрапления.

Выбор того или иного языка или языковой формы при построении дискурса определяется бессознательным стремлением билингва к комфортной коммуникации. Можно утверждать, что у билингвов для процесса объективации смысла избирается знак того языка, с которым смысл имеет наиболее близкие и устойчивые связи.

Русскому языку отдается предпочтение в тех случаях, когда участник дискурса неизвестен, например, при разговоре по телефону по рекламным объявлениям, на нем печатаются тексты реклам в газетах, бегущей строки в телевизоре, ведется переписка в социальных сетях и мн. др.

Кроме семантических зон в языковом сознании билингва могут образоваться семантические точечные вкрапления, представляющие собой концепты, для которых наиболее близкой и устойчивой формой объективации становятся языковые формы русского языка в той связи, что они частотны в русскоязычном дискурсе или эти концепты не имеют точных киргизских соответствий. Подобная организация языкового сознания билингва приводит к кодовым переключениям, что чаще всего случается в дискурсе билингвов на киргизском языке. Так, например, *Январь айында «коммерческий потерялар» 28 % жетти*. 'В январе коммерческие потери составили 28 %'. Хотя словосочетанию *коммерческие потери* можно найти в киргизском языке соответствующий эквивалент (*коммерциялык жоготуулар* или *соода-сатык жоготуулар*), вследствие того, что киргизское словосочетание не обладает достаточным терминологическим наполнением, говорящий бессознательно выбирает вариант на русском языке, так как в его форме чаще всего объективируется данный концепт. Использование киргизского варианта требует специальных усилий языкового сознания для придания ему нужного терминологического значения и требует соответствующего комментария.

По доли, занимаемой русским языком в языковом сознании билингва и степени освоенности русскоязычного дискурса индивидом в языковом сообществе Кыргызстана выделяется несколько типов языковых личностей, характерные черты которых создают узнаваемый образ их типичного представителя. Объединяемые по принципу фамильного сходства, они отличаются общностью в их сознании доминирующего

языка, коммуникативного поведения, общих черт в ментальности и культуре.

С этих позиций в Кыргызстане можно выделить следующие типы языковых личностей:

1. Моноязычные киргизы из регионов, владеющие русским языком на уровне дискурсивно-логического понимания;
2. Двуязычные киргизы с доминирующим родным языком;
3. Двуязычные киргизы с доминирующим русским языком;
4. Русскоязычные монолингвы;
5. Русскоязычные киргизы как типаж, сложившийся в результате языкового сдвига;
6. Представители других национальностей.

Характерной чертой для большинства типов билингвальных личностей, особенно в условиях города, являются кодовые переключения, или переключения кодов, суть которых заключается в использовании единиц разных уровней одного языка (частиц, союзов, слов, словосочетаний и предложений) в структуре высказываний на другом языке. Легкость и структурное разнообразие чередований единиц киргизского и русского языков без каких-либо нарушений лексических или грамматических норм принимающего (матричного) и гостевого языка свидетельствует о достаточно высоком уровне владения обоими языками. Как правило, в функции матричного языка используется киргизский язык, а гостевым – русский.

Используя кодовые переключения, билингвы создают особый тип коммуникации, которую называют двуязычной. Наличие такой коммуникации в Кыргызстане является лингвистическим фактом, требующим признания, а не констатирования того, что это неправильная речь. Называя факторы, приводящие к изменению языковых систем, Щерба наиболее важным из них считает столкновение двух общественных групп и, следовательно, языковых систем, иначе – смешение языков [13, с. 60 – 74]. Языковой материал, полученный в результате смешения языков в билингвальной речи индивидов, создает предпосылки для языковых изменений. Как пишет Г. Н. Чиршева, «кодовые переключения стали предметом изучения в лингвистике, психологии и социолингвистике в последние десятилетия XX в. после, как изменилось отношение к двуязычной коммуникации, и ее начали рассматривать

как естественный тип общения, а билингвальные высказывания – как структуры, подчиняющиеся определенным правилам» [12, с. 63].

Переключение кодов – характерная черта лингвокультурного типажа с доминированием киргизского языка. Если исходить из того, что большинство жителей Кыргызстана двуязычны, то билингвальная разговорная речь в пределах одного языкового высказывания или текста становится обычным явлением и объектом лингвистического исследования. Билингвальная речь встречается гораздо чаще, чем монолингвальный дискурс. Дискурс на киргизском языке неизменно сопровождается прямыми вкраплениями из русского языка, особенно при разговоре на профессиональные темы. Ср.: 1. *Эмне кылачы? Кыш «подводить» этип койбодубу. 'Что делать? Опять подвела зима'.* 2. *Биз да учурунда сельмашзаводду россиялыктарга бербей, олтурдук, «как собака на сене».* 'Мы в свое время не отдали сельмашзавод россиянам, сидели как собака на сене.' 3. *Тойго болсо только бизди эле чакырды окшойт.* 'Видно, на свадьбу только нас и пригласили'. 4. *'По-моему, алар келбей калды го.* 'По-моему, они уже не придут'.

В бытовой киргизской речи чаще вставляются глаголы в форме инфинитива, частицы, союзы, наречия, вводные слова и словосочетания, реже – существительные, прилагательные, а также фразеологические и проverbsиальные единицы. При включении все грамматические характеристики русского слова нивелируются, остается лишь концепт, лежащий за языковым знаком, который принимающим, матричным

языком форматируется в соответствии с его грамматическими нормами.

В свою очередь, киргизский язык также оказывает влияние, но в меньшей степени, на русскоязычный дискурс билингва. Его воздействие на языковое сознание главным образом проявляется на глубинном уровне, когда национально-культурные стереотипы киргизского языкового мышления используются для построения русской речи. Так, например: 1. *«Перед народом можно преклоняться. Он все терпит: достаток-нищету, сытость-голод».* 2. *В самом начале войны, когда начал разгораться пожар войны, я зашел к Отунбаевой и сказал...».* 3. *Провели презентацию книги, три дня проявляли уважение. Сказали, увеличим тираж романа на английском языке.* 4. *Бабанов скатится с седла?* 5. *Если хозяин дома смиренный, тогда происходят случаи: «плохим хозяином командуют гости», любой приходит, начинает устанавливать собственные порядки.*

Если в дискурсе на киргизском языке термины, слова, словосочетания, фразеологические единицы и предложения из русского языка применяются широко и тематически не ограничены, то присутствие киргизской лексики в русскоязычной речи незначительно. Это в основном слова, обозначающие национально-культурные реалии (*той, борсок, токоч*), общественно-политические термины (*торага, Жогорку Кенеш, аким, акимият*), географические названия.

Итак, языковое сознание билингва представляет собой сложное образование, которое отражает многогранную деятельность людей, осуществляемую средствами киргизского и русского языков.

Литература

1. Араева Л. А. Словообразовательный тип: традиционное и современное видение // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 4. С. 110-115.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
3. Выготский Л. С. Вопросы теории и истории психологии // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6-и т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6-и т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982.
5. Денисова Э. С. Проблемы словотворчества в антропологической концепции В. фон Гумбольдта // Лингвистика как форма жизни / под ред. П. А. Катыхова, С. В. Оленева, Ю. С. Паули. М.: ЛЕНАНД, 2009. Вып. 2. С. 66 – 76.
6. Ковшиков В. А., Глухов В. П. Психоллингвистика. Теория речевой деятельности. М.: АСТ: Астрель, 2007.
7. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012.
8. Леонтьев А. Н. Становление мышления и речи // Избранные психологические произведения: в 2-х т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1.
9. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность // Избранные психологические произведения: в 2-х т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2.
10. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: МГУ, 1979.
11. Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова и др. М.: Педагогика, 1983.
12. Чиршева Г. Н. Кодовые переключения в общении русских студентов // Язык, коммуникация и социальная среда: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2008. Вып. 6.
13. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, Ленинградское отделение, 1974.

Информация об авторе:

Тагаев Мамед Джакыпович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Киргизско-Российского Славянского университета, mamed.tagaev@list.ru

Mamed Dj. Tagaev – Doctor of Philology, Professor at Russian Language Department, Kyrgyz-Russian Slavic University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

СЕМНЫЙ АНАЛИЗ БИОНИМОВ В СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

(на материале русского и китайского языков)

Е. Б. Трофимова, Ф. Э. Абдуллаева

SEME ANALYSIS OF BIONYMS IN COMPARATIVE ASPECT (based on Russian and Chinese)

E. B. Trofimova, F. E. Abdullayeva

В статье представлены результаты экспериментальных исследований, посвящённых вопросу эмотивности, а также соотношения первичной и вторичной номинаций в лексемах. Данные получены в условиях серии психолингвистических экспериментов, в которых принимали участие носители русского и китайского языков. Что касается видов психолингвистического эксперимента, то в данной статье отражены результаты направленного ассоциативного эксперимента, целью которого является установление характера семантических отношений (гипонимических, гиперонимических, антонимических, фразеологических и пр.) между стимулом и реакцией, определение семантического объёма слов, а также выявление различия существительных по категории модальности. В данном случае материалом для исследования выступают двадцать пять зоонимических наименований. Вместе с тем нашей задачей является более детальное рассмотрение синтагматического и парадигматического типов связи между стимульным словом и реакцией, а также изучение процессов образования вторичной номинации (метафорический перенос, метонимия, синекдоха и др.).

This article presents some results of experimental researches that are devoted to the issue of emotiveness and also to the relations between the first and the secondary nominations in lexemes. The data were obtained according to the series of psycholinguistic experiments, where Russian and Chinese speakers participated. As for the types of the psycholinguistic experiment in question, the article represents the results of a directed psycholinguistic experiment with the aim to establish the character of semantic relations (hyponymic, hyperonymic, antonymic, phraseological, etc.) between the stimulus and the response; to define semantic volume of the word and also to detect differences of nouns according to their modal category. In this case twenty five zoonimic lexemes served as research material. At the same time, our objective is a more detailed consideration of syntagmatic and paradigmatic types of connection between the stimulus word and the response word, and also the study of the formation of the secondary nomination (metaphor, metonymy, synecdoche, etc.).

Ключевые слова: ассоциативное поле, бионимы, когнитивная модель, коннотация, психолингвистический метод, семный анализ, семантическое ядро, эмотивность, языковое мышление.

Keywords: associative field, bionyms, cognitive model, connotation, psycholinguistic method, semantic analysis, semantic core, emotiveness, linguistic thinking.

Роль сознания «заключается в обязательной оценке языковых элементов, тогда как на уровне подсознания они воспроизводятся и воспринимаются, но не оцениваются. Под оценкой мы понимаем любую классифицирующую деятельность носителя языка, все, что требует осмысления» [6, с. 33]. Человеческий разум обладает способностью присваивать языковым единицам дополнительные смысловые оттенки, в результате чего возникает вторичное номинирование. Эмоции как особая форма познания и отражения действительности функционируют в языке; выделяя, подчёркивая те или иные языковые единицы, они выражают образность, оценку и т. д. В данной статье основное внимание уделено рассмотрению семной структуры бионимов русского и китайского языков.

Цель двух экспериментов состоит в выявлении особенностей семантического характера связи лексических единиц со словом-стимулом путём глубинного описания семантики слова. «Ассоциативные связи между словами мотивированы не только особенностями культуры, к которой принадлежит носитель языка. Они отражают социальное бытие человека: его профессию, место жительства, возраст, социальное происхождение и т. д.» [3, с. 23]. Ниже представлены результаты экспериментальных исследований.

1. Направленный психолингвистический эксперимент

Исследования посредством **направленного ассоциативного эксперимента** позволяют установить характер семантических отношений (гипонимических, гиперонимических, антонимических, фразеологических и пр.) между стимулом и реакцией, определить семантический объём слов, а также выявить различия бионимов по категории модальности.

Направленный ассоциативный эксперимент проведён с носителями русского и китайского языков, общее количество информантов составило 200 человек: 100 человек от каждой языковой группы. Носители обоих языков – студенты в возрастной категории 17 – 25 лет. **Материалом** для исследования послужило 25 зоонимических наименований. Информантам на первом этапе предложена следующая инструкция: «К каждому слову укажите все значения, которые всплывают у вас в сознании». Время, отведённое для выполнения данного задания, не ограничивалось.

Анализируя полученные данные, отметим, что в обоих языках существует в равной степени ряд лексем с одинаковыми психосемантическими значениями, например: *волк, змея, клыча, коза, медведь, мул, верблюд, шакал* и пр. Согласно результатам двух экспериментов, наибольшей отрицательной коннотацией в китайском языке обладают бионимы «狗崽子 gǒuzǎizi / щенок», «狼 láng / волк» и «豺 chái / ша-

кал», в русском – «**шакал**», «**змея**» и «**крыса**» (см. также таблица). Примечательно, что в языковом мышлении китайскоязычных информантов семейство псовых (за исключением бионима «**狗 gǒu / собака**») репрезентует отрицательные коннотативные смыслы. Психолингвистические значения в ряде случаев совпадают с лексикографическими определениями. Например, **狼 láng (волк)**:

– **狼狽 lángbèi** – находиться в затруднительном положении; испытывать затруднения;

– **狼籍 lángjí** – полный беспорядок; вверх тормашками;

– **声名狼籍 shēngmíng lángjí** – подмоченная репутация;

– **狼心狗肺 lángxīn gǒufèi** – 1) бесчеловечный, жестокий, 2) неблагодарный;

如**狼牧羊 rú láng mù yáng** – волк пасёт овец (о жестоких правителях) и др.

豺 chái (шакал):

– **豺豕 chái shǐ** – шакалы и кабаны (обр. в знач.: разбойники);

– **豺狼 cháiláng** – шакалы и волки (также обр. в знач.: жестокие и алчные люди) и т. д.

Универсальными бионимами для двух языков, с точки зрения формирования семантических полей, оказались лексемы «**корова**», «**лошадь**», «**медведь**» и «**собака**», в которых коннотативное значение положительное. Однако типы связей между стимулом и реакцией могут различаться. Так, в китайском языке в реакциях на слово-стимул «**狗 gǒu/собака**» наблюдаются в большей степени парадигматические ассоциативные связи. Например: животное (8), питомец (4) – *гиперонимические*; щенок (12), волк (3), лайка (3), хина (2), собака-медведь (2) – *гипонимические*; кошка (16) – *антонимические* и пр. *Синтагматический* тип отношений частотно проявляется в русскоязычных реакциях, например: преданная (37), мохнатая (13), надёжная (11), большая (9), умная (3) и др. *Фразовый* тип ассоциаций также представлен в двух языках, например: **собака** – друг человека (45), театр теней (1) и т. д.; **狗 gǒu** – друг человека (39); чёрная собака, по поверьям вызывающая солнечное затмение (1); «держи мяч!» (3) и др.

Касательно парадигматических отношений между стимулом и реакцией в пределах одного лексического поля, установлено, что в семах бионима «**羊 yáng**» (баран) наблюдается:

1. **Полисемия** – 1. **动物 \ животное**; 2. **白羊座 \ астр.** созвездие Овна; 3. **蠢人 \ глупец, болван** (о человеке); 4. **三羊开泰 \ успех, процветание**; 5. **喜羊羊 \ персонаж м\ф. Си Ян Ян**; 6. **阳 \ Ян** (мужское начало, энергия); 7. **德操 \ моральная чистота**.

2. **Синонимия** – **温和 [wēn hé]** – кроткий (31), **羊羔跪乳 [yáng gāo guì rǔ]** – *фразеологизм, в знач. «сыновья почтительность»* (8);

3. **Антонимия** – **羊 (баран) – 狼 (волк)**.

Эти типы парадигматических связей можно наглядно продемонстрировать на примере лексемы «**мышь**» в русском языке, например:

1. **Полисемия** – 1. животное отряда грызунов; 2. *ирон.* девушка; 3. подлый, ничтожный человек; 4. *техн.* компьютерная мышь; 5. скрытный человек;

2. **Синонимия** – грызун, полёвка;

3. **Антонимия** – мышь – кошка.

Основываясь на результатах психолингвистического эксперимента, подчеркнём, что антонимичные семантические поля (СП) на межязыковом уровне выявлены в таких бионимах, как «**鹊 què / сорока**»,

«**黄牛 huánɡniú / бык**», «**火鸡 huǒjī / индюк**», «**山羊**

shānyáng / коза», «**种牛 zhònɡ niú / бугай**» и «**狗崽子 gǒu zǎizi / щенок**» (см. также таблица). Лексема «**индюк**» репрезентует отрицательную коннотацию: напыщенный, важный человек (29), глупый человек (23), некрасивый (7), вредный (3), высокомерный (2) и т. д.

В ассоциативных цепочках данного слова (**火鸡 huǒjī / индюк**) у китайских информантов ярко выражен прагматический аспект: жареная (22), вкусная еда (12), жир (4) и пр. Таким образом, вторичная коннотация непосредственно связана с наименованием животного. Бионим «**鹊 què / сорока**» в китайском языке как символ активно коррелирует с культурным контекстом и обладает положительной эмотивностью. Например: *удача, везенье (38), Цисицзе (33) (Прим. автора: Цисицзе 七夕, также называют "китайским Днём Святого Валентина", – вечер 7-го числа 7-го месяца по лунному календарю, отмечаемый посиделками и соревнованиями в рукоделии: по поверью, божества звёзд «Пастух» и «Ткачиха», разделённые Млечным Путём, встречаются в этот день как супруги), добро (23), свадьба (14), Бяньцюэ (4) (Прим. автора: Бяньцюэ 扁鹊 – легендарный целитель, живший в эпоху Воюющих царств. По преданию, у него птичий клюв и крылья).* Напротив, реакции русскоязычных респондентов: *воровка (23), болтливая (14), тёща (5), хитрая (4), вредная (2) и др.*

Исследование данных, полученных в процессе проведения психолингвистических экспериментов, позволяет обнаружить следующие закономерности в семантике бионимов двух языков:

1. Бионимы, являющиеся обозначением сельскохозяйственного, крупного рогатого скота, в русском языке обладают отрицательными оценочными признаками, в то время как в китайском языке данные лексемы в наибольшей степени выражают положительные эмотивные значения. Например:

буйвол – ярость, агрессия (9), суровый (9), упрямый (3), угроза (3), прозвище (2);
水牛 shuǐniú – усердный, трудолюбивый (42), простодушный (11), нежный, изящный (1), великолепный (1), милый (1);
бугай – агрессия (32), грубый (23), амбал (11), глупый (7), охранник (3), вышибала/криминальный авторитет (2), странный (1), страшный (1);

种牛 zhònɡ niú – простой/покладистый (22), усердный/старательный (18), агрессивный/взбешенный (15), честный (13), милый (12), дружелюбный (4), кроткий (1);

бык – свирепый (9), буйный (6), упрямый (6), тупой (3), суровый (2), кличка (2);

黄牛 huángniú – разг. спекулянт (28), усердный (18), трудолюбивый (14), честный /

простодушный человек (8), преданный (6), необидчивый (1), несговорчивый (1);

корова – полная девушка (14), неуклюжий человек (9), добрая (5), оскорбление (3), медлительная (1);

牛 niú – трудолюбивая (19), простодушная (18), упрямая (16), верная (13), спокойная/уравновешенная (12), трудящийся человек (8), честная (4), защитник (2) и др.

2. В обоих языках в том или ином количественном соотношении присутствуют разные виды семантических связей, но преобладает тип парадигматических отношений. Примечательно, что на некоторые слова-стимулы русскоязычные носители в качестве реакций давали созвучные (рифмующиеся) ассоциации, например: «**кляча**» – клатч / сумка (1), ключ (1); «**марал**» – замарал (3), мораль (2); «**бугай**» – попугай (1), пугай (1) и др. Фразеологический тип связи характерен и наблюдается в реакциях носителей китайского языка, например: «**虎头蛇尾 hǔ tóu shé wěi**» / «го-

лова тигра, хвост змеи» – «пойти на спад, не довести до конца, кончиться ничем»; «**鼠目寸光 shǔ mù cùn guāng**» / глаза мыши видят не дальше одного цуня – обр. в знач. «обладать узким кругозором» и т. д.

3. В выстроенном ассоциативном поле бионимов неотъемлемой частью являются вторичные номинации, основанные на метафорическом переносе. Данный перенос осуществляется на человека, неодушевленные предметы и абстрактные явления. В русском и китайском языках наиболее частотен перенос на человека (из 25 бионимов: в русском – 45, в китайском языке – 31). Перенос на неодушевленные предметы в русском языке (21) почти в 3 раза больше, чем в китайском (8). Что касается обозначения абстрактных явлений и отвлечённых понятий, то данная категория слов-реакций доминирует в китайском языке (23), в русском языке 9. Например: **黄牛 huángniú** / бык – детский лепет; **骡 luó** / мул – замкнутый круг; **马鹿 mǎlù** / марал – искажённый факт и др.

Таблица

Фрагмент шкалы семантических дифференциаций (из расчёта на 100 человек)

№	Бионим	Качественные характеристики							
		хор.	плох.	крас.	некр.	вес.	грст.	груб.	нежн.
1.	Бугай		73		80		72	70	
	种牛	90		63		62		56	
2.	Буйвол	53			61		70	100	
	水牛	87		55			53	65	
3.	Бык		52		58		69	85	
	黄牛	62		54		59		68	
4.	Индюк		54		56	58		66	
	火鸡	66		57		76			61
5.	Коза	73		58		74			71
	山羊		68		69		55		53
6.	Лошадь	87		89		90			84
	马	88		93		87		60	
7.	Медведь	92		97		82		89	
	熊	52		55		58		67	
8.	Осёл	68			68		53		58
	驴		63		80		67	71	
9.	Петух		56	58		56		66	
	雄鸡	90		81		81		67	
10.	Собака	78		86		84			83
	狗	87		83		85			80
11.	Сорока		72		68	57		78	
	鹊	86		61		61			67
12.	Волк		62	78			75	83	
	狼		90		68		76	70	
13.	Шакал		82		82		74	77	
	豺		100		75		83	81	
14.	Щенок	90		100		87			97
	狗崽子		93		68		51	73	

2. Психолингвистический эксперимент по методу семантического дифференциала

Исследования по *методу семантического дифференциала* позволяют выявить как коллективное, так и личностное эмоциональное отношение человека к значению того или иного слова. Иными словами, это метод количественной и качественной оценки значения слова с помощью двухполюсных шкал, состоящих из двух антонимичных прилагательных.

Данный эксперимент проведён на носителях русского и китайского языков. Всего в научном эксперименте участвовало 200 человек: по 100 респондентов от каждой языковой группы. Носители обоих языков – студенты в возрастной категории 17 – 25 лет. **Материалом** для исследования послужило 25 зоонимических наименований. На данном этапе эксперимента, согласно предложенной инструкции, испытуемые должны были оценить бионимы по 4 шкалам: «хороший\плохой», «красивый\некрасивый», «грустный\весёлый», «грубый\нежный».

Результаты исследования позволяют отметить, что лексем с отрицательными оценочными характеристиками в 3 раза больше, чем с положительными. Однозначно положительно носители русского и китайского языков определили такие бионимы, как «лошадь \ 马 mǎ», «медведь \ 熊 xióng» и «собака \ 狗 gǒu».

По ранжированию степени положительных оценок, наиболее высокий показатель получил бионим

«медведь»: в сознании русскоязычных респондентов «медведь» – один из наиболее значимых символов фольклора, персонаж русских народных сказок. Лексемы «волк \ 狼» и «шакал \ 豺» в языковом мышлении китайских респондентов обладают наибольшей отрицательной эмотивностью, что также обусловлено лингвокультурными особенностями данного народа (отрицательный образ в основе метафор, фразеологизмов и т. д.).

Противоположные оценки по эмотивности в двух языках представлены следующим образом:

– отрицательная эмотивность в русском языке характерна для существительных «бугай», «бык», «индюк», «сорока» и «петух»;

– отрицательной коннотацией в китайском языке обладают лексемы «山羊 s hānyáng \ коза» и «驴 lǘ \ осёл».

Таким образом, применение психолингвистических методов при исследовании семантики слова позволяет увидеть характер семантических связей, объём слов, соотношение лексикографических и психолингвистических значений данных бионимов в языковом сознании носителя. Построение семантических полей изучаемых существительных позволило провести сравнительно-сопоставительный анализ разноструктурных языков и выявить особенности употребления тех или иных лексических единиц в речи.

Литература

1. Абдуллаева Ф. Э. Сопоставительное исследование проявления вторичной номинации в бионимах (на материале русского и азербайджанского языков) // Современные проблемы науки и образования: электрон. науч. журн. 2014. № 6. Режим доступа: www.science-education.ru/120-16442 (дата обращения: 06.10.2015).
2. Голев Н. Д. Ментально-психологические аспекты типологии языковой личности (к проблеме взаимоотношения языкового и персонного пространства) // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н. Д. Голева и Н. Н. Шпильной. М.: Ленанд, 2014. 640 с.
3. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики: учебное пособие. Третье, перераб. и доп. М.: Лабиринт, 2001. 304 с.
4. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
5. Трофимова Е. Б. Имена существительные общего рода в антропоцентрическом измерении // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: сборн. науч. статей / отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово, 2012. 292 с.
6. Трофимова Е. Б. Стратификация языка: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 196 с.
7. 新华字典 (大字本) / - 10 版. - 北京: 商务印书馆, 2004. 908 页.

Информация об авторах:

Трофимова Елена Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры восточных языков и методики преподавания иностранных языков Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, eltrofimova@mail.ru

Elena B. Trofimova – Professor at the Department of Oriental Languages and Methods of Foreign Language Teaching, Shukshin Altai State Academy of Education.

Абдуллаева Фатма Эйваз кызы – ассистент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета, fatima2888@mail.ru.

Fatma E. Abdullayeva – assistant lecturer at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 811: (161.1 + 512.3)

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
РУССКИХ И МОНГОЛОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ
(на основе субъективного дефинирования слов, обозначающих домашних животных)
*Ундармаа Даваа***

**EXPERIMENTAL STUDY OF THE LINGUISTIC WORLDVIEW OF RUSSIANS
AND MONGOLIANS IN COMPARATIVE ASPECT (based on subjective defining of words denoting pets)
*Undarmaa Davaa***

В статье содержатся результаты экспериментального исследования обыденного языкового сознания носителей русского и монгольского языков. В качестве языкового материала используются слова, обозначающие домашних животных. Обыденное языковое сознание описывается с опорой на понятие психологического реального значения слова, которое выявляется путем сопоставления субъективных обыденных дефиниций, полученных в результате проведения направленного лингвистического эксперимента с носителями двух языков (по 100 человек). Цель исследования – выявления сходств и различий в интерпретации значений слов-стимулов носителями двух разных языков, связанных со спецификой двух национальных языковых картин мира. Семантический анализ осуществлялся путем семной интерпретации субъективных толкований значения слов. В результате исследования были выявлены сходства и различия в монгольской и русской языковых картинах мира на фрагменте слов, обозначающих домашних животных.

The article contains the results of experimental studies of everyday language consciousness of Russian and Mongolian native speakers. Words denoting animals are used as language material. The definition of everyday linguistic consciousness is based on the concept of “psychologically real meaning of the word”, which is identified by comparing the subjective everyday definitions obtained as a result of the linguistic experiment with native speakers of the two languages (100 people in every group). The purpose of the research is to identify similarities and differences in the interpretation of the words-stimulus meanings which are related to the peculiarities of the two national linguistic worldviews. Semantic analysis was carried out by semantic interpretations of the subjective explanations of the meaning of the words. The study identifies the similarities and differences in the Mongolian and Russian linguistic worldviews on the basis of words that denote pets.

Ключевые слова: национальная языковая картина мира, субъективные обыденные толкования, тематическая группа слов «домашние животные», монгольский язык, русский язык.

Keywords: the national world of language picture, the subjective ordinary language interpretation, the thematic group of words "pets", Mongolian language, Russian language.

В статье предпринята попытка рассмотреть круг вопросов, связанных с представлением лексики национального языка в качестве результата отражения мира обыденным сознанием, в качестве строительного материала «дома бытования» (термин М. Хайдеггера) духа народа. Такой подход предполагает выход за рамки семиотического и инструментального подходов к языку. В нашем исследовании описывается характер зависимости результатов лексикализованных интерпретаций внешнего мира от среды бытования конкретного этноса и от структуры человеческого сознания.

Ключевым в исследовании является понятие «языковая картина мира». В качестве иллюстративного материала использована русская и монгольская бытовая лексика со значением «домашнее животное». Междисциплинарный подход к описанию объектов и предмета исследования предопределяет необходимость использования в качестве основного инструмента исследования направленный лингвистический эксперимент с носителями русского и монгольского языков.

Перейдем к характеристике понятия «языковая картина мира». В лингвистической литературе под языковой картиной мира понимается продукт субъективного восприятия, осмысление и понимание мира

конкретным этносом на этапе формирования языка, то есть на этапе первичного, наивного, донаучного познания мира [3, с. 15]. Из поколения в поколение дети, принадлежащие разным языковым сообществам, познают мир специфическим языковым сознанием своего этноса. Национальная языковая картина мира развивается эволюционным путем, и изменения в ней происходят под влиянием многих факторов. На изменение языковой картины мира влияют в первую очередь изменяющиеся условия повседневной жизни, появление новых реалий, требующих своей вербализации и тем самым включения в языковую картину мира. Ученые обращают внимание на познавательную роль языковой картины мира. Имеется в виду не научное познание, а языковое, первичное, наивное. Овладевая языком, ребенок не познает мир концептуально, научно, а познает его на языковом уровне, то есть на том уровне, на котором в донаучный период происходило формирование наивного представления о мире. Освоив язык, ребенок получает целостное наивное представление о мире, которое присуще всем носителям именно этого языка. Л. В. Щерба писал о том, что «несмотря на ограниченный объем информации, составляющей семантику языка, она играет исключительно важную роль в овладении всем информационным богатством человечества» [5]. Значение

слов – все эти неточные и неглубокие «обывательские», как о них писал Л. В. Щерба, представления о «клеточках» действительности, – запечатлели первый и поэтому во многом жизненно важным опыт освоения человеком окружающей действительности.

Подобно тому как в культуре каждого народа есть общечеловеческое и этнонациональное, так и в семантике каждого языка есть отражение как общего, универсального компонента культур, так и своеобразия культуры конкретного народа. Универсальный семантический компонент обуславливается единством видения мира людьми разных культур, и это принципиальное единство проявляется на разных уровнях семантической организации языка, в том числе и на лексическом уровне. Так, во многих культурах, и в особенности в культурах этносов, жизнь которых связана с животноводством, есть много слов, обозначающих домашних животных, например, монголы и русские разводят коров, овец, коз, лошадей, свиней, в домах содержат собак и кошек. Межкультурная общность двух этносов обуславливает антропоморфную универсальность той наивной картины мира, которая запечатлевается в двух национальных языках – монгольском и русском. Это общность особенно ярко проявляется в совпадениях семантических компонентов, при помощи которых описываются лексические значения русских и монгольских слов, обозначающих домашних животных, в толковых словарях. Она также проявляется в общности ассоциаций, совпадении обыденных толкований, которые мы получили в направленном лингвистическом эксперименте с носителями монгольского и русского языков.

Различия между языками, обусловленные различием культур, также заметнее всего в лексике, так как номинативные средства языка наиболее тесно связаны с внеязыковой действительностью. В различных культурах даже одни и те же явления в чем-то своеобразны. Например, слово *кошка* может вызывать разный круг представлений, то что в лингвострановедении называется лексическим фоном [2, с. 70 – 74]. Лексический фон – явление пограничное между языком и культурой. Расхождения в лексическом фоне сказываются в лексических и синтаксических связях слов и могут вызвать трудности в общении и при обучении языку. Слово *кошка* для носителей русского языка – домашнее животное, которое «ловит крыс и мышей», «пушистое и ласковое», «имеет острый нюх и умеет видеть в темноте», «любит рыбу, но боится воды и собак», «свободолюбивая», «дарящее тепло и ласку», а для носителей монгольского языка – это домашнее животное «с длинными когтями и большими зелеными глазами», «со злым умыслом», «с плохой энергетикой» (в качестве иллюстрации приведены примеры обыденных толкований, полученных в направленном эксперименте с носителями русского и монгольского языков).

Различия в культурах могут сказаться в том, что в разных языках слова, совпадающие по денотату (с одинаковой предметной отнесенностью), могут различаться коннотативной семантикой (своими эмоциональными и оценочными оттенками). Например, в обыденных толкованиях слова *кошка* носителями русского языка встречаются такие оценочные харак-

теристики животного, как «ласковая», «дарящая тепло и ласку», «домашний питомец», «пушистый комочек», «любимое домашнее животное», а в обыденных толкованиях слова *муур* («кошка»), полученных от носителей монгольского языка, содержатся следующие эмоционально-оценочные характеристики: «отвратительная», «животное с злым умыслом», «с плохой энергетикой», «жестокая», «ужасная», «не надежный друг», «хитрая», «жадная к еде».

Мы провели экспериментальное исследование национально-культурной специфики двух национальных языковых картин мира – русской и монгольской. В направленном эксперименте носителям монгольского и русского языков (по 100 человек от каждого этноса) было предложено ответить на вопрос «какое значение имеют следующие слова?». В качестве лексем-стимулов были отобраны бионимы, обозначающие домашних животных. В полученных толкованиях – метаязыковых рефлексиях – получил отражение коммуникативный опыт рядовых носителей двух языков. Языковой материал отвечает на вопрос, какое содержание ассоциируется у носителей монгольского и русского языков с данным словом. Иными словами, в обыденной семантике, сформированной в повседневном коммуникативном опыте, отражается модель языкового сознания человека – носителя той или иной национальной культуры. Данный языковой материал позволил нам выявить общие универсальные компоненты двух культур, а также национально-культурную специфику, получившие отражение в реальных психологических значениях слов. При обработке экспериментального материала мы пользовались рекомендациями, содержащимися в Словаре обыденных толкований русских слов [1; 4]. Далее в качестве иллюстрации будет приведен фрагмент анализа реальных психологических значений двух слов *верблюд* и *тэмээ*.

Экспериментальные данные представлены в таблицах 1 и 2. Числовой индекс рядом с субъективной дефиницией в таблице обозначает ее частотность в экспериментальном материале.

В результате проведенного исследования можно выделить следующие особенности реального значения слова *верблюд* по сравнению с его значением в толковом словаре:

1) релевантные семы для реального значения (совпадающие со значением слова в словаре) – 1.1; 1.2; 1.3; 1.4; 1.5. Однако способ представления реального значения отличается от словарного способа представления: в словаре он более понятийный, в нем отражается в первую очередь кваликативные признаки значения «жвачное», «парнокопытное», «млекопитающее», а в реальном значении более значимым являются кваликативные (характеризующие) признаки: «животное с горбами»; «проживающее в пустынной местности». Соотношение кваликативных и кваликативных признаков в реальном значении слова (по количеству ответов) – 77/11;

2) остальные семы характерны только для реального значения слова и не встречаются в его словарных толкованиях. Перечислим их в порядке убывания: «животное, которое используется для перевозки людей и грузов» (16), «животное» (5), «животное,

которое плюётся» (4), «которое способно долго обходиться без воды» (4), «выносливое» (3), «домашнее» (3), «дающее шерсть» (2), «накапливающее жир и жидкость в горбах» (2), «живущее в жарком климате» (2). Все перечисленные признаки носят качественный характер и характеризуют животное с разных сторон;

3) в обыденных толкованиях на уровне индивидуальных личностных смыслов встречаются такие семы, как «выючное животное», «животное, которое может обходиться без еды», «крупное», «позвоночное», «травоядное», «питающееся колючками», «оранжево-коричневого цвета», «дающее пух», «чужое»;

4) при объяснении значения в обыденных толкованиях используются, как правило, развернутые синтаксические конструкции вместо синтетических форм, характерных для представления семантических признаков в словарных толкованиях, что приводит к большей обобщенности информации и усложнению его понимания в словаре. Развернутые, описательные синтаксические конструкции, встречающиеся в обыденных толкованиях в различных синонимических вариантах, отражают каждый элемент семантики в отдельности, благодаря чему происходит адаптация содержания к условиям его восприятия обычными носителями языка в ситуациях обыденной коммуникации.

Таблица 1

Обыденное толкование слова верблюд носителями русского языка

Словарное толкование	Обыденное толкование (основные семы и число носителей языка, их отметивших)
1.1. Жвачное	1.1. В жарких условиях <i>жвачное</i> парнокопытное животное 1.
1.2. Парнокопытное	1.2. Парнокопытное 2; в жарких условиях жвачное <i>парнокопытное</i> животное 1; крупное <i>парнокопытное</i> животное 1; <i>парнокопытное</i> животное, живущее в жарком климате 1; <i>парнокопытное</i> позвоночное питающееся колючками 1; всего – 6.
1.3. Млекопитающее	1.3. Млекопитающее 2; млекопитающее 1; <i>млекопитающее</i> животное 1; всего – 4.
1.4. С одним или двумя горбами	1.4. Животное с горбами (горбом) 7; имеющий (имеет, отличающееся наличием) 1 или 2 горба (с двумя горбами или одним) 6; двугорбое животное 5; Животное, имеющее (имеет; у которого есть) горб 4; животное с двумя (с 2-мя) горбами 3; горбатая 1; <i>горбатая</i> лошадь 1; <i>горбатый</i> , обещающий в песчанной местности 1; отличительной особенностью которого является наличие одного или двух горбов на спине 1; всего – 29.
1.5. Обитающее в пустынях и сухих степях	1.5. Животное, живущее (проживающее, живет, которое живет, обитающее) в пустыне (в пустынной местности) 28; животное, живет (обитает, проживающее преимущественно) в степях и жарких странах 3; Животное живущее в востчных странах 2; встречающееся в пустынях и степях нашей планеты 2; животное способное выживать в засушливом климате (способное жить в пустыне) 2; пустыня 2; горбатый, <i>обещающий в песчанной местности</i> 1; домашнее животное <i>пустыни</i> , исп-ое для целей домашнего хозяйства, торговли и т. д. 1; животное, обитающее в странах Африки 1; животное, передвигающееся <i>по пустыне</i> 1; перевозчик груза в <i>пустыне</i> 1; перевозчик по пустыне 1; <i>пустынная</i> лошадь 1; хорошо приспособлен для жарких и <i>засушливых</i> местах 1; всего – 48.
	1.6. Животное 5.
	1.7. Дикое животное 3.
	Животное используется (используемое) для перевозки людей и груза 2; перевозить 2; животное, которое используют (используемое) в качестве (для) грузоперевозки в пустыне 2; животное для передвижение в пустыне (служит передвижением по пустыни) 2; животное, которое используется жителями пустынь как средство передвижения и/или перевозки чего-либо (животное, используемое человеком как средство передвижения преимущественно по пустыне.) 2; ездовое животное 1; животное, дающее шерсть и <i>сред-во передвиж.</i> 1; перевозчик 1; перевозчик груза в пустыне 1; перевозчик по пустыне 1; передвижник 1; всего – 16.
	1.8. Выносливость 2; выносливое животное 1; всего – 3.
	1.9. Корабль пустыни 2.
	1.10. Плюющееся 2; животное, которое плюется 1; плюётся 1; всего – 4.
	1.11. Способное долго (долгое время) находится (обходится) без воды 2; животное не пьет долго 1; животное, способны долго не пить 1; всего – 4.

	1.12. [горбы] в которых накапливает жидкость для того что бы длительное время обходится без нее 1 .
	1.13. Верблюд 1 .
	1.14. Вьючное животное 1 .
	1.15. Давное время может обходится без пищи, используя её запас из собств-го горба 1 .
	1.16. Домашнее животное пустыни, <i>исп-ое для целей домашнего хозяйства, торговли и т. д.</i> – 1 .
	1.17. <i>Домашнее</i> животное 1 ; <i>домашнее животное</i> пустыни, <i>исп-ое для целей домашнего хозяйства, торговли и т. д.</i> 1 ; <i>одомашненное</i> травоядное животное 1 ; всего – 3 .
	1.18. Живое существо 1 ;
	1.19. Животное, <i>дающее шерсть</i> и <i>сред-во передвиж.</i> 1 ; шерсть 1 ; всего – 2 .
	1.20. Животное, - жировых нароста, помогающих сохранить воду в организме 1 ; накапливающее запас жиров и жидкости в горбах на спине 1 ; всего – 2 .
	1.21. Животное, которое может наход. без еды 1 .
	1.22. Караван 1 .
	1.23. <i>Крупное</i> парнокопытное животное 1 .
	1.24. Одомашненное <i>травоядное</i> животное 1 .
	1.25. Оранжевокоричневого цвета 1 .
	1.26. Парнокопытное животное, <i>живущее в жарком климате</i> 1 ; хорошо приспособлен для <i>жарких</i> и засушливых местах 1 ; всего – 2 .
	1.27. Парнокопытное <i>позвоночное</i> питающееся колючками 1 .
	1.28. Парнокопытное <i>позвоночное</i> питающееся колючками 1 .
	1.29. Пух 1 .
	1.30. Пьющее воду почти зря 1 .
	1.31. Чужой 1 .

Таблица 2

Обыденное толкование слова “тэмээ” носителями монгольского языка

Словарное толкование	Обыденное толкование (основные семы и число носителей языка, их отметивших)
1.1. Монголчуудын таван хошуу малын нэг, (один из 5 видов скота в Монголии)	1.1. Таван хошуу малын нэг 16 (один из 5 видов скота); Таван хошуу мал 4 (5 видов скота); всего – 20 .
1.2. Бод мал (крупный скот)	1.2. Бод мал 2 (крупный скот); <i>Бод мал</i> өндөр 1 (<i>крупный и высокий скот</i>); <i>Бод малын</i> төлөөлөл 1 (<i>представитель крупного скота</i>); 5 хошуу малын <i>бод мал</i> “сүрлэг” 1 (<i>самое крупное животное из 5 видов скота “великолепный”</i>); Таван хошуу малын нэг. <i>Бод малд</i> хамаарагддаг 1 (один из 5 видов скота. Принадлежит к <i>крупному скоту</i>); <i>бод малын</i> нэг 1 (один из видов <i>крупного скота</i>); всего – 7 .
1.3. Өндөр (высокий)	1.3. Өндөр 6 (<i>высокий</i>); Бод мал <i>өндөр</i> 1 (<i>крупный и высокий скот</i>); <i>Өндөр</i> , 2 бөхтэй, тэнгэр ширтэж өөд харж явдаг 1 (<i>высокий, с двумя горбами ходит, глядя на небо</i>); Тэмээ нь хүч чадалтай <i>өндөр</i> амьтан 1 (<i>Верблюд – сильное и высокое животное</i>); Таван хошуу малын нэг. Сүрлэг <i>өндөр</i> 1 (один из 5 видов скота. <i>Великолепный и высокий</i>); нь хавтгайгаас үүсэлтэй. <i>Өндөр</i> сүрлэг том болохоор нь тэмээ гэсэн байх 1 (<i>происходит от одногорбатого верблюда. Может быть, назван верблюдом потому, что он высокий и великолепный</i>); хошуу малаас хамгийн <i>өндөр</i> амьтан 1 (<i>самое высокое животное из пяти видов скота</i>); всего – 11 .
1.4. Том биетэй (телo большого размера)	Том 4 (<i>большой</i>); <i>Том</i> амьтан 3 (<i>большое животное</i>); Том том 1 (<i>большой-большой</i>); <i>Том</i> бас хүчтэй амьтан 1 (<i>большое и сильное животное</i>); Бол маш <i>том</i> сүрлэг амьтан 1 (<i>это очень большое и великолепное животное</i>); <i>Том</i> амьтан болохоор 1 (<i>потому что большое животное</i>); 2 бөхтэй <i>том</i> амьтан сүрлэг 1 (<i>большое животное с 2-мя горбами</i>); Сүрлэг <i>том</i> 1 (<i>великолепный, большой</i>); всего – 13 .

1.5. Гагагар хүзүүтэй (с длинной шеей)	1.5.
1.6. Нуруундаа нэг буюу хоёр бөхтэй, (на спине один или два горба)	1.6. Тэмээний <i>бөх</i> 1 (<i>горб</i> верблюда); Өндөр, 2 <i>бөхтэй</i> , тэнгэр ширтэж өөл харж явдаг 1 1 (<i>высокий</i> , с двумя горбами, ходит, глядя на небо); <i>Бөх</i> , сүүл таваг, толгой 1 (<i>горб</i> , хвост, ступня, голова); 2 <i>бөхтэй</i> амьтан 1 (животное с 2-мя <i>горбами</i>); 2 <i>бөхтэй</i> том амьтан сүрлэг 1 (большое и великопное животное с 2-мя <i>горбами</i>); Бөхтэй 1 (с <i>горбами</i>); өндөр, 2 <i>бөхтэй</i> богино сүүлтэй 1 (<i>высокий</i> , с 2-мя <i>горбами</i> , и с коротким хвостом); всего – 7
1.7. Хөлийн таваг нь хавтгай бөгөөд зөөлөн ултай (ступня ноги плоская и мягкая)	Бөх, сүүл <i>таваг</i> , толгой 1 (<i>горб</i> , хвост, <i>ступня</i> , голова); всего – 1.
1.8. Үс ноос ихтэй, (богат шерстью)	1.8.
1.9. Говь газар бэлчээрлэн нутаглахдаа тохиромжтой (способное жить в пустынной местности, кочующее)	1.9 <i>Говь</i> хээр тал 1 (<i>пустыня</i> , степь); Таль (<i>говь</i>) 1 ((степь) <i>пустыня</i>); <i>Говь</i> оос 1 (из <i>пустыни</i>); Сүрлэг <i>говь</i> н амьтан 1 (Великопное <i>пустынное</i> животное); <i>Говийн</i> сүрлэг амьтан тэмээ гэнэ 1 (<i>пустынное</i> великопное животное верблюд); <i>Говийн</i> сүрлэг сайхан амьтан 1 (<i>пустынное</i> великопное и красивое животное); Тал 1 (степь); элсэрхэг <i>цөл газарт</i> амьдардаг 1 (живет в песчанной и <i>пустынной</i> местности); всего – 7.
1.10. Хивдэг хөхтөн амьтан. (жвачное млекопитающее животное)	1.10.
	1.11. Бол маш том <i>сүрлэг амьтан</i> 1 (это очень большое и <i>великопное</i> животное); <i>Сүрлэг</i> говьн амьтан 1 (<i>Великопное</i> <i>пустынное</i> животное); Таван хошуу малын нэг. <i>Сүрлэг</i> өндөр 1 (один из 5 видов скота. <i>Великопный</i> и <i>высокий</i>); <i>Говийн сүрлэг</i> амьтан тэмээ гэнэ 1 (<i>пустынное</i> <i>великопное</i> животное верблюд); 2 бөхтэй том амьтан <i>сүрлэг</i> 1 (большое и <i>великопное</i> животное с 2-мя <i>горбами</i>); <i>Говийн сүрлэг</i> сайхан амьтан 1 (<i>пустынное</i> <i>великопное</i> и красивое животное); 5 хошуу малын бод мал “ <i>сүрлэг</i> ” 1 (самое крупное животное из 5 видов скота “ <i>великопный</i> ”); <i>сүрлэг</i> том 1 (<i>великопный</i> , большой); <i>сүрлэг</i> харагддаг 1 (смотрится <i>великопно</i>); нь хавтгайгаас үүсэлтэй. Өндөр <i>сүрлэг</i> том болохоор нь тэмээ гэсэн байх 1 (происходит от одногорбатого верблюда. Может быть, назван верблюдом потому, что он <i>высокий</i> и <i>великопный</i>); <i>сүрлэг</i> сайхан амьтан 1 (<i>великопное</i> и красивое животное); всего – 11.
	1.12. Ботго 3 (верблюжонок).
	1.13. Хамгийн <i>хүчтэй</i> хамгийн ухаантай 1 (самое сильное, самое умное животное); Тэмээ нь <i>хүч чадалтай</i> өндөр амьтан 1 (верблюд – это <i>сильное</i> и высокое животное); <i>Тэнхээтэй</i> , тэвчээртэй 1 (<i>сильный</i> , терпеливый); Том бас <i>хүчтэй амьтан</i> 1 (большое и <i>сильное</i> животное); <i>Хүчтэй</i> боловч уян зөөлөн амьтан. Ачаа тээвэрлэхэд хэрэглэдэг 1 (<i>сильное</i> но мягкосердечное животное. Используем для перевозки грузов); всего – 5.
	1.14. Сүрэг 1 (скотина); Мал 1 (скот); всего – 2.
	1.15. <i>Говийн сүрлэг сайхан</i> амьтан 1 (<i>пустынное</i> <i>великопное</i> <i>красивое</i> животное); <i>Сүрлэг сайхан</i> амьтан 1 (<i>великопное</i> и <i>красивое</i> животное); всего – 2.
	1.16. <i>Нүүдэл</i> суудал 1 (кочевание); Ачлага, уналга, <i>нүүдэл суудалдаа</i> хэрэглэдэг 1 (используем для перевозки, передвижения, кочевания); всего – 2.
	1.17. <i>Хүчтэй</i> боловч уян зөөлөн амьтан. Ачаа тээвэрлэхэд хэрэглэдэг 1 (<i>сильное</i> , но мягкосердечное животное. Используем для <i>перевозки грузов</i>); Ачлага, уналга, <i>нүүдэл суудалдаа</i> хэрэглэдэг 1 (используем для перевозки, передвижения, кочевания); всего – 2.

	1.18. <i>Тэсвэртэй</i> амьтан 1 (<i>терпеливое</i> животное); Тэнхээтэй, <i>тэвчээртэй</i> 1 (прочный, <i>терпеливый</i>); всего – 2.
	1.19. Өндөр, 2 бөхтэй богино <i>сүүлтэй</i> 1 (высокий, с 2-мя горбами и с коротким <i>хвостом</i>).
	1.20. Таван хошуу мал (<i>бугатай зүйрлэж болно</i>) 1 (5 видов скота. <i>Можно сравнить с оленем</i>).
	1.21. Хүмүүст тус болдог 1 (помогает людям).
	1.22. Малыг нэрлэсэн 1 (называет животного).
	1.23. Тэмээчин 1 (пастух верблюда).
	1.24. Хээрийн амьтан 1 (полевое животное).
	1.25. Усгүй бол амьдарч чадна урагшаа!!! 1 (Может жить без воды).
	1.26. Энэ бол мал, таван хошуу малын нэг 1 (<i>это животное</i> , один из пяти видов скотов).
	1.27. Тэмээний нэр заасан 1 (обозначает верблюда).
	1.28. Тэнэг 1 (глупый).
	1.29. Эм ингэ, ботго, буйр гээд эдгээр зүйлийг ботго гэдэг 1 (самка верблюда, верблюжонок, много разных типов).
	1.30. Тэмээн эвэр 1 (рога верблюда).
	1.31. Холыг харах 1 (смотреть в даль).
	1.32. Уужим тайван 1 (спокойный и тихий).
	1.33. Хүчтэй боловч уян зөөлөн амьтан. Ачаа тээвэрлэхэд хэрэглэдэг 1 (сильное но <i>мягкосердечное</i> животное. Используем для перевозки грузов).
	1.34. Өндөр, 2 бөхтэй, тэнгэр ширтэж өөд харж явдаг 1 1 (высокий, с двумя горбами, <i>ходит, глядя на небо</i>).
	1.35. <i>Нь хавтгайгаас үүсэлтэй</i> . Өндөр сүрлэг том болохоор нь тэмээ гэсэн байх 1 (<i>происходит от одnogорбого верблюда</i> . Может быть назван верблюдом потому, что он высокий и великолепный).

В результате проведенного исследования можно выделить следующие особенности обыденного значения слова *тэмээ* по сравнению с его словарным толкованием:

1) с лексикографическим описанием совпадают следующие признаки реального значения слова: «один из пяти видов скота», «крупный», «высокий», «большой», «с одним или двумя горбами», «с мягкой и плоской ступней ноги», «способны жить в пустынной местности», «кочующий». В обыденном толковании слова не получили отражение следующие лексикографические признаки: «с длинной шеей», «богат шерстью», «жвачное и млекопитающее животное»;

2) следующие признаки, значимые для обыденного значения слова, не получили отражения в словарном толковании. К ним относятся следующие признаки, расположенные в порядке их убывания: «великолепное (животное)» (11); «сильное (животное)» (5); «верблюжонок» (3); «скот» (2); «красивое животное» (2); «используется для перевозки, передвижения, кочевья» (2); «терпеливое животное» (2);

3) на уровне единичных смыслов выделяются следующие семантические признаки: «с коротким хвостом», «сравнимый с оленем», «помогает людям», «полевое (животное)», «может жить без воды», «глупый», «самка верблюда», «рога верблюда», «смотрящий в даль», «спокойный и тихий», «мягкосердечный», «ходит глядя на небо», «происходит от одnogорбого верблюда»;

4) по форме выражения обыденные толкования приближены к словарным дефинициям, как правило, носят синтетический, свернутый характер, что приводит к большей обобщенности информации. В отличие от словарной дефиниции обыденные толкования носят вариативный характер. При этом вариативный характер обыденной семантизации слова обусловлен, с одной стороны, типом коммуникативной задачи, которую ставит перед собой носитель языка в процедуре толкования лексического значения слова, а с другой стороны, индивидуальным речевым опытом говорящего.

Сопоставительный анализ обыденных значений слов *верблюд* и *тэмээ* позволяет сделать следующие выводы:

1) у русских и у монголов совпадающими со словарными толкованиями слов являются следующие семантические признаки: «(животное) с одним или двумя горбами, «обитающее в пустынной местности». Различающимися признаками являются: у монголов – «один из пяти видов скота в Монголии», «крупное (животное)», «высокое (животное)», «большого размера»; у русских – «жвачное», «парнокопытное», «млекопитающее». Как видно, в обыденных толкованиях носителей монгольского языка преобладают признаки, характеризующие внешний вид животного, а в толкованиях носителей русского языка содержатся признаки квалифицирующего характера, включающие животное в класс объектов;

2) среди семантических признаков, не вошедших в лексикографические описания слов, но значимых как для монгольского, так и русского обыденного сознания, являются признаки «(животное, которое) используется для перевозки грузов и передвижения людей», «выносливое, терпеливое животное». Различающимися являются следующие признаки: у монголов – «великолепное, сильное, красивое животное»; у русских «животное, которое плюётся», «способное долго обходиться без воды», «накапливающее жир и жидкость в горбах»;

3) на уровне личностных смыслов реальные значения слов у монголов и русских различаются следующим образом: у монголов – «сравнимый с оленем», «помогает людям», «смотрящий в даль», «спо-

койный и тихий», «мягкосердечный», «ходит, глядя на небо»; для русских – «животное, которое может обходиться без еды», «питается колючками», «оранжевокоричневого цвета», «дающий пух», «чужое».

Обобщая сказанное, отметим, что для обыденного сознания представителей обеих национальностей при определении слова значимыми являются признаки, характеризующие внешний облик животного и места его обитания. Однако для носителей монгольского языка большое значение имеют признаки, обозначающие аксиологическую и квалификативную оценку животного, а для носителей русского языка значимыми являются его энциклопедические характеристики.

Литература

1. Голев Н. Д. Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации // Вопросы лексикографии. 2013. № 2(4). С. 48 – 65.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1976. 248 с.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003, 349 с.
4. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2-х т. Т. 1: А – М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов) / под ред. Н. Д. Голева; авт.-сост. М. Ю. Басалаева, М. Е. Воробьева, Н. Д. Голев, Я. А. Дударева, А. В. Замилова, Л. Г. Ким, Е. В. Кишина, Т. Ю. Кузнецова, Н. В. Мельник. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. 536.
5. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. 428 с.

Информация об авторе:

Даваа Ундармаа – преподаватель кафедры русского и английского языков факультета иностранных языков и культуры Ховдского государственного университета (г. Ховд, Монголия), аспирант кафедры русского языка и литературы Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина (г. Бийск, Россия), undaraa_0720@yahoo.com.

Davaa Undarmaa – Lecturer at the Department of Russian and English language, Faculty of Foreign Languages and Culture, Khovd State University (Khovd city, Mongolia); post-graduate student at the Department of Russian Language and Literature, Shukshin Altai State Academy of Education (Biysk, Russia).

(Научный руководитель: Шкуропатская Марина Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, marina-shkuropac@mail.ru.

Research advisor: Marina G. Shkuropatskaya – Doctor of Philology, Professor at the Department of the Russian Language and Literature, Shukshin State Academy of Education (Biysk, Russia)).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ С ФОРМАНТОМ -н/я/

И. П. Фаломкина

HISTORY OF THE STUDY OF DERIVATIVE NOUNS WITH THE FORMANT -н/я/

I. P. Falomkina

Статья представляет собой экскурс в историю изучения производных существительных с суффиксом -н/я/. Целью работы является определение степени изученности словообразовательных типов с формантом -н/я/ в отечественной лингвистике. В статье представлен обзор работ российских лингвистов, начиная с исследований В. В. Виноградова в 50-х гг. XX в. и заканчивая исследованиями представителей Кемеровской дериватологической школы в конце XX – начале XXI вв., рассматриваются различные аспекты анализа субстантивов с формантом -н/я/ в специальной литературе, в частности поднимаются вопросы продуктивности словообразовательных типов с суффиксом -н/я/. Делается вывод о том, что производные исследовались, как правило, фрагментарно (на уровне анализа одного слова) либо анализировались в ряду других производных при описании типов словообразовательной системы русского языка. Сведения, представленные в статье, могут быть полезны лингвистам, интересующимся вопросами продуктивности словообразовательных типов в русском литературном языке и диалектах и изучающим семантику субстантивов с суффиксом -н/я/.

The article is devoted to the history of the study of derivative nouns with the formant -н/я/. The aim of the study is to determine the degree of knowledge of world-forming types with formant -н/я/ in Russian linguistics. The article presents an overview of works by Russian linguists, starting with the research performed by V. V. Vinogradov in the middle of XX century and ending with the research performed by the representatives of Kemerovo derivative school in the late XX – early XXI centuries. Various aspects of the analysis of substantives with formant -н/я/ in the literature, in particular, raises the question of efficiency of world-forming types with formant -н/я/. The conclusion was made that the derivatives were studied usually fragmentarily (on the level of one word analysis) or analyzed in a row of other types of derivatives in the description of the word formation system of the Russian language. The information presented in this article may be of interest to linguists who study the problem of efficiency of world-forming types and the semantics of nouns with formant -н/я/.

Ключевые слова: формант -н/я/, производное существительное, семантика имен существительных с -н/я/, словообразовательный тип, продуктивность словообразовательных типов.

Keywords: formant -н/я/, derived noun, the semantics of nouns with formant -н/я/, world-forming type, efficiency of world-forming types.

Вопросы образования существительных суффиксальным способом поднимались учеными неоднократно. Рассмотрим, в каких аспектах освещался анализ существительных с -н/я/ в специальной литературе.

В. В. Виноградов в работе «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» рассматривает типы словообразования с -н(я) в системе мягкого женского склонения на -а (-я). Ученый пишет о существовании:

– непродуктивного суффикса -н(я), который обозначает помещение для кого-нибудь (образован от основ имен существительных) или место какого-нибудь действия (образован от глагольных или отглагольных основ). Например: а) *пекарня, свинарня, устар. поварня, голубятня, колокольня* и др., б) *солеварня, бойня, дойня, пашня, сходня* и др.;

– непродуктивного разговорного суффикса -н(я), производившего от глагольной основы существительные со значениями хлопотливого, неприятного, длительного действия, орудия и продукта действия: *стряпня, мазня, суетня, размазня, западня, квашня* и другие подобные [5, с. 130].

Таким образом, разговорный суффикс -н/я/, по мнению ученого, образует существительные с предметно-конкретным и с отвлеченным значением.

В. В. Виноградов говорит о возможности образования с помощью суффикса -н/я/ существительных с собирательным значением (*матросня, солдатня, четверня, сотня, родня*). Формант, способный присоединяться к основам имен существительных или собирательных числительных, характеризуется как «еще менее производительный, в литературном языке вымирающий омоним -н(я) [-н(я)]». Подчеркивается, что образования с -н(я) иногда имеют презрительно-просторечный оттенок [5, с. 130].

В кругу суффиксов мягкого женского склонения на -а(-я) ученым выделяются также суффиксы -отн(я) и -овн(я):

«Малопродуктивный суффикс -отн(я), присоединяющийся к глагольно-именной теме со значением шума, звучания и выражающий частое и энергичное проявление соответствующего действия: *стукотня, трескотня, толкотня, беготня, воркотня, топотня, пискотня, дерготня, пачкотня* и т. п.; ср. суффикс -от (-ет) в словах *топот, шёпот, хохот* и т. п.»;

«Суффикс -овн(я) мертв: *болтовня*» [5, с. 130].

В «Грамматике русского языка» 1953 г. отмечается, что посредством суффикса -н/я/ образуется три ряда имен существительных со значением предмета:

1) от названий лиц, занимающихся какой-либо производственной деятельностью, образуются имена

существительные женского рода со значением места производства: *бочарня, винокурня, гончарня, пекарня* и т. д.;

2) от имен существительных, обозначающих предметы, образуются имена существительные женского рода, называющие места, где производятся или находятся эти предметы: *колокольня, кофейня, сырня* и т. д.;

3) от глагольных и глагольно-именных основ образуются названия места, где совершается обозначенное в основе действие: *бойня, водогрейня, пашня, сходня, солеварня* и т. д.

Первый тип характеризуется как непродуктивный, второй и третий – как малопродуктивные [6, с. 247 – 248]. В монографии В. В. Виноградова и в «Грамматике русского языка» 1953 г. в одном типе рассматриваются производные, образованные суффиксальным и сложноссуффиксальным способом.

Е. А. Земская полагает, что в современном русском литературном языке суффикс -н/я/, наряду с формантом -ище, служит для производства существительных со значением «место, связанное с тем, что названо производящей основой»: *колокольня, кофейня*. Производные с суффиксом -н/я/, мотивированные прилагательными или глаголами, в работе не отмечены [7, с. 259].

Более подробно семантические и морфонологические особенности форманта -н/я/ представлены в «Русской грамматике-80». Грамматика-80 дает следующее определение семантики отглагольных существительных со значением «носитель процессуального признака»: «Существительные с суф. -н(я) (фонемат. [н'], перед [н'] беглая [α₁]) предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом». Слова этого типа называют объект действия (*ставня, пашня*), средство действия (*ступня, квашня* и др.), помещение по производству действия (*бойня, пильня, караульня*), предмет по характерному действию (*мотня*), в единственном случае – лицо (*сводня*). В качестве мотивирующих выступают глаголы несовершенного вида с беспрефиксальной основой, исключением является слово *размазня* [12, с. 150 – 151].

Семантика остубстантивных существительных со значением носитель «предметного признака» определяется следующим образом: «Существительные с суф. -н(я) (фонемат. [н'], перед [н'] беглая [α₁]) называют помещение или вместилище для того, что названо мотивирующим словом». Слова этого типа мотивируются существительными со значением лица (в основном на -арь, -ар: *пекарня, токарня, свинарня, пекарня, кочагарня* и т. д.), названиями животных (*скворечня*), собирательных понятий (*грядня*), неодушевленных предметов и веществ (*колокольня*, устар. *кумирня, сырня*, разг. *бакалейня*) [12, с. 189]. Оба типа характеризуются как непродуктивные.

Существительные с суффиксом -н/я/, образованные сложноссуффиксальным способом (*каменоломня, лесопильня, шерстобойня* и т. д.), «Русской грамматикой-80», рассматриваются в рамках отдельного словообразовательного типа [12, с. 245].

В представленных выше работах отмечается возможность соединения форманта -н/я/ для производст-

ва дериватов с конкретно-предметным и вещественным значением с мотивирующими двух частей речи: глаголами и именами существительными.

В Грамматике-80 представлены также словообразовательные типы с -н/я/, в рамках которых функционируют производные с отвлеченным и собирательным значением. Так, от глагольных основ образуются дериваты со значением отвлеченного процессуального признака. По мнению авторов Грамматики, большинство существительных с суффиксами -н(я)/-отн(я)/-овн(я) являются разговорными или просторечными. К этому типу относятся производные *резня, брехня, ворчня, беготня, трепотня* и др. [12, с. 160 – 161]. Тип характеризуется как продуктивный. Таким образом, -отн(я) и -овн(я) представлены как варианты форманта -н/я/.

В сфере образования существительных с модификационным значением описаны отсубстантивы со значением собирательности: «Существительные с суф. -н(я) (фонемат. [н']) имеют собирательное значение «группа одинаковых предметов (обычно лиц), названных мотивирующим словом»: *солдат – солдатня, офицер – офицерня, шофер – шоферня, матрос – матросня* (все – прост.), *ребенок (ребята) – ребятяня* (разг.)...». В работе подчеркивается, что слова этого типа отличаются экспрессивной, преимущественно уничижительной окраской [12, с. 203]. От имен числительных образуются субстантивы, именующие группу предметов (одушевленных или неодушевленных) в количестве, названном мотивирующим словом: *двойня, тройня, шестерня* и т. д. Тип охарактеризован как непродуктивный [12, с. 215 – 216].

Итак, с помощью форманта -н/я/ образуются производные с конкретной и вещественной семантикой, со значением собирательности и со значением отвлеченного процессуального признака. Так, в диалектных словарях представлены существительные с отвлеченным и собирательным значением: *возня* «дело, занятие, доставляющее много забот, хлопотливого труда; хлопоты». – *Возни много* (Верш.); *стряня* «действие по глаголу *стряпать*». – *Стряня* – *когда стряпаю, стряня идет. Теперь редко стряпаю* (Верш.); *старушн* «старухи». – *Старушн* *соберутся; Старушн* – *некому возить, некому поливать* (Верш.); *чувашиня* «чуваши». – *Чувашиня и цыгане были, воровали тут-ка* (Верш.).

Исследуя дериваты с конкретной семантикой, ученые сосредоточивают внимание на существительных с локативным значением. Так, Г. В. Рагульская, называя это значение одним из основных для суффикса -н/я/, полагает, что сформировалось оно еще в праславянском языке, о чем свидетельствуют данные русского языка и его диалектов, а также данные других славянских языков [11, с. 89]. Наиболее продуктивным, по мнению автора, формант -н/я/ локативно-значения становится в XVIII – XIX вв., когда в связи с ростом технического прогресса появилась потребность в названиях для новых предприятий. В этот период появляются такие слова, как *бондарня, водогрейня, древесушня, столярня, токарня, хлебопекарня* и многие другие, составляющие 70 % существительных, зафиксированных в словарях современного рус-

ского литературного языка. В XX в., пишет Г. В. Рагульская, образования с -н/я/ немногочисленны. То есть суффикс -н/я/ локативного значения непродуктивен [11, с. 90]. В статье затрагивается проблема определения производящих для существительных на -н/я/, которая вызывает значительные трудности в связи с тем, что данные образования часто мотивируются одновременно и существительными, и прилагательными. Так, *кирпичня* – это «завод, где делают кирпичи» и «кирпичный завод». Анализ материала позволяет автору сделать вывод о том, что основной базой для образования существительных локативного значения на -н/я/ служили прилагательные, входящие в атрибутивные словосочетания, которые употреблялись в качестве сложного локативного наименования. Например, *богадельная изба* – *богадельня*, *двойная светлица* – *двойня*, *рудоплавный завод* – *рудоплавня*. Кроме отаъективного образования существительных на -н/я/, как отмечается в статье, возможно отсубстантивное и отглагольное образование: *гончар* – *гончарня*, *хлеб* – *хлебня*, *дрова* – *дровня*, *вальять* – *вальня*, *дойть* – *дойня* [11, с. 90 – 91].

В работе называются следующие причины утраты продуктивности суффикса -н/я/:

1) изменения в общественной жизни: рост технического прогресса вызвал вытеснение ремесленного производства, а значит и части терминологии ремесла, к которой принадлежали многие существительные на -н/я/.

2) формирование в XVIII – XIX вв. нового суффикса -льн/я/, у которого «значение места, предназначенного для выполнения какого-либо производственного действия, оказалось более специализированным». С формантом -льн/я/ свободно образовывались субстантивы от иноязычных основ.

3) производные с -н/я/, относясь к производственной терминологии, имели определенную стилистическую сферу употребления, поэтому в литературном языке появилась необходимость эквивалентной замены образований с формантом -н/я/ [11, с. 92].

Более широко «локативное значение» производных трактуется в докторской диссертации Г. В. Беляковой, посвященной изучению словообразовательной категории суффиксальных локативных существительных (субстантивов, формула толкования значений которых начинается с «там, где») [3, с. 9]. То есть значением локативности обладают не только производные, именующие место, но и субстантивы, называющие, например, помещения: *сахарница*. В работе Г. В. Беляковой объектом изучения становятся существительные с суффиксами:

-ник, -нищ(а), -н(я), -льн(я), -к(а), -лк(а), нулевой суффикс, -дром, -тека, -арий, -ищ(е), -орий, -ат, -няк, -ловк(а), -ость, -ств(о), -от(а), -ин(а), -л(о), -тель, -трон, -инг, -ур(а), -ок, -ак, -атор, -ень, -ун, -ач, -ель, -ырь, -б(а), -ев(а), -таш, -амт, -етт(а), -стас, -ерий, -ух(а), -шет, -ицин(а), -рав(а), -ч(а) и др. [6, с. 84 – 85]. В качестве источников исследования называются лингвистические словари русского языка (толковые, неологические, словообразовательные, исторические, морфемные, словари иностранных слов), а также тексты различных стилей [3, с. 10]. Формант -н/я/ рас-

сматривается в ряду суффиксов, с помощью которых образуются в русском языке XX века отсубстантивы с локативным значением. Кроме -н/я/ называются также следующие морфемы: -ник, -нищ(а), -дром, -тек(а), -ищ(е), -арий, -к(а). Суффикс -н/я/, по мнению автора, способен соединяться с субстантивной, аъективной, вербальной производящей основой.

При этом формант характеризуется как «более присубстантивный» [3, с. 90 – 92]. Суффикс -н/я/ определяется как один из самых активных при образовании локативов-кодериватов. Он входит в пары с -ник и -нищ/а/ (пчельня – пчельник, хлебня – хлебница). Кодериваты способны долгое время сосуществовать в языке. При этом не происходит вытеснения одного производного другим [3, с. 109]. В исследовании называются частные СЗ, которые присущи локативным субстантивам с формантом -н/я/: 1) «там, где находится то, что названо производящей основой»; 2) «там, где работает тот, что назван производящей основой»; 3) «там, где изготавливают то, что названо производящей основой» – гвоздарня «мастерская по изготовлению гвоздей»; 4) «там, где живет тот, кто назван производящей основой» – бомжарня; 5) «там, где совершается действие, названное производящей основой»; 6) «там, где есть результат действия, названного производящей основой» [6, с. 83 – 94]. При этом подчеркивается, что в некоторых случаях производные способны совмещать в себе два значения. Например, кофейня – это «место, где изготавливают и где продают/подают кофе» [3, с. 107]. В нашем исследовании подобные дериваты рассматриваются как полимотивированные: в этом случае одно и то же мотивирующее, конкретизируя различные предикаты, входит в разные пропозициональные структуры, выступая как результат изготовления и объект продажи. Сравним: бузня «место варки и продажи бузы».

Освещая проблему потенциала словообразовательной категории, автор задается вопросом, возможно ли образование существительных с локативным значением от имени числительного. В истории русского языка исследователь находит такие примеры (семерня «дом, состоящий из семи срубов»). Однако, по мнению Г. В. Беляковой, подобные образования единичны, относятся к устаревшей лексике, и «дальнейшее развитие обозначенного пути не наблюдается». Кроме того, маловероятно привлечение основ слов других частей речи [3, с. 151]. В диалектных словарях нами выявлены производные с локативным значением, мотивированные именем числительным (двойня), а также наречием (порядня).

Имена действия и состояния с формантом -н/я/ рассматриваются в работе Г. В. Рагульской [10]. Исследователь отмечает, что имена существительные с формантом -н/я/, принадлежащие в основном к разговорной речи и просторечию, обозначают: 1) звуки, издаваемые животными (*стрекотня*); 2) звуки, издаваемые человеком, и речь человека (*трепня*, *хохотня*); 3) действия интенсивного характера, сопровождаемые звуками (*возня*, *ругня*); 4) трудовые действия (*мазня*, *стряпня*); 5) продолжительные действия беспорядочного характера (*суетня*); 6) отвлеченное действие, состояние и их результат (*дрыхня*, *сплетня*)

[10, с. 100]. Структурно-семантический анализ позволяет автору выделить три группы производных: 1) дериваты, мотивированные одновременно существительными и глаголами: *суетня* от *суетиться* и *суета*; 2) имена, структурно и семантически мотивированные существительными и связанные с глаголами опосредованно: *топотня* от *топот*; 3) существительные, мотивированные глаголами: *возня*, *ругня* [10, с. 100]. В конце статьи делается вывод о том, что «отглагольный словообразовательный тип среди имен действия с суффиксом -н(я), генетически возникший на базе отыменного благодаря наличию мотивационных отношений, утвердился в современном русском языке в качестве основного способа производства подобных образований» [10, с. 104].

Таким образом, при анализе производных с формантом -н/я/ ученые обращают внимание на явление множественной мотивации [3; 10; 11]. М. Н. Янцеевская, раскрывая суть пропозиционального аспекта словообразования, указывает на возможность соотношения производного слова «с разными компонентами одной пропозиции или с общим компонентом нескольких пропозиций» [15, с. 8]. В качестве примера, исследователь приводит производное *пекарня*, способное вступать в мотивационные отношения со словами *печь* и *пекарь*. При этом все три слова выступают как компоненты одной пропозиции, каждый из которых может быть использован в качестве основы мотивации: *пекарня* – там, где работает *пекарь*, *пекарня* – там, где пекут хлеб.

Производные со значением собирательности, оформленные суффиксом -н/я/, становятся предметом изучения в статье Ю. С. Азарх «К истории словообразовательных типов вторичных собирательных в русском языке (имена с суффиксами -ств(о), -ин(а), -щин(а), -от(а), -н(я))» [1]. Ученый отмечает продуктивность собирательных существительных, образованных от личных имен, в разговорной речи и просторечии. Подчеркивается, что им присущ оттенок пренебрежительности. В народно-разговорном языке конца древнерусского периода собирательные существительные, которые восходят к субстантивам от притяжательных прилагательных с суффиксом -ын', являются стилистически нейтральными (*родня*). Собирательные существительные в этот период называют совокупность лиц по их принадлежности к определенной семейной или сословной группе. В памятниках народно-разговорного языка XVII в. зафиксированы собирательные наименования растений и плодов (*лешня* «орехи», *ельня*, *дубня*). По мнению Ю. С. Азарх, собирательные существительные данной тематической группы возникли вследствие регулярной многозначности: «пространство, поросшее растениями» ↔ «совокупность растений». В статье определяется место бытования собирательных существительных с суффиксом -н/я/ от названий деревьев и плодов: это территории более позднего заселения русскими (арх. «подгнивший коряжник, бурелом», яросл. «головки льна», урал. «бурелом в еловом лесу»). В современных говорах, пишет ученый, собирательные на -н/я/, образованные от одушевленных существительных, имеют отрицательную

окраску, что не всегда обусловлено семантикой мотивирующих слов»: *мухотня* (сиб.) «мухи», *бродяжня* (урал.) «бродяги» [1, с. 69 – 70].

Помимо истории возникновения словообразовательных типов с формантом -н/я/, ученые обращаются к истории употребления отдельных слов с суффиксом -н/я/. Так, О. В. Борхвальт в статье «К истории слов *скудельница* и *хлебня*» проследивает судьбу слова *хлебня*, опираясь на тексты литературных памятников, с XV – XVII вв. и вплоть до настоящего времени, подчеркивая, что, в отличие от современных диалектизмов, локально ограниченные слова XV – XVII вв. не противопоставлялись литературному языку [4, с. 4]. Исследователь пишет о том, что слово *хлебня* в диалектной разговорной речи XV – XII вв. употреблялось в значении «помещение для выпечки хлеба» и имело северную и среднерусскую локализацию (в южных областях Московского государства использовалось слово *пекарня*). В старорусском языке хлебней называли к тому же помещение, предназначенное для хранения запасов муки и хлебных продуктов [4, с. 7 – 8]. К XVIII в. локализм *хлебня* «входит в состав общерусского словаря и далее устаревает в русском литературном языке». Автор отмечает, что впоследствии анализируемое слово в значении «предприятие для выпечки хлеба» было вытеснено словом *пекарня* и перешло в пассивный запас. В говорах повсеместно утратилось. О. В. Борхвальт обращает внимание на то, что в диалектах *хлебня* функционирует в значении «гумно», но весьма ограниченно: в Картотеке Словаря русских народных говоров слово представлено лишь одной выпиской: «Хлебня – гумно. П. 399. Судж. Курск. Резанова. 1915 г.» [4, с. 9 – 10].

Действительно, в диалектных словарях мы не обнаружили слова *хлебня* со значением «помещение для выпечки хлеба», «помещение для хранения хлеба». В словарях представлено слово *хлебня* в двух значениях: 1) «кузовок для хлеба» (Смол., Ср. Урал.); 2) «кушанье из кваса и хлеба, окрошка» (Карел.).

В работах по диалектному словообразованию отдельные суффиксальные существительные с -н/я/ подвергаются дериватологическому анализу в границах определенных тематических групп. Так, в статье Л. Г. Ким формант -н/я/ называется в ряду суффиксов, оформляющих тематическую группу существительных со значением пространства в говорах Томской области (*кочкарня* «место, покрытое кочками») [8, с. 87]. И. С. Лутовинова, устанавливая структурные типы и словообразовательные модели существительных – названий кушаний в псковских говорах, иллюстрирует модель «отадьективная производящая основа + суффикс» производными с формантом -н/я/: *бобовня*, *муковня*, *ершовня* [9, с. 48].

Л. А. Араева, касаясь вопроса структурно-семантической классификации словообразовательных ниш, отмечает, что полные словообразовательные ниши (с мотивирующими прилагательными, существительными, глаголами) в системе Кемеровского говора оформлены в частности суффиксом -н/я/ [2, с. 188].

Краткий экскурс в историю изучения дериватов с формантом -н/я/ свидетельствует о том, что данные производные исследовались, как правило, фрагмен-

тарно (на уровне анализа одного слова) либо анализировались в ряду других производных при описании типов словообразовательной системы русского языка. Практически все ученые указывают на незначи-

тельную продуктивность этих типов. Описание проводилось в структурно-системном аспекте. Пропозициональный подход к анализу слова *пекарня* представлен М. Н. Янценецкой.

Литература

1. Азарх Ю. С. К истории словообразовательных типов вторичных собирательных в русском языке // Исследования по исторической морфологии русского языка. М., 1978. С. 49 – 73.
2. Араева Л. А. Словообразовательный тип: традиционное и современное видение // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 4. С. 110-115..
3. Белякова Г. В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. 353 с.
4. Борхвальдт О. В. К истории слов *скудельница* и *хлебня* // Лекические единицы и их взаимодействие в говорах Сибири: межвузовский сборник научных трудов. Красноярск: Красноярский педагогический институт, 1988. С. 3 – 12.
5. Виноградов В. В. Русский язык: Граммат. учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
6. Грамматика русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 720 с.
7. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие для вузов. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
8. Ким Л. Г. Словообразовательная характеристика существительных пространств (на материале говоров Томской области) // Вопросы грамматики и словообразования Сибирских говоров: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск: Красноярский педагогический институт, 1985. С. 87 – 95.
9. Лутовинова И. С. Словообразовательный анализ названий кушаний в псковских говорах // Севернорусские говоры мужвузовский сборник. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. Вып. 5. С. 45 – 56.
10. Рагульская Г. В. Имена действия и состояния с суффиксом -н(я) в русском языке // Русский язык в школе. 1979. № 4. С. 100 – 104.
11. Рагульская Г. В. Имена существительные локативного значения с суффиксом -н(я) в русском языке // Русский язык в школе. 1978. № 4. С. 89 – 92.
12. Русская грамматика. Ч. 1. М.: Наука, 1980. 789 с.
13. Фаломкина И. П. Реализация фрейма «животноводство» в пределах диалектной словообразовательной ниши с формантом -н/я/ // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18. С. 139 – 145.
14. Фаломкина И. П. Действие принципа конкурентного исключения в рамках диалектной словообразовательной ниши с формантом -н/я/ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4(52). Т. 4. С. 190 – 193.
15. Янценецкая М. Н. Пропозициональный аспект словообразования (Обзор работ сибирских дериватологов) // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири: материалы Всесоюзной научной конференции. Кемерово, 1992. С. 4 – 33.

Информация об авторе:

Фаломкина Ирина Павловна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры стилистики и риторики КемГУ, falomkina@mail.ru.

Irina P. Falomkina – Candidate of Philology, assistant lecturer at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МОЛОДЕЖНОГО ДИСКУРСА КАК ЭКСПЛИКАТОР КОЛЛЕКТИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

М. Г. Чабаненко

THEMATIC AREA OF YOUTH DISCOURSE AS COLLECTIVE LINGUISTIC IDENTITY EXPLICATION

M. G. Chabanenko

В статье анализируется тематическое пространство молодёжного дискурса печатного издания. Современный «взрыв» интереса к носителю языка определяет актуальность изучения типа коллективного языкового субъекта (социокультурной группы) как категоризирующего основания характера дискурса. При дискурсивном анализе формой проявления языковой личности признается совокупность произведенных ею текстов с учетом социальных, психологических, культурных факторов. Исходя из положения о том, что в фокус коммуникативной ситуации попадают значимые для индивидуума, социальной группы темы, текстотемы молодёжного дискурса рассматриваются нами как эксплицирующие ценностные приоритеты участников молодёжного общения – коллективной языковой личности.

Субъектом молодёжного дискурса является личность переходного возраста во всей совокупности своих стихийных чувств и мыслей, парадоксальности представлений о мироустройстве, в постижении сути бытия обнаруживающая склонность к мистериям, в речевой деятельности тяготеющая к вербальной обрядовости, сложной семиотике.

Систематизирующими признаками дискурсивного портрета коллективной языковой личности являются: возрастные и социально-культурные признаки участников коммуникации; цель и способы общения; функции общения; базовые ценности, выявленные в системе текстотем, основополагающих идей; избираемые языковые средства, подчинённые мироощущению говорящего.

The article analyzes thematic area of youth discourse in printed edition. Modern "outbreak" of interest in a native speaker determines the relevance of the type of collective linguistic identity study (socio-cultural group) being the basic category for the nature of discourse. In discourse analyzing the set of texts produced by a linguistic identity is supposed to be the demonstration form of this identity considering their social, psychological and cultural factors. On the basis of the thesis that communicative situations focus on topics that are important for an individual or a social group, texts of youth discourse are considered to be explicated value priorities of youth discourse participants, i.e. collective linguistic identity.

The subject of youth discourse is a person in their puberty with their complex of natural feelings and thoughts, paradoxical ideas about the world model, who reveals a penchant for mysteries in comprehension of the essence of being and tends to verbal rites and complex semiotics in speech activity.

Classified features of the discursive portrait of a collective linguistic identity are age and socio-cultural features of participants of communication; the purpose and methods of communication; functions of communication; basic values which are identified in topical texts and basic ideas; selected language means which are determined by the speaker's outlook.

Ключевые слова: молодёжный дискурс, коллективная языковая личность, социокультурная группа.

Keywords: youth discourse, collective linguistic identity, socio-cultural group.

Волна интереса к исследованию коллективной языковой личности диктует необходимость обращения к дискурсивному анализу характерных признаков участников молодёжной коммуникации.

В современной лингвистике разработано два направления моделирования и портретирования языковой личности: от личности к порождаемому тексту и от текста к личности. В первом случае производится проекция черт языковой личности на факты ее текстовой реализации [4], во втором – коммуникативно-психологический портрет личности воссоздается на основе определенных параметров текста [2].

Материал, выбранный для исследования (приложение к областной газете «Бродвей с тобой»), эксплицирует параметры характеристики языковой личности: «специфика никнейма; физиологические признаки, психо-социальный статус, тип речевой культуры и особенности построения текста» [4, с. 13].

Особенностью исследуемого молодёжного дискурса является уникальная коммуникативная среда в

областной молодёжной газете «Бродвей с тобой», предназначенная для общения молодых людей в форме сообщений-посланий, характеризующихся жанровым и тематическим разнообразием (приветы, поздравления, диалоги, философские эссе, поэтические и прозаические художественные тексты).

Молодёжный дискурс газеты «Бродвей с тобой» является «особым типом коммуникации, совмещающим формы публицистического, виртуального, эпистолярного общения, с одной стороны, и естественной письменной речи – с другой» [6, с. 9]. Под естественной письменной речью понимается «речевая деятельность и её результат – тексты, характеризующиеся такими признаками, как спонтанность, непрофессиональность исполнения и письменная форма бытования» [5, с. 94]. «Как известно, язык, на котором общается молодое поколение неоднороден: он экспрессивен, метафоричен, одобряет резкость и непосредственность оценок, а также обценность и, как ни странно, в то же время ласкательность» [1, с. 236].

Тематическое пространство газеты «Бродвей с тобой», с одной стороны, не ограничено внешними нормирующими факторами, с другой стороны, наблюдается определённая стереотипность, повторяемость тем коммуникации. Нерегулируемость, но стихийно сложившаяся система тем, идей, образов, с нашей точки зрения, свидетельствует об их значимости для участников коммуникации и, следовательно, может служить основанием характеристики коллективной языковой личности.

В. И. Карасик выделяет два типа личностно-ориентированного дискурса: «Личностно-ориентированный дискурс проявляется в двух основных сферах общения – бытовой и бытийной, при этом бытовое (обиходное) общение представляет собой генетически исходный тип общения, а бытийное общение выражается в виде художественного, философского, мифологического диалога» [3, с. 239].

Авторские сообщения участников молодёжной коммуникации (бродвейцев) включают в себя наиболее актуальные для этой возрастной социальной группы темы: любовь и дружба, гармония и её отсутствие в отношениях людей, добро и зло, учёба, работа, семейные ценности.

Бытовой дискурс диалогичен, раскрывает проблемные вопросы и отношения между бродвейцами. Сообщения ироничны, возможно использование жаргонизмов и вульгаризмов. *Хотел было наехать на кого-нибудь, почитал пару номеров последних, ну, блин, все такие мягкие и пушистые, даже Морган на нежности перешел. Brutal*

Несмотря на то, что исследуемый молодёжный дискурс представлен в газете и обращён ко всем читателям, главными адресатами являются сами авторы, объединённые в творческий клуб. В сфере массовой коммуникации, как отмечает Т. В. Чернышова, «адресат традиционно понимался как пассивная сторона коммуникативного речевого акта, в отличие от автора (отправителя массовой информации)... В текстах современных СМИ, представляющих собой область активного лингвокогнитивного взаимодействия автора и адресата, адресат выступает как активный заинтересованный субъект коммуникации» [7, с. 22 – 23]. Современные исследователи рассматривают «коммуникативные отношения автора и адресата в сфере массовой коммуникации через текст... как взаимодействие, помещённое в социально-культурные условия ситуации» [8, с. 374].

В сообщениях, посвящённых оценке творчества и мировоззренческих позиций бродвейцев, высказываются суждения как позитивные, одобрительные, так и резкие, негативные: *Говорю как есть. Хотел было наехать на кого-нибудь, почитал пару номеров последних, ну, блин, все такие мягкие и пушистые, даже Морган на нежности перешел. BRUTAL. Пушистая – вот человек, который по-настоящему ценит себя и умеючи этим пользуется! Smoken, как ты умудряешься писать такие невероятные мэсэджди? И откуда столько умных мыслей? А ты случайно диссертацию не защищал? Witch.*

В рамках бытийного дискурса, как отмечает В. И. Карасик, «предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всём его богатстве, общение

носит развёрнутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка; бытийное общение носит преимущественно монологический характер и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами» [3, с. 289 – 290]. В газете «Бродвей с тобой» бытийный дискурс представлен в виде информации-размышления об устройстве мира, о «вечных» проблемах бытия, о собственном мироощущении. *Странные существа люди... Старание не нарушить покой мёртвых где-то глубоко в подсознании. Тихо... Не надо им мешать, пусть спят себе спокойно... Они это заслужили? Не важно, всё равно не надо им мешать... Велиана. Среди тысяч таких же, как я, но при том совершенно чужих, ты устал до чего-то идти, ты устал просто жить от тоски. Ведь никто не поможет пройти путь, что выбрал ты сам для души... Призрак Летнего Полдня.*

Тематическое пространство бытийного дискурса включает философские проблемы жизни и смерти, смысла жизни человека, сущности любви, религии. *Достоинства человека уравниваются его недостатками. Но кто же тогда святые? Атанварно. Поиск ответа на вопрос: «Зачем жить?» – приводит либо к самоубийству, или к нытью и пьянству, или к творчеству, цель которого – обессмертить себя. Велиана.*

Один из авторов газеты сформулировал основные вопросы, волнующие молодых людей, в рубрике «Философствуем»: Я готов щедро угостить пивом того человека, который даст мне удовлетворительный ответ хотя бы на один из вот этих вопросов: 1) есть ли граница у пространства?; 2) существует ли предел делимости материи?; 3) когда началось время и когда оно кончится?; 4) в чём смысл жизни?; 5) существовал ли я до своего рождения?; 6) исчезну ли я после смерти или есть ли загробная жизнь?; 7) есть Бог или его нет?; 8) есть ли существа, превосходящие по развитию человека?; 9) что истинно – свобода воли или предопределённость, судьба?; 10) когда, наконец, Smoken найдет высокооплачиваемую работу? **Smoken.**

Значимость осмысления проблем мироустройства для бродвейцев подтверждается наличием откликов на поставленные вопросы. Бытийный дискурс газеты «Бродвей с тобой» является диалогичным. *Здравствуйте! Можете, вы не согласитесь с моими ответами, но я так думаю. 1) Есть ли граница у пространства? Границы у пространства нет, если только об этом заранее не оговорено. Например, моё личное пространство – 1 метр. 2) существует ли предел делимости материи? Предел делимости материи существует: протоны, электроны, нейтроны, ядро, элементарные частицы. 3) Когда началось время и когда оно кончится? Время никогда не начиналось и никогда не кончится, оно было, есть и будет всегда. Но для каждого человека время началось тогда, когда он зародился в утробе, и закончилось, когда человек умер. Душа будет жить вечно, для неё время не заканчивается. 4) В чём смысл жизни? Смысл жизни в самом слове «жизнь». Жизнь – это цель, к которой надо стремиться. Если у человека есть цель, то он живёт; если нет, то человек существует. У живот-*

ного цель – добыть еду, обеспечить безопасность себе, потомству, найти ночлег или смастерить его (нора, гнездо и т.д.). 5) Существовал ли я до своего рождения? Конечно, да. Только в иной форме: в форме детородных свойств отца и матери, потом в форме зародыша в утробе матери. Ну а душа – она вечна и существует всегда. 6) Исчезну ли я после смерти или есть ли загробная жизнь? После смерти я не исчезну, останусь в своих детях, внуках и т.д., в своих кровных родственниках (частично), а душа моя будет жить вечно, поэтому есть загробная жизнь души. 7) Есть ли Бог или его нет, и если он есть, почему допускает страдания и смерть? Бог есть либо сверхъестественная материя, именуемая Богом. Бог допускает страдания, чтоб человек понял смысл жизни, а смысл жизни – это цель, к которой человек должен стремиться, чтоб жить, а не существовать. Смерть нужна для выравнивая человеческого баланса на земле. Кто-то рождается, кто-то умирает – баланс восстанавливается. Если никто не должен умирать, то никто не должен рождаться – наполовину теряется смысл жизни, человек только наполовину живёт, а наполовину существует. Наша планета всегда одного размера, не увеличивается. Выравнивание человеческого баланса нужно для того, чтоб земля смогла всех на земле разместить. 8) Есть ли существа, превосходящие по развитию человека? Да, есть, только мы их не видим. Ведь кто-то создал время, планету, вселенную. 9) Что истинно – свобода воли или предопределённость, судьба? Истинно – свобода воли. Свобода воли – это попросту желание. Даже есть поговорка: «Всё получится – было бы желание». Судьбу можно менять, если есть желание. 10) Когда, наконец, *Stoken* найдёт высокооплачиваемую работу? Когда захочет. Смотри ответ на вопрос № 9. С уважением. **Елена.**

Рассуждая о своём предназначении в мире, бродвейцы определяют основные темы бытийного молодёжного дискурса.

1. Тема религии и христианства. Забавно – я не могу назвать себя верующим или тем более религиозным человеком, но нередко, когда подступают грусть или тоска, я утешаю себя выражением старообрядцев – «от беса». «Ничего, – думаю я, – пройдёт! Это всё – от беса». **Smoken.**

2. Тема любви. Я хотела бы стать ангелом и укрыть тебя своим крылом, когда тебе снова станет грустно и тоскливо. Я хотела бы превратиться в снежинку и таять на твоих устах, когда тебе снова станет весело и тепло. Я хотела бы быть лучиком солнца в твоих глазах, когда ты снова влюбишься и захочешь быть со мной. И каждый раз, когда я смотрю на тебя, мне хочется стать гораздо ближе, чем сейчас. **Starlit night.**

3. Мысли о счастье и определение его концептуального значения. Счастье невыносимо. Оно накрывает с такой силой, что хочется взорваться. **Морвен.** Я не понимаю счастья «задним числом». Счастье, как и любовь, не процесс ведь – чувство. Как это возможно очнуться в какой-то момент и сказать, ах, оказывается, я вот тогда чувствовал вот это. Невозможно. Как можно не чувствовать свои чувства в момент их происхождения, а понять их

тогда, когда их уже нет. Странно мне это. Мне кажется, это всё оттого, что мы пытаемся умом определить то, что к уму по большому счету отношения-то и не имеет. А зачем? Счастье – это тогда, когда чувствуешь себя счастливым. А не когда решишь, опираясь на какие-то критерии, что вот тогда, мол, мне было хорошо. **Пиарщик.**

4. Тема творчества. Художник полностью живёт красками: он грустит красками, красками веселится. Если художнику стало скучно, он может сам без проблем раскрасить мир так, как ему нравится. Если надоест, он возьмёт в руки рапидограф и продолжит свою практику. И не нужно говорить, что художник неталантлив. Ведь то, что сейчас понять не дано, однажды найдёт своё место в обществе. **Starlit night.**

5. Поиски ответа на вопрос о смысле жизни. К счастью, жизнь наша имеет значение. И будут лишними все сожаления. Что внушали вы сами себе. Наша жизнь, как пианино, играет мелодию – у каждого свою. Если б всё было однообразным, то жили б мы всего лишь миг. И сыграли б мы всего лишь один нецелесообразный писк, который даже не услышат. **ШАКА.** Можно быть жертвой, можно быть агрессором, а можно – сторонним наблюдателем, который становится первым или вторым после тщательного обдумывания ситуации. **Атанварно.**

6. Тема смерти и бессмертия. Если бы смерти не было. В том её виде, в котором она бродит по земле сейчас. Если бы люди умирали только тогда, когда сами этого по-настоящему захотят. Хватало бы секунды, доли секунды, страшного желания-вспышки – и стекленеют глаза. Тогда умирать стали бы подростки – один за другим. Молодые невротики – читая письма, юноши в армии, девочки-старшеклассницы, сорокалетние латентные алкоголики во время очередного утра, изредка – старики. И, главное, никто не застрахован от этого мига, когда ты, помимо своей воли, вдруг предательски захочешь умереть. Даже не ты. Твой нутро, твой мозг с твоим сердцем, твоя душа, лишь на микросекундочку изменившая тебе, – убивала бы навсегда. Нет, пусть уж лучше будет по-прежнему. **Пиарщик.**

7. Тема несправедливости устройства мироустройства и общества. Когда кончается заряд моих батареек, в мой мир врётся чушь большого общества переполненной маршрутки. Нет звука и тем примитивней, чем в шансоне, который врётся из динамика маршруток в уши доверчивой русской быдлы. Наше государство занимает первое место в мире по количеству сидевших людей. Социальный маразм общества, живущего по понятиям околорововской направленности... Вот такие мысли лезут в голову под песни группы «Бутырка» в переполненной маршрутке. С надеждой на ваше понимание. **ПИЛОТ.**

8. Душа и внутренний мир человека. Забавно, что, желая похвалить человека, сказать ему хорошее, мы чаще всего всё равно отталкиваемся от себя, любимого. «Ты мне близок», – говорим мы. Или: «Я тебе доверяю». Или: «Для меня ты много значишь». Собственно, тем самым рассказывая, что самый большой твой плюс, дорогое существо, – то, что мне с тобой комфортно. **Пиарщик.**

«Бытийный дискурс газеты «Бродвей с тобой» может иметь художественную форму и представлять собой сообщения как прозаические, так и поэтические. Поэтические произведения бродвейцев размещены в рубрике «Кафе «Пегас». По мнению самих бродвейцев, газета «Бродвей с тобой» предоставляет возможность молодым людям опубликовать свои первые творческие труды. Поэтическое творчество членов клуба разнообразно по стилю и тематике. Наблюдается совпадение тематического пространства поэтических текстов с тематической наполненностью бытийного дискурса. В целом в поэтическом творчестве бродвейцев отмечаются тенденции, характерные для современной поэзии» [6, с. 12]. Большее количество стихотворений, напечатанных в газете, относится к лирике «экзистенциального переживания».

*Среди тысяч таких же, как ты,
Но при том совершенно чужих,
Ты устал до чего-то идти,
Ты устал просто жить от тоски,
Ведь никто не поможет пройти
Путь, что выбрал ты сам для души...*

Призрак Летнего Полдня

*Зачем по земле я суровой хожу?
Зачем в ваши очи немые гляжу?
Зачем я люблю одну лишь себя?
Зачем я так долго мучу Тебя?*

Солнце

Главное проявление авангардной поэзии связано с разрушением традиционного языка литературы, демонстрацией пустоты, скрываемой привычными текстами, с пониманием поэзии как трудно дешифруемых текстов.

*«Эй, постой!» Это ты, ты во всём виновата!
Я видел тебя!
Вино. Вата. **StuSSy***

Для исследуемых текстов как результата совокупной деятельности участников молодёжной коммуникации характерно наличие повторяющихся образов. Образ тьмы, связанный с темой одиночества, несчастной любви, является одним из доминирующих в художественном творчестве бродвейцев: *Темень-тьма набежала на сто дорог. Накрутила пылицы – закрой глаза. **StuSSy***. Для более полного раскрытия темы одиночества, сопряжённой с мыслями о суициде, используются зооморфные метафоры: *Одиночество, словно змея, приглось у меня на груди и травит своим ядом при каждой попытке жить дальше. Наверное, ему тоже хочется жить, не умирать, оставляя за собой лишь темноту в коридоре. **Broken***. Образы болота, могилы, получая развитие в теме одиночества, более ярко высвечиваются в рифмованных строках о смерти: *Болото. Забродила в донцах ила, плесневая, как любя. Утонуло, как в могилах, наша ноша – тяжесть я. **Пилот***. Гниющее болото смерти противопоставлено реке жизни: *Речка жизни полетит. **Пилот***. Образ дороги, пути, который нужно пройти человеку, сочетается с образом крыльев, символизирующих, с одной стороны, свободу, с другой – изгнание: *Больно свободной быть с меткой изгнанницы. Крылья, прощайте, вы не нужны мне здесь. **Призрак летнего дня***.

Минорная тональность контрастирует с представлениями участников коммуникации о возрождении, воплощённом в образе солнечного света: *Встречаю солнечный подъём, когда, лучи распространяя, оно улыбкою зовёт: «Пойдём! С тобою поиграем!».* **Солнце**. Солнце противопоставляется болоту: *Солнце прощалось с землёй, лучи опуская в траву, ты никла к земле головой, не решаясь сказать мне правды... На болоте шумел камыш, поражала закатная тишь... **Солнце***.

Колористическое пространство исследуемого дискурса составляют пять цветов: чёрный, белый, серый, красный, жёлтый. В эмоциональном восприятии доминирующих образов наиболее значимым является чёрный цвет, который предпочитается большинством авторов. *Мне этой мыслью странно заниматься, но что-то есть у нас, похожее на птицу в забытьи. Чёрным глазом пронзившей небо. **Подсознательный Малыш***. Чёрным туманом Вечность ложится на голову мне. **StuSSy**. Чёрный глаз монитора – потухший сон небытия. **Interna-novaja**. Два глаз-уголька жалостливо глядят на тебя из черни. **Айолли**. Красный цвет наряду с этимологически близким символом красоты (я сегодня самая красивая: красный автомобиль, красные губы **Она самая**) является знаком смерти (...пантомима красной маски смерти **Подсознательный Малыш**). Белый цвет, как правило, является символом чистоты, молодости и нежности: *На ковре остались белые нетающие хлопья снега. **Interna-novaja**. Белый снег и белые розы на окне. **Пушистая Таня***. Серый и жёлтый цвета реже используются в создании поэтических образов, ассоциируются с тоской, повседневностью, неопределённостью: *Серая клетка моя и темна, и тесна. Строки утекали серой волной куда-то. **Interna-novaja***.

Таким образом, систематизирующими признаками дискурсивного портрета коллективной языковой личности являются: возрастные и социально-культурные признаки участников коммуникации; цель и способы общения; функции общения; базовые ценности, выявленные в системе текстотем, основополагающих идей; избираемые языковые средства, подчинённые мироощущению говорящего.

«Особенностью молодёжного дискурса газеты «Бродвей с тобой» является поляризация идей, образов, эмоциональных состояний, выражающаяся в bipolarности его характеристик: провозглашение идеала асоциальности, ценности маргинального бытия и поиски гармоничного социального мироустройства; признание христианского вероучения и критическое отношение к нему; конфликтность и толерантность; эгоцентризм и социоцентризм; корпоративность и представление о собственной избранности, исключительности; идея тайны, загадки и публичная демонстрация своего внутреннего мира» [6, с. 12].

Молодежная коммуникация, представленная на страницах газеты «Бродвей с тобой», является прототипом общения в Социальных сетях как по форме, так и по содержанию.

Литература

1. Бялэк Э. Язык молодёжной тусовки: вкусы и тенденции // Мода в языке и коммуникации: сб. статей. М., 2014. С. 236 – 257.
2. Иванцова Е. В. Исследование типологических черт диалектной языковой личности // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование (сибирская лингвоперсонология): коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 308 – 347.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
4. Комисарова Л. М. Аспектуальная типология и диагностика языковой личности // Лингвоперсонология: Типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул; Кемерово, 2006. С. 88 – 101.
5. Лебедева Н. Б. К построению жанровой типологии (на материале естественной письменной речи) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Барнаул: АлтГУ, 2003. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи: материалы конференции. С. 91 – 100.
6. Чабаненко М. Г. Молодёжный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 22 с.
7. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата. Барнаул: АлтГУ, 2005. 293 с.
8. Чернышова Т. В. Языковая личность в медиакommunikации: коллективное и индивидуальное // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование (сибирская лингвоперсонология): коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 372 – 384.

Информация об авторе:

Чабаненко Марина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка КемГУ; kemsu@list.ru.

Marina G. Chabanenko – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian Language, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 81'42

ИНТЕГРАТИВНОЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ КОГНИТИВНОЙ КАРТЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

Н. И. Шапилова

INTEGRATIVE CONCEPTUAL ANALYSIS AS A BASIS FOR THE FORMATION OF COGNITIVE MAP OF A LEXICAL UNIT

N. I. Shapilova

Предметом исследования в данной статье является концептуальный анализ лексических единиц в языковом и коммуникативно-прагматическом аспектах. Цель исследования – дать теоретическое обоснование и показать на примерах возможности и достижения интегративного исследования в контексте современного когнитивного направления. Интегративный подход к семантике языковых единиц обусловлен тенденцией к обобщению как в сфере теории, так и в сфере практического анализа, чему во многом способствует включение в современную антропоцентрическую парадигму исследования в ее когнитивной и функционально-коммуникативной ориентации.

В работе прослеживаются линии концептуальных исследований онтологической и гносеологической направленности, позволяющие представить формирование интегративной семантики лексических единиц. В процессе выявления онтологической семантики рассматривается формирование концепта на стадии конкретно-чувственного восприятия, осмысления и вербализации в процессе речемыслительной деятельности человека. Вторая линия базируется на разновидности концептуальной семантики и соответственно различных источниках ее выявления: лексикографических, ассоциативных, текстовых. Такой комплексный разноаспектный анализ проводится на примерах эмоциональной лексики, изначально уходящей корнями во времена античности и содержащей компонент религиозной семантики, впоследствии в большинстве своем утраченный в связи с уходом религии, что приводит к десакрализации семантики указанной лексики. В исследованиях последних лет активизируется разработка проблем когнитивного моделирования, в связи с чем в сфере концептуального анализа предлагается ориентация на создание когнитивной карты лексемы.

The subject of study in this paper is a conceptual analysis of lexical units in language and communicative-pragmatic aspects. The purpose of the study is to give a theoretical justification and to show the possibilities and achievements of integrative research in the context of modern cognitive direction. Integrative approach to the semantics of linguistic units stems from a tendency to generalize, both in theory and in practical analysis, which is largely due to the inclusion in the modern anthropocentric paradigm of research in the cognitive and functional-communicative orientation.

The article examines the conceptual line of research of ontological and epistemological orientation, which allows one to represent the formation of integrative semantics of lexical units. In the process of identifying ontological semantics, the author discusses the formation of the concept at the stage of concrete-sensory perception, comprehension and verbalization

in the process rehabilitating of human activity. The second line is based on the variety of conceptual semantics and accordingly various sources of its identification: lexicographic, associative, and textual ones. Such an integrated multidimensional analysis is performed on the examples of emotional vocabulary, initially rooted in antiquity and containing a religious component to the semantics, subsequently mostly lost due to the disappearance of religion, which leads to the desacralization of the semantics of the vocabulary in question. Recent researches turn to the development of cognitive modeling, thus aiming the field of conceptual analysis at the creation of cognitive maps of lexemes.

Ключевые слова: интегративность, когнитивный подход, концептуализация, моделирование, когнитивная карта лексемы.

Keywords: integrativeness, cognitive approach, conceptualization, modeling, cognitive map of a lexeme.

В настоящее время в лингвистике актуальным является лингвокогнитивный подход к ментально-языковым единицам – концептам, объективируемым языковыми средствами. Продолжая развитие идеи о соотношении значения и смысла, новое научное направление поставило вопрос о разграничении языкового значения и концептуального (когнитивного) содержания как совокупности всех знаний, накопленных в данном коллективе и отражающих национально-культурную специфику народа. В результате чего были описаны разные подходы и определены аспекты анализа концепта: психолингвистический [4; 1], лингвокультурологический [8; 11], лингвокогнитивный [5; 2; 10; 7]. В последнее время активно разрабатывается и коммуникативно-прагматический аспект в художественной и публицистической речи.

Теоретической основой исследований послужило убедительно обоснованное в когнитивной лингвистике мнение о том, что явления реальной действительности отражаются в виде концептов в сознании человека и объективируются в коммуникации номинативными средствами языка.

Выявление и описание концепта не является самоцелью, задача исследователей – выйти через интерпретацию концептов и концептосферы в целом на мировидение говорящих.

Концепты как комплексные, многомерные психолингвистические и культурные образования имеют национальную специфику, соотносятся как с коллективным, так и с индивидуальным сознанием, являются единицей структуры знаний, имеют разноуровневую представленность в сознании и в языке. При этом исследователями отмечается тот факт, что не все концепты вербализуются, номинацию языковыми средствами получают только те из них, которые являются значимыми с точки зрения носителей языка.

Описание концепта осуществляется различными путями на основе принципа "дополнительности исследования".

Концепт как сложное разноаспектное образование, отражающее разносторонний познавательный опыт человека, имеет многоуровневую представленность в языке. Особенно информативным в этом плане представляется лексический уровень номинаций, отражающий результаты познания в словесных единицах и их эквивалентах (паремиологических единицах, фразовых элементах текста и др.).

В настоящее время в лингвистических исследованиях получает признание использование терминологического понятия "интегративность", в том числе и в сфере когнитивной лингвистики в процессе концептуализации, что связано с переходом от выявления содер-

жания отдельных концептов к концептосферам разного объема, позволяющим подняться на новый уровень обобщения результатов исследований когнитивной ориентации. Следует отметить, что на начальной стадии концептуальных исследований, как правило, рассматривались концепты, особо значимые с точки зрения носителей языка, такие как *жизнь, смерть, судьба, любовь, Родина, дом, семья* и т. д., которые квалифицируются в лингвистике как "суперконцепты". При этом первые концепты рассматривались чаще всего на материале одного источника, это были либо лексикографические источники (словари), либо ассоциативно-семантические поля, полученные экспериментальным путём, либо тексты, соответственно и анализ концепта проводился на основании одного параметра, что мало соответствовало разноаспектному, открытому, многомерному содержанию концепта.

В работах последнего времени ставится и активно разрабатывается задача комплексного подхода к концептуализации на основе разных источников языкового материала: лексикографических (этимологические, исторические, толковые словари); экспериментальных (результаты ассоциативно-семантических, психолингвистических экспериментов), коммуникативно-прагматических (тексты разных жанров).

Такое разнообразие источников даёт возможность комплексного выявления смыслового содержания концепта на основе "принципа взаимодополнительности".

Кроме того, в современной лингвистике особую актуальность приобретают исследования так называемого интегративного характера, в которых комплексная природа объекта научного познания раскрывается в терминах синтезирующей теории.

Концепт как ментально-языковое образование, комплексная динамичная структура в научных текстах определяется через когнитивную метафору как "многомерный сгусток смысла" (Ю. С. Степанов), а его быстрая изменчивость интерпретируется как "динамика в статике", что означает проявление смысловой динамики концепта на сравнительно небольшом отрезке времени.

Такая многомерность, сложность, разноаспектность концепта не позволяет ограничиваться отдельным аспектом, а требует интегрального подхода и к содержательной стороне, которая, отражая опыт познания человека, онтологически, по природе своей, представляет комплексную структуру, отражающую аспекты познавательной деятельности, и прежде всего перцептивный: восприятие познаваемого мира с помощью органов чувств, на основе которого формируется конкретно-чувственное представление об объекте: *хо-*

лодный, кислый, большой, квадратный, благоухающий. Это образ – 1.

Второй профиль онтологического формирования концепта состоит в осмыслении содержания концепта на основе сопоставления, сравнения признаков. Указанные мыслительные операции позволяют формировать понятийное содержание концепта. Это логическое осмысление относится к сфере ментальной деятельности.

Далее следует переход из ментальной сферы в вербальную, переход к речемыслительной, речевой деятельности, что является весьма сложным для интерпретации. Появляются отдельные соображения о связи ментальной и речемыслительной деятельности, но пока в сфере гносеологии этот вопрос остаётся открытым. Если продолжать линии взаимодействия ментальной и языковой сферы концептуализации, то следует отметить формирование комплексного интегрированного содержания концепта, его смысловые основания соотносятся с источником выявления (лексикографический, ассоциативно-смысловой, текстовый).

Если идти в хронологической последовательности, то следует учесть тот факт, что изначальные мотивационные признаки выявляются на основе данных этимологических (исторических) словарей. Исходя из этого в качестве первого источника концептуального представления следует признать этимологические словари, обращённые ко временам античности, ко временам мифологической интерпретации семантики (Словарь М. Фасмера). Так, например, при рассмотрении концептосферы эмоциональной лексики типа *страдания, мучения, муки* и их символов *крест, голгофа* в этом словаре отмечаются их мифологические, сакральные признаки "муки, страдания за веру" (*нести крест, пойти на голгофу*). Правда, впоследствии в связи с уходом религиозного влияния происходит десакрализация семантики указанной лексики, но при этом не исключено возвращение указанных смыслов в каких-то локусах в другие времена.

Выявление ядерного (общезыкового, общенародного) содержания концепта осуществляется на базе толковых словарей (МАС, БАС, Словарь русского языка С. И. Ожегова, под ред. Н. Ю. Шведовой, Словарь русского языка Д. Н. Ушакова, Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова). Только при этом следует помнить, учитывая повышение динамики семантического развития русского языка, что данные толковых словарей начала XX века уже могут расходиться с соответствующей семантической информацией толковых словарей конца XX – начала XXI вв.

Данные словарей позволяют выявить средства вербализации концепта и на этой основе – понятийную составляющую концепта, т. е. те концептуальные признаки, которые благодаря своей значимости, стабильности закрепились в системе языка на протяжении значительного отрезка времени и поддерживают мотивационную базу ядерной части концепта.

Однако данные толковых словарей, ориентированных на отражение понятийного (ядерного) содержания концепта, не дают возможности выявить психологически реальное содержание концепта и быть основой для верификации фактической актуальности концептуальных признаков, полученных на основе лексикографи-

ческих описаний, а также для выявления ценностного компонента в содержании концепта.

Исходя из этого, система компонентов, формирующих смысловую структуру концепта, в современных исследованиях выявляется на основе экспериментальной методики исследования, а также на основе текстовой представленности концепта. В результате анализа указанных источников формируются ассоциативно-смысловые поля (далее – АСП), которые служат базой для выявления концептуального содержания исходного слова (слово-стимул – в эксперименте; ключевое слово – в тексте).

АСП актуализируют как системные компоненты лексического значения, так и скрытые, потенциальные смыслы семантики слова. Методика выявления содержания концепта на основе актуальных смыслов репрезентируется единицами разных языковых уровней, при этом лексика является самой значимой репрезентацией концептуальной картины мира. Лексические единицы отражают исторический опыт народа и дают дополнительную информацию о тех знаниях, которыми располагает культура относительно фрагментов не только видимого, но и, что особенно значимо, относительно фрагментов "невидимого мира".

Методика выявления содержания концепта на основе лексических репрезентаций активно разрабатывается в современной лингвистике представителями психолингвистического, лингвокогнитивного, лингвокультурологического и функционально-прагматического направлений. Все указанные направления дополняют друг друга не только в плане поверхностного, но и в плане глубинного анализа содержания концепта.

Использование каждого нового источника для выявления концептуальных смыслов углубляет те или иные аспекты его содержания. В качестве источника выявления содержания концепта используются разные жанры речевой деятельности человека, и особенно широко привлекается художественная речь, построенная на основе актуализации авторских ассоциативных полей, с точки зрения структуры представляющих собой сеть отношений между ключевым словом и его употреблением, актуализирующими те или иные смысловые компоненты исходного слова и его синонимов. Писатели, как личности креативные, творчески владеющие не только реальными, но и потенциальными возможностями языка, способны обогатить содержание концепта индивидуальными приращениями как содержательного, так и прагматического характера. Творческое сознание автора является частью общенародного сознания. В художественных текстах автор воплощает индивидуальную концептуальную картину мира. Исходя из этого, на основе когнитивного анализа художественного дискурса возможна реконструкция авторских концептов или концептосферы в целом.

Большие возможности и перспективы в плане развёртывания горизонта текстового анализа концептов открывает становление нового корпусно-лингвистического направления как в сфере прикладных исследований, так и в области изучения теории языка. Язык как социально-обусловленное явление может описываться и систематизироваться в виде корпуса коммуникативных текстов, которые воспринимаются, фиксируются и анализируются. Корпусная лингвисти-

ка является по существу новым методом описания и анализа языка с точки зрения набора строгих статистических, математических автоматизированных процедур извлечения данных из банка контекстов и аналитической обработки последних. Если процесс вычленения языковых единиц из корпуса и их обработка с помощью статистических процедур и приемов являются чисто математическими, то интеграция полученных данных невозможна без человеческого интеллекта. В отличие от традиционной лексикологии, основной единицей анализа которой является слово, корпусная лингвистика рассматривает текст как основную единицу языка.

Что касается теоретической значимости виртуального корпуса текстовых материалов, хранящихся в информационном пространстве Интернета, то они могут систематизироваться в соответствии с областью знаний или тематикой, что дает возможность выявить изменение на синхронно-диахронном срезе с точки зрения появления новых концепций, идей и терминов в какой-либо сфере.

В области исследования семантики языка корпусная лингвистика также предлагает новые методы и подходы. Так, основной единицей анализа корпусной лингвистики является взаимная сочетаемость лексических единиц с точки зрения встречаемости их в текстах и частотности. Следует также отметить, что сторонники корпусной семантики признают возможность изучения значения и/или смысла языковых единиц только при условии их текстовой репрезентации.

Таким образом, корпусные исследования, с одной стороны, способствуют воплощению интегрального подхода в направлении глобализации концептуальных исследований, а с другой стороны, отказываясь от ассоциативного эксперимента, не учитывают данных сферы обыденного сознания, весьма значимых с точки зрения объективации особенностей этно-культурного содержания языка.

Психолингвистические экспериментальные процедуры позволяют выявить психологически реальное значение слова в языковом сознании носителей языка, которое, как правило, существенно отличается по объему и структуре от его лексикографических описаний.

В исследованиях последних лет активизируется разработка проблем когнитивного моделирования на разных уровнях познавательной деятельности. Новые технологии являются предметом обсуждения международных конференций, целью которых является "интеграция усилий специалистов по когнитивной психологии, теории обучения, нейронным сетям, когнитивной лингвистике, инженерии знаний, семиотике, психолингвистике в исследовании когнитивных процессов обработки языковой информации" [9, с. 2].

В работах лингвистического концептуального анализа предлагается ориентация на создание когнитивной карты лексем. Когнитивная карта "служит наглядным визуальным структурированным средством презента-

ции в процессе концептуализации и в целом схематическим результатом его лингвокогнитивного анализа" [3, с. 667]. По мнению Е. С. Кубряковой, когнитивная карта может рассматриваться как "трансляция наиболее используемых контекстов лексической единицы; как перечисление всех направлений трансформации значений слова; как лексикографическая интерпретация семантики слова" [6, с. 89].

В основе построения когнитивной карты, как и в основании концептуализации, лежит всесторонний учет общеязыковых и функциональных данных, используются тезаурусные данные исходного слова, что предполагает выявление его системных связей. В представлении тезаурусных характеристик учитываются как языковые, так и контекстуальные актуализации функционирования слова.

Следовательно, интегративное описание семантики лексемы, базирующееся на материале различных типов источников, является базой для концептуализации лексемы и построения на ее основе когнитивной карты лексемы, в результате чего определяется концепт на основе интегрированного использования значимых в когнитивном отношении общеязыковых, ассоциативно-семантических и коммуникативно-прагматических (текстовых) данных.

Таким образом, процесс концептуализации слова и, соответственно, последовательность построения когнитивной карты исходного слова можно представить, вслед за Е. С. Кубряковой, как учет «лексикографической репрезентации семантики слова», представленной как в дефинициях лексемы, так и в ее отношениях: парадигматических (синонимических, антонимических, родо-видовых); деривационных (внутрисловных, межсловных); синтагматических (лексически-ограниченных, синтаксически-обусловленных). Впоследствии при обращении к функционированию исходного слова отмечается развитие и обогащение всех видов связи в условиях контекста.

В языковом пространстве объективации концепта выделяется также интерпретационный (оценочный, эмоционально-экспрессивный) компонент, коррелирующий с коннотативным компонентом значения, наслаивающимся на денотативно-сигнификативное ядро значения слова.

В качестве источника обогащения синтагматического фрагмента могут быть использованы данные корпусной лингвистики, которые потребуют систематизации в плане обобщения семантической актуализации слов. Речь идет о введении в структуру семантических дефиниций «когнитивно-прагматического компонента», обобщающего частные семантические конкретизации.

Следовательно, вопрос об исчислении семантических оттенков при определении концептуальной структуры слова и представлении их в когнитивной дефиниции требует дальнейшего рассмотрения, относится к перспективе научно-прикладных исследований.

Литература

1. Белянин В. П. Психолингвистический и концептуальный анализ художественного текста с позиции доминанты // Концептуальный анализ: методы, результаты, перспективы. М., 1990.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. 123 с.

3. Джусупов Н. М. Проблема построения когнитивной карты символа, функционирующего в художественном тексте // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Ин-т языкознания Рос. Академии наук. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008.
4. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2004.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 506 с.
6. Кубрякова Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова "память" // Лингвистический анализ текста. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 85 – 91.
7. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование. Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996.
8. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Российской академии наук. (Серия: Литературы и языка). М., 1993. № 1. Т. 52.
9. Обработка текста и когнитивные технологии: сб. ст. № 11 / ред.: В. Соловьёв, В. Гольдберг, В. Поляков. Казань. Казанский университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2006. 467 с.
10. Попова З. Д., Стернин И. С. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2003.
11. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

Информация об авторе:

Шапилова Нина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка КемГУ, labjurdoc@kemsu.ru.

Nina I. Shapilova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian Language, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 811.161.1

ОТАДЪЕКТИВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ В СЛОВАРЕ, ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ И В УЗУСЕ

М. Г. Шкуропатская

ADJECTIVE-BASED NAMES OF PERSONS IN THE DICTIONARY, LANGUAGE CONSCIOUSNESS AND LANGUAGE USAGE

М. G. Shkuropatskaya

Целью изучения является выявление соотношения между представлениями о словообразовательной выводимости и лексической узуальности производных слов в языковом сознании носителей языка и их реальным функционированием в речи. В качестве языкового материала были использованы суффиксальные имена существительные со значением лица, образованные по продуктивным словообразовательным моделям от качественных имен прилагательных. Исследование выполнено на основе производных слов, полученных в направленном лингвистическом эксперименте с носителями русского языка, и сведений о частотности их употребления в речи, полученных с использованием поисковой системы Google. В результате исследования было выявлено, что данные о функционировании слов, полученные при разных условиях опыта, коррелируют между собой, а по количеству и качественному разнообразию их употребления в речи производные существительные со значением «лица» значительно превышают лексическую норму употребления данных слов, получившую отражение в кодифицированных словарях.

The aim of the study is to identify the relationship between notions of derivational deductibility and lexical usage of derived words in the linguistic consciousness and their actual functioning in speech. Suffixed nouns with the meaning “person” formed by productive word-formation models of quality adjectives served as language material. The study was performed on the basis of the derivatives obtained by the linguistic experiment with Russian native speakers. We also controlled the frequency of use of these words in the speech, which was obtained with the help of Google search engine. As a result of the research we have identified several patterns. Firstly, the data about the functioning of such words obtained in different experimental conditions correlated. Secondly, the nouns with the meaning of “person” significantly exceed the lexical norm for the diversity of their use in speech (in quantitative and qualitative indicators), which was reflected in codified dictionaries.

Ключевые слова: производное слово, представление об узуальности слова в языковом сознании; функционирование слова в речи, направленный лингвистический эксперимент, Интернет.

Keywords: derivative word, language consciousness, language usage, the functioning of words in speech, linguistic experiment, Internet.

Опубликованные в 50-е годы XX столетия известные работы Г. О. Винокура и В. В. Виноградова [2; 3] стимулировали полное описание словообразовательной системы в рамках системно-структурного направления. Подробно были описаны все комплексные словообразовательные единицы: типы, цепочки, парадигмы, гнезда, категории [7; 9; 11; 17; 14; 19; 20; 10; 15 и др.]. Вместе с тем первичная инвентаризация материала, осуществленная в рамках аналитического метода, открыла новые перспективы исследования. «Актуальными задачами становятся выявления общих особенностей организации отдельных подсистем и системы в целом, новых возможностей словообразовательного механизма в соотношении с реализацией этих возможностей в узальной и окказиональной лексике» [18, с. 4]. Наше исследование направлено на решение второй задачи и посвящено изучению производной лексики в этом аспекте.

Актуальность исследования обозначенной проблемы связана с необходимостью выявления новых возможностей словообразовательного механизма в соотношении с реализацией этих возможностей в узальной и окказиональной лексике. Значимость данного направления в изучении семантики словообразовательных моделей и их лексической реализации определяется возможностью решения ряда теоретических задач, например, задачи более полного описания лексического состава языка в его деривационном измерении – в совокупности всех связей и отношений, включающих как единицы узальные и отмеченные в словарях, так и единицы потенциальные. Такое описание предполагает постановку и решение проблемы определения критериев актуального и потенциального в системе языка, а также узального и окказионального в его речевой реализации.

Описание не только реализованного, но и возможного в языке выдвигалось в качестве задачи еще со времен В. Фон Гумбольдта, который писал, что «помимо своих уже оформившихся элементов, язык в своей гораздо более важной части состоит из способов, дающих возможность продолжить работу духа и предначертывающих для этой последней пути и формы» [6, с. 82]. Такой подход соответствует современной научной парадигме, так как для сегодняшней лингвистики характерен подход к языку как к единому онтологическому объекту, рассматриваемому в единстве с другими когнитивными системами.

Данная идея имеет особую значимость в рамках лингвистической прогностики. По мнению А. А. Кротова, критерием лингвистического существования единицы является не просто ее представленность в речи, а выводимость из системы данного языка, соответствие этой системе. Язык как семиотическое образование представляет обществу бесконечные возможности, так как бесконечно количество пустых клеток системы [12].

Применительно к словообразованию проблема соотношения возможного и реализованного была сформулирована Я. Гриммом: «Учение о словообразовании должно выявлять модели, то есть изучать, «какие производные могут возникать», фиксировать же, «какие производные возникают в действительности, – задача словарей [4]. Близким по духу является высказывание Ф. де Соссюра: «Импровизируемое

мною слово... уже существует потенциально в языке..., а его реализация в речи есть факт незначительный по сравнению с самой возможностью его образования» [16, с. 200].

К данной теме неоднократно обращались и современные словообразователи. Немецкий лингвист Й. Форман отмечал, что словообразование нельзя рассматривать как чисто дескриптивную дисциплину, берущую за основу корпус имеющихся в языке единиц и не учитывающую словообразовательных возможностей [21]. Е. А. Земская полагает, что одним из нерешенных вопросов словообразования является выяснение «расхождения между потенциями системы словообразования и тем, как их реализует норма языка», то есть между словообразовательной моделью и ее лексической реализацией. При этом должны быть изучены и факты «необразований», «нереализаций» того, что допускается словообразовательной системой, но не вошло в лексическую норму [8, с. 204]. Попытка такого рода описания на значительном текстовом материале была осуществлена И. С. Улухановым, который нереализованные единицы системы рассматривает как равноправные по отношению к реализованным. «В идеале словообразовательная система должна быть представлена как организованная совокупность реализованных и потенциальных единиц, то есть как совокупность возможностей (или «клеток»), одни из которых реализованы («заполнены»), а другие не реализованы («пустуют»)» [18, с. 7].

Таким образом, нереализованные единицы составляют равноправную по отношению к реализованным часть описания. При этом заключение о возможности или невозможности существования единиц может делаться на основе изучения реальных единиц, степени их распространенности, продуктивности и соотношений между ними. В результате изучения реализованных единиц выявляются общие закономерности организации системы, которые указывают на наличие нереализованных единиц, возможность реализации которых этими закономерностями предусмотрена.

«Пустые» клетки можно рассматривать как словарные лакуны. Их изучение опирается, прежде всего, на выявление существующих в языке системных парадигматических отношений. Существование лексико-словообразовательных парадигм определяет наличие некоторого «структурированного смысла» в системе языка – «потенциальных семем» (термин И. А. Стернина). «Определенная парадигма формирует данный смысл в системе языка, подготавливает его для системы номинации, формирует достаточно четко его компонентный состав, однако самостоятельной лексемы подобная потенциальная семема не получает, что и оставляет ее в ранге потенциальной» [15]. Понятие потенциальной семемы близко понятию «структурного значения», или «значимости» (Ф. де Соссюр). В качестве иллюстрации системных лакун обычно и используются деривационные парадигмы, формирующиеся по законам грамматической и словообразовательной аналогии. Аналогия, таким образом, создает условия повторения форм, понимаемых как сходные в каком-либо отношении.

Проблема соотношения потенциального и реализованного в словообразовательной системе русского

языка была рассмотрена нами на материале наименований лиц, образованных носителями языка в условиях направленного эксперимента по продуктивным словообразовательным моделям с помощью формантов *-ик*; *-ник*; *-щик*; *-ец*; *-авец*; *-ак*; *-ач*; *-ица*; *-уха*; *-уша*; *-ун*; *-ага/-уга*; *-ыш*; *-ыч*; *-ень* от имен прилагательных *умный*, *глупый*, *хитрый*, *ленивый*, *бедный*, *богатый*, *толстый*, *тупой*, *подлый*, *гадкий*, обозначающих те или иные качества человека. Предметом изучения является выяснение того, в какой степени образованные слова соответствуют словообразовательной системе (обуславливаются системой) и в какой мере они соответствуют лексической норме (допускаются в речи и отмечены в словаре).

Нами была разработана методика изучения лексической реализации словообразовательной модели, которая включает в себя следующие этапы.

Первый этап носит экспериментальный характер. Инструкция, предлагаемая носителям русского языка, содержит следующий текст: *«Перед Вами список прилагательных и суффиксов, с помощью которых в русском языке образуются наименования лиц (например: умник, умница) или могут быть образованы потенциально (например, умняга, умнец и т. д.). Такие слова Вы можете придумать сами. Ваша задача записать в клетках наименования лиц, которые уже есть в языке, или потенциальные слова, которые Вы придумаете сами (подчеркните их). Если Вам кажется, что слово с таким суффиксом не может быть образовано, поставьте прочерк».*

Данный эксперимент направлен на выявление степени словообразовательной выводимости слова, его соответствия или несоответствия словообразовательной норме, и степени его узуализации, его соответствия или несоответствия лексической норме. Данный эксперимент дает информацию о сложном взаимодействии двух планов содержания производного слова – лексического и словообразовательного. Их диалектическое сосуществование заключается в разных синхронных функциях, что проявляется в различной реакции языкового сознания носителей языка на их выводимость (синхронно-словообразовательный аспект) и узуальность (синхронно-лексический аспект). В данном случае мы опираемся на результаты экспериментального исследования, выполненного Н. Б. Лебедевой [13]. Мы также используем классификацию лабораторных слов, предложенную Н. Б. Лебедевой, при характеристике языкового материала, полученного в эксперименте.

Второй этап направлен на установление частотности употребления узуальных и потенциальных («придуманных») слов, полученных в эксперименте, с привлечением количественных данных поисковой системы Интернета «Google».

Третий этап включает в себя соотнесение и оценку данных, полученных при разных условиях опыта.

Перейдем к описанию результатов первого этапа исследования.

Представим результаты опроса 50 информантов, в качестве которых выступали студенты и сотрудники филологического и педагогического факультетов Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина. Полученные слова были условно поделены нами на 4 группы. В первую группу вошли

узуальные слова, образованные по продуктивным моделям и отмеченные в словаре, которые являются своего рода контрольными словами, определяющими соответствие языкового чувства информантов показаниям словаря. Далее они представлены списком с указанием числа процентов: **умный**: умник – 98; умница – 80; **глупый**: глупец – 88; глупыш – 80; **бедный**: бедняк – 40; бедняга – 22; **богатый**: богач – 74; **хитрый**: хитрец – 100; хитрюга – 20; **ленивый**: ленивец – 74, ленивица – 54; **толстый**: толстуха – 86; толстяк – 28; **тупой**: тупица – 96; тупец – 50; **подлый**: подлец – 100; подлюга – 16.

Во вторую группу вошли слова с количеством не менее 20 %. Это слова узуальные, но не отмеченные в словаре. По гипотезе исследователя, эти слова образованы по продуктивной словообразовательной модели, в соответствии со словообразовательной системой. Они входят в ближнюю потенцию, но не принадлежат лексической норме, за которую мы принимаем отмеченность в словаре. Встретившись в речи, данные слова могли быть оценены как потенциальные слова. Данные слова представлены в таблице 1.

Третью группу составляют неузуальные слова, представленные в эксперименте в количестве не более 18 % и не менее 10 %, входящие в «дальнюю» потенцию и не соответствующие лексической норме. Если бы они встретились в речи, то могли быть оценены как среднее между потенциальным и окказиональным словом. Данные слова представлены в таблице 2.

Четвертая группа – это неузуальные слова, представленные в эксперименте в количестве от 8 % до 2 %, созданные с деформациями словообразовательной нормы, возможно, составляющие «сверхдальнюю» потенцию, не соответствующие лексической норме. Появление их в речи маловероятно. Они находятся на грани окказионального и невозможного. Данные слова представлены далее списком:

– **умный**: умнач, умняк, умыш, умище, умнак, умкач, умнавец, умнень, умнюха, умнюша, умняша, умун, умуха, умуша, умщик;

– **глупый**: глупуха, глупяк, глупыч, глупага, глупяга, глупавец;

– **бедный**: беднач, бедень, бедныч, беднявец, бедничик, беднун, беднень, беднюха, беднюша, бедщик, бедач, бедун, бедик;

– **богатый**: богатыч, богатица, богатик, богатун, богатница, богатирик, богатюга, богуша, богыш, богыч, богатыга, богачиха, богачуха, богачун, богачуга, богачень, богатавец;

– **хитрый**: хитряк, хитрыч, хитрак, хитририк, хитравец, хитряшка;

– **ленивый**: ленуша, ленивик, ленывыш, леница, леныш, ленец, ленуха, леныч, ленюша, ленач, ленивирик, лентявец, ленюга, ленник, ленин, ленинь, ленивник, ленивуха, лениюха, лениюша, ленивун, леничик;

– **толстый**: толстяга, толстица, толстыч, толстуга, толстник, толстище, толстуга;

– **тупой**: тупяга, тупяк, тупыга, тупуга, тупяжка;

– **подлый**: подлуша, подлюша, подлун, подлыч, подлыш, подлик, подлач, подляга;

– **гадкий**: гадец, гадыч, гадица, гаднец, гадкач, гадчица, гадуша, гадкуша, гадкень, гадуха, гадун, гадница.

Таблица 1

Слова, образованные по продуктивной модели, но не отмеченные в словаре

№	Производящие имена прилагательные	Производные наименования лиц (в процентах)
1.	Умный	умнец – 34; умныш – 28.
2.	Глупый	глупень – 56; глупица – 30.
3.	Бедный	беднец – 40; бедник – 30; бедныш – 22.
4.	Богатый	богатец – 38; богатень – 26; богатик – 20.
5.	Хитрый	хитруша – 76; хитрун – 66; хитрица – 46; хитруха – 38; хитрень – 30; хитрыш – 28; хитрик – 24.
6.	Ленивый	ленищик – 22.
7.	Толстый	толстун – 58; толстуша – 48; толстач – 44; толстец – 42; толстенъ – 36; толстыш – 32; толстик – 28.
8.	Тупой	тупень – 80; тупак – 52; тупик – 50; тупач – 34; тупыш – 32.
9.	Подлый	подлица – 20.
10.	Гадкий	гадень – 20.

Таблица 2

Окказиональные слова

№	Производящие имена прилагательные	Производные наименования лиц (в процентах)
1.	умный	умень – 18; умец – 18; умнуша – 14; умик – 14; умняга – 12; умач – 12; умнуха – 10; умыш – 10.
2.	глупый	глупуша – 16; глупун – 12; глупик – 12; глупицик – 12; глупач – 10; глупник – 10; глупак – 10.
3.	бедный	бедница – 18; беднуха – 16; беднуша – 12.
4.	богатый	богатуша – 14; богатыш – 12; богатуша – 10; богатник – 10.
5.	хитрый	хитрач – 16.
6.	ленивый	ленивыч – 10; ленивень – 10;.
7.	толстый	-
8.	тупой	тупник – 14; тупицик – 14; тупуша – 14; тупыч – 10; тупун – 10.
9.	подлый	подлюха – 10; подляк – 10; подлень – 10.
10.	гадкий	гадник – 16; гадик – 16; гадицик – 12; гадыш – 12.

Второй этап исследования, как уже отмечалось, связан с установлением частотности употребления узуальных и потенциальных («придуманных») слов, полученных в эксперименте, с привлечением данных о частотности употребления слова в Интернете. Сложность использования Интернета для лингвистических исследований состоит в невозможности задавать и контролировать параметры поиска: отфильтровать результаты поисковых запросов, исключая паронимические сочетания, избежать многократного дублирования страниц и фальсификации поискового запроса рекламными сайтами. Вместе с тем, актуальность использования источниковедческих возможностей Интернета для лингвистической прогностики связана с тем, что количественная мощность Интернета на несколько порядков превосходит количествен-

ную мощность частотного словаря. По мнению Н. Д. Голева, это позволяет «отчасти снять вопрос о возможных издержках стихийной статистики Интернета. Ее неизбежные помехи, которые достаточно очевидны во многих случаях, чаще всего перекрываются огромными количествами показателей, позволяющими выявлять и описывать объективные тенденции в языке и речи» [5, с. 198]. В виду специфики изучаемого нами явления такие проверенные лингвистические источники, как, например, Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ), в рамках решаемой проблемы оказываются не эффективными. Рассмотрим количественные возможности Интернета (поисковая система «Google») на фоне НКРЯ (данные на 11.07.2015 г. приведены в таблице 3).

Квантитативные характеристики НКРЯ и Поисковой системы «Google» (на 11.07.2015 г.)

Слово	Google	НКРЯ	Слово	Google	НКРЯ
<i>хитрец</i>	395000	170	<i>хитрюга</i>	279000	16 (газ.)
<i>хитруша</i>	21100	1	<i>хитряк</i>	7450	1
<i>хитрун</i>	44600	1	<i>хитрыч</i>	2170	0
<i>хитрица</i>	14900	1	<i>хитреный</i>	976	0
<i>хитруха</i>	2460	0	<i>хитрак</i>	1630	0
<i>хитрень</i>	2650	0	<i>хитряшка</i>	587	0
<i>хитрыш</i>	7170	4	<i>хитрач</i>	968	0

Наименьшее соотношение в представленной группе слов, обнаруживаемое в слове *хитряшка* 587:0, то есть в Интернете данное слово представлено в 587 раз чаще; наибольшее – в частотностях слова *хитрун*: в Интернете это слово встречается в 44600 раз чаще (44600:1).

Важной особенностью Интернета как лингвистического источника является возможность непосредственного обращения к контекстам, в которых зафиксированы употребления искомого слова. Это важно при переходе от количественных характеристик к качественным, от абстрактного инварианта, представленного в квантитативном коэффициенте слова, к его семантическим, стилистическим и другим вариантам. Например, не отмеченное в словарях слово *толстуга* представлено на 76 страницах Интернета. Чаще всего данное слово употребляется для обозначения профиля пользователя (*толстуга*); и только в одном контексте оно обозначает лицо по характерному признаку (*ты же видела на фото (У Душечки) какая я толстуга, именно в животе, на бедрах*), что свидетельствует о его окказиональности.

Еще одной важной для нашего исследования характеристикой Интернета как источника языкового материала является свойство континуальности, вытекающее из свойства моделируемости языкового материала. Данное свойство «связано с возможностью извлечения и описания непрерывных лексических, словообразовательных, лексико-словообразовательных, лексико-грамматических пространств (полей, парадигм, цепей, гнезд) и представления их в виде матриц» [5, с. 203]. Свойство континуальности интернет-данных имеет большое значение для системной лингвистики и лингвистической прогностики. Для лингвистики особенно информативно матричное сопоставление, которое дает возможность извлечения из Интернета списков слов, организованных в системе координат, отражающей парадигмальное строение языка и позволяющей сопоставлять данные по вертикальным и горизонтальным осям системности.

В качестве примера приведем данные о частотности употребления в Поисковой системе «Google» суффиксальных существительных, образованных от прилагательного *толстый* в их соотношении с оценкой слов, полученной в эксперименте (таблица 4).

В результате проведенного исследования можно выделить следующие особенности реального функ-

ционирования производных суффиксальных наименований лиц в речи.

1. Слова, выделенные полужирным начертанием, являются единицами словаря, активно функционируют в речи и носителями языка оцениваются как узловые с высоким индексом частотности.

2. Слова, образованные по продуктивным словообразовательным моделям, но не отмеченные в словаре (от *толстун* до *толстик*) носителями языка оцениваются как потенциальные, но имеют достаточно высокий индекс частотности употребления в речи по данным Интернета.

Выборочно проанализируем контексты употребления слов с целью верификации их функционирования. Слово *толстун* обозначает 1) насекомое (*Степной толстун*, или *шароглав многобугорчатый* (лат. *Bradyporus multituberculatus*) – насекомое из подсемейства шароголовых кузнечиков отряда.); 2) фамилию (*Полина Толстун родилась 4 июля 1985 года в Ленинграде.*); 3) имя персонажа (*Это было в серии, где Толстун построил лодку. Нет, этого как раз в серии и не было*)) *Густо поддразнил Ворчуна, самого красноречивого медведя из Мишек Гамми*; 4) животное по характерному признаку (*Характер: смешной, игривый толстун. очень любит спать на ручках и мурчать; Наотрез отказался Заяц-толстун гулять. – Я, – говорит, – уже сплю. Привычка такая. – Вредная привычка, – уговаривал его Хома.*); 5) название игры (*Только для вас Злой Толстун- Играть бесплатно в игры Злой Толстун, в которую можно поиграть на нашем сайте*); 6) лицо по характерному признаку (*Да еще, быть может, Петя этот, который про жену гнул, мне понравился. Забавный толстун. – Забавный? Тол-стун? – по слогам выговорил Фокин; Экий, однако, толстун! Похож... на актера Невинного, решил Сергей, только погрязнее и поминиатурней. За что ж они его так?; Толстун – толстые щечки, с года ест сам двумя ложками. Ольга Алексеевна испытывала чувство вины – говорят, что внуков любят больше, чем детей*). На одной из страниц отмечается, что слово *толстун* является областным (диалектным) и обозначает то же, что «толстяк». Таким образом, слово *толстун* в интересующем нас значении является употребительным (узловым).

Суффиксальные наименования лиц, образованные от прилагательного хитрый,
по данным эксперимента и Интернета

Отадъективные суффиксальные производные наименования лиц	Экспериментальные данные: количество реакций (в процентах)	Данные поисковой системы «Google» на 11.07.2015
<i>толстуха</i>	86	415 тыс.
<i>толстяк</i>	28	545 тыс.
<i>толстун</i>	58	76, 5 тыс.
<i>толстуша</i>	48	4,85 тыс.
<i>толстач</i>	44	1,24 тыс.
<i>толстец</i>	42	881
<i>толстень</i>	36	1,69 тыс.
<i>толстыш</i>	32	967
<i>толстик</i>	28	283 тыс.
<i>толстяга</i>	> 8	1,2 тыс.
<i>толстица</i>	> 8	4,33 тыс.
<i>толстыч</i>	> 8	15,7 тыс.
<i>толстуга</i>	> 8	76
<i>толстник</i>	> 8	8
<i>толстище</i>	> 8	15,1 тыс.

Слово *толстень*, которое по данным эксперимента также входит в ближнюю потенцию, в контекстах, встретившихся в «Google», обозначает: 1) прозвище (Фамилия Толстеньев образована от прозвища **Толстень**. Оно ведет свое начало...**Толстень** легло в основу фамилии Толстеньев); 2) кличку животного (А вот когда у **Толстенья** будут толстые щенки, то самую толстую и наглую щенку отправлю тебе); 3) животное по характерному признаку (Медитативный кот и издевательский голубь. Вот какие глазки несчастные у котика. Вот такая **толстень** усаживается на пуфик и мявчит; Заметила, что у большинства beauty-блогеров есть животные и преобладают коты. Вот и у меня дома тоже есть **толстень**; доминантная пестрая **толстень**-красотень, в руку категорически не помещень! Оч крупная мордатая мадама); 4) лицо по характерному признаку (**Толстень**-молодень! Воду не носил, дрова не рубил. Нету каши тебе!; сам ты **толстень**! Просто очень аппетитная штучка; какая улыбчивая **толстень**; Больше бесит, когда идёт парень красивый такой, а с ним бабень – **толстень**!!!! или наоборот!; Мама постоянно говорит, что я **толстень**, похожа на пупсика, на гусеничку и прочие нелицеприятности). Слово *толстень* может быть употреблено как опечатка слова *толстый* (Все было супер, только толстела безумно (а т. к. она у меня в добавок ко всему еще и на трех лапах, нам **толстень** запрещено). Таким образом, слово *толстень* в интересующем нас значении «лица» также может быть отнесено к узуальным и употребляется в речи с пейоративной оценочной коннотацией.

По данным Интернета достаточно часто со значением лица употребляются такие слова, как *толтуша*, *толстец*, *толстыш*.

3. Суффиксальные дериваты, образованные по продуктивным словообразовательным моделям, которые однако носителями языка оцениваются как окказиональные (в таблице от *толстяга* до *толстище*), являются малочастотными в речи. Рассмотрим слово *толстица*, которое по данным эксперимента относит-

ся к «дальней» потенции и находится на границе между потенциальными и узуальными словами. В контекстах, встретившихся в Интернете, данное слово может обозначать: 1) ойконим (Урочище Большая **Толстица** Бывшая деревня в Воропаевском поссовете); 2) гидроним (Кроме Чудского озера в приходе есть речка **Толстица**, впадающая в Чудское озеро за дер. Петровицной.); 3) антропоним (Во дворе Филька **Толстица**). В интересующем нас значении «лицо по характерному признаку» слово встретилось в единичном контексте: (**Толстица** из автобуса купила свечку, поставила, застыла над ней, молится. Церковь-заступница, вспоможительница наша). Таким образом, слово *толстица* в данном значении для современного языка является окказиональным.

Рассмотрим функционирование в речи слова *толстыч*, которое по данным эксперимента также является окказиональным. Слово обозначает 1) имя пользователя (Профиль **Marina Tolstych** ВКонтакте, личная информация, список друзей, фотографии и видеозаписи); 2) фамилию. Во многих случаях данное слово встречается как опечатка слова *толстых*. В значении «лицо по признаку» данное слово не встретилось ни в одном контексте, что свидетельствует о том, что оно находится на грани окказионального и невозможного. Функциональный всплеск в Интернете (15,7 тыс. словоупотреблений) связан с использованием данного слова в качестве имени пользователя и фамилии.

В качестве окказиональных (со значением «лица») в Интернете функционируют слова *толстыч*, *толстуга*, *толстик*. Высокий показатель частотности у слова *толстик* связано с функционированием слова в качестве фамилии, а у слов *толстыч* и *толстуга* – с частым неразличением со словами *толстый* и *толстуха*. И наоборот, слова *толстяга* и *толстище*, которые, по мнению наших информантов, являются окказиональными, активно функционируют в речи со значением «лица».

По результатам исследования можно сделать следующий вывод. Количественные характеристики

производных суффиксальных имен существительных со значением «лица», полученные экспериментальным путем, и данные о частотности употребления этих слова в Интернете находятся в отношениях корреляции. Это подтверждает мысль о том, что в сознании носителей языка получает отражение, прежде всего, их коммуникативный опыт. В этом опыте отражаются представления о функционировании производного слова во всем объеме его значения. Этим объясняется, например, высокий коэффициент выво-

димости слова в эксперименте и высокий индекс его функционирования в речи, однако данное слово со значением лица может встречаться в единичных контекстах (например, *Толстик*, *Хитрик* значительно чаще функционируют как фамилии). В исследовании было выявлено, что все суффиксальные наименования лиц, полученные в эксперименте, встречаются в речи, однако обладают разной степенью узуальности и не совпадают с лексической нормой, получившей отражение в кодифицированных словарях.

Литература

1. Араева Л. А. Словообразовательный тип: традиционное и современное видение // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 4. С. 110-115.
2. Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Исследования по русской грамматике. М., 1975.
3. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
4. Гримм Я. Из предисловия к «Немецкой грамматике» // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. I.
5. Голев Н. Д. Поисковые системы Интернета как лингвистический источник (на примере решения некоторых теоретических и прикладных вопросов русского словообразования) // Новые явления в славянском словообразовании. Система и функционирование. Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / под ред. проф. Е. В. Петрухиной. М., 2010. С. 197 – 212.
6. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и о влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию / пер. с нем.; общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 2000.
7. Евсеева И. В. Комплексные единицы русского словообразования: когнитивный подход. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 312 с.
8. Земская Е. А. Валентность морфем и понятие продуктивности // Современный русский язык. М., 1981.
9. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1989.
10. Зенков Г. С. Принципы организации словообразовательных элементов в систему и возможности ее описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1993. 49 с.
11. Кемеровская дериватологическая школа: традиции и новаторство / под ред. Л. А. Араевой, Э. С. Денисовой, С. В. Оленева, Ю. С. Паули; предисл. И. А. Свиридовой, К. Е. Афанасьевой. М.: ЛЕНАНД, 2011. 400 с.
12. Кретов А. А. Основы лексико-семантической прогностики: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1993.
13. Лебедева Н. Б. Экспериментальное исследование производного слова: соотношение выводимости как словообразовательного признака и узуальности как лексического признака // Новые явления в славянском словообразовании. Система и функционирование. Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / под ред. проф. Е. В. Петрухиной. М., 2010. С. 390 – 398.
14. Лопатин В. В. Разделы «Словообразование имен существительных»; «Словообразование имен прилагательных»; «Словообразование наречий»; «Словообразовательная структура числительных, местоименных слов, экспрессивных частиц и междометий»; «Морфонологические явления в словообразовании» // Русская грамматика: научные труды. Т. I. Репринтное издание. М., 2005.
15. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
16. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
17. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. М., 1985.
18. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
19. Улуханов И. С. Разделы «Словообразование глаголов»; «Морфонологические явления в словообразовании» // Русская грамматика: научные труды. Т. I. Репринтное издание. М., 2005.
20. Яценецкая М. Н. Семантические вопросы теории русского словообразования (аспект взаимодействия словообразования с лексикой): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Днепрпетровск, 1983.
21. Formann J. Wortsyntax. Eine Diskussion ausgewählter Probleme deutscher Wortbildung, 1983.

Информация об авторе:

Шкуропатская Марина Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, marina-shkuropac@mail.ru.

Marina G. Shkuropatskaya – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language and Literature, Shukshin State Academy of Education (Biysk, Russia).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

**ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АРСЕНАЛ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ
(гражданская война на Украине в российских СМИ)**

С. Г. Шулежкова, Н. В. Позднякова

**PUBLICISTIC REPertoire OF CONTEMPORARY SOCIAL MOVEMENTS
(civil war in Ukraine in Russian mass media)**

S. G. Shulezhkova, N. V. Pozdnyakova

Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности» (2015, № 15-24-06001а(м)).

Гражданская война на Украине способствовала выработке в русских СМИ арсенала публицистических средств, которые отражают новые реалии, вызванные оранжевой революцией в некогда дружественной нам стране; кратко формулируют этические, социальные и гражданские требования противоборствующих общественных движений; характеризуют изменившуюся расстановку сил на международной арене. Цель исследования – анализ речевых стратегий и тактик, применяемых лидерами массовых общественных движений и вдохновителями информационной войны в условиях превращения политического противостояния в вооружённый конфликт. В статье оценивается роль информационных технологий в разжигании межнациональной розни; выявляются основные источники пополнения русского публицистического арсенала, «вербализующего» украинскую тему. Авторы акцентируют внимание читателя на том, что российские газетчики, радио- и тележурналисты в своих публицистических статьях, очерках, репортажах заимствуют множество языковых единиц, возникших на Украине в русскоязычной среде. Создавая неологизмы на базе давно усвоенных иноязычных лексем и исконно русских слов, представители прессы параллельно широко используют и украинский лексический фонд. При этом новая семантика обычно формируется за счёт приёмов метафоризации и метонимии. Так возникли уничижительные взаимные наименования участников вооружённых столкновений и воинских подразделений; названия боевых операций и видов оружия; клички политических лидеров и псевдонимы командиров. Особое внимание авторы уделяют суггестивной силе специфического разряда публицистических средств – лозунгов и призывов, а также визуальной символики противоборствующих сторон. Полученные результаты позволили выявить специфические признаки языковых средств, ведущих к обострению социально-политических конфликтов, а также определить принципы структурирования публицистического арсенала, способствующего мирному разрешению назревших проблем.

Civil war in Ukraine called forth the appearance of new means in the repertoire of publicistic means in Russian mass media. These means present new realia brought about by the “orange revolution” in the country that used to be friendly towards Russia once. These means maintain ethical, social and civic propositions of conflicting social movements. They characterize new positioning of forces on the world arena. The object of the research is to analyze speech strategies and tactics used by the leaders of mass social movements and instigators of information war in conditions of turning political opposition into the outbreak of hostility. The paper evaluates the role of the mass media technology in stirring an international conflict to action; it determines main replenishment sources which “verbalize” discussion devoted to Ukraine in publicistic repertoire of Russian mass media. The authors focus on the fact that Russian journalists in their sketches, editorials and reports use a lot of linguistic elements borrowed from the Russian-speaking community in Ukraine. While creating new words and word combinations employing well-known foreign and native lexical units, journalists actively use words from the Ukrainian language. New meanings are usually formed through metaphor and metonymy. Derogatory names appear for realia on both sides of the armed conflict: e.g., names and nicknames of armed conflict participants: military leaders, political figures; military units, operations, weapons. The authors draw attention to the suggestive force of specific publicistic means: slogans, rallying cries and symbolic representations of conflicting groups. The research resulted in identification of specific usage of linguistic units that lead to escalation of the social and political conflict, and description of the linguistic means contributing to the peaceful resolution of the conflict.

Ключевые слова: СМИ, гражданская война, лозунги, речевые стратегии, публицистика.

Keywords: mass media, civil war, slogans, speech strategy, journalism.

Киевский майдан, присоединение Крыма и гражданская война на Украине – самые обсуждаемые темы российских СМИ последнего времени. Российский журналист С. Пономарёв, проехав от Одессы до Киева и Харькова, рассказал на страницах «Комсомольской правды», «как живёт *единоУкраина*, ненавидящая жителей Донбасса, придумывающая собственную мифическую историю и культуру и откровенно желающая всяческих бед и напастей для России» [14, с. 9]. А. Коц и Дм. Стешин обращают особое внимание на сердцевину менталитета жителей западной и центральной

части Украины, поддержавших *оранжевую революцию* и подчинившихся *киевской власти*, которая пришла на смену режиму президента В. Януковича: страстное желание присоединиться к Евросоюзу и вступить в НАТО связано с *русофобией*. «Закваска у “антикоррупционной” борьбы украинского народа в целом русофобская – они ведут себя так, словно все их проблемы им завезли из России» [8]. Характеризуя публицистический арсенал современных общественных движений, отражённый в современных российских СМИ, нельзя не учитывать этого важнейшего обстоятельства,

ибо оно во многом предопределяет не только содержательную составляющую политического дискурса, но и сказывается на источниках вербального оформления важнейших категорий, концептов и понятий, которыми оперируют лидеры и участники интересующего нас гражданского противостояния.

Практически все противоречия между враждующими сторонами на Украине имеют ценностную, аксиологическую окраску. Киевская политическая и государственная элита, пытаясь увлечь за собой народные массы, обращается к важнейшим для каждого человека ценностям: *родине, свободе, справедливости, национальному достоинству, героическому прошлому* и пр. Эти ценности несколько столетий были общими для большинства народов, населяющих современную независимую Украину и Российскую Федерацию. Между тем программа преобразований, намеченная победителями майдана, ориентирована на Запад, на отказ от веками оберегавшихся ценностей, которые современная Россия, вопреки процессам глобализации, пытается сохранить. В этих условиях именно Россия стала обладать «магнетической притягательностью» для русских, оказавшихся после развала СССР вне пределов исторической родины. А. В. Сергеева, автор многократно издававшейся книги «Русские: стереотипы поведения, ментальность» [18], в 2015 г. написавшая её продолжение «Как мы изменились за 20 лет?», объясняет этот феномен притягательности: «Притягивает загадка России: каждые 20 лет она неизменно меняется. И в то же время уже 400 лет она – равна самой себе, в ней всё остаётся по-прежнему. Ибо все её несовершенства, как и обаятельные стороны, уходят корнями в прошлое, повторяя матрицу событий и человеческих моделей поведения, сложившихся давным-давно» [17, с. 4].

Цементирующим фактором русской ментальности является русский язык. «Русский – это даже не столько название национальности, сколько обозначение общих черт характера, мировоззрения разных народов, проживающих в России. Русский – это тот, для кого русский язык является родным, кто думает по-русски, кто отождествляет себя с русской культурой, кто любит Россию» [17, с. 9–10]. А потому русский язык оказался главным объектом преследования киевских властей. И это задело самые дорогие чувства множества граждан охваченной оранжевой революцией страны.

Скрывая истинные цели захвата власти, правящая верхушка Украины использует информационные технологии, основанные на манипуляции общественным сознанием через языковую систему. «Природа манипуляции состоит в наличии воздействия – наряду с посылаемым открыто сообщением, манипулятор посылает адресату “закодированный” сигнал, надеясь, что этот сигнал разбудит в сознании адресата образы, которые нужны манипулятору. Это скрытое воздействие опирается на “неясное знание”, которым обладает адресат, на его способность создавать в своём сознании образы, влияющие на его чувства, мнения и поведение. Искусство манипуляции состоит в том, чтобы пустить процесс воображения по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия», – очень точно характеризует это явление С. Г. Кара-Мурза в своей знаменитой книге «Манипуляция сознанием» [6, с. 99]. Манипулируя словом, самым могучим средством воздействия, подкрепляя вербальные средства об-

щения визуальными, цветовыми образами, СМИ, выполняющие волю своих заказчиков, способны поколебать устоявшиеся ценности у вполне добропорядочных граждан. И тогда массы протестующих могут превратиться в легко управляемую толпу, чья ярость обрушивается на инакомыслящих, на тех, кого правящая верхушка намерена убрать с политической арены.

Информационная война на Украине началась не в 2014 г., не с момента последнего майдана. Более 20 лет после развала СССР в сознание украинцев под видом антисоветизма и антикоммунизма внедрялся антирусский стереотип с целью вытравить из этнической памяти причастность к славянскому братству, к общности исторической судьбы русского и украинского народов. Стереотипы создавались на базе метафор, которые часто оказываются «фатальной неизбежностью, единственным способом не только выражения мысли, но и самого мышления» [1, с. 11]. «Поэтически выраженная мысль всегда играла огромную роль в соединении людей и программировании их поведения, становясь поистине материальной силой. Метафоры, включая ассоциативное мышление, дают огромную экономию интеллектуальных усилий. Именно здесь-то и скрыта ловушка, которую ставят манипуляторы сознанием» [6, с. 126]. В итоге в центре идеологической борьбы оказались антиподы – Жертва и Злодей; Жертва – это Украина, родина (*рідна мати, ненька, незалежна Україна*), а Злодей – это Россия (*северный сосед, агрессор, первородное зло, злочинная Россия, Угромонгольская Московия, Ватостан, Рашка проклятая, Кацания*). А война, развязанная преступным правительством против собственного народа, в украинских ангажированных СМИ уже предстаёт как борьба с Россией. «Так и было на первом майдане. Так повторилось и на втором, – с горечью говорит писатель П. Беседин. – Сбрось диктатора, уничтожь банду! Сбросили. Но сытости не случилось, а свобода закружилась колючей проволокой. И Украина, наспех сшитая коммунистическими портными, разошлась по швам. Ушли на сторону 5 млн человек. Откололись 3 области. Кто виноват? Надо бы отыскать мерзавца. Но о себе разве скажешь дурно? Тогда в первородное зло быстро превратили «северного соседа» – Россию. Зло, которое нужно уничтожить в каждом. При таком раскладе Киев мог не переживать за собственные действия» [3, с. 8].

Информационная война выплеснулась на улицы, площади Киева и других больших городов, где лозунги и девизы противоборствующих сторон звучали через микрофоны, пестрели на плакатах и транспарантах, украшали стены общественных зданий. Самый удивительный результат манипуляционной пропаганды, предшествовавшей киевскому майдану, – преобладание не антикоррупционных, а антироссийских лозунгов. Достаточно вспомнить впечатляющие телесюжеты осени 2014 г., где подпрыгивающие на майдане независимости юнцы в камуфляжах, с балаклавами на головах истерично кричат: «*Хто не скаже, той москаль!*». К этому же времени относится рождение лозунгов «*Москаляку на гиляку!*» и «*Москаляку на ножи!*» (букв. *Русского – на виселицу!* и *Русского – на ножи!*). Публицистический антироссийский арсенал обогащается. Журналисты «Комсомольской правды» зафиксировали на Украине девизы «*Нет – России! Да – Америке!*»; «*Москаль – це раб!*» (КП, 22.05.2015); «*Россия – агрес-*

сop!» (КП, 09.12.2014); «Геть, москалі!» (букв. *Вон, русские!*) (КП, 19.06.2015). В ненависти к России не отстают многочисленные украинские церкви. Дело дошло до того, что заклинание («Поможи в боротьбі з ворогом москальським!»), обращённое к Господу, включается в молитвы, произносимые во время богослужения (КП, 10.06.2015). И всё это нагнетается за счёт провокационных сообщений в украинских газетах и на телевидении, подобных тем, что появились на пике майданных событий 2014 г.: «**На майдане працює російський спецназ!**; **Завтра російські війська вийдуть в Київ і розстріляють майдан!**» и др. (КП, 22.04.2015). В условиях зыбкого перемирия на юго-востоке украинские власти не забывают о борьбе с *пророссийскими настроениями*. В городах *незалежної* появились большие рекламные щиты, призывающие граждан доносить на *бытовых сепаратистов* в Совет безопасности Украины (СБУ). В качестве признаков *бытового сепаратизма* среди прочих указываются: «*ждёт прихода русского мира*»; «*предлагает сдаться России*» (КП, 10.04.2015).

Помимо антироссийских лозунгов, публицистический арсенал Украины содержит и вербальные, и визуальные средства, призванные объединить её граждан под жёлто-голубыми знамёнами на пути к новой жизни. Манипуляторы сознанием очень постарались над тем, чтобы у украинцев присущая им испокон веков толерантность, осознание единства восточнославянского мира были подменены представлением об избранности украинского этноса, его исключительности. Евангельская идея равенства всех людей перед Господом (вспомним слова Христа о том, что для него нет *ни эллина, ни иудея*) виртуозно подменена идеей национального единства, основанного на расовой ненависти по отношению к братскому народу. Так были созданы условия для процветания национал-социалистического движения, оказывающего существенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику современной Украины. Вот почему участники оранжевой революции взяли на вооружение лозунг фашистских пособников – бандеровцев и подразделений Украинской повстанческой армии (УПА), во время Великой Отечественной войны сражавшихся на стороне Гитлера («*Слава героям! Україні слава!*»), а также аналог девиза Третьего Рейха «*Україна понад усе!*» (букв. «*Украина превыше всего!*»; ср. «*Deutschland über alles!*» – «*Германия превыше всего!*»). Прочие украинские лозунги в условиях развала страны и то затухающей, то разгорающейся гражданской войны провозглашают *возрождение* Украины, подчёркивают её *самодостаточность, единство и независимость*, призывают на борьбу с врагом-агрессором, то есть с Россией: «*Ще не вмерла України!*» (КП, 27.05.2015); «*Хай живе вільна Україна!*» (КП, 22.05.2015); «*Одна Україна – один народ!*» (КП, 19.06.2015); «*Єдиний народ, єдина нація, єдина страна!*» (КП, 20.05.2015); «*Нехай зникнуть вороги! Забудь отця, забудь и матку – спеши повинність поправлять!*» (КП, 22.05.2015); «*Дайте нам грошей, щоб ми могли москалей вбивати!*» (КП 27.05.2015) и др.

В качестве визуальных символов на Украине можно увидеть, наряду с государственным гербом-трезубцем, фашистскую свастику, наряду с жовто-блакитным государственным флагом – чёрно-красные

флажки националистической экстремистской организации «Правый сектор». Впечатляющую зарисовку попавшей в беду страны даёт С. Пономарёв: «От 23 годов *незалежної* *неньки* не осталось ничего. Кроме разбитых дорог, запустения и разрухи, в том числе в головах. Зато в каждой деревне над сельсоветом непременно два флага – государственный и «Правого сектора» <...> И ещё – *памятник Бандере* на улице его же имени. Над торпедой автобуса гордо реют точно такие же *жовто-блакитный и чёрно-красный флажки*. Водила разговаривает с напарником: «*Росіяньска мова дюже погана. Гавкають, як собаки!!!*». И рассуждения, что русские вовсе и не славяне. Напарник поддакивает: «*Варяги. Ну, кочевники...*» [11, с. 9]. В другой своей публикации тот же журналист резюмирует: «Национализм приобрёл глубинный и, так сказать, бытовой характер даже в сугубо коммерческой сфере съёмного суточного жилья <...> Свободные квартиры при пометке в заявке, что их собирается арендовать гражданин Российской Федерации, мгновенно становятся «занятыми»» [12, с. 11].

Каждый, так или иначе соприкасающийся с политическим дискурсом современной Украины, отмечает его агрессивность, националистический настрой, обилие военной лексики, появление массы экспрессивно окрашенных неологизмов, отражающих ход и последствия оранжевой революции, называющих его участников, формы противоборства. Исследователю-лингвисту бросается в глаза горькая историческая аналогия: информационная война, фактически подготовившая гражданскую войну на Украине, ведётся по тем же «лекалам», которые использовались пропагандистами фашистской Германии на оккупированных советских территориях. В 1942 г. политическое руководство нацистской Германии, уделявшее «большое внимание языку как инструменту социального управления», ввело на захваченных землях немецкий язык как обязательную знаковую систему в целях германизации. «В этом контексте насаждение немецкого языка и постепенное вытеснение языка оккупированных территорий было одной из важных задач...» [4, с. 66]. И Украина сразу после победы майдана была объявлена унитарным государством, а в качестве обязательной знаковой системы был определён украинский язык. Языки нацменьшинств, в том числе и русского, второго по распространённости языка Украины, оказались вне закона. Следующим шагом немецких оккупационных властей в начале 1940-х гг. было переименование улиц и населённых пунктов [4, с. 67] с целью вытравить из народной памяти всё, что связывало население с советским и российским прошлым. Именно этот опыт нацистов с азартом внедряется сегодня киевскими властями. Как и гитлеровцы, нынешние руководители Украины, подключив все подвластные им СМИ, спекулятивно используют святые для этноса слова *свобода, освобождение*, имея в виду освобождение от социалистической морали и социалистических идей в целом, предлагая собственную трактовку исторического прошлого Украины и последовательно уничтожая следы русского влияния.

Гражданская война на Украине породила массу неологизмов, моментально освоенных российскими СМИ и частично уже описанных с точки зрения способов их образования (см., напр., работу Е. А. Ждановой и

Л. В. Рацибурской). Назовём здесь лишь некоторые языковые единицы, наиболее прочно вошедшие в публицистический арсенал российских СМИ под влиянием украинского политического дискурса:

1) полуофициальные, доброжелательные и откровенно уничижительные наименования частей Украины, находящихся в состоянии вооружённого конфликта: а) с одной стороны – *официальный Киев, Незалежная Украина, батьківщина, ненька*, с другой – *Бандерлогво, Укропия, Усраина*; б) с одной стороны – *Восток Украины, Юго-Восток, Новороссия, самопровозглашённые республики, Донецкая народная республика (ДНР), Луганская народная республика (ЛНР)*, с другой – *Даунбасс, Луганда* и др. См., напр.: *Год назад премьер Донецкой народной республики и глава Луганской народной республики подписали документ о создании государства Новороссия. А на днях ряд политологов и изданий объявили, что «проект Новороссия» закрыт. Правда ли это?* [3, с. 8];

2) официальные, сочувственные и оскорбительные названия рядовых участников политического и вооружённого противостояния: а) с одной стороны – *украинские силы, солдаты (регулярной Украинской армии), (украинские) силовики, нацгвардейцы, корректировщики*, с другой – *правосеки, эсбзушники, бандеровцы, каратели, торнадовцы (бойцы карательного батальона спецназначения «Торнадо»), укропы, укры, майданистики, майдауны, нацисты, евробандерасы*; б) с одной стороны – *ополченцы, дээнэровцы, стрелковцы, беркутовцы (бойцы распущенного Верховной Радой после антиконституционного переворота элитного подразделения «домайданной» Украины «Беркут», перешедшие на сторону восставшего Юго-Востока), спартанцы (ополченцы подразделения «Спарта»), сепаратисты, сепары, террористы, бандиты, колорады* и пр. См., напр.: *Одного понять не могу: что же там себе о нас вообразили, если устраивают этот демонстративный и бессмысленный кошмар на границе? Да будь я «сепаром», «террористом» и «колорадом», неужто повёз бы оружие, взрывчатку, амуницию и запрещённую литературу в обычном вагоне пассажирского поезда?* [15, с. 9];

3) коллективные прозвища, адресованные российским гражданам: *клятые (коварные) москаль, угромонголы, вороги москальские, диверсанты ГРУ, российские шпионы, азиаты, ватники, злочинны кацапы, заклятые враги, русня* и пр. См., напр.: *Прямо у ног памятника (Т. Шевченко. – С. Ш.) собрались настоящие знатоки украинской поэзии – несколько активистов «Правого сектора» <...> Громко читают «Заповит». А ещё клеймят клятву российскую империю, которая уж как «притесняла» Кобзаря. Ух, злочинны кацапы! <...> Это ёмкое словечко (пыхатость – С. Ш.) означает громкое, ничем не оправданное выпячивание себя, подчёркивание своей исключительности. Ну как же, мы великие украинцы – истинные европейцы, а вот вы – москаль, азиаты, угра необразованная и вообще ватники!* [13, с. 13];

4) иронические именованья персонажей, так или иначе проявивших себя в условиях украинского политического кризиса: *оранжевая принцесса* (Юлия Тимошенко, глава партии «Батьківщина», вдохновительница оранжевой революции, бывший премьер Украины); *одессит Мишико* и *Мишка-подкидыш* (Михаил

Саакашвили, бывший президент Грузии, с 2015 г. губернатор Одесской области); *шоколадный король* (Пётр Порошенко, олигарх, наряду с прочими объектами собственности, владелец кондитерской фабрики в России, президент Украины с 2014 г.) и др. См., напр.: *Чтобы понравиться одесситам, Саакашвили активно с ними фотографируется. А те всё равно называют его Мишка-подкидыш <...> Впрочем, одесситы, как пел ещё Буба Касторский, «не могут иначе» и уж если наградят кого прозвищем, так оно прилипнет к этому человеку до смерти. Как и произошло с Саакашвили. В целом Одесса хохочет до сих пор. Он нам ещё дорого обойдётся, я уверен, но пока называют его Мишка-подкидыш* [16, с. 7];

5) обозначения акций, характерных для Украины, находящейся в состоянии политического кризиса: *евромайдан, постмайдан, одесская Хатынь, АТО – Антитеррористическая операция* (эвфемическое название карательной операции, направленной против жителей Донбасса и Луганщины, не желающих подчиняться антидемократическим порядкам майданных властей), *дебальцевский котёл, люстрация, зачистка/очистка, обмен пленными* и др. См., напр.: *Для Саакашвили «одесская Хатынь» – всего лишь экзамен, который одесситы, по его мнению, успешно сдали* [16, с. 7]; *Островок старорусского мира чудом выжил в дебальцевском котле* [7, с. 11]; *Пресловутой АТО уже больше года, в Донбассе продолжают гибнуть люди, а общее число жертв, как заявила немецкая разведка, превысило 50 тысяч...* [10, с. 6] и т. д.

Анализ публицистического арсенала российских СМИ, отражающих события, связанные с гражданской войной на Украине, которая была спровоцирована победителями оранжевой революции, свидетельствует о том, что на Украине сформировался тоталитарный дискурс. Наряду с манипуляцией сознанием масс для тоталитарного дискурса, по словам А. П. Чудинова, характерны «централизация пропагандистской деятельности, претензии на абсолютную истину, идеологизация всех сторон жизни, лозунговость и пристрастие к заклинаниям», «пропагандистский триумфализм, резкая дифференциация своих и чужих» [20, с. 12 – 13]. Российские журналисты активно используют языковые средства, рождённые в рядах участников противостояния на Украине. Разоблачая националистическую сущность и сомнительное происхождение провозглашаемых киевской властью лозунгов и призывов, всевозможных антирусских «страшилок», они трансформируют возникшие на Украине языковые средства, иронизируя над их сущностью, и инкрустируют свои материалы украинизмами. Когда Киев объявил об очередной мобилизации, многие из тех, кто открыто упражнялся в охаивании всего русского, стали искать убежища в России. По этому поводу «Комсомольская правда» в рубрике «Картина дня: вокруг незалежной» опубликовала заметки Дм. Стешина «Процесс пошёл: майдан бежит к нам». В подглавке «Доскакались» с намёком на популярную кричалку «Хто не скаче, той москаль» автор пишет: «Ровно год назад скачущих на майдане украинцев, особенно представителей культурных профессий, предупреждали умные люди: “Вы никому не нужны, кроме “русского мира”, одумайтесь, что вы творите? Вам некуда больше бежать!” В ответ раздавалось лишь хамское гугуканье,

иногда на *псевдомове* – чтобы было обиднее, но с обаятельным вкраплением «монголо-кацанского мата» <...> И знаете, побежали, как они сами кричали, в “*Кацанию*”, в “*Ватостан*”, в “*Раишу проклятую, бездуховную*» [19, с. 3]. Дм. Стешин упоминает в этой главке Елену Значкову, которая год назад ходила по майдану с плакатом «Я девочка! Я не хочу в Т(аможенный) С(оюз)! Я хочу кружевные трусики і ЕС!», а сейчас ищет работу на актёрской бирже в России; *некоего бандеролюбивого* одесского ресторатора, который «культурно постирал все свои “*антиватные* посты в соцсетях и издал в Москве книжку о “вкусной и здоровой”». В подглавке «Спешно подтёр» фигурирует тележурналист Даниил Грачёв, которому как уроженцу Донбасса, а значит – *скрытому сепаратисту*, грозил призыв в украинскую армию «для перевоспитания и в рамках зачистки от “*колорадов*”»: «В общем, понял Даниил, что если не сбежит, никто по нему в *родимой* *неньке* плакать не будет. И побежал тогда Даниил в чём был прямо в “*угромонгольскую Московию*”, в логово врага <...> *новоиспечённый москаль* пытался стереть из соцсетей свои самые выпуклые антироссийские пассажи. Убирал и не успевал» [19, с. 3].

Националистическая и антироссийская направленность пропагандистских средств, пренебрежение инте-

ресами собственных граждан ведут к расколу общества, а не к мирному разрешению конфликта на Украине и не способствуют её процветанию.

Таким образом, российские СМИ последних лет активно используют публицистический арсенал современных общественных движений Украины. Языковые средства свидетельствуют о том, что у информационной войны, которая ведётся в условиях острого вооружённого противостояния, выработалась русофобская стратегия. Реализуя эту стратегическую установку, лидеры майдана используют речевые тактики, опробованные в странах, переживших цветные революции. Их цель – манипуляция сознанием масс, создание стереотипов, искажающих сущность традиционных ценностей, превращающих возмущённые коррупцией и нищетой массы в легко управляемую толпу. Неологизмы, описывающие майданные события и АТО, возникают на базе лексем, связанных с героическим прошлым, с Великой Отечественной войной, с этническими традициями. Их специфическая черта – яркая экспрессивность, жёсткое противопоставление своего и чужого, доходящее до оскорбления национального достоинства противника.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5 – 32.
2. Беседин П. Реплика в тему: Боролись за свободу, а вернули 37-й год // КП, 10.04.2015. С. 8.
3. Гришин А. Новороссию не закрыть никаким распоряжением // КП, 29.05.2015.
4. Дацишина М. В. Язык как инструмент власти: немецкий язык для временно оккупированных территорий. 1941 – 1944 гг. // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 66 – 87.
5. Жданова Е. А., Рацибурская Л. В. Медийные новообразования как средство отражения современной украинской действительности // Филология и культура: науч. журнал. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2015. № 2(40). С. 46 – 52.
6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2004. 832 с.
7. Коц А., Стешин Д. Островок старорусского мира чудом выжил в дебальцевском котле // КП, 15.05.2015.
8. Коц, А., Стешин Д. Русофобство – не болезнь, а часть украинского кровотока: интервью З. Прилепина // КП, 22.04.2015.
9. Майданова Л. М., Соломатов С. И., Федотовских Т. Г., Чуудинов А. П. Слово и ключевые смыслы в современных медиа-текстах. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького, 2004. 231 с.
10. Овчинников А. Итоги первого года президентства Петра Порошенко: бизнес не продал, войну не закончил, в Европу не вступил // КП, 03-10.06.2015.
11. Пономарёв С. Дикое вече на хуторе близ Диканьки // КП, 02.06.2015.
12. Пономарёв С. Квартирный апартейд: Геть, москали! // КП, 05.06.2015.
13. Пономарёв С. Мода на мову – появилась и быстро схлынула // КП, 08.04.2015.
14. Пономарев С. Настоящих буйных много... // КП, 10.04.2015.
15. Пономарёв С. Скорей домой! Маненько ты притомила, ненька! // КП, 15.04.2015.
16. Саакашвили оправдал «одесскую Хатынь»: заметки нестороннего // КП, 05.06.2015.
17. Сергеева А. В. Как мы изменились за 20 лет? М.: Флинта: Наука, 2015. 432 с.
18. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. 8-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 320 с.
19. Стешин Дм. Процесс пошёл: майдан бежит к нам // КП, 01.04.2015.
20. Чуудинов А. П. Политическая лингвистика. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.

Информация об авторах:

Шулержкова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, shulezhkova@gmail.com.

Svetlana G. Shulezhkova – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian language and General Linguistics, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Позднякова Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Инновационно-технологического центра Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, merkulovanv@bk.ru.

Natalia V. Pozdnyakova – Candidate of Philology, senior staff scientist of the Research Linguistic Laboratory of the Innovation Technological Centre, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 81'25

РОЛЬ ВЕРБАЛЬНОГО И ВНУТРЕННЕГО КОНТЕКСТА В ПЕРЕВОДЕ

А. А. Яковлев

THE ROLE OF VERBAL AND INTERIOR CONTEXT IN TRANSLATION

A. A. Yakovlev

В статье описывается эксперимент, нацеленный на выявление влияния вербального и внутреннего контекста (образа мира) на выбор способа перевода текста с английского языка на русский. Методика эксперимента заключалась в том, что одной группе испытуемых было предложено перевести пять вырванных из контекста предложений, второй группе – те же предложения, но с указанием стиля или тематики текстов, из которых они взяты, третьей – небольшие отрывки, содержащие данные предложения. Таким образом, испытуемые первой группы должны переводить, основываясь только на внутреннем контексте, вторая группа – основываясь на широком контексте, третья – на узком вербальном контексте. Результаты эксперимента в целом подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что разные виды контекста влияют на осуществление перевода системно, но внутренний контекст играет интегрирующую, управляющую роль в этой системе.

The paper discusses the experiment aimed at revealing the influence of the verbal context and the translator's worldview (interior context) on the translation tactics from English into Russian. The methodology of the experiment was that three groups had to translate five sentences: the first group of testees translated separate sentences, the second one translated the same sentences with some indication of the style and the topic of text that the sentence was taken from, and the third group translated passages which included the sentences. Therefore, the translation was based on different kinds of context: on the inner context only, on the exterior non-verbal context, and on the verbal context. The confirmed experiment hypothesis was that different types of context play different roles in the whole system of translation and the integrative role belongs to the translator's worldview (interior context).

Ключевые слова: перевод, картина мира, внутренний контекст, психолингвистический эксперимент.

Keywords: translation, worldview, interior context, psycholinguistic experiment.

Как при восприятии, так и при порождении речи для субъекта речевой деятельности не существует отдельно взятого слова, оно включено во множество связей и отношений, оно неизбежно актуализирует ту или иную ситуацию, представление об объекте, о самом субъекте и т. п. Возникают смыслы, являющиеся не простой совокупностью слов, а чем-то абсолютно другим и новым – системой образов и представлений о «внешнем» мире, которая является не только продуктом, но и средством восприятия действительности. Такую систему образов, реализующих себя посредством языка, и имеют в виду, говоря о языковом сознании и внутреннем контексте.

С точки зрения языкового сознания, любое высказывание говорящего рассматривается как отображение мысли (её речевая форма), образа, построенного в сознании говорящего и воплощённого в речи. Воспринимая речевое сообщение, человек декодирует знаки языка и строит собственную мысль, образ содержания текста, ментальную проекцию в своём сознании, образе мира [2; 4, с. 394 – 481; 6, с. 106].

Если применить эти предпосылки к изучению перевода, то из них следует, что в переводе как виде речевой деятельности существенную роль играет внутренний контекст, через который проходит восприятие текста оригинала и порождение текста перевода, и ко-

торый накладывает отпечаток на средства и способы перевода. Возникает тогда вопрос о роли внутреннего контекста в осуществлении перевода и его взаимодействии с другими видами контекста.

Следует отметить, что в последнее время в переводе всё чаще используются экспериментальные процедуры (см., например, [1]), что обусловлено логикой развития этой науки [3; 5].

В основе проведённого нами эксперимента лежала следующая гипотеза: разные виды контекста влияют на осуществление перевода системно, роль каждого из них в системе особенна, но внутренний контекст, языковое сознание, в конечном счёте образ мира субъекта переводной деятельности играет интегрирующую, управляющую роль в этой системе.

Эксперимент заключался в том, что трём группам испытуемых было предложено перевести отдельные предложения или отрывки из текстов разных стилей, а именно: научного, публицистического и художественного. В первом случае предложения были предложены для перевода без контекста и без указания ситуации. Во втором случае предложения были даны с описанием ситуации (под ситуацией понимается указание стиля и/или темы текста, откуда был взят отрывок). В третьем случае испытуемым был предложен небольшой отрывок. Испытуемыми (далее – Ии) являлись студенты

4 курса бакалавриата и 5 курса специалитета института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск), которые успешно сдали экзамен САЕ и СРЕ. Всего в эксперименте приняло участие 69 Ии. Во время перевода они могли пользоваться словарём, но не Интернетом.

Рассмотрим результаты переводов первой группы Ии (всего 24 человека).

Первое предложение было взято из научной статьи о коматозных пациентах: *Some vegetative patients who show signs of hidden awareness have remarkably well preserved networks similar to healthy adults*. В данной группе «справились» с заданием всего 3 испытуемых, которые верно передали смысл предложения.

Хотя все три перевода нельзя назвать идеальными, всё же серьёзных семантических искажений в них нет. Остальные Ии (21 человек) «не справились» с заданием в связи с чрезмерными обобщениями и упущениями, неверным использованием терминологии, абсолютным искажением первоначального смысла. Характерные примеры:

– *Вегетативные пациенты, имеющие симптомы скрытого беспокойства, прекрасно сохраняют работоспособность мозга, схожую со здоровыми взрослыми людьми.*

– *Некоторые пациенты, находящиеся в состоянии «овоща», которые подают признаки скрытого сознания, имеют необыкновенно хорошую иммунную систему, схожую с системой здоровых взрослых.*

– *Некоторые парализованные пациенты, которые выказали признаки скрытого понимания, невероятно хорошо сохранили взаимодействия, сходного со взрослыми людьми.*

Второе предложение для перевода было взято из речи астронома Карла Сагана, где он описывал снимок, на котором изображена планета Земля с рекордного расстояния на фоне просторов космоса: *That's here. That's home. That's us. On it everyone you love, everyone you know, everyone you ever heard of, every human being who ever was, lived out their lives*.

Очевидно, что из примера практически невозможно догадаться, о чём именно идёт речь. В данном случае количество правильных и неправильных предложений разделилось практически напололам, а именно 11 правильных и 13 неправильных. Интересно, что многие Ии, не понимая до конца смысла исходной фразы, придумывали свой собственный смысл и добавляли лишние детали. Приведём несколько таких примеров:

– *Наконец-то здесь. Наконец-то дом. Наконец-то мы. Здесь все, кого ты любишь, все, кого ты знаешь, все, о ком ты когда-либо слышал, каждый, кто когда-либо существовал, все проживали свою собственную жизнь.*

– *Именно здесь. Именно в этом доме. Именно мы. Каждый, кого ты любил, каждый, кого ты знаешь, каждый, о ком ты когда-либо слышал, каждый, кто когда-либо бывал, по-настоящему проживал свою жизнь.*

Данные примеры показывают, что внутренний контекст всегда играет существенную роль в переводе, даже когда предложение понято неверно.

Далее по ходу эксперимента Ии должны были перевести высказывание, состоящее из двух предложений, взятых из научно-популярной статьи о том, как

возбуждение влияет на принятие решений: *That's all well and good; nothing inherently off-key about being aroused. Except for the fact that especially heightened arousal prior to making a decision tends to correlate with not-so-great decisions*. Как и в случае с отрывком из научной статьи (первое предложение на перевод), в данном случае наблюдается большой разрыв между правильными и неправильными предложениями, а именно: 8 правильных из 24.

Данное предложение вызвало большие трудности с пониманием, поэтому Ии стремились додумать лишние детали, что зачастую приводило только к ухудшению перевода:

– *Все хорошо, что хорошо кончается; ничего особенно ключевого не пробудилось. Кроме того, что **преувеличение поднимаемого приоритета** при принятии решения приводит к связи с не очень великолепными решениями.*

Можно сделать предположение, что Ии, чувствуя, что предложение взято из источника с научным стилем, стремились придать своим переводам «научность».

Следующее предложение было взято из произведения «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери: *A baobab is something you will never, never be able to get rid of if you attend it too late*. 9 из 24 Ии правильно перевели данное предложение, однако далеко не все предложения стилистически подходят для художественного текста.

Есть и стилистически абсолютно неприемлемые варианты перевода:

– *От баобаба невозможно избавиться, если меры по его устранению предприняты слишком поздно.*

Третье предложение, данное для перевода нашим Ии, представляется наиболее интересным. Оно было взято из публицистической статьи, посвящённой проблеме вагонетки – мысленному эксперименту в этике, впервые сформулированному английским философом Ф. Фут и переформулированному Д. Д. Томсоном. Статья, из которой был взят отрывок, посвящена исследованию ответов испытуемых на этот этический вопрос в двух разных случаях – если вопрос был задан на родном языке и на иностранном. Испытуемые, которым был задан вопрос на иностранном языке, были готовы толкнуть на рельсы толстого человека ради спасения остальных: *Specifically, when people are asked the fat-man question in a foreign language, they are more likely to kill him for the others' sake*.

В нашем же исследовании, если Ии не имели надлежащих фоновых знаний, то предложение вводило их в ступор, было практически невозможно верно его перевести. Предыдущие предложения также даны без контекста и их тоже нелегко понять, но они так или иначе встраивались во внутренний контекст Ии, а это предложение, по всей видимости, даже не находило своего «места» во внутреннем контексте.

В данной группе было всего один правильный перевод, при этом очевидно, что испытуемый точно знал, о чём идёт речь.

Остальные 23 человека пытались придать предложению более-менее адекватный вид, на их взгляд, и додумывали смысл. Интересно, что здесь ярко выделяется группа из 6 Ии, которые интерпретировали *the fat-*

man question как неудобный или глупый вопрос, другие проявляют изыски воображения:

– Зачастую, когда людям задается **глупый** вопрос на иностранном языке, они готовы убить спросившего на благо остальных.

– В частности, когда людей спрашивают вопросы о «толстяке» (**атомной бомбе времён второй мировой войны**) на иностранном языке, они скорее убьют человека, задавшего вопрос, по чьей-то просьбе.

Очевидно, что в данном случае возможный вербальный контекст «компенсируется» фоновыми знаниями, чем и обусловлено большое количество неверных переводов.

Итак, перевод предложений, вырванных из контекста, имеет следующие особенности: расширение предложения с целью объяснения, добавление новых смыслов, копирование синтаксической структуры исходного предложения, большая смысловая вариативность. Это обусловлено тем, что у каждого человека – разные фоновые знания и разный внутренний контекст, и именно эти два фактора играют ключевую роль при переводе без вербального контекста, так как Ии встраивают предложения в свой внутренний контекст и оперируют фоновыми знаниями вместо опоры на контекст вербальный.

Как уже указывалось, второй группе Ии (всего 21 человек) было дано задание перевести те же предложения, что и первой группе, которые сопровождалось описанием ситуации, сформулированным максимально кратко и понятно, чтобы не дать лишней информации Ии, но при этом ввести их в курс дела.

К первому предложению был дан следующий комментарий: *Научная статья об исследовании сознания коматозных пациентов.*

Как показал анализ переводов второй группы Ии, в данном случае знание ситуации радикально ничего не изменило, т. к. из 21 перевода всего 4 оказались правильными.

Стоит отметить, что из названных четырёх правильных вариантов автор лишь одного использовал опору на ситуацию и перевёл *vegetative patients* как *пациенты в коматозном состоянии*. Среди неправильных вариантов также есть 3 предложения, в которых Ии воспользовались ситуацией и перевели *vegetative patients* как *пациенты в коматозном состоянии*, однако были сделаны ошибки в других частях предложения. Например:

– Некоторые коматозные пациенты, подающие признаки скрытого восприятия, обладают удивительно хорошо сохранившимися **мыслительными структурами**, характерными для взрослых здоровых людей.

– Удивительно, но некоторые коматозные пациенты, демонстрирующие **признаки скрытой осведомленности**, имеют такие же нейронные связи, как и у здоровых людей.

Как и в случае с первой группой Ии, были сделаны ошибки, связанные с добавлением нового смысла, некорректным использованием терминологии, опущением непонятных деталей, и эти ошибки в целом примерно такие же.

Ко второму предложению был дан следующий комментарий: *Речь астронома Карла Сагана, в которой он говорит о фотографии Земли, сделанной спутником с рекордного расстояния.*

В этом случае были упомянуты слова *Земля* и *фотография*, что давало Ии намёк на возможный перевод местоимения и вообще интерпретацию смысла, в результате 14 человек «справились» с заданием. При этом, судя по переводам, в 9 из 14 случаев предложения были переведены с опорой на ситуацию.

Для третьего предложения ситуация была сформулирована следующим образом: *Научная статья по психологии о взаимосвязи возбуждения и принятия решений.*

Как и в первой группе, здесь было 7 Ии, которые правильно перевели предложение. Однако стоит отметить, что в первой группе было всего 9 испытуемых, которые перевели словосочетание *being aroused* как *состояние возбуждения*, во второй же группе явно заметно, что термин *возбуждение* был заимствован из описания ситуации, так как 19 испытуемых из 21 воспользовались этим словом, что свидетельствует как раз об опоре на ситуацию. Наиболее характерные примеры:

– Все правильно и хорошо; нет ничего необычного в том, чтобы находиться в **возбуждённом** состоянии. Кроме того факта, что исключительно высокий **уровень возбуждения**, предшествующий принятию решений, часто приводит к принятию не лучших решений.

– Нет ничего плохого в состоянии **возбуждения**. Исключая те случаи, при которых повышенная **степень возбуждения** влияет на принятие решений, в результате чего решение оказывается недостаточно хорошим.

В четвёртом предложении ситуация была обозначена только указанием стиля: *Отрывок из художественного произведения*. При указании темы или сюжета произведения Ии. могли бы очень легко догадаться, что предложение было взято из «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери, что существенно повлияло бы на переводы.

Из 21 испытуемого 13 перевели предложение правильно.

При этом в отличие от соответствующего предложения в первой группе практически все предложения стилистически выдержаны. Однако некоторые Ии решились дать волю своей фантазии:

– Баобаб это то, что вы никогда не сможете оставить, если вы начали **принимать это**.

– Баобаб – это то, от чего вы когда-либо будете иметь возможность избавиться, если вы **попробовали, то уже слишком поздно**.

Последнее предложение, как и в первой группе, стало исключением. Ситуация была сформулирована следующим образом: *Статья о проблеме вагонетки: язык, на котором задаётся вопрос, влияет на принятие решения.*

Несмотря на то, что была упомянута проблема вагонетки, из 21 Ии верно перевёл предложение только один человек, остальные, как можно полагать, не знали, в чём заключается эта проблема. Причём из этого верного перевода не ясно, знал ли И, что это такое, или просто случайно сформулировал перевод верно. В остальных случаях ошибки были такие же, как и в первой группе: Ии пытались передать смысл предложения наиболее адекватно, встраивая его во внутренний контекст и добавляя новые смыслы. Причём сохраняются те же тенденции, что указывает на влияние внутренне-

го контекста – у большинства Ии в сознании возникают примерно одинаковые типичные ситуации. Например:

– *В том случае, когда людям предоставляют выбор на иностранном языке, они чаще выбирают **избавиться от слабого звена для общей пользы**.*

– *В особенности, если людям задать **неудобный вопрос** на другом языке, они скорее **избегают его, чтобы не создавать неловкости**.*

– *Особенно, когда людям задают **длинный, замысловатый вопрос** на иностранном языке, они скорее **проигнорируют его**.*

Принимая во внимание все описанные выше примеры, можно сделать следующие предварительные выводы. Ии второй группы обращают внимание на ситуацию, однако это не оказывает сильного положительного эффекта на перевод, так как соотношение правильных и неправильных предложений осталось примерно на том же уровне, как и в первой группе. Всего из 105 переводов в 32 была чёткая ориентация на ситуацию, однако в предложении про баобаб это было невозможно отследить (ситуация была выражена очень пространно), а в предложении про проблему вагонетки никто не понял, о чём идёт речь. Из описания ситуации Ии взяли отдельные термины и встроили их в свой внутренний контекст, что выражалось в том, что отдельные слова были переведены верно, однако в целом предложения имели расхождения в смысле.

Рассмотрим теперь, какими особенностями обладают предложения, переведённые в небольшом вербальном контексте. В данную группу входило 24 Ии, которым было дано задание перевести не только интересующее нас предложение, а весь отрывок целиком.

Первое предложение стояло в конце предложеного нами смыслового отрывка, в данном случае наблюдается резкое увеличение правильных вариантов: 9 испытуемых из 24 перевели предложение верно. Для сравнения: в первой группе верных переводов было 3, во второй – 4. Некоторые характерные примеры верно перевода:

– *Некоторые пациенты с таким диагнозом (ранее в переводе: **диагноз «кома́тозное состояние»** – А. Я.), **показавшие скрытую осознанность, имеют, вероятно, хорошо сохранившуюся систему нейронов, как у здоровых людей**.*

– *Некоторые коматозные пациенты, **подающие признаки сознательности, весьма, однако, скрытые, имеют такую же фиксированную нейронную связь, как и здоровые подростки**.*

Очевидно, что Ии в целом лучше понимают, о чём идёт речь в данном предложении, более точно используют терминологию, лучше подбирают слова из синонимического ряда, которые часто связаны с предыдущими предложениями переводного текста.

Второе предложение находилось в середине отрывка и, соответственно, было более тесно связано как с предыдущим, так и с последующим контекстом. Из 24 Ии 13 перевели предложение верно. Примеры верно перевода:

– ***Она – наш дом. На ней – все, кого вы любите, все, кого вы знаете, о ком вы слышали, каждый из тех, кто жил, живет и будет жить.***

– ***Земля. Это наш дом. Это мы. Здесь все, кого ты любишь, знаешь, о ком ты когда-то слышал, каждый человек, когда-либо живший на Земле.***

– ***Она здесь. Это наш дом. Это и есть мы. На ней все, кого вы любите, кого знаете или о ком когда-либо слышали, каждый когда-либо существовавший человек, проживший свою жизнь.***

Как видно из примеров, из-за наличия связи с контекстом в данном предложении высока вариативность его первой части, по этой же причине Ии использовали разнообразные лексические средства, чтобы передать смысл предложения, и меняли синтаксическую структуру.

Следующее предложение также находится в середине сверхфразового единства. В данном случае 12 Ии перевели предложение верно, и так как они не были ограничены темой текста и ситуацией, вариативность перевода увеличилась. Например:

– ***Все это совершенно нормально и естественно: нет ничего плохого в самом факте возбуждения, кроме, конечно, влияния повышенного уровня возбуждения на решения, которые мы принимаем.***

– ***Это все хорошо и замечательно. Нет ничего дурного по своей сути в процессе возбуждения. За исключением того факта, что повышенный уровень возбудимости, который предшествует принятию решений, может быть соотнесён с принятием необдуманных решений.***

Изменение семантико-синтаксической структуры высказывания означает, как можно предположить, что Ии привязывали предложение к контексту и встраивали его в сверхфразовое единство целиком, а не просто копировали грамматику.

Следующий пример является отличным показателем взаимосвязи отдельного предложения с вербальным контекстом. Он был дан в контексте произведения.

Из 24 Ии 16 перевели предложение верно, при этом 1 человек догадался, из какого произведения взят отрывок (как он сообщил в ходе беседы после эксперимента), и ещё один оставил на бланке комментарий «похоже на сказку». В целом Ии поняли, к какому стилю принадлежал отрывок, и поэтому были более свободны в подборе языковых средств, как лексических, так и синтаксических. Например:

– ***Если вы не побеспокоитесь об этом заранее, вы никогда, никогда не сможете избавиться от баобаба.***

– ***А баобаб – это такое растение, от которого вы никогда и никак не сможете избавиться, если слишком поздно спохватиться.***

Последнее предложение было последним и в отрывке, что позволило ввести Ии в курс дела и дать понять, о чём идёт речь. 16 Ии из 24 верно перевели предложение. Во многих случаях наблюдалась сильная взаимосвязь с предыдущим контекстом:

– ***Это значит, что когда людям задают вопрос о толстом человеке на иностранном языке, они склонны совершить убийство по отношению к нему ради блага других людей.***

– ***Особенно в тех случаях, когда вопрос о толстяке (проблема вагонетки) задаётся на иностранном языке. Тогда большинство людей с большей вероятностью готовы пожертвовать им, чтобы спасти остальных.***

Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что контекст уменьшает количество синтаксически однородных предложений, так как, чётко понимая общий смысл высказывания, Ии по-разному выражают одну и ту же мысль, а также потому, что языковые средства, уже использованные в тексте перевода, обуславливают средства, используемые для перевода данного предложения. При отсутствии контекста Ии более склонны выражать свою мысль исключительно в рамках данной синтаксической структуры и словарных соответствий, не имея возможности или достаточных оснований что-то изменить.

Ситуация, вербальный и внутренний контекст влияют на перевод системно, но роль каждого из этих факторов неодинакова. Системный характер их взаимодействия получает только благодаря внутреннему контексту, образу мира.

При переводе без контекста наблюдается расширение смысла исходного текста с целью объяснения того, что именно поняли Ии. Кроме того, в переводе без контекста зачастую наблюдается добавление новых слов, которые отсутствовали в оригинале. Это может быть связано с тем, что у каждого человека свой уникальный внутренний лексикон, и при отсутствии контекстной опоры Ии встраивают имеющиеся данные в своё сознание при главенствующей роли вероятностного прогнозирования.

Знание ситуации обеспечивает лучшее понимание смысла предложения, но ограничивает выбор лексических единиц. Испытуемые ориентировались на сформулированную нами ситуацию и выбирали лексические средства в соответствии с указанным функциональным стилем или темой текста. Знание ситуации даёт более полное понимание смысла высказывания или его элементов, но не влияет на синтаксис, который

зависит либо от внутреннего, либо от вербального контекста, но почти никогда от ситуации.

Перевод с опорой на контекст не сужает вариативность лексических единиц, а наоборот, расширяет её, так как обеспечивает наилучшее понимание оригинала и даёт возможность наиболее разнообразными средствами выразить смысл. Кроме того, индивидуальный внутренний лексикон также влияет на выбор лексических средств, расширяя вариативность перевода, но лишь в том случае, когда в нём актуализируется значение слова, соответствующее вербальному контексту, что и даёт индивиду возможность лучше оперировать другими значениями, связанными с данным (например, синонимичными). Вербальный контекст может в некоторых случаях заменять ситуацию: на основе даже небольшого отрывка наши Ии были способны создать в своём сознании адекватный образ содержания текста и верно предположить тематику и стиль текста, что позволяло подобрать наиболее приемлемые для передачи смысла лексические и грамматические средства.

Общая тенденция такова: от первой группы Ии к третьей количество верных переводов возрастает, семантическая вариативность переводов сужается, а лексико-грамматическая расширяется, разумеется, последнее происходит в рамках, задаваемых функциональным стилем и уже переведённой части текста.

Эксперимент показывает также, что вербальный контекст и ситуация (или, можно сказать, узкий и широкий вербальный контекст соответственно) полифункциональны: информация, недостающая в вербальном контексте, может быть почерпнута из ситуации, но только при переработке в контексте внутреннем. И наоборот, даже минимальный вербальный контекст сужает возможные интерпретации смысла текста и корректирует выбираемые средства перевода.

Литература

1. Авакян А. А. Перевод как инструмент исследования процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 242 – 246.
2. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
3. Зыкова С. А. Когнитивные стратегии в переводческом процессе // Вест. Челябинск. гос. ун-та. (Серия: Филология. Искусствоведение). 2014. № 6(335). Вып. 88. С. 19 – 21.
4. Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: избранные психологические труды. Воронеж: МОДЭК, 2003. 536 с.
5. Нефёдова Л. А., Ремхе И. Н. От трансформации слов к репрезентации мысли: краткий анализ становления когнитивного подхода в лингвистической теории перевода // Вест. Челябинск. гос. ун-та. (Серия: Филология. Искусствоведение). 2014. № 6(335). Вып. 88. С. 32 – 34.
6. Рубакин Н. А. Библиологическая психология. М.: Академический проект; Трикста, 2006. 800 с.

Информация об авторе:

Яковлев Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск), mr.koloboque@rambler.ru.

Andrey A. Yakovlev – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе, соответствующие тематике журнала, и ранее не опубликованные ни в каких других изданиях. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований. Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются по установленному графику:

– в № 1 (март) – до 1 февраля текущего года;	– в № 3 (сентябрь) – до 1 августа текущего года;
– в № 2 (июнь) – до 1 мая текущего года;	– в № 4 (декабрь) – до 1 ноября текущего года.

В исключительных случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема статьи в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на две недели.

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением .doc, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородные авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение¹ о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. Статьи обучающихся (аспиранты, магистранты, студенты) вузов и научных организаций России, а также сотрудников КемГУ, работающих над диссертационными исследованиями, темы которых утверждены ученым советом университета, публикуются при наличии рекомендации научного руководителя (научного консультанта) и (или) решения кафедры. Статьи обучающихся принимаются для публикации по рекомендации кафедры только в соавторстве с научным руководителем или учеными, являющимися специалистами в соответствующей области науки.

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала, при этом **статьи обучающихся печатаются в журнале бесплатно**.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

¹ Форма экспертного заключения в формате .pdf представлена на [сайте издания](#)

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией² на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2)i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2)j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2}k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках.

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24–28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с [ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»](#). Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по [ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила»](#). Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках**: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

² Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на [сайте издания](#).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Редакторы выпуска:

Н. В. Рабкина, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – В. А. Шерина

Подписано к печати 02.11.2015 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 23.11.2015 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 34. Уч.- изд. л. – 34,22.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. 40 лет Октября, 1б.